

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

О. П. Володьков

**КОНЦЕПЦИЯ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА
М.Н. ПОКРОВСКОГО
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(1918–1932 гг.)**

Монография

2011

УДК 330.123.7
ББК 65.011
В689

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензенты:
д-р ист. наук *А.П. Толочко*,
д-р ист. наук *В.Н. Худяков*

Отв. редактор – д-р ист. наук *Ю.А. Сорокин*

Володьков, О. П.

В689 Концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.) : монография / О. П. Володьков; [отв. ред. Ю.А. Сорокин]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 568 с.

ISBN 978-5-7779-1336-4

Рассматривается эволюция исторических взглядов крупнейшего историка-марксиста М.Н. Покровского в 1918–1932 гг. Осуществляется реконструкция концепции торгового капитализма учёного на основе работ, написанных им в советский период, даётся её определённая интерпретация. Анализируются взгляды советских историков-современников М.Н. Покровского на торговый капитализм в его изображении, наиболее полно освещается развитие марксистской исторической науки в СССР на его ранних этапах.

Для специалистов по историографии отечественной истории, преподавателей истории, студентов исторических факультетов вузов, а также всех интересующихся проблемами развития исторической науки в России.

УДК 330.123.7
ББК 65.011

ISBN 978-5-7779-1336-4

© О. П. Володьков, 2011
© ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. МЕСТО И РОЛЬ М.Н. ПОКРОВСКОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	16
1.1. М.Н. Покровский и историки старой школы	17
1.2. М.Н. Покровский и международные связи советских историков	31
1.3. М.Н. Покровский и советские историки-марксисты	33
1.4. Дискуссии в советской исторической науке	62
1.5. Начало ленинского этапа развития советской истори- ческой науки	65
1.6. История и политика	69
1.7. Противоречия научного исследования	71
Глава II. РАЗВИТИЕ М.Н. ПОКРОВСКИМ СВОЕЙ КОНЦЕПЦИИ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА В РАБОТАХ 1918–1932 гг.	77
2.1. Эволюция взглядов М.Н. Покровского на торговый капитализм в первые послереволюционные годы	77
2.2. Осмысление учёным своей концепции торгового капитализма и её вклада в марксистское понимание русской истории в середине 1920-х гг.	123
2.3. Корректировка М.Н. Покровским концепции торгового капитализма на завершающем этапе своей научной деятельности (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)	222
Глава III. КРИТИКА СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ- МАРКСИСТАМИ КОНЦЕПЦИИ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА М.Н. ПОКРОВСКОГО (1920-е – начало 1930-х гг.)	345
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	516
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	530

Введение

Представленная вниманию читателя книга посвящена стержневой составляющей исторических взглядов крупнейшего отечественного историка-марксиста первой трети XX в. М.Н. Покровского – его концепции торгового капитализма. В представлениях учёного торговый капитализм носил многогранный и многоуровневый характер, объединял важнейшие и разноплановые компоненты истории России. Как определённая концепция он был продуктом переработки в марксистском ключе наиболее современных достижений исторической мысли рубежа XIX–XX веков. Исследования М.Н. Покровского были кульминационным пунктом «экономико-материалистической» (в самом широком смысле) тенденции в русской историографии, в отдельных фрагментах и с разной степенью концентрации «разбросанной» едва ли не по всему «полю» этой науки. Вместе с тем взгляды и сочинения М.Н. Покровского имели исключительное влияние на раннюю марксистскую историографию советского периода, признанным лидером которой он являлся. Да и последующий путь развития исторической науки в СССР не остался без влияния «схем» М.Н. Покровского, так как она обновлялась в борьбе с ними. Своими работами и своей судьбой он занял едва ли не центральное место в её функционировании, по крайней мере до середины XX века. Концепция торгового капитализма была, пожалуй, главным научно-историческим изобретением М.Н. Покровского. Эта особенность выводит её на первый план во всём, что касается творчества учёного, включая общественно-политические и иные аспекты.

Роль М.Н. Покровского в отечественной науке и его творчество оценивались советскими историками периода середины 1930 – середины 1950-х гг. преимущественно негативно¹. Вместе с тем это был один из немногих сюжетов, раскрывая который, можно было сказать о М.Н. Покровском что-нибудь положительное. В этой связи чаще всего упоминались его усилия по созданию советских

научных организаций и борьба с буржуазной историографией². В условиях известной «реабилитации» М.Н. Покровского в конце 1950-х – начале 1970-х гг. эта тенденция получила дальнейшее развитие. Вклад учёного в институализацию советской исторической науки, подготовку кадров историков-марксистов теперь вообще расценивался достаточно позитивно³. При этом, правда, сохранялись известные ограничители. Во-первых, исключались возврат к исторической концепции М.Н. Покровского, актуализация его научно-исторического наследия⁴, хотя доброжелательное отношение к «славному прошлому» вполне допускалось. Во-вторых, выделение каких-то позитивных моментов в деятельности М.Н. Покровского, как правило, сопровождалось разного рода оговорками, уравновешивалось указаниями на его ошибки и т. п.⁵ После короткого периода «увлечения» (в годы перестройки) теми большевистскими деятелями, которые считались противниками И.В. Сталина, а следовательно, представителями некоей альтернативы его политическому курсу, в начале 1990-х гг. быстро возобладал негативный взгляд на всё советское, коммунистическое, а значит, и большевистское. М.Н. Покровский получил своеобразный статус разрушителя подлинной исторической науки, подменившего её определённой идеологией. Историческая концепция учёного наконец-то после многих лет колебаний могла быть признана марксистской, правда, теперь как раз поэтому и неприемлемой. Однако подобная позиция в науке не была тотальной и безальтернативной, так как она, конечно, не могла устроить тех людей, которые рассматривали себя как неангажированных профессиональных исследователей. Эти авторы, естественно, не переходили на марксистские позиции и в этом смысле оставались оппонентами М.Н. Покровского. В то же время они не замалчивали те аспекты и стороны его деятельности, которые сами же считали, по крайней мере, не лишёнными какого-то позитивного начала. Речь шла о том, чтобы посмотреть на М.Н. Покровского как на фигуру сложную, противоречивую, трагическую. Впрочем, наибольшие достижения у историков постсоветского периода были не в области изучения его исторической концепции, которой вообще уделяется не так много внимания, а в сфере рассмотрения его политической и научной биографии (А.А. Чернобаев, А.Н. Артизов)⁶. В связи с этим рассматриваются разнообразные обстоятельства его жизни, влиявшие на

неё условия места и времени, взаимодействие с властными инстанциями и персонами, отношения с коллегами, методы борьбы с оппонентами и т. п. Короче говоря, и здесь на первый план выходит не история научных проблем, а история научных сообществ. Впрочем, деятельность историков на данном направлении мы расцениваем как необходимую и успешную хотя бы потому, что выявляется и обрабатывается огромный массив фактов, на основе которых можно создавать что-либо научно достоверное.

Самая «страдательная» роль из всех научных изысканий М.Н. Покровского была суждена «торговому капитализму». В период активного изживания «покровщины» эта концепция была возведена в ранг его главной ошибки, признана немарксистской, некритично заимствованной из арсенала «враждебной» историографии⁷. Любопытно, что подробного обстоятельного разбора взглядов М.Н. Покровского на торговый капитализм так и не произошло, по этому поводу не вышло никаких специальных работ. Обычно «торговый капитализм» критиковали попутно при обсуждении каких-то других вопросов в том смысле, что они трактовались М.Н. Покровским в том числе и с этих позиций, а значит, ещё более ошибочно. Кстати, и в дальнейшем, при пересмотре в лучшую сторону отношения к учёному и его концепции, применительно к «торговому капитализму» почти ничего не изменилось⁸. Были новации в частности. Они возникали тогда, когда историк писал достаточно большую по объёму работу о М.Н. Покровском, в которой скрупулёзно, детально анализировал его построения⁹. В результате какой-то осторожный позитив мог прозвучать если и не в адрес самого «торгового капитализма», то в отношении рассмотрения учёным каких-то связанных с ним явлений и процессов. Выяснялось, что историк всё-таки писал что-то «правильное» и о торговле, и о товарно-денежных отношениях, и о внешнем рынке. Правда, из этого не делалось каких-то далеко идущих выводов. Казалось бы, с наступлением в отечественной исторической науке на рубеже 1980–1990-х гг. новой эпохи ситуация с изучением «торгового капитализма» М.Н. Покровского должна была существенно улучшиться хотя бы потому, что, как выяснили ещё советские историки, эта концепция была, пожалуй, наименее марксистской частью его «схемы». К тому же старые идеологические инвекти-

вы утратили свою актуальность. Однако этого не произошло. Видимо, виной тому отмеченное нами выше смещение фокуса внимания исследователей к другим историографическим темам и задачам. С нашей точки зрения, мешало и общее негативное отношение в постсоветской науке к тому, что означало пресловутый «примат экономики». Причём по давно сложившемуся поверхностному мнению именно М.Н. Покровский на этом направлении особенно «отличился». Тем не менее следует констатировать, что ориентация современных авторов на «объективное» знание о М.Н. Покровском пока не распространилась на «торговый капитализм».

В середине 1930-х – середине 1950-х гг. жёсткой критике были подвергнуты не только построения М.Н. Покровского, но и труды его учеников¹⁰. В число произвольно сконструированной так называемой школы М.Н. Покровского были включены различные советские историки-марксисты, которые пришли в науку, как правило, после 1917 г. и обучались в созданных или возглавлявшихся им учреждениях¹¹. Работы этих авторов были более уязвимы для критики, сами они были менее крупными и известными фигурами, отношение их к взглядам М.Н. Покровского было разным и со временем менялось – всё это создавало более благоприятные условия для «проработки» «учеников» первого «красного профессора», нежели его самого. В результате репрессированные ученики были по сути дела вычеркнуты из историографии, так сказать, списком, без разбора, прочие же основательно каялись и «саморазоблачались». Иными словами, система исторических взглядов М.Н. Покровского, хотя бы как отрицательный пример, всё-таки сохранялась и тиражировалась. Воззрения же его соратников оставалось умозрительно трактовать как ухудшенную версию «покровщины». Волна реабилитации жертв сталинизма, поднявшаяся после XX съезда, затронула и историков. Появилось довольно много посвящённых им публикаций, правда, отличавшихся не столько научной глубиной, сколько призванных сообщить какие-нибудь сведения о герое, по возможности восстановить его «доброе имя» и другое, хотя, несомненно, общий поток приносил и яркие факты, и ценные наблюдения¹². Однако опять-таки недостаточно внимания уделялось именно научным изысканиям «учеников» М.Н. Покровского прежде всего в плане выявления их исто-

рических концепций, особенно в интересующей нас сфере «торгового капитализма». В 1990-е гг., как мы уже отмечали, симпатии научной общественности принадлежали той когорте советских историков, которые были продолжателями, если можно так выразиться, позитивистской традиции, идущей от старой респектабельной дореволюционной профессуры. На этом фоне молодые марксисты 1920-х – первой половины 1930-х гг., видимо, казались не столько учёными, сколько агитаторами и пропагандистами, плохо выучившимися, мало сделавшими и т. п.¹³ В лучшем положении оказались те представители этой когорты, которые и в дальнейшем имели сильные позиции в науке, стали академиками, воспитали учеников и т. п. С одной стороны, их бывает затруднительно игнорировать, с другой – они всё-таки не были «делегитимизированы» как крупные учёные. Уже поэтому приходится разбираться с их произведениями, так сказать, ранних периодов деятельности¹⁴. Вместе с тем нужно признать, что в минувшее двадцатилетие появились диссертационные исследования об историках 1920-х гг., как из числа соратников М.Н. Покровского, так и тех, кто какое-то время работал в русле «торгового капитализма»¹⁵. Конечно, кроме упомянутых в этом кратком обзоре литературы произведений, есть ещё немало работ, представляющих большой интерес в контексте избранной темы¹⁶.

В целом хотелось бы отметить, что со сменой условий развития науки и всего её облика ситуация с «торговым капитализмом» М.Н. Покровского не была в достаточной степени актуализирована и сколько-нибудь удовлетворительным образом разрешена. Достижения советской эпохи здесь также мало чем помогают: выводы, сделанные в то время, были зачастую или односторонними, или фрагментарными; имевшиеся противоречия в границах тогдашней науки преодолены не были; над этой темой довлел груз внешних обстоятельств, политической целесообразности и другого, вплоть до каких-нибудь личных переживаний. Мы исходим из того, что концепцию историка нужно оценивать в рамках тех общих правил, на основе которых она была создана. В случае с М.Н. Покровским речь идёт, разумеется, о марксизме. Вывод о том, что его концепция плоха, потому что он не стал, допустим, неокантианцем, представляется нам научно несостоятельным.

В настоящей работе мы, в сущности, продолжаем исследование, которое было начато в нашем диссертационном сочинении, посвящённом торговому капитализму в исторической концепции М.Н. Покровского на дореволюционном этапе его научной деятельности¹⁷. Но тогда речь шла прежде всего о формировании, а не об «эксплуатации» концепции торгового капитализма, хотя «генетическая» преемственность и впоследствии оставалась преобладающей. Изменения наслаивались на уже существующий массив данных.

Предметом настоящего исследования является развитие марксистских взглядов на отечественную историю, его объектом – концепция торгового капитализма М.Н. Покровского и отношение к ней в советской историографии.

Цель данной монографии – выявление содержания и сущности концепции торгового капитализма М.Н. Покровского на советском этапе её эволюции и определение её места в отечественной марксистской историографии при жизни учёного. Для достижения поставленной цели необходимо последовательно раскрыть три аспекта избранной темы, что будет осуществлено в главах настоящего исследования.

В первой главе мы раскроем роль М.Н. Покровского-учёного в советской исторической науке 1918–1932 гг. Без этого невозможно решить стоящие перед нами задачи. Ведь судьба концепции торгового капитализма, её воздействие на научную и шире – общественную среду во многом определялись статусом историка в советской системе социальных отношений и ценностей, которая пронизывала в том числе и научное сообщество. В то же время сам «торговый капитализм» М.Н. Покровского, а особенно те изменения, которые данная концепция претерпевала, в значительной степени были следствием и отражением и его исторической концепции в целом, кстати, изрядно «эмансипировавшейся» от своего создателя, живущей уже какой-то своей жизнью, и разнообразных проявлений социальной реальности, как это и бывает на изломе эпох, весьма неустойчивой, неясной и непредсказуемой. Конечно, в данной части исследования мы не претендуем на полное, всестороннее, исчерпывающее освещение места М.Н. Покровского в системе Советского государства, идеологии, науки и

т. п. Мы собираемся лишь обрисовать внешние контуры, задать некие общие рамки, которые были бы достаточными для раскрытия темы нашего исследования. Иными словами, мы сосредоточимся на тех аспектах творческой деятельности, научной биографии М.Н. Покровского, которые, с нашей точки зрения, важны для лучшего понимания «торгового капитализма».

Во второй главе мы выявим содержание концепции торгового капитализма М.Н. Покровского на послереволюционном этапе научной деятельности историка, установим, какие изменения в ней происходили, как она обновлялась, проанализируем то, каким образом сам М.Н. Покровский использовал эту свою концепцию, как к ней относился. Большое внимание будет уделено проблеме пересмотра им своих взглядов на торговый капитализм. В процессе изучения данного материала мы будем учитывать следующую периодизацию их эволюции. Первый её этап охватывает 1918–1921 гг. Второй включает в себя творчество М.Н. Покровского, относящееся к 1922–1927 гг. Граница между ними определяется тем, что в 1922 г. в адрес учёного впервые в советский период прозвучала серьёзная критика (в лице Л.Д. Троцкого), имеющая прямое отношение к его «торговому капитализму». Третий этап охватывает произведения и выступления историка, датируемые 1928–1932 гг. Именно с 1928 г. М.Н. Покровский, с нашей точки зрения, начал корректировать свою концепцию торгового капитализма на более или менее регулярной основе.

В третьей главе мы рассмотрим взгляды советских историков-марксистов из числа современников М.Н. Покровского, которые они высказывали по поводу торгового капитализма, имея в виду как их собственные предложения на этот счёт, так и отношение к воззрениям своих единомышленников и оппонентов, прежде всего к соответствующей концепции М.Н. Покровского. В центре нашего внимания здесь будут дискуссии об общественно-экономических формациях 1929–1930 гг., в которых, как мы считаем, наиболее полно, конкретно, подчёркнуто отразилась проблематика торгового капитализма. Из предшествующего периода мы выбрали узловые моменты дискуссионного характера, позволяющие хотя бы «пунктирно» наметить, проследить определённую тенденцию в развитии темы, которая результировалась в пересмотре концеп-

ции торгового капитализма. Для последующего этапа нам было важно развёртывание тех процессов в науке, разумеется, в отношении торгового капитализма, которые были инициированы в ходе освоения советскими историками марксистского учения о формациях. В конечном счёте речь идёт о поиске некоего, на первый взгляд парадоксального, формата сохранения «торгового капитализма» в условиях его преодоления.

Мы ограничиваем изучаемый нами торговый капитализм в изображении М.Н. Покровского определёнными, хотя и не строгими хронологическими рамками, а именно XVI – серединой XIX века. Конечно же, по необходимости нам придётся обращаться и к более ранним, и особенно к более поздним эпизодам из истории «торгового капитала» для обеспечения большей ясности в некоторых вопросах, а также потому, что размышления М.Н. Покровского во избежание искажений лучше «прочитать» до конца.

Мы намерены реконструировать и интерпретировать концепцию торгового капитализма М.Н. Покровского. Необходимость этого определяется тем, что историк не дал систематического изложения своих взглядов на торговый капитализм. О нем он не написал ни одной специальной статьи, не говоря уже о каких-то более крупных работах. Значит, у исследователя творчества учёного нет другого выхода, кроме как обнаружить, извлечь и систематизировать имеющиеся в многочисленных публикациях М.Н. Покровского положения, касающиеся торгового капитализма. Получается, что мы должны будем воссоздать эту концепцию. Неправильно было бы полагать, что это может быть сделано методом простого сложения разных заимствованных из работ М.Н. Покровского отрывков. Следовательно, естественным образом неизбежна «параллельная» интерпретация построений историка хотя бы потому, что связи между упомянутыми отрывками будут устанавливаться нами. В процессе реконструкции мы будем ориентироваться не только на понятие «торговый капитализм», но и на «смежные» термины (торговый капитал, денежное хозяйство, рынок и другое), а также на контекст, в котором все они упоминаются. Кроме того, будут рассмотрены альтернативы торговому капитализму, действительные и кажущиеся, его соотношение с другими экономическими и политическими системами, с которыми он сосуществовал. Например, если применительно к XIX веку М.Н. Покров-

ский упоминал не только торговый капитализм, но и крепостничество, промышленный капитализм, мы должны будем определить характер их взаимосвязей. Задачи интерпретационного характера определяются также объективными трудностями восприятия концепции учёного, диктуемыми условиями места и времени, особенностями его творческого «почерка», манеры подачи материала. Например, в описании, объяснении тех или иных исторических событий, допустим в 1920-е и 1970-е гг., имелись очевидные различия. То, что в первом случае было общепринятым и само собой разумеющимся, во втором, в силу изменившегося восприятия, зачастую казалось какой-то нелепостью, недоразумением. Некогда приемлемое с точки зрения марксизма высказывание впоследствии представлялось странным, «еретическим», «неграмотным». Короче говоря, требуются услуги «переводчика» с одного «языка» науки на, в сущности, тот же, но до известной степени изменившийся. Это важно потому, что иногда за разной терминологией скрывается по большому счёту одинаковое понимание какого-либо события. Нельзя не учитывать и склонности М.Н. Покровского к широким, смелым, даже «дерзким» обобщениям, его манеры быстро переходить от одного важного вопроса к другому, от одной эпохи к другой, «в двух словах» характеризовать какие-то крупные исторические периоды и проблемы. Обладая несомненным литературным талантом, учёный в своих сочинениях не всегда использовал «строго научную» терминологию, да и ту иногда в «широком» смысле, не имея в виду стоящего за понятием чёткого определения. Это многократно касалось таких понятий, как буржуазия, революция и т. п. Конечно, при внимательном прочтении и тщательном изучении всё здесь становится довольно очевидным. М.Н. Покровский придерживался научного подхода к истории, и значение того или иного понятия в его редакции может быть установлено достоверно и основательно. Интерпретация неизбежна ещё и потому, что каждый историк, занимающийся изучением чьей-либо исторической концепции, даёт какое-то своё понимание предмета. У разных исследователей не может быть двух одинаковых версий одной и той же концепции.

В рамках своего исследования мы достаточно редко комментируем мнения других историков по рассматриваемым в нём вопросам. К объективным причинам этого можно отнести осо-

бенности соответствующей литературы. Историки высказывались о торговом капитализме либо кратко и в общем виде, либо давая сжатую оценку какому-то отдельному произведению учёного, либо констатируя какое-либо изменение в его творчестве. «Технически» всё это плохо укладывается в избранную нами аналитическую модель, хотя, разумеется, достойно внимания. Субъективным фактором является то, что, с нашей точки зрения, отношение историков, писавших о концепции М.Н. Покровского, к его «торговому капитализму» заслуживает специальной работы монографического характера и объёма. Эта аргументация не распространяется на тех авторов из числа его современников советского периода, которые писали о торговом капитализме как в рамках самостоятельного научного исследования, так и применительно к соответствующим построениям М.Н. Покровского. Над их сочинениями будет проделана, в сущности, та же самая работа, что и над произведениями М.Н. Покровского.

В качестве источниковой базы исследования нами были привлечены многочисленные и разнообразные работы М.Н. Покровского 1918–1932 гг., включая найденные в архивах неопубликованные материалы. Естественно, в центре нашего внимания оказались те источники, в которых так или иначе раскрывается проблематика торгового капитализма. В этом случае мы обращали внимание даже на мелкие детали, частности и т. п. Таким образом, нами были задействованы как исследования М.Н. Покровского концептуального характера, затрагивавшие либо историю России в целом, либо достаточно общие ее вопросы, так и произведения, посвящённые отдельным её сюжетам, эпизодам, включая словарные статьи, некрологи, предисловия М.Н. Покровского к переизданиям его работ и др.¹⁸ Отдельно стоит упомянуть те его публикации, в которых он полемизировал со своими оппонентами по интересующей нас теме¹⁹. Нами также были привлечены произведения М.Н. Покровского историографического характера²⁰, которые помогают выявить группы исследователей, сочинения которых в известной степени способствовали складыванию концепции торгового капитализма либо, наоборот, с этой точки зрения не содержали в себе ничего примечательного. Среди неопубликованных работ М.Н. Покровского нам наиболее интересны его лекции, вы-

ступления на конференциях и семинарах²¹. С одной стороны, их автор не был скован всякого рода формальностями, мог быть более откровенен, что позволяет получать весьма ценную информацию о торговом капитализме в том числе. С другой стороны, к ней нужно относиться с известной осторожностью, поскольку многие высказывания, которые делаются в таких случаях, не являются выверенными и отточенными. Провоцирующий излишнюю краткость и скомканность изложения недостаток времени часто приводит к передержкам, оговоркам, недосказанности, односторонности и пр. Такие моменты нужно сначала констатировать без обвинительного «уклона», а затем сопоставлять с другими высказываниями автора и уже тогда определять, что здесь было принципиальным, а что – случайным. Хотелось бы отметить, имея в виду прежде всего первую главу настоящего исследования, что мы не ограничивались лишь теми источниками, в которых содержится какое-либо упоминание о торговом капитализме. Мы привлекали и те материалы, которые позволяют раскрыть вопрос о месте М.Н. Покровского в советской исторической науке²², конечно, в объёме, не выходящем за рамки задач настоящего исследования.

Кроме того, в его источниковую базу мы, разумеется, включили и неопубликованные произведения современников М.Н. Покровского из числа молодых историков-марксистов, в основной своей массе начавших свой путь в науке в 1920-е гг.²³ Причём мы сосредоточились не столько на работах, в которых они излагали свои взгляды на торговый капитализм, сколько на произведениях, носящих полемический характер. Речь идёт прежде всего о материалах соответствующих дискуссий, выступлениях по поводу тех или иных публикаций в процессе их обсуждения и т. п. Дело в том, что эти источники доносят до нас ценную информацию об отношении историков-марксистов к торговому капитализму в изображении М.Н. Покровского, в их собственной интерпретации, в редакции тех учёных, в марксизме которых приходилось всё более сомневаться. Также нами были привлечены те публикации советских историков, в которых проблематика торгового капитализма приобрела новое отображение и звучание, например, в духе позднего феодализма, переходного периода от феодализма к капитализму, мануфактурной стадии капитализма, периода перво-

начального накопления капитала и т. п. Нами до известной степени были учтены дискуссии, в которых проблематика торгового капитализма затрагивалась не только применительно к истории России. Невозможно, да и не нужно игнорировать то обстоятельство, что торговый капитализм имел место во всемирно-историческом масштабе.

Использованные источники и литература позволили реконструировать и интерпретировать эволюцию концепции торгового капитализма М.Н. Покровского в послереволюционный период его деятельности в контексте соответствующих изысканий молодых советских историков-марксистов с учётом места их главы в процессе становления советской исторической науки. В этом состоит научная новизна данного исследования.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования содержащихся в ней положений и выводов для создания обобщающих работ по истории отечественной исторической науки, при подготовке лекционных курсов, учебников по историографии, а также методических материалов.

Глава I

МЕСТО И РОЛЬ М.Н. ПОКРОВСКОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В центре нашего внимания в данной главе будет деятельность М.Н. Покровского, а именно его взаимодействие с различными субъектами, участвовавшими в научной жизни страны в 1920-е и начале 1930-х гг. Конечно, она состояла из конкретных действий учёного, продиктованных разными причинами и приводящих к различным следствиям. Наряду с этим, большое значение имело отображение условий и предпосылок, управлявших этой деятельностью. Многое в ней было неизбежным, что, конечно, не отменяет свободы выбора. Но если М.Н. Покровский сделал свой выбор, возглавив процесс создания марксистской исторической науки в СССР, то в дальнейшем он стал диктовать учёному определённые варианты поведения. Ведь историк оказался в рамках определённой системы и подчинился её законам, то есть законам более высокого порядка, приоритетным по отношению к индивидуальным интересам, по крайней мере за рамками частной жизни. Внимание было уделено также внутренним противоречиям, касающимся творчества М.Н. Покровского, его идейных исканий.

В настоящей главе речь идёт, в сущности, о двух группах противоречий, определявших положение М.Н. Покровского в советской науке. Первая группа связана с конкретными субъектами, порождавшими те или иные противоречия на фоне объективно складывающейся реальности. Таковыми были, прежде всего, представители властных структур, влиявшие на историческую науку, и сами учёные-историки. Вторая группа противоречий вызвана общественно-историческими процессами крупного масштаба: эволюция советского общества в целом в рассматриваемый период, развитие общественных наук в СССР и т. п. В первом случае речь

может идти, например, об отношениях историков с их кураторами по партийно-государственной линии, во втором – о введении НЭПа или переходе к сталинской модели социализма. Причём обе эти группы не отделены друг от друга какими-то строгими границами.

Выявив основные противоречия, мы не ставили своей задачей раскрытие каждого из них в полном объёме. Их изложение в нашей редакции отнюдь не подменяет историю того или иного вопроса, которую, конечно, нужно изучать специально, более целенаправленно. Здесь же необходимо было выделить главное, наиболее показательное именно в контексте противоречивости той или иной ситуации.

По каждому пункту заявленной темы приводятся конкретные примеры, не претендующие на охват всех имеющихся фактов. Таким образом, нетрудно подобрать факты, расходящиеся с теми, что были использованы в данной главе, и заявить, что на самом деле ситуация в том или ином случае была гораздо более сложной. Однако очевидно, что такие утверждения могли бы только подтвердить наличие определённого указанного нами противоречия, показать его большую глубину, многогранность. Это бы послужило развитию темы, а не опровержению продемонстрированного подхода и выводов.

1.1. М.Н. Покровский и историки старой школы

Разногласия М.Н. Покровского с историками немарксистских направлений были вызваны, прежде всего, научными причинами, проистекали из убеждений самого учёного. «Ниспровержение авторитетов буржуазной науки, стремление к "коренному пересмотру" идей буржуазной историографии, огромного фактического материала, накопленного ею, острая полемичность, доведённая до утверждений "всё это неверно" – таков был стиль Покровского». Главным «в стиле и методе творчества Покровского как историка был антимонархический и антибуржуазный пафос всех его произведений». Он создавал свою историю России «с позиций разоблачения антинародного характера царизма и буржуазии»²⁴.

Именно это лежало в основе подхода М.Н. Покровского к его оппонентам справа, а вовсе не политическая целесообразность или вконец испорченные личные отношения, хотя и эти последние нельзя сбрасывать со счетов.

Противоречие здесь состояло в том, что немарксистская наука рассматривалась им как нечто объективно существующее и, вместе с тем, как нечто преодолеваемое. С одной стороны, для своего нормального роста марксистская историография должна была опираться на достижения своих предшественников. Без этого она бы просто не состоялась. Именно М.Н. Покровский с этой точки зрения был наиболее уместен в качестве главы советских историков-марксистов. Его отличали отменное знание работ «буржуазных специалистов», умение вести с ними научную полемику, сопоставимость научных достижений. Являясь марксистом, М.Н. Покровский в неменьшей степени был продуктом русской классической академической историографии рубежа XIX–XX веков.

С другой стороны, по мере развития марксизма прежняя историческая наука должна была отмирать, так сказать, за ненадобностью. Да, конечно, он взял всё лучшее из предшествующих этапов развития науки, но, взяв это лучшее, фактически упразднил их. Получалось, что с утверждением и развитием марксизма в советской исторической науке само существование какой-то другой исторической науки обесмысливается, а если она ещё продолжает существовать, то лишь как политика, опрокинутая в прошлое. М.Н. Покровский с некоторым мрачным изяществом сформулировал свой идеал: «роскошный мраморный памятник на кладбище идеологий»²⁵.

Но ведь нельзя отменить того факта, что немарксистские направления продолжали развиваться, а в силу этого имели определённые достижения. Не следует забывать и о том, что идея, совместимая с марксизмом, может быть создана не в рамках марксизма, а представителями какого-то другого течения в науке. Как же на всё это реагировал М.Н. Покровский? Пристально наблюдая за развитием исторической науки в целом (не только марксистской), учёный констатировал в лучшем случае сближение тех или иных историков с марксизмом. Но ведь, строго говоря, это было не более чем фактом их биографии, поскольку уже давно

существуют собственно марксисты, которым не нужно сближаться с марксизмом. В таком случае слабо разработанным оставался вопрос об усвоении новых достижений буржуазной науки, наличие которых советские историки время от времени признавали: оценка сделанного оппонентами; отбор и систематизация того, что признано приемлемым для марксиста; включение соответствующих идей в имеющиеся у советских историков концепции и т. д. Очевидно, что такая практика усилила бы марксизм, но именно в его научном компоненте.

Реагируя на данное противоречие, М.Н. Покровский порой ставил в пример своим ученикам какого-нибудь дореволюционного исследователя, давал лестные оценки некоторым своим предшественникам. Глава советских историков-марксистов называл С.М. Соловьёва величайшим русским историком (в докладе «Возникновение русского самодержавия»), А. Допша – очень крупным, Л. фон Ранке – гениальным («хотя тот был и буржуа, и националист, и всё что угодно»)²⁶. Своих единомышленников он оценивал куда более скромно, за исключением, конечно, классиков марксизма. Более того, у М.Н. Покровского можно найти положительные высказывания о некоторых работах М.П. Погодина²⁷, о Д.И. Иловайском как фактографе и популяризаторе. М.Н. Покровский вовсе не считал, что крупным историком может быть только марксист или учёный, имеющий много общего во взглядах на историю с самим М.Н. Покровским. Он ценил «своих предшественников за введение в научный оборот огромного фактического материала, глубокое знание источников, научную добросовестность, литературное мастерство»²⁸.

По мнению учёного, углублявшийся после первой русской революции кризис буржуазной историографии (она «дряхла, рассыпалась, разваливалась») сменился её возрождением, хотя и относительным, временным. Парадоксально, но этому она была обязана «поддержке советской власти, которая была... не капризом, а была неизбежной и необходимой... Если бы не было этого явления, то, не подлежит никакому сомнению, марксистская литература была бы монополистской с самого начала». Может быть, учёный сожалел о такой позиции победившей стороны? Ничуть. Напротив, он считал, что монополизм только повредил бы марк-

сизму, так как «сама, будучи отражением классовой борьбы, общественная наука крепнет именно в борьбе»²⁹.

И всё это при том, что М.Н. Покровский ещё в начале 1920-х гг. прекрасно видел одно возможное следствие такой конкуренции. Он предположил, что кто-нибудь из учеников и последователей С.Ф. Платонова «займётся моральным уничтожением вождей теперешней революции»³⁰. Ю.В. Готье в период заключения Брестского мира дал следующую характеристику М.Н. Покровскому: «Подлец и изменник, способствовавший преданию своего отечества на поток и разграбление немцам... Проклятый, влюбленный в себя квазимодо... Не сделавшись никем другим, он стал Геростратом или, вернее, одним из геростратов России»³¹. По словам В.И. Пичеты, С.Ф. Платонов следующим образом высказался о М.Н. Покровском: «Мне придётся писать об этой гадине...»³². «За постоянные нападки на буржуазную и иную историографию в узком кругу историков М.Н. Покровского презрительно именовали не иначе, как "гнусом"»³³. Складывается впечатление, что некоторые оппоненты М.Н. Покровского с удовольствием расправились бы с учёным, если бы у них была такая возможность. Негативное отношение буржуазных специалистов к М.Н. Покровскому объяснялось идейно-политическими разногласиями. Они не без оснований считали учёного человеком своей выучки и поэтому рассматривали его большевизм как отступничество, предательство. Для них было очевидно то, что М.Н. Покровский является крупным историком, сильным оппонентом, поэтому с ним было сложнее спорить, бороться, чем с иными советскими марксистами, что, кстати, подтвердил опыт сталинского периода. Учёный прекрасно знал слабые места в построениях классиков отечественной исторической науки и их новейших учеников, мог сражаться с ними на их поле их же оружием, что давало ему большие преимущества. М.Н. Покровский «сформировался в постоянной и острой борьбе с буржуазной... историографией, окружённый неприязнью, а часто открытой враждебностью со стороны буржуазной профессуры, подвергаемый постоянным преследованиям со стороны царской цензуры»³⁴. Конечно, в 1920-е гг. историки старой школы вряд ли могли слишком навредить М.Н. Покровскому. Но в 1930-е гг. обстановка повернулась против него: старая шко-

ла была в значительной степени «легализована» в рамках советской историографии, а школа М.Н. Покровского из этой самой историографии исключена.

Был ли М.Н. Покровский сталинистом в науке? Думается, на этот вопрос можно ответить отрицательно. Историк не внедрял сталинизм в науку. С одной стороны, он лишь следовал за тенденцией, преобладавшей в обществе, с другой – поддерживал свой курс, который искренне считал марксистско-ленинским, большевистским. Об этом свидетельствуют многочисленные работы и выступления учёного по различным научно-организационным, образовательным, педагогическим вопросам, свидетельствующие о том, что у него была не только историческая, но и другие концепции. М.Н. Покровский корректировал свой курс лишь после того, как в политической жизни появлялась какая-то определённая ясность. Да и эту определённую ясность он всякий раз стремился повернуть на пользу своему курсу.

А не пытались ли М.Н. Покровский и его сторонники (речь идёт не о всех советских историках-марксистах) всё-таки именно по-сталински сами «рассчитаться» с буржуазными историками? Вот что говорил по этому поводу Г.С. Фридлянд в ходе диспута по книге Д.М. Петрушевского «Очерки экономической истории средних веков» (1928 г.): «Что показала дискуссия? Зачем она нам нужна была? Она нам нужна была не для того, как это пытались здесь изобразить, чтобы во что бы то ни стало разорвать на части Петрушевского. Нас хотят изобразить варварами, которые хотят напасть на науку во имя марксизма. Нет! Но мы будем вести борьбу против варварского наступления на марксизм со стороны модных западноевропейских школ и их русских учеников. Мы постараемся, чтобы у нас в СССР была изжита старая привычка переносить самое... "последнее" слово снятой с последней полки... книги как новое откровение, новое "толкование" марксизма»³⁵. «И Покровский, и Рязанов клялись всеми богами, что Петрушевский – не контрреволюционер, не мракобес, не реакционер, и трогать его нельзя и не следует...»³⁶. Значит, старая историческая наука имеет право на существование, выдвижение идей и концепций, но не должна вторгаться в сферу марксистской науки.

В рамках Недели советских историков в Берлине доклад С.Ф. Платонова «Проблема русского Севера в новейшей историо-

графии» блестяще подтвердил выводы доклада М.Н. Покровского по экономической структуре Севера, о крупной роли туземного и иностранного капитала в регионе, об особенностях крестьянской общины. Эту близость позиций крупнейшего буржуазного историка и ведущего историка-марксиста зафиксировал Е.Б. Пашуканис на заседании Бюро президиума Коммунистической академии 22 сентября 1928 г.³⁷ И это незадолго до «академического дела», и во время, когда критике уже подвергались взгляды марксистов Л.Д. Троцкого, А.Н. Слепкова, С.Г. Томсинского, то есть идейная борьба перекинулась на левый фланг отечественной историографии. «Выступления беспартийной не-марксистской части делегации нанесли сильный удар по предрассудкам, по которым в Советском Союзе уничтожена буржуазная историческая наука и механически подавляются инакомыслящие»³⁸. Лично М.Н. Покровский не слишком активен в проработке Д.М. Петрушевского, не разворачивает исторический фронт против С.Ф. Платонова. «Вредным наростом на теле советской историографии» С.Ф. Платонов для М.Н. Покровского стал только после того, как его судьба была окончательно решена.

Ещё Л.В. Иванова предположила, что заявления М.Н. Покровского, направленные против буржуазных учёных, были «выражением возросшего в те годы недоверия к старым кадрам» вообще³⁹. Каков же круг этих «старых кадров»? Известно, что расследование «дела Академии наук» частично затронуло некоторые учреждения, находившиеся в сфере влияния М.Н. Покровского. Имеется в виду ленинградское отделение Центрархива⁴⁰. Было не вполне ясно, кого данное расследование, осуществляемое ОГПУ, сможет охватить *в конечном счёте*. Более того, в 1929 г. одновременно с разгромом буржуазной науки развернулась борьба с вульгарно-экономическим подходом к истории, со схематизмом, механистической трактовкой исторического процесса⁴¹. Причём именно эта последняя заняла у исторического фронта гораздо больше сил и времени.

Вообще, М.Н. Покровский был искренне убеждён в том, что марксизм является следующей стадией развития исторической науки, которая приходит на смену буржуазной историографии. Поскольку марксизм обладает по сравнению с ней несомненными

преимуществами, которые пока не вполне очевидны ввиду трудностей роста марксистской исторической науки в СССР, то он вытеснит устаревшую историческую науку, лишённую притока свежих кадров и живущую прошлым. При этом всё, что есть в ней живого, перейдёт к марксистам, строящим свою Коммунистическую академию.

«Вся история марксистской революции в России может быть понята только человеком, который стал сам на марксистскую точку зрения. Иначе мы действительно оказываемся перед необъяснимым, перед ч у д о м»⁴². У этого взгляда была и своя теоретическая подкладка. М.Н. Покровский считал, что буржуазная наука достаточно объективна, стремится к установлению истины тогда, когда буржуазия находится на пути к власти или только что оказалась у власти. После кристаллизации буржуазного строя, тем более со вступлением его в нисходящую фазу развития, его идеология, общественные науки всё чаще отклоняются от объективности и даже перестают стремиться к ней, порой не стесняясь это прямо декларировать. Закат капитализма означает, что всякий передовой учёный должен перейти на точку зрения уничтожения отжившего общественного строя, а тот, кто не сделал этого, вынужден будет доказывать его прочность вопреки фактам. Значит, он будет заниматься не историей, а политикой. Марксист же имеет то преимущество, что представляемый им общественный строй переживает подъём, а значит, средствами марксистской науки указывает народам мира цель, к которой они должны стремиться. Исходя из этого, разгром соответствующими государственными органами буржуазных научных институтов не возмутителен, а, скорее, просто не нужен. Кроме того, сам процесс этого разгрома неизбежно усиливал эти органы, ослаблял позиции историков-марксистов во власти, стимулировал междоусобную борьбу в советской науке, приводил к принятию ряда некомпетентных решений.

М.Н. Покровский так определял изменившееся с конца 1920-х гг. место государства в научном мире. Сначала, до революции, торжество марксизма в исторической науке обеспечивали «наиболее, правда, могучие из нас... в самых исключительных по внешней обстановке условиях». Затем с 1917 г. «мы» овладели

властью, располагаем «всеми средствами государства», однако решаем ту же задачу. Какую же роль здесь играет государство? «Теперь условия для нас чрезвычайно благоприятны». Историки-марксисты обеспечили сам факт победы над общими противниками в науке, а государство помогло ускорить этот процесс. В связи с этим, по предположению М.Н. Покровского, к середине 1930-х гг. ему «говорить о каких бы то ни было остатках буржуазной довоенной идеологии в обществоведении не придётся»⁴³. Обратим внимание, что историк выразился достаточно аккуратно, оставив за скобками как современные буржуазные, так и левые, близкие к марксизму идеологии. Видимо, размежевание в среде историков-марксистов создавало трещины, в которые проникали опровержения ортодоксального марксизма под видом своего рода неомарксистских построений. В таком подходе М.Н. Покровский не находил ничего странного. Ведь раньше власть принадлежала буржуазии и её историкам, теперь обстановка поменялась: право и возможность осуществлять свою власть получили историки-марксисты. «Идеология рабочего класса» существовала и до революции, затем она стала господствующей. Люди, её представляющие, имеют свой участок работы. Именно они должны вести на нём не только научную, но и «организаторскую работу»⁴⁴.

В рамках Исторической недели в Берлине Эд. Мейер, видимо, желая бросить камешек в огород догматиков-марксистов, высказал следующую любопытную сентенцию из числа тех, когда человек говорит больше, чем хочет: «Я понимаю, что каждое учение стремится выработать свой определённый канон и этому учению подчинить все индивидуальные уклоны и всякую индивидуальную мысль. Это показывает силу течения, если оно может это сделать. Но в то же время когда оно этой цели достигнет, то закостенеет, убивает всякую творческую работу. Потому что творчество невозможно без борьбы, без отстаивания своего мнения вопреки всяким другим мнениям»⁴⁵. Действительно, унификация какого-либо учения изнутри является свидетельством его качественного роста и успешного развития. Эта работа необходима хотя бы потому, что историки, придерживающиеся определённой теории, должны как минимум скоординировать свои взгляды по поводу её основополагающих понятий, компонентов и т. д.

Конечно, сам факт спора о том, что представляет собой общественно-экономическая формация, говорил, скорее, в пользу марксизма. Однако продолжительность, тем более незаконченность спора говорили уже, скорее, против марксизма с точки зрения реалий его существования в СССР. Ведь всякая солидная научная теория должна содержать положения, интерпретируемые однозначно, конкретизируемые, проверяемые. Иначе невозможно движение к истине. Результатом дискуссий между историками-марксистами неизбежно становился своеобразный консенсус по обсуждаемым вопросам, на практике неизбежно означавший сведение различных «уклонов» к одному. Как же не допустить «окаменеция» рождённых в дискуссиях теоретических моделей и заготовок марксистской историографии? Эд. Мейер указал правильный рецепт – борьба. При М.Н. Покровском и благодаря М.Н. Покровскому напряжённая борьба в исторической науке не только не прекращалась, но и поддерживалась, накалялась. Хотелось бы подчеркнуть, что речь в данном случае идёт не о политических средствах борьбы, а о её творческом наполнении, то есть политической подкладке.

Данная ситуация имела объективную природу. Ведь в реконструктивный период в стране шла борьба не между двумя главными силами, например торговым капитализмом и промышленным, феодализмом и капитализмом, а между сложными комбинациями общественных сил, порождавших невероятные колебания в огромном диапазоне: наследие военного коммунизма, сопротивляющееся «переплавке» в строй цивилизованных кооператоров; растущая в рынок административно-хозяйственная система; капитализм частный, тесно примыкающий к разного рода государственным учреждениям и обслуживающий их по мелочам; Всероссийский рынок, произрастающий на слабо затронутой промышленным переворотом мелкотоварной целине.

Вся общественная обстановка располагала к борьбе, и боевое настроение М.Н. Покровского отвечало духу времени. «И оттого-то среди циркулярно-бумажного хлама фигура нашего учёного историка излучает волны прекрасной умственной свежести, бодрости и непрерывного революционного брожения»⁴⁶. При нём марксистская историография напоминала мчащийся на всех па-

рах локомотив. Но с окончанием реконструктивного периода и утверждением новой модели социализма в СССР эта тенденция должна была коренным образом измениться, в том числе и в науке. Сама по себе борьба сохранилась, но в рамках единой общественной системы с отдельными пережитками многоукладности. Борьба теперь была либо бюрократической, либо по существу вторичной, либо шла в режиме санкционированной свободы (например, между подозреваемыми в «покровщине» и поклонниками неоперского стиля).

В 1930 г. М.Н. Покровский говорил: «Я очень ценю старых специалистов, думаю, что мы долго ещё их должны будем использовать, но не в качестве руководителей нашей работы, а в качестве её участников под нашим руководством»⁴⁷. В 1931 г. учёный заметил: «Нам приходилось строить коммунизм руками некоммунистов. <...> Использование буржуазных специалистов – одна из основных задач реконструктивного периода»⁴⁸. Такое положение было совершенно естественно для этого периода, с его завершением они уступили место новому поколению, на этот раз марксистскому. В сущности, речь идёт о преемственности в исторической науке. В другом случае эта же мысль была выражена с циничной простотой. Заведующий отделом ЦК ВКП(б) А.И. Стецкий (он выступал на стороне М.Н. Покровского при жизни историка) в 1934 г. говорил делегации членов партии из ИКП, возмущённых антимарксистскими высказываниями профессора П.Ф. Преображенского: «Что профессор Преображенский не марксист, а буржуазный учёный, ЦК знает и без вас, но что вы такие простофили – мы узнаём впервые. Учитесь у Преображенских фактическим знаниям до тех пор, пока не будете сильнее их и в буржуазных науках. Вот тогда мы вышибем Преображенских, а вас поставим на их место. Но ни днём раньше. Вернитесь в Институт и продолжите семинар!»⁴⁹. Нетрудно догадаться, кому в этой реплике больше досталось. Впрочем, «простофили» победили и А.И. Стецкого, и П.Ф. Преображенского.

Симптоматично, что М.Н. Покровский и сам «уходил» с учёными, начинавшими свою работу на рубеже веков. Устаревали не только их сочинения, но и дореволюционный марксизм историка М.Н. Покровского. Однако поступательное развитие исторической

науки было искажено в том смысле, что наследие историков-марксистов первой трети XX века было сначала искусственно отвергнуто, а затем по большому счёту не востребовано.

Вообще, М.Н. Покровский не раз констатировал влияние на свою концепцию старой историографии. И здесь была не одна только самокритика. Похоже, учёный осознавал себя отчасти продуктом буржуазного исторического «воспитания». «В моей разработке у меня недурно дана характеристика крепостного хозяйства. Но возникновение крепостного хозяйства у меня очень слабо дано во всех моих произведениях. Я никак не мог разделаться с этим юридическим фетишизмом моих учителей...»⁵⁰. Под феодализмом «Маркс и Энгельс разумеют известную систему производства. Мы же историки разумели под этим известную политическую систему, известную политическую надстройку в виде базиса»⁵¹. В таком «разумении» М.Н. Покровский «виноват», пожалуй, меньше других, тем более симптоматично это самое «мы». Некоторые свои идеи М.Н. Покровский заимствовал из той или иной «буржуазной книжки». Вот что писал один неизвестный автор из наиболее тонких ценителей научного творчества историка (Общество историков-марксистов, 1930): для первого периода русской истории предшественником М.Н. Покровского был Н.А. Рожков, для второго – Н.П. Павлов-Сильванский в общей сложности по XV век, но «начиная с эпохи городского хозяйства и особенно торгового капитализма Покровский действительно прокладывает новые пути»⁵². Такого рода сентенции становились общим местом в советской историографии применительно к творчеству М.Н. Покровского уже с середины 1920-х гг. Критикуя немарксистские направления в российской историографии, он вынужден был обращать эту критику против себя. В связи с этим М.Н. Покровский был заинтересован в том, чтобы она не выходила за строго научные рамки, ибо тогда историк, занимавшийся в семинариях В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, явно «проигрывал» выпускникам Коммунистической академии, изначально получавшим марксистскую научную подготовку и не опиравшимся на более сложную и разнообразную культурную традицию.

Некоторые учёные, принадлежавшие к старой академической науке, в 1920-е стали активно осваивать марксизм, переходя

дили, хотя и постепенно, на его позиции. С одной стороны, это могло свидетельствовать о научной привлекательности, преимуществах марксизма, которые осознавались и принимались его недавними оппонентами. С другой стороны, такое развитие событий могло быть вызвано их желанием приспособиться к изменившимся обстоятельствам, пониманием того, что советская власть установилась всерьёз и надолго. В связи с этим вспоминается один красноречивый эпизод. На VII Конгрессе исторических наук в Варшаве в августе 1933 г. член советской делегации П.Ф. Преображенский выступил против неверной трактовки марксизма автором теории «синтеза истории» французским учёным А. Бером и его сторонниками на том основании, что они ни разу не упомянули центральную категорию марксистской политической экономии – производительные силы⁵³. Остаётся надеяться, что хотя бы с производственными отношениями А. Бер более или менее справился. Несомненно, в данном случае следование марксизму носило внешний, формальный характер. Опасность здесь заключалась не столько в том, что под прикрытием марксистской фразеологии (классовая борьба, формации) прежние немарксистские концепции продолжают своё существование, а в том, что они могли быть выданы за подлинный, глубоко изученный и творчески применённый опытными профессионалами марксизм. Между тем труды самих историков-марксистов школы М.Н. Покровского могли быть представлены ими как искажение, поверхностное понимание марксизма, механистическое перенесение в историческую науку марксистской философии и социологии. М.Н. Покровского, безусловно, устраивал искренний и полноценный переход старых кадров в ряды историков-марксистов, тем более что таким деятелям этот учёный был ближе иных начинающих марксистов.

М.Н. Покровский пристрастно следил за публикациями примкнувших к марксизму историков, резко критиковал их отступления и ошибки с учётом заявленных ими новых методологических позиций. Он замечал, что настойчивость и убеждённость историков в своём марксистском «перерождении» иногда опережает их действительное становление в этом качестве. В этом плане критике со стороны М.Н. Покровского подвергались впоследствии занявшие ведущие позиции в советской историографии Е.В. Тарле

(работа Тарле «Европа в эпоху империализма» – попытка «сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских приёмов»⁵⁴), С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин («Вот мы, кажется, Бахрушина впустили в качестве "учёного специалиста" руководителем семинара в Институт истории КА. А я потом прочёл его книжку о Сибири – ну право же, это ничем не отличается по подходу от покойного Богословского. Фирсов, сравнительно с ним, марксист. Начинаешь понимать появление в этой среде таких «диссертаций», как Дружинина о Муравьёве»⁵⁵). Причём замечания свои М.Н. Покровский высказывал не по марксистскому шаблону, а индивидуально, к тому же без излишней политизации, зачастую в письмах единомышленникам. Его подход к «буржуазным специалистам» был дифференцированным. Кстати, большие сомнения в «марксизме» ряда ведущих советских историков 1930–1950-х гг. сохранялись и в дальнейшем, значит, они были не только у М.Н. Покровского⁵⁶.

Более того, эти историки брали на себя труд поучать М.Н. Покровского в том, что касается марксизма. «Особенно резкой критике подвергался в монографиях Б.Д. Грекова... видный советский историк М.Н. Покровский за некритическую трансформацию им антинаучных теорий дореволюционной дворянско-буржуазной историографии...». Как известно, в 1930–1940-е гг. Б.Д. Греков написал много научных работ. Но одной из главных и «выстраданных» была статья «Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М.Н. Покровского»⁵⁷, «основные положения которой были выработаны на протяжении многих лет с начала 1930-х гг., в ходе полемики утверждения его новаторской концепции о зарождении и развитии феодальных отношений в нашей стране»⁵⁸. На языке сталинской эпохи это пафосно называлось «горячо любил свою Родину» против «нигилистических мнений М.Н. Покровского».

М.Н. Покровский выделил следующие качества, которые должны быть присущи исследователю-марксисту: 1) не повторять чужие слова, даже высказанные К. Марксом, а руководствоваться его методом; 2) твёрдо держаться того, что охватил «своим марксистским пониманием»; 3) не идти на компромиссы с тем, что считаешь «теоретически неверным»⁵⁹. В дальнейшем М.Н. Покров-

ский уточнял свои взгляды на то, кого можно считать марксистом в истории. Для этого недостаточно писать марксистские книжки. Нужно выражать интересы пролетариата, выявлять его противников и бороться с ними⁶⁰. Сам историк должен быть членом большевистской партии. Это позволяло сдерживать и регулировать рост рядов историков-марксистов. По мере упрочения правящего в СССР режима этот процесс по объективным причинам опережал подготовку марксистских кадров в области исторической науки.

М.Н. Покровский постоянно указывал на многогранность марксизма, его чуждость догматизму, предостерегая как против бездумного жонглирования марксистской терминологией, так и против усвоения марксизма на уровне штампов. В результате от вождя советских историков-марксистов можно было услышать такие сентенции: 1) «изучение классово-борьбы (некоторые наивные люди считают основным характеристическим признаком марксизма, забывая, что такое понимание марксизма давно опровергнуто самим Марксом)...»⁶¹; 2) «и вообще объяснять всё *непосредственно экономическими* причинами – вовсе не марксистский приём»⁶²; 3) под случайностью Маркс понимал «индивидуальную обстановку событий», которая «до крайности капризна, и говорить о какой бы то ни было предопределённости в каждый отдельный момент истории может только педант»⁶³; 4) «это утверждение, что нет вечных и неизменных законов, действительных всюду и везде без исключений, это и есть одна из сторон *диалектического* подхода к явлениям», а значит, нужно «брать явление... во всей его конкретности, в данных условиях места и времени»; 5) «если... понимать "индивидуальное" правильно, т. е. как "конкретное", то марксисты всегда стояли на том, что истина всегда конкретна и что всякое общественное явление всегда следует брать в конкретных, индивидуальных условиях»⁶⁴. М.Н. Покровский высказал множество идей, фактически сблизивших его с иными оппонентами из противоположного лагеря.

Н.А. Рожков, по словам М.Н. Покровского, «в 1923 г.... был лучшим марксистом», чем он сам в 1910 г. В связи с этим он одобрил некоторые поправки Н.А. Рожкова к своим дореволюционным трудам⁶⁵. По инициативе М.Н. Покровского А.Е. Пресняков был привлечён к подготовке красной профессуры. В 1928 г. он характе-

ризовал последнего «как крупнейшего после академика С.Ф. Платонова работника старшего поколения» историков, который «весьма близок к нам идеологически, старается проводить в своих писаниях классовую точку зрения»⁶⁶. Да что там С.Ф. Платонов! «Милуков прямо становится на классовую точку зрения, объясняя события гражданской войны в России». Под влиянием Октябрьской революции многие профессора, «если они занимаются русской историей, начинают менять своё историческое мирозерцание, как можно увидеть не только на примере их старейшины, П.Н. Милукова»⁶⁷. «Сила марксизма не только в том, что он «заражает» буржуазных профессоров. *Сами факты* наталкивают добросовестного исследователя на марксистскую точку зрения...»⁶⁸. М.Н. Покровский отмечал стихийную тягу к марксизму ряда русских историков. В их числе он называл А.Е. Преснякова, Б.Д. Грекова, С.Н. Чернова⁶⁹. Да что там историки! «Все деловые люди по природе своей – марксисты, и если вы к этому деловому человеку подойдёте и пощупаете, вы увидите, что у него всегда правильная точка зрения на вопрос, потому что от этой точки зрения его шкура зависит, а это самый побудительный мотив для буржуазии»⁷⁰. Чувствуется воздействие новой экономической политики.

1.2. М.Н. Покровский и международные связи советских историков

В конце 1920-х гг. М.Н. Покровского живо заинтересовала проблема выхода советской марксистской историографии на широкую международную арену. Следовало привлечь внимание зарубежных учёных к достижениям советской науки («У нас... наука с чисто академической точки зрения»), содействовать их сближению с марксизмом, создать кадры историков-марксистов за пределами СССР, консолидировать уже имеющихся заграничных марксистов вокруг их советских коллег. В этом деле М.Н. Покровский был первопроходцем. Однако даже первые шаги не внушали особого оптимизма. С одной стороны, интерес к марксизму в разных странах был очевиден и велик. Историки из этих стран стремились к тому, чтобы их советские коллеги подключились к про-

цессам, протекавшим в зарубежной историографии. Выдающийся бельгийский историк А. Пиренн заявлял: «Счастье видеть, что международная цепь, некоторых звеньев которой не хватало на конгрессе в Брюсселе, стала полной на конгрессе в Осло»⁷¹. На нём склонность к сближению с советскими историками проявили болгары и югославы, с намерением установить контакты обращались учёные из Германии, США, Франции, Испании⁷². Существенное влияние марксизма на самые различные исторические построения, его революционизирующее воздействие на общественное сознание признавались даже противниками марксизма. С другой стороны, за рубежом не существовало сколько-нибудь организационно оформленной исторической школы марксистского толка, мало было последовательных марксистов: «...историков-марксистов в точном смысле этого слова за пределами СССР не существует. Там имеются или легальные марксисты... или революционеры, близкие к марксистской точке зрения...»⁷³. Поскольку между марксистом и революционером, как правило, ставился знак равенства, зарубежные историки не желали связывать себя внаучными обязательствами. «Наши делегаты пытались в Осло сорганизовать всех марксистов и создать отделение общества историков-марксистов. На организационное собрание явилось, однако, только 2 человека»⁷⁴: норвежцы Х. Кут и Э. Булль. Негативный опыт Коминтерна заставлял предположить, что международная организация историков-марксистов станет своего рода филиалом советского научного сообщества. Впрочем, в сложившихся условиях в 1920–1930-е гг. иного и быть не могло. У них просто не существовало другого центра объединения. «Если начать концентрировать силы историков-марксистов, работающих в разных странах земного шара, около какого-нибудь центра, – а за это пора приняться, – то этим центром может быть только общество историков-марксистов СССР»⁷⁵.

С целью налаживания контактов с зарубежными учёными М.Н. Покровский даже брал примирительный тон и указывал на точки соприкосновения буржуазной и марксистской исторической науки. Особенно это проявилось на Исторической неделе в Берлине и Международном конгрессе историков в Осло в 1928 г. В частности, историк отнёс марксизм к западническому течению в исторической науке. На одном из торжественных обедов М.Н. По-

Покровский говорил, что учёные, не являющиеся марксистами, будучи хорошими историками, добросовестно изучающими факты, приходят к выводам, подтверждающим марксистскую теорию⁷⁶. Учёный выражал готовность не только искать новые организационные формы, по всей видимости альтернативные, но и активно работать в действующих организациях, далеко не марксистских. М.Н. Покровский представлял СССР в Международном комитете исторических наук, несмотря на болезнь, «подготовил доклад об основах преподавания истории в Советском Союзе» для комиссии по преподаванию истории МКИН в мае 1929 г. Историк намеревался конструктивно взаимодействовать не только с марксистами, а со всеми на Западе, кто проявит интерес к такому сотрудничеству, независимо от степени их приверженности марксизму.

Однако активизация в международном масштабе «непропорционально слабо представленного марксизма» (выражение И.И. Минца) имело множество неоднозначных оттенков. Ведь советские историки должны были не просто войти в международную организацию историков, а создать там своего рода фракцию, чтобы затем методично усиливать её позиции. Работа с учёными, близкими к марксизму, была вызвана не столько осознанием важности их творчества, сколько пропагандой через них «настоящего» марксизма среди зарубежной исторической общественности. В целом М.Н. Покровский рассматривал международную деятельность советских историков именно как борьбу, впрочем, являвшуюся ответом на вызов, который «нам бросается со всех сторон»⁷⁷.

1.3. М.Н. Покровский и советские историки-марксисты

М.Н. Покровского постоянно беспокоило качество марксистской исторической науки в СССР. Ведь можно было принципиально придерживаться марксистских позиций в своей научной деятельности, а в остальном проигрывать оппонентам. То, что исследователь является твёрдым марксистом, не гарантирует высокое качество его научной работы. Выясняется, что буржуазные историки, как высококлассные специалисты, одержат верх над марк-

системами в любом научном споре, если последние будут плохо подготовлены в профессиональном отношении. М.Н. Покровскому мало было голословных заявлений о приверженности марксизму, умения ловко манипулировать отдельными его положениями. Ему нужны были квалифицированные историки, которых оппоненты могли бы критиковать только за приверженность определённой методологии. Это трудно уязвимая позиция, так как их правота доказывалась бы в рамках марксистской системы взглядов, а оппоненты были бы вынуждены атаковать её не столько изнутри как специалисты в области истории, сколько извне, исходя из другой методологии.

М.Н. Покровский даже к началу 1930-х гг. отмечал, что настоящие высокопрофессиональные историки-марксисты представляли собой довольно узкий слой среди отечественных историков. «Не приходится отрицать, что настоящие специалисты в той или другой научной области в нашей среде в настоящее время насчитываются единицами, самое большее десятками»⁷⁸; «к сожалению, последовательных марксистов, т. е. коммунистов, изучающих и знающих старую русскую историю, ещё чрезвычайно мало»⁷⁹. И даже в сугубо марксистских научных учреждениях кадры историков не являлись исключительно марксистскими. Ещё в 1926 г. в столичных вузах преподаватели-коммунисты были в меньшинстве⁸⁰. По мнению М.Н. Покровского, единственным научно-организационным центром, «который мы можем считать вполне нашим», была Коммунистическая академия⁸¹. Даже в 1930 г. обеспечение «перевеса историков-марксистов в общей массе историков-преподавателей и историков-писателей» было насущной задачей⁸². Видимо, учёный заметил, что какими бы ни были успехи в создании качественных марксистских кадров в исторической науке, их лучшие представители являются «штучным продуктом». Э.Б. Генкина вспоминала, насколько болезненно М.Н. Покровский относился к уходу таких людей на партийную работу. Спрос на них всегда был большой и за рамками исторической науки, так как их сравнение с потенциальными сослуживцами было в данном случае в пользу красных профессоров⁸³. «Пролетарская идеология, марксистская идеология до сих пор ещё не пропитала у нас ни широкие массы самих трудящихся – и среди них, несомненно,

большое количество пережитков других идеологий, – ни даже той массы людей, которые пишут исторические книги. Даже те, кто выступает с писаниями на исторические сюжеты, даже они оказываются очень слабыми, плохими марксистами»⁸⁴.

Наряду с разделением «марксист – немарксист», М.Н. Покровский определённо проводил разделение «в большей степени марксист – в меньшей степени марксист». Причём немарксистов он делил на «старых людей» (деятелей старой выучки) и их уполномоченных («идейных преемников»). Таким образом, перечень истинных марксистов вынужденно сводился М.Н. Покровским к сравнительно узкому кругу историков.

Историки, имевшие хорошую марксистскую подготовку, могли эффективно использовать научные достижения других школ и направлений, не опасаясь отхода от марксизма. Если же такая подготовка была слабой, как у многих историков в 1920-е гг., то историк-марксист мог не справиться с увязкой того или иного заимствования с основополагающим для него учением. При этом он по своему общественному положению оставался историком-марксистом и продолжал считать себя таковым. Следовательно, в исторической науке происходила подмена марксизма другой методологией, в лучшем случае – эклектическое смешение идей. Кстати, здесь была объективная основа для взаимных обвинений историков в уклонизме и прочих политико-идеологических прегрешениях. К тому же было затруднительно обнаружить нарушение определённого стандарта в его отсутствие, а точнее, в период его выработки.

Наибольшей властью в советской исторической науке М.Н. Покровский обладал до середины 1920-х гг. Именно тогда его позиции были наиболее прочны. При этом в России сохранялись и другие научные направления, располагавшие мощными и самостоятельными научными учреждениями. Критика взглядов М.Н. Покровского, безусловно, имела место и вряд ли кого-то затрудняла.

Его научно-исторические воззрения захватывали не только сообщество историков, партийную массу, но и высшее партийное руководство. Учёный также считал возможным комментировать, уточнять, даже критиковать взгляды его представителей в сфере

своей компетенции. «В Китае идёт спор, Радек говорит, что там есть торговый капитализм, а китайские коммунисты говорят, что там есть феодализм. Бухарин в одной своей речи подчеркнул, что здесь противоречия нет между феодализмом и торговым капитализмом, потому что торговый капитал использует остатки феодализма... происходит свободное сращение торгового капитала с феодальными образованиями. Крупные феодалы становились крупными торговцами, получалась та система меркантилизма, о которой говорил Гильфердинг в одной цитате»⁸⁵. Нетрудно заметить, что «собеседниками» М.Н. Покровского оказались деятели, вскоре ставшие неблагонадежными в идейно-политическом плане.

В данный период учёный располагал наилучшими возможностями для утверждения своего полновластия в исторической науке. Во всяком случае, это было наиболее подходящее время, если считать М.Н. Покровского человеком, ориентированным прежде всего на уничтожение всех подразделений исторической науки, отдельных историков, которые препятствовали складыванию монополии его школы в отечественной историографии. Однако даже те исследователи, которые подозревают М.Н. Покровского в подобных намерениях, относят их реализацию, причём всё более настойчивую, к концу 1920-х гг. Таким образом, получается, что борьба М.Н. Покровского за уничтожение старой науки, старой системы исторического образования и другого стоит в обратном отношении к прочности его позиций в политической и идеологической сфере, к безоговорочности следования его исторической концепции.

В связи со свёртыванием нэпа (а этот процесс происходил во всех сферах общественной жизни) существенно менялись условия научной работы, вся организационная система исторической науки, включая принципы её функционирования. М.Н. Покровский не инициировал, да и не мог инициировать подвижки такого масштаба. Политика подобного уровня, конечно, разрабатывалась без участия историка. На этот счёт с ним никто не консультировался. Учёный мог лишь вынужденно приспособливаться к переменам или искренне принять их в силу совпадения с собственной позицией. В первом случае у него было два варианта: полностью смириться с происходящим и подчиниться ему; попы-

таться приспособиться к происходящему таким образом, чтобы по возможности сохранить свои собственные подходы к развитию исторической науки, отстоять на практике свою роль в системе исторической науки СССР. Труд историков теперь был коллективным. Для него нужна «дирижёрская палочка». Дирижёром должен быть историк. А при чём же здесь партия? Дело в том, что дирижёр не является свободным художником. Он работает «в своей идеологической обстановке»⁸⁶.

Изначальная точка зрения М.Н. Покровского заключалась в том, что позиция партии по тому или иному вопросу исторической науки должна определяться самими историками-марксистами. Ведь они следуют марксистской методологии, являются членами партии или стремятся в неё вступить, т. е. непосредственно включены в партийную жизнь. Более того, партия сама создаёт кадры историков-марксистов. Какие у неё могут быть основания для того, чтобы не прислушиваться к их мнению? Это ведь не только научные кадры. Многие выпускники Института красной профессуры шли на работу в партийные и государственные органы, что изначально не противоречило особенностям их специализации. Система М.Н. Покровского в исторической науке готовила не только кабинетных учёных, но и руководителей исторического фронта, которые были его деятелями не только на научном, но и административном, пропагандистском, педагогическом, культурном поприще. Они готовы были заниматься всем, что имеет непосредственное отношение к исторической науке.

М.Н. Покровский вряд ли с первых лет советской власти ожидал того, что партия в принципе способна развернуть борьбу против какого-то историка-марксиста (речь, разумеется, не идёт о товарищеской критике и т. п.). Не исключено, что к концу жизни М.Н. Покровский осознал, что партия может быть опасна и для человека, который в действительности придерживается марксизма, не является оппозиционером.

Историческая наука под руководством М.Н. Покровского шла вслед тем модификациям, которые имели место в стране в этот период. И здесь он шёл за событиями, а не впереди них. В работе М.Н. Покровского не было никаких предпосылок того, что он предвосхитил тот поворот, который произошёл в жизни стра-

ны с конца 1920-х гг., осуществлял его на своём участке, опережая ход событий на других направлениях. Часто они оказывались для учёного неожиданными. Характерный пример: даже когда в 1928 г. М.Н. Покровский выступил с тезисом об обострении классово-борьбы, он сделал это после недвусмысленных намёков-указаний заведующего Агитпропом ЦК А.И. Криницкого и кандидата в члены секретариата ЦК А.С. Бубнова о необходимости борьбы с «правой опасностью в теории»⁸⁷. М.Н. Покровский не мог априори вникнуть в суть происходящего и наметить последовательность своих действий, что непременно бы случилось, если бы он лично стремился к некоему аналогу сталинской модернизации и относился к ней как к ожидаемой.

Конечно, до конца 1920-х гг., более того, изначально большевистская партия и Советское государство руководили созданием и развитием марксистской исторической науки в СССР, в полной мере контролировали протекавшие в этой сфере процессы. Историки-марксисты сами функционировали в качестве элементов сложившейся системы, не ощущая особого дискомфорта. Неправильно было бы изображать ситуацию таким образом, будто советские историки сначала работали в условиях свободы и демократии, а с наступлением сталинизма в науке утвердился тоталитарный режим. Напротив, сущность режима, в том числе в науке, оставалась прежней, а с ним и задачи историков-марксистов. Однако значительными были и перемены. Ведь историки рассматривались как более или менее полноправные участники процесса становления марксистской историографии – сила в данном отношении самостоятельная. «В январе 1919 г. коллегия отдела ВУЗ (отдел высших учебных заведений Наркомпроса. – *О.В.*) принимает предложенный М.Н. Покровским проект государственного учёного совета, председателем становится М.Н. <...> По его мысли в мае 1918 г. Малая государственная комиссия по просвещению принимает проект о Социалистической академии наук. <...> Тогда же по его инициативе была образована Архивная комиссия, во главе которой с 1920 г. становится М.Н.»⁸⁸. Именно М.Н. Покровскому принадлежала решающая роль в активизации международных связей советских историков с 1928 г., в том, что историки-марксисты перехватили инициативу у своих оппонентов внутри

СССР на этом направлении. «Политика» в этом вопросе выработывалась в том числе научно-историческими организациями и форумами. Существовала практика, когда партия высказывала свою позицию по вопросам, касающимся исторической науки после того, как эту позицию выработали историки-марксисты. С определённой корректировкой эта последняя обычно принималась. Причём и за корректировку во многом отвечали те же историки, «поэтому для них эти партийные указания... были в полной мере приемлемы...»⁸⁹. На протяжении 1920-х гг. большие изменения претерпели не столько принципы, сколько стиль взаимоотношений между историками и партийно-государственным руководством, теми или иными его представителями, по долгу службы обязанными взаимодействовать с учёными. В первое десятилетие советской власти оно признавало за историками право высказывать своё мнение, даже если оно расходилось с официальным, не соглашаться с мнением вышестоящих лиц или органов, причём, как правило, без негативных последствий для учёных. Гораздо более широкими были рамки дозволенного в исторической науке, по крайней мере для марксистов. Например, по окончании дискуссии о «Народной воле» (1929 г.) ЦК ВКП(б) готовил тезисы к её юбилею. Что писать? Собрали историков-участников дискуссии у заведующего отделом печати Таля, где они опять переругались. А.И. Теодорович настолько разошёлся, что разбил настольное стекло в кабинете высокого партийного начальника. Историков-марксистов, работавших в 1920-е гг., впоследствии удивляло, что их «тогда никто не редактировал, не вносил исправлений – как было написано, так и было опубликовано. Длительного процесса редактирования, рецензирования и прочего тогда и в помине не было. <...> Публиковать статьи тогда было очень легко...»⁹⁰. Историкам-марксистам были фактически передоверены многие вопросы внутренней жизни их науки. Сам М.Н. Покровский, руководя Государственным учёным советом Наркомпроса, «по существу возглавлял партийную политику по отношению к науке и её кадрам»⁹¹. Руководители партии и государства, не говоря уже о рядовых сотрудниках аппарата, обращались к историкам, особенно уровня М.Н. Покровского, как к коллегам. Эти отношения строились как между товарищами по партии, делающими общее дело, а не по типу началь-

ник – подчинённый. Позиции многих политических лидеров страны «всё-таки базировались на достижениях науки»⁹². Многие высокие посты в кругах, близких к науке, занимали представители старой партийной интеллигенции, – типа, в дальнейшем совершенно изжитого. У них было больше понимания специфики науки, по своей психологии они мало отличались от научных работников. Им на смену приходили, как правило, чиновники в соответствии с определённым номенклатурным порядком или пропагандисты, способные в лучшем случае разъяснять партийные постановления⁹³.

Определённая генерация советских историков-марксистов сложилась в середине 1920-х гг. при решающем участии М.Н. Покровского. Её представители подвергали учёного жёсткой критике. Однако она касалась в основном отдельных выводов историка. Его место в науке, партии, государстве, общественной работе, его историческая концепция в целом получали одобрение и высокую оценку и у коллег, и у руководства. В конце 1920-х гг. тональность критики стала ещё более жёсткой, а сама она распространилась на широкий класс явлений, охватывавший все стороны научной деятельности М.Н. Покровского.

Суть претензий оппонентов заключалась либо в том, что М.Н. Покровский недостаточно радикален в научной и околонучной борьбе, либо, как ни странно, в том, что историк расправляется с негодными, подавляет инакомыслие. В ход шли любые средства. Конечно, учёный совершал действия, которые можно представить в негативном свете. Посягая на инакомыслящих, М.Н. Покровский в то же самое время понимал, что его суждения превращаются в инакомыслие, и для своих противников он перерождается в инакомыслящего. В результате возникал замкнутый круг, внутри которого пострадавшие оппоненты требовали к себе со стороны М.Н. Покровского снисходительного отношения, одновременно делая всё возможное, чтобы такого отношения не заслуживать.

К концу 1920-х гг. борьба между историками приобретала характер борьбы не за главенство в науке, а за элементарное «выживание» (пока ещё вряд ли физическое). Ведь проигравшие в этой борьбе уходили в небытие. М.Н. Покровский, конечно, был

заинтересован в дальнейшем существовании своей научной школы, которую он много лет создавал и в преимуществах которой был уверен, в сохранении места в науке для своей исторической концепции, которую он считал основополагающей для развития советской исторической науки. Отстаивать свою концепцию можно было только ниспровергая другие, доказывая их несостоятельность; удержать своё место в советском научном сообществе можно было только удалив своих противников с занимаемых ими руководящих постов, расставив на них свои кадры и т. п. Учёный, конечно же, понимал, что, не учитывая он различные бюрократические тонкости, сложится такая ситуация, когда о его научных заслугах никто и не вспомнит. Кстати, и здесь М.Н. Покровский ничего не мог сделать самостоятельно. Последнее слово принадлежало партийным органам. У учёного был единственный выход (если он, конечно, собирался продолжать борьбу, оставаться в науке): убедить руководство страны, соответствующих учреждений в том, что им нужно ориентироваться на его школу, его концепцию, так как это наилучший путь с точки зрения интересов самого этого руководства.

М.Н. Покровский приложил много усилий для создания школы молодых историков-марксистов. Однако он создавал не специально и исключительно школу марксиста М.Н. Покровского, а марксистскую историческую науку в СССР (по его выражению, «определённое количество выдержанной в марксистской методологии молодёжи»). Именно эта задача была для него первичной. Учёный неоднократно высказывался в том смысле, что советская историческая наука, основывающаяся на марксизме, сделает такие успехи в изучении русской истории, благодаря которым его труды утратят свою актуальность. Таким образом, М.Н. Покровский, похоже, искренне желал того, чтобы следующее поколение историков-марксистов оставило его далеко позади, но не отвергнув его концепцию, а взяв из неё всё то, что не будет опровергнуто в ходе последующего развития отечественной историографии. В последние годы жизни у М.Н. Покровского была возможность усомниться в подобной перспективе своего учения. Однако определённые шансы здесь оставались: 1) господствующее направление советской историографии оставалось по преимуществу и тем

более формально марксистским, следовательно, властям по-прежнему нужны будут кадры историков, подготовленных в марксистском ключе; 2) исторической науке в качестве обязательного теоретического багажа был предпослан марксизм-ленинизм, который надлежало применить к отечественной и зарубежной истории; здесь нужны были специалисты, которые двигались к историческому материалу, переходили к научно-историческому познанию как к частному случаю, может быть даже марксистско-ленинского миропонимания, охватывающего все стороны действительности; 3) партии была объективно необходима какая-то школа историков (потребность в ней остро ощущалась на протяжении всего сталинского периода), которая могла бы обеспечить действительное развитие истории как науки (с учётом международного признания данного обстоятельства), не уходя слишком в сторону от марксизма и приспосабливаясь ко всем колебаниям политического, идеологического курса; в этом смысле могла быть использована школа М.Н. Покровского, но уже не в соответствии с духом её основателя, а в куда более утилитарном «технологическом» смысле. Показателен следующий пример. Как известно, И.В. Сталин упрекал М.Н. Покровского за недооценку самостоятельной роли государства в русской истории. Но вот что он позднее писал по поводу работы Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма»: «Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет её не столько "потребностью" военно-феодальной купеческой верхушки России в выходах к морям, морским портам, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов»⁹⁴.

Следует отметить, что в 1920-е гг. в научно-исторических учреждениях, возглавляемых М.Н. Покровским, сложилась обстановка своеобразного «внутримарксистского» методологического плюрализма. Не случайно они стали кузницей кадров для всякого рода внутрипартийных группировок: от крайне левых до правых. С одной стороны, учёный не препятствовал такому развитию событий, с другой – представители разных направлений интенсивно полемизировали друг с другом, причём оппозиционеры не отмал-

чивались, зачастую переходили в контратаку. Принципиальные решения об их дальнейшей судьбе принимались специальными государственными органами. По линии М.Н. Покровского здесь возможны были два варианта: оппозиционер, будучи переубеждён или из конъюнктурных соображений, менял свою позицию; он продолжал настаивать на своём и так или иначе расставался со своим учителем, необязательно при этом покидая историческую науку. Следует отметить, что М.Н. Покровский долгое время сохранял тёплые отношения даже с теми своими учениками, бывшими соратниками, которые разошлись с ним на почве науки. Например, взгляды М.Н. Покровского и Н.Н. Ванага по вопросам истории российского империализма отчасти расходились. Однако этот историк «высоко ценился Покровским, который защищал его, елико возможно». Но Ванаг продолжал отстаивать «порочную идею»⁹⁵. Однако М.Н. Покровский не препятствовал и развёрнутой критике концепции Н.Н. Ванага, например, со стороны своих учеников, отстаивавших национальный характер русского империализма, в частности А.Л. Сидорова, Е.Л. Грановского⁹⁶. Вообще, М.Н. Покровский многое позволял таким людям. Он резко возражал, как правило, в тех случаях, если его оппонент из числа историков-марксистов подвергал учёного необоснованной критике, изобиловавшей ошибками, передержками, и, что особенно важно, по причинам, на самом деле не имеющим отношения к науке, допускал отклонения от марксизма, совершал ошибки идейно-политического характера.

Вот что пишет о подготовке М.Н. Покровским молодых советских историков Э.Б. Генкина. «Семинар Покровского был всегда большим событием – на многие занятия приходили и его старые ученики, уже окончившие ИКП. Они нередко участвовали в прениях, высказывали свою точку зрения. Заключительные слова Михаила Николаевича были яркими и интересными. Он был очень эмоционален, увлекался сам и увлекал других».

М.Н. Покровский на семинарах в ИКП проявлял следующие черты: учил, но и сам продолжал учиться; «не отвергал ничего с ходу»; не обижался, когда с ним спорили; мог признать правоту оппонента; требовал глубокого изучения архивов; считал важным хорошее литературное изложение материала.

«С первых дней учёбы к нам относились как к самостоятельным и сложившимся научным работникам, помогали, заботились, но не опекали, давали полную возможность проявить себя»⁹⁷.

В своём историографическом семинаре в Институте красной профессуры М.Н. Покровский обеспечивал основательную историографическую подготовку. Во всяком случае, участникам этого семинара приходилось знакомиться с огромным объёмом литературы, авторами которой являлись отнюдь не только марксисты. В организации подобного рода работы у М.Н. Покровского, пожалуй, есть чему поучиться и в наши дни⁹⁸. Его ученики штудировали не только труды классиков марксизма, но и других исследователей марксистского и близких к нему направлений. Например, в перечень обязательной литературы для подготовки к вступительным экзаменам в ИКП входили работы Р. Гильфердинга, К. Каутского, В. Зомбарта, Г.В. Плеханова, Р.Ю. Виппера⁹⁹. Впрочем, к началу 1930-х гг. внимание к ним ослабевало и приобретало преимущественно критическую направленность: в обязательном порядке необходимо было выявлять их расхождения с К. Марксом и В.И. Лениным, всякого рода ошибки, искажения «подлинного» марксизма и т. п. Со временем историки, экономисты, придерживавшиеся левых политических ориентиров, стали восприниматься исключительно в негативном плане: как учёные, сознательно «ухудшавшие» марксизм в угоду буржуазии. И здесь ситуация оказывалась весьма противоречивой. Действительно, для советских учёных рассматриваемого периода не всегда была очевидна разница в научных воззрениях историков левого спектра. Несомненно, многие выводы таких исследователей в той или иной степени расходились с ортодоксальным марксизмом. Нужно было разобраться, какие из них соответствуют марксизму, а какие отклоняются от него. Требовались понимание различий между историками социал-демократического толка, строгая классификация их по различным группам. Кстати, подобные задачи сохраняют своё значение и по сей день. Всё это было оправданно и полезно с научной точки зрения. Однако на практике возобладала другая тенденция, когда нахождение в том или ином исследовании чего-нибудь немарксистского вызывало его упрощённую однозначную оценку, присвоение ярлыка в виде понятий «вульгарного материа-

лизма», «экономического материализма», которые не были в достаточной степени прояснены (может быть, намеренно). Конечно, и в данном случае пресловутый дух времени влиял на М.Н. Покровского. Человек, занимавший множество руководящих постов в науке, в принципе не мог отрешиться от веяний времени, ведь он находился в эпицентре событий эпохи. Однако всё-таки собственные взгляды и познания М.Н. Покровского в области историографии были глубоки, неоднозначны, чужды примитивизму. Особенно это касается текстов, в которых позиция учёного была представлена в развёрнутом виде.

К концу 1920-х гг. всё более обнаруживал себя конфликт М.Н. Покровского с его молодыми учениками, которые вели себя весьма напористо и агрессивно. Конечно, подобное развитие событий самим историком не предусматривалось. Если и имелись в виду разногласия, то, во всяком случае, вторичные по отношению к общей цели, объединяющей всех историков-марксистов, и содержательные в своей научной части. Однако у многих деятелей марксистского исторического фронта возобладало другое мнение на этот счёт. Они видели основную функцию М.Н. Покровского в том, что он вывел советскую историческую науку на определённый уровень и рубеж. В первое десятилетие советской власти учёный выполнил эту свою миссию, теперь он должен освободить своё место другим. Нежелание М.Н. Покровского что-либо освобождать вызывало недоумение и раздражение и казалось иным марксистам чуть ли не проявлением насилия над личностью. Неспособность ниспровергнуть учение М.Н. Покровского, встать выше него зачастую интерпретировались как диктатура со стороны учёного. С.А. Пионтковский записал в своём дневнике: «Вовремя надо отойти отовсюду. Вовремя нужно уметь умереть. Покровский не сумел умереть и сейчас безнадежно губит и ломает головы нам, которые умирать не желают вовсе и которые даже и Покровского проработывать не желают»¹⁰⁰. Идеальным вариантом для оппонентов М.Н. Покровского среди историков-марксистов было бы самоустранение учёного из исторической науки (по причине укрепления здоровья где-нибудь в столь любезной ему Германии). В результате М.Н. Покровский оказался перед необходимостью борьбы на два фронта: 1) против буржуазных исто-

риков, наступление на которых со стороны партийного начальства шло полным ходом; М.Н. Покровский здесь должен был атаковать со своего участка борьбы; 2) против набирающей силу оппозиции в среде историков-марксистов, консолидировавшейся вокруг фигуры Е.М. Ярославского; для этой борьбы у М.Н. Покровского было не меньше оснований (тем более сугубо научных), чем у его противников. Опасность для М.Н. Покровского-учёного здесь состояла в том, чтобы не скатиться на самый эффективный (к сожалению) путь перенесения этой борьбы в политическую плоскость. Речь идёт о причислении оппонентов к какому-нибудь партийному уклону, особенно разоблачаемому в данный момент: дело не в том, что у историка иные взгляды, а в том, что он троцкист, покушающийся на советскую власть, генеральную линию партии и т. д. Похоже, учёный не исключал для себя подобных методов вовсе, однако однозначного выбора в их пользу не сделал. При специальном изучении данного вопроса не следует забывать и о том, что М.Н. Покровский в силу своего статуса, имевшего, кстати, не только научно-историческую природу, обязан был вносить определённый вклад во внутривнутрипартийную борьбу, критикуя, осуждая проигравших. Однако бросается в глаза следующее обстоятельство. М.Н. Покровский по сути дела не выходил за рамки этой «естественной обязанности». Более того, его суждения и в этом случае содержали в себе элемент полемики. Например, с троцкизмом можно было бороться, апеллируя к тому, в чём оппонент с ним действительно не согласен вне зависимости от его политической судьбы. Казалось бы, вождь советских историков-марксистов, к тому же способный дать качественную критику взглядов всякого рода оппозиций, должен был выступить в первых рядах, на острие атаки, дать обстоятельное идеологическое обоснование. Но как раз в этом пункте достижения М.Н. Покровского более чем скромны. Даже не самые выдающиеся из учеников историка легко обошли его на этом направлении. Американский историк Дж. Энтин вообще находил, что научно-организационная политика М.Н. Покровского в 1920-е гг. была близка к курсу Н.И. Бухарина¹⁰¹.

Полемика между М.Н. Покровским и Л.Д. Троцким по вопросу о природе российского самодержавия и значении особен-

ностей исторического развития России относится в основном к 1922 г. Между тем с позиций политической целесообразности оптимальным временем для неё была, конечно, вторая половина 1920-х гг. Но, например, в своей речи в Институте советского строительства 15 ноября 1927 г. историк счёл возможным заметить: «Разве старая государственная власть не строила народное хозяйство по-своему? Конечно, строила. И в этом пункте Троцкий прав, когда он указывает на громадную экономическую роль государства»¹⁰². Примечательно, что Л.Д. Троцкий не причислял М.Н. Покровского к сталинистам и в этом смысле вообще не критиковал его в отличие от «фальсифицируемой Сталиным, Ярославским и Ко истории» первого послереволюционного десятилетия¹⁰³. Книгу «Троцкизм в вопросах истории русского государства» от лица исторического фронта в 1931 г. написал К. Селезнёв, М.Н. Покровский ограничился помещённой в ней своего рода вступительной статьёй¹⁰⁴. Всё-таки надо отметить, что с 1929 г. учёный, видимо, пытался как-то восполнить этот пробел, но в основном в сфере официальных публичных выступлений. Ведь политика ВКП(б) должна была дублироваться и в рамках исторической науки, в любом структурном подразделении советского общества. За вопросом о том, как партия разоблачает правый уклон среди большевиков, следовал вопрос о том, как историки разоблачают этот уклон среди историков. Всё это имело характер железной закономерности, которой был подвластен М.Н. Покровский.

Мы отнюдь не хотим доказать, что учёный был глубоко внутренне чужд задачам советской науки и только лишь приспособлялся к переменам. Напротив, мы признаём, что М.Н. Покровский внёс незаурядный и многогранный вклад в её создание, считал это делом своей жизни. Но основополагающие перемены в жизни страны инициировались, санкционировались, конечно же, не М.Н. Покровским. Он мог с ними соглашаться или не соглашаться, соответствовать им или не соответствовать, не более того. «Сталинская программа реорганизации исторической науки легла на уже достаточно подготовленную для этого почву, хотя и Покровского, и Ярославского, и некоторых молодых историков, и видных деятелей партии заботило больше состояние исторических исследований, нежели поиски "врагов" в науке»¹⁰⁵. Очевидно, что учёный имел свою точку зрения на многие вопросы и дол-

гое время её успешно отстаивал, проводя в исторической науке свой курс в общих для всех условиях. Чем меньше у него становилось возможностей для реализации данного сочетания, тем более острыми становились противоречия жизненного пути главы советских историков-марксистов. Соотношение между тем, что М.Н. Покровский хотел делать, и тем, что он был обязан делать, явно менялось в пользу последнего. Симптоматично восприятие М.Н. Покровским своего положения в науке в момент, когда человека трудно заподозрить в неискренности. «По воспоминаниям Ю.М. Покровского, за день до смерти отец попросил прочитать стихотворение "Умиравший гладиатор". Оно имеет эпитафию из Байрона, который в переводе звучит следующим образом: "Я вижу пред собой лежащего гладиатора..."»¹⁰⁶.

Давая разъяснения по «академическому делу» по линии исторического фронта, М.Н. Покровский указывал, что как раз на вверенном ему участке работы «не образовалось до сих пор ничего похожего на рубинщину, переверзевщину или ошибки школы Деборина». Почему? В частности, «на историческом фронте самокритика применялась в таких широких размерах, как ни на одном из трёх перечисленных фронтов»¹⁰⁷. Иными словами, по утверждению М.Н. Покровского, оздоровление этого фронта осуществлялось силами самих историков, поэтому вмешательство извне не требуется. Позиция власти по данному вопросу не была однозначной, но объяснения и пожелания М.Н. Покровского отчасти принимались. Партия в целом признавала, что положение на историческом фронте при М.Н. Покровском было лучше, чем на других фронтах, потому что он: 1) критиковал «резко, по-большевистски, других»; 2) «с такой же резкостью вскрывал и критиковал ошибки как в своей прошлой партийной деятельности... так и в исторических работах. <...> Он умел не только признавать, но и исправлять свои ошибки...»¹⁰⁸.

Как партия относилась к претензиям М.Н. Покровского на самостоятельность в руководстве историческим фронтом? Способность учить других признавалась его правом, но при одном обязательном условии: «учиться непрерывно самому». Иными словами, партия оставляла за собой ответное право учить самого историка. Видимо, такая взаимообусловленность была наиболее ха-

рактерна для отношений М.Н. Покровского с инстанциями на рубеже 1920–1930-х гг. Всё-таки следует учитывать, что сплошная сталинизация общественных наук началась не строго с отменой нэпа, а приблизительно с 1931 г. В это время по состоянию здоровья он в меньшей степени, чем когда-либо, руководил историческим фронтом. По мнению М.В. Нечкиной, «Сталин решил выдвинуть теорию сплошной ошибочности работ Покровского и его "школы"... возможно, после письма в редакцию "Пролетарской революции" в 1931 г. в связи с разработкой своего замысла уничтожения кадров, вытекавшего из ложного положения о крайнем обострении классово-борьбы в эпоху победы социализма»¹⁰⁹. Однако и здесь полномасштабное разоблачение М.Н. Покровского было отнесено на 1936–1937 гг. Оно не могло быть разовым актом. Место учёного в советской историографии было столь значительно, что борьба с «покровщиной» неизбежно превращалась в сложный и длительный процесс, требовавший предварительной подготовки. Эта подготовка началась ещё при жизни М.Н. Покровского, но её результаты вряд ли можно было признать успешными. Оппоненты историка, многие из которых являлись его учениками, в очном столкновении со своим бывшим вождём часто оказывались беспомощными. Из этого И.В. Сталин, вероятно, должен был заключить, что исторический фронт нуждается в перегруппировке сил или даже их «перековке», иначе он не сможет решать поставленные перед ним задачи.

В 1920-е гг. ряды советских историков-марксистов значительно выросли. Они получили добротную научную подготовку, по крайней мере в учреждениях, руководимых М.Н. Покровским. Период становления советской исторической науки был, в сущности, пройден. Почему же учёный не повторил судьбу различных оппозиционеров и уклонистов в партии, которые старательно удалялись оттуда усилиями победившей группировки? На наш взгляд, решающий удар по историку запоздал по объективным причинам, среди которых немалая роль принадлежит его ученикам в самом широком смысле этого слова. Советская историческая наука к началу 1920-х гг. была ещё слишком молода. Она не набрала научный вес, не прошла проверки на прочность. В ней пока не состоялась смена поколений. Возлагать стоящие перед ис-

торической наукой задачи только на марксистскую историческую школу для власти было по меньшей мере опрометчиво. Марксисты периода М.Н. Покровского сформировались во время, когда не было тотального идеологического диктата, мелочного контроля. Они придерживались разных взглядов по многим важным вопросам, открыто и принципиально полемизировали друг с другом. Конечно, они были заинтересованы в карьерном росте, их не смущал прямой идеологический заказ. Однако этими людьми было трудно управлять. Они не умели вовремя промолчать, постоянно проявляли инициативу, занимали активную жизненную позицию, часто полагались на собственные суждения, много внимания уделяли теоретико-методологическим вопросам, слишком самопроизвольно переходили от одной точки зрения к другой. Лучшие из них тяготели к классовой борьбе в науке, остальные – к борьбе междоусобной. При всех своих недостатках они не были послушной серой массой, «ремесленным цехом» науки. В каком-то смысле «исторический фронт» М.Н. Покровского мало напоминал фронт в военной сфере. Он всё-таки работал по каким-то другим, более тонким, менее очевидным законам, причём выраженным не в столь категоричной форме, хотя работал в целом побольшевистски. «Технология» его функционирования вряд ли была вполне понятна и близка И.В. Сталину. На самом деле ему более подошла бы какая-нибудь другая генерация историков.

М.Н. Покровский возглавлял не только конкретные научные организации, но и определённое сообщество историков, которое не могло действовать подобно государственной структуре. Это сообщество находилось в сложных отношениях взаимопроникновения с государственным механизмом. Кстати, даже в сталинскую эпоху ход научного процесса показал, что представители государственных органов порой невольно ощущали себя внешней силой по отношению к историкам. Складывается впечатление, что, наблюдая за баталиями историков, иные государственные мужи просто не знали, что им сказать и что с ними делать.

Историки-марксисты 1920-х гг. выросли на произведениях М.Н. Покровского, поэтому вполне естественными были сомнения в их способности отрешиться от взглядов своего учителя, не сочиняя при этом в меру своих сил какой-либо новой «покровщины».

Как же противоречие между сохранением лидерства М.Н. Покровского в науке и кампанией борьбы с этим учёным реализовывалось на практике? В статье «По поводу некоторой путаницы» (осень 1931 г.) М.Н. Покровский вновь отстаивает свой торговый капитализм, обнаруживая эпоху торгового капитализма у В.И. Ленина, находя торговый капитализм в эпоху империализма в России (он сохраняется там, где нет «капиталистического империализма новейшего типа») ¹¹⁰. В этом принципиальном для себя вопросе историк проявляет недюжинную настойчивость. Заметим, что концепция торгового капитализма М.Н. Покровского официально не была отвергнута при жизни учёного. Речь шла больше о том, что в марксистской литературе были исправлены взгляды по поводу роли торгового капитала в истории России и т. п. «Исторический фронт, Общество историков-марксистов под руководством нашей партии и её ЦК провели борьбу с буржуазной историографией Платонова, Петрушевского, Тарле, разоблачение национал-уклонистской деятельности Яворского, борьбу с антиленинскими теориями Теодоровича, Дубровского... борьбу с троцкистской концепцией исторического процесса» ¹¹¹. Отметим, правда, что со многим в этом деле власти справились вполне самостоятельно, без помощи историков. Однако в этом пункте М.Н. Покровский более соответствовал задачам текущего момента, что называется, учился у партии, чем в вопросе о торговом капитализме. Если партия осуществляла общее руководство, то М.Н. Покровский – оперативное. Конечно, это значит выдавать желаемое за действительное. Ведь очевидно, что в ходе «академического дела» историки-марксисты не осуществляли даже и оперативного руководства. Но, видимо, желание имело место, да и претендентов на такое руководство было предостаточно.

М.Н. Покровский отмечал, что изменение исторических взглядов учёного неизбежно в силу объективных причин. Как только история вступает в новый этап своего развития, начинается «новый этап в развитии исторического материализма» ¹¹². Но ведь и переход к сталинской модели социализма был объективно обусловлен, а вовсе не являлся изобретением одного человека. Понимая его как данность, можно было существовать в предлагаемых обстоятельствах. Тем более всякому марксисту 1920-х гг.

была очевидна своего рода закономерность: после победы социалистической революции в России каждый следующий этап социалистического строительства является более прогрессивным, чем предыдущий. Исходя из этого, историческая наука улучшится, несмотря на временные трудности, которые будут изжиты. Иными словами, будет изжито всё, что продиктовано предпочтениями в их субъективной части. В этом состоит обоснование возможности компромиссов с властью.

М.Н. Покровский отмечал, что ему не раз пришлось поправлять свою схему. Он обещал поправлять её и в дальнейшем. Учёный отнюдь не риторически вопрошал в 1931 г.: «Кто предскажет, какой вид эта схема будет иметь после окончательной победы социализма? За одно можно ручаться: всякое новое объяснение исторического процесса будет более материалистическим, более выдержанно марксистским, чем предшествующее». При желании в готовности учёного править свою схему можно усмотреть некоторую долю горькой самоиронии. Однако подтекст здесь другой. М.Н. Покровский понимал развитие марксизма как многоступенчатый процесс: от легального марксизма 1890-х гг. к марксизму К. Каутского и Г. Кунова и до современного марксизма с В.И. Лениным во главе. Вместе с тем «мы все до сего дня твёрдо стоим в основном на Коммунистическом Манифесте 1848 г.»¹¹³.

Хотелось бы зафиксировать формальное положение, которое М.Н. Покровский занимал в советской науке. В письме, относившемся к последним годам его жизни, учёный, отвечая на официальный запрос, сам перечислил занимаемые им должности и выполняемые поручения: «В Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Тов. А.И. Криницкому. Уважаемый Александр Иванович, согласно нашему разговору сообщаю Вам список занимаемых мною должностей и мои соображения о возможной "разгрузке"... Группирую сведения по тем центральным учреждениям, по которым распределяется моя работа: НКпрос, ЦИК СССР, ВЦИК. Я называю только должности, связанные с какой бы то ни было постоянной работой, и опускаю "звания", ни к чему или почти ни к чему не обязывающие. Так, я состою членом Центрального совета ВНО, где не был ни разу, членом совета Музея Революции, где был один раз, членом Комиссии по изданию сочинений Л. Тол-

стого, которая почти не собирается, и т. п. В этом порядке я не называю и должности замнаркомпроса, ибо это тоже "звание": А.В. Луначарского, в случае его отсутствия, замещает В.Н. Яковлева, она же представляет НКпрос в СНК РСФСР, я же лишь очень изредка председательствую в коллегии, где мне приходится бывать и по другим моим должностям. Зато я отмечаю председательство в комиссии по юбилею Чернышевского, так как с этим связана кое-какая дополнительная нагрузка (организация собрания сочинений, сношения с Музеем им. Чернышевского и другими учреждениями и т. д.). Даю сначала список, потом соображения о разгрузке.

I. Наркомпрос: 1) председатель ГУСа; 2) председатель научно-политической секции ГУСа; 3) председатель подсекции вузов той же секции; 4) председатель Комиссии по подготовке научных работников; 5) председатель Президиума РАНИОНа (ассоциации 12 институтов обществоведения).

II. ЦИК СССР: 6) член Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК; 7) ректор Института красной профессуры (переходит во ВЦИК с будущего бюджетного года); 8) председатель Президиума Коммунистической Академии; 9) председатель секции истории революционного движения при этой академии; 10) председатель Общества историков-марксистов, там же; 11) член редакции "Вестника Коммунистической академии" и журнала "Историк-марксист"; 12) член президиума Большой советской энциклопедии, отвечающий за политическое направление этого издания; 13) главный редактор всего отдела обществоведения БСЭ; 14) редактор отдела русской истории, там же; 15) председатель комиссии по юбилею Чернышевского; 16) член комиссии по 10-летию Октябрьской революции.

III. ВЦИК: 17) заведующий Центрархивом РСФСР.

IV. Преподавательская нагрузка: 18) 2 семинария в ИКП; 19) 1 семинарий в РАНИОН; кроме того, 20) быть может, еще числюсь членом редакции "Под знаменем марксизма", хотя послал отставку в отдел печати уже давно. Итого: 19 или 20 функций, связанных в той или другой мере с действительной работой. Абсолютно забронированными приходится считать всю преподавательскую работу и всю работу по Коммунистической академии,

по фактической "незаменимости" так, по крайней мере, до сих пор считали. Буду очень рад, если точка зрения в этом вопросе изменилась. Далее, "незаменимым" меня считает НКпрос по ГУСу (у них нет "имени", а оно необходимо, ибо ГУС вершит судьбы всей профессуры, и поставить во главе этой машины лицо, не обладающее достаточным авторитетом в глазах академических кругов, трудно), и весьма также трудно заменить меня по Центрархиву (необходимо сочетание той же академической компетентности с положением старого партийца), в силу политического значения архивов, хранящих в себе много всяких секретов, иной раз довольно актуальных.

По странному недоразумению считают меня "незаменимым", в качестве ректора Института красной профессуры, тогда как я там не только не "незаменим", а просто плохой ректор: ни администратор, ни политический руководитель. На последней функции там, безусловно, необходим член ЦК – слишком крупное и сложное учреждение для меньшего партийного калибра... Весьма условна также моя "незаменимость" в качестве председателя научно-политической секции ГУСа, хотя НКпрос и ее поддерживает... Наконец, к разряду условных "незаменимостей" относится Большая советская энциклопедия. Я понимаю, что вовсе без меня такое предприятие обойтись не может, но если добросовестно исполнять все, что там на меня взвалено, не хватит трех недель в неделю. Я очень просил Политбюро освободить меня хотя бы от политической ответственности, вынуждающей меня читать 50 % всех статей. Тов. Кнорин задержал мою просьбу. Возобновляю ее теперь, присоединяя к ней просьбу освободить меня от заведования общественным отделом в целом. Это отлично может сделать Н.Л. Мещеряков, ныне имеющий в Энциклопедии свою основную работу. Тогда у меня останется: 1) участие в президиуме и 2) руководство отделом русской истории; от этого я не отказываюсь. По связи с Коммунистической академией мне придется остаться в ученом комитете при ЦИК. Теперь идут функции, где я безо всякого сомнения заменим: 1) Подсекция ВУЗов научно-политической секции... 2) Комиссия по подготовке научных работников... так как комиссия при ГУСе, то, как председатель последнего, общее руководство я сохраняю за собой. 3) Председательство в РАНИОН...

Итак, предел моих мечтаний: в НКпросе остаться только председателем ГУСа, вне НКпроса сохранить только заведование Центархивом (которое берет у меня 4 часа в неделю, ибо всю организационную работу ведут мои заместители т. т. Адоратский и Макасов, как основную работу иметь в Коммунистической академии, Большую советскую энциклопедию сократить до минимума, от (журнала) "Под знаменем" и прочее освободить совсем. С коммунистическим приветом: М. Покровский»¹¹⁴.

Впрочем, не следует забывать о том, что в советской исторической науке 1920-х гг. были влиятельные структуры, неподконтрольные М.Н. Покровскому, но занимавшие существенное место в этой сфере: история российских революций – исследовательское направление первостепенной важности – находилась в компетенции Истпарта, функционировавшего в качестве отдела ЦК ВКП(б); РАНИОН (её исторический институт М.Н. Покровский считал цитаделью «старой историографии») располагала хорошо подготовленными кадрами историков и могла развернуть эффективную работу по любому направлению отечественной истории; теоретико-методологические вопросы исторической науки во многом разрабатывались в рамках особых научных учреждений, работавших в области философии, политической экономии; специализированные структуры, занимавшиеся изучением жизни и деятельности классиков марксизма, естественно, затрагивали какие угодно вопросы, рассматривавшиеся этими самыми классиками; группы историков-марксистов, не занимавшиеся отечественной историей, имели своих лидеров (Н.М. Лукин у историков Запада) и свои организационные возможности. Конечно, М.Н. Покровский не находился с указанными научными учреждениями в состоянии непрерывной конфронтации. Более того, ему в целом удавалось организовать с ними совместную работу. Он входил в их руководящие органы (до 1927 г. М.Н. Покровский был председателем президиума РАНИОН, возглавлял коллегию Института истории, вёл семинарий аспирантов-историков), что позволяло находить компромиссы и минимизировать издержки. Вообще, подобного рода «плюрализм» научных центров шёл на пользу молодой советской исторической науке, однако до тех пор, пока решение одного из них не признавалось обязательным для других и борьба между ними не выходила за рамки сугубо научных вопросов. К концу

1920-х гг. сложилась такая ситуация, что перевес одного научного центра над другими мог привести к фатальным последствиям для них. Зачем нужно было закрывать альтернативные по отношению, допустим, к М.Н. Покровскому структуры (за что с определённого момента выступил М.Н. Покровский)? Да потому, что существовала реальная опасность, а не закроет ли эта структура учреждения, возглавляемые самим этим учёным, то есть не будут ли упразднены данные учреждения в её пользу?

Опасность со стороны буржуазной историографии в лице «честных реакционеров» была в основном нейтрализована, причём, по признанию М.Н. Покровского, в меньшей степени усилиями историков-марксистов: «махровые реакционеры-историки» из второго отделения Всесоюзной академии наук «были сняты со своих постов в совершенно другой связи и гораздо позже». Учёному приходилось отчитываться, что и его школа внесла свой вклад в борьбу с ними. М.Н. Покровский, видимо, считал главными для себя другие направления: историки, примкнувшие к марксизму (классический пример – Е.В. Тарле); некоторые историки-марксисты, пришедшие в науку после революции. Кампания по разоблачению первых уже была проведена, остальное не входило в компетенцию М.Н. Покровского.

Наибольшую угрозу для него представляли вторые: «оппортунисты из партийных уклонов», которые всячески избегали чётко формулировать свои взгляды, «стряпая из ленинских цитат такое блюдо иной раз, что от этого блюда не отказался бы ни один меньшевик»¹¹⁵. Они пока не были выявлены среди историков и определены в качестве оппортунистов, не существовало их списка, классификации. М.Н. Покровский всё-таки пытался «сформировать» определённый перечень историков-марксистов, которые, по его мнению, придерживались ошибочных взглядов, по меркам исторического фронта аналогичных уклонам в партии: 1) образчик «левацкой» интерпретации русской истории дал в ИКП Э.Я. Газганов, имеющий круг последователей; 2) индивидуальные уклоны представляют С.А. Пионтковский с его «торгово-капиталистической формацией» и С.М. Дубровский с его «крепостнической формацией»¹¹⁶; 3) А.Н. Слепков, доказывавший, что «теперь в СССР кулака нет вовсе»¹¹⁷.

До конца 1920-х гг. советские марксисты составляли относительно единую группу деятелей исторической науки. Конечно, у них были определённые разногласия. Они достаточно жёстко полемизировали друг с другом. Однако эти историки не были разобщены на противостоящие друг другу группировки. Объединяющую роль здесь, безусловно, играли и общие принципы марксистской исторической науки, которые пока не занимали ведущего места в дискуссиях (если историк являлся марксистом, то эти принципы как бы подразумевались), и историческая концепция М.Н. Покровского, которая не отвергалась в целом и по большому счёту не опровергалась. В конце 1920-х гг. в среде историков-марксистов произошёл раскол, в центре которого оказался М.Н. Покровский и как учёный-историк, и как руководитель советской науки. Одни так или иначе поддерживали его, другие всё более радикально нападали на своего бывшего лидера. На рубеже 1920–1930-х гг. на первый план в исторической науке вышел конфликт внутри сообщества историков-марксистов, достигший высокой степени остроты. Смысл конфликта состоял в том, что историки, в сущности, одного направления в науке отказывались признавать своих оппонентов марксистами, выдвигали друг против друга идеологические обвинения. Ещё раз подчеркнём, в условиях декларированного властями обострения классовой борьбы в СССР в связи с ускорением и радикализацией социалистического строительства плюрализм в научной среде, как правило, оборачивался борьбой на взаимоуничтожение различных групп и институтов, в том числе и тех (М.Н. Покровский), которые были вполне конкурентоспособны и лично не нуждались в специальных политических услугах. Развитие событий в советской исторической науке в 1930-е гг. подтверждает объективную обоснованность усилий М.Н. Покровского по сохранению своего направления в исторической науке.

В 1930–1931 гг. обстановка для М.Н. Покровского среди историков-марксистов становилась всё более тревожной. Речь идёт в том числе об учреждениях, возглавлявшихся М.Н. Покровским. Во-первых, учёный не мог уже справиться с оппонентами самостоятельно. «Диктатуру» на историческом фронте вводить было уже поздно, да и его лидер к этому никогда не стремился. Во-вто-

рых, борьба со взглядами М.Н. Покровского в какой-то мере поощрялась верхами хотя бы потому, что они вполне благосклонно смотрели на «упражнения» его критиков, которые, чувствуя свою безнаказанность, заходили всё дальше. Большой вклад в создание нездоровой обстановки внёс Л.М. Каганович, который входил в президиум Коммунистической академии. Именно он поддерживал школу Е.И. Ярославского. Естественно, многие противники М.Н. Покровского апеллировали именно к этому члену Политбюро ЦК ВКП(б), как бы курирующему исторический фронт. Однако этот процесс был пока довольно-таки беспорядочным, плохо организованным, отличался низким научным качеством. П.О. Горин так характеризовал поведение борцов с «покровщиной»: 1) голосуют за отражающие точку зрения Покровского резолюции, а на практике их саботируют; 2) заявляют о правильности линии учёного и ждут её провала; 3) выказывают полное политическое доверие историку и негласно политически дискредитируют М.Н. Покровского¹¹⁸. Видимо, М.Н. Покровскому следовало поставить перед властями вопрос о том, насколько они ему по-прежнему доверяют, то есть вынудить их окончательно определиться. Однако такая постановка могла сработать на опережение и спровоцировать режим на занятие более жёсткой позиции по отношению к учёному. В любом случае эту проблему, пусть и в неявной форме, следовало решать, например указав на то, что борьба советских историков со своим главой дискредитирует марксистскую историческую науку, и потребовав срочного обуздания «критиков». 5 февраля 1931 г. М.Н. Покровский направил секретарям ЦК ВКП(б) записку, в которой обратил их внимание на то, что его оппоненты избрали в качестве своего оружия противопоставление исторических концепций В.И. Ленина и М.Н. Покровского, пытались «столковаться» за его спиной «в необычайно тяжёлых для автора условиях» самокритики¹¹⁹.

Предупреждением М.Н. Покровскому было дело украинского историка М.И. Яворского, которое разрешилось в соответствии с замыслом партийного руководства и вопреки мнению главы советских историков-марксистов. В марте 1930 г. в «Правде» появилась статья «Матвей Яворский – авантюрист», которая положила начало борьбе с лидером украинских историков-марк-

систов. Всё это мероприятие было делом ЦК КП(б)У. Видимо, мнения М.Н. Покровского не спросили. Историк выступил в поддержку своих украинских коллег, однако получил высокомерную отповедь лично от руководителя украинских коммунистов С.В. Кошиора и вынужден был уступить¹²⁰. М.Н. Покровский видел, как сужаются для него границы дозволенного. А ведь совсем недавно историк смело вступал в полемику с Л.Д. Троцким, который был членом Политбюро ЦК и к тому же в глазах общества самым авторитетным после В.И. Ленина руководителем Советского государства. «Тов. Покровский разоблачил методологическую ошибку тов. Троцкого: он показал, что самодержавие... в о з н и к л о как аппарат купеческого капитала и торгового дворянства»¹²¹.

На пользу учёному было одно принципиально важное обстоятельство: противоречия между его оппонентами были едва ли не более острыми, чем их разногласия с М.Н. Покровским. Ведь многие из критиков сами хотели встать во главе советской исторической науки. Любопытно, что в полемике друг с другом они привлекали на помощь своей аргументации и на борьбу с враждебной аргументацией не только цитаты из работ Ленина, но и положения М.Н. Покровского, даже защищали последнего от нападков других оппонентов. И тогда вдруг каким-то образом получалось, что историки сверяют свои воззрения не только с ленинизмом, но и с «покровщиной», подтверждая отсутствие принципиальных разногласий между ними.

Молодые марксисты смотрели на развитие советской исторической науки с 1917 г. с чрезмерным, но политически грамотным оптимизмом. И.И. Минц выделил три его этапа: 1) перевод на марксистский лад материала, разработанного предшествующими историками; 2) самостоятельная исследовательская работа с материалом, ранее не вовлекавшимся в научный оборот; 3) возвращение к собственной методологии¹²². В принципе данная периодизация не вызывает возражений. Однако сомнительно, что все эти этапы были пройдены советскими историками уже к началу 1930-х гг. Кроме того, творчество М.Н. Покровского, скорее всего, было отнесено к первому этапу, а его оппоненты удобно расположились на третьем. Выводы напрашиваются сами собой. Кстати, идеологическую подкладку предложенной периодизации

подметил С.М. Дубровский, который счёл нужным уточнить, что М.Н. Покровский уже прошёл в своём развитии через все три указанных этапа¹²³, а советская историография должна пойти от этого рубежа дальше.

Обратимся к прениям по докладу С.М. Дубровского «"Азиатский", феодальный и крепостнический способ производства» в Обществе историков-марксистов в мае 1929 г.: А.И. Малышев находил, что совершенно прав Покровский, когда он рассматривает становление абсолютизма «как эпоху создания крепостного хозяйства под воздействием и при активной роли торгового капитала»; И.И. Минц установил, что «Маркс буквально в тех же терминах, как и Покровский, говорит о борьбе торгового капитала с капиталом промышленным»; по С.М. Дубровскому, «Покровский прекрасно показал, как из феодализма вырастает крепостничество и как оно ликвидируется»¹²⁴. Торговый капитализм, конечно, в 1929 г. уже изгонялся из исторической науки. Его даже относили к извращениям марксизма, объявляли нонсенсом. Однако в этом случае речь шла, как правило, о торгово-капиталистической формации, в конструировании которой были «повинны» некоторые последователи М.Н. Покровского. В самой же концепции М.Н. Покровского относительно торгового капитала «есть очень много недоговорённостей и неясностей»¹²⁵. Но об этих последних сам историк писал едва ли не больше и лучше других. Складывается впечатление (для И.В. Сталина удручающее), что, кроме исторической науки М.Н. Покровского, в СССР в 1920-е гг. не сложилось никакой другой марксистской исторической науки. И это действительно так, потому что он сумел интегрировать в свою схему всё качественно новое, появлявшееся в отечественной историографии советского периода. Не случайно в апреле 1931 г. ЦК ВКП(б) утвердил М.Н. Покровского председателем Президиума Коммунистической академии и директором её Института истории несмотря на то, что в том же году Е.И. Ярославский уже успел обвинить учёного в троцкизме и ревизионизме (не менее чем в третьем томе «Истории ВКП(б)»)»¹²⁶. Видимо, он получил на это какую-то санкцию, но его надежды не сбылись.

В качестве арбитра М.Н. Покровский видел И.В. Сталина, которого учёный даже признал историком более авторитетным,

чем он сам. М.Н. Покровский обращает внимание на высказывания Сталина по вопросам, касающимся исторической науки, признаёт, что Сталин раньше него приходил к более правильным выводам по истории, подтверждает свою готовность лично следовать указаниям вождя по сугубо научным вопросам¹²⁷. Однако в целом М.Н. Покровский выражал готовность работать над освещением истории на основе ленинских взглядов и не был замечен в неумеренных восхвалениях нового вождя.

Отношение самого И.В. Сталина к учёному было также противоречивым. Для него была очевидна тенденция ослабления позиций М.Н. Покровского, по крайней мере, с середины 1920-х гг., которую он считал соответствующей логике послеоктябрьского развития революционного процесса. Но в данном случае И.В. Сталин имел в виду политическую роль историка и непригодность старой партийной интеллигенции для руководящей работы в новых условиях. В научном плане он характеризовал концепцию М.Н. Покровского как в основном правильную, хотя и не свободную от крайностей¹²⁸. Проблема И.В. Сталина заключалась ещё и в том, что, по крайней мере, на начальном этапе своего руководства страной он не имел собственной исторической концепции. У него были определённые соображения по поводу как отдельных событий отечественной истории, так и того, что историки должны обосновывать, а что – критиковать. При этом намерение И.В. Сталина заключалось в том, чтобы заменить концепцию М.Н. Покровского (да и другие концепции) схемой собственного изобретения. Конечно, такую схему можно было сконструировать трудами особо доверенных историков, но для этого требовалось много времени. Это должен был быть тоже какой-то своеобразный этап в развитии исторической науки в СССР.

Применительно к М.Н. Покровскому молодые советские историки-марксисты до конца 1920-х гг. были относительно однородной прослойкой, а на рубеже 1920–1930-х гг. разделились на две группы – за и против ученого. Ситуация среди старых марксистов (А.А. Богданов, И.И. Скворцов-Степанов, В.В. Адоратский, М.С. Ольминский, В.И. Невский, А.В. Луначарский, Д.Б. Рязанов и др.) была более «индивидуальной». М.Н. Покровского сближали с ними общая культура и некоторые подробности биографии.

Однако в личностном и научном плане между этими деятелями было много различий. Например, И.И. Скворцов-Степанов был большим авторитетом для М.Н. Покровского в области марксизма. А.А. Богданов, с его точки зрения, был крупным культурным героем русской революции, хотя и отошедшим от ортодоксального марксизма. С М.С. Ольминским учёный полемизировал на исторические темы ещё в дореволюционный период. С Д.Б. Рязановым учёный не раз оказывался и по одну, и по разные стороны баррикад. Историк вполне осознавал свою принадлежность к этой общности. Однако политически к концу 1920-х гг. она уходила в прошлое, сдавала свои позиции. Но поскольку М.Н. Покровский оставался «на боевом посту марксизма», он должен был воспринять новое неоднозначное отношение к старой партийной интеллигенции. Кроме того, в этом слое было много деятелей, конечно, левых политических взглядов, но меньшевистского или народнического толка. В этом пункте старых товарищей уже нужно было разоблачать. В случае с М.Н. Покровским задача облегчалась тем, что он имел с ними реальные разногласия научного характера и никогда их не скрывал.

1.4. Дискуссии в советской исторической науке

Одной из важнейших форм научной работы в 1920-е гг. были дискуссии среди историков-марксистов по актуальным проблемам исторической науки. Они вызывали большой интерес. В ходе дискуссий высказывалось много важных, хотя и спорных, идей. «Пусть и под постоянным идеологическим прессом, апеллируя неукоснительно к авторитету основоположников марксизма-ленинизма, историки-марксисты излагали весьма пёструю гамму мнений, цитировали своих противников, включали в обсуждение вопросы, которые уже в то время вызывали неудовольствие Сталина и сталинской группировки»¹²⁹. Такая форма работы была полезна для развития марксистской историографии и стала её несомненным достижением в советский период. Однако даже с формальной своей стороны дискуссии легко могли стать площадкой для политической борьбы, средством разгрома оппонентов. Анг-

лийский исследователь Д. Барбер считал дискуссии «весьма плодотворными в научном отношении» и в то же время характеризовал их «как симптомы кризиса исторической науки»¹³⁰. Эта тенденция в дискуссиях развивалась по нарастающей. Данное обстоятельство вызывало несомненную тревогу у М.Н. Покровского. Учёный прямо отмечал, что в ряде случаев глубокое научное обсуждение проблем истории подменяется приклеиванием политических ярлыков. Вместо научной критики взглядов того или иного исследователя, некоторые участники дискуссий стремились в первую очередь выяснить, к какому чуждому, враждебному направлению (научному или политическому) его можно отнести, и далее критиковали уже именно это направление, приписывая его характерные черты «разоблачаемому» историку. Главной целью дискуссии стало принятие резолюции, призванной заклеить этого историка и одновременно документально зафиксировать правоту «победившей» стороны. В итоге разговор по конкретному научному вопросу сводился к формулированию политических оценок. «Само по себе наличие всевозможных схем и гипотез в науке, их необычность и новизна были явлением естественным...», но они имели «неестественное, вненаучное происхождение», ими подменяли «конкретную исследовательскую работу»¹³¹.

М.Н. Покровскому была очевидна эта тенденция, и он отнесся к ней отрицательно: «Ничем не обоснованная ругань, подсиживание на "словечках" и тому подобные приёмы, на которые, собственно, в серьёзной полемике не отвечаешь, но они у нас, к сожалению, в ходу, так что отвечать приходится, но не аргументами, а "словечками похлеще"»¹³². В письме Е.М. Ярославскому М.Н. Покровский писал: «Правда и то, что в своих ошибках, поскольку они были доказаны, я каялся очень охотно – никогда не изображая собою непогрешимого папу, не пытаюсь своих противников смешать с грязью и сделать посмешищем аудитории». Учёный утверждал, что в ходе «проработок», которым он подвергался, его точка зрения побеждала, и большинство именно её «признавало правильной»¹³³. Он считал обязательным обоснование научной несостоятельности взглядов историка, в противном случае этот последний имел право сохранить свою точку зрения. Однако, оставаясь в науке, в том числе в руководстве историческим

фронтом, М.Н. Покровский до известной степени подчинялся утверждавшейся негативной тенденции. Вместе с тем следует оговориться, что дискуссии даже конца 1920-х – середины 1930-х гг. в большинстве своём сохраняли и сугубо научное содержание и значение (в рамках марксистской историографии). Кроме того, некоторые их особенности имели место и ранее, в том числе применительно к М.Н. Покровскому.

Для дискуссий в среде историков-марксистов были характерны резкие, нелицеприятные высказывания, те или иные точки зрения преподносились в нарочито заострённой форме; различия во взглядах не только не камуфлировались, но отображались во всей их очевидности и полноте. Историки не затрудняли себя жёсткими оценками, ироническими замечаниями по отношению к коллегам. Дыхание революции соединялось с относительной творческой свободой. Кстати, это заставляло историков мобилизоваться перед своими устными и печатными выступлениями в ходе дискуссии, формировало у них критическое отношение к своим исследованиям, внимание к замечаниям коллег, способность делать поправки, не отказываясь от своей позиции в целом. М.Н. Покровский как участник дискуссий всегда тщательно готовился к своим выступлениям: история вопроса, его современное состояние, подбор данных источников. Его отличительной чертой было особенное умение обнаружить слабые места в построениях оппонентов и в яркой, доступной форме указать на них.

Э.Б. Генкина, учившаяся в ИКП в 1925–1930 гг., обратила внимание на один очень важный нюанс. Дискуссии этого периода имели свою политико-идеологическую часть. Но по линии пропаганды их участники подчинялись не научному своему руководству, а партийному. В этом контексте историки вели споры не как учёные, пусть даже и политизированные, а как члены партии: «бурные партсобрания» и дискуссии «по вопросам оценки нэпа, о госкапитализме и особенно о победе социализма в одной стране»; «опять долгие и бурные партсобрания, когда в ИКП не давали говорить оппозиционерам...»¹³⁴.

1.5. Начало ленинского этапа развития советской исторической науки

В 1920-е гг. советские историки прошли несколько этапов в усвоении ленинского научного наследия. На первом этапе они в основном знакомились с ленинской концепцией исторического процесса и более или менее плавно переходили к её изучению, разумеется, с соответствующими интерпретациями. На следующем этапе советские историки создавали новую ленинскую концепцию отечественной истории на основе как уже изученных ими ленинских работ, так и своего понимания ленинизма. Такая концепция должна была стать общей для всех историков-марксистов в России и послужить точкой отсчёта и фундаментом дальнейшей научной работы.

В рамках данных этапов набирали силу два процесса:

1) проверка уже существовавших концепций и разработок отдельных вопросов истории на предмет их соответствия ленинским выводам с последующим «выбраковыванием» всего чуждого, ошибочного;

2) обоснование ленинского характера собственных идей; идеи оппонентов, хоть в чём-то не совпадавшие с авторскими, неизбежно отклонялись от ленинизма.

Надо сказать, что данные процессы приобрели непомерное значение, становились потенциально бесконечными, всё более научно бесперспективными, бесплодными и не могли быть пресечены без участия инстанций, находящихся за рамками непосредственно научно-исторических организаций.

Хотелось бы подчеркнуть, что сама инкорпорация ленинского научно-исторического наследия в историческую науку имела положительное значение для советских марксистов, ибо В.И. Ленин являлся крупнейшим теоретиком марксизма, и его идеи при творческом их использовании, конечно, способствовали обогащению марксистской историографии.

Негативный характер имели другие тенденции, связанные с использованием ленинизма. Ведь многие советские историки-марксисты, особенно из числа пришедших в науку в 1920-е гг., не особенно интересуясь сущностью этого учения, не занимаясь его

научным познанием, искали в нём (чаще всего путём произвольного подбора цитат) обоснования для продвижения на ведущее место в науке своих взглядов, карьерного роста, разгрома оппонентов. Из работ этих последних выбирались определённые положения и с ними по формальным критериям сопоставлялись отдельные положения, обнаруженные в ленинских работах. По причине того, что внешние расхождения были неизбежны (ведь ни один историк не мог ограничиться простым переписыванием ленинской работы), создавалась якобы научная база для опровержений. М.Н. Покровскому приходилось объясняться с оппонентами на доступном им языке: «Я могу сослаться и ещё на другой факт – я прекрасно знаю еретичность своей теории, относительно обычного изложения русской истории, спросил специально Ильича – а как насчёт торгового капитализма – это марксистская постановка? – Ленин посмотрел и говорит: конечно, марксистская, что же тут немарксистского? Те, кто читал 3-й том "Капитала", прекрасно знают, что там можно найти целый ряд цитат, которые дают ту же самую формулировку, только применительно к Западной Европе»¹³⁵.

У многих начинающих историков, особенно во второй половине 1920-х гг., естественно, возникало искушение подменить научную работу комментированием ленинских работ, что было технически проще, отнимало меньше времени на подготовку научных публикаций и позволяло закрепиться в науке людям, которые не имели необходимых способностей, склонностей, умений. Иногда историк писал что-то сам, а потом доказывал, что этих же взглядов придерживался и В.И. Ленин.

Впрочем, очевидно, что указанные тенденции носили вне-научный характер, то есть они были привнесены в науку из политической сферы. Данная ситуация не устраивала М.Н. Покровского. Он критически отзывался о ней: «Повторять слова Ленина – не значит заниматься историческими исследованиями»¹³⁶.

М.Н. Покровский предлагал советским историкам некоторые принципы общего отношения к ленинскому наследию в историографии. Например, по мнению учёного, озвученному 24 января 1927 г., «невозможно ограничивать или критиковать как-нибудь те положения Ленина, которые составляют интегральную часть

ленинизма. Но это не значит, что нельзя критиковать отдельных фактических утверждений Ленина»¹³⁷.

Не могло его устроить и наметившееся преодоление этой ситуации. Речь идёт о принятии решений, лежащих в плоскости науки и не изымаемых из этой плоскости, какими-то партийными и государственными органами с приданием им обязательного характера для советских историков всех школ и направлений. Это означало, что кардинальные решения в сфере науки будут приниматься в принципе не учёными-историками. В данном аспекте историки попадали в безвыходную ситуацию: резко снижалась степень их самостоятельности, уменьшалось их влияние на собственную науку.

Однако была ещё одна негативная тенденция, с которой М.Н. Покровский в целом солидаризировался. Победа ленинизма означала снижение разнообразия научных взглядов, трактовок в самой марксистской науке, её унификацию по ленинскому образцу. Не случайно учёный крайне энергично «ленинизирует» свою историческую концепцию. Правда, в случае с М.Н. Покровским стоит говорить, скорее, о её переформулировании в соответствии с новым понятийным аппаратом, постепенно складывавшимся в 1920-е гг. в исторической науке, кстати во многом трудами его учеников.

Кроме того, историк не забывал всякий раз напоминать об отсутствии противоречий между своей схемой русской истории (даже в старых её вариациях) и ленинскими построениями (конечно, с учётом того очевидного обстоятельства, что М.Н. Покровский не был марксистом изначально и, став им, эволюционировал уже в этом качестве). «Та схема, которую иногда называют марксистской схемой, а иногда схемой Покровского, потому что не Маркс является её автором, Маркс, как вы увидите из одной моей цитаты, имел о русской истории смутное представление, эта схема принадлежит Ленину»¹³⁸.

Атаки оппонентов при помощи ленинизма вызывали у М.Н. Покровского недоумение, ибо были заведомо рассчитаны на слабо подготовленную публику. Он понимал, что единственный выход для него – настойчиво повторять одно и то же, то есть рассказывать, что писал В.И. Ленин по тому или иному вопросу. Это

была технически несложная, но бессмысленная для науки работа. Противники М.Н. Покровского били ленинизмом по торговому капитализму, думая, что нашли слабое звено, и попадали мимо цели. Ещё в работе о «друзьях народа» В.И. Ленин занял следующую позицию по данному вопросу: К. Маркс «берёт одну из общественно-экономических формаций – систему товарного хозяйства – и на основании гигантской массы данных... даёт подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития её. <...> Маркс даёт возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические... классы...»¹³⁹.

Правда, здесь необходимо учитывать один немаловажный нюанс. В середине 1920-х гг. ленинизм, а не только отдельные работы или группы работ В.И. Ленина, стал крупнейшим историографическим фактом. До этого не то чтобы безраздельно доминировала концепция М.Н. Покровского, скорее, в незначительной степени был представлен момент её сравнения с каким-либо другим марксистским научно-историческим материалом.

Кроме того, молодые советские марксисты изучали ленинские труды во многом самостоятельно, «и, естественно, что, вооружённые ленинской методологией, они стали придирчиво присматриваться к тому, что предлагал Покровский... и критиковать то, что их не удовлетворяло»¹⁴⁰. Когда ученики М.Н. Покровского «выучили» его концепцию, перед ними встал закономерный вопрос: что дальше? Последовали создание ими собственных концепций, различных вариантов истории России и зарубежных стран, неизбежный переход от построений учёного к чему-то ещё. Такое развитие событий можно считать вполне нормальным и даже благоприятным для советской исторической науки. Главным здесь является результат перехода. Но в отношении марксизма после М.Н. Покровского она сделала шаг назад. Правда, мы имеем в виду не работы отдельных историков (качественных научных исследований и в 1930–1940-е гг. было немало), а сталинскую историческую концепцию, которая к тому же, в сущности, была политической. Ведь И.В. Сталин создавал свою схему потому, что ему нужна была именно *такая* схема, а не потому, что в своё время у него сформировались собственные взгляды на историю и ему было приятно, что все их разделяют.

Победа ленинизма также означала полную ликвидацию немарксистских течений в советской исторической науке, их пережитков, устранение их влияния на историков-марксистов. Как известно, учёный поддержал данный подход. Однако хотелось бы заметить, что этот партийно-государственный подход не был однозначно «промарксистским» и «антибуржуазным». Ведь в 1930-е гг. его жертвами оказались многие историки-марксисты, напротив, их оппоненты не менее преданно служили режиму, чем большевик М.Н. Покровский. Не исключено, что учёный предвидел такое развитие событий. Отсюда и более агрессивная тональность его выступлений по отношению к коллегам из враждебного революционного лагеря и развёрнутая им именно в конце 1920-х гг. острая борьба за главенство на марксистском историческом фронте. Складывается впечатление, что историка в последние годы его жизни не оставляло ощущение безнадежности этой борьбы. Ведь победить в ней должен был не тот, кто сильнее в научном, пусть и в административном, плане, а тот, кто будет объявлен таковым. И какое здесь имеет значение то, что М.Н. Покровский не только превосходит своих соперников в создании советской марксистской исторической науки, но и зачастую переигрывает их в аппаратных интригах.

1.6. История и политика

Связь истории и политики М.Н. Покровский считал особенно важной. «История должна служить не для затемнения, а для разъяснения основных моментов политики. В этом её смысл, в этом её значение для марксистов. История – это объяснительная глава к политике»¹⁴¹. Таким образом, историк утверждал первичность политики и идеологии по отношению к общественным наукам. Но, даже делая подобные заявления, учёный не мог остановиться и «выворачивал» их наизнанку. Ведь речь здесь идёт не о политическом руководстве наукой, а о том, что внедрение теории в общественную практику с целью её преобразования («главное дело марксизма») является функцией политики. Кроме того, с учётом развития отечественной исторической науки в начале XX ве-

ка политизация истории не была большой новостью, в том числе и за рамками марксизма¹⁴². «Мы были участниками, частицами великого государственного тела, ныне более не существующего. Мы притягивали историю для объяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится»¹⁴³. В 1915 г. русские историки подписали знаменитый адрес Николаю II, объявив его своим «царственным духовным вождём». В научной деятельности своих оппонентов М.Н. Покровский не без оснований видел не меньше политического, чем в своей собственной. История подготавливает политику со своей стороны, и если та оказывается наиболее адекватной действительности, значит, и соответствующая ей историческая наука наиболее адекватно понимает и объясняет прошлое. Адекватность в политике доказывается победой над другими политиками, а с ней побеждает в своей сфере и её научное обоснование. Вот и получается «по прошедшему заключать о будущем»¹⁴⁴. История должна разъяснять настоящее. Почему же именно история? Чем важнее происходящее событие, тем глубже скрыто от поверхностного наблюдателя его подлинное значение, причём скрыто в истории. Актуальность истории как науки состоит в том, что без неё невозможно обойтись и её нечем заменить в понимании действительности, являющейся предметом практической политики¹⁴⁵.

По М.Н. Покровскому, политика на каждом данном этапе исторического развития проводится в отношении и настоящего, и прошлого. Для учёного здесь не было прямой зависимости. Если политический деятель выражает интересы определённого класса, то историк стоит на точке зрения этого класса. В таком случае историка трудно заподозрить в искренности. Если класс передовой, то историк вынужденно объективен, стремится к истине при всех своих личных недостатках, иначе он останется историком «для себя», то есть его сочинения не станут явлением культуры. В противном случае историк также идёт к намеченной цели, с теми же средствами, но общая картина событий в его изображении является искажённой, тенденциозной, даже если сам учёный этого не хотел. Учитывая относительность истины, можно сказать, что одна и та же идея в начале XIX века будет верной, а в начале XX – уже ошибочной. В науке каждый следующий шаг вперёд в известной

степени отменяет предыдущий, но этот самый предыдущий шаг не является изначально истинным или ложным, а только становится таковым в процессе общественного развития.

Историк для М.Н. Покровского – это человек, который не только изучает историю, но и делает её. Его исторические исследования одновременно являются способом изменения действительности. Применительно к марксистам историк должен осознанно подходить к данному процессу, заранее понимая, в каком направлении он его будет менять.

1.7. Противоречия научного исследования

Противоречивость М.Н. Покровского носила не только ситуативный характер, порождалась текущим моментом и приводила к трагическому разладу, но и сопровождала всё его научное творчество, была присуща учёному на всех этапах его творческого пути. В этом смысле она была созидательной силой. «Кропотливый труженик – и в то же время человек, пригоршнями бросающий сверкающие парадоксы самых смелых обобщений. Как его ни складывай, ни перегибай, ни мни, – ни в какой футляр его не запрядешь, штампа из него не сделаешь, под номер его не подведёшь». Действительно, зачастую точку зрения М.Н. Покровского даже по какому-то небольшому вопросу не удаётся свести к определённой сжатой формуле, что-то всё равно остаётся неохваченным. «Конкретный материал», живая ткань «исторического становления» у М.Н. Покровского органически сочетались со смелыми историческими обобщениями¹⁴⁶. Вообще, в творчестве учёного невозможно отделить «эмпирию» от «теории», поскольку он не создаёт историко-материалистический метод, а обрабатывает им материал, поэтому сам исторический материализм М.Н. Покровского заключается в том готовом виде, который этот материал приобретает в историческом исследовании. В сталинский период «эмпирия» и «теория» должны были существовать в исторической науке по возможности отдельно, дабы их можно было присоединять друг к другу под любым нужным углом. Из работы М.Н. Покровского, конечно, можно было взять что-то одно, но

оно тянуло за собой шлейф ненужных подробностей, от которых решительно не удавалось отвязаться. Почему? Н.И. Бухарин подметил такие черты произведений М.Н. Покровского, как «образность языка... живость рисунка, узоры...», которые, добавим от себя, переходят из книги в книгу и остаются как бы в неоконченном виде. У М.Н. Покровского – не точка зрения, а непрерывное колебание точки зрения в рамках определённого смыслового поля. В идеале каждый научный вывод содержит зерно своего опровержения. М.Н. Покровский писал об исторической неизбежности противоречий в своих исследованиях, объяснение которой он считал делом последующих историков¹⁴⁷. Разные исследователи задавались вопросами типа: а признавал ли М.Н. Покровский формации в истории? С нашей точки зрения, ответ на него положительный. Но тогда что же настораживало историков? Дело в том, что учёный очень редко что-либо утверждал кратко и резко, как бы останавливаясь на достигнутом. Для М.Н. Покровского сказать, что были формации, – значит ещё ничего не сказать. Он не был сторонником формальной правильности суждений, напоминающих определения, выписанные из словарных статей. Это затрудняло интерпретацию тех или иных положений учёного, что всё-таки в большей степени представляет собой исследовательскую задачу, а не качественную характеристику его концепции. В 1930–1940-е гг. советским историкам часто доставалось за «отдельные формулировки». Именно в них с точки зрения И.В. Сталина заключалась большая научная ценность.

М.Н. Покровский, откликаясь на нужды современной ему советской исторической науки, пытался выработать формулу, учитывающую и факты, и теорию. С одной стороны, для её становления было необходимо изучение достаточно широкими кругами историков, прежде всего молодых, марксистской методологии истории, а следовательно, и соответствующей философии, и политической экономии. Без этого невозможно было создать кадры историков, действительно разбирающихся в марксизме. Нужно было его знать, чтобы применять к истории. Речь идёт как минимум о приложении «точек зрения н а у ч н о г о с о ц и а л и з м а к различным группам фактов...»¹⁴⁸. В противном случае историки либо перестали бы заниматься наукой, либо стали бы использо-

вать немарксистские теоретические заготовки и шаблоны. Однако в этой полезной работе со временем накапливался негативный опыт, заключающийся, например, в пренебрежении фактами, конкретными знаниями, подмене собственно истории, допустим, историческим материализмом, своего рода обществоведением. В связи с этим были попытки конструирования новых «исторических» дисциплин, призванных отринуть историю как науку в её традиционном виде. Например, известный теоретик общественных форм П.И. Кушнер в конце 1920-х гг. предлагал ввести новую науку – «генетическую социологию»¹⁴⁹. М.Н. Покровский занимал в данном вопросе совершенно определённую позицию: «История есть своего рода универсальная наука, к которой тяготеют решительно все другие общественные науки... универсальный подход к пониманию всякой общественной проблемы»¹⁵⁰. М.Н. Покровский, конечно, осознавал, что историку нельзя заниматься изучением «теории ради теории» и считал оправданным требование дать «людей, знающих факты в той или другой области». Однако он не мог развернуть исторический фронт к внутренним задачам исторической науки. Это было бы возможно лишь тогда, когда вся система исторического образования начиная со школьной скамьи основывалась бы на марксистских представлениях об истории. Не случайно речь идёт именно об общих представлениях, опираясь на которые даже слабо разбирающийся в вопросах методологического характера исследователь не будет «сбиваться с курса». С другой стороны, историкам-марксистам следовало овладеть и методикой научной работы с источниками. М.Н. Покровский непрерывно напоминал о том, насколько это важно. По его мнению, первым этапом такой работы являются конкретный подход, предварительное изучение конкретных фактов, а вторым – извлечение «того, что нужно»¹⁵¹. Фундаментом исследовательской работы историка выступает как раз первый этап, ибо без него в сфере истории отсутствует объект приложения методологии «отвлечения». Второй этап делает марксиста, но не делает историка. Беспокойство М.Н. Покровского понятно, ибо без гармоничного сочетания конкретизации и абстрагирования научное познание становится гораздо более «гибким» для манипулирования, быстрой смены курса, приспособления к задаче текущего момента. Причём этот

результат в равной мере обеспечивается при уклоне и к фактографии, и к схематизму. «Такого учения, что ежели у вас в голове есть совершенно абстрактная теория, то никаких фактов в сущности вам не нужно или вам достаточно притягивать факты для иллюстрации, такого учения в марксизме не существует». И в то же время «никакой марксист не станет проповедовать превосходство эмпирии над теорией»¹⁵². Однако к теории нужно идти от фактов. Таким образом, М.Н. Покровский выступил против нарождающейся традиции подбора фактов в соответствии не с проблематикой научного исследования, а с уже имеющимися выводами.

«Ни в малейшей степени не думая отрицать, что исторический материализм есть частный случай применения диалектического материализма в определённой области и что примат философии здесь вполне законен, всё же нужно напомнить, что истина и здесь, как всюду, конкретна, и что пока историческим материализмом занимается человек, никогда не имевший дела с конкретным историческим материалом, он рискует, самое меньшее, не пойти дальше того, что мы уже знаем от Маркса и Энгельса, но может попасть и в большую беду: создать исторические абстракции, которые по мешают другим видеть конкретную историческую действительность, а это уже совсем не марксистское дело»¹⁵³. Получается, что более высокий философский «жанр» не руководит историей, а включает её в себя как необходимую часть, неизбежно являясь своего рода философией истории. Теория выполняет свою функцию применительно к исторической науке в том случае, если позволяет лучше объяснять прошлое. В ином случае теория даже вредна.

Подводя итоги сказанному, отметим следующие моменты. В начале и середине 1920-х гг. М.Н. Покровский был настроен на сотрудничество с историками старой школы. Конечно, не со всеми, а с теми, кто удовлетворял определённым требованиям: 1) стремился наладить конструктивные отношения с советской властью; 2) принимал новые правила игры; 3) был полезным с точки зрения становления новой науки. Вместе с тем М.Н. Покровский несомненно придал изучению немарксистской историографии острокритическую направленность, которая, впрочем, усилиями самого учёного в целом не выходила за рамки научного подхода.

Видимо, он и в дальнейшем собирался придерживаться этой же стратегии, которая себя вполне оправдала.

Но приблизительно с 1928 г. часть молодых советских историков-марксистов – может быть, недостаточно квалифицированных, может быть, конъюнктурно чутких – перешла эту грань в отношении к своим оппонентам из противоположного лагеря, заняла гораздо более жёсткую позицию по данному вопросу. «Шахтинское дело», «академическое дело» показали, что политическое руководство взяло курс на ликвидацию всего немарксистского в исторической науке. Это прибавило агрессивности критикам-радикалам и расширило их ряды. М.Н. Покровский оказался здесь в сложном положении. Он также полагал сосуществование с буржуазной историографией временным, значит, присутствовала общность целей между историками-марксистами и государством. Просто партия в лице своих вождей решила «изжить» немарксистские научные учреждения в СССР раньше и быстрее, чем этого хотел М.Н. Покровский, да ещё и искусственным путём. Он присоединился к этому курсу, но, с нашей точки зрения, непоследовательно, больше на словах применительно к историкам старой школы и гораздо более деятельно применительно к организационным структурам старой науки. При этом политические вопросы (контрреволюционная деятельность и другие) оставались в ведении «компетентных» органов. Историки в этом плане не должны были ничего решать.

В то же время происходил процесс изживания немарксистских исторических концепций в самой буржуазной науке. Он носил половинчатый характер и, в сущности, так и не завершился (в 1930–1940-е гг.). Сталинское руководство, конечно, это время от времени замечало, но без прежних крайностей.

М.Н. Покровский признавал за большевистской партией право руководить исторической наукой, соглашался, что историки должны выполнять партийные решения. Поскольку историки школы М.Н. Покровского были либо членами партии, либо ориентировались на вступление в неё, то на них распространялось действие принципа демократического централизма. На первый взгляд здесь нет никакой почвы для противоречий: позиции учёного и власти полностью совпадали. Однако на практике противоречие

было, ведь М.Н. Покровский в своё время добровольно сделал определённый идейно-политический выбор. Видимо, он считал, что принципиальных расхождений между историком и партией быть не может, ведь это его партия. Разногласия могут быть только рабочими, следовательно, ничего драматического произойти просто не может. Ну а вдруг сложится так, что события станут развиваться по другому сценарию, по «логике», М.Н. Покровским не предусмотрено? И это несмотря на то, что разрыв с партией учёный не считал для себя возможным, так как это был бы разрыв с самим собой. В то же время М.Н. Покровский не раз имел возможность наблюдать, когда сама партия устраивает такой разрыв, причём с теми деятелями, в большевизме которых вряд ли приходилось сомневаться. В данной обстановке историку оставалось лишь приспособляться, например, отказываясь от частного, сохранять главное. По этому пути можно идти достаточно долго и далеко, но у всяких уступок есть какой-то предел. Данную проблему, конечно, следовало решать, однако смертельная болезнь М.Н. Покровского, омрачавшая последние годы его жизни, порой надолго выведившая его из строя, видимо, не позволила бы учёному осуществить кардинальный поворот в своей жизни. Единственный выход, вероятно, заключался в том, чтобы без больших потерь и запредельных компромиссов добраться до своего жизненного финала. Но не в характере М.Н. Покровского были пассивное ожидание и вялое сопротивление. Будучи оптимистом, историк продолжал работать на перспективу даже с учётом того, что её могло и вовсе не оказаться.

РАЗВИТИЕ М.Н. ПОКРОВСКИМ СВОЕЙ КОНЦЕПЦИИ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА В РАБОТАХ 1918–1932 ГГ.

2.1. Эволюция взглядов М.Н. Покровского на торговый капитализм в первые послереволюционные годы

На этапе возникновения советской исторической науки в первые годы существования социалистического строя М.Н. Покровский решал, по крайней мере, две главные задачи, которые имели непосредственное отношение к концепции торгового капитализма. Крайне актуально было выявление причин социалистической революции в России как закономерного итога длительного исторического развития страны. В этом случае неизбежно повышался удельный вес капитализма в русской истории в том, конечно, смысле, что он наиболее полно охватывал и взаимоувязывал друг с другом социально-экономические предпосылки и основания революционного процесса. Имея в виду научно-исторические воззрения М.Н. Покровского, этого невозможно было сделать без опоры на концепцию торгового капитализма, которая таким образом превращалась в инструментарий методологического значения, синтезирующий историческое знание, как известно, внутренне неоднородное, разноплановое и т. д. Кроме того, изначально были очевидны присущие социальной революции в России особенности, во многом отличающие её как от теоретических заготовок, так и от зарубежного опыта, но не чуждые им и не порывающие с ними. «Торговый капитализм» допускал всё-таки большую вариативность исторического процесса хотя бы потому, что он связан с разными производственными отношениями, не только с

капиталистическими, и в то же время необходимо сопряжён с капитализмом, даже и в «отрицательном» смысле. Концепция торгового капитализма обеспечивала исследователю-марксисту значительный «оперативный простор» и в том случае, если он желал оставаться в рамках сугубой «ортодоксии». Вместе с тем перед М.Н. Покровским стояла педагогическая задача популяризации марксистского исторического метода, изложения его сути в самом первом приближении, максимально быстрого доведения до революционных масс наиболее элементарных сведений о марксистской трактовке истории России. Для этого приходилось жертвовать сложностью, неоднозначностью, противоречивостью, нюансами, деталями и другим, приводя их к некоему общему знаменателю. Нужен был определённый интеллектуальный инструментарий, который позволил бы людям революционно пересмотреть своё понимание истории и отношение к ней. «Чистка» исторической концепции М.Н. Покровского от «наслоений» неизбежно оставляла фундамент, каркас, в конце концов, схему, прежде всего, торгового капитализма. Отчасти это было уместно и с чисто научной точки зрения, ибо сам он был более многоплановым, изменчивым, подвижным в сравнении, например, с формационной «пятичленкой» и бесконечной борьбой производительных сил с производственными отношениями.

Между тем тяжёлые условия гражданской войны, организационного оформления советской исторической науки оставляли М.Н. Покровскому мало возможностей для продолжения исследовательской работы в смысле развития собственно концепции торгового капитализма. С начала 1920-х гг. марксистская историография уже состоялась как крупный социальный феномен в контексте исторической науки в стране в целом и начала борьбу за ведущие позиции в ней, которая имела, разумеется, не только политическое, идеологическое преломление, но и самостоятельное содержание. И здесь М.Н. Покровский пошёл по пути не видоизменения, а совершенствования, уточнения концепции торгового капитализма, представлений о нём как о системе, его хронологических рамках, «элементной базе». Более изощрёнными при её посредстве становились объяснения исторических событий. Концепция торгового капитализма концентрировала в себе, отодвигая

на второй план, сходные термины, трактовки и т. п. «Торговый капитализм» действительно становился более крупным, ясным и универсальным. Нетрудно заметить, что торгово-капиталистические построения, независимо от взглядов М.Н. Покровского, были свойственны многим историкам первой трети XX века разной методологической направленности. Это создавало возможность, конечно, не объединения, а коммуникации между различными научными школами, направлениями, их взаимовлияния даже при всей подозрительности, политической враждебности друг к другу.

Существовали и общественно-политические условия, по-разному благоприятствовавшие продвижению проблематики торгового капитализма. С победой социалистической революции перед марксистским общественнознанием в Советской России не только пали все преграды для его развития, но и обеспечивалась гарантированная поддержка со стороны государства, коммунистической партии и других, что обуславливало его бурный опережающий рост. При этом различие оттенков в марксизме, по крайней мере в плоскости исторической науки, не приобрело первоочередной актуальности. Да и обстановка в целом в науке, как и в обществе, была хаотичной, не устоявшейся. Приоритетной была задача усвоения, а не осмысления той же концепции торгового капитализма, как и других идей подобного уровня и масштаба. Стратегический успех марксизма безотносительно к его качеству и оценке тянул за собой и пресловутый «торговый капитализм». С 1921 г. социально-экономические аспекты исторического развития оказывали уже более непосредственное воздействие на судьбу торгового капитализма. Начало нэпа обеспечило его новым дополнительным ресурсом. Теперь соответствующая концепция могла претендовать на объяснение не только прошлого, но и настоящего, более того, выполнять прогностическую функцию. Оказалось, что торговый капитализм имеет большее отношение к обновлённому социализму, чем военный коммунизм. Да и этот последний, сокрушив промышленный капитализм, едва ли не пасовал перед торговым. Наряду с этим, уже с 1922 г. советское руководство предпочло тактику сочетания экономической «либерализации» с ужесточением политического режима. Последнее, правда, пока осуществлялось в виде кратковременных фрагментарных

кампаний, не всех затрагивавших и оставлявших после себя только руины. Таким образом, концепция торгового капитализма была в значительной степени ограждена от подрыва её существенных основ, так сказать, «в силу вещей».

В 1918 г. М.Н. Покровский приступил к объяснению социального переворота в России с позиций его глубокой исторической подготовки, долгого вызревания разрушительного социального кризиса. Для этого ему не потребовалось пересматривать свою историческую концепцию. Достаточно было извлечь из неё необходимую информацию. Но это нельзя было сделать «механистически», в виде переписывания избранных страниц. Историк, естественно, предпочёл другой путь. Он постарался выработать краткую версию всей отечественной истории, сосредоточив основное внимание на характеристике исторического процесса и соподчинённых ему главных событий, показанных как производные от него. В дальнейшем он расширял, конкретизировал наработанный материал, что привело к формированию целого марксистского учебного курса отечественной истории.

М.Н. Покровский отметил, что субъектами революционного процесса в России на разных его этапах были крестьяне, дворяне, интеллигенция, буржуазия и пролетариат, а его экономической основой – сначала торговый, а затем промышленный капитализм.

Применительно к первым векам русской истории учёный фиксировал наличие торгового капитала, ростовщического капитализма (Киев XI–XII веков), городской буржуазии. Во многом аналогичной, по его мнению, была ситуация в XIV–XV веках, когда наблюдалась тенденция к их усилению от Ивана III включительно. Она развивалась по нарастающей от аннексии Новгорода до Ливонской войны¹⁵⁴. Именно в XVI веке сложился капитализм в области обмена. Своего рода критериями здесь выступали появление крупного торгового капитала в соединении с перемещением больших масс товара. Его генезис начался задолго до развёртывания процесса первоначального накопления капитала. Своего расцвета торговый капитализм достиг при Петре I. Но это не значит, что в дальнейшем он был обречён. Просто в начале XVIII века он «поднимался до дерзаний, слишком смелых даже и по нынешним временам». XVII век после Смуты предстаёт как период продви-

жения торгового капитализма от его начала к расцвету. Соответствующая система достраивалась, оформлялась институционально: превращение государства (неотделимо от него правящей династии) в крупнейшего «торгового капиталиста», эксплуатирующего торговые пути по Белому, Каспийскому и Балтийскому морям последовательно; огосударствление крупной отечественной торговли вообще; создание крепостного права в интересах торгового капитала.

По М.Н. Покровскому, в XVIII – первой половине XIX века в сфере торгового капитализма с точки зрения его сущности и общего строения мало что изменилось: отстаивание классовых интересов помещика, выколачивание прибавочного продукта из крестьян, «доделывание» водных путей и т. п. Обстановка менялась извне торгового капитализма как в мире, так и в России. Ключевую роль здесь сыграло возникновение машинной техники, которая сделала капиталистическое производство более прибыльным, чем капиталистическая торговля¹⁵⁵. Крупная русская промышленность стала быстро развиваться при Александре I. Однако если он действовал в основном в интересах торгового капитала, то Николай I оказывал благосклонность и промышленному капиталу. Проблема заключалась в том, что в ряде вопросов промышленный капитал требовал совершенно иных государственных мер, нежели торговый. Видимо, во второй четверти XIX века возможности лавирования ещё не были исчерпаны. Однако крупная промышленность в России была больше и сильнее промышленного капитализма. Ведь её социальное лицо определяли и дворяне, и купцы. Сам этот капитализм М.Н. Покровский оценивал более осторожно: изменения в экономическом базисе вышли наружу в виде малозаметных ростков в 1820-е гг. Вероятно, речь идёт о начале промышленного переворота.

В середине XIX века буржуазное хозяйство пришло в противоречие с крепостничеством. Но отечественному фабриканту удалось найти общий язык с прогрессивным дворянством, поэтому развитие страны относительно плавно перешло с крепостного на «пруссский путь»¹⁵⁶.

Не ограничиваясь этой конспективной интерпретацией, М.Н. Покровский высказал ряд положений концептуального ха-

рактера применительно к торговому капитализму. Первым условием его существования учёный назвал подневольный труд, шире – докапиталистические способы производства. Необходимым объектом торгового капитализма был несвободный работник со своим хозяйством. Торговый капитализм вносил порабощение, крестьянскую неволю самым фактом своего существования. Торговый капитал и крепостное право соотносятся как причина и следствие. Историк охарактеризовал систему торгового капитализма как сосредоточение средств обмена при господстве мелкого производства, что неизбежно требовало максимизации внеэкономического принуждения. Ведь торговый капитал не входил в производство и не менял его сути, поэтому крайне нуждался во внешней по отношению к мелкому производителю силе в лице феодала или феодального государства. Выгода «купца» состояла ещё и в том, что сам этот производитель ничего ему не стоил. К тому же М.Н. Покровский косвенно указал на наличие в России мелко-товарного уклада, по крайней мере с XVII века. По его мнению, крепостное хозяйство нужно было торговому капиталу не в качестве балласта, а как хозяйство интенсифицирующееся¹⁵⁷, то есть способное доставлять на рынок растущее количество продукта. Крепостничество не было статичным, оно усиливалось со временем.

Ёмкость внутреннего рынка для торгового капитала была менее важна, чем для промышленного, в силу большей примитивности первого. Его дело – взять сырьё из производящего района и продать его подороже в другом месте. Промышленный капитализм требует большей скорости и масштабов накопления капитала хотя бы потому, что его нужно привлекать ещё и в промышленность, которая сама по себе требует гораздо больших вложений. Промышленный переворот подрывал основы торгового капитализма, поскольку разорял эксплуатируемого им мелкого производителя¹⁵⁸.

Генезис самодержавия для учёного, в сущности, совпадал с зарождением торгового капитализма и крепостничества едва ли не до их тождественности. В этом смысле царская власть была не только узкополитическим явлением, но если и орудием торгового капитализма, то весьма «творческим». М.Н. Покровский сделал знаменитым заимствованное им у либерального народника Н.К. Михайловского («Политические письма социалиста», ок-

тябрь – ноябрь 1879 г.) положение о торговом капитале «в шапке Мономаха», «опрокинув» его в прошлое: «Россия только покрыта горностаевой царской порфирой, под которой происходит кипучая работа набивания бездонных частных карманов жадными частными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъеденную молью порфиру – вы найдёте готовую, вполне деятельную буржуазию. Она не отлилась в самостоятельные политические формы; она прячется в складках царской порфиры, но только потому, что ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расширения народного достояния и присвоения народного труда»¹⁵⁹. Правда, Н.К. Михайловский не выделял здесь специально торговую буржуазию. Вместе с тем он имел в виду не только буржуазию в узком смысле, но и аристократию, бюрократию, кулачество, то есть субъектов торгового, аграрного и промышленного капитала¹⁶⁰.

По мнению М.Н. Покровского, из «живейшего участника торговли» Грозного русский царь в лице Петра I превратился в настоящего предпринимателя. «Торговый капитал царил в Мономаховой шапке» и при его преемниках. Их правление в решающей степени зависело от того, насколько они осознают и реализуют интересы торгового капитала. М.Н. Покровский провёл аналогию между царским самодержавием в России, деспотизмом Тюдоров и Стюартов в Англии, французским абсолютизмом Людовика XIV. Разница лишь в том, что средства эксплуатации в России были более грубыми, а на Западе – более «культурными».

Важнейшим союзником торгового капитала была бюрократия. Чем больше она давила на производителя, тем больше продукта выходило за рамки его хозяйства. Зажиточный потребитель был менее интересен торговому капиталу, поэтому он был достаточно равнодушен к тому, что делало чиновничество для своего собственного обогащения.

М.Н. Покровский с позиций концепции торгового капитализма объяснял некоторые события отечественной истории, ранее не имевшие к этому явлению столь жёсткой привязки. Так, он связал борьбу за присоединение Малороссии во второй половине XVII века со стремлением России продвинуться к южным морям¹⁶¹. Применительно к середине XVIII века учёный указал на

конфликт между Россией и Францией за контроль над «левантийской торговлей» (с уточнением, что Петербург лишь надеялся когда-нибудь сосредоточить её в своих руках). К участию в Семилетней войне Россию склонило желание укрепить свои позиции на восточном берегу Балтийского моря, чему препятствовала Пруссия¹⁶².

Несколько нечётко прописана М.Н. Покровским эволюция торгового капитализма в XVI–XVII веках. Этот аспект нуждается в дополнениях и уточнениях. Всё-таки в XVI веке в версии учёного торговый капитализм, скорее, представлял собой некую, хотя и важную, ступень эволюции торгового капитала. Возможно, к концу этого века система торгового капитала уже стояла бы на очереди дня, если бы не замедление продвижения России к торговому капитализму, которое правильнее было бы трактовать как серию неудач на этом пути. Смута, по М.Н. Покровскому, была направлена против крепостного права и была русской «параллелью» крестьянской войны в Германии. Как это связать с торговым капитализмом, не порывая с концепцией историка? Очевидно, в условиях кризиса «старого» феодализма имели место две тенденции: 1) закрепощение крестьян как средство ускорения товаризации феодального хозяйства; 2) известная модернизация феодализма (например, на почве денежной ренты) с возможным более ранним выходом к капиталистическим производственным отношениям (в ряде мест, случаев). Победа первого варианта сделала путь торгового капитализма в России более длительным и трудным для населения. Следует учитывать неравномерность развития торгового капитализма в пределах определённой исторической эпохи: на одном направлении он может отставать, а на другом демонстрировать достижения завтрашнего дня. Под это суждение подпадают примеры, приведённые М.Н. Покровским в отношении правления Ивана Грозного (Ливонская война с «нарвским мореплаванием») и Петра I¹⁶³. К первой четверти XVIII века в схеме М.Н. Покровского относился расцвет той модели торгового капитализма, которая сложилась за предшествующие два столетия. Её обновление происходило за счёт дополнительных ресурсов в виде хлебного вывоза, борьбы за проливы, начала фабричного производства и т. п. Служа торговому капиталу, россий-

ские государи отвечали чаяниям всех выгодоприобретателей системы торгового капитализма в комплексе, в том числе, конечно же, и помещиков. Особенности русского торгового капитализма заключались в основном в применяемых им методах.

Таким образом, впервые в отдельной работе М.Н. Покровский изложил свою концепцию торгового капитализма на примере русской истории. В своих более крупных дореволюционных сочинениях он давал свою версию русской истории, в рамках которой отчётливо просматривался торговый капитализм. Теперь этот последний был выделен из общего контекста и представлен в концентрированном виде. С научной точки зрения это вполне уместно. Поскольку товарно-денежные отношения, торговый капитал существовали на самых разных этапах исторического развития, следовательно, их эволюция от низших форм к высшим объединяет все эти этапы. Кроме того, учёный подвёл своеобразный итог развития своей исторической концепции дореволюционного периода в отношении торгового капитализма. Вместе с тем брошюра «Царизм и революция» послужила заготовкой, моделью для последующих работ историка, в которых он решал научные задачи, характерные для его творчества первых советских лет.

Кстати, сам М.Н. Покровский утверждал, что ещё в дореволюционный период, по крайней мере в годы Первой мировой войны, он стоял на позициях «научного социализма», в том числе и в своих исторических сочинениях¹⁶⁴, то есть придерживался марксистской методологии истории.

В 1919 г. М.Н. Покровский, сравнивая петровскую и современную ему эпоху, высказал ряд новых соображений о торговом капитализме. Он отметил, что феномен Петровской эпохи состоит в переходе России «от натурального, средневекового хозяйства к капиталистическому в его первичной форме – господства торгового капитала». В Западной Европе (Англия, Голландия, Франция, отчасти Германия и Скандинавские страны) к началу XVIII века этот переход уже произошёл. Его незавершённость в России и представляла тогда пресловутую её «отсталость от Запада». Для рывка с целью преодоления данного отставания потребовалось обновленное государство, олицетворявшее союз купечества и бюрократии, в жертву которому приносились (по необходимости) ин-

тересы дворянства, «тогдашнего правящего сословия». На первый взгляд эта позиция М.Н. Покровского расходится с его отношением отечественной истории XVII века к периоду торгового капитализма, о чём он писал во множестве своих работ. Однако не всё так просто. Если взять российскую экономику XVII века в целом, то мы увидим, что удельный вес товарного хозяйства в его общей массе был относительно невелик, во всяком случае, уступал хозяйству натуральному. Естественно, последнее продуцировало соответствующие социальные, идейные, в меньшей степени политические «последствия». В то же время в обществе имелись силы, непосредственно связанные с торговым капиталом, причём их роль возрастала. Впрочем, на вершине власти «торговый капитал в Мономаховой шапке» уже утвердился. Теперь надлежало привести в соответствие с ней всю государственную структуру, пополнить государственный аппарат лицами, уже работавшими в системе торгового капитализма, а в итоге так или иначе связать с торговым капиталом основную часть субъектов хозяйствования. Успех всей этой работы зависел от скорости и масштабов перевода «старых» хозяйств на товарные рельсы. Речь шла о необратимости процессов торгового капитализма, обеспечении его распространённости и укоренённости. Историк склонялся к тому, что без материальной силы самодержавия и его армии торговый капитализм просто бы не состоялся. Дворянство как господствующий класс здесь вряд ли бы пострадало: прежних эксплуататоров надлежало заменить более свежими, «европейскими». Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и то, что система торгового капитализма в социальном плане может быть более или менее буржуазной, поэтому отношение к ней дворянства испытывало всякого рода колебания.

М.Н. Покровский также указал на то, что торговый капитал, прочно закрепившись в пределах национального государства, сразу же выходил за них, причём весьма агрессивно и энергично. Он подчинял себе менее развитые страны, превращая их в колонии. Как раз в XVII–XVIII веках и совершался первый раздел мира, который осуществляли, в частности, великие торговые компании. Только от преобразовательных усилий самой России зависело, в каком лагере она окажется¹⁶⁵.

М.Н. Покровский рассматривал борьбу крепостного крестьянства против крепостничества и торгового капитализма фактически как синонимы¹⁶⁶. Например, казацко-крестьянская революция Б. Хмельницкого была направлена и против польского торгового капитала, и против польских помещиков. Историк изображал это следующим образом: увеличивался гнёт над крестьянином, из него выжимали всё больше продуктов для того, чтобы отдать их купцам для продажи в другие страны. По сути дела, речь идёт о слиянии торгового капитализма и крепостничества, ибо они включали в свой состав существенную часть друг друга. М.Н. Покровский подчеркнул и усилил торгово-капиталистический аспект разинщины. Волжский торговый путь был исключительно важен для царившего в Московском государстве торгового капитала. Казаки угрожали этим коммуникациям. Правительство стало их ограничивать. На Волге появились крепости для охраны купеческих караванов. Чёрное море закрывал турецкий Азов. Следовательно, казаки в определённый момент должны были попытаться разорвать постепенно сдавливавшие их путы. По мнению историка, большую роль в событиях разинской революции сыграли не только крестьяне и казаки, но и полупролетарские элементы из мелких ремесленников и торговцев, «которых жал торговый капитал». Посадских людей он вообще назвал главными врагами торгового капитала, который разорял их хотя бы недобросовестной конкуренцией. Учёный отнёс к представителям торгового капитала и верхушку казачества. Причём если в XVII веке на первый план выходило её превращение в землевладельцев, эксплуатирующих крестьянский труд, то в XVIII веке приоритетным стало предпринимательство в той или иной форме.

М.Н. Покровский полагал, что «формы гнёта торгового капитала» в XVII веке чувствовались гораздо слабее, чем ко времени восстания Пугачёва, относя это к числу слабостей крестьянской революции и вновь подчёркивая несовершенство русского торгового капитализма того времени. Дело в том, что система торгового капитализма в этот период заключалась в основном в царе как первом купце с его торговыми монополиями и в гостях, царских приказчиках, контролировавших денежные потоки. Значит, в XVII веке торговый капитализм был достаточно силён, что-

бы задействовать наличную товарную массу во внешней торговле, но слишком слаб для того, чтобы использовать крепостное право для быстрой товаризации феодальных хозяйств. В последней трети XVIII века появились новые факторы, вовлечённые в торговый капитализм. Выстраивается следующая зависимость: в России добывали, переплавляли и экспортировали руду, что потребовало привлечения крепостного труда, осуществлявшегося путём приписки местных крестьян к заводам, а тем самым в значительном росте их эксплуатации¹⁶⁷. Вряд ли будет преувеличением отнести металлургическую промышленность Урала к наиболее «чистым» образцам торгового капитализма. Ведь она давала исключительно ценный экспортный товар в больших количествах и гарантировала высокую торговую прибыль.

Всё вышеизложенное явно свидетельствует о том, что в 1918–1919 гг. М.Н. Покровский в своих лекциях и публикациях сделал максимум возможного в плане краткого изложения концепции торгового капитализма и комментирования при помощи неё «бесконечных» частных. Назрела необходимость в том, чтобы, не сворачивая с избранного пути, создать более масштабное сочинение в духе «Русской истории с древнейших времён» и «Очерка истории русской культуры». Правда, следует напомнить, что вторая часть этого очерка была опубликована как раз в 1918 г. И хотя содержательно, идейно она ближе к первой части, дореволюционному творчеству М.Н. Покровского, однако даже по формальным признакам не осталась без влияния революционного настоящего, поэтому в данном исследовании ей необходимо уделить определённое внимание (время её написания: август 1914 – апрель 1918 гг.)¹⁶⁸.

Работа была посвящена политическим, идеологическим и религиозным аспектам русской истории, что дало дополнительные возможности для раскрытия проблематики торгового капитализма, исследования того, как он проявлялся в этих сферах. Торговый капитализм в них имел свои особенности, нюансы, рассогласованности, что требовало, как минимум, некоторого видоизменения его общей картины. К тому же М.Н. Покровский не отрицал большого влияния на экономику со стороны государства, форм общественного сознания и другого в том случае, если она была готова воспринять соответствующие импульсы.

Правление царя Алексея Михайловича учёный связал с утверждением в России бюрократической монархии, которую принёс с собой торговый капитализм. Они соотносились как «реальное основание» и «надстройка». Ей предшествовал патриархальный абсолютизм. Критерием, свидетельствующим о его исчезновении, стала победа государства над церковью в период падения патриарха Никона. Конкурентом (вероятно, отчасти современником) этого типа абсолютной монархии был феодализм. Таким образом, вырисовывается последовательность: период феодальной раздробленности, период образования и укрепления единого государства и самодержавия, период абсолютизма. Правда, М.Н. Покровский оговаривался, что под феодализмом он здесь понимает идеологическую форму «первобытного либерализма». Впрочем, и в XIX веке в российском обществе сохранялись отсталые слои, пусть и с определёнными превращениями, унаследованные от далёкого прошлого. Следовательно, торговый капитал одновременно выполнял преобразовательную и консервирующую функции. Он теснил, а не уничтожал соперников (вчерашних союзников).

Однако, наряду с этим, М.Н. Покровский утверждал, что в том же XVII веке «торговый капитализм вёл к сосредоточению власти в руках земельной и финансовой олигархии», а «среднее землевладение» до конца правления Петра оказалось в угнетённом положении. Получается, что в своих зрелых формах торговый капитализм идёт (по крайней мере, тактически) против массы дворянства и буржуазии, а на более ранних стадиях апеллирует к ним, уступает, предоставляет определённые шансы¹⁶⁹. Историк не видел противоречия между авторитарным и олигархическим правлением в России, понимая последнее не в строгом политологическом смысле. «Наполеона нельзя представить без его маршалов, как Петра мы постоянно видим окружённым "верховными господами"». Тем не менее почему же они превосходно уживаются друг с другом? «Крупный землевладелец в своём имении не обходится без приказчика и конторы: как могло бы обойтись без них государство крупных землевладельцев? В Пруссии, Австрии, России господство чиновников и господство юнкерства шли рука об руку». Однако «пружиной, приводящей в действие... часовой механизм, является власть бюрократическая». Без ссылок на торговый

капитализм здесь можно было обойтись, так как речь шла о верхах дворянства, уже вполне однозначно связанных с ведением денежного хозяйства. М.Н. Покровский отмечал чуждость торгового капитализма демократии. По его мнению, не случайно «новое самодержавие» приобрело форму «научной» теории именно в торговой Англии. Дело в том, что идеалом жизнеустройства для «торгового капиталиста» является торговая компания, фирма, в которой персонал, разумеется, никакой власти не имеет¹⁷⁰.

Чем же бюрократический абсолютизм времени царя Алексея отличался от петровской монархии? Режим первых Романовых, по М.Н. Покровскому, был «новым политическим содержанием в старой форме». Именно «торжество торгового капитала при Петре» позволило «отбросить и старую форму». Но и на этом торговый капитализм не остановился. При Екатерине II его «поступательное движение... вело... к усилению центральной власти», но без перехода к какой-то очередной модели абсолютизма. Правда, от смерти Петра до пугачёвщины протянулась эпоха дворянской реакции, которая во многом захватила и всё екатерининское царствование. В чём же причина такой двойственности? Торговый капитал, по М.Н. Покровскому, в России «не царил» прямо и непосредственно. Решающая роль принадлежала всё же помещикам, хотя и нового типа, землевладельцам-предпринимателям. В связи с этим учёный даже использовал термин «новое крепостное хозяйство», очевидно, понимая под ним хозяйство товарное. Это означает, что пресловутая реакция сопровождалась поступательным, хотя и замедлившимся развитием торгового капитализма. Она прекратилась «только с появлением на сцене новой экономической силы – капитализма промышленного». Попытка М.Н. Покровского посмотреть на состояние капитализма в целом в России XVIII века привела его к выводу о том, что она была «ещё слишком мало буржуазной страной»¹⁷¹.

М.Н. Покровский даёт схему раннего торгового капитализма в Западной Европе. «Первым государем нового образца и вообще "первым современным человеком на троне" был типично итальянский... император Фридрих II (1194–1250). <...> Фридрих вёл собственную торговлю по всему Средиземному морю, объявив соль, металлы и многие другие предметы своей монополией. <...>

Здесь перед нами живьём тот же "экономический базис", на котором выросла "бюрократическая монархия"... Торговый капитализм был её основой всюду – в средневековом Неаполе, как в России Петра Великого и его предшественников». Его предваряет натуральное хозяйство без «оборота» и ростовщичество. На определённом этапе торговый капитал, вышедший из ростовщического, перерос его и вступил с ним в конкуренцию. В итальянских тираниях эпохи Возрождения торговый капитал уже дорос до удешевления кредита и ограничения казённой торговли¹⁷².

Как же эта «матрица» накладывается на Россию? И здесь М.Н. Покровский находит возможность несколько сгладить роль торгового капитала в российской экономике XVI века. Нет, он по-прежнему признаёт наличие торгового капитализма, денежного хозяйства в стране в этот период, но указывает на их сосуществование с предшествующей им стадией ростовщического капитала, объявляя последний примитивной формой капитала торгового. Более того, налицо имелись только зачатки торгового капитализма. «Процесс капиталистического накопления не ушёл так далеко, как нужно было, чтобы всё хозяйство Московского государства перевести на деньги». Следовательно, торговый капитализм в России XVI века существовал не как система, а как явление или, точнее, ограниченная совокупность явлений. Это был ещё слаборазвитый примитивный торговый капитализм, особенно если принимать за точку отсчёта его как общественный строй. «Первобытный средневековый меркантилизм» был вполне характерен для Москвы XVII века, в то время как во Франции этого же периода он был уже изжит». Значит, русский торговый капитализм тогда был всё-таки ближе реалиям наиболее развитых европейских стран приблизительно XV века. Кроме того, М.Н. Покровский подчеркнул противоречие между масштабами и результатами расцвета торгового капитализма при Петре. Во-первых, так и не была преодолена отсталость России. Свою «недоработку» на этом направлении он компенсировал превращением собственных подданных в «бесправную, в высшей степени платёжеспособную массу». Во-вторых, «петровский империализм дал, в конце концов, результаты довольно скромные» в сравнении «с планами его "прибыльщиков" и "доносителей"». <...> Петровское пра-

вительство было... слишком слабо», чтобы «управлять всем ходом торговли» за границей. В-третьих, тогдашний русский торговый капитализм был всего лишь зачатком торгово-промышленного строя, «наподобие Англии»¹⁷³. Количество и качество торгово-капиталистического развития и сопутствующие им оценки М.Н. Покровского существенно зависели от объекта сопоставления. Разумеется, торговый капитализм в России сделал колоссальные успехи в XVIII веке, но в сравнении с Россией же XVI века. Если за точку отсчёта принимается Западная Европа, то картина резко меняется. Отечественный торговый капитализм выглядит довольно непрезентабельно и иногда заслуживает даже уничижительных характеристик.

По мнению М.Н. Покровского, больше всего от реформы 18 февраля выиграл именно торговый капитал. Следовательно, бюрократическая монархия пошла на этот судьбоносный для себя шаг потому, что крепостничество стало его стеснять. Формирование буржуазной монархии зависело от уровня развития «современного», то есть производственного, капитализма. Этот последний не мог возникнуть простым скачком. Его «царствование» относится уже к периоду Первой мировой войны. Промышленный капитализм приходил на смену торговому, что в изложении М.Н. Покровского носило формационный характер. Он проводит аналогию между сменой феодализма торговым капитализмом и вышеуказанным процессом. По вопросу о зарождении (так сказать, начале процесса) буржуазной монархии в России до 1861 г. учёный высказывался очень осторожно. Русская буржуазия в XIX веке была «самой молодой и самой слабой в Европе». Иными словами, социальные силы для такой постановки вопроса практически отсутствовали. Идеологически ситуация была более благоприятной. Если не чуждый промышленному капитализму М.М. Сперанский понимал под буржуазией прежде всего купцов, то декабристы были гораздо ближе к его нуждам¹⁷⁴.

М.Н. Покровский находил, что торговый капитализм в России носил феодально-крепостнический («переживание, в капиталистической обстановке, "вне-экономического принуждения"»), а на Западе – мелкобуржуазный характер. «Но чем дальше к востоку, тем процесс развития капитализма был быстрее, революцион-

нее, катастрофичнее». Мелкобуржуазный мир, конечно, в России существовал, но он был уничтожен капитализмом, очевидно торговым, достаточно рано. «Феодализм и капитализм спаяны почти непосредственно»¹⁷⁵. Как видим, историк не отчуждал феодализм от торгового капитализма. Его точку зрения можно выразить примерно так: когда торговый капитализм стал неотъемлемой интегральной частью феодализма (или наоборот, что для учёного было равновозможно), этот капитализм и пришёл на смену предшествующему феодальному строю.

Понимал ли сам М.Н. Покровский торговый капитализм как систему, к тому же включающую в себя не только торговлю? На этот вопрос приходится ответить положительно. «Первые зачатки этой системы хозяйства» приходятся «на середину XVI столетия», а в правление Петра торговый капитал, разумеется, уже «командовал и внешней, и внутренней политикой России»¹⁷⁶. Иными словами, генезис торгового капитализма как социально-экономического уклада (или формации) занял приблизительно полтора столетия.

Также историк использовал понятие «торгово-промышленный класс», который в своих предшествующих работах называл классом ремесленников. Теперь же учёный указал на то, что границы этого класса значительно шире: «Мы знаем, что средневековый купец был также ремесленником своего рода – что торговля тогда, кроме морской, носила такой же характер "мелкого производства", как и промышленность, и весь товар средневекового купца помещался на одном возу, если не в коробе у него за спиной»¹⁷⁷. Видимо, данный класс охватывал и тех лиц, которые самостоятельно производили рыночный продукт в рамках своего хозяйства и обменивали его.

М.Н. Покровский однозначно связывал старообрядчество и сектантство («народный русский протестантизм») в России с торговым капитализмом. Правда, он решительно отмежевался от идеи порождения капитализма протестантизмом: кальвинизм «стал популярен среди торговых людей потому, что он отвечал их потребностям»¹⁷⁸.

Сразу же после революции 1917 г. видный историк-марксист М.Н. Покровский выдвинулся на руководящие позиции в исторической науке. Объективно перед ним встали задачи создания ком-

плекса новой учебной литературы по истории России и рассмотрения своих прежних научных работ в связи с коренными переменами в жизни страны. Особое место здесь принадлежит «Русской истории в самом сжатом очерке». Мы рассмотрим, в какой мере торговый капитализм был представлен в нём и насколько изменились взгляды М.Н. Покровского по этому вопросу. Исходя из этого, мы сосредоточимся на суждениях о русской истории самого общего характера, содержащихся в этой книге. Речь пойдёт прежде всего о торговом капитализме XVI – середины XIX века. Торговый капитализм конца XIX – начала XX века будет учитываться лишь в том смысле, в каком он представляет единое целое с предшествующими этапами эволюции данной общественной системы.

В 1920 г. М.Н. Покровский написал две части новой работы, в которой представил очередной вариант своей концепции отечественной истории. В основу «Русской истории в самом сжатом очерке» были положены лекции, прочитанные учёным в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова в 1919–1920 гг. Некоторые главы представляют собой стенограмму лекций. Необходимость подготовки и издания «Русской истории в самом сжатом очерке» (далее – «Сжатый очерк») была вызвана педагогическими, научно-методическими и идеологическими причинами. По сути дела это был учебник, в котором систематически излагалась история России с марксистских позиций, но учебник очень своеобразный, написанный в научно-популярном жанре. Он был рассчитан на широкую аудиторию, в том числе слабо знакомую не только с марксистской трактовкой истории, но и с исторической наукой вообще. Ведь слушателями университетских лекций М.Н. Покровского «были рабочие, пришедшие с фабрик и заводов, от станка, и отправлявшиеся на фронт в качестве политических руководителей, пропагандистов и агитаторов в рядах Красной армии». Его книга была рассчитана на революционные массы, рекрутированные бурными событиями 1917–1920 гг. из социальных низов. Конечно, у «Сжатого очерка» была и научно-исследовательская сторона, однако она не играла решающей роли. Уже из одного этого видно, что данная работа не могла заключать в себе такой концепции русской истории, которая бы существенно расходилась с

предшествующими изысканиями М.Н. Покровского. Более того, учёным была проведена непосредственная подготовка «Сжатого очерка». Функцию своеобразного переходного звена между его старыми курсами – «Русской историей с древнейших времён», «Очерком истории русской культуры» – и новым курсом выполнила работа «Царизм и революция», вышедшая в 1918 г. Сам М.Н. Покровский полагал, что его «Сжатый очерк» был историей революции, которую он определял как способы, которыми народные массы «пытались сбросить висевший над ними гнёт, гнёт царя и гнёт помещика». Его прежние курсы являлись обработкой ранее существовавших немарксистских «историй России» с позиций исторического материализма¹⁷⁹. По существу «Русская история в самом сжатом очерке» и, например, «Русская история с древнейших времён» были произведениями не разных концепций, а разных задач и жанров.

«Сжатый очерк» стал той работой М.Н. Покровского, которая получила от исследователей его творчества наибольшее количество замечаний и негативных оценок. Это произошло во многом потому, что именно в данной книге наиболее ярко и отчётливо был представлен торговый капитализм. «Серьёзный научный анализ социально-экономического развития страны» М.Н. Покровский подменил «рассказом об эволюции торгового капитала»¹⁸⁰. Отметим, однако, что речь идёт не о его условиях или параметрах, а о том, что он более настойчиво выдвигался историком на первый план, эффектно преподносился читателям, а среди них, вероятно, и собратьям по перу, едва ли не пропагандировался. Не исключено, что М.Н. Покровский видел в своём торговом капитализме образец для подражания, воспитания молодых марксистских (а может быть, косвенно и перевоспитания старых академических) кадров в сфере исторической науки. Например, учёный гораздо чаще, чем раньше, использовал понятие «торговый капитализм» и смежные с ним. Данное обстоятельство особенно приковывало внимание оппонентов М.Н. Покровского. Им даже казалось, что торговый капитализм в его схеме заменил саму русскую историю, для объяснения которой теперь достаточно было сказать, что некоторое событие было продиктовано торговым капитализмом. Однако у М.Н. Покровского за этим понятием, даже отдельно взятым,

стояло определённое концентрированное выражение тех перемен в русской истории, которые в итоге вели к рыночной экономике, капитализму, соответствующим им обществу и государству. Теперь в торговом капитализме историк видел явление, не столько в русской истории регулярно повторяющееся (возникающее, возрождающееся через определённые периоды времени), сколько постоянно в ней присутствующее, органически ей присущее. Для этого ему совершенно необязательно, да и не нужно было пересматривать свои исторические взгляды. Следовало осуществить перевод уже сложившейся, устоявшейся концепции на новый язык, казавшийся более выдержанным марксистски. Ведь революция (подобная российской 1917–1918 гг.) в общественной практике неизбежно сопровождается революцией в общественном сознании, а с ним и в языке. Конечно, подобного рода операция не может оставить историческую концепцию совершенно не изменившейся, однако в случае с М.Н. Покровским дело ограничилось корректировкой.

По мнению исследователей творчества учёного, концепция торгового капитализма в редакции именно «Русской истории в самом сжатом очерке» была одной из главных теоретических заготовок ранней марксистской историографии советского периода. Она со всей решительностью поддерживалась и развивалась М.Н. Покровским вплоть до конца 1920-х гг.

Наибольший интерес представляют выводы тех историков (как и всегда применительно к М.Н. Покровскому), которые подробно анализировали его историческую концепцию. Историк Е.А. Луцкий утверждал, что «Сжатый очерк» был построен по схеме «Русской истории с древнейших времён», однако все этапы истории России рассматривались в нём сквозь призму торгового капитала. События отечественной истории непременно ставились в то или иное отношение к торговому капиталу. В результате он заслонил их связи с какими-то другими объектами и процессами, в том числе имевшими большее значение, чем торговый капитал, например способом производства. По мнению Е.А. Луцкого, М.Н. Покровский также оставил неясными грани между формациями в русской истории, которые затушёвывались торговым капитализмом¹⁸¹. Между тем очевидно, что эти грани в ней были более проницаемыми, чем в истории европейской.

Л.В. Черепнин находил, что изложенная в «Сжатом очерке» структура истории соответствует учению о формациях. М.Н. Покровский изложил в нём закономерности исторического процесса, направляющуюся материальными интересами борьбу классов. В центре внимания историка оказывались разнообразные экономические вопросы, общественное движение. Л.В. Черепнин верно отметил, что объяснение каждой предшествующей эпохи имело для М.Н. Покровского значение для объяснения последующей. Таким образом, история представляла перед нами как движение от современности к современности через прошлое. Однако, с нашей точки зрения, учёный понимал современность не как нечто данное и конкретное, а как нечто постоянно меняющееся. Таким образом, специфика советского режима для М.Н. Покровского заключалась в том, что он обладал способностью революционизировать действительность, а если быть до конца последовательным, то включая и сам этот режим: военный коммунизм – период нэпа – сталинский социализм.

Среди ошибок «Сжатого очерка» академик Л.В. Черепнин упомянул отсутствие ясности в представлениях о формациях и закономерностях их смены: непонимание подлинной сущности феодализма как способа производства, утверждение о разложении феодального строя в XVI веке под влиянием торгового капитала. Вместо смены феодализма капитализмом М.Н. Покровский рассматривал смену торгового капитала промышленным. Однако нетрудно заметить, что генезис капитализма и предполагает вызревание промышленного капитала как наследника торгового¹⁸².

Один из ведущих специалистов по творчеству М.Н. Покровского О.Д. Соколов считал, что в целом, выдвигая торговый капитал на первое место среди других факторов исторического развития, М.Н. Покровский не отрицал значения этих факторов, в том числе способа производства. Подчёркивание роли торгового капитала у него создавало впечатление их недооценки¹⁸³. Таким образом, концепция торгового капитализма повредила восприятию исторической концепции учёного последующими историками. Иными словами, М.Н. Покровский не прятал слабые места своей концепции, в общем не столь уж и предосудительные, а наоборот, возводил их в степень. В целом О.Д. Соколов заключал, что историк

стоял на марксистских позициях, а ошибки допускал в каких-то конкретных случаях¹⁸⁴. Однако к торгово-капиталистическим построениям он относился негативно. Исследователи творчества М.Н. Покровского регулярно заявляли, что учёный не смог прояснить грань между феодализмом и капитализмом, поэтому ещё более её затушевал при помощи торгового капитализма. Похоже, они предпочитали версию непосредственного перехода феодализма в капитализм. М.Н. Покровский же показал, что этот переход был опосредован торговым капитализмом, а эпоха торгового капитала и была этой гранью.

Автор кандидатской диссертации о творчестве М.Н. Покровского В.В. Нардин считал, что именно в «Сжатом очерке» учёный создал торгово-капиталистическую концепцию русской истории. Торговый капитал стал универсальным критерием анализа социально-экономических явлений и процессов. Однако этот исследователь исторических взглядов учёного признавал, что если когда-то и где-то торговый капитал приобретал особое значение, то выделение соответствующей эпохи вполне оправдано с научной точки зрения. По аналогии с ней выделяются крепостничество, мануфактурный период и т. п. В.В. Нардин справедливо заключал, что суть рассмотрения той или иной эпохи не в названии, а в её общей характеристике¹⁸⁵. Действительно, нельзя подменять всю полноту научно-исторических воззрений М.Н. Покровского суммой его формулировок, примыкающих к понятию «торговый капитализм». В.В. Нардин указывал, что в своём «Сжатом очерке» историк не создал ничего принципиально нового по существу торгового капитализма. В этом смысле его концепция развивалась «вширь», а не «вглубь». В то же время эта книга М.Н. Покровского в отличие от предыдущих его общих курсов целиком основывалась на отображении классовой борьбы, народного и революционного движения как стержня отечественной истории¹⁸⁶.

Критики М.Н. Покровского зачастую плохо различали марксизм и экономический материализм на уровне конкретно-исторического исследования. Если учёный, указывая на экономическую причину исторического события, сообщал ещё о какой-нибудь его «внеэкономической» причине, то его оппоненты с удовольствием констатировали, что он избавился от «односторонности», которая

обыкновенно проходила по разряду вульгаризаторства, освоил диалектику и т. п.

У М.Н. Покровского-учёного была «привычка» нарочито заострять те положения своих исследований, которые могли вызвать наибольшие возражения у коллег. Спорные моменты не сглаживались оговорками, «предположительностью» высказываний, смягчающими фразами. Историк как бы провоцировал жёсткую критику своих работ. Это его поведение резко диссонировало с утвердившимися в советской историографии более поздних периодов традициями подачи научно-исторического материала. Конформизм и спокойная академичность стиля пришли на смену дискуссионности как форме классовой борьбы, поэтому «ошибки» М.Н. Покровского были очень заметны. Он был слишком настойчив в своих «заблуждениях». Они сразу же бросались в глаза и требовали немедленного ответа, порой в столь же резких тонах.

Удивляет, что критики М.Н. Покровского воспринимали его концепцию торгового капитализма как нечто странное, своего рода аномалию. Ошибочность этой концепции казалась едва ли не очевидной, а сама она почти ненаучной. Между тем проблематика торгового капитализма занимала ведущее место в отечественной историографии первой трети XX века и в позитивизме, и в экономическом материализме, и в марксизме, причём как истории России, так и всеобщей истории. Историки (Р.Ю. Виппер, М.И. Ростовцев) находили капитализм, и не только торговый, в античную эпоху¹⁸⁷. «Любавский, Богословский, Готье разделяли вывод Ключевского о внешней торговле как экономическом основании Киевской Руси». «В широкой постановке вопросов социально-экономической истории» позитивисты уделяли большое внимание факторам торгового капитализма, правда в разных комбинациях, споря о том, являлся ли один из них ведущим в данном конкретном случае¹⁸⁸. Можно назвать имена таких признанных специалистов по экономической истории России, работавших в начале XX века, как П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, П.И. Лященко, В.В. Святловский, А.А. Богданов¹⁸⁹. Торговому капитализму отдали дань признанные классики советской историографии, такие как С.В. Юшков, В.В. Мавродин, Б.Д. Греков, М.В. Нечкина, не говоря уже о десятках ныне забытых представителей шко-

лы М.Н. Покровского или историков, группировавшихся вокруг Е.М. Ярославского¹⁹⁰. Торговый капитализм порой незримо присутствовал в дискуссиях 1930-х гг.¹⁹¹ Очевидно, что торговый капитализм с учётом терминологии М.Н. Покровского в истории Запада появился раньше и выглядел ещё более ярко, чем в России. Жизнь Востока, конечно, устраивалась не благодаря торговле, но в изменениях этой самой жизни торговля играла исключительно важную роль. Впрочем, советских историков затрудняло то, что у них с 1930-х гг. по «разряду» торгового капитализма проходил феодализм. В этом пункте не должно было быть никаких сомнений, колебаний и двусмысленности. Ведь посягательство на методологические основы, которые в данном случае затрагивались непосредственно, считалось недопустимым. Между тем затруднения эти вполне преодолимы и без пересмотра методологии. Известный дуализм торгового капитала и крепостного права легко укладывается в рамки позднего феодализма.

Начал свой «Сжатый очерк» М.Н. Покровский с некоторых методологических вопросов, общих представлений об истории, выводов по истории России в целом. «Прошлое мы изучаем именно для того, чтобы понять, что происходит теперь». Применительно к концепции торгового капитализма это означало, что в России сложился капитализм, который привёл к конкретному варианту разрешения противоречий эпохи, имевшему место с 1917 г. и далее. Принципиально важно было раскрыть, какой это был капитализм и почему он имел определённый вариант развития, как он вообще появился. Такой подход вполне оправдан. Он не раз применялся в историографии русского капитализма. В этом нет никакой модернизации истории, ибо М.Н. Покровский признавал два пути: «настоящее понимаем из прошлого, но и прошлое объясняем из настоящего». М.Н. Покровский выделил два основных типа эксплуатации, а значит, и социальных отношений: помещики-крестьяне в феодальном обществе, фабриканты-рабочие в буржуазном обществе. Таким образом, на этом уровне обобщения учёный указал два общественных строя: феодализм и капитализм. В этой схеме отсутствовал какой-то специально торгово-капиталистический тип. Значит, торговый капитализм относился к феодализму и промышленному капитализму как надстройка к базису.

«В основе развития человеческого общества лежит развитие хозяйства». «В основе всех перемен лежит... переменна в хозяйстве, переменна экономическая». Но может быть торговый капитал или даже обмен в самом широком смысле занимают в нём ведущее место? Нет. «О с н о в о й х о з я й с т в а я в л я е т с я ч е л о в е ч е с к и й т р у д». И далее М.Н. Покровский не выходит за рамки способа производства. «История движется людьми определённых занятий и изменяется смотря по тому, какой класс общества делает историю, то есть производит те или другие общественные перемены». Материальные потребности лежат в основе всей деятельности человека, которая создаёт историю. Материальные интересы людей порождают классовую борьбу, при помощи которой движется история¹⁹². Таким образом, М.Н. Покровский в краткой и даже упрощённой форме изложил азы исторического материализма, приведя стандартную схему: общественное производство определяет экономическую структуру общества и характер взаимодействия между её элементами. Следовательно, торговый капитализм не попал в число фундаментальных оснований исторического процесса. Значит, ему было отведено более скромное место в иерархии этих оснований при движении от общего к частному.

Из тезисов, объясняющих течение русской истории, по М.Н. Покровскому, мы выделим следующие: 1) в европейских странах имеются более благоприятные условия для занятия сельским хозяйством, чем в России, поэтому в ней ниже производительность земледелия, а следовательно, уже по одной этой причине накопление благ идёт медленнее; 2) пока Россия оставалась страной по преимуществу аграрной, она неизбежно отставала от передовых стран, напротив, перенос «центра тяжести» в экономике с сельского хозяйства на промышленность и торговлю «уравнивает шансы», позволяя России догнать своих более удачливых конкурентов; вообще, чем более развиты промышленность и торговля (вероятно, при их значительном удельном весе в общественном производстве), тем быстрее развивается экономика в целом; 3) пока не было железных дорог, промышленность и торговля лучше развивались в тех странах, которые имели выход к морским коммуникациям; поскольку Россия к ним не относилась, то и до середины XIX века её торговля отставала от западноевро-

пейской; 4) становление капитализма в России, конечно же, имело место и до этого времени, но происходило в консервативных формах и встречало серьёзную конкуренцию со стороны феодального способа производства; 5) страна, которая позже других вступила в какой-либо этап развития, может двигаться по нему ускоренными темпами, таким образом на каждом последующем этапе сокращая отставание; 6) однако эту последовательность не следует понимать механистически, например, классовое устройство общества «может или страшно замедлить... или очень ускорить» развитие общества¹⁹³.

Нетрудно заметить, что и на более низком уровне обобщения ни в одном пункте торговле не была отведена главная роль, хотя господствующей тенденцией общественного развития было повышение этой роли. Следует, однако, отметить, что в данном случае М.Н. Покровский отделял торговлю от производства, а значит, оставлял торговый капитализм за скобками. Промышленность и торговля в схеме учёного не определяли общее экономическое состояние общества, а лишь ускоряли его развитие. М.Н. Покровский учёл различные материальные факторы исторического развития, то есть не только экономические, хотя значение последних неуклонно возрастало. Большое внимание историк уделил стартовым факторам, по крайней мере зарождения капитализма, обуславливающим его генезис и ранний капитализм. В этом пункте условия торговли играли существенную роль, но уже в связке с транспортом и др. М.Н. Покровский указал на диалектический характер взаимодействия между старым и новым общественным строем. Их смена неизбежна, однако старый строй в разных своих фрагментах неоднозначно соотносён с новым. Более того, речь здесь идёт об обратном воздействии производственных отношений на производительные силы, социальной структуры общества на «технику».

В «Сжатом очерке» М.Н. Покровский предложил следующую периодизацию русской истории: 1) её домонгольский период представляет собой смесь первобытности, рабовладения и городской Руси; 2) феодализм в XIII–XVI веках (применительно к XVI веку разложение московского феодализма); 3) торговый капитализм с XVII века, достигший расцвета во второй половине XIX

века и доживший до 1917 г.; 4) одновременно с ним промышленный капитализм с середины XIX века, ставший развитым к началу XX века (он зарождался с XVIII века, но с преобладанием торгового капитализма до отмены крепостного права и переходным периодом в дальнейшем)¹⁹⁴. Данная периодизация включает в себя элементы периодизаций других общих курсов М.Н. Покровского. Первый этап соответствует «Русской истории с древнейших времён». Правда, там он был доведён до падения Новгорода и смешан с генезисом феодализма. Теперь же он ограничивался Киевской Русью. Начало феодального этапа по смыслу вполне согласуется с прежними изысканиями М.Н. Покровского, а его завершение теперь строго соответствует изживанию старого или раннего феодализма. Как и в «Очерке истории русской культуры», М.Н. Покровский считал, что торговый капитализм в стране утверждается в XVII веке, и прослеживал его историю до 1917 г. Здесь нет перемены взглядов, ибо характерные черты торгового капитализма обнаруживались М.Н. Покровским в России рубежа XIX–XX веков уже в «Русской истории с древнейших времён». Он просто использовал устоявшийся в его концепции термин. Если с обнаружением капитализма как общественно-экономической формации в данной эпохе возникают всякого рода сложности, то наличие капитализма торгового точно отражает *меру* развития отечественного капитализма в период российских революций. Промышленный капитализм в «Сжатом очерке» и для поздних периодов русской истории поставлен на второе место после торгового. Это было полезно, потому что в «Русской истории с древнейших времён» соотношение торгового и промышленного капитализма иногда выглядело довольно противоречиво. Нужно было показать, что в сфере производства докапиталистические формы и методы хозяйствования «перевешивали» капиталистические. Именно в этой сфере между торговым и промышленным капитализмом существовали принципиальные различия. Первый базировался на крепостничестве и его пережитках, в основе своей не отличавшихся от феодализма. Значит, между торговым и промышленным капитализмом имели место различия формационного уровня. Однако сам торговый капитализм не был формацией, так как не имел своего способа производства. Торговый капитализм возникал у М.Н. По-

кровского как этап отечественной истории строго с утверждением крепостничества в качестве его производственной базы. Причём крепостничество и торговый капитализм также находились друг с другом в неоднозначных отношениях. Не всё крепостное хозяйство России входило в систему торгового капитализма. Торговый капитал канализировал крепостничество в определённом стратегическом направлении, взаимодействуя с ним в одной из его функций. Торговый капитал не преобразовывал крепостной строй, а ужесточал его и в конечном счёте отбросил за ненадобностью. Торговый капитализм создавал оптимальную комбинацию элементов крепостничества, самодержавного государства и прочего для своего роста, впрочем, возможную лишь теоретически. На практике одни его функции носили органический характер («ибо такова природа торгового капитала»), другие определялись его соединением с факторами, непреодолимо существующими вне торгового капитала. Если их нельзя игнорировать, то можно использовать. Как видим, М.Н. Покровский в теоретико-методологической части «Сжатого очерка» вовсе не преувеличивал роль торгового капитала.

Периодизация русской истории по «Сжатому очерку» стала более чёткой и простой по сравнению с его предыдущими курсами. Из неё были удалены подробности, некоторые естественные «нестыковки» между этапами. Скорее всего, это объяснялось учебным характером его новой работы. Не произошло принципиального перемещения старых и конструирования новых исторических эпох.

Несомненно, концепция торгового капитализма на материале русской истории в «Сжатом очерке» была представлена М.Н. Покровским более полно и целенаправленно, чем в предшествующих крупных его сочинениях. В связи с этим интересно будет проследить за её «превращением» в своеобразную концепцию русской истории вообще, по крайней мере на протяжении XVI–XIX веков. Между тем, с одной стороны, учёный писал об участии в отечественной истории не только лишь торгового капитала: в ней фигурировали государство, крепостное право, помещики, промышленный капитализм и многое другое. Следовательно, она не сводилась историком исключительно к одному экономическому явлению.

Это очевидно даже при беглом прочтении анализируемого исследования. С другой стороны, все указанные явления так или иначе объединялись в торговый капитализм, нельзя сказать, что всеохватно, исчерпывающе, но в своих главнейших частях, и чем дальше, тем больше. И тут нет никакого противоречия с введением к «Сжатому очерку». Торговый капитал по самой своей сущности предполагает непрерывное движение товаров и денег, передавая соответствующую «энергию» смежным структурам. И далее, в зависимости от обстоятельств, она может элиминироваться, дать мультипликативный эффект и т. п. Для марксиста М.Н. Покровского важно, что торговый капитализм относится прежде всего к экономической сфере общественной жизни, которая оказывает более значительное влияние на общество, чем процессы и явления иного рода. Другое дело – состояние общества или даже смена таких состояний. По отношению к ним торговый капитал был, скорее, инструментом, нежели сущностью. Его роль была функциональной, «манипулятивной». Правда, он не только оперировал объектами, но и сам был объектом, создававшимся в процессе общественного производства, однако объектом всё-таки производным от других, находящихся в одной с ним системе. Впрочем, торговый капитализм выводил его за рамки обмена в своего рода «феодализм с торговым капиталом». Это было особенно заметно при обращении М.Н. Покровского к отдельным сюжетам русской истории.

Образование единого русского государства учёный прямо связал с развитием торговли, но, видимо, на стадии, предшествующей торговому капитализму, и в том смысле, что она подтолкнула экономику в целом и её субъектов к определённым изменениям в феодальном базисе, старых производственных отношениях и т. п. Например, так: постепенно верхние слои московского общества привыкли пользоваться более широким кругом продуктов труда, нежели те, что предоставлялись им их крестьянами или ремесленниками; они увеличивали норму эксплуатации своих зависимых людей для того, чтобы продать на рынке как можно больше произведённого продукта и за счёт полученных средств купить новые товары. По линии торгового капитала здесь проходили, пожалуй, два аспекта: 1) постепенное превращение Москвы в общерусский центр внутренней торговли даже с отдалёнными местно-

стями и появление в ней большого количества иностранных товаров; 2) опережающая роль монастырей в образовании торгового капитала (они ведут торговлю по всей России, быстрее всех накапливают деньги, направляя их в торговлю, покупку земли, на предоставление займов и т. п.). Описанные здесь реалии русской жизни, по М.Н. Покровскому, во многом касались уже XV века¹⁹⁵. В общем виде это можно квалифицировать так: в натуральное хозяйство проникали рыночные отношения. Одновременно и в связи с этим начался процесс закрепощения, правда, пока на уровне отдельных проявлений. Развитый церковный феодализм, несмотря на впечатляющие результаты своей хозяйственной деятельности, был, скорее, провозвестником торгового капитализма, нежели его зачинателем. В XIV–XV веках для торгового капитализма явно не хватало «сырого материала», из которого он мог бы расти.

По мнению М.Н. Покровского, в XVI веке в городах укрепился торговый капитал в лице крупного купечества, в зависимом положении от которого оказались мелкое купечество и «чёрные» люди. Политически он в конечном счёте вступил в союз с дворянством. Интерес торгового капитала состоял в борьбе за торговые пути. Боярские правительства с этим не справлялись. Помещики (точнее, средние землевладельцы, которым всё-таки принадлежала первая роль) и представители торгового капитала совершили государственный переворот, создали опричнину и обрушились с репрессиями на боярство. Но наличие других социальных сил, сложность отношений между ними, ненадёжность успехов союзников привели к «серии переворотов» конца XVI–XVII века. В XVI веке денежное хозяйство становилось выгодным и доступным для всё более широких кругов русских землевладельцев. Однако вели они его старыми, крайне экстенсивными хищническими методами, что привело к подрыву крестьянского хозяйства, бегству крестьян, разорению и т. п.¹⁹⁶ Имело место несоответствие между фактическим введением крепостного хозяйства и возможностями крестьянского хозяйства. Торговый капитал был в этом деле стороной обслуживающей, но, приобщаясь к денежному хозяйству, феодалы «входили» в торговый капитализм.

В целом М.Н. Покровский пришёл к выводу, что Смутное время начала XVII века в России было восстанием народной мас-

сы против её угнетателей (по сути дела – крестьянской войной) и одновременно демократической революцией, которую олицетворяли мелкие служилые землевладельцы, казаки, крестьяне, холопы, посадские низы. Очевидно, что обе они были направлены против торгового капитала в том числе, ибо существовала прямая связь между ним и закрепощением, а его власть над городом носила «клановый» характер. Однако роль торгового капитала в эту эпоху стала более значительной. К правлению Годунова его представители относились, скорее, нейтрально. Впрочем, торгово-капиталистический вектор развития пока работал на приближение Смуты. Например, от засилья торгового капитала среди прочих горожан страдали стрельцы, как известно, составлявшие в то время крупнейшую военную силу режима. Их недовольство должно было сказаться. Так и вышло. В трудный момент служилая «мелкота» отвернулась от царя. Ещё раз подчеркнём, торговый капитал не был во всей этой истории ведущей силой. К Лжедмитрию I его отношение было более негативным. Столичное купечество опасалось конкуренции со стороны Речи Посполитой, например допуска польских купцов на местный внутренний рынок, в то время как эта страна с точки зрения торгового капитализма опережала Россию.

Но и в интригах вокруг первого самозванца купцы не слишком заметны. Изменения в их пользу произошли с воцарением Шуйского. Во-первых, экономически представители этого боярского рода были, скорее, своеобразными торговыми капиталистами, чем феодалами. Впрочем, купцы не столько привели Василия IV к власти, сколько затем решительно его поддержали и всячески ему помогали. М.Н. Покровский даже пришёл к выводу, что Шуйский стал купеческим царём в большей степени, чем боярским. Косвенно об этом свидетельствуют его мероприятия по усилению крепостнической тенденции, что как раз и привело к новому витку народной войны. Торговый капитал держался за царя Василия, даже когда его положение стало почти безнадежным. Падение Шуйского не привело к ослаблению купечества. Оно опять-таки вместе с помещиками приводит к трону польского кандидата Владислава, надеясь на обеспечение стабильности. Однако эта главная задача им выполнена не была. В результате торговый капитал разочаровался в своих ставленниках и решил сам взяться за наве-

дение порядка. Смута грозила ему разорением: резко уменьшились масштабы торговли, упали спрос и предложение, торговые пути стали крайне опасными, мелкий городской люд выходил из подчинения. На средства торговцев было сформировано ополчение. Впрочем, служилые люди не были простыми наёмниками. У них был свой интерес: закрепление за собой поместий и вотчин, приобретённых в годы Смуты. Новым царём помещики и капиталисты желали видеть иноземца. Однако мелкие служилые люди и казаки добились утверждения кандидатуры Михаила Фёдоровича¹⁹⁷.

Надо сказать, что развитие событий в России в промежутке от опричнины до Смуты вполне устраивало торговый капитал: обороты росли, хищническая экспансия феодалов давала свои плоды. Недостаток системы заключался в том, что она оказалась слишком слаба перед лицом экстраординарных народных выступлений и внешних вызовов. Таким образом, в XVI и начале XVII веков торговый капитал и его субъекты не обладали всей полнотой власти в стране, уступали в этом отношении боярству, дворянству, помещикам, хотя позиции первых усиливались. Эта тенденция не действовала на манер «железного» закона истории. У неё были свои «приливы» и «отливы». Торговый капитал чаще всего действовал в союзе (например, с дворянством), в котором, как правило, занимал второе место. И вообще общая картина событий по «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского по Смутное время включительно больше напоминает зарождение торгового капитализма. Получается, что торговый капитал был влиятельным участником общественно-политической жизни страны, которого невозможно игнорировать, и, пожалуй, не более того.

От правления первых Романовых больше всего выиграл торговый капитал, под которым М.Н. Покровский понимал верхи купечества, прежде всего гостей. В чём это выражалось конкретно? Он взял в свои руки управление государственными финансами, раскладывал и собирал налоги, организовывал выгодные коммерческие предприятия и т. п. Эти люди составили социально привилегированную группу, закабальвавшую массу мелких торговцев и ремесленников в городе. Кстати, подобная перспектива ясно обнаружилась в Смутное время. Вместе с тем учёный не настаивал на том, что хозяйство в стране стало товарным. Его позиция, ско-

рее, заключалась в том, что оно стало менее натуральным, достаточно далеко ушло от «классического» натурального хозяйства.

Сначала помещики и купцы не доверяли монархии. Смута оставила неприятные воспоминания. Они больше полагались на Земские соборы. Но ко времени Алексея Михайловича выяснилось, что новая династия настолько полно и успешно действует в интересах союзников, насколько это вообще возможно. Они теперь выступили за то, чтобы сосредоточить в её руках как можно больше власти. Более того, сам царь не только вошёл в число торговых капиталистов (первый купец), но и был главой их социальной корпорации. К началу XVIII века царский двор и вовсе превратился в торговую контору.

Много выиграли от произошедшего помещики и чиновники: крестьянин стал собственностью феодала, сложился разветвлённый бюрократический аппарат и т. п. С учётом того, что, в отличие от торгово-финансовой олигархии, данные социальные силы были более многочисленными и укоренёнными в обществе, их приобретения были, пожалуй, более весомыми. Может быть, торгового капитализма в XVII веке в стране было не так уж много, но к нему принадлежали царь, крупнейшие вельможи, гости, то есть совокупно верховная власть в её «личном составе». Очевидно, это не могло обойтись «совсем без последствий».

По мнению М.Н. Покровского, первые Романовы основали государство, державшееся на крепостном праве, чиновничестве и постоянной армии, которое просуществовало до середины XIX века. Имеется в виду государство «современного типа», абсолютная монархия, о чём историк уже не раз писал. Решающую роль здесь сыграли утверждение крепостничества и появление основных признаков абсолютизма. Просто в XVII веке у этого государства оставалось слишком много пережитков, от которых оно к тому же не спешило избавляться. Историк чётко показал, что утверждение торгового капитализма и абсолютизма в России XVII века были в сущности одним и тем же историческим процессом.

В деятельности С. Разина М.Н. Покровский увидел не только помеху в функционировании торговых путей, но и определённую конкуренцию за торговые пути с русским торговым капиталом в том смысле, что казачество и примкнувшее к нему крестья-

янство претендовали на нужные этому капиталу территории¹⁹⁸. Кроме того, торговый капитал подчинял демократические слои населения, которые искали воли на окраинах, способствовал внедрению наиболее жёстких стандартов крепостничества. Зачастую формы господства торгового капитала на окраинах России были более грубыми и непреклонными, чем в историческом центре России.

Значительное внимание историк уделил эволюции русской церкви под влиянием торгового капитализма. Церковное хозяйство и в XVII веке оставалось передовым. Но по мере усиления позиций «светского» торгового капитала позиции церкви в обществе ослабевали: менялось соотношение сил в пользу первого; церковь несла потери как монополист в области знания, духовной культуры и т. п. Кроме того, благодаря торговому капиталу власть царя настолько усилилась экономически, что церковь оказалась беспомощной перед имевшимися в его распоряжении ресурсами. В раскол, по мнению М.Н. Покровского, пошли угнетённые торговым капиталом социальные слои. Это был своеобразный протест против торгово-капиталистического настоящего. В борьбе с режимом они создали социальную организацию, очень удобную для торговой деятельности. В неё пришли люди, которые тяготели к подобного рода занятиям, но не могли выдержать недобросовестную конкуренцию с «официальным» торговым капиталом.

Историк отмечал, что самодержавие шло на удовлетворение потребностей торгового капитала, даже если это расходилось с интересами феодалов. И тут дело не только в том, что «первый купец» элементарно не забывал о себе. Со второй половины XVII века города были отданы в распоряжение купечества, а деревня – в руки помещиков. Это свидетельствует о силе, в том числе политических, позиций недворянской «фракции» торгового капитализма, рост влияния которой несколько застопорился после Петра. Виной тому принявшие массовый характер успехи дворянского предпринимательства на ниве промышленности, винокурения, хлебного экспорта и т. п.

Говоря о торговом капитализме, М.Н. Покровский не ограничивался упоминанием одного лишь торгового капитала. Например, в XVII веке крестьянские войны были ответом на усиление

ние эксплуатации крестьян, которая, в свою очередь, была порождена ростом товарного хозяйства¹⁹⁹.

Историю России XVIII века в «Сжатом очерке» учёный рассматривал в более целостном виде. Ранее он достаточно определённо делил её на три этапа: Петровская эпоха, феодальная реакция второй четверти и середины XVIII века, очередной натиск (ускорение) торгового капитализма в последней трети этого века. Такая периодизация сохранилась. Концепция торгового капитализма, не затушёвывающая различия между этими периодами, подвела их к общему знаменателю, очертания которого были очевидны в работах историка: царство торгового капитала сменялось новым феодализмом на почве господства натурального хозяйства, затем он же представал в рыночной «упаковке».

М.Н. Покровский использовал понятие «торговый капитал» в том смысле, в каком К. Маркс предпочитал термин «купеческий капитал», когда этот последний ещё не был элементом промышленного (производственного) капитала. Однако разница здесь была сугубо формальной. Ведь историк ассоциировал торговый капитал с купечеством, иногда прямо называл его купеческим (в качестве синонима). Да и соответствующую теорию он знал в достаточной мере. Учёный отмечал, что купеческий капитал сам не организовывал производства, в его руках находились только средства обращения. Он скупал и продавал произведённые самостоятельными мелкими хозяевами продукты. Крепостное право заставляло их «предлагать» торговому капиталу более высокую долю произведённого продукта. До утверждения капитализма в качестве формации торговый капитал хотя и не играет определяющей роли в экономике, но преобладает в ней в сравнении с другими видами капитала. В этих условиях промышленный капитал может оказаться в подчинённом положении у торгового. Другое дело, что М.Н. Покровский часто и не всегда оправданно использовал понятия «торговый капитал» и «торговый капитализм» как синонимы. В этом вопросе ему явно не хватало определённости, научной строгости. Проблема торгово-капиталистического развития заключалась в том, что в условиях низкого уровня производительных сил, преобладания производства для собственного потребления и другого «объективно» имелось слишком мало това-

ров, которыми мог бы оперировать «торговый капиталист», кем бы он ни был в социальном отношении. Субъектам торгового капитала приходилось всё время изыскивать различные (любые) способы, которые позволяли ему добыть для своих нужд, заполучить какой-нибудь новый товар или немного больше прежнего товара, преодолевая сопротивление окружающей хозяйственной среды. Так, к концу XVIII века в России чрезвычайно распространилась работа производителя на предоставленном ему материале, но медленная эволюция мелкого производства положила ей экономический предел²⁰⁰. На подобного рода сдерживающие факторы М.Н. Покровский указывал регулярно.

Торговый капитал был основой формирования капитала промышленного. Но на мануфактурном этапе (в случае с крепостной мануфактурой) последний проигрывал первому. Торговый капитал подчинял себе кустарей, которые работали более качественно и производительно. Только машинное производство дало промышленному капиталу решающее преимущество, так как оно убило со своей дороги мелких товаропроизводителей, тем самым сокращая базу торгового капитализма. В этой схеме учитывалась и капиталистическая мануфактура, которая, видимо, занимала в ней промежуточное положение. К подобного рода производству переходили в силу неэффективности старой мануфактуры и в отсутствие машин. Не случайно М.Н. Покровский отмечал наличие промышленного капитала в России XVIII века. Главное противоречие между капиталами состояло в том, что торговый капитал был заинтересован в подневольном работнике, а промышленный, напротив, – в свободном. Поначалу последний находился в тени торгового и в какой-то мере был его «жертвой». Однако два периода подъёма промышленного капитализма, в 1807–1814 гг. и во второй четверти XIX века, позволили ему занять весомое место в экономике страны. Игнорирование сменилось сотрудничеством. Для этого были определённые основания. Например, политика Николая I на турецком направлении была по-своему выгодна и торговому, и промышленному капиталу. Однако к середине XIX века противоречия между сторонами стали нарастать. «Узким местом» отечественной экономики оставался внутренний рынок, а возможности внешнего на доступном уровне уже были задействова-

ны (предел показала Крымская война). После неё в интересах торгового капитала были понижены таможенные пошлины. Увеличение хлебных цен стимулировало его искать новые зерновые ресурсы. Таковые имелись в больших количествах, но их нужно было доставить к морям. Получается, что крестьянская реформа 1861 г. была выгодна стратегически и торговому капиталу. В ходе неё торговый капитал сохранил для себя мелкого производителя с общиной, феодальное землевладение и абсолютизм. Промышленный же получил намного меньше, чем было совершенно необходимо для производственного капитализма. Он всё время вынужден был делиться с торговым²⁰¹. Нельзя не учитывать то, что успехи торгового капитализма давали почву для роста промышленного. Эволюция последнего во многом зависела от результатов работы, проделанной первым.

Успехи торгового капитала были более длительными и впечатляющими. С конца XVIII века под влиянием промышленного переворота в Англии развился хлебный вывоз. Хлебные цены до середины XIX века в целом росли. Ускоренно осваивался юг России, она закреплялась на Чёрном море. Даже помещики, не отказываясь от крепостничества, производили различные улучшения в своём хозяйстве. На понятийном уровне торговый капитализм у М.Н. Покровского даже «присвоил» функции капитализма аграрного. Эта благоприятная для торгового капитала полоса протянулась почти до отмены крепостного права. После этого его дела пошли ещё лучше. Основой очередного подъёма послужило создание сети железных дорог, позволивших существенно увеличить доступную воздействию торгового капитала товарную массу. Высшей точки своего развития в России торговый капитализм достиг во второй половине XIX века параллельно и в союзе с промышленным. Но в XX век Россия «вступила уже вполне определённо и бесспорно как страна развитого промышленного капитализма».

Правда, в этом пункте у М.Н. Покровского сохранялась неясность: речь шла о наступлении капитализма как формации или о наличии развитого капиталистического уклада? Если иметь в виду всё освещение учёным русской истории второй половины XIX – начала XX века, то складывается впечатление, что в этот период в целом торговый капитализм преобладал над промышленным,

чему способствовали пережитки предшествующих последнему эпох, «игравших» на стороне торгового капитала. Во всяком случае, промышленного капитализма как формации, по мнению учёного, по крайней мере в XIX веке, не было. Надо сказать, что М.Н. Покровский понимал его и как уклад, и как формацию, не всегда точно обозначая, какую трактовку он имеет в виду в данном конкретном случае. М.Н. Покровский полагал, что развитие народного хозяйства и государственных форм в России шло по линии изъятия прибавочного продукта у крестьянина сначала помещиком, потом им же вместе с торговым, а позднее и промышленным капиталом²⁰². Примечательно, что здесь учёный выделил три эпохи в отечественной истории, атрибутом которых был феодальный уклад, действительно не изжитый даже в начале XX века. Каждая последующая эпоха характеризовалась добавлением какого-то нового уклада. Такая трактовка до известной степени диссонирует с привычной формационной схемой советского периода. В сущности формация получается одна, хотя, конечно, прямо так историк не утверждал. Кроме того, становление капитализма выглядело как зарождение многоукладности (увеличение количества укладов).

Феодализм и торговый капитализм не различались М.Н. Покровским как формации. Последний базировался на крепостничестве, которое не имело отличного от феодализма способа производства. В обоих случаях один и тот же тип внеэкономического принуждения использовался землевладельцами в разных целях. Правда, нельзя сбрасывать со счетов и значительные различия между «старым» и «новым» феодализмом, которые заключались в их происхождении, хозяйственной организации, социально-экономическом и правовом положении крестьян и т. п. Развитие товарно-денежных отношений и втягивание в них дворянских владений приводили не к преобразованию крепостного строя, а к ужесточению крепостного права и усилению соответствующей эксплуатации. Крепостничество явилось формой существования феодального способа производства в новых исторических условиях, но не столько в результате его естественной внутренней эволюции, сколько благодаря внешним, хотя тоже экономическим, обстоятельствам. Но, может быть, учёный склонялся к выделению фор-

маций (или их аналогов) по признакам, связанным с обменом? Такое предположение представляется необоснованным. Историк не утверждал, что все крепостнические хозяйства, барские или крестьянские, в какой-то период стали товарными. Он не предлагал установление в качестве формационного критерия какой-то доли совокупного общественного продукта, реализуемой на рынке. Торговый капитализм больше подходил на роль своеобразного экономического уклада, нежели крепостничество, так как он объединял ту часть экономики, в том числе крепостной, которая была рыночной, за исключением, разумеется, капитализма промышленного.

Таким образом, в общем виде картина торгового капитализма в «Сжатом очерке» мало изменилась по сравнению с предыдущими изысканиями М.Н. Покровского: то же понимание сути торгового капитала, те же этапы. Различия проистекали из того, что в относительно небольшой учебной работе он не мог комплексно охватить какой-нибудь отдельный период истории. Происходившее просто охватывалось тем же торговым капитализмом, исходя из того, что читатель осознаёт всю его сложность, хотя на практике так было не всегда. Кроме того, учёный зачастую прослеживал явление или процесс в координатах, например, половины столетия, поэтому за скобками оставались всяческие «зигзаги» от десятилетия к десятилетию, не говоря уже об отдельных годах.

В своих рассуждениях о крепостническом государстве и революционных классах в «Сжатом очерке» М.Н. Покровский также высказал ряд интересных суждений о влиянии торгового капитала на те или иные события и явления русской истории. В частности, он отметил определённый «культурный» эффект торгового капитала, обнаружившийся очень рано. Этот капитал способствовал уничтожению старых средневековых обычаев, поскольку его функционирование не подчиняется правилам морали, а «невыгодные» традиции им отбрасываются. Судебная система крепостной России с её административным произволом и самоуправством судей была выгодна самым богатым людям, то есть наиболее тесно связанным с торговым капиталом. «Тайной была окутана вся жизнь крепостного государства». И здесь не обошлось без аналогии с торговым капиталом, скрывавшим коммерческую информацию.

Учёный отметил, что в «век торгового капитала... торговые пути имели решающее значение». Судя по контексту, применительно к России под таковым он понимал период приблизительно от Алексея Михайловича до Петра I включительно²⁰³. Вообще, складывается впечатление, что при слабости внутреннего рынка в XVIII веке, как и в XVII, успехи торгового капитализма были связаны прежде всего с внешней торговлей.

Историк уточнил, что положение русского царя как первого купца с XVIII века заметно изменилось. Он перерос эти рамки, видимо, освоив и другие формы предпринимательства, источники его доходов диверсифицировались. Он стал одним из первых миллиардеров в мире.

Применительно к России XVIII века М.Н. Покровский использовал понятие «капиталистически-крепостническое государство», на надстроечном уровне проследив своеобразный симбиоз торгового капитала и крепостничества. Распространение крепостного права вширь и вглубь при Екатерине II проводилось в интересах помещиков и купцов. Иными словами, крепостничество совершенствовалось для того, чтобы получать от крестьян ещё больше продукта, в том числе для рынка. Экономическую подоплёку историк увидел и в падении Павла I. Он правил в период «начала хлебной заграничной торговли и чудовищного развития барщины», о чём так заботилась его мать. Этот же государь разрывом с Англией и попытками ограничить барщину нанёс удар как раз по самым болевым точкам тогдашнего торгового капитализма. Александр I всячески угождал дворянству, покровительствовал торговому и отчасти промышленному капиталу²⁰⁴.

Не обошлась без участия торгового капитала и польская политика самодержавия. Разделы Речи Посполитой при Екатерине II М.Н. Покровский находил соответствующими интересам торгового капитала: сосредоточение в его руках всей восточной половины Европы (видимо, это было как-то связано с особенностями прохождения торговых путей в регионе). А вот собственно Польша, присоединённая при Александре I, экономически России была не нужна и даже, скорее, вредна как конкурент для русского капиталиста. Кстати, и вся европейская политика этого государя после 1815 г. только раздражала русские дворянство и буржуазию,

что создало питательную почву для военного заговора декабристов, которые в большинстве своём не ратовали за безоговорочное уничтожение торгового капитализма. Николай I учёл ошибки предшественника и развернул внешнюю политику России в строгом соответствии с нуждами торгового и промышленного капитала. Царствование этого государя М.Н. Покровский оценил как промежуточное. «Промышленный капитал был уже налицо и боролся за власть с торговым, но последний был пока настолько силен, что не шёл ни на одну явную уступку, стараясь закупить своего соперника тайными поблажками»²⁰⁵. Эта «промежуточность» не была переходом к капитализму как формации, поскольку сохранялось крепостное право. Если использовать более «современную» терминологию, речь может идти о переходе к капиталистическому укладу в завершающей фазе эволюции феодально-крепостнической системы.

Чиновничество в России, по мнению М.Н. Покровского, было создано «торговым капиталом и крепостным правом для их потребности». Оно вообще появилось одновременно с торговым капиталом. Однако со временем «слуга» стал «сильнее своих господ». В социальной системе торгового капитализма чиновник выдвигался на первый план. Особенно от его власти страдали «средние» дворянство и купечество, многие из которых, в XIX веке точно, были субъектами торгового капитализма. Впрочем, в общеклассовом смысле царская бюрократия стояла на страже его интересов. Именно она «оказалась тем прочным скелетом, который выдержал натиск "реформ" и сохранил в общем и целом власть за помещиками и торговым капиталом». У них были одни противники. На сложных исторических поворотах бюрократия была чрезвычайно необходима для сохранения торгового капитализма как системы. В целом чиновничество не достигало такой степени самостоятельности, чтобы коренным образом изменить расстановку классовых сил в России. Чиновник не только выступал в качестве административной прислуги, например, при дворянине, но и сам мог заключать в себе черты и феодала, и торгового капиталиста.

Торговый капитал был слабо заинтересован в интеллигенции. Ему нужен был довольно узкий набор специалистов. Интеллигенция как участник политического процесса для него была край-

не нежелательна. Напротив, промышленный капитализм очень нуждается в ней, что существенно повышало её роль в обществе при наступлении этого строя²⁰⁶. Промышленный капитал при торговом капитализме играет революционизирующую роль. Интеллигенция в политическом смысле может стать его передовым, идеологически наиболее радикальным отрядом.

Главное отличие «Сжатого курса» от других фундаментальных работ М.Н. Покровского сводится к тому, что он гораздо большее количество явлений рассматривал с отсылкой к торговому капитализму, ограничиваясь при этом кратким комментарием. Историк делал это достаточно настойчиво и регулярно, хотя, безусловно, учитывал и комплексность самого торгового капитализма, и другие факторы общественного развития. Если раньше учёный брал источники или исторические исследования и перерабатывал (превращал) их в свою концепцию, отчасти с неизбежностью выводя её из них, то теперь он изложил саму эту концепцию, впрочем, местами бегло, конспективно, ориентируясь на конкретную аудиторию. При этом он, разумеется, сохранил свои ранее выработанные воззрения и на историю России, и на торговый капитализм.

Так или иначе затрагивавшие торговый капитализм исследования М.Н. Покровского, вышедшие в 1921–1922 гг., были весьма немногочисленны (за одним важным исключением, о котором речь пойдёт позже). Тем не менее определённая информация на этот счёт в них всё-таки содержалась. Некоторое внимание им стоит уделить. В статье, посвящённой выдающемуся русскому поэту Н.А. Некрасову, учёный нарисовал художественно яркую картину торгово-капиталистической России середины XIX века. М.Н. Покровский указал на следующее противоречие: промышленный капитализм в России в рассматриваемый период рос очень быстро. При этом внутренний рынок, «стиснутый» крепостным правом, был слишком узким. Видимо, такой феномен мог иметь место лишь в течение весьма непродолжительного времени. По мнению историка, промышленный капитализм николаевской эпохи был недозревшим, а крепостничество, напротив, уже «перезрело». Следовательно, уровень капиталистического уклада в российской экономике отставал от глубины кризиса феодально-крепостнической системы. Промышленный капитал во времена Н.А. Не-

красова ещё не стал самостоятельной общественной силой, «прятался» за капиталом торговым и ростовщическим. Таким образом, М.Н. Покровский показал ограниченность промышленного капитализма в России до последней четверти XIX века, как бы предупреждая о возможных преувеличениях. Машинное производство на уровне особого экономического уклада имело место, но ему предстоял ещё долгий путь развития в этих же рамках. Способ производства, по мнению историка, в России середины XIX века оставался феодально-крепостническим (неприкосновенные приёмы управления душами). В Москве николаевской эпохи купечество возобладало над дворянской Россией. После наступления последней в сфере торгового капитализма в середине XVIII – начале XIX века, видимо, проявила себя обратная тенденция.

Учёный указал на то, что у торгового капитала был свой пролетариат. Речь идёт, например, о рабочих на транспорте, обслуживающем его нужды²⁰⁷. Значит, и торговый капитал, пусть в ограниченных масштабах, востребовал наёмный труд. Впрочем, в традиционных обществах он до известной степени экономически необходим и без связи с генезисом капитализма.

Ещё раз М.Н. Покровский бегло затронул проблематику торгового капитализма в рецензиях на книги С.Ф. Платонова о Борисе Годунове и Р.Ю. Виппера об Иване Грозном. Историк-марксист отметил, что С.Ф. Платонов не показал классовой подоплёки важнейших исторических событий конца XVI – начала XVII века, в том числе и самостоятельной роли буржуазии, хотя это достаточно наглядно видно из источников. Между тем, по мнению М.Н. Покровского, в Московской Руси XVI века только что зародились капитализм и общественные классы. Видимо, речь идёт о начале генезиса торгового капитализма в этот период. Сложнее с классами. Ведь сам историк здесь же отметил, что Московское государство создала «энергия класса, который теперь мы назвали бы крупным феодальным землевладением»²⁰⁸. Значит, он появился всё-таки ранее XVI века и вне связи с торговым капитализмом.

В рецензии на публикацию Р.Ю. Виппера М.Н. Покровский применительно к XVI веку подчеркнул различие интересов московского и новгородского боярства и купечества, которое имело далеко идущие последствия. Например, последнее выступало про-

тив Ливонской войны, так как опасалось прекращения торговых связей с Западом и их перехода на время конфликта к конкурирующим городам²⁰⁹. Здесь учёный затронул территориальный аспект торгового капитализма, его позиционирование в рамках отдельной страны. Ведь торговый капитализм имел и общерусское измерение, и региональное (Поморье, Поволжье), и очаговое (Сольвычегодск, Мангазея, старообрядческие центры, районы производства товарных культур в Закавказье и Средней Азии). Этот момент заслуживал рассмотрения в крупной специальной работе.

М.Н. Покровский подчеркнул преимущества марксистского метода познания русской революции. Он полагал, что она вообще может быть понята только исследователем, стоящим на марксистских позициях. Остальные авторы оказываются «перед необъяснимым, перед чудом». Кстати, именно поэтому буржуазная историография в первой четверти XX века отступала от материализма к идеализму: на Западе раньше, на рубеже XIX–XX веков, так как «их» капитализм уже вступил в завершающую фазу своего развития, в России с небольшим опозданием, видимо, в эпоху трёх революций. М.Н. Покровский высказал интересную мысль: если какое-то событие имело, допустим, не экономическое, а военное значение, то это на самом деле говорит о его опосредованно экономическом значении²¹⁰. Можно было бы заключить, что мы столкнулись здесь с рецидивом экономического материализма. Однако такой вывод был бы поспешным и поверхностным. Здесь была учтена взаимосвязь различных сфер общественной жизни с характерным для марксистов указанием на преимущественную роль материальных условий существования человека.

В довольно большой словарной статье о Смутном времени, в которой автор рассматривал его специально и в целом, торгово-капиталистическим факторам было уделено мало внимания. К экономическим условиям Смуты исследователь отнёс появление торгового капитализма и в связи с ним крупного землевладения, основанного на крепостном праве. Учёный «аккуратно» отметил, что их зачатки можно наблюдать в эпоху Грозного. Всё это сопровождалось сосредоточением земли и капитала в руках немногих и экспроприацией широких слоёв мелких, некогда самостоятельных хозяев различного типа и происхождения²¹¹. Соответствующие хо-

зьяства становились ресурсом для обогащения высших духовных и светских феодалов, верхов купечества. В начале XVII века этот процесс очень ускорился. Некоторая проблема общего характера в концепции М.Н. Покровского состояла в том, что он зачастую называл «торговым капитализмом» его зарождение, утверждение, отдельные проявления, эпоху, некий аналог социально-экономического уклада и т. п. Было бы уместно чётко выделить этапы движения торгового капитализма от низших форм к высшим.

В остальном М.Н. Покровский повторил свой тезис об опрличнине как о правлении дворянском с участием купечества. Затем буржуазия пропадает из поля зрения. Василия Шуйского приводят к власти боярство и Московский посад, и лишь с этого момента богатое купечество приобретает видную роль. За царя Василия стоят крупное землевладение и крупный капитал. Но на практике он держится субсидиями городов. В них развернулась острая классовая борьба между капиталистами и беднотой, которая ослабила позиции буржуазии. Польского кандидата Владислава к власти приводит всё-таки не торговый капитал, а боярство. Торговые люди стали главной опорой нового восстания. Сначала они сделали ставку на казачество, которое, однако, вступило в конфликт с дворянами. Второе ополчение было собрано уже из помещиков, к которым присоединились казаки ввиду найденного компромисса²¹². Впрочем, складывается впечатление, что каждая крупная социальная сила в период Смуты сохраняла самостоятельность. В стратегическом плане это ограничивало влияние торгового капитала в смысле политического руководства кем-либо с его стороны. Видимо, М.Н. Покровский для отображения роли буржуазии сосредоточился на той части истории Смуты, когда она была наиболее показательной, что можно было использовать в качестве своего рода модели в более широком контексте. Иначе будет непонятно, почему буржуазия в 1610–1613 гг. вдруг встаёт в полный рост и, по-видимому, играет ведущую политическую роль.

Обращаясь к истории России после отмены крепостного права, М.Н. Покровский утверждал, что «от феодализма оставалась его экономическая сущность». Следовательно, учёный прямо признавал общественный строй в России XIX века феодальным, по

крайней мере, считал возможным так его называть, что, с его точки зрения, видимо, не противоречило концепции торгового капитализма. Более того, внутренний рынок для промышленного капитализма именно по этой причине в пореформенный период оставался слишком узким: выкупные платежи, денежная арендная плата, «отработки», денежные подати. Дело было настолько плохо, что для развития капитализма «в деревне почти не было условий». На очереди дня там, видимо, и в начале XX века стояла буржуазная революция. Иными словами, М.Н. Покровский ещё более усилил свой тезис о том, что больше всего от крестьянской реформы 1861 г. выиграл торговый капитализм. Он был представлен союзом помещиков и крупного капитала, имело место их взаимопревращение. Крупные землевладельцы были одновременно промышленниками. Дворяне были должниками буржуазии²¹³. Вновь феодализм легко переходил в торговый капитализм и обратно. Развитие производственного капитализма в аграрной экономике на базе крестьянского или помещичьего хозяйства до отмены крепостного права, по М.Н. Покровскому, вряд ли имело место вообще. Видимо, не только американский, но и прусский путь капиталистической перестройки сельского хозяйства России, по крайней мере до конца XIX века, казался учёному малорезультативным. Разложение феодально-крепостнического строя, неудержимое после 1861 г., опережало проникновение в аграрную сферу капиталистических производственных отношений. Таким образом, торговый капитал эксплуатировал то, что препятствовало прогрессу промышленного капитализма, и слабости самого промышленного капитала. Историческое торжество промышленного капитализма стояло в обратном отношении к перспективам капитализма торгового хотя бы потому, что этот последний не сводился только к торговому капиталу и вообще только к обмену.

2.2. Осмысление учёным своей концепции торгового капитализма и её вклада в марксистское понимание русской истории в середине 1920-х гг.

В 1922 г. М.Н. Покровский выступил с серией статей, посвящённых вопросу о сущности русского самодержавия. Для историка-марксиста в общем виде он представлялся вполне решённым. Однако вмешалась политика. Выступление видного деятеля большевистской партии, к тому же одного из крупнейших её теоретиков по вопросам исторического прошлого России сделало эту тему весьма актуальной. Разумеется, Л.Д. Троцкий не выступал в качестве историка-профессионала. Его инициатива была продиктована исключительно идеологическими соображениями. В то время в партии развернулась острая, ожесточённая полемика о путях строительства социализма. Л.Д. Троцкий и его сторонники утверждали, что для успеха этого дела необходимо осуществить первоначальное накопление капитала за счёт «выкачивания» ресурсов из сельского хозяйства и в кратчайшие сроки провести индустриализацию. Для достижения указанной цели нужно было также ликвидировать рыночные механизмы, заменив их административными. Конечно, это резко усиливало роль государства во всех сферах общественной жизни, превращало его в главную силу исторического процесса. Более того, фактически получалось, что, хотя бы временно, все протекающие в обществе процессы станут непосредственно государственными. Причём данная система должна была сложиться не в результате соответствующих преобразований, а в их начале как инструмент. Здесь очень бы пригодились примеры из прошлого, как минимум показывающие, что в России подобные эксперименты уже с успехом проводились, как максимум доказывающие, что такой путь вообще для России характерен, органичен и т. п. Правда, если такое положение вещей вызвало бы позитивную оценку у иного дореволюционного историка (например, некоторые особенности России делают неизбежными массированное применение государственного насилия; если в целом они достойны сожаления, то в данной конкретной обстановке, напротив, вполне уместны), у марксиста Л.Д. Троцкого

реакция должна была оказаться прямо противоположной. По словам П.Н. Милюкова, «главным противником Покровского в этом споре оказался не Троцкий, а вся историческая наука предшественников Покровского». Отталкиваясь от экономического материализма, П.Н. Милюков предлагал следующую схему: слабость экономического фундамента – характер политической надстройки – «политическое господство "государства" над "классами"»²¹⁴. М.Н. Покровский как сторонник материализма исторического не мог пойти по вышеуказанному пути.

Похоже, именно полемика с М.Н. Покровским заставила Л.Д. Троцкого основательно погрузиться в исторический материал и придать своим построениям более специальный характер. В то же время сам М.Н. Покровский вдруг обнаружил, что не просто помогает товарищу по партии избавиться от ошибочных положений старой историографии (вообще имевших широкое распространение в партийных кругах), а втягивается в борьбу с троцкизмом как системой взглядов, в том числе и на историю России.

Кстати, именно Л.Д. Троцкий заложил традиции критики концепции торгового капитализма М.Н. Покровского и задал ей определённое направление. Он отмечал, что М.Н. Покровский исходил из ведущей роли сферы обращения в общественном производстве, абсолютизировал роль торговли, в то время как нужно было искать «критерии экономического развития в производстве, в технике, в общественной организации труда», не учитывал различия между «историческими формами торговли»²¹⁵. О воздействии полемики на молодые марксистские кадры свидетельствуют дневники М.В. Нечкиной, тогда провинциального историка. Этим вопросом она занималась всю первую половину января 1923 г., и в результате выступила с докладом на заседании исторической секции АОН «Троцкий как историк (место Троцкого в школе экономического материализма в связи с книгой его "1905" (М., 1922, 2-е изд.) и полемикой Покровского с Троцким)», а в феврале искала дополнительную литературу на этот счёт для написания статьи о Троцком²¹⁶.

В центре нашего внимания будут работы М.Н. Покровского, в которых была непосредственно отражена его полемика с Л.Д. Троцким. Кроме того, наиболее востребованной будет про-

блематика торгового капитализма, прежде всего использование соответствующей концепции в идейной борьбе, а также её модификация под влиянием этой борьбы.

Л.Д. Троцкий высказал тривиальную мысль о значительном отставании развития России по сравнению с Западом, которое оказало существенное влияние на многие явления её истории. Каким образом? Приведём следующий пример. Известно, что сильное государство, в высокой степени стоящее над классами, существовало и в России, и в Европе, например, в эпоху абсолютизма. Однако в России государство пошло гораздо дальше: в ней установилось и закрепилось самодержавие. Из-за отсталости страны, прежде всего в экономической сфере, государство не смогло удержаться в «точке равновесия» между экономически господствующими классами и превратилось в самодовлеющую организацию. Если продолжить эту мысль, то проблема России не в отсутствии капитализма, а в том, какого рода капитализм в ней сложился.

В ходе полемики Л.Д. Троцкий прямо критиковал построения М.Н. Покровского, например, за перенесение современных экономических категорий, в частности торгового капитализма, в докапиталистическую эпоху, преувеличение уровня развития торговли в средневековой России²¹⁷. Это вынудило М.Н. Покровского целенаправленно выступить в защиту своей концепции торгового капитализма, напомнив, что, по К. Марксу, торговый и ростовщический капитал в Средневековье были главными формами капитала, а темпы исторического развития России были не медленными, а разными²¹⁸.

Л.Д. Троцкий не смог оценить всей сложности и многогранности концепции торгового капитализма, которая как раз и компенсировала подмеченные им «недостатки» общей концепции русской истории М.Н. Покровского. Он не заметил, что система торгового капитала включала в себя и производство. В связи с торговым капиталом появился общественный строй торгового капитализма, который можно назвать и буржуазным. М.Н. Покровский не имел в виду равновесия феодализма и промышленного капитализма как условия возникновения абсолютизма в России. В лучшем случае речь у него шла о равновесии старого феодального базиса и его торгово-капиталистического применения. При этом социальные объекты не распались, а перерождались.

Что касается своеобразия русского исторического процесса, следует отметить его теоретическую «предрешённость» в рамках марксизма. Капитализм как общественная формация обладает обязательными признаками, без которых не может существовать. И в этом смысле он одинаков во всех странах. Различия между ними в отношении капитализма могут быть сколь угодно велики, но до тех пор, пока они не касаются его сущности. То же самое можно сказать и о генезисе капитализма.

Здесь также важно понимание государства вне зависимости от капитализма. Государство можно трактовать и как определяющую силу общественного развития, оказывающую решающее воздействие на все стороны жизни, и как инструмент, выполняющий ограниченный набор функций в режиме разумной достаточности. Между этими крайностями существует множество вариантов. Например, в рамках того же марксизма государство является элементом не только надстройки, но и базиса. Если не государственной феодализм, то государственное хозяйство было давно и хорошо известно исторической науке. Государство стоит на страже не столько интересов, допустим, класса феодалов, сколько обеспечивает стратегические задачи развития феодализма, не очевидные в ближайшей перспективе и противоречащие нуждам господствующего класса на данном историческом этапе²¹⁹. Более того, феодальное государство может содействовать развитию не только феодализма, но и капитализма. В переходный период от феодализма к капитализму это государство является не просто феодальным, а в том числе отражающим и обслуживающим генезис капитализма.

М.Н. Покровский отметил, что идея об экономической отсталости России от передовых европейских стран не нова и не вызывает особых возражений. Другое дело, как она используется. Например, домарксистская историография применяла это положение для доказательства принципиального отличия России от европейских стран. С точки зрения учёного, какой бы ни была экономическая основа создания Московского государства, она была вполне достаточной для его формирования. Было бы ошибкой утверждать, что оно не имело экономических предпосылок. Это были предпосылки той же природы, но не того же уровня, что пред-

посылки абсолютизма, торгового капитализма. В XVII веке при всех оговорках, особенностях и другом Россия соответствовала стандартам позднего европейского Средневековья. Здесь можно вспомнить и начало формирования национального рынка, и утверждение крепостничества, и появление абсолютной монархии. Вместе с тем М.Н. Покровский признавал, что «на стезю капитализма» Россия вступила позже многих европейских стран, но стадии генезиса капитализма проходила быстрее, чем они, как раз за счёт чрезвычайного напряжения сил и средств и жёстких форм эксплуатации. Однако «московский абсолютизм» не опережал развития экономических отношений, а был точным их отражением. Иначе выходит, что он был кем-то каким-то образом создан для «внедрения» капитализма. Такая постановка вопроса делает ненужными всякие условия и предпосылки становления капитализма. Ведь тогда можно было просто взять «азиатскую деспотию», выполнявшую задачи обороны, и использовать в других целях. Однако в этом случае без ответа остаются вопросы о том, почему её удалось столь кардинально переориентировать и откуда взялись ресурсы для решения новых задач, ведь и старые никто не отменял.

В итоге «средневековый таран» прокладывает дорогу капитализму хуже, чем полноценная буржуазная революция, сметающая со своего пути остатки феодализма, но иногда лучше, чем «буржуазная эволюция»²²⁰.

М.Н. Покровский прокомментировал тезис о бюрократической монархии в России. На первый взгляд он означает то, что бюрократия приходит на смену дворянству. Однако точка зрения учёного была более сложной. Эта монархия была выражением противоречий между дворянством и бюрократией. Речь идёт о своего рода двух «фракциях» торгового капитализма (производства и обращения), а также двух типах производства (крепостническом и капиталистическом). Чем больше было успехов у вторых, тем более бюрократия оттесняла дворянство. Наряду с этим, М.Н. Покровский отмечал противоположность между землевладением и капиталом.

В приведённых выше положениях М.Н. Покровский показал, что скрывается за относительной самостоятельностью государства в российских условиях.

Учёный предостерегал от недооценки степени развития страны в те периоды, когда ещё не было сложившегося торгового и промышленного капитализма как системы. По его мнению, иностранцы, бывавшие в России XVI века, находили в ней и развитую торговлю, и крупное ростовщичество, и тесную связь правящих кругов с зарубежным торговым капиталом, и внешнюю торговлю как фактор серьёзного усиления страны. Они были хорошо знакомы с реалиями торгового капитализма в своих странах и легко идентифицировали их с российской действительностью. Таким образом, примитивизм русской экономической жизни обнаруживается, если исследователь нарушает принцип историзма. Россию XVI века учёный считал «торговой» страной, захваченной развитием торгового капитализма.

Несколько компрометировало построения М.Н. Покровского использование понятий «торговый капитал» и «торговый капитализм». В ряде случаев первый использовался там, где более уместен был второй. Например, учёный полагал, что русский торговый капитал сковал «страну железной дисциплиной» и выработал «настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры торгового капитала и было московское самодержавие»²²¹. Таким образом, получается, что новая общественная система (хотя и не формация) вырастает только из одного элемента предшествующей системы.

Л.Д. Троцкий считал, что процесс, при котором купец покупает у туземцев меха и продаёт им водку, является свидетельством отсталости²²². Позиция М.Н. Покровского была более сложной: с одной стороны, данный пример указывает на торговый капитализм, являющийся более высокой стадией развития, чем первобытность, с другой – в сравнении с методами европейского капиталиста поведение его русского собрата слишком уж элементарно, безыскусно. Всё-таки в своих странах торговый капитал Запада «отучился» от прямо колониальных методов эксплуатации. Конечно, для передового торгового капитала Англии или Голландии Россия как торговый партнёр во многом напоминала их заморские территории. Однако в случае с ней на первый план выходил именно «угол зрения», а не характер подчинения. Ведь в России проникновение иностранного торгового капитала было фактором

первоначального накопления. Кстати, торговля мехами, важнейшим экспортным товаром, была одной из наиболее ярких его примет. Более того, по мнению историка, внутреннее накопление предшествовало внешнеторговой экспансии с Запада. Эта последняя не тормозила, а, напротив, стимулировала развитие отечественного торгового капитала.

Становление капитализма в России происходило поначалу медленно, однако затем этот процесс постоянно ускорялся. После того, как капитализм образовался, он с беспрецедентной быстротой стал разворачиваться в полный рост. Громадный шаг от появления первого капиталистического предприятия в промышленности до финансового капитализма Россия сделала в кратчайшие исторические сроки, причём всё это происходило на примитивной экономической основе, включая начало XX века. Однако становление капитализма создавало и новую основу, уже не столь примитивную. Одним участием государства эти превращения объяснить невозможно. Вместе с тем М.Н. Покровский признал, что формирование капитализма в России происходило в менее благоприятных условиях, чем на Западе. Государство же играло двойственную роль. С одной стороны, оно до известной степени компенсировало дефицит факторов генезиса капитализма, с другой – само было одним из этих «недозревших» условий. Получается, что государство одновременно содействовало и капитализму, и тому, что мешало ему развиваться.

С точки зрения М.Н. Покровского, торговый и промышленный капитализм были различными стадиями его формирования. Однако они не существовали в чистом виде, а перемешивались друг с другом. Более того, в стране соседствовали и самые примитивные формы хозяйственного быта, и самые передовые технические достижения. Фактически учёный поставил знак равенства между периодом «так называемого первоначального накопления» К. Маркса и своим «торговым капитализмом»²²³. Здесь историк фактически указал на многоукладность российской экономики. Применительно к торговому капитализму это означало следующее. Торговый капитализм – первая фаза генезиса капитализма, не только слабо хронологически отделённая от его последующих фаз, но и протянувшаяся сквозь них вплоть до полной победы ка-

питализма. В силу этого торговый капитализм не подменил, а как бы заслонил собой весь процесс зарождения и утверждения капитализма. Если учесть связь торгового капитала с производством (а без нее он не мог бы появиться), торговый капитализм представляет собой своего рода подсистему в рамках определённой экономической системы, некий аналог социально-экономического уклада.

В 1925 г. М.Н. Покровский вернулся к конкретной постановке вопроса об особенностях исторического развития России в более широком плане. Видимо, здесь имели место и сугубо научные задачи, и реакция на критику, поднимавшуюся изнутри научного сообщества. Естественно, актуализировалась и старая полемика с Л.Д. Троцким, тем более что троцкизм не потерял ещё известной идеологической привлекательности, не сошёл с политической сцены.

Историк усилил тезис о том, что экономическая база образования Русского государства в XV–XVII веках была не столь примитивной (кстати, позднейшая советская историография привела множество доказательств этого положения). Так, в России существовали крупные торговые города, а буржуазия участвовала в борьбе с феодалами. При этом под буржуазией М.Н. Покровский традиционно понимал верхи торгово-ремесленных слоёв городского населения, имевшие место даже при раннем феодализме. Учёный признал, что в данный период русский город был аналогичен западноевропейскому, так сказать, типологически, но всё же не достиг того великолетия и процветания, которое было у последнего. Дело в том, что расцвет города в феодальную эпоху обычно обуславливается успехами ремесленного производства, которое затем превращается торговым капиталом в систему домашнего производства. Русский торговый капитал возник позже западного, но развивался быстрее него, создав искомую систему (видимо, нечто вроде мелкотоварного уклада, может быть, с «вкраплениями» капиталистической «работы на дому») в XVII веке.

По мнению М.Н. Покровского, Л.Д. Троцкий отводил городу непропорционально большое место в процессе зарождения капитализма. Слабость же городского строя была аргументом в пользу того, что эту работу взяло на себя государство. Историк вслед за

К. Марксом напомнил о первенствующей роли процесса накопления капитала, в частности складывания рынка наёмной рабочей силы, что проявлялось, например, в сгоне крестьян с земли крупными землевладельцами и т. п. М.Н. Покровский указал следующую зависимость: всё более втягиваясь в товарно-денежные отношения, феодалы нуждаются в крупном внутреннем рынке и развитии смежных с аграрным сектором отраслей промышленности. Значит, обеспечивая это, феодальное государство напрямую выражало интересы не столько буржуазии, сколько своего господствующего класса. Развитие капитализма развернулось «по-настоящему», когда блестящая экономическая история средневекового города уходила в прошлое.

Тип помещика-предпринимателя М.Н. Покровский находил в разные исторические эпохи. Однако он утверждал, что между представителями этого типа, независимо от того, когда они жили, не было принципиальных расхождений. Они в равной мере являлись субъектами торгового капитализма. Вместе с тем когда один и тот же помещик выступает в качестве и производителя, и торговца, он олицетворяет собой союз землевладения и капитала²²⁴.

В исторической литературе высказывалось мнение, что взгляды Л.Д. Троцкого на историческую роль государства были вполне марксистскими, хотя и не совпадали с воззрениями других марксистов, в том числе В.И. Ленина. Следует отметить известное сближение позиций Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского в процессе дискуссии, которое её участниками не подчёркивалось. Так, Л.Д. Троцкий указал, что самодержавие в России в его интерпретации не было, строго говоря, самодовлеющей силой. Оно имело лишь более высокую степень самостоятельности по сравнению с европейским абсолютизмом. И Л.Д. Троцкий, и М.Н. Покровский соглашались с тем, что и в России, и на Западе феодализм и капитализм не только имели место, но и состояли из одинаковых элементов. Оба они указывали на неравномерный характер общественного развития как между различными странами, так и внутри одной страны, на совмещение разных этапов в истории²²⁵. Л.Д. Троцкий признал хозяйство России «недостаточно примитивным», согласился с существованием «баржи» (нечто вроде примитивного капитализма) в России, но высказался против ото-

ждествления её с западным «пароходом». Сближаясь с М.Н. Покровским, он скромно констатировал эволюцию точки зрения историка в сторону своей собственной, благодушно заключая, что комбинация «парохода» и «баржи» у М.Н. Покровского позволяет приблизиться к истине²²⁶.

Вопрос об особенностях российской истории традиционно находился в центре внимания отечественного научного сообщества (открытие темы в отечественной марксистской историографии освещено в работе Т. Крауса, а её закрытие – в статье А.М. Дубровского)²²⁷. Не была здесь исключением и ранняя советская историография, ориентировавшаяся в данном случае не только на ортодоксальный марксизм, но и на старые укоренившиеся тенденции. Небезоговорочное следование советских историков концепции Н.П. Павлова-Сильванского продолжалось до середины 1920-х гг. Она «привлекала попыткой найти объективные истоки феодализма в целом, поставить историю России в рамки исторических закономерностей»²²⁸. Кстати, обнаружение оппонентами друг у друга «вульгарно-экономического материализма», с одной стороны, и элементов теорий С.М. Соловьёва, Б.Н. Чичерина – с другой, иногда ставилось в более общий контекст. Так, М.Н. Покровский замечал, что П.Н. Милюков после 1917 г. косвенно признал дворянскую основу самодержавия²²⁹, поэтому рассуждения о том, что самодержавие не выражало волю какого-то определённого класса, по его мнению, представляли собой шаг назад от достигнутого передовой, хотя и буржуазной, наукой.

В целом отличия России прежде всего от стран Запада в исторической литературе «канализировались» в совокупность факторов, обеспечивающих её отставание от передовых стран. Магистральным путём русской истории считалось уменьшение удельного веса таких факторов, что для одних свидетельствовало о сближении России с Западом, превращении её в подлинно европейскую страну, для других означало повышение конкурентоспособности сохраняющей своеобразие России во всемирно-историческом соревновании. Другой фундаментальной особенностью страны были темпы её развития, которые признавались слишком медленными, но не вообще, а в плане их недостаточности для преодоления отсталости. Эти темпы можно было искусственно ускорять, при-

чём существенным образом. Значит, именно государство является наиболее динамичным компонентом отечественной истории, но парадокс состоит в том, что оно обеспечивает высокую, допустим, экономическую динамику, но не динамику своего собственного развития. Poleмика между М.Н. Покровским и Л.Д. Троцким была частным случаем этой историографической традиции.

В творчестве Л.Д. Троцкого советских историков должно было насторожить одно обстоятельство, препятствовавшее утверждению в СССР марксистского понимания исторического процесса, связанного с учением о смене общественно-экономических формаций. Ведь, согласно схеме Л.Д. Троцкого, то, что происходило в истории России, можно было объяснить не законами развития феодализма и капитализма, соответствующих способов производства и другого, а через взаимодействие «примитивной экономической основы» с государством²³⁰. Это было особенно опасно для историков-марксистов, так как в нашей исторической науке присутствовала давняя и мощная традиция отрицания существования и феодализма, и капитализма.

Концепция торгового капитализма сыграла решающую роль в полемике М.Н. Покровского с Л.Д. Троцким. Она позволила историку справиться с его главной задачей: показать Россию, сосуществующую, опосредующую и связывающую примитивную экономическую основу с развитыми формами промышленного капитализма. Один из критиков книги М.Н. Покровского «Марксизм и особенности исторического развития России» в 1930 г. отмечал призывы историка «отбросить легенду о медленности и отсталости экономического развития России и в то же время неожиданные указания на такие вещи, которые как раз противоречат этому»²³¹. Торговый капитализм (соединение докапиталистических форм, структур, элементов с капиталом) принципиально отличался от капитализма промышленного, позволяя существенно скорректировать рассуждения об отсталости России, ибо переводил их в плоскость соотношения российского торгового капитализма с его аналогами в других европейских странах. Если понимать торговый капитализм как компонент в рамках определённой системы, то он был наиболее динамично развивающейся частью этой системы. Следовательно, её эволюция была разноско-

ростной. Иными словами, торговый капитализм бурно развивался, а другие компоненты попадали в разряд отстающих.

Складывается впечатление, что в споре с М.Н. Покровским Л.Д. Троцкому мешало отсутствие схемы, аналогичной торговому капитализму. Её подменяли периодические обвинения М.Н. Покровского в отсутствии диалектики. Л.Д. Троцкий разразился, например, такой гневной и несправедливой тирадой: «Если нет "особенностей", т. Покровский, тогда вообще нет истории, а есть какая-то мнимо материалистическая геометрия. Вместо того, чтобы исследовать живую и изменяющуюся материю хозяйственного развития, достаточно уловить отдельные признаки и приравнять их к готовым шаблонам. Такой примитивный способ исследования достаточен в борьбе с народническими или либеральными предубеждениями, тем более со славянофильством ("у ней особенная статья"). Но совершенно недостаточен для уяснения действительных путей исторического развития России»²³². Этот выпад явно диссонирует с концепцией торгового капитализма (не случайно Л.Д. Троцкий писал о схеме: феодализм – капитализм – социализм), да и по сути не верен. М.Н. Покровский отрицал не особенности России, а созданную его оппонентом концепцию русской истории, в центр которой была поставлена определённая интерпретация этих особенностей.

Понимая русскую историю как историю «позднего», «недостаточного» промышленного капитализма, Л.Д. Троцкий всё предшествующее ему рассматривал как целостный докапиталистический массив, поставленный к нему в некоторое отношение. Содержание этого массива следовало разнообразить, имея в виду не только его внутреннее единство, но и структурную дифференциацию. Речь идёт, например, о высоком уровне развития рыночной экономики, значительном удельном весе товарного хозяйства и без промышленного капитализма.

В полемике с Л.Д. Троцким М.Н. Покровский выступал с позиций последовательного сторонника марксистских взглядов на прошлое русского капитализма. Среди прочего он показал, как капитализм вырастал из таких форм, которые поначалу не имели с ним ничего общего. Их эволюция высвобождала условия генезиса капитализма из-под груза феодальных наслоений, создавала

предпосылки для того, чтобы элементы капитализма не только отделялись от докапиталистических хозяйственных форм, но и соединялись между собой на качественно новой основе.

Забегая вперёд, отметим, что в 1925 г. М.Н. Покровский уже не признавал в своём оппоненте марксиста, по крайней мере в области истории. Учёный развернул борьбу «с буржуазными концепциями русского исторического процесса», которую считал наиболее актуальной в сфере историографии потому, что она особенно активно «засоряла... нашу марксистскую литературу». К концу жизни на эти позиции отступил Г.В. Плеханов, за ним последовал и Л.Д. Троцкий. Учёный смело признался, что, по крайней мере, в 1922 г. видел в нём единомышленника, плохо представлявшего себе историографическую ситуацию: «По мере хода полемики выяснилось, что никакой случайности здесь нет, что налицо коренное расхождение мировоззрений, которое остаётся только констатировать». Следовательно, Л.Д. Троцкий-историк для М.Н. Покровского оказался исследователем, «заново, иногда весьма оригинально» переаргументировавшим старую «государственническую» концепцию русской истории²³³. Вместе с тем складывается впечатление, что глава советских историков избегал однозначной квалификации взглядов Л.Д. Троцкого, но, возможно, несколько сгущал краски. Правда, их отдаление друг от друга в середине 1920-х гг., похоже, было обоюдным.

Начиная говорить об особенностях капиталистического развития России, необходимо предварительно обозначить объекты производимого сравнения. Если таковым является классический английский капитализм, который находился в центре внимания К. Маркса, то отличия его российского варианта будут разительными. Если же для сравнения взять страны континентальной, особенно Восточной Европы, то, во всяком случае, они не будут впечатляющими. Присущие России особенности легко обнаруживаются у её ближайших западных соседей и в связи с этим приобретают более скромный масштаб. Их приходится выделять из ряда подобных явлений. Впрочем, может быть, для познавательных целей английский капитализм в качестве возможного объекта сравнения в чём-то более продуктивен. М.Н. Покровский учитывал неравномерность развития капитализма между различными ци-

визационными группами так же, как и волнообразный характер этого процесса внутри отдельной страны.

В 1923 г. учёный ещё раз вернулся к изложению своей концепции русской истории в трёх небольших статьях, которые были помещены в двух сборниках, предназначенных для популяризации большевистских идей, в том числе и на международном уровне. По структуре они были близки брошюре «Царизм и революция» 1918 г. и, видимо, сыграли подготовительную роль к «Очеркам русского революционного движения XIX–XX вв.». В этот период своего творчества М.Н. Покровский много внимания уделял истории общественного движения, истории идей, их взаимосвязи с политикой, экономикой, разумеется, с выходом на торговый капитализм. Большое значение здесь для историка имело воздействие торгового и промышленного капитализма, а также борьбы между ними на классовую борьбу, в том числе в идеологической сфере.

М.Н. Покровский подчеркнул, что с XIII века русские князья стали крупными феодалами. Однако это не объясняет того, почему именно московские князья преуспели в ходе объединительного процесса. Для учёного ответ на этот вопрос очевиден. Они установили союз с торговым капиталом, в зачаточных формах складывавшимся в России XIV–XV столетий. Что он означал на практике? Московские князья охраняли торговые пути в рамках Северной и Восточной Руси. Но ещё важнее то, что уже первые их представители сами участвуют в торговле. Постепенно эта последняя тенденция нарастает, и в XVI веке московский государь становится крупнейшим купцом и ростовщиком. В XVII веке она ещё более усиливается, то есть царь превращается в главного купца, а в начале XVIII века само государство превращается в торговую организацию. Экономическое объединение страны было невозможно без установления тесных торговых связей между различными её областями. И тут особая роль принадлежала торговому капиталу, ибо он предполагал регулярное обращение товаров и денег, организованную разветвлённую оптовую торговлю, концентрацию ресурсов для обмена. Напротив, наличие натурального хозяйства централизации страны ничем помочь не могло.

Рядом с торговлей, по мнению историка, шло первоначальное накопление капитала, которое в данном случае он понимал как

процесс экспроприации непосредственного производителя, теряющего свою землю и всё больше произведённого продукта. Результатом, такого накопления явилось крепостничество. Оно вело не к промышленному, а к торговому капитализму, ведь феодальная собственность крепостника капиталом не является. Помещик, конечно, пытался приспособить своё хозяйство к новым рыночным условиям, но зачастую неудачно. Распространение капитализма в сфере обмена не сопровождалось аналогичным процессом в аграрной сфере, в которой преобладали феодальные отношения. Крепостное право являло собой новый тип внеэкономического принуждения, позволявший «отстающим» землевладельцам более или менее последовательно подниматься на тот уровень связей с рынком, который соответствовал его состоянию вообще. Впрочем, в городе ситуация были иной, имевшей большее отношение, по крайней мере, к торговому капиталу.

Если под трактовкой петровской эпохи как периода расцвета абсолютизма понимать наиболее радикальную его попытку, то такая позиция не вызывает возражений. Вообще его характеристика у историка живо напоминает реалии «азиатского» способа производства: всевластие монарха, бесправие подданных, государство как достояние его «владельца-хозяина».

В духе торгового капитализма М.Н. Покровский теперь представил и ситуацию второй и третьей четверти XVIII века в России. Реальная власть в государстве тогда оказалась в руках кучки магнатов, владельцев огромных имений, ведших торговлю. Они же были хозяевами первых крупных промышленных предприятий, использовавших подневольный труд и в значительной степени работавших на государство. Пугачёвщина заставила этих деятелей поступиться амбициями и подчиниться самодержавию. Уже Александр I и Николай I были воплощением диктатуры дворянства, то есть класса, а не лиц²³⁴. Означало ли это поражение торгового капитализма? Ответ на этот вопрос зависит от того, что представляло собой дворянство в первой половине XIX века. М.Н. Покровский понимал, что оно было неоднородным. Применительно к капитализму учёный выделил в нём две «фракции». На юге помещичье хозяйство под влиянием роста хлебных цен на мировом рынке превратилось в аналог американской рабовладель-

ческой плантации. В густонаселённой центральной нечернозёмной России помещики для повышения товарности своего хозяйства вынуждены были прибегать к более изощрённым методам «рационализаторского характера». Но в обоих случаях речь идёт о землевладельцах, которые вели товарное хозяйство или стремились к этому. Первая группа, включавшая хозяйства барщинного типа чернозёмной зоны, видимо, полностью укладывалась в координаты торгового капитализма. Вторая группа их северных соседей, условно говоря, «манчестерцев», по крайней мере отчасти, тяготела к капитализму промышленному, потому что для реорганизации своего хозяйства им требовались капиталовложения. У этих групп были разные интересы, и между ними развернулась борьба, первым столкновением в которой был «заговор декабристов». Тактически «манчестерцы» проиграли, но стратегически события развивались в их пользу. М.Н. Покровский в подтверждение этому привёл показатели огромного роста хлебного вывоза в период с 1820 по 1860 г. Видимо, здесь логика была такова: чтобы удовлетворять запросы рынка, уже многим помещикам понадобился переход на новые методы эксплуатации, впрочем, необязательно «чисто» капиталистические.

Если Крымская война была начата в угоду прежде всего торговому (борьба за Константинополь), а отчасти промышленному, капиталу, то поражение в ней ударило по всему дворянству. В ходе крестьянской реформы самодержавие поступило двояко: процедура освобождения крестьян была проведена в большей степени в интересах крупных товарных барщинных хозяйств, а либеральные реформы в целом – в соответствии с пожеланиями «манчестерцев». Что же получилось в итоге? Самодержавие как будто (то есть по-своему) в полной мере приспособилось к промышленному капитализму²³⁵. Во всяком случае, николаевская монархия ему менее соответствовала.

Учёный сравнил некоторые торгово-капиталистические реалии России с зарубежным опытом. Так, если зачаточные формы торгового капитала появились в Европе, видимо Западной, в XI веке, то на Руси тремя веками позже. В России же в это время наблюдался расцвет чисто феодальных отношений. В XV–XVI веках капитализм в ней «поднимался», а феодализм «таял» (натиск

европейского и деятельность туземного торговых капиталов). К Смуте государство торгового капитала ещё не успело сложиться, хотя новый экономический режим уже появился (совокупно процессы, связанные с закрепощением). Абсолютистский тип государства Романовых (по крайней мере, по Петра I включительно) был совершенно тождественен господству Валуа и Тюдоров (вторая половина XV–XVI веков во Франции и Англии). Но речь идёт о тождестве в общем виде. Русское самодержавие было всё-таки его восточноевропейским вариантом²³⁶. Поскольку абсолютизм и торговый капитализм в России, по М.Н. Покровскому, хронологически совпадают, мы видим, что отставание было сокращено до полутора-двух столетий. Дальше – больше. «Россия конца XVIII века ещё не знала другого капитализма, кроме торгового. О капиталистической промышленности... почти не приходится говорить» (то есть имел место промышленный капитал, а не соответствующий ему капитализм). Всего сто лет ему понадобилось для того, чтобы «пробежать тот путь, по которому Западная Европа шла три столетия». Да, русский капитализм успешно догонял западный, но кроме него в России оставался ещё и феодализм. Наряду с этим, учёный находил «огромный комплекс стран, подчинённых тому же закону исторического развития, как и Россия, – стран, осуждённых на большевизм судьбою», относя к ним Японию, Китай, Индию²³⁷. Это было отражением завышенных ожиданий (со стороны большевиков) от переноса центра мирового революционного движения на Восток и отсутствия (по объективным причинам) глубокого комплексного марксистского анализа его состояния. Впрочем, сопоставление генезиса капитализма в России и в странах Востока представляется плодотворным.

Историк указывал на то, что эпоха торгового капитализма не связана только с историей капитала. Он давал ей и вполне «современную» трактовку как периода разложения феодального и возникновения капиталистического строя. Правда, хронологически учёный «сдвигал» его вниз начиная с рубежа XVI–XVII веков. Соответствующая эпоха в Англии и Франции, по словам М.Н. Покровского, началась во второй половине XIV, а в Германии в первой половине XVI веков. И в Западной Европе, и в России этот переход был революционным. В России он сопровождался че-

тырмя крестьянскими революциями XVII–XVIII веков. Крестьяне действительно выступали против гнёта помещиков и феодального государства, но как максимум за удаление из наличного социального порядка наиболее неприемлемых звеньев. Здесь опять-таки важно не столько использование термина, сколько конкретная характеристика данного крестьянского выступления, а она требует более подробного рассмотрения вопроса. Система торгового капитализма базировалась не на «чистых», классических, формах феодализма, а на поздних, возникших в связи с генезисом капитализма.

М.Н. Покровский также отмечал, что в России к середине XVII века окончательно сложился крепостной строй, после пугачёвщины он ещё более укрепился, а пал под напором промышленного капитализма в 1861 г.²³⁸ Более того, учёный в данном контексте не избегал термина «феодализм». По его мнению, исходным толчком обострения классовых отношений могло быть «катастрофически быстрое вторжение капитализма в страну, в своей толще глубоко ещё феодальную». Феодализм остался «в русской деревне» даже после 1861 г. Историк так определил соотношение между феодализмом и капитализмом: в течение длительного времени «бурный поток» капитализма «смывал» ту или иную часть «стены» некоего феодального строения. Продолжая эту аллессию, можно сказать, что в какой-то момент оно рухнуло, но не исчезло, ибо развалины остались, мешая продвижению капитализма «по английскому или хотя бы прусскому образцу»²³⁹. Таким образом, даже терминологически учёный не определял основу экономической системы, социальных процессов в стране в XVII–XIX веках только как торговый капитализм. И это в то время, когда его концепции вроде бы ничто не угрожало. Значит, историк без всяких внешних влияний сущностно не отчуждал торговый капитализм ни от крепостничества, ни от генезиса капитализма.

М.Н. Покровский сравнил свои дореволюционные исследования с работами советского периода в теоретической плоскости. Он утверждал, что в его ранних статьях по внешней политике, опубликованных в многотомнике «История России в XIX в.», была отражена позиция II Интернационала. «Империалистская война... покончила... с его исторической концепцией». Правда, совет-

ская историческая наука по состоянию на начало 1920-х гг., с точки зрения учёного, пока не создала ничего лучшего. Получается, что научные воззрения историка в то время были ближе к меньшевистским. Но вряд ли это относится к его общим курсам отечественной истории. Повлияла ли данная эволюция взглядов М.Н. Покровского на его концепцию торгового капитализма? Учёные заметили лишь, что международные отношения он освещал «не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных социальных групп... сколько от идеологии этих групп»²⁴⁰. Значит, речь идёт о степени опосредованности бытия сознанием: интересы ближе к материальному миру и общественной практике, чем идеи. Но, похоже, свои же «старые» представления об этих последних у него нареканий не вызывали.

Разумеется, М.Н. Покровский интересовался не только историей собственного развития как учёного. Он усилил внимание к анализу и критике немарксистских направлений в историографии. На примере Л.Д. Троцкого учёный убедился, что их идеи достаточно легко и глубоко проникают в марксистскую науку даже в том случае, если она представлена людьми, которые вроде бы обладают знанием и пониманием всех тонкостей марксистского учения. Теперь обратимся к историографическим произведениям М.Н. Покровского, созданным им в рассматриваемый период. Мы полагаем, это позволит приблизиться к пониманию истоков его концепции торгового капитализма.

Учёный упрекал буржуазных историографов в «объективизме», то есть в том, что они не видели в деятельности того или иного историка отражения интересов определённого общественного класса. В связи с этим логично предположить, что в эпоху торгового капитала имели место историки, которые стояли на точке зрения правившего тогда класса. М.Н. Покровский считал таковым Н.М. Карамзина. На позициях промышленного капитализма находились исследователи, работавшие в середине XIX – начале XX века, до Л.Д. Троцкого и Г.В. Плеханова включительно. Впрочем, многие из них не осознавали данного обстоятельства, например Н.М. Карамзин, Б.Н. Чичерин, так как не были «вооружены» научной теорией, позволявшей это сделать. Любопытно, что применительно к развитию исторической науки в России М.Н. По-

покровский указал точную грань, отделявшую торговый капитализм от промышленного – 1820-е гг.²⁴¹ Она в полной мере соответствовала его более специализированным изысканиям в данной области.

По мнению исследователя, складывание территории Российского государства от первых московских князей до Александра I определялось экономическим фактором, а именно торговым капиталом. Последний руководствовался одним простым принципом: чем больше территория страны, тем лучше. И действительно, до победы промышленного капитализма в общественном масштабе рост торгового капитала, размеры его прибыли очень сильно зависели от всякого рода обстоятельств географического характера. К тому же до наступления капиталистической формации он во многом развивался экстенсивным путём. По мнению М.Н. Покровского, торговый капитал создал в России барщинное хозяйство как средство выжимать из крестьян необходимый для рынка продукт. С этой точки зрения не только пресловутое «собрание» земель, но и крепостное право были порождениями торгового капитализма, который стоял за спиной самодержавия. Н.М. Карамзин фактически был идеологом эпохи торгового капитализма, считая, что Россия всем обязана сложившейся в ней форме правления. М.Н. Покровский давал этому следующее объяснение. Торговый капитал либо пользуется наличными общественными отношениями, либо безразличен к ним. До утверждения производственного капитализма они для него не важны, поэтому и исторический ландшафт соответствующим исследователям представляется почти неизменным, меняются лишь события, которые на нём происходят. На место социальных классов заступают «коронованные призраки». Другое дело – промышленный капитализм. Он заинтересован в качественном изменении фундамента общества, значит, для него очень важно, что представляют собой старые общественные отношения. Ему нужна сила, которая бы разбила прежнюю социальную структуру и удержала новую массу эксплуатируемых в повиновении. Эту силу промышленный капитал видел опять-таки в государстве, которое как аппарат власти могло остаться в принципе тем же самым, но должно было теперь поступить ему на службу. Отсюда характерное для соответствующих исследователей (С.М. Соловьёв, «государственная школа») представление

о государстве как универсальном механизме, перманентно преобразующем социальную реальность без всякой революции, мирным путём. Как полагал М.Н. Покровский, они стояли на точке зрения промышленного капитализма²⁴². Главная проблема заключалась в том, что государство торгового капитала не может быть орудием *в первую очередь* промышленного капитала, поэтому последний буквально заставлял государство принимать новый облик.

Заслуга А.П. Щапова состояла в том, что он констатировал экономическую подоплёку исторического процесса. Однако к тому времени, когда М.Н. Покровский приступил к созданию своей концепции, воззрения А.П. Щапова в этой части уже успели устареть. Здесь попутно М.Н. Покровский выявил ошибку, характерную для «очень многих домарксистских материалистов». Так, «Щапов приписывал экономическому фактору непосредственно природное происхождение». По мнению М.Н. Покровского, прямые связи в подобных случаях отсутствовали: надо показывать, как «они отразились на развитии производительных сил, на развитии производственных отношений». Для нас примечательно, что указанный недостаток, кстати, очевидный для М.Н. Покровского, был в арсенале экономического материализма.

Исключительно высокую оценку М.Н. Покровский дал С.М. Соловьёву и его творчеству. Это и величайший русский историк XIX века, и, как «каждый умный человек» во второй половине данного столетия, «немножко марксист», хотя этого и не осознающий. «Мы встречаем у Соловьёва ряд таких объяснений русской истории, которые очень напоминают по крайней мере "экономический" материализм». Более того, С.М. Соловьёв выступил в роли провозвестника торгового капитализма: «он первый выяснил громадное значение в русской истории речных путей», около которых «группируется русская территория», «первый дал экономическое объяснение возникновению Москвы», завоеванию Крыма. Очевидно, оно также было торгово-капиталистическим. Однако и С.М. Соловьёв вряд ли был в данном отношении авторитетом для М.Н. Покровского, ведь эти его идеи были восприняты и развиты В.О. Ключевским²⁴³.

Складывание исторической концепции С.М. Соловьёва М.Н. Покровский также связал с торговым и промышленным ка-

питализмом. Почему первый объяснял русскую историю через борьбу «леса и степи»? Дело в том, что Россия в XIX веке вела исключительно активную восточную политику, которая была вызвана слабым и медленным развитием национального внутреннего рынка с точки зрения нужд промышленного капитала. Иными словами, промышленные капиталисты ещё в первой половине этого века были заинтересованы в резком расширении отечественного рынка. Однако им мешали сила и прочность торгового капитализма, сравнения с которыми промышленный капитализм не выдерживал. Правда, терминологически М.Н. Покровский использовал здесь не «торговый капитал», а «старого хозяина русской земли – помещика», «дворянство». Следовательно, русские промышленные капиталисты были крайне заинтересованы в завоевании рынков внешних. Государство готово было пойти им в этом навстречу, поскольку определённую выгоду от прямой или косвенной территориальной экспансии имели и землевладельцы. Отсюда, по М.Н. Покровскому, проистекает вся подоплёка знаменитого русско-английского противостояния в Азии. Указанная выше тенденция с отменой крепостного права отнюдь не исчерпывалась, она продолжалась до 1880-х гг. И эти мысли С.М. Соловьёва были удачно подхвачены В.О. Ключевским.

В этот момент можно было бы предположить, что В.О. Ключевский-то и был как раз тем историком, который заложил основу исторических взглядов М.Н. Покровского. Однако такое наше заявление было бы ошибочным, ибо «мировоззрение Ключевского является мало марксистским и... наивны те люди, которые считают Ключевского одним из родоначальников исторического материализма в России; он является родоначальником исторического материализма лишь постольку, поскольку он стоит на почве Щапова». Следовательно, можно сделать вывод о том, что В.О. Ключевский для М.Н. Покровского в своём наивном и стихийном «марксизме» вряд ли ушёл дальше С.М. Соловьёва. Вместе с тем у В.О. Ключевского есть «кусочек» «из старого домарксистского экономического материализма». Речь идёт о непосредственном влиянии природы на «людские массы». Кроме того, если марксизм синтезировал научные достижения предшествующих веков, создав нечто совершенно новое, то В.О. Ключевский дал «механиче-

скую смесь» трёх основных «элементов». В социальном отношении он был выразителем интересов «междуклассового слоя» интеллигенции, которая, с одной стороны, за буржуазию, с другой – против неё²⁴⁴.

М.Н. Покровский неоднократно использовал торгово-капиталистические построения для критики теорий закрепощения и раскрепощения сословий, борьбы «леса и степи» и других, которые отстаивались С.М. Соловьёвым и В.О. Ключевским. Так, «расцвет московского империализма XVI века» он объяснял захватом «великого речного пути из Европы в Азию». Максимум географического распространения крепостного права был вызван открытием Чёрного моря «для русской пшеницы», ввиду чего «чернозёмному помещику, как никогда, нужны были рабочие руки». Примечательно, что у М.Н. Покровского торговый капитал идёт «рука об руку» с феодалом, сосуществует с ним, так сказать, в диалектическом единстве.

Концепции русских буржуазных историков, работавших во времена В.О. Ключевского, М.Н. Покровский охарактеризовал как в той или иной степени производные от воззрений «основоположника». Следовательно, продолжателями его дела был не М.Н. Покровский, а С.Ф. Платонов и П.Н. Милюков. Построения историков «юридической группы» и «федералистов мелкобуржуазного ответвления» М.Н. Покровский охарактеризовал как концептуально несамостоятельные, неоригинальные и, в сущности, не представляющие шага вперёд в сравнении с тем же В.О. Ключевским. Правда, для выявления социальной «подкладки» федерализма М.Н. Покровский вновь «вспомнил» о капитализме, ибо «мелкая буржуазия в борьбе с надвигающимся на неё капиталом – в тех случаях, когда этот капитал чужой, т. е. приносится людьми другого языка, – свою оборону против надвигающегося капитализма облекает в форму национальной самозащиты». «Поэтому национализм является известной формой мелкобуржуазной обороны против капитализма»²⁴⁵.

Л.Д. Троцкого М.Н. Покровский рассматривал фактически как единомышленника В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова. Означает ли это, что М.Н. Покровский не считал Л.Д. Троцкого марксистом? Думается, нет. Ведь М.Н. Покровский оговаривался,

что его негативные оценки касаются лишь маленького введения к работе Л.Д. Троцкого «1905», в которой последний попытался познакомить с русской историей западноевропейского читателя, для чего использовал имевшиеся в то время популярные книжки. Здесь просматривается стремление М.Н. Покровского уйти от идейных разногласий с троцкизмом, ограничившись, так сказать, научно-историческим аспектом, хотя сам же он показал, что исторические взгляды Л.Д. Троцкого отнюдь не случайны и являются органической составной частью его теории.

Сложнее с Г.В. Плехановым. М.Н. Покровский признавал, что в 1890-е гг. первый стоял на твёрдых марксистских позициях, которые носили, правда, «общефилософский» характер, то есть на данной основе Г.В. Плеханов сам в то время не создал какой-либо концепции русской истории. К этой работе он приступил на закате своей литературной карьеры, когда уже и в философии стал отступать от марксизма. По мнению М.Н. Покровского, как историк Г.В. Плеханов вообще не стал создавать именно марксистскую концепцию. Он воспринял выводы своих предшественников, да и то не самых передовых. Почему же этот классик марксизма допустил такую странную ошибку? Дело в том, что он хотел обосновать кардинальные отличия русской истории от западноевропейской и на этом пути оказался в плену довольно старых схем. Труды Г.В. Плеханова ничего не могли дать М.Н. Покровскому в плане формирования его «торгового капитализма» ещё и потому, что первый очень мало внимания уделял экономической сфере: производительные силы для Г.В. Плеханова «остаются иксом»; «тенденция подальше от экономики, поближе к политике... окончательно берёт верх». М.Н. Покровский, как и Г.В. Плеханов, не отрицал наличия и значения особенностей России, но трактовал их по-другому. Для первого это были особенности капитализма же, пусть и торгового. Для второго это были особенности, в сущности означавшие то, что в России и Западной Европе были разные общественно-экономические формации. Иными словами, в России имел место некий аналог того, что в советской историографии 1920-х гг. стали называть «азиатским» способом производства. Впрочем, Г.В. Плеханов предпочитал термин «восточная деспотия». М.Н. Покровский подчеркнул поверхностное и утилитарное

использование Г.В. Плехановым тезиса о господстве в России патриархального натурального хозяйства, практически исключавшего обмен и разделение труда. Он отнёс Г.В. Плеханова к той группе исследователей, к которой принадлежали «легальные» марксисты, в частности П.Б. Струве. Мы помним, что у этого последнего можно было немало почерпнуть из арсенала «торгового капитализма». Однако М.Н. Покровский воздержался от их сравнения в этом отношении. Общее между ними он увидел в отрицании классовой борьбы и воспеании внеклассового государства²⁴⁶.

Если ориентироваться на мнение самого М.Н. Покровского, такие марксисты, как Г.В. Плеханов и Л.Д. Троцкий, не повлияли на формирование его исторической концепции. Поскольку М.Н. Покровский не был голословен, а напротив, уделил много внимания критике их взглядов, данный вывод приходится признать справедливым. Другое дело Н.А. Рожков, которого М.Н. Покровский признавал «историческим материалистом», хотя и непоследовательным. Однако и здесь М.Н. Покровский «выстраивает» множество ограничений, заставляющих усомниться в том, что роль Н.А. Рожкова в генезисе концепции торгового капитализма могла быть существенной.

М.Н. Покровский находил, что Н.А. Рожков слишком высоко ставит политический момент. И дело здесь не в степени, а в теории. У Н.А. Рожкова просматривается тенденция трактовки различных сфер общества как равновесных, равнозначных. Это видно, например, из его периодизации «истории каждого общества, каждой культуры»: «на чисто экономическом признаке» основан только капитализм. Более того, по замечанию М.Н. Покровского, важно даже не то, что исследователь ставит экономику во главу угла, а то, как он понимает саму эту экономику. В данном вопросе Н.А. Рожков также расходился с марксистами. На первое место в экономике он выводил не способ производства или производительные силы, а её отрасли, внешние формы хозяйственной деятельности, её индивидуальные, а не общественные формы: охоту, земледелие, добывающую промышленность и т. п. М.Н. Покровский установил наличие в концепции Н.А. Рожкова домарксистского исторического материализма, хотя он не стал настаивать, что последний таким материалистом и являлся. Всё-таки у Н.А. Рожко-

ва лишь можно найти «то, что роднит его с домарксистским историческим материализмом». М.Н. Покровский обратил внимание на большое место статики и динамики в построениях своего коллеги, что отнёс к позитивизму, «типично мелкобуржуазной разновидности полуматериализма». С нашей точки зрения, данные категории более универсальны и марксизму «не противопоказаны». Более того, они имеют прямое отношение к «торговому капитализму». Правда, вопрос в том, как тот или иной исследователь их трактует и использует. По этому поводу М.Н. Покровский сделал два замечания. Одно банальное: «чистой» статики в истории не бывает. Другое весьма основательное: указано, что у Н.А. Рожкова «состояния», то есть «статические характеристики», преобладают над изменениями, и вообще статика довлеет над динамикой. В этом смысле М.Н. Покровский показывал Н.А. Рожкову пример материализма диалектического: «массовое движение при всей своей подвижности» одновременно представляет собой «прочный грунт». В итоге за борт исторического материализма рискуют быть выброшенными те, кто не поспевает за «движением». Вместе с тем М.Н. Покровский ставит Н.А. Рожкова как учёного-историка, но не как социального типа, выше позднего Г.В. Плеханова²⁴⁷.

Можно сделать вывод о том, что концепция торгового капитализма родилась не на пустом месте, а была закономерным следствием развития научно-исторического знания на всех его уровнях. В то же время среди указанных М.Н. Покровским историков только Н.А. Рожков мог как-то повлиять на её становление. При этом М.Н. Покровский очень трезво относился к воззрениям Н.А. Рожкова и видел в нём своего оппонента. Кстати, указанное отношение было взаимным. Во всяком случае, заимствования были выборочными и соотносёнными с марксистским учением. Нетрудно заметить, что в анализируемом перечне не упомянуты такие авторы, как В.И. Ленин, А.А. Богданов и другие, небезыңтересные с точки зрения «торгового капитализма». Это можно объяснить тем, что в данном обзоре М.Н. Покровский рассматривал в основном профессиональных историков, имевших строго определённый статус в научном сообществе.

М.Н. Покровский учитывал эволюцию взглядов того или иного историка. Например, он находил, что Н.А. Рожков в опреде-

лённый момент нашёл в себе силы отказаться от прежних «заблуждений». Обратную эволюцию проделал немецкий учёный Г. Кунов, который сначала был крупным марксистом, а затем перешёл в лагерь буржуазной исторической науки. По мнению М.Н. Покровского, это твёрдо можно констатировать с того момента, как Г. Кунов стал профессором Берлинского университета, то есть получил высокий статус в официальной науке, что, конечно, было бы невозможно для подлинного революционера-марксиста. От себя заметим, что Г. Кунов определённо отошёл от «ортодоксального» марксизма не позднее периода Первой мировой войны.

Кстати, М.Н. Покровский прокомментировал известное наблюдение о характере русского народа, в котором длительные периоды апатии сменяются кратковременными вспышками бурной активности. «Дело здесь не в климате, а в необычайной отсталости русского народного хозяйства, с одной стороны, и чрезвычайно быстром росте капитализма – с другой»²⁴⁸. Из контекста ясно, что речь идёт в том числе о капитализме торговом.

Если говорить о торговом капитализме как о сфере функционирования торгового капитала, то суждения М.Н. Покровского о роли последнего не кажутся преувеличениями. Историк, как мы видели из вышеизложенного, вполне осознавал наличие малоподвижных, малоизменчивых социальных объектов. Он их отмечал хотя бы потому, что они препятствовали торговому капитализму. Просто он уделял преимущественное внимание тем объектам, которые оказывались более динамичными, а менее динамичные рассматривал не сами по себе, а лишь в плане их воздействия на общественное развитие. Такой подход с научной точки зрения нам представляется правомерным, но нуждающимся в соответствующих оговорках и уточнениях. Не всегда они у историка были и не всегда ему удавались, но соотношение между элементами общественной системы он определял правильно (разумеется, на почве марксистской теории). Конечно, товарное хозяйство и торговый капитал никогда не доминировали в экономике феодальной России. Однако степень социальной и политической активности их субъектов была чрезвычайно велика. Кто представлял торгово-капиталистический вектор общественного развития, например, в Московском государстве XV века? Это были круп-

нейшие монастыри, наиболее крупные землевладельцы и занимавшиеся внешней торговлей столичные купцы. Во главе этой «компании» стоял московский великий князь. В целом вряд ли более сотни человек. Не приходится сомневаться в её громадном политическом и ином влиянии в стране. Оно не нуждается в доказательствах. Нельзя не заметить, что интересы этих людей во многом расходились с интересами прочих представителей господствующего класса, хотя, конечно, политическая власть руководствовалась и этими последними. Однако и здесь М.Н. Покровский не расставался с диалектикой. Он писал и о подъёме дворянства в XVI веке. Не из торговых же капиталистов оно состояло? Наряду с этим, торговый капитализм также выходил за рамки высших сфер, но далеко ещё не охватил большинства господствующего класса, а вот командовать им уже мог, иногда прямо (в политике), иногда опосредованно (в экономике).

В том же 1923 г. М.Н. Покровский ещё раз обратился к творчеству В.О. Ключевского. Как полагал ученый, В.О. Ключевский на описательном уровне фиксировал некоторые экономические явления и процессы отечественной истории XIX века, но не понимал их подлинного значения и глубины. Видимо, этот историк был «не силён» в приложении какой-нибудь передовой экономической теории к анализу русского капитализма. «Влияние рынка, кризиса хлебных цен и т. д. – всё это для него оставалось... книгой за семью печатями». Вины своего предшественника М.Н. Покровский в этом не усматривал, разве что тот не стал первооткрывателем, не опередил своё время. Строго говоря, упомянутая претензия к В.О. Ключевскому сводилась к тому, что у последнего не было «торгового капитализма». И в этом смысле творчество В.О. Ключевского, касавшееся русской истории середины XVIII – середины XIX века, ничего не давало М.Н. Покровскому.

М.Н. Покровский заметил, что история России XIX века в научном плане была создана «преимущественно марксистами в наиболее широком понимании этого термина, т. е. включая сюда и "легальных марксистов" (работы Струве о крепостном хозяйстве и Туган-Барановского о русской фабрике)». В дальнейшем он, правда, добавил к этому списку ещё нескольких историков других направлений, в том числе весьма далёких от марксизма²⁴⁹. Есте-

ственно, к первой группе он относил и себя. С одной стороны, историк показал, что круг марксистов весьма разнообразен, тем не менее что-то всё-таки этих людей объединяло. С другой стороны, М.Н. Покровский осознавал имевшиеся между ними различия. В революцию, конечно, со многими из них не пойдёшь, а вот извлечь нечто полезное из рассмотрения ими экономического развития России, особенно по периодам достаточно отдалённым от актуальной современности, было вполне возможно и даже необходимо. Значит, марксист должен пользоваться всем прогрессивным, что есть в науке на данный момент, конечно, с учётом того, что оно может быть переработано в марксистском ключе безо всякого ущерба для этого последнего.

В том же 1923 г. М.Н. Покровский ещё раз остановился на взглядах Г.В. Плеханова-историка. Подвергнув основательной критике исторические воззрения Л.Д. Троцкого, М.Н. Покровский в ещё большем объёме нашёл те же недостатки в исторической концепции другого крупного марксиста, Г.В. Плеханова. Всё в русской истории, по крайней мере до промышленного капитализма, последний объяснял географическим фактором, нуждами обороны, деятельностью централизованного государства и приматом политики над экономикой. М.Н. Покровский отметил, что роль, например, географического фактора когда-то была достаточно велика, но со временем она падала. Но и здесь более важным он считал разнообразие хозяйственное. Г.В. Плеханов, конечно же, не забыл о характерных для марксизма положениях теории исторического процесса. Но у него выходило, что именно в России они либо действовали существенно иначе, нежели, допустим в Западной Европе, либо теряли своё значение. Например, классы в России во многих случаях не столько боролись друг с другом, сколько сотрудничали. Но когда боролись, не колебали государственный порядок²⁵⁰. В построениях Г.В. Плеханова отсутствовал аналог торгового капитализма. Почему? Этот революционер и учёный, разумеется, был марксистом, но в области философии, в том числе философии истории. В изложении собственно истории, например конкретно российской, он тяготел к «старым» государственным схемам от С.М. Соловьёва и далее. Он не перерабатывал их диалектически в марксистском духе, а просто включал в

них узловые моменты марксистского учения, например те же классы. В результате всё это вроде бы действует, борется, «работает», но на более низком уровне, под контролем государства.

М.Н. Покровский видел генетическое родство марксистов с теми исследователями, которые давали материалистическое объяснение истории, причём приносили в него что-то новое в сравнении с предшественниками. По его мнению, А.С. Лаппо-Данилевский в своей работе «Методология истории» убедительно, хотя и невольно, показывает, «что единственными людьми, у которых складывалось известное общее представление об историческом процессе, оказывались или материалисты, или бывшие под влиянием материалистов». Правда, позиция М.Н. Покровского здесь не столь однозначна: например, он оставляет за скобками Г. Гегеля²⁵¹. Далее историк сосредоточил своё внимание на тех исследователях, которые соответствовали избранному им критерию. Речь идёт о выявлении ими влияния на историю различных экономических факторов. Примечательно, что М.Н. Покровский указывал на эти последние во всём их комплексе, не создавая у читателя ложного впечатления, что исследователи во всём усматривали роль торгового капитала и т. п.

М.Н. Покровский отметил, что не любая попытка экономического объяснения исторического процесса является марксизмом, хотя до его появления её следует считать полезной и прогрессивной. В этом контексте он упомянул ряд исследователей, впрочем, не являвшихся историками, которые придерживались недиалектического «упрощённого экономического объяснения истории»: лингвист И. Аделунг, экономист П.-Э. Левассёр, социолог М.М. Ковалевский. Более того, М.Н. Покровский отметил, что подобных авторов иногда принимали за исторических материалистов. Разумеется, такую ошибку допускали люди, не разбиравшиеся в марксизме.

Самого А.С. Лаппо-Данилевского М.Н. Покровский рассматривал как добросовестного собирателя, фактографа, который тем и интересен. При этом он имел в виду вполне позитивистские труды данного автора, например «Историю прямого обложения в Московском государстве». Иными словами, М.Н. Покровский находил, что у А.С. Лаппо-Данилевского, благодаря его трудолюбию

и вниманию к деталям, можно почерпнуть немало ценной конкретной информации, не более того²⁵².

В изложении М.Н. Покровского в сфере исторического познания просматривается определённая эпистема (дискурс-формирование), которая закономерно ведёт к марксизму. Что это может означать в приложении к «торговому капитализму»? При наличии определённых общественных условий (капитализм, революция и т. п.) «старые» историко-экономические построения закономерно приобретали марксистский характер, разумеется, при заимствовании из них только описательно-объяснительной части и критическом отношении к данной исторической литературе.

С приближением столетнего юбилея восстания декабристов М.Н. Покровский решил ещё раз высказаться по этому поводу. Ранее он отмечал, что декабристы выражали интересы промышленного капитализма и были противниками торгового. Правда, нюансы этой схемы были уже не столь однозначны. Учёный заявил, что зарождение промышленного капитализма в России относится к началу XIX века, но сложился он на почве, подготовленной во второй половине XVIII века. В общем виде историк склонялся к мысли, что к концу XVIII века в стране возник промышленный капитал, имелись капиталистические предприятия, а в начале XIX века всё это консолидировалось в промышленный капитализм с образованием где-то к концу первой четверти этого столетия некоего аналога капиталистического уклада. Позиция М.Н. Покровского по этому поводу испытывала известные колебания, но в очерченном здесь диапазоне. С его точки зрения, произошло перерождение торгового капитала в промышленный. Каким же образом? Накопление капитала достигло такой степени, что он не находил себе применения только лишь в торговле. Государство, ведшее регулярно войны и имевшее постоянно растущую армию, создало «казённый рынок» (нечто вроде системы государственных закупок), который востребовал промышленные товары и обогащал производителей. Массовым явлением стало отходничество, ввиду чего рынок рабочей силы складывался в России в отсутствие юридически свободного пролетариата. Кроме того, отходники были потребителями мануфактурных товаров. Их рынок резко расширился в период континентальной блокады, но она дала вы-

дающийся эффект только потому, что для него всё уже имелось в наличии. К 1810-м гг. в России созрели все предпосылки для утверждения промышленного капитализма в качестве определённой экономической системы. Здесь М.Н. Покровский более скромно оценил значимость континентальной блокады. По поводу внеэкономического принуждения возникает конкуренция между торговым и промышленным капиталом. Оно чрезвычайно важно для первого и вредно для второго. При Николае I правительство пошло навстречу промышленному капиталу, проведя ряд мер в отношении отходничества в его пользу. В результате конфликт был сглажен. Ещё Александр I, возвысив М.М. Сперанского, пошёл по этому пути, но вынужденно, так как континентальной блокадой оттолкнул от себя помещиков. Следовательно, объективно обстановка для поддержки промышленного капитализма самодержавием пока не созрела²⁵³.

Идеологию промышленного капитала сформулировали декабристы. Каким же образом на его стороне оказались помещики? Видимо, это была весьма узкая группа данного класса. Под влиянием расширения хлебного рынка и роста хлебных цен в начале XIX века некоторые из них увидели недостаточную производительность крепостного труда и пришли к выводу о необходимости превращения крепостного крестьянина в вольного батрака с маленьким наделом. Подавляющее большинство помещиков их не поддержало, так как барщинное хозяйство имело ещё значительные возможности экстенсивного развития, а оброчные помещики могли получить нужные им капиталы, заставляя крестьянина больше платить. Следовательно, они остались на стороне капитализма торгового.

Вместе с тем декабристы находились в сложных отношениях с промышленным капитализмом, так как их субъективные устремления не всегда совпадали с вектором его развития. Классический пример – «Русская Правда» П.И. Пестеля. Конечно, он не был чужд промышленному капиталу, но выступал, скорее, на стороне городской мелкой буржуазии и мелких земельных собственников. Против торгового капитализма он стоял твёрдо. Приверженцы «Конституции» Н. Муравьёва, конечно, стояли ближе к крупному капиталу и не были столь бескомпромиссны по отношению

к капиталу торговому²⁵⁴. Дело ещё и в том, что декабристы решительнее кого бы то ни было в России выступали за капиталистический путь развития страны.

Предпосылки для движения декабристов нарастали до 1820-х гг., а в это десятилетие стали ослабевать. С экономической стороны упала цена на хлеб в Англии, соответствующий рынок сузился. Александр I вернулся к покровительственной политике по отношению к фабрикантам. Возможный успех декабристов критически зависел от того, будут ли к ним примыкать новые группы сторонников из числа приверженцев торгового и промышленного капитализма. Однако, судя по обстановке, и имеющимся стоило их покинуть. В политическом плане революции в Европе и восстание в Семёновском полку одних насторожили, а других напугали²⁵⁵. Короче говоря, время работало против декабристов.

Действия декабристов в случае их победы быстро превращали Россию в промышленно-капиталистическую страну. Ликвидация феодально-крепостнической системы и самодержавия, что было интегральной частью всей программы декабризма, порождала его непримиримые противоречия с торговым капиталом феодальной эпохи, поэтому с точки зрения марксистской науки, поздней советской историографии оценки М.Н. Покровского в отношении движения декабристов не представляются ни экзотическими, ни чрезмерными.

В 1924 г. М.Н. Покровский опубликовал своё новое крупное исследование о революционном движении в России. В него вошли лекции, прочитанные на курсах секретарей уездных райкомов ВКП(б) зимой 1923–1924 гг. Оно обобщало размышления учёного на этот счёт, которые имели место у него в последние годы, когда он многократно обращался к соответствующей проблематике в каких-то небольших статьях, заметках и т. п. Ранее история революционного процесса России рассматривалась в общих курсах М.Н. Покровского, в других его сочинениях как их составная часть, «среди прочего». Ввиду актуальности и научной значимости темы надлежало изложить представленные в них наработки по данному вопросу в концентрированном виде. Нельзя забывать и о том, что новые «Очерки» историка также носили учебно-популяризаторский характер и были рассчитаны в том числе на

неспециалистов, интересующуюся публику. Не исключено, что учёный предлагал некую стройную, сжатую концепцию русского революционного движения широким слоям «коммунистической общественности», включая руководящие кадры, деятелей советской культуры и т. п. По объективным причинам в 1917 – начале 1920-х гг. они, и то в лучшем случае, получили весьма скромную марксистскую подготовку, а наиболее образованные из них «пропитывались чуждыми схемами». Укажем только на одно обстоятельство: даже в сугубо количественном отношении немарксистская литература в исторической науке преобладала, а всякий «сведущий» человек должен знакомиться с основными работами по какому-либо вопросу.

Русская революция в изображении М.Н. Покровского имела мощное материальное основание. Изменения в социальной сфере строго подкреплялись переменами в сфере экономической. Для этого учёный избрал свою концепцию торгового капитализма. Конечно, диалектика взаимодействия между торговым и промышленным капитализмом существенно повлияла на общественное движение в России. Однако историк в своих «Очерках» 1924 г. большей частью повторил то, что он уже писал ранее на этот счёт, поэтому мы сосредоточим своё внимание на некоторых важных деталях.

В основе борьбы за свободу в XVII–XIX веках лежало стремление мелкого товаропроизводителя в городе и деревне к самостоятельности. Дело в том, что помещик в деревне и капиталист в городе вытесняют его с этой позиции как своего рода конкуренты. Они сами желают выступать в качестве продавцов соответствующего продукта, во всяком случае, получать максимально возможную прибыль от торговли им. Парадокс заключается в том, что участие в ней крестьянина или ремесленника не противоречит сущности торгового капитала, его абстрактно понимаемой природе, но субъекты торгового капитализма в конкретно-исторических условиях овладевают им, используя его как систему прямого или косвенного изъятия части продукта непосредственного производителя.

Под лозунгом борьбы за свободу шла борьба между торговым и промышленным капиталом, причем она происходила в ми-

ровом масштабе. Её эпизодами были Великая французская революция, революция 1848 г. в Германии. Больше «повезло» Англии. Промышленный капитал там обосновался в метрополии, а торговый – в колониях. В России торговый и промышленный капитализм появились позже, чем в Западной Европе, и стремились её догнать.

М.Н. Покровский повторил известные положения о том, что торговый капитал не вмешивается в производство, не создаёт и не организует его, оперирует при помощи внеэкономического принуждения и т. п.²⁵⁶ Таким образом, он, видимо, хотел оттенить его отличие от промышленного капитала. Историк указал на то, что торговый капитализм в его производственной части является прямой противоположностью промышленному. Ключевое отличие – использование наёмного труда промышленным капиталом. Вместе с тем учёный попытался определить меру воздействия торгового капитала на производство. Очевидно, что он вторичен по отношению к последнему. Он представляет собой достаточно самостоятельную силу, противостоящую производству. Связь торгового капитала с производством была по необходимости прочной, но косвенной, затрагивающей его внешние стороны. Промышленный капитал был непосредственно связан с созданием капиталистического производства, а значит, с промышленным переворотом и складыванием рынка для крупной машинной индустрии. Торговый капитал обеспечивал для всего этого более отдалённые условия и предпосылки, а структурно был связан прежде всего с разложением феодализма, «переживанием» различных этапов эволюции этого строя.

Наиболее типичным созданием торгового капитала учёный считал плантационное хозяйство южных штатов Америки. М.Н. Покровский назвал его капиталистическим, но не с точки зрения промышленного капитализма, а как нечто порождённое капитализмом, в конечном счёте псевдокапиталистическое. С конца XVIII века такая тенденция наблюдалась и в России, когда помещик ликвидировал крестьянское хозяйство («месячина»), но она не дошла до американского образца. Историк однозначно охарактеризовал помещиков как агентов торгового капитала, а полицейское, бюрократическое государство как его продукт и инструмент.

Всё это было предназначено для того, чтобы отобрать у мелкого производителя либо землю, либо результаты его труда. Самодержавие было политически организованным торговым капитализмом, соотносилось с ним как надстройка с базисом. В то же время оно входило в систему торгового капитализма, будучи её политической частью. Следовательно, данная система охватывала все стороны общественной жизни. Благодаря такому устройству, государство позволяло себе бесцеремонно обращаться с тем же помещиком, действовать вопреки его нуждам. Означает ли это, что феодалы, по М.Н. Покровскому, не являлись господствующим классом? Вряд ли. Историк указывает на такие «неудобства», которые не затрагивают классовой сущности дворянства: длительные войны, высокие ввозные пошлины, освобождение крестьян²⁵⁷. Под дворянином он, скорее всего, понимает мелкого, максимум среднего, землевладельца как жертву «большой политики». На долю государства приходилось, конечно, командующее положение, хотя команды его были сродни указаниям, которые чиновник получает от своего министра, а не гнёту, который терпит от феодала крестьянин.

В конце XVIII–XIX веках, как полагал учёный, под воздействием резкого увеличения хлебного экспорта через механизм хлебных цен дворянское имение в России превращается в фабрику по производству хлеба. Теперь он характеризует это как хозяйственный переворот, видимо, без изменения способа производства. Мысль историка заключается примерно в следующем: в стране сложился комплекс товарных помещичьих хозяйств, своего рода экономический уклад аграрно-торгового капитализма. Так как особенно бурно переворот протекает в 1810-х гг. после выхода России из континентальной блокады, помещики ставят вопрос о ликвидации крепостного права, однако в несколько ином смысле, нежели это было сделано в 1861 г.: дать крестьянам свободу, но отобрать у них землю, и таким образом интенсифицировать крестьянский труд в имении. Где-то здесь находится отправной пункт декабризма. Однако нельзя сказать, что указанная зависимость является однозначной. Если поместье успевает приспособиться к росту цен и хлебного вывоза, то обходится без политических эксцессов со стороны дворянства. Просто в России в 1813–1817 гг. сло-

жилась иная ситуация²⁵⁸. В первой половине XIX века внутренний рынок в стране расширялся плавно и поступательно, ничего революционного здесь не происходило. Напротив, на внешнем рынке имела место настоящая революция, вызванная промышленным переворотом в Англии.

П.И. Пестель и «соединённые славяне» были противниками помещиков и крупного капитала, как торгового, так и промышленного. Северное общество являлось буржуазно-помещичьей группировкой²⁵⁹, то есть вполне учитывало интересы последнего и либерального фланга первых.

М.Н. Покровский отметил, что развитие промышленного капитализма в николаевское тридцатилетие было наиболее бурным в XIX веке, по крайней мере до 1890-х гг. Однако более всего тут примечателен именно темп, а не «масса». Напротив, эта последняя была весьма невелика: рост различных показателей промышленного производства в три, четыре, пять раз с низкого стартового уровня. Отсюда расцвет духовной культуры в стране при всей суровости по-прежнему крепостнического полицейского режима.

В свете вышеизложенного учёный вновь «понизил» промышленно-капиталистическую составляющую крестьянской реформы 1861 г. Крестьян освободили так, чтобы торговый капитал выкачивал из страны ещё больше прибавочного продукта. Для этого многое оставили от крепостного права и прикрепили крестьянина к общине, из-за чего внутренний рынок не мог расширяться достаточно быстро и интенсивно, что сдерживало развитие промышленности. В осуществлении такого сценария реформы «повинна» слабость промышленного капитализма, который не мог удовлетворить имеющиеся потребности в соответствующей продукции²⁶⁰. Экономическое развитие России последней трети XIX века было выгодно торговому капиталу во многих отношениях. Торговый капитализм готов был «терпеть» менее быстрое и масштабное расширение внутреннего рынка. Бурное развитие торгового капитализма в пореформенный период сдерживало его переход в промышленный, ведь появлялись дополнительные возможности его использования в сфере обмена.

Скептический настрой в отношении промышленного капитализма не покинул М.Н. Покровского и в дальнейшем. капита-

лизм, по его мнению, до тех пор не укоренится в России, пока русское крестьянство не будет «переработано» в капиталистическом духе, то есть его основу не составит некий аналог фермерства. Иначе он останется не более чем укладом или производной иностранного капитала. Следовательно, уничтожение всех пережитков докапиталистических форм и отношений обязательно для победы капиталистического строя в целом. Наличие большого числа переходных ступеней от крестьянина, ремесленника и других к пролетарию превращало российский промышленный капитализм в явление, изрядно засорённое остатками предыдущих эпох, особенно торгово-капиталистической. Торговый капитал в России оперировал возросшим промышленным импортом.

В целом содержание «Очерка русского революционного движения XIX–XX вв.» соответствует концепции торгового капитализма, изложенной учёным в его общих курсах русской истории. Он вполне адекватно с точки зрения марксистской теории изложил сущность торгового и промышленного капитала, повторил важнейшие положения своей концепции: различия между торговым и промышленным капитализмом, проводившаяся чаще всего в интересах промышленного капитала таможенная политика, их заинтересованность в железнодорожном строительстве²⁶¹ и многое другое. Мы бы выделили здесь следующие, по крайней мере относительно новые, моменты: акцентированная квалификация государства и феодалов (с XVII века) как продуктов торгового капитализма, когда на первый план выходила не их включённость в эту систему, а их несамостоятельность; некоторая «размытость» субъектов торгового капитализма, за исключением, пожалуй, самодержца; достаточно скромная оценка удельного веса промышленного капитализма.

Историк уделил большое внимание периодизации и оценке своего творческого пути. Окончание первого этапа он датировал 1905 г. и связывал его с экономическим материализмом. Как бы в противоречие вышесказанному учёный добавлял, что завершением этого пути были статьи для «Истории России в XIX в.», последняя из которых была написана в 1910 г. Следовательно, с точки зрения М.Н. Покровского, в 1905–1910 гг. он постепенно переходил на позиции марксизма в своих научно-исторических про-

изведениях. К чему же сводился его экономический материализм? Историк обосновывал экономическую интерпретацию исторического процесса. Иными словами, он объяснял то или иное историческое событие с экономической стороны, поскольку его трактовки с других сторон уже были даны, хорошо известны, проработаны и т. п. Такой подход вовсе необязательно предполагает экономический материализм. Главное здесь – с каких позиций даётся это экономическое объяснение. Оно может быть дано и в марксистском ключе. Мы полагаем, что суть дела сводится к процессу становления М.Н. Покровского как историка-марксиста. К марксистской обработке историографического наследия учёный приступил задолго до 1910 г. Только марксизм он понимал в «широком» смысле. Ведь к тому времени накопилось большое число хотя и различных, но марксистских взглядов философского, социологического, исторического и другого характера. У марксистского учения появилось множество последователей, толкователей, которые его дополняли, уточняли, модернизировали. Эта научная «субкультура» была востребована историком в достаточно полном объёме. Впрочем, заключавшиеся в её рамках различия М.Н. Покровским, видимо, вполне осознавались, хотя бы в пределах очевидного. Концепция торгового капитализма на данном этапе также только зарождалась. В дело шли и конкретно-историческая база, созданная предшествующей историографией, вне зависимости от её методологического «облика», и изыскания российских «легальных марксистов», западных специалистов по истории хозяйства и т. п. Но это всё не воспринималось наобум, в чистом виде, а критически пересматривалось и сводилось в логически непротиворечивую оригинальную концепцию.

По мнению М.Н. Покровского, второй этап его научной деятельности относится к 1905–1917 гг. Строго говоря, он избавился от всего немарксистского в своём творчестве. Что это означало на практике? Все построения историка были приведены в соответствие с диалектическим методом, должное место было отведено классовой борьбе. Из этого выходит, что марксистские представления об экономическом развитии России у ученого сложились несколько раньше и особой корректировки не требовали. Концепция торгового капитализма в целостном виде явила себя в «Рус-

ской истории с древнейших времён». Диалектичной она была изначально, так как была построена, например, на том, что развитие товарного хозяйства и рынка не подрывают, а укрепляют старый натурально-хозяйственный в своей основе способ производства; развитие промышленного капитализма с его тягой к буржуазным гражданским и политическим свободам соединилось с феодально-деспотическим режимом и т. п. Классовая же борьба «произрастала» в том числе на почве торгового капитализма. И действительно, необходимо было конкретно-исторически отобразить или уточнить влияние торгового капитализма, в том числе на общественную жизнь, общественную мысль, революции, меры правительства и др. Здесь, конечно, далеко не всё было сделано.

Третий этап своей эволюции как учёного М.Н. Покровский начинал с 1917 г. Разумеется, марксистом он как был, так и остался. Но изменений, по его мнению, произошло немало, хотя, на наш взгляд, все они носят неясный, расплывчатый характер: 1) сложилась окончательная концепция исторического процесса в России («Русская история в самом сжатом очерке»); 2) она приобрела совершенно новый вид; 3) доделано то, что не было завершено на предыдущем этапе. Во-первых, трудно предположить, что историк в дальнейшем собирался вовсе уйти из науки или просто переписывать старые работы. Скорее всего, речь шла о том, что по состоянию на 1924 г. последней наиболее совершенной и современной версией своей концепции *всей* отечественной истории он считает ту, что сформировалась к 1920 г. Вторую позицию, видимо, следует понимать так, что уже имевшаяся концепция приобрела новую форму. Она была перестроена хотя бы в том отношении, что в её центр были жёстко поставлены капитализм и революция. От всего остального по максимуму было оставлено то, что работало на их вызревание, позволяло раскрыть их драматические коллизии. Третий пункт М.Н. Покровским не был конкретизирован. Его можно понять и так: в науке всегда останутся какие-то нерешённые вопросы, научный поиск не прекращается и т. д. Но приходится признать и другое. Видимо, учёный считал свою историческую концепцию достаточно качественной, приемлемой для ранней советской марксистской науки и не собирался кардинально её менять.

Между тем М.Н. Покровский прекрасно понимал, что её развитие не остановится на достигнутом. Историки следующего поколения, видимо, марксисты, пришедшие в науку в 1920-е гг., выведут её на какой-то более высокий уровень развития на базе своего совершенствования в применении марксистского метода и большей сосредоточенности на научной работе²⁶². Только они смогут адекватно оценить результаты третьего этапа научной деятельности М.Н. Покровского, в том числе негативные. Возможно, учёный и для себя не исключал некоего четвёртого её этапа. Ведь руководство историческим фронтом он оставлять не собирался, да и в 1925 г. вышло много его публикаций. Историк косвенно признавал, что его преемники должны будут выработать своё отношение к торговому капитализму, но ему было неизвестно, почему с научной точки зрения это мнение могло бы быть отрицательным.

В приведённом выше перечне сразу же бросается в глаза отсутствие жёстких качественных граней между этапами эволюции исторических взглядов М.Н. Покровского. Развитие и научных, и политических взглядов историка шло либо по направлению к марксизму, либо в его рамках, что придавало изысканиям учёного теоретическую цельность.

В «Очерках русского революционного движения XIX–XX вв.» в некоторых аспектах приведённой выше периодизации М.Н. Покровский обозначил свою позицию более чётко. Он однозначно квалифицировал свою «Русскую историю с древнейших времён» как марксистское сочинение. По его мнению, она была первым марксистским курсом русской истории. С этим можно согласиться, если иметь в виду хронологический охват «с древнейших времён до наших дней» и соблюдение «законов жанра», иначе говоря, то, что исследование не было политэкономическим, историко-философским или «схематическим». Для XVI–XVIII веков М.Н. Покровский считал приведённый в нём материал вполне удовлетворительным и для состояния науки в 1920-х гг., когда, по мнению многих исследователей его творчества, торговый капитал «воцарился» в его концепции. Историк указывал на необходимость лишь частичных изменений, да и то вызванных тем, что во время написания данной работы у него «под руками» был «неполный» материал. История России XIX века, видимо, нужда-

лась в более серьёзных корректировках, но учёный сослался лишь на устаревании всей конструкции «такого важного отдела, как революционное движение». Вряд ли это должно было коснуться сути концепции торгового капитализма.

М.Н. Покровский прямо заявил, что именно он открыл «роль торгового капитала в истории России». Здесь правильнее было бы заключить, что он открыл торговый капитализм в России. Историк его обнаружил не абстрактно-теоретически, а «извлёк» из исторических фактов. М.Н. Покровский двигался в разработке своего «торгового капитализма» не от теории, а от конкретной истории, поэтому некоторые его высказывания и не идентифицировались позднейшими советскими исследователями как марксистские. Эти последние сначала усваивали марксистскую методологию (с разной степенью полноты и глубины), а потом уже профессионально занимались исторической наукой, то есть шли к своему пониманию истории противоположным путём. Показательно, что вышеприведённой фразой М.Н. Покровский подчёркивал свою независимость от социологических «схем», в своё время весьма модных в учёной среде.

М.Н. Покровский заметил, что стержнем русской истории (вероятно, XIX века) в его «Сжатом очерке» является борьба торгового и промышленного капитализма²⁶³, понимаемых историком, как мы это показали, в качестве систем производства. Этот мотив был ещё более заострён в «Очерках русского революционного движения XIX–XX вв.».

Складывается впечатление, что в начале 1920-х гг. М.Н. Покровский не остерегался ссылаться на не вполне выдержанных марксистски авторов в плане их обращения к истории, теоретического её осмысления, хотя политически в оценке текущего момента некоторых актуальных с точки зрения современности вопросах он с ними (например, с К. Каутским) расходился. Так, советский историк согласился с тем, что применительно к абсолютной монархии её характеристика известным австромарксистом Р. Гильфердингом как «исполнительного комитета меркантилизма» лучше, чем предложенная самим М.Н. Покровским «политическая организация торгового капитала». Почему? Схема последнего охватывает не только собственно торговый капитал, но и

«крупное сельское хозяйство как поставщика для рынка», но трактовка Р. Гильфердинга является ещё более ёмкой, ибо включает и крепостную мануфактуру, которую правильнее относить к торговому капитализму. Нетрудно заметить, что приведённое здесь уточнение носит сугубо терминологический характер.

М.Н. Покровский отмечает, что Р. Гильфердинг, анализируя процесс создания «меркантилизма», рассматривает в качестве его основных субъектов помещика и купца, причём первый выступает в этом деле инициатором. Более того, при дальнейшем развитии капитализма (видимо, уже промышленного) между ними появляется антагонизм. В то же время начинается «дуэль старых и новых форм капитализма, торгового и промышленного капитала». М.Н. Покровский справедливо заметил, что «центр тяжести внутри "меркантилистского" блока несколько раз перемещался».

Вместе с тем он не спешил во всём солидаризироваться со светилом западной науки. По мнению советского учёного, под борьбой помещика и купца скрывалась борьба «промышленности нового типа и "меркантилизма"», объединявшего и помещика, и купца. Кроме того, в его схеме русской истории купец в плане торгового капитализма, по крайней мере в XVI–XVII веках, опережал помещика. Правда, впереди их обоих в этом деле шло государство, а ранее монастыри.

В другом случае Р. Гильфердинг, начав с промышленного капитализма, не диалектично «сворачивает» на торговый. По его мнению, промышленный капитализм на ранних стадиях своего развития выгоден феодальному землевладению, так как расширяет для него внутренний рынок и «открывает возможность развития... сельскохозяйственных отраслей промышленности». Получается, что промышленный капитал отчасти порождает промышленный меркантилизм. Между тем у М.Н. Покровского крепостная мануфактура была производной торгово-капиталистического развития. Для образования же промышленного капитала торговый капитал должен был сам коренным образом измениться, а не просто «прийти» куда-либо. Далее Р. Гильфердинг заключал, что поместье стало «продуктом капиталистического преобразования сеньориального хозяйства», но вряд ли капиталистическим с точки зрения производства, ведь оно выдвигало ту же политику мер-

кантилизма. По М.Н. Покровскому, товаризация феодального хозяйства происходила в рамках торгового капитализма. Работа промышленного капитала по расширению рынка весьма полезна для торгового капитализма. Ситуация меняется, когда промышленный капитализм вытесняет с исторической сцены всех своих соседей, не вникая в их особенности.

Историк заметил, что «торговый капитализм есть разновидность капитализма»²⁶⁴. Этот тезис можно принять при наличии серьёзных уточнений. Виды капитализма, конечно, могут быть разными, но их отличия друг от друга не должны обесмысливать объединяющие признаки. Например, торговый капитализм, как справедливо писал сам М.Н. Покровский, опирается на внеэкономическое принуждение и эксплуатирует подневольный труд, что принципиально «разводит» его с промышленным. Торговый капитал не имеет антагонистических противоречий со способами производства. Он защищает тот экономический строй, с которым на данный момент связан, но лишь потому, что является его попутчиком.

Р. Гильфердинг пока считался «приемлемым» марксистом. Его знаменитый «Финансовый капитал» (1910 г.) многократно переиздавался. Однако он негативно отнёсся к Октябрьской революции и в дальнейшем стоял на антисоветских позициях. Это создавало определённые проблемы в восприятии его построений не только политического свойства. Несложно предположить, что его отношение к советской власти было не случайным и имело свои истоки, в том числе в научно-исторической части его изысканий. К тому же условно «марксистское» направление в общественной мысли конца XIX – начала XX века было в большом количестве представлено авторами, которые или со временем в процессе эволюции своих взглядов переходили на какие-то другие позиции, или с марксистских позиций рассматривали только отдельные вопросы, или соединяли марксизм с иными учениями, или просто дополняли его какими-то новыми компонентами. Картина получалась пёстрой, а ситуация запутанной. Для того чтобы во всём этом разобраться, нужны были кадры высококвалифицированных исследователей, научные институты, капитальные труды и другое, которые, конечно же, по объективным причинам в Со-

ветской России первых лет её существования отсутствовали. Тот же финансовый капитал пока не был изучен марксистами советской школы лучше, нежели Р. Гильфердингом. С учётом этих обстоятельств приходилось работать и М.Н. Покровскому. В ходе своей полемики с Л.Д. Троцким учёный даже не без гордости заявлял, что оппонент подобрал ему немарксистскую компанию «не какую-нибудь»: «в первом фельетоне я оказываюсь между Бюхнером и Струве, во втором мне дается в спутники Эд. Мейер»²⁶⁵.

Анализируя работу Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси», М.Н. Покровский подчеркнул, что этот исследователь доказал существование в России феодальных форм, но не их социально-экономической подкладки. Историк-марксист ещё раз подтвердил, что он понимает феодализм как сложную систему, главными в которой являются отнюдь не политические элементы.

Основной заслугой Н.П. Павлова-Сильванского было установление сходства исторического пути Европы и России в политической сфере. Марксисты рассуждали так: «раз экономический процесс в России шёл по тем же ступеням, как и на Западе, политическая история должна была представлять те же сходства». Если мы даём определение того же капитализма или абсолютизма, выделяем их признаки, то нахождение данных явлений, допустим, в России достигается путём нахождения соответствия между ними и местными реалиями. При обнаружении такового мы даём положительное заключение на счёт существования капитализма и другого в данной стране. Однако это вовсе не исключает большой вариативности данного общественного строя, множества всякого рода национальных особенностей.

«Единственное настоящее своеобразие русского исторического процесса» М.Н. Покровский находил в его «всё более бурном темпе» и в «такой яркой революционности, какой мы не найдём в странах Запада»²⁶⁶. Со вторым тезисом можно согласиться, имея в виду хронологические рамки начала XX века. Не случайно учёный говорил о своём времени. Первое вызывает возражение в том плане, что капитализм в России не только зародился позже и проходил стадии своего генезиса быстрее, чем в Западной Европе, но и протекал в феодально-крепостнических условиях со мно-

жеством промежуточных полуфеодальных-полукапиталистических «вкраплений», с появлением новых хозяйственных укладов при сохранении старых.

М.Н. Покровский отметил, что М. Дьяконов в своей книге «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси» показал волнообразный характер процесса закрепощения, который знал и приливы («заповедные лета»), и отливы. Историк-марксист утверждал, что они были вызваны «волнами массового движения»²⁶⁷. Поскольку в схеме М.Н. Покровского торговый капитализм был в высокой степени синхронизирован с крепостничеством, а их эволюция представляла, в сущности, один и тот же процесс, постольку неравномерность наступления торгового капитализма имела не только торгово-политическую, но и производственную основу.

Изучение исторической концепции М.Н. Покровского началось ещё в дореволюционный период параллельно с выходом его основных научных работ. В это дело внесли свой вклад историки разных направлений: Г.В. Плеханов, М.С. Ольминский, Н.А. Рожков, А.А. Кизеветтер, В.И. Семевский²⁶⁸. И нельзя сказать, что отзывы из марксистского лагеря были более комплиментарными. Эта традиция продолжилась и после революций 1917 г. Своё мнение высказывали В.В. Полонский, М.В. Нечкина, А.Н. Савин²⁶⁹ и др. Снова не обходилось без замечаний, что вполне естественно. Критика М.Н. Покровского не была запрещена, сам он своих оппонентов за неё не преследовал. Политико-идеологических сомнений его концепция пока не вызывала. Новое заключалось в том, что в историографической работе приняли участие историки-марксисты, получившие высшее гуманитарное образование в советский период и приступившие к научной деятельности. Даже рассуждая с точки зрения здравого смысла, они не могли соглашаться со всем, что было написано М.Н. Покровским. Какие-то расхождения были просто неизбежны. Впрочем, уже к середине 1920-х гг. не всё было так элементарно. Внутрипартийная идеологическая борьба приобрела разновекторный характер. И если по «троцкистской» линии М.Н. Покровский был, пожалуй, неуязвим, то в других отношениях дело обстояло сложнее. К тому же, в отличие от первых посвящённых исторической концепции учёного

работ молодых историков-марксистов М.В. Нечкиной, Н.Л. Рубинштейна, которые давали ей положительную оценку в спокойной тональности с минимальной критикой, статьи последующих авторов из этого же лагеря были куда более критическими по содержанию и резкими по настроению (А.Н. Слепков, С.Г. Томсинский). Да и волна борьбы с Л.Д. Троцким переросла в борьбу с троцкизмом как особым учением, имевшим и научно-исторические корни. М.Н. Покровский, конечно, почувствовал эти тенденции и постарался соответствующим образом на них отреагировать. Во-первых, увеличилось количество публикаций историка, в которых затрагивался торговый капитализм. Во-вторых, он ещё более разнообразил применение этой своей концепции. В-третьих, обнаружили его попытки взять данную концепцию под защиту, доказать её «правильность» с точки зрения и марксистской теории, и научных фактов. В-четвёртых, он подчеркивал комплексный характер торгового капитализма в своей интерпретации.

Применительно к образованию единого Русского государства М.Н. Покровский отметил, что оно было связано с экономическим превосходством Москвы над другими центрами феодальной Руси. Московская буржуазия была заинтересована в их ликвидации. Московское государство стремилось установить свой контроль над возможно большим количеством торговых путей. В этом деле оно многого добилось. Для их защиты, контроля над ними и дальнейшей борьбы с конкурентами было установлено самодержавие. С XVI века главной целью России стало овладение торговым путём из Каспийского моря в Балтийское в полном объёме, что по масштабу было сопоставимо с созданием испанской и португальской колониальных империй, да и по времени с данным процессом совпадало. Первый приступ был осуществлён в годы Ливонской войны, что подтверждает налаживание массового вывоза сырья из Нарвы. Однако полученный результат был сорван поражением в этой войне. По мнению историка, всё это свидетельствовало о том, что в XVI веке в Восточной Европе занималась заря торгового капитализма: расцвет торгового капитала, быстрый рост барской запашки и денежной ренты и т. п. При этом его «полдень», видимо, должен был наступить с превращением этого региона в житницу всей Европы. Экономический кри-

зис конца XVI века отчасти был порождён своего рода «болезнью роста» торгового капитализма²⁷⁰. Кроме того, мы понимаем, что для бурного развития торговли вовсе не обязателен генезис капитализма. Значит, формирование торгового капитализма несколько опережало начало этого процесса.

М.Н. Покровский сделал важное замечание о том, что в рамках торгово-капиталистической системы неоднократно происходили крупные перевороты, которые определялись осуществляемыми торговым капиталом значимыми территориальными приобретениями. Вероятно, здесь имелись в виду присоединения в Сибири, Прибалтике, черноморско-азовском регионе, на Кавказе и в Средней Азии, которые действительно сыграли большую роль с их пушниной, пшеницей, хлопком и т. д. «Успешный захват... окрыляет хозяйство, он вносит в него денежно-хозяйственную, меновую торговлю и создаёт громадный толчок для развития помещичьего хозяйства». Как видим, обходится без апологии торгового капитала и без «гипертрофии» торговых путей. Историк указал на особое значение морей для торгового капитала. Во-первых, морская торговля неизбежно была крупным капиталистическим предприятием. Во-вторых, только выход к морю мог сделать русский торговый капитал самостоятельным «игроком», действующим на равных с прочими. В-третьих, история показывает, что в ту эпоху все торгово-капиталистические державы вырастали именно как морские. Эта закономерность заставляет предположить, что на суше торговый капитал не мог развернуться в достаточной мере. Отталкиваясь от мысли о том, что перемещения русского населения совпадали с операционными линиями торгового капитала, учёный заключил, что он «создавал известную внутреннюю систему, определённую экономическую географию». Таким образом, торговый капитал связывал между собой элементы определённой системы. За прокладыванием торговых путей следовало их обустройство. Потом вдоль них «налаживались» сельское хозяйство и промышленность, имевшие торговую направленность. Однако не следует спешить всякую транспортную артерию связывать непременно с торговым капитализмом. Например, Николаевская железная дорога была построена в стратегических целях.

М.Н. Покровский применительно к XVI–XVIII векам противопоставил натуральное хозяйство не товарному, а рациональному: быстрое экстенсивное развитие, «интенсификация барщины», «бешеная» эксплуатация. Это верно в том отношении, что в данный период большинство связанных с рынком хозяйств ещё не являлись товарными. Речь, скорее, шла о получении прибыли как целеполагании. Только учёный почему-то решил, что период бурного роста рационального хозяйства завершился в эпоху Грозного и возобновился в начале XVIII века. Согласно этому, весь XVII век попадает в своеобразную полосу доминирования «натуральности»²⁷¹. С нашей точки зрения, данное положение противоречит тезису того же историка об утверждении в России торгового капитализма именно в XVII веке. Впрочем, сама идея о том, что на определённых исторических отрезках товарность хозяйства может не только повышаться, но и понижаться, заслуживает внимания. М.Н. Покровский полагал, что натуральное хозяйство не может быть вовсе безобменным. Его главный признак состоит в том, что деятельность феодала и крестьянина носит потребительский характер. По его мнению, в XV веке в стране товарного хозяйства не было, только в XVI веке под влиянием роста городов и происходившего между ними и регионами обмена оно начинает становиться таковым. Помещики «расхищают» населённые земли и извлекают из них продукты для обмена. Для М.Н. Покровского это явилось отправным пунктом становления крепостного права, этапы которого он также выделил. Правда, учёный не всегда подчёркивал, что к рынку «устремлялась» лишь часть помещиков. Процесс закрепощения касался всего господствующего класса, но в целом он имел рыночную подоплёку. Кстати, историк отметил, что благополучие крестьянского хозяйства стояло в обратном отношении к прогрессу торгового капитала. Последний, видимо, до конца XVIII века предпочитал оперировать наиболее ценными продуктами. Более «ходовые» играли меньшую роль. С течением времени ассортимент товаров, вовлекаемых в оборот торговым капиталом, неуклонно возрастал.

В качестве его субъектов М.Н. Покровский назвал монастыри, помещиков и купцов, между ними было множество очевидных взаимосвязей. Например, в ходе закрепощения помещики с целью

привлечения и удержания крестьян за собой привлекали заёмные средства у владевших ими «капиталистов». С его завершением сами крестьяне превратились в «первый и единственный капитал» помещика, в его руках находились поставки хлеба в крупные города и за границу. Мелкий местный рынок, видимо пока мало интересный для торгового капитала, был всецело в руках крестьян. В иерархии торгового капитализма он занимал низшую ступень. Это имело объективную причину: даже в первой половине XIX века он был слабо развит. На высшей ступени находился наиболее передовой заграничный вывоз. Он выступал локомотивом роста²⁷². Шансы купца в русском торговом капитализме были достаточно скромными. «В историю, которую прошёл русский крестьянин с XVI по XIX век, нам, кроме самого помещика и крестьянина, необходимо ввести новые фигуры: рынок и купца – купца, конечно, символически, потому что, поскольку Вы знаете, в XVIII в. крестьянин выступает без посредства купца, собственно сам купец в обыкновенном виде... не был необходимой фигурой, но рынку был необходим». Таким образом, получается, что торговые помещик и крестьянин достаточны для торгового капитализма, но в формировании рыночной экономики без купца не обойтись. Не случайно М.Н. Покровский применительно к России конца XVIII – начала XIX века пишет о тесном союзе помещика, самодержавия и торгового капитала (именно в таком порядке), а не о руководящей роли последнего.

Для учёного история России развивалась в пределах, в сущности, одной формации. В плане одной из своих лекций он записал следующий пункт: «Борьба за торговые пути как стержень внешней политики царской России с XVII по начало XX века; отличие этой политики от политики промышленно-капиталистических государств»²⁷³. Эти скупые строки, пожалуй, и выражали «своеобразие русского исторического процесса» по М.Н. Покровскому.

В 1925 г. он вернулся к вопросу об особенностях исторического развития России и рассмотрел его относительно независимо от своей же полемики с Л.Д. Троцким. В частности, историк вновь обратился к сущности торгового капитализма. «Легенду об "отсталости" и "медленном росте" приходится оставить». Первая не подтверждается потому, что процесс зарождения абсолютизма начался ещё в XVI веке. Правда, здесь учёный несколько неосно-

вательно совместил абсолютизм и самодержавие. Впрочем, это последнее в его версии в XVI–XVII веках в России уже сложилось. Видимость неизменности создаёт то, что оно закончилось «почти без перемен до XX столетия». Может быть, пресловутая отсталость заключалась именно в этом? «Было более чем достаточно оснований таким образом, чтобы в России конца XIX века, а с поправками на всё возрастающее влияние мирового финансового капитала и в начале XX, торговый капитал играл первую скрипку, а промышленный – лишь вторую»²⁷⁴. М.Н. Покровский никогда ещё не высказывался столь однозначно в пользу того, что Россия так и не вступила в капиталистическую формацию. Капитализм, видимо, так и не перерос рамки социально-экономического уклада. Что же касается высоких темпов экономического роста, то историк наиболее убедительно показал их на примере России лишь конца XIX – начала XX века.

Наряду с этим, М.Н. Покровский вновь использовал ещё один ряд понятий, сопрягаемых с торговым капитализмом. Он отметил, что «у нас была не просто бюрократическая монархия... а самый настоящий азиатский деспотизм». Хотя историк усомнился в том, что всё историческое развитие России нужно «зачислить по азиатскому департаменту», определённая её особенность была обозначена. Самодержавие имело черты как европейского абсолютизма, так и восточной деспотии. Причина этого заключалась в гегемонии торгового капитала, что, видимо, помешало стране «скатиться» к последней. Кроме того, азиатская деспотия была прежде всего орудием сохранения незыблемости, в том числе хозяйственных основ восточных цивилизаций, а русский абсолютизм, согласно мнению учёного, был неразрывно связан с генезисом капитализма. Ну ладно, это пока политика. А что же экономика? Здесь у М.Н. Покровского последовала своевременная переакцентировка. «Торговый капитал сам по себе ещё не обладает чудотворной силой творить самодержавие. Опорой абсолютизма он является на определённой ступени экономического развития, в определённой конкретной обстановке». Оказывается, данная ступень важнее торгового капитала, ведь только благодаря ей он способен творить историю. И действительно, он существует с глубокой древности, на Руси – с первых веков её существования. Но

долгое время он не создавал никакого торгового капитализма, тем более не «царил» и т. п. Эту роль он может приобрести только в связи с изменениями в других сферах экономики. «Торговый баланс романовской России держался не только на сельскохозяйственной продукции, но и на определённом типе этой продукции, на мелком хозяйстве» в лице барщинного, а затем отработочного крестьянина. Почему же торговый капитализм обладал таким могуществом в сравнении с промышленным? Эти крестьяне обходились дешевле наёмного работника. То, что они с 1861 г. стали юридически свободными, было лишь первым шагом «к капиталистическому сельскому хозяйству». «И конъюнктура на хлебном рынке сложилась такая, что для второго шага потребовалась революция 1905 года». Мы видим, что опять у М.Н. Покровского на первый план вышла производственная составляющая торгового капитализма. По сути учёный расширял хронологические рамки позднего феодализма.

Для выкачивания прибавочного продукта из мелкого производителя торговый капитал, не ограничиваясь своим аппаратом, прибегал к внеэкономическому принуждению. Видимо, первый был недостаточен для обретения торговым капиталом системообразующей роли. Следовательно, сугубо торговая организация торгового капитализма необходимо дополнялась его производственной организацией. Не обошлось здесь и без прямых ссылок на феодализм: «вотчинная власть внизу сама собою предпочитала и вотчинные порядки наверху». Таким образом, М.Н. Покровский выделил важнейший фактор русской истории, в том числе эпохи торгового капитала. Не случайно историк ещё раз выделил свой тезис о важнейшем субъекте торгового капитализма – торговом дворянине, когда помещик был, кроме того, и торговцем.

По мнению учёного, первый прирост буржуазной революции в России появился в 1861 г. Однако русская буржуазия отшатнулась от него, так как ей самой нужно было «сохранить внеэкономическое принуждение в деревне, без которого не мог обходиться торговый капитализм»²⁷⁵. Видимо, здесь точнее было бы говорить только о той буржуазии, которая была связана именно с торговым капитализмом, хотя, впрочем, эта её часть составляла большинство данного общественного класса.

М.Н. Покровский показал торгово-капиталистический характер колониальной экспансии царизма. Как он считал, именно здесь он проявился наиболее ярко и мог быть отображен без особых затруднений и отдельных пояснений. Кроме того, колониализм объединял торговый капитализм, первоначальное накопление капитала, полицейское государство и другое в некую целостность, разными сторонами которой они являлись. Получается, говоря, например, о самодержавии, мы неизбежно имеем в виду торговый капитализм, даже если в данном конкретном случае этого не упоминаем. По мнению учёного, Россия была старой колониальной державой. Колонии у неё появлялись в связи с активизацией торгового капитала.

Сущность колоний историк усматривал в их экономическом значении. Они служат для метрополии либо источником сырья, либо «местом, куда вывозится капитал». В первом случае колония, очевидно, проходит по разряду торгового капитализма, а во втором – промышленного. Однако Россия перед 1905 г. ещё не вступила в эту стадию. Значит, до начала XX века русский колониализм бы преимущественно торгово-капиталистическим. «Промышленный капитал и во внешней политике, как внутри России, шёл по пятам торгового. Торговому капиталу нужны были железные дороги – и промышленность их строила, но лишь там и постольку, где и поскольку это нужно было торговому капиталу». Получается, что промышленный капитализм извлекал немалую выгоду из функционирования торгово-капиталистической системы. Этот капитализм двигался по проложенному для него пути, и было бы странно, если бы он со всем радикализмом и энергией обрушился на тех, кто этот путь проложил.

Впрочем, учёный выделил ещё один признак колонии: это страна «менее культурная», то есть находящаяся на более низкой ступени цивилизационного развития, чем метрополия. Но и с экономической точки зрения не всё у М.Н. Покровского сводилось к торговому капитализму. Он рассматривал «колониальный грабёж» как неразрывную составную часть первоначального накопления, имея, очевидно, в виду, что средства производства в колониях переходили из рук разнообразных представителей местного населения в распоряжение немногих эксплуататоров из метрополии. «Ти-

пические приёмы» такого накопления, свойственные, например, для португальцев и голландцев в XVII веке, в России продержались до Николая II²⁷⁶. Однако почему же оно вообще ускорилось и приобрело новые, то есть колонизаторские, формы? Со ссылкой на К. Маркса историк замечает, что Голландия XVII века была «самой образцовой капиталистической страной», и от себя добавляет «эпохи торгового капитализма», приводя целый ряд конкретных примеров, из которых становится ясно, что «торгово-капиталистический смысл завоеваний как Кавказа, так и Средней Азии не вызывает никаких сомнений». Более того, отечественный торговый капитализм, таким образом, побеждал в конкурентной борьбе иностранный, включая даже английский. И «в самом конце XIX века в своей внешней политике империя Романовых оставалась колониальной державой наиболее примитивного типа – аппаратом торгово-капиталистической эксплуатации малокультурных (или казавшихся малокультурными) стран». Учёный показал также, что порождённая торговым капиталом внешнеполитическая активность самодержавия не всегда приводила к тому, что он умело пользовался результатами завоеваний. Вместе с тем применительно к царствованию Николая II историк использует понятие «вотчинный режим». Более того, у «всей системы» была вотчинная верхушка²⁷⁷. Следовательно, данное указание имело для исследователя принципиальное значение. Его нельзя ассоциировать с чем-то, кроме феодализма. Натуральное хозяйство в той мере, в какой оно не участвовало в обмене, относилось к феодализму безусловно. В той же мере, в которой такое хозяйство участвовало в обмене, оно принадлежало торговому капитализму. Таким образом, получается, что одно и то же хозяйство могло быть одновременно и феодальным, и торгово-капиталистическим.

Причиной отсталости России, по мнению М.Н. Покровского, как раз и было наличие огромной колониальной периферии. Она давала колоссальные возможности экстенсивного роста всей экономики. Здесь историк ставит на первое место производство в лице распространяющегося в новых землях крестьянского хозяйства и лишь на второе – идущий «следом за ним торговый капитал». Последнему нужны были не только коммуникации, но и объекты эксплуатации. Наряду с этим, сама эта периферия, не

будучи во многих отношениях обособленной от метрополии, «экспортировала» свойственные ей «нравы» в метрополию, донося их «до самого центра». Тем более «методы действия... торгового капитала менялись так же туго, как и методы действия русского самодержавия внутри страны». Следовательно, в колониях и в метрополии был один и тот же торговый капитализм, который эксплуатировал великорусского и «окраинного» работника даже «технически» одинаково.

Учёный однозначно и красноречиво подчеркнул свою твёрдую приверженность концепции торгового капитализма: «Читатель видит, как нелепо жаловаться, что у того или другого писателя торговый капитал "заполонил всю русскую историю". Это очень сродни жалобам на то, что у К. Маркса теория прибавочной стоимости "заполонила" всю политическую экономию... Что же делать, если только торговым капитализмом можно объяснить такой чудовищный факт, как переживание в России на заре XX столетия абсолютизма типа XVI–XVII веков. Другого марксистского объяснения пока не дано, а попытки его дать привели к бессознательному плагиату у Чичерина и Соловьёва, которые были весьма почтенными людьми конечно, но только совсем не марксистами». Здесь привлекают внимание несколько моментов. Во-первых, М.Н. Покровский признавал наличие концепций, по крайней мере, сходных с его «торговым капитализмом» у ряда исследователей. Во-вторых, в середине 1920-х гг. не существовало марксистских концепций отечественной истории, игнорирующих торговый капитализм. В-третьих, учёный признал, что таковые в принципе могут появиться. Пока же опыты этого рода были, может быть, сами по себе и неплохи, а просто не являлись марксистскими.

Доминирование торгового капитализма, по мнению М.Н. Покровского, не лишало русскую историю противоречий, качественных скачков, превращения явления в свою противоположность и другой диалектики. Она выражалась «в смене разных форм торгового капитализма». Ею определялась и эволюция самодержавия²⁷⁸. Диалектика, например, выражалась и в том, что иногда промышленный капитал развивался быстрее, нежели торговый. Историк показал, что система торгового капитализма не была монолитной. На определённом этапе развития он не только перерождается

в свою противоположность, но и из «локомотива» перемен превращается в преграду на их пути, приобретает паразитический характер.

В 1925 г. у М.Н. Покровского вышло много небольших работ, которые можно разбить на три группы: 1) словарные статьи; 2) публикации, посвящённые 150-летию пугачёвщины; 3) исследования, приуроченные к столетию восстания декабристов. С одной стороны, всё это носило «обязательный» характер. Оставаясь лидером советского исторического «фронта», учёный должен был «задавать тон», находиться «на передовых рубежах» и т. п. С другой стороны, по этой актуальной для советских историков тематике появились новые работы молодых учёных из первых выпусков школы самого М.Н. Покровского, причём вполне самостоятельные и нетривиальные; были введены в оборот источники, ранее малоизвестные или недоступные. Конечно, первый «красный профессор» был хорошо осведомлён о происходящих изменениях и вынужден был на них как-то реагировать, «поправляя» свою концепцию или критикуя оппонентов. Почти во всех вышеупомянутых исследованиях учёный привлекал для обоснования своих построений «торговый капитализм», уже вошедший органической составной частью в канон марксистского обществознания.

Несколько важных замечаний по этому поводу М.Н. Покровский сделал в статье о Средней Азии. По его мнению, направление её истории обуславливалось двумя основными факторами: климатическими колебаниями и торговлей. Последняя имела особенное значение именно в данном регионе ввиду его уникального географического положения – перекрёстка важнейших торговых путей Евразии. Ещё с древности китайское и арабское проникновение в регион диктовалось интересами торгового капитала. Политический упадок Средней Азии с XVI века также связан с перемещением торговых путей. Однако и здесь историк не забывает о втором факторе – прогрессирующем с этого же времени «высыхании». Падение торгового значения региона привело к тому, что русский торговый капитал с появлением его на исторической сцене мало интересовался среднеазиатскими делами, за исключением поиска пути в Индию. Но, видимо, он был недостаточно силен, чтобы конкурировать за неё с англичанами. Российское на-

ступление в Средней Азии было начато только в XIX веке, когда потребовались новые рынки²⁷⁹. Вероятно, в данном случае придется говорить уже о промышленном капитализме.

До известной степени с торговым капиталом М.Н. Покровский связывал и стрельцов, составлявших основную массу служилых людей «по прибору» во второй половине XVI–XVII веков. Они занимались торговлей и ремеслом, успешно конкурируя с посадскими людьми в этих сферах деятельности, так как обладали рядом льгот. Следовательно, стрельцы являлись экономически привилегированной предпринимательской группой. Это послужило источником роста их численности и усиления их позиций в стране. Однако верхушка стрельцов перерастала свой уровень и превращалась в феодалов. Их низы, напротив, пополняли ряды жертв торгового капитала. Главным их врагом была Немецкая слобода, – по словам историка, центр торгового капитализма той эпохи. Стрелецкий бунт конца XVII века был реакцией против надвигавшихся новых порядков. Речь идёт, видимо, о вступлении торгового капитализма в новую фазу своего развития²⁸⁰.

В отношении Северной войны М.Н. Покровский повторил свой тезис о том, что сутью конфликта была балтийская торговля. Теперь он подчеркнул мысль о том, что подъём торгового капитализма в этот период происходил не только в России, но и в соседних странах Европы, причём в последних он был также агрессивным, экспансионистским. Речь шла о сосредоточении в руках того или иного государства важных направлений торговли, а поскольку именно Швеция была тогда наиболее состоятельной в военном отношении державой, то она и проявляла наибольшую активность. «Вся суть шведской политики состояла в том... чтобы сделать шведов универсальными посредниками в торговле Восточной Европы». Между Россией и Швецией уже в XVII веке развернулась ожесточённая торговая конкуренция. В то время шведы приняли меры по вытеснению русского капитала из Прибалтики, между тем как последнему уже недостаточно было Архангельска. Естественно, русский капитал не упустил бы благоприятного момента для войны со Швецией. Учёный констатировал, что победа в данном конфликте досталась России, но добавил, что воспользовался этим её успехом в большей мере западноевро-

пейский торговый капитализм. Он указал две причины такого развития событий: во-первых, Россия была разорена войной, переживала запустение, упадок производительных сил, во-вторых, преодоление этого периода с выходом на прежние рубежи заняло примерно двадцать лет²⁸¹. Следовательно, хозяйственный кризис состоялся в Петровскую эпоху, а за её пределами развитие продолжалось с более низкого уровня. Сюда можно добавить и то обстоятельство, что русский торговый капитализм отставал по уровню развития от своих аналогов в наиболее передовых европейских странах, поэтому, естественно, в чём-то им проигрывал. Интересно, что торговый капитализм часто был достаточно могуществен, чтобы «запустить» какой-нибудь процесс, но недостаточно силён для того, чтобы долговременно оказывать эффективное воздействие на тот или иной объект.

М.Н. Покровский ещё раз обратился к личности крупного русского реформатора первой трети XIX века графа М.М. Сперанского. Теперь учёный интерпретировал его роль как своего рода примирителя интересов промышленного и торгового капитализма. О чём идёт речь? Как известно, участие России в континентальной блокаде ускорило развитие русской промышленности, но больно ударило по помещичьему хозяйству. Чтобы сохранить рост буржуазного хозяйства и удовлетворить помещичью массу, М.М. Сперанский и предлагал свои реформы²⁸². Кстати, это косвенно подтверждается позицией, которую занимал другой реформатор александровского царствования граф П.А. Строганов. Он выступал против «континентальной системы». Однако и он в «Негласном комитете» выступал с идеями буржуазного характера²⁸³. Объективно, будучи провозвестником промышленного капитализма, М.М. Сперанский в итоге оказался в услужении у торгового.

Историк вновь указал на господство в России начала XIX века именно феодальных отношений, так как именно их, по словам учёного, этот государственный деятель и предлагал заменить буржуазными. Кроме того, управление страной, по мнению М.Н. Покровского, также находилось в руках дворянства. В сословном отношении оно стояло выше обладателей денежного капитала, видимо, потому, что главным богатством тогда была земля.

Поиск компромисса был прекращён, так как самодержавие «капитулировало» перед дворянством. Одна из сторон, феодальная знать, вновь победила и 14 декабря 1825 г. В дальнейшем М.М. Сперанский был менее «радикален», ограничиваясь «подовлением» феодальной системы²⁸⁴.

Рассматривая пугачёвщину, М.Н. Покровский признал, что с точки зрения строгой научной классификации называть её революцией нельзя²⁸⁵, но в широком смысле, выражаясь «фигурально», видимо, учёный считал это возможным. Отчасти принимая данный термин, историк называет её зачатком буржуазной революции или буржуазной революцией эпохи торгового капитала²⁸⁶. Что об этом свидетельствует? М.Н. Покровский выдвигает на первый план положение о том, что постепенно выступление Пугачёва приобрело антипомещичий характер, так как оно предоставляло крестьянам землю и волю. Кстати, нечто подобное было при С. Разине, который заменял складывающееся бюрократическое самодержавие системой управления, характерной для казачества. Иными словами, при таком раскладе господствующий класс прекращал своё существование, хотя в дальнейшем в случае успеха движения, возможно, сформировался бы новый.

Период восстания учёный назвал временем расцвета крепостного хозяйства, против которого и выступили крепостные люди. Историк указал и на то, что господствующим классом в государстве были также крепостники. Это не означало отказа М.Н. Покровского от «торгового капитализма» даже на словах, потому что помещики, а тем более упоминавшиеся в этом же ряду русские колонизаторы национальных окраин вкупе с владельцами горных заводов, были известнейшими субъектами торгового капитализма. Следовательно, тезис о борьбе восставших против него отнюдь не снимался с повестки дня.

На данном этапе изучения историка заинтересовала обнаруженная им «диалектика» взаимоотношений пугачёвцев с торговым капиталом. С одной стороны, «с купечеством и мещанством Пугачёв тоже старался ладить, и в числе наших документов мы находим охранные грамоты купцам», с другой – вставшие на сторону администрации купцы и мещане города Кунгура были для него такими же «злодеями», как и помещики²⁸⁷. Здесь мы не видим никакой закономерности: одни лишь издержки «индивиду-

ального» восприятия. Однако такая интерпретация понимания М.Н. Покровским данной проблемы была бы как минимум неполной. Дело в том, что сам Е.И. Пугачёв, согласно имеющимся документам, был крупным купцом, причём, по словам одного из его помощников, вёл даже заграничную торговлю и заработал на этом огромные деньги. Эта торгово-капиталистическая подготовка наделила будущего крестьянского предводителя политическими представлениями и качествами вождя. Более того, сподвижник Е.И. Пугачёва И.Н. Белобородов также был торговцем. Получается, сам торговый капитализм готовил противостоящие ему кадры. Но дело только этим не ограничивалось. На сторону восставших перешло купечество города Саратова, причем отнюдь не бедное, проявив большую энергию. Данное явление, таким образом, приобрело социально-классовое измерение. Ссылками на личный выбор здесь уже не обойдёшься. М.Н. Покровский отметил, что в Поволжье имело место выступление против столичного торгового капитала, главной цитадели торгового капитализма – Центральной России. В нём приняли участие местные группировки торгового капитала, которые были жертвами эксплуатации со стороны представителей верхних этажей этой системы.

Здесь историк совершенно уместно свернул на «торгово-капиталистические» рельсы. Учёный констатировал, что пугачёвщина являлась очень сложным движением, в котором участвовали все элементы, находившиеся под гнётом торгового капитала и созданного им торгово-капиталистического государства. Как же объединить крепостничество, торговый капитал и другие фундаментальные компоненты русской истории? М.Н. Покровский заметил применительно к нерусскому населению страны, что оно эксплуатировалось всеми «фракциями», ответвлениями торгового капитализма²⁸⁸.

В отношении восстания декабристов историк заявил, что социально-экономическая подоплёка восстания была той же, что и у Крестьянской реформы 1861 г. Следовательно, можно предположить, что накануне 1825 г. у помещиков также были какие-то причины смириться с отменой крепостного права. В качестве подтверждения этой своей мысли учёный сослался на составление в рассматриваемый период различных проектов освобождения кре-

стьян и начало работы секретных комитетов по крестьянскому делу при Николае I. Он указал на аграрный кризис 1819 г., который ударил и по помещику, и по крестьянину. Доходы первого уменьшились, а значит, эксплуатация второго усилилась. Видимо, ничего катастрофического в происходящем не было. Однако людям «решительным» и с определёнными взглядами могло показаться, что вопрос о ликвидации крепостничества уже назрел²⁸⁹. Понимая недостаточность ссылок на подобного рода экономические обстоятельства, М.Н. Покровский добавил к ним социальный оттенок. Социальный облик самих декабристов учёный квалифицировал как дворянскую и военную интеллигенцию. Более того, их помещичий статус тянул их назад²⁹⁰. Учёный всегда подчёркивал генетическую «привязку» декабристов к феодальному дворянству в классовом отношении.

М.Н. Покровский критиковал Г.В. Плеханова за то, что он изобразил русское дворянство как сплошную массу крепостников, сторонников барщинного хозяйства, не учёл их дифференциацию. Откуда же тогда появились помещики, которые, как минимум, рассматривали возможность отмены крепостного права? Между тем ответ на этот вопрос можно дать и без анализа социального состава дворянства. Так, эмансипации крестьян сочувствовал Александр I. Сам А.А. Аракчеев готовил соответствующий проект. Император почти одобрил новосильцевский вариант конституции. Нетрудно заметить, что программа Северного общества декабристов довольно близка к этим разработкам²⁹¹. Значит, какая-то часть дворянства всё это поддерживала, и как раз его представители, входившие в различные декабристские организации, своим участием в них подтверждают, что дело не ограничивалось индивидуальными предпочтениями «первых европейцев» из высшей бюрократии. В чём же точка пересечения декабристов с правительством, то есть с торговым капитализмом? По крайней мере, те из них, кто придерживался умеренных взглядов, собирались и дальше оставаться помещиками, только перейдя от барщинного хозяйства к батрацкому²⁹², то есть использующему труд малоземельного сельского пролетария. Между прочим, это был переход к более передовому товарному хозяйству в рамках той же самой системы торгового капитала.

Подлинный кризис барщинного хозяйства состоялся не в первой четверти, а в середине XIX века. Только тогда для передовых помещиков вместе с буржуазией появилась насущная необходимость в кардинальных преобразованиях. Но, в отличие от декабристов, они добивались своего не революционным, а более свойственным русской буржуазии реформистским путём. Революционность некоторой части декабристов только отталкивала от них и торговый, и промышленный капитал²⁹³. Реформы 1860-х гг. были последней решительной попыткой русского помещика приспособить своё хозяйство к условиям буржуазного общежития²⁹⁴. Борьба с крепостничеством является борьбой с торговым капитализмом лишь до тех пор, пока последний не исчерпает его потенциал. В противном случае сам торговый капитализм списывает крепостничество со счетов.

Историк отметил, что декабристы выступали не против царя, как это было в дворцовых переворотах, а против царизма, базой которого было крупное феодальное землевладение. Следовательно, они понимали, что главным вопросом русской революции является аграрный²⁹⁵. Учёный ясно указал на то, что способ производства при торговом капитализме был феодальным.

К этому добавились жалобы народившейся в России промышленной буржуазии на иностранную конкуренцию, облегчавшуюся введённым в эти годы фритредерским тарифом. Правда, Александр I в 1823 г. его отменил. По этому поводу М.Н. Покровский более аккуратно заметил, что, кроме интересов прогрессивных помещиков, декабристы *до некоторой степени* выражали интересы передовой буржуазии. Похоже, движение декабристов в этой схеме учёного в большей мере определялось колебаниями торгового капитализма, нежели наступлением промышленного.

П.И. Пестеля историк отнёс теперь к идеологам буржуазной России, в том числе крупного капитала, хотя и с уклоном в сторону «мужицкого капитализма». Главной его чертой была решительная борьба со всем крепостническим²⁹⁶.

Характер декабристского движения М.Н. Покровский определил как начало революции²⁹⁷, сославшись, кроме аргументов «формационного» масштаба, ещё и на его, может быть, «непредусмотренных» участников – крестьян на юге и солдат на севере.

Сами же декабристы были революционерами в теории, а не на практике. Они, скорее, хотели выглядеть революционерами, чем были таковыми на деле²⁹⁸. Примечательно, что данное движение учёный трактовал и как своего рода революцию «сверху».

Любопытно, что в этой истории о декабристах М.Н. Покровский почти не уделяет внимания торговому капитализму терминологически. Но несмотря на это очевидно, что в целом его трактовка событий осталась прежней. Мы имеем дело и с помещиками, приспособляющими своё хозяйство к рынку, и с ещё слабой промышленной буржуазией, и с порождённой буржуазным развитием интеллигенцией, и с влиянием хлебных цен, таможенных тарифов. Даже объявление «эпохи» декабристов периодом разложения крепостного хозяйства и зарождения буржуазной России²⁹⁹ для историка не ново и ранее в его концепции сосуществовало с торговым капитализмом. Короче говоря, система торгового капитала в действии во всех своих основных частях. Совершенно очевидно, что суть декабризма не может быть выражена одной лишь простой формулой – «от феодализма к капитализму». Главным здесь является то, от какого феодализма к какому капитализму совершается переход, даже если не называть их именно торговым или промышленным.

Учёный сделал целый ряд очень серьёзных оговорок относительно революционности декабристов. Это несколько странно. Ведь намереваясь устранить самодержавие и крепостничество, они действительно произвели бы перемены революционного масштаба. Видимо, проблема в слабости этой революции, понимаемой не как переход общества из одного качественного состояния в другое, а как метод этого перехода.

М.Н. Покровский вовсе не считал, что какой-то общественный класс возникает из отношений обмена. Он прямо писал о том, что «для марксиста принадлежность к тому или иному классу определяется положением в производстве», назвав четыре класса: рабочие, крестьяне, буржуа, помещики. Однако нельзя забывать и о том, что они, в свою очередь, делятся на менее значительные группы. Не следует путать границы между такими группами и классами. Бывают противоположности разного порядка. Например, в крепостном имении есть зажиточные крестьяне и

бедняки, крестьяне и помещики. Вторая противоположность не только является основной, но под её влиянием и первая, частная, «стирается». «Под феодальной скорлупой помещичьего имения мелкая буржуазия складывалась уже определённо для того, чтобы появиться на свет, когда скорлупа лопнет»³⁰⁰. Таким образом, учёный констатировал далеко зашедший процесс социального расщепления в русской деревне предреформенного периода, но не классового разложения, ибо главной фигурой процесса был крестьянин-середняк. Означало ли появление капиталистического производства в сельском хозяйстве с 1861 г. то, что «скорлупа лопнула»? Нет, поскольку реформа придала крепостной неволе более современную форму. Следовательно, сохранились мелкое хозяйство и, по крайней мере, полуфеодальные методы эксплуатации, то есть база торгового капитализма. Социально-экономическая сущность её субъекта изменилась кардинально, но не с точки зрения последнего. Примечательно, что М.Н. Покровский, хотя и в усечённом виде, даёт марксистское толкование понятия «класс». Новые классы капиталистического общества со всей очевидностью возникают из разложения классов феодального общества.

В схеме историка торговый капитализм занимал место первой фазы генезиса капитализма, когда формировались условия и предпосылки возникновения капиталистического производства. Парадокс заключался в том, что она не прекращалась с наступлением следующих фаз, ибо для развития капитализма необходимо было расширенное воспроизводство этих условий и предпосылок.

М.Н. Покровский сделал важное методологическое заключение, подтверждающее наш вывод о том, что он не только не создавал, но даже не излагал какую-либо специальную теорию торгового капитализма, придерживаясь марксистского подхода к данному вопросу. Он сконструировал соответствующую концепцию, отталкиваясь от конкретного содержания русской истории. Историзм Маркса и Ленина «заключался... в предварительном изучении конкретных фактов, а потом уже в отвлечении того, что нужно». Вместе с тем учёный не ограничивался простым повторением написанного классиками марксизма о торговом капитале. Он творчески применил их метод к русской истории и в результате обнаружил в ней торговый капитализм, что позволило ему

создать соответствующую концепцию. Но и здесь примечательно то, что ни в одном его произведении она не была изложена в виде перечисления каких-то её основных положений и т. п. Она была вплетена в ткань истории. «От меня требуют и законно требуют, говорят: дайте нам людей, знающих факты в той или другой области, а мне приходится говорить, что здесь не фактами занимаются, а изучением теории ради теории»³⁰¹. На «языке эпохи» это называлось «схематизмом». М.Н. Покровский всегда решительно возражал против него. Кстати, впоследствии это скажется на качестве борьбы с концепциями торгового капитализма. Критика была наиболее слаба как раз в части фактического опровержения.

Усилившееся внимание историка к вкладу в его науку классиков марксизма объясняется достигшим в середине 1920-х гг. больших масштабов вовлечением в научно-исторический оборот их разнообразных текстов с извлечением соответствующей информации как теоретического, так и конкретно-исторического характера. Естественно, результаты этой работы затем сравнивались с выводами М.Н. Покровского. Если возникали какие-то расхождения, как правило, сугубо формального свойства, то последние «по определению» получали статус в лучшем случае «добросовестного заблуждения». И раньше осведомлённым людям было известно, что К. Маркс и В.И. Ленин в своих работах не использовали понятие «торговый капитализм». Вдумчивого и «честного» представителя школы М.Н. Покровского это смутить, конечно, не могло. Достаточно было просто перечитать «Русскую историю с древнейших времён», и всё становилось на свои места. Однако, может быть, менее «научно грамотные», может быть, правильное «политически ориентированные» молодые историки-марксисты начали добиваться полной тождественности исторических исследований марксистской концепции, а точнее, собственному её толкованию. Ведь «канонического» не было. На этом направлении развернулась острая борьба. Все суждения классиков, даже высказанные по частному поводу, рассматривались как наиболее близкие к истине «по определению» и не подлежащие перепроверке.

Конечно, с марксизмом М.Н. Покровский познакомился намного раньше своих коллег. Соответствующей исторической концепцией он предметно интересовался как исследовательской за-

дачей ещё с 1918 г. Каково же должно было быть его удивление, когда некоторые молодые советские историки начали рассуждать таким образом, будто они опередили в усвоении марксизма своих предшественников, которые до них его понимали «не вполне».

Тут был ещё и такой нюанс. Советские историки усваивали марксистскую науку в духе концепции М.Н. Покровского. Теперь возникла потребность брать её непосредственно из работ классиков марксизма, то есть в новой редакции, и лакуны заполнять, отталкиваясь от них, а не от изысканий своего учителя. Именно по этой линии его стали как бы «обходить». В этих условиях ему следовало занять ведущие позиции в интерпретации марксистского наследия, по возможности аналогичные тем, которые он имел в изучении русской истории.

Впрочем, для активного изучения трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина были и сугубо научные основания. С публикацией их собраний сочинений для этого появилось много нового материала. Историки, квалифицирующие себя в качестве марксистов, конечно, должны были как можно лучше знать и использовать их взгляды. В марксистской исторической науке, действительно, было немало неразберихи и «шаткости». Поскольку историческая наука развивалась всё же в более широком контексте, следовало определиться, какие идеи в истории соответствуют марксистскому учению, какие могут использоваться, какие для него неприемлемы. Марксистское направление истории нужно было внутренне структурировать, более чётко обозначить его границы. Так что и вне политизации, идеологизации и другого фронт работ был достаточно широким.

М.Н. Покровский в произведениях К. Маркса и В.И. Ленина выделил ряд интересных положений, выглядевших по меньшей мере несколько странно на фоне последующих обвинений его оппонентами в вульгарном материализме, социологизме и т. п. Речь идёт о возражениях против крайностей детерминизма в смысле наличия некоей предопределённости «в каждый отдельный момент истории». По его мнению, К. Маркс связывал «индивидуальную обстановку событий» как раз с исторической случайностью. Марксистскую социологию историк трактовал как схематическую карту, «где нет ни гор, ни болот, ни лесов, ни оврагов. Нанести

всё это на карту – дело конкретного исторического анализа». Таким образом, он достаточно определённо различал социологическую и историческую работу. Особенно учёный ценил в марксизме метод «перевода» исторического и диалектического материализма на уровень исторического исследования. Очевидно, что учёному претило упрощённое догматическое понимание марксизма. Попытка поместить марксизм в жёстко заданные идеологические рамки не имела ничего общего с диалектикой.

М.Н. Покровский высказал мысль о том, что В.И. Ленин создал концепцию русской истории конца XIX – начала XX века, показал спектр возможных вариантов развития страны в этот период³⁰². Следовательно, он не сформулировал концепцию русской истории на всём её протяжении и не развернул исторически всех этапов становления капитализма, тем более в деталях и подробностях. Не исключено, что поэтому для В.И. Ленина, не являвшегося профессиональным историком, была просто неактуальна систематизация своих построений именно в форме концепции торгового капитализма, хотя всё написанное им о социально-экономических и политических процессах в России рубежа этих веков ей не противоречило.

К сожалению, М.Н. Покровский не написал какое-то крупное исследование, в котором бы изложил свои взгляды по различным вопросам теоретического характера, осветил важнейшие научные проблемы. Видимо, считая себя марксистом и полагая, что из его трудов данное обстоятельство совершенно очевидно, он не считал такую работу обязательной и необходимой. Он в основном сосредоточивал общее внимание на том, что считал важным в марксизме в текущей историографической ситуации, давал краткие указания. Вероятно, сказывался недостаток времени: историк был крайне загружен выполнением всякого рода обязанностей. Да и развитие политических событий в стране не располагало к подобного рода усилиям.

В 1926 г. учёный подверг критике экономический материализм. Её адресатом были молодые историки-марксисты, пришедшие в науку в середине 1920-х гг. Он отметил, что объяснение всего «непосредственно экономическими причинами – вовсе не марксистский приём». Как известно, характерной чертой экономиче-

ского материализма является указание на какое-нибудь, часто поверхностное, изменение в экономике, которое произошло относительно накануне изучаемого события, как на его причину. «Что же касается непосредственно политической истории, то тут между элементарной экономической подкладкой и теми или иными политическими последствиями может стоять длинный ряд посредствующих звеньев»³⁰³. Иными словами, не следует в истории изображать дело так, будто нечто экономическое переходит во что-то политическое. Чаще бывает иначе: одно экономическое порождает другое, это последнее создаёт нечто социальное, оно вызывает к жизни политическое первого порядка, из которого вытекает политическое следующего порядка и т. д. Дело осложняется их обратным воздействием друг на друга: в процессе перехода каждое зародившееся явление воздействует на предыдущее до завершения текущего процесса. «Калёным железом нужно выжигать представление, будто материалистическое объяснение истории есть её цифровое объяснение. Материалистически объяснить историю – значит объяснить действия людей, без которых нет истории, – из той объективной обстановки, в которой они действовали. Для характеристики этой объективной обстановки могут иногда служить и цифры: но только не нужно забывать, что цифрами можно охарактеризовать лишь наиболее элементарные экономические процессы, что обобщения более высокого порядка даже непосредственно в истории хозяйства уже требуют анализа цифр». Таким образом, историк указал, что цифры являются лишь показателем того, что реально происходит в экономике. Нужно ещё определить, что они на самом деле означают, а это далеко не всегда очевидно. В сущности, всякого рода статистические данные выполняют в науке роль факта, с которого подлинно научное познание только начинается. М.Н. Покровский также изящно намекнул на то, что политическая экономия является гуманитарной наукой. Любопытно, что все эти методологические указания учёный сделал в статье, целью которой была в том числе защита концепции торгового капитализма. Всесторонний анализ конкретной исторической ситуации с последующими глубокими обобщениями – вот к чему должен стремиться всякий марксист, если он желает считаться учёным. Прямолинейные выводы в истории часто

приводят к элементарным ошибкам. М.Н. Покровский понимал опасность догматического подхода к историческим событиям, имеющим длительную перспективу.

Историк утверждал, что самодержавие «возглавляло собой помещичий класс». Он повторил свой тезис о том, что «крупное землевладение в России было лишь частью общей системы русского меркантилизма». Видимо, в ряде своих работ учёный пытался заменить этим понятием «торговый капитализм».

М.Н. Покровский повторил свою мысль о том, что внешняя политика царизма определялась интересами торгового капитала, но сделал важное уточнение. Было бы ошибкой ассоциировать их с интересом «какого-нибудь московского купца, торговавшего с бухарцами». Речь идёт об интересах «торгово-капиталистической системы как целого». Учёный всё чаще подчёркивает системный характер торгового капитализма, указывает на ошибочность её сведения к какому-то одному элементу. Порождая какой-то отдельный феномен в истории, торговый капитализм действовал то как общее, то как частное. В этом важном вопросе нельзя было допустить путаницу.

Учёный нашёл неосновательными объяснения всего происходившего в русской истории с точки зрения промышленного капитализма, вышедшего на политическую сцену при Александре I фрагментарно и узко, при Николае I решительно и крупно. Свидетельством тому его войны с Турцией, в которых промышленному капиталу принадлежала половина «добычи». Поддержка промышленного капитализма самодержавием не означала социального перерождения российского политического режима³⁰⁴. Он мог держаться твёрдо до наступления капиталистической формации.

Вообще историка не покидали сомнения по поводу хронологических рамок промышленного капитализма в России. М.Н. Покровский выделил в исторической литературе две основные версии датировки зарождения промышленного капитализма: первая четверть XIX века, пореформенная эпоха. Он признавал недостаточную определённую и своих воззрений, находя для этого объективные основания. Наука в его время накопила мало данных, позволяющих говорить об этом с уверенностью. Выход учёный видел в изучении различных групп конкретных промышленных

предприятий, фиксируя момент их преобразования в промышленно-капиталистические³⁰⁵. Он назвал торговый и промышленный капитализм двумя громадными эпохами капиталистического развития, видимо, включая сюда не только периоды их преобладания в обществе, но и этапы становления. Промышленный капитализм имел место в стране как максимум со времён промышленного переворота, но его развитие долго могло протекать на доформационной стадии. Нам представляется, что в начале XIX века мы имеем дело с появлением капиталистической фабрики в ино-родной среде, а во второй половине XIX века – со сменой одной стадии промышленного капитализма другой его стадией, что связано с глубиной промышленной революции и трансформацией всей промышленности под её влиянием. Следовало чётко разграничить зарождение в России капиталистического производства и его утверждение в качестве реального конкурента феодального способа производства.

М.Н. Покровский вновь утверждал, что крестьянская реформа 1861 г. дала торговому капиталу «возможность увеличить эксплуатацию в таких размерах, как никогда ранее», но с определённым уточнением. Она «шла навстречу интересам промышленного капитала». Этот последний должен был занять господствующее положение в экономике. Подобной перспективы у торгового капитала не было. Однако Россия была страной именно торгового капитализма, и чтобы заставить его пойти на реформы, нужно было не просто связать их с его сохранением, но и сделать для него чрезвычайно выгодными. У русского промышленного капитализма не было другого выхода, потому что тогда он был слабее торгового.

Начиная с XVI века, по мнению М.Н. Покровского, внутренний рынок в России неуклонно расширялся. Единственный крупный скачок в своём развитии он сделал с ликвидацией крепостного права. Русский промышленный капитализм не мог справиться с этим «рывком», поэтому рынок заполнялся в том числе иностранным капиталом. В этом нет ничего странного. Промышленный капитализм не удовлетворяет потребности национального рынка по всей номенклатуре товаров. Под влиянием самых разных обстоятельств, порой сугубо внеэкономических, здесь имеют

место довольно широкие колебания даже в развитой рыночной экономике.

Учёный вновь отметил противоположность, антагонистический характер противоречий между торговым и промышленным капитализмом, коренящийся в сфере производства. Однако это следует понимать в качестве общей закономерности. Промышленный капитал во многом был необходим торговому капитализму, так как первый способствовал установлению активного торгового баланса, укреплению национальной валюты, создавал транспортные средства, вооружения и т. п.

Продолжительность существования в России именно торгового капитализма историк объяснял его опорой на мелкое производство, крестьянское и ремесленное, которое, по К. Марксу, отличалось высокой степенью устойчивости по отношению к переменам³⁰⁶. Следовательно, мы сталкиваемся ещё с одним противоречием. Динамичность торгового капитала легко сочеталась с «малоподвижностью» его производственного фундамента. Историк выступил против преувеличения значения промышленного капитализма и предостерег против примитивизации капитализма торгового в России XIX века. Взаимодействие торгового и промышленного капитала следовало понимать диалектически, избегая поспешных или категоричных суждений о конфликте или союзе между ними.

В 1926 г. М.Н. Покровский начал публикацию статей для первого издания Большой советской энциклопедии. Они были посвящены ключевым вопросам истории, в значительной степени носили установочный характер, так как объективно закладывали основы её трактовки. Молодые советские историки могли узнать из энциклопедии, например, что следует понимать под абсолютизмом, и в дальнейшем использовать это знание в своих исследованиях, не встречая интерпретационных затруднений. На выполнение этой задачи учёный имел высшую политическую санкцию. Он был членом президиума, главным редактором отдела обществоведения, редактором отдела русской истории БСЭ, что было возможно только по инициативе властей. Похоже, пока в качестве «хозяина дискурса» в научно-исторической сфере М.Н. Покровский их устраивал.

Абсолютизм учёный ожидаемо трактовал как неограниченную монархию, соответствующую русскому самодержавию. Однако это не означает, что, по его мнению, они полностью совпадали. Он утверждал, что абсолютная монархия выросла из самодержавия как его наследница. Возникшую неясность помогает «распутать» как раз торговый капитализм, так как именно он, по словам автора, был основой, на которой возник абсолютизм, причём не только в российском, а и во всемирном масштабе. Однако только им история абсолютной монархии не исчерпывается. В различных странах Европы совокупно её расцвет пришёлся на XV–XVIII века, то есть на эпоху так называемого первоначального накопления³⁰⁷. Тут нет никакого противоречия, так как в схеме М.Н. Покровского эта эпоха и эпоха торгового капитала накладывались друг на друга не только ввиду хронологического совпадения, но и содержательно. Главное отличие абсолютной монархии от самодержавия состоит в том, что функцией первой является ускорение перехода феодального способа производства в капиталистический, иначе говоря, торгового капитализма в промышленный. Вместе с тем учёный специально выделил период, когда никакой капитал в принципе не оказывал заметного влияния на феодальное хозяйство, которое было в высокой степени натуральным. Хронологические рамки этого периода совпадают со временем, когда сюзерен управлял при помощи вассалов. Историк упомянул два признака абсолютизма: наёмная армия и чиновничество. Они появляются с началом развития товарного хозяйства, то есть с началом прогрессирующей товаризации натурального феодального хозяйства в руках монарха скапливаются значительные денежные средства. Когда их становится достаточно для содержания наёмной армии и чиновничества, и возникают эти два основных признака абсолютизма.

Первые монархи эпохи абсолютизма действовали методами тирании. Во-первых, нужно было ликвидировать черты доабсолютистского периода. Во-вторых, незрелость капитализма, видимо торгового, заставляла компенсировать нехватку средств всякого рода чрезвычайными мерами. Но после того как абсолютная монархия расчистила почву для капитализма, формы её смягчились, и она стала просвещённой³⁰⁸. Таким образом, М.Н. Покровский установил жёсткую зависимость между стадиями эволюции абсо-

лютизма и генезиса капитализма. Согласно данной схеме, абсолютизм в России появился при Грозном, однако в системе взглядов учёного это совсем не очевидно. Ведь торговый капитализм и самодержавие предшествовали абсолютизму и, в соответствии с концепцией историка, до XVI века отсутствовали. «Общие формулы» торгового капитализма в его изображении всё-таки наиболее применимы к российскому самодержавию XVII века. Нельзя не заметить, что М.Н. Покровский фактически разделит абсолютизм на ранний и поздний. В эпоху крепостного права абсолютизм мог развиваться гораздо быстрее как раз благодаря наличию абсолютной монархии.

Абсолютный монарх был не только мощным орудием торгового капитала, но и важнейшим субъектом торгового капитализма. Он концентрировал в своих руках огромное количество ресурсов, к тому же мог распоряжаться ресурсами всего государства. Таким образом, чем более «самодержавным» реально, а не декларативно был монарх в своём государстве, тем больший удельный вес он имел в торгово-капиталистической системе.

Учёный ещё раз подчеркнул, что «меркантилизм» в его схеме, по сути дела, тождествен «торговому капитализму», предложив развести эти понятия следующим образом: меркантилизм – политика торгового капитала или, точнее, политика государства, проводимая в интересах торгового капитала. Его можно также квалифицировать как теорию, обосновывающую такую политику. Нам представляется, что данная трактовка лучше предлагавшегося ранее М.Н. Покровским понимания меркантилизма как торгового капитализма, взятого в наиболее широком охвате.

Власть монарха при абсолютизме была классовой. Его социальной базой были купцы и ростовщики, как отечественные, так и зарубежные. Правда, историк оговорился, что первое касается прежде всего XVI–XVII веков, а второе захватывает и XVIII век.

Когда же абсолютизм вступил в нисходящую стадию развития? Для ответа на этот вопрос М.Н. Покровский объединил торговый капитализм и первоначальное накопление капитала. Это произошло с завершением второго процесса и превращением торгового капитала в промышленный. В связи с этим абсолютная монархия попала в разряд пережитков.

Мы выяснили, что её развитие, так сказать, динамическая составляющая, у историка в полной мере обуславливалась генезисом капитализма в его разнообразных проявлениях и понятийном оформлении. Неужели обошлось вовсе без феодализма? Нет. Историк считал, что началом конца абсолютизма была окончательная ликвидация феодальных отношений, то есть появление капиталистической формации. Значит, подобного рода отношения господствовали, хотя на завершающем этапе его эволюции и не безраздельно, скорее где-то на уровне наиболее крупного экономического уклада, например в России до 1917 г. М.Н. Покровский указал на то, что абсолютизм до 1905 г. существовал в основном на базе торгового капитализма, а с этого времени в некотором компромиссе с промышленным капиталом.

Абсолютизм удержался именно в ней дольше, чем в других европейских странах по следующим причинам: 1) быстрый и неровный ход экономического развития; 2) диспропорции в структуре экономики (наличие передовых и отсталых регионов в плане развития капитализма); 3) большие возможности для распространения русских на новые территории. Эти факторы не столько относились к торговому капитализму, сколько сходным образом влияли и на него тоже. Кроме того, вступление России в стадию империализма, по мнению учёного, даже в какой-то мере укрепило абсолютизм³⁰⁹, так как в этот период роль государства в экономике возрастает. Попытки промышленного капитала «европеизировать» Россию, то есть сделать её полностью капиталистической страной, оставались безуспешными. Но домонополистический промышленный капитал всё же тяготеет к ограниченной монархии.

Таким образом, М.Н. Покровский однозначно трактовал абсолютизм как монархию эпохи торгового капитализма. Вместе с тем он показал широкий спектр процессов и явлений, имевших отношение к данной разновидности политического режима и в равной мере свойственных торговому капитализму.

Если же под абсолютизмом понимать не только политическую надстройку, но и особый период в развитии феодализма, то в этом случае он вытесняет «торговый капитализм», превращаясь в этап эволюции феодальной формации. Такая замена терминов вряд ли уместна. Ведь «абсолютизм», указывая на тот экономи-

ческий фундамент, на который опирается абсолютная монархия, никак его не характеризует. В связи с этим, термин «торговый капитализм» при всей своей уязвимости экономически более конкретен.

Применительно к личностям императоров Александра I и Александра II учёный показал, какие силы в их царствования были опорой проводимой самодержавием политики. Александр I в начале своего правления опирался на крупную знать. Историк указал её торгово-капиталистический признак: Англия была главной потребительницей товаров из их имений и главной поставщицей предметов роскоши для них. После поражения в войне с Наполеоном и присоединения к континентальной блокаде русский император эту опору утратил, но приобрёл новую в лице части бюрократии и промышленной буржуазии. Разрыв с Англией и резкое сокращение внешней торговли привели к тому, что против него выступил весь торговый капитал, точнее, все субъекты торгового капитализма. Это создало для Александра I большие проблемы, так как торговый капитал составлял основную экономическую силу эпохи, а «новорождённая» промышленная буржуазия была ещё очень слаба. В результате император вынужден был примириться со знатью, символом чего была отставка М.М. Сперанского.

Политику Александра I после 1815 г. учёный обозначил как поворот к реакции, вызванный тремя обстоятельствами, из которых только одно было связано с торговым капитализмом: слабость недворянского «элемента»³¹⁰, под которым, видимо, подразумевались купцы и фабриканты. Иными словами, именно дворяне в первой четверти XIX века были основными представителями и торгового капитализма, и товарного хозяйства.

Нетрудно заметить, что все эти социальные комбинации были лишь конкретизацией в целом продворянской политики самодержавия. Поправка на торговый капитализм здесь уместна лишь в том смысле, когда какой-нибудь богатый купец, как правило, в соответствующей иерархии стоял много выше мелкого провинциального дворянина.

В отношении Александра II М.Н. Покровский заметил, что поражение в Крымской войне настроило против него правящие круги (видимо, высшую бюрократию), дворянство и буржуазию.

Для того, чтобы вернуть их поддержку, ему пришлось принять быстрые и радикальные для самодержавной России меры, которыми и явились проведённые им в 1860-е гг. реформы. По характеру и методам освобождение крестьян было осуществлено по консервативному сценарию, однако вкупе с внешнеполитическими успехами был получен искомый результат. Дворянство и буржуазия «приветствовали» новое царствование³¹¹. Следовательно, Александр II в отличие от Александра I склонялся не к маневрированию между ведущими общественными силами, а к обеспечению поддержки со стороны максимально широкого их круга. По косвенным признакам мы видим, что в рамках этого расклада торговый капитализм стоял на первом месте, а промышленный на втором.

В 1927 г. М.Н. Покровский продолжил работу над статьями для Большой советской энциклопедии, заинтересовавшись прежде всего социальным аспектом русской истории. Речь идёт о боярстве, дворянстве и буржуазии. Боярство учёный рассматривал как командующий общественный слой, характеризующийся двумя основными признаками, одним из которых было обладание крупным земельным имуществом – вотчинами. Таким образом, мы видим, что на этом уровне оно с натуральным хозяйством не связывалось: здесь ничего не сказано о том, что вотчины не могут быть товарными. Однако в дальнейшем учёный придерживался той мысли, что восходящая стадия развития вотчины, включая её становление и распространение, приходилась именно на период господства натурального хозяйства. Такая вотчина возобладала в эпоху монголо-татарского ига. Князья получали оброк натурой. Его собирали княжеские управляющие – бояре. Получение боярами максимальных в русской истории иммунитетных прав, появление Боярской думы, складывание системы кормлений означало возникновение законченного типа русского феодализма, даже внешне напоминающего западноевропейский. Правда, здесь всё-таки неясно, к XV веку, по М.Н. Покровскому, завершился процесс становления феодализма, произошло его утверждение или уже имел место зрелый феодализм? Князей и бояр XIII–XV веков учёный строго и однозначно называет феодалами³¹².

Мы бы ошиблись, если бы поспешили совершенно отделить боярство от торгового капитализма. При нём оно играло две

роли: получателя выгод и пострадавшей стороны. Первая роль особенно удалась новгородскому боярству. Боярский совет («триста золотых поясов») был там верховной властью, держал в кабале многочисленное купечество, под которым понимались торговцы ремесленного типа – своего рода антагонизм между крупным капиталом и посадскими. Материальной базой боярства были крупные промысловые вотчины, если и не производившие, то добывавшие, несомненно, товар. Следовательно, речь идёт уже о хозяйстве предпринимательского типа. Складывается впечатление, что в Новгородской земле мы сталкиваемся с настоящей системой торгового капитализма, причём прямо во главе с боярами. И это до XVI века. А что же Москва? По словам историка, в экономике Московского государства одновременно с Новгородом шли сходные процессы развития в сторону рынка. Если во второй половине XV века в самой Москве и её округе простое товарное производство уже возобладало, то за их пределами по-прежнему довлело натуральное хозяйство. Образование единого Русского государства дало громадный толчок развитию денежного хозяйства и товарных отношений. Подобного рода тенденции усиливались и в дальнейшем, создав во второй половине XVI века зачатки торгового капитализма³¹³. Примечательно, что эта эволюция связывалась М.Н. Покровским именно с ростом товарности феодального хозяйства. Впрочем, здесь учёный столкнулся с затруднением, не преодоленным и современной наукой. Понятно, что в XVI веке более или менее рыночное хозяйство перестало быть единичным явлением, охватив определённую, пусть и небольшую, группу владений. Однако мы не можем сказать, насколько значительной должна быть подобная группа для того, чтобы констатировать наличие торгового капитализма в деревне, и, соответственно, когда она появилась в России.

По мнению историка, боярская вотчина Московского государства в XVI веке плохо приспособлялась к рыночным условиям, по-прежнему держалась натурального хозяйства. В результате удельный вес вотчин в структуре феодального землевладения падал, что, естественно, подрывало и политические позиции бояр. Инициативу у них перехватили, с одной стороны, старые соперники – монастыри, а с другой – более молодое поднимающееся по-

местье. Дело тут, скорее, заключалось в том, что *старым* вотчинам необходимо было перестраиваться, для чего требовались значительные средства, а *новые* поместья могли изначально приноровиться к рынку и денежным отношениям, практикуя более высокую эксплуатацию крестьян, заводя крупную барщину и т. д. В этом подходе есть своя логика. К сожалению, М.Н. Покровский здесь был предельно категоричен: «В мелком поместье и крупной феодальной вотчине мы имеем два типа хозяйства – новый и старый, экономически прогрессивный и экономически отсталый для своего времени». Кроме того, народившаяся буржуазия дала отпор произволу кормленщиков. В итоге политическое господство боярства пришло в противоречие с падением его экономического веса.

Для приведения политической составляющей в соответствие с экономической и потребовалась дворянско-посадская революция в виде опричнины. Причина, как видим, однозначно торгово-капиталистическая. Торговый капитализм не столько уничтожил тип хозяйства, степень «рыночности» которого была ниже средней, сколько лишил его какого-либо экономического и политического влияния. Как бы то ни было, союзники изрядно поживились за счёт боярских вотчин. М.Н. Покровский в связи с этим нашёл в опричной России черты абсолютизма: постоянное войско, чиновничество и денежное хозяйство. Значит, на счёт боярства заявил о себе и третий социальный сегмент торгового капитала – самодержавное государство. Заметим, что в разных своих работах на примере Новгорода, да и Руси XVI–XVII веков учёный адекватно представил предпринимательский тип русского боярина. Точнее было бы показать, что бояре и дворяне внутри своих сословий не были едины по отношению к рынку. Было бы поспешным трактовать события конца XVI века в России как однозначную победу дворянства над боярством, ибо в XVII веке, по словам самого М.Н. Покровского, борьба внутри господствующего класса продолжалась. Вероятно, генезис торгового капитализма и формирование абсолютной монархии в России в концепции ученого совпадали не только хронологически, но и содержательно.

Накануне Смуты позиции боярства были относительно слабыми. Не случайно, оно даже вынуждено было подчиниться буржуазному царю Василия Шуйскому. В этом пункте историк из-

рядно «спрямил» довольно извилистый путь, пройденный боярами в конце XVI – начале XVII века, известный в том числе по его произведениям. Но дворянство свергло Шуйского, оказавшись на тот момент сильнее и боярства, и буржуазии. И здесь выяснилось, что возможности боярства ещё велики: именно оно приводит к власти своего кандидата Владислава, создаёт свою политическую программу и даже стремится к восстановлению доопричных порядков. Хотя боярство вновь терпит поражение, оно настолько сильно, что дворянство и буржуазия идут с ним на компромисс. Тут возможны два объяснения: самое простое – ситуативное со ссылкой на хаос Смутного времени и тому подобное; более сложное – признание того, что вотчина также приспособилась к торговому капитализму, некоторые крупные вотчинники стали его субъектами. В более обстоятельных работах учёного были задействованы оба варианта. В XVII веке после Смуты позиции боярства в целом опять ослабевают. Отмена местничества положила ему конец как корпорации, сословию. Здесь М.Н. Покровский вновь отвлёкся от «частностей», также известных по его же работам, например о возрождении боярства в условиях восстановительного периода.

Учёный одновременно трактовал феодализм и как систему общественного производства, и как «старый», ранний, «нерыночный» феодализм, по сути дела этап развития этого строя. К концу XVI века от феодализма в последнем смысле «оставались только формы», к концу следующего столетия «от него уцелели только названия». С утверждением абсолютизма власть в стране перешла от боярства к чиновничеству. Всё это произошло благодаря торговому капитализму. Кто же был в это время в России господствующим (правлящим) классом, сословием? Историка, видимо, не оставляли определённые колебания. М.Н. Покровский, назвав боярство командующим слоем, констатировал, что оно являлось таковым до XVII века то ли включительно, то ли исключительно³¹⁴. Кстати, учёный так построил свою характеристику боярства, чтобы по возможности избежать его деления на мелкое и крупное, владельцев вотчин и членов Боярской думы, хотя в большей степени он писал о крупных землевладельцах – вотчинниках, старой феодальной знати. Феодализм в узком смысле этого слова

стал для историка периодом наиболее полного господства натурального хозяйства в его самых консервативных формах. Если так, то ему на смену неизбежно должна была прийти какая-то другая экономическая и политическая модель.

Под буржуазией М.Н. Покровский понимал профессиональных купцов и ростовщиков и применительно к XIX веку – промышленных капиталистов, а шире – горожан, занимавшихся производством и обменом товаров. Буржуазия гораздо старше капитализма. До него она прошла длинный путь своего становления в качестве общественного класса. Купцы как крупные организаторы торговли известны на Руси с X века. В XII–XIII веках в Киеве и Новгороде социально сплочённое купечество имеет своеобразное военное устройство. В Новгороде мы видим следующую стадию его эволюции – купеческие гильдии. Правда, историк и здесь оговорился, что землевладельческая знать Новгорода эксплуатировала купцов через ростовщичество. Следовательно, в основной своей массе буржуазия того времени была классом «не выше среднего». А что же в Москве? Уже в XIV веке там обосновалась корпорация гёнуэзских торговцев – «сурожан». В XV веке складывается и местная буржуазия, правда, её состав, структура пока оставались во многом неясными. М.Н. Покровский судит о её наличии по внешним признакам: в московской политике просматриваются торговые интересы, борьба за Новгород окрашена в буржуазные тона, ведутся колониальные войны. В XVI веке всё это охватывает уже основные направления внешней политики. Но применительно к этому веку историк замечает, что влияние буржуазии на внутреннюю политику не менее сильно. Именно тогда буржуазия приобрела черты класса, имеющего сложную структуру: «гости», «гостиная и суконная сотни», «чёрные сотни» (мелкие лавочники и ремесленники). Очевидно, такая буржуазия состоит из субъектов и объектов торгового капитализма. Не обходится без фактического обоснования, не ограничивающегося косвенными данными: с возванием к буржуазии обращается Иван IV Грозный, крупные купцы получают субсидии от казны, завязываются прочные торговые сношения с Англией. В конце XVI века «гости» самостоятельно входят в большую политику. Своего максимума для московской эпохи влияние буржуазии достигает в начале XVII века при Василии Шуйском.

Однако затем в поступательном движении буржуазии, а точнее её высших разрядов, к вершинам власти происходит сбой. В годы Смуты в городах развернулась классовая война между купечеством и ремесленно-чернорабочей массой. Всё-таки М.Н. Покровский, вероятно, отделял от низшего слоя буржуазии тех горожан, которые либо не работали на рынок, либо вообще не имели своего хозяйства. Это вынудило могущественную буржуазию перейти на сторону контрреволюции и найти компромисс с боярами и дворянами. Но данное отступление оказалось не последним: Смута нанесла тяжёлый удар по национальной экономике. Процесс первоначального накопления замедлился. Хозяйственный кризис оказал неоднозначное воздействие на буржуазию. Её низший слой серьёзно пострадал, а вот высший даже преуспел в деле концентрации капитала. В XVII веке укрепление позиций буржуазии, видимо, возобновилось, но шло без особого динамизма, так как восстановительный период затянулся едва ли не на весь этот век³¹⁵. Здесь историк явно поторопился с переходом. Согласно его схеме, крупная буржуазия во второй половине XVII века очевидно преуспевала, утвердился торговый капитализм. Вместе с тем нельзя не признать, что запустение в некоторых районах страны действительно было преодолено только к концу XVII века. Парадокс в том, что подъём рыночной экономики, увеличение её рыночной составляющей сочетались с большими трудностями и задержками в процессе возрождения производственного потенциала в районах старого хозяйственного освоения, а это не могло остаться совершенно без последствий.

Новая волна подъёма буржуазии пришлась на Петровскую эпоху. Во внешней политике ничего нового: в ней по-прежнему царит торговый капитал. А вот во внутренней впервые со времён Смуты буржуазия получает рычаги власти: высокие государственные должности, «ратуша» и т. п. Но здесь опять происходит срыв по двум причинам: тактической и стратегической. Первая состоит в том, что Петровские реформы слишком дорого обошлись России, последствия ее сказывались до середины XVIII века. Понятно, что для буржуазии это вполне преодолимо: со временем хозяйство восстановится и т. д. Хуже обстояло дело с другой причиной. Во внутренней торговле, сильно развившейся в XVII веке

и продолжавшей развиваться в XVIII, особенно в связи с быстрым ростом Москвы и Петербурга, купца обошёл его «счастливый конкурент» – помещик, который всё чаще самостоятельно действовал на рынке. Хуже того, за ним последовал его крепостной крестьянин. Ещё больший перевес помещик имел в сфере промышленного предпринимательства, так как он имел резервную армию крепостного труда. Он создавал не только мануфактуру, но и кустарное (крестьянское мелкотоварное) производство. Главным источником первоначального накопления оставалась феодальная рента. Всё это повлияло и на градацию самого купечества: его верхи оторвались от массы дальше, чем когда-либо ранее, они ближе к дворянству, чем к ней. Напротив, эта последняя находится в «опозиции» к государству торгового капитала и во многом смыкается с трудящимися. Таким образом, произошла поляризация социальных групп внутри средневековой буржуазии. Обе эти группы смыкались с противостоящими друг другу классами феодального общества. В довершение по русской буржуазии был нанесён ещё один удар. За XVII–XVIII века английский, голландский и французский капитализм сделали такие громадные успехи, что старомодный отечественный торговый капитал проигрывал им в конкурентной борьбе: России не удалось создать своего торгового флота, её внешняя торговля в большой мере находилась в руках иностранцев. В результате национальная буржуазия не только слабо присутствовала на европейских рынках, но и внутри страны самые «лакомые куски» проходили мимо неё. Многочисленные слабости русской буржуазии предопределили её крайнюю заинтересованность, сравнительно с западноевропейской, в государственной поддержке и более подчинённое положение по отношению к государству³¹⁶. Торговый капитализм XVII века в XVIII выработал свой ресурс и стал медленно превращаться в анахронизм.

По мнению учёного, поправить положение буржуазии могло только появление промышленного капитализма. И напрасно. При всех изменениях соотношения сил внутри торгового капитализма городская буржуазия всё-таки количественно росла. Факты этого рода были историку известны. Могло сложиться ложное впечатление о закате торговой буржуазии в России. И в анализируемой статье М.Н. Покровский отметил выгодную для буржуа-

зии экономическую политику самодержавия, привлечение гостей для осуществления казённых торговых монополий и сбора налогов, выдающуюся роль системы предоставлявшихся государством откупов. Напоминание о внешней политике было бы даже излишним. Первые текстильные фабрики, работавшие на свободный рынок, появились в начале XIX века, но пока без особых последствий для социальной роли буржуазии. При Николае I мы имеем дело уже с молодым промышленным капитализмом: в его интересах проводится таможенная политика, ведётся борьба за рынки. Значит, дела буржуазии пошли в гору. Однако историк не забывает напомнить, что торговый капитализм в общем и целом господствовал. Он использует понятие «феодальный строй» как его синоним. Почему? Промышленный капитализм не сталкивался с торговым капиталом напрямую. Ведь собственно торговый капитал ему, по большому счёту, не мешал. К числу помех относились в основном крепостнические элементы: узость рынка наёмной рабочей силы, дороговизна наёмного труда, тормозившее рост внутреннего рынка разорение крестьянина, его откат к натуральному хозяйству.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости самими феодалами привело к колоссальному росту торговой буржуазии, даже в большей степени, чем промышленной: невиданную ранее динамику приобрела внутренняя торговля, беспрецедентно растёт хлебный экспорт. Не забыл М.Н. Покровский и о прежних небуржуазных «передовиках» торгового капитализма. Он указал на передовые группы землевладельцев XIX века, переходящих к предпринимательству, но предостерег против того, чтобы на этом основании заключать об утрате ими феодальных черт. И после 1861 г. получившиеся из них «аграрные капиталисты» «прусского» образца не отказались от остатков крепостничества. Когда же опять промышленная буржуазия стала играть на опережение? Не ранее начала XX века, да и то с оговорками. На протяжении трёх четвертей XIX века промышленный капитализм существует, но не определяет основную линию развития народного хозяйства. В заключение историк заметил, что период господства промышленного капитализма в России был особенно короток³¹⁷. Понятно, что речь идёт только о десяти – пятнадцати годах начала XX века. Осо-

бенности явления таковы, что вряд ли имеет смысл передвигать эти границы в ту или иную сторону, тем более искать какой-то конкретный год начала капиталистической формации. Парадокс промышленного капитализма состоял в том, что нельзя было уничтожить феодальную систему, не погубив самодержавие, а этого последнего буржуазия как раз и не хотела.

Отсутствие частых упоминаний о торговом капитализме в статье М.Н. Покровского о буржуазии вполне оправдано, ибо она была целиком торгово-капиталистическим институтом, находилась внутри соответствующего процесса. К ней нельзя было относиться как к чему-то развивающемуся под влиянием торгового капитала. Их трудно разделить. Эволюция буржуазии очевидно происходила в рамках эпохи торгового капитализма.

Бюрократию историк понимал как замкнутую корпорацию, члены которой непосредственно занимаются государственным управлением, то есть она была для учёного своего рода и не менее чем сословием. Не было ли для М.Н. Покровского государство собственностью бюрократии? Он дал здесь более осторожный ответ. Во-первых, для бюрократии государство выступает в качестве самостоятельной сущности. Во-вторых, она присваивает государству свои цели, пытается навязать ему свои приоритеты. Это не ставит под сомнение классовую природу государства.

По мнению учёного, бюрократия появляется в торгово-капиталистическом государстве с закреплённой массой, денежным хозяйством, а также представляет собой аппарат абсолютизма. Следовательно, она складывается в определённую корпорацию где-то в едва просматриваемом промежутке между возникновением торгового капитализма и абсолютизма. Но дело не только в них. Так, зачаточную форму бюрократии даёт крепостное имение конца XVIII – начала XIX века. Здесь нечему удивляться. Как известно, оно присваивало некоторые установления наличествовавшего в ту эпоху «большого» государства, конечно с задержкой во времени. Но и это ещё не всё. Для формирования бюрократии необходимы достаточно сложное общественное устройство, его разделение на классы, значительная оторванность власти от масс, что было как минимум торговым капитализмом, как максимум при торговом капитализме. Не случайно данную последовательность историк им и завершает³¹⁸.

Что же происходило со становлением бюрократии в России в хронологической привязке? Роль бюрократии в XVI веке усиливалась по мере роста денежного хозяйства и появления торгового капитала. Об этом свидетельствует огромное влияние дьяков в стране, начиная с эпохи Грозного. Кстати, сами они являлись субъектами торгового капитала, так как были причастны к крупной торговле. Их противниками была знать. Её представители ранее управляли государством, не будучи бюрократами. Отношения с дворянством были более сложными. Во всяком случае, дворяне сами пытались примкнуть к бюрократии. Короче говоря, происходило сращивание торгового капитала и бюрократии, которая находилась пока ещё в зачаточной форме.

В XVII веке рост бюрократии сильно ускорился по причине расцвета молодого торгового капитализма. Это указание примечательно тем, что М.Н. Покровский выделил первую стадию торгового капитализма, предусмотрев возможность её разделения, в свою очередь, на несколько этапов. Видимо, середина этой стадии пришлась примерно на середину и последнюю треть XVII века. Именно тогда бюрократия получила полный контроль над центральными органами власти. Появились учреждения, изначально являвшиеся бюрократическими.

Впрочем, настоящая бюрократия оформилась только в Петровскую эпоху. В каком смысле? Историк отметил, что этот царь был первым абсолютным монархом европейского типа в России, то есть не считал себя связанным с традициями феодального общества (речь, видимо, опять о «старом» феодализме). Следовательно, имелось в виду не появление бюрократической корпорации, а приведение её в соответствие с образцами, считавшимися тогда современными. Новые бюрократические учреждения, появившиеся при Петре, носили прямо буржуазный характер, так как комплектовались они в том числе из лиц купеческо-посадского происхождения и занимались государственным и личным предпринимательством. Примечательно, что бюрократ занимался торгово-капиталистической деятельностью не только по должности, но и в своих частных интересах. Бюрократия стала важнейшим орудием проведения экономической политики государства. Она служила также первоначальному накоплению, так как способст-

вовала понижению благосостояния народа. Понятно, что бюрократический аппарат собирает налоги жёстче и в большем объёме (выколачивание недоимок и т. п.). Под его воздействием податные сословия в некоторой своей части разорялись, во всяком случае, материальные ценности перемещались снизу вверх.

М.Н. Покровский, видимо, попытался предостеречь от возможного преувеличения уровня торгово-капиталистического развития петровской России. Так, реформы Петра призваны были создать систему более рациональной эксплуатации народного труда «на пользу зарождающемуся капитализму»³¹⁹. Такую постановку вопроса нельзя понять иначе как через призму генезиса капитализма. Ведь торговый капитализм в это время уже существовал, а до возникновения промышленного было ещё далеко: «практически русский режим XVIII века был более вотчинным, чем прусский или австрийский». Впрочем, регулярное государство Петра I, по мнению учёного, не состоялось потому, что размах отечественного капитализма (видимо, торгового) был более широким, чем результаты государственного строительства, то есть экономическое развитие России опережало её политическое развитие.

Бюрократия середины XVIII века «остановилась», даже отступила к реалиям XVII века, что явилось полным отражением стагнации русского капитализма. Очередной её подъём был вызван следующим ускорением экономического развития на рубеже XVIII–XIX веков, отмеченным новым размахом торгового капитализма, но теперь уже и возникновением машинной индустрии. Расцвет бюрократии эпохи абсолютизма пришёлся на царствование Николая I по причине появления в отечественной промышленности своего рода капиталистического уклада. Однако за реформами 1860-х гг. бюрократию ждал ещё более блестящий успех. Она была обязана этим новому подъёму капитализма (на этот раз, видимо, взаимосвязанно промышленного и торгового), вызванному расширением внутреннего рынка под влиянием частичного раскрепощения крестьян, постройки железных дорог и т. п. Да и сами реформы проводились бюрократией, что не могло не повысить её значение³²⁰.

Российская бюрократия в своём развитии строго шла по пути торгового капитализма, повторяя все его подъёмы и спуски, из-

гибы и ухабы. М.Н. Покровский в гораздо большей степени подчеркнул связь бюрократии с торговым капиталом, нежели буржуазии. Почему? Во-первых, принадлежность того или иного бюрократического подразделения к данной системе не столь очевидна, тем более для поверхностного наблюдателя. На практике бюрократия могла бестрепетно функционировать в соответствии с нормами торгового капитализма даже без оглядки на государство. Вместе с тем между бюрократией и торговым капитализмом была некоторая дистанция хотя бы потому, что функции любого государства объективно выходят за рамки нужд торгового капитализма.

В 1927 г. М.Н. Покровский не только в полной мере сохранил приверженность своей концепции торгового капитализма, но отстаивал её даже более энергично, чем ранее. Чем это было вызвано? В предыдущий период учёный уже привёл много аргументов в пользу этой концепции, которые вроде бы должны были прояснить ситуацию, успокоить «сомневающих» и т. п. Однако вопрос с торговым капитализмом закрыт не был. Негативное отношение, по крайней мере, к отдельным её аспектам перестало носить единичный характер. Впрочем, нельзя сказать, что противники торгового капитализма образовали какой-то широкий фронт. Активность М.Н. Покровского на данном направлении, видимо, определялась слабостью научных позиций его оппонентов. Полемизировали они с учителем в основном в разного рода дискуссиях, на учебных мероприятиях: докладах, обсуждениях, прениях, создававших общий фон, разговорах и т. д. Не было не только монографий, но и сколько-нибудь обстоятельных статей, специально посвящённых опровержению концепции торгового капитализма. Как известно, подлинно научной победы в научном споре нельзя добиться при помощи только лишь выражения «мнений», отвлечённых рассуждений, выводов, пусть и верных, *по отдельным* вопросам. Более того, оппоненты историка фактически, а не декларативно ставили вопрос, скорее, не об отказе от всей концепции, а о её реформировании. Для этого в самой системе торгового капитализма можно было поднять удельный вес феодального способа производства хотя бы на уровне терминологии или расширить рамки промышленного капитализма. Но в таком случае пришлось бы «не замечать» пояснения самого М.Н. Покров-

ского, дававшиеся им применительно к различным сторонам его схемы.

Историк выступил против изображения Московской Руси как страны «исключительно чистого натурального хозяйства». На основании источников он фиксирует факты наличия рыночных отношений в ней в XIV–XV веках, хотя, похоже, соглашается с тем, что такое хозяйство пока всё же преобладало. По признанию учёного, «большие остатки натурального хозяйства» существовали в России и в XVI веке. Впрочем, по сравнению с Западной Европой она была отсталой, то есть подобного рода хозяйств в ней было больше. Конечно, натуральное хозяйство не является безобменным и, в силу этого, вряд ли может быть совсем исключено из контекста. М.Н. Покровский лишь констатировал наличие такого хозяйства, не указав его масштабы. Разумеется, и в XVI веке оно преобладало, а отнюдь не представляло собой остаточного явления. Правда, следует иметь в виду, что, кроме натурального и товарного хозяйств, существуют их переходные формы. Натуральное хозяйство может очень долго двигаться навстречу рынку, оставаясь самим собой. Мера его связи с рынком может быть весьма изменчивой. Эти обстоятельства не всегда «проговариваются» историком, хотя и «вписываются» в концепцию торгового капитализма.

Учёный подверг критике молодого историка-марксиста А.И. Мальшева за его тезис о подъёме крепостного хозяйства в России во второй половине XVII века. По мнению М.Н. Покровского, крепостничество распространялось вширь, намного опережая интенсификацию крепостного хозяйства. Эта «кристаллизация» крепостничества продолжалась полтора столетия после Смуты³²¹. По сути, М.Н. Покровский писал преимущественно о количественном, а не о качественном его росте. Возможно, он опасался преждевременного изобретения какой-нибудь «хлебной фабрики» ещё на заре крепостного строя. Не случайно учёный возражал против преувеличения разделения города и деревни применительно к России XVI–XVII веков. Рынок тогда связывал небольшую хозяйственную округу. Ведь он вырастал в основном за счёт общественного разделения труда людей, занятых преимущественно промышленным и сельскохозяйственным трудом. Но в XVII веке дифференциация населения, по словам историка, была никакой. Она сделала крупный шаг вперёд только в конце XVIII – начале XIX

века, свидетельством чему возникновение крупной, вероятно некрепостной, промышленности. Более того, именно крепостное право мешало появлению большого количества свободных рабочих. Внешний рынок также помогал слабо. Он не мог вызвать серьёзных хозяйственных перемен. Главными поставщиками хлеба на мировой рынок были Польша, Остзейские губернии и Пруссия. Россия присоединилась к ним во второй половине XVIII века.

После сказанного, казалось бы, приходится усомниться в существовании торгового капитализма, по крайней мере, до середины этого века. Однако в данном случае перечисленные факторы были соотнесены со всем массивом крепостного хозяйства. При этом торговый капитализм мог демонстрировать высокую динамику роста, а возможности трансформации крепостничества оставались весьма ограниченными. К тому же М.Н. Покровский фактически синхронизировал первые этапы существования торгового капитализма и крепостничества. Для него было важным указать на то, что расширение рынка и прогресс помещичьего хозяйства в России XVII–XVIII веков в целом были довольно медленными. В этом был свой резон. Некоторые читатели могли поверхностно и поспешно истолковать концепцию торгового капитализма в «модернизаторском» духе в том смысле, что тогда в стране сложился национальный рынок, капитал стал основным общественным отношением и т. п. Вместе с тем учёный предостерег против другой крайности, отметив, что первоначальное накопление «шло сравнительно очень быстро», но только во второй половине XVIII века «мы имеем колоссальную концентрацию капитала в одних руках». Стратегически крепостное право было использовано для перехода от натурального хозяйства к товарному. Как видим, М.Н. Покровский всё время пытается сопоставлять, сравнивать элементы торгового капитализма на различных этапах русской истории. Например, важно понять, насколько денежное хозяйство было рыночным, допустим, в начале XVII века и в середине XVIII века, насколько большая дистанция была им пройдена. И тут следовало сказать, что на протяжении примерно двух столетий истории России в ней был один и тот же торговый капитализм.

Историк признавал, что он слабо показал возникновение крепостного права, сославшись на влияние буржуазных историков, на исследования которых он вынужденно опирался. Теперь нача-

ло процесса закрепощения он предложил датировать XI–XII веками, а его утверждение – XVI веком³²². Получается, что зарождение крепостничества происходило одновременно со становлением феодализма, который изначально формировался в этом виде. Вряд ли данную версию можно принять. Кроме того, она противоречит основным курсам М.Н. Покровского и тому, что он писал в 1927 г., когда относил «кристаллизацию» крепостничества к XVII веку, а саму эту систему по-прежнему считал утилизацией торговым капиталом остатков старого феодализма («феодалного права, феодального режима»). Правда, историк предложил следующий вариант сочетания торгового капитализма и феодализма в крепостничестве: крепостническое хозяйство проходит по линии торгового капитализма, а крепостное право – «это, конечно, старые феодальные формы, возникшие ещё в докапиталистическое время». Однако эта идея, видимо, показалась М.Н. Покровскому несколько уязвимой. Он добавил, что крепостничество как хозяйство было связано ещё и с усилением интенсификации барщины, а эта последняя была натуральной повинностью крестьян. Однако мы помним, что «самым типичным производением торгового капитализма» были самые что ни на есть докапиталистические системы производства, вроде американских рабовладельческих плантаций. «Естественно было в этих условиях взять то, что давало старое феодальное хозяйство и использовать для нового».

Учёный задался вопросом: почему в России, в отличие от некоторых других европейских стран, победило помещичье хозяйство с крепостнической системой, а не постепенно эмансипирующееся от феодализма крестьянское? Его ответ сводился к тому, что эта система была нужна не только помещикам, но и торговому капиталу, которые объединились в достижении общей цели.

Будучи вынужденным бороться с «молодёжью», поднаторевшей в социологии общественных форм, М.Н. Покровский вынужден был сообразовывать свои «старые» изыскания с новыми научными веяниями. Иногда, особенно в очных дискуссиях, у историка встречались определённые передержки, поспешные, не «отточенные» высказывания, что создавало известную путаницу. Поскольку советская марксистская наука переживала ранний этап своей эволюции, постольку многое в ней ещё не «устоялось», на-

ходилось в состоянии перманентных изменений. Сделанное приходилось тут же пересматривать. М.Н. Покровскому и его ученикам было бы гораздо проще работать, если бы им был заранее известен результат, например, в виде некоего перечня закрепившихся в науке терминов и другого, что невозможно. Признавая классиков марксизма своими главными учителями и «путеводными звёздами» в истории, учёный порой беседовал с молодыми «красными профессорами» на доступном им уровне: «Я прекрасно знаю еретичность своей теории, относительно обычного изложения русской истории, спросил специально Ильича – а как насчёт торгового капитализма – это марксистская постановка? – Ленин посмотрел и говорит: конечно, марксистская, что же тут не марксистского? Те, кто читал 3-й том "Капитала", прекрасно знают, что там можно найти целый ряд цитат, которые дают ту же самую формулировку, только применительно к Западной Европе». «Молодёжь» была сориентирована на хорошо освоенное дело: поиск цитат в сочинениях классиков и сопоставление терминов. Возможно, М.Н. Покровскому казалось, что и на этом незамысловатом уровне вопрос о торговом капитале решится в его пользу. Материала для этого в их работах было предостаточно. По мнению историка, «невозможно ограничивать или критиковать как-нибудь те положения Ленина, которые составляют интегральную часть ленинизма. Но это не значит, что нельзя критиковать отдельных фактических утверждений Ленина»³²³. Главное здесь заключается всё-таки в том, что ленинские положения так или иначе могут быть объектами критики, каких-то сомнений и т. п. Историческая наука, в том числе марксистская, естественно, идёт вперёд, развивается. В ней накапливается всё больше такого, о чём классики просто не писали. Надо было защитить искателей нового от того, что их открытия невозможно будет «вычитать» у К. Маркса. Вывод из зоны критики марксистской теории истории, – вероятно, дань времени. Иначе М.Н. Покровский был бы не понят своими учениками, которые, конечно, в большей степени были учениками своей эпохи, конкретнее говоря, большевистской партии, к счастью, в истории менее всего, но в области ленинизма в полной мере.

Как известно, учёный в своей концепции торгового капитализма и отечественной истории в целом сосредоточивал своё вни-

мание прежде всего на динамических факторах, фрагментах, сторонах общественной жизни. Он сам признавал данное обстоятельство и давал ему соответствующее объяснение. «Никакая чисто статическая характеристика в глазах марксиста цены не имеет, даже с узко практической точки зрения, ибо самая точная фотография сегодняшнего утра не будет вполне точна сегодня вечером и будет уже совсем не точна через неделю». Данная сентенция у нас возражения не вызывает. Ничего «чисто статического» в истории, видимо, нет. Некая констатация чего-либо исторического может быть верна лишь применительно к определённом участку исторического процесса как обобщение того, что было вчера, позавчера и неделю назад. При этом она может в меньшей степени соответствовать какому-то звену в этой цепочке. «Знать действительность означает знать, как она меняется и в каком направлении идёт изменение», поэтому предметом изучения должен быть «довольно большой промежуток времени». Затем мы прослеживаем «закономерность совершающихся перемен». Каждое историческое событие для М.Н. Покровского уже выступает в качестве изменения, меняющего всё, с чем оно соприкасается. Оно к чему-то ведёт, а результат не столько кристаллизуется, сколько «перетекает» в новое состояние.

В своём определении истории учёный отнюдь не «выпячивал» отношения обмена. Под «историей вообще» он понимал «объективную основу исторического процесса», а конкретнее – «историю хозяйства и непосредственно опирающуюся на неё историю классовых отношений»³²⁴.

Историк возражал против недооценки роли государства в истории. «Разве старая государственная власть не строила народное хозяйство по-своему? Конечно строила. И в этом пункте Троцкий прав, когда он указывает на громадную экономическую роль государства»³²⁵. Мы помним, что М.Н. Покровский отводил государству ведущую роль в системе торгового капитализма. Но даже более примечательна позитивная перекличка со старым оппонентом не когда-нибудь, а в 1927 г., сразу же после альтернативных демонстраций коммунистической оппозиции по случаю празднования десятилетия Октября. Вряд ли здесь присутствовала и политическая целесообразность. Военный коммунизм давно стал достоянием истории, а сталинская модернизация ещё не началась.

Делая наброски схемы отечественной истории к программе для комвузов, учёный выделяет «русский торговый капитализм», упоминая в связи с этим торговлю и её предметы. Следующим компонентом в схеме выступают внутренний и мировой рынки. Крепостное хозяйство он предлагает рассматривать как разновидность товарного (по нашему мнению, неправильно говорить о господстве товарного хозяйства до утверждения капиталистической формации). Целью крепостничества как системы является выжимание прибавочного продукта. Крестьянскую реформу 1861 г. историк квалифицировал как реорганизацию, а не ликвидацию крепостного хозяйства. Об этом свидетельствуют «прежнее разделение земли, остатки барщины (отработки), остатки оброка (аренда), выкупные платежи, приниженное правовое положение крестьянина». Но результатом реформы были возрастающая товаризация крестьянского хозяйства и классовое расслоение крестьянства. Неполное закрепощение крестьян вызывало задержки «в развитии нашей (преимущественно лёгкой) промышленности»³²⁶. М.Н. Покровского волновало, каким стало русское общество после реформ 1860-х гг. С одной стороны, крепостничества уже не было, с другой – капиталистический строй не появился. Простой ссылки на торговый капитализм недостаточно. Совершался глубочайший социально-экономический переворот капиталистического характера в посткрепостнической, полуфеодальной стране. На этот раз всё крестьянство «перерабатывалось» в классы капиталистического общества. Только продукты этой «переработки» получались разными, не только капиталистическими.

Историк признал, что не только открыл «роль торгового капитала во времена русского самодержавия», но и специально подчёркивал её, должно быть, для лучшего усвоения соответствующей концепции читающей публикой. Для таких вещей обычно требуются простота изложения, частота напоминания, опора на главное и т. п. Такой «торговый капитализм» был, конечно, не более чем базой для дальнейшего углублённого изучения темы. Исследователь оговорился, что крепостничество было не только торгово-капиталистическим учреждением, по-прежнему признавая в нём «громадную роль торгового капитала». Он отметил, что ранее напрасно изображал крепостное право XVI–XVII веков «как пря-

мой продукт торгового капитализма». «В настоящее время, имея более успокоившееся развитие», он согласился с тем, что «само по себе крепостное право было продуктом феодальной эпохи, которую использовал торговый капитал». Со ссылкой на Н.А. Бухарина, М.Н. Покровский указал, что имело место «своеобразное сращение торгового капитала с феодальными образованиями». В результате получается та система меркантилизма, о которой историку уже приходилось писать³²⁷. В принципе, учёный ничего не пересмотрел и даже не совсем понятно, за что он пытается извиниться. В его концепции торговый капитализм шире торговли, эксплуатирует докапиталистические способы производства и т. п. Однако здесь есть два любопытных аспекта.

Во-первых, М.Н. Покровский сам термин «феодализм» часто использовал для обозначения фактически одной из стадий феодальной формации – раннего феодализма. И хотя в последующей истории России он признавал способ производства также феодальным, распространение этого понятия на крепостническую эпоху было оправданным. Впрочем, повторимся, это запутывало не столько учёного, сколько читателей его работ. Во-вторых, историк подчеркнул, что крепостничество было «произведено» не торговым капиталом, а феодализмом, но под давлением торгового капитала. Нельзя забывать и о том, что не все крепостнические хозяйства были торгово-капиталистическими. Не случайно те из них, которые являлись таковыми, М.Н. Покровский пытался называть предприятиями. Систему соединения феодализма с торговым капиталом, о которой говорил учёный, трудно назвать иначе, нежели торговым капитализмом, хотя он вроде и старался что-то придумать. Он подметил двойственность предшествующего появлению капиталистической формации периода истории, устраняющуюся в процессе вытеснения натурального хозяйства товарным. Во главе этого процесса стоял торговый капитал, преимущество которого состояло в том, что период его преобладания среди других форм капитала оказался наиболее длительным и захватил весь этап генезиса капитализма. Капитализм «тянул» за собой феодализм, заставляя его доказывать свою историческую состоятельность. В результате развитие феодализма ускорялось, а сам он модернизировался в опасных для себя параметрах, тем самым приближаясь к своему краху.

По мнению учёного, кустарная промышленность связывала торговый капитализм с промышленным, видимо, в сфере лёгкой промышленности. Но и тяжёлая индустрия, исстари крепостническая, зародилась для обслуживания военных нужд, обусловленных торгово-капиталистической экспансией. Её переход к производству средств производства произошёл уже в пореформенный период под влиянием железнодорожного строительства и аграрного капитализма, для которого требовались сельскохозяйственные машины³²⁸. Если лёгкая промышленность была по сути торгово-капиталистической, то тяжёлая обслуживала торговый капитализм, а его влияние на неё становилось всё более опосредованным.

Без торгового капитализма в схеме М.Н. Покровского не обошёлся и империализм, поскольку к торговому капиталу имел отношение и банковский. Во-первых, многие банки обслуживали торговые операции, во-вторых, способствовали своеобразному объединению промышленного и торгового капитала, в-третьих, входили в капиталы соответствующих компаний³²⁹.

Изменчивость исторической концепции М.Н. Покровского, его колебания определялись не только внешними как общественно-политическими, так и связанными с ними научными условиями, но и собственными размышлениями учёного, тем, что он, естественно, не знал точных ответов на все вопросы. Как и всякий настоящий исследователь, он имел разные варианты решения научных проблем, в чём-то не был уверен. Приведём такой пример. К последней трети XIX – началу XX века М.Н. Покровский отнёс развитие промышленного капитализма и разложение, распад торгово-капиталистической системы. В то же время он регулярно отмечал выход торгового капитализма на новую, более высокую стадию развития как раз в этот период. Как же данные утверждения согласуются? На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Очевидно, что после крестьянской реформы разложение феодализма – производственной основы торгового капитализма – не только продолжилось, но и приобрело невиданные ранее масштабы демонтажа всей феодальной системы хозяйства. Однако это обстоятельство вовсе не означало экономического упадка. Напротив, производительные силы в рассматриваемый период в целом росли более динамично, чем в течение предшествующего столе-

тия. Кроме того, мелкое товаризирующееся хозяйство в городе и деревне вовсе не уходило с исторической сцены и даже двигалось вперёд в своём экономическом сегменте. Однако чтобы не допускать поверхностных толкований, необходимо было напоминать о неизменности «канонического»: в России конца XVIII – XIX веков имело место максимальное напряжение торгового капитализма, промышленный капитализм зародился в начале XIX века и т. п. Кроме того, историк осторожно замечал, что буржуазные реформы 1860-х гг. были лишь первым ударом по торговому капитализму, а его «нисхождение», видимо, состоялось ближе к XX веку. Примечательно, что учёный хронологически развёл разложение феодально-крепостнической системы и торгового капитализма на период приблизительно от пятидесяти до ста лет.

М.Н. Покровский провёл ряд пофазовых сопоставлений капиталистической эволюции Западной Европы и России. В первой из них эпоха первоначального накопления, перехода феодального общества в буржуазное имела место в XIV–XVI веках. Процесс завершился, видимо, торговым капитализмом в этом регионе в целом, а с учётом первой победившей революции эпохи капитализма в Нидерландах – и промышленным тоже. Аналогичный процесс наступления капиталистического хозяйства в форме торговоростовщического капитала в России наблюдался в XVII веке. То есть торговый капитализм развивался в первую очередь в сфере обмена и именно там занял командующее положение. Однако историк уточнил, что вышеуказанный период на Западе завершила всё-таки английская буржуазная революция. В России он закончился XVIII веком, видимо, если сравнивать со средневропейскими показателями. Учёный осознавал большую неравномерность развития различных стран в Европе. В одной и той же фазе эволюции находились Англия и Франция XIV века, Германия XVI века и Россия XVII века. М.Н. Покровский отрицательно относился к тому, чтобы какому-нибудь событию, происходившему в Западной Европе, непременно нужно было находить отечественный аналог в то же момент времени. «Я очень боюсь, что до вас дошли новые теории, которые самую пугачёвщину уподобляют французской революции. Это, конечно, совершенно нерациональное историческое объяснение». Её русской параллелью, по мнению историка, была

крестьянская реформа 1861 г., которая также была порождена промышленным капитализмом. Поскольку во Франции была именно революция, то и этот последний утвердился там полнее и быстрее³³⁰. Впрочем, победа Великой Французской революции означала такое поражение торгового капитализма, которое в России произошло никак не ранее первой русской революции.

М.Н. Покровский высказал ряд замечаний о торговом капитализме, рассматривая историографические вопросы. По его мнению, место буржуазной нации в многонациональной империи занял полуфеодальный, полукупеческий и вполне чиновничий правящий слой. Ведь каждый дворянин и крупный торговец, которые вели активную деятельность в обществе, занимали определённое место в иерархии власти. Он ещё раз пояснил, почему сторонники капиталистического развития в России поддерживали самодержавие. Поскольку царизм был торгово-капиталистическим учреждением, он мог служить орудием ликвидации феодализма, открывающим дорогу капитализму промышленному. Отсюда идея о том, что общество России создано государством, которое настолько сильно, что в состоянии осуществить любые перемены без всяких классов, революций и т. п. Но это, скорее, западническое направление исторической мысли. Славянофилы представляли тот помещичий лагерь, который был не вдохновлён, а, наоборот, встревожен теми масштабами, которые принял в стране торговый капитализм. Более последовательной негативистской реакцией на данное обстоятельство было творчество крестьянского идеолога А.П. Щапова. Крестьянство более всего страдало от наступления торгового капитализма. Схемы Н.А. Рожкова и Г.В. Плеханова М.Н. Покровский охарактеризовал как полумарксистские³³¹. Подробнее остановимся на А.П. Щапове и Н.А. Рожкове, которым он посвятил специальные публикации. Разумеется, нас будет интересовать торгово-капиталистический контекст деятельности этих учёных.

К середине XIX века М.Н. Покровский отнёс возникновение и окончательное оформление в России промышленного капитализма. Хотя чаще всего историк датировал появление промышленного капитализма началом XIX века. Как мы помним, он сам признавал свои колебания на этот счёт. Наиболее точным вариантом был бы конец XVIII века с его массивом текстильных капи-

талистических мануфактур. Не случайно он отмечал складывание промышленного капитализма в центральном экономическом районе, вокруг Москвы. Видимо, учёный видел и другие варианты: возникновение первых машинных предприятий, отчётливо заявивший о себе промышленный переворот. По крайней мере, за рамки очерченного диапазона М.Н. Покровский не выходил. Первым крупным промышленным мероприятием, сознательно и «добровольно» проведённым государством именно в интересах промышленного капитала, была жёсткая протекционистская программа 1822/3 г. Относительно позднее появление промышленного капитализма в России заставляло её перейти к обороне на Западе, а промышленному капиталу, как и торговому, доставалось одно и то же направление экспансии – Восток. Главную препону для завершения складывания всероссийского рынка, особенно рынка рабочей силы, учёный видел в крепостном праве. Конкретный вред промышленного капитализма для помещиков состоял в высоких таможенных пошлинах. Естественно, часть помещиков негодовала по поводу покровительства ему со стороны властей. Здесь вступали в противоречие капиталистическая перестройка сельского хозяйства, с одной стороны, и промышленности – с другой. Поднявшийся в середине XIX века промышленный капитализм также жил за счёт эксплуатации крестьян, как и его торговый «собрат»³³². Крестьянство оказалось под двойным гнётом, отдавая часть своего труда и помещику, и фабриканту. Всё это и послужило фоном для зарождения своеобразной крестьянской идеологии в России. Однако М.Н. Покровский недооценил быстрый рост крестьянского предпринимательства в конце XVIII – первой половине XIX века, которое зачастую производило больший эффект, чем дворянское.

В отношении Н.А. Рожкова М.Н. Покровский особо выделил его знаменитую работу «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.», отметив, что после него по данной теме никто не написал ничего лучше. Он солидаризировался с подходом этого автора к объяснению закрепощения крестьян через их обезземеливание. Оказывается, у М.Н. Покровского в освещении этого предмета были учителя, не страдавшие «юридическим фетишизмом».

Не заимствовал ли М.Н. Покровский концепцию торгового капитализма у «полумарксиста» Н.А. Рожкова? Вот что первый

писал на этот счёт. «У Н.А. мы встречаем массу отдельных мыслей, отдельных научных откровений, которые были развёрнуты в целые системы, в целые решения вопроса, в качестве таковых это вошло в железный инвентарь нашей марксистской концепции исторического процесса, но не с именем Рожкова, потому что разработал это не он, – он только первым бросил эти идеи». Значит, в лучшем случае М.Н. Покровский использовал идеи Н.А. Рожкова, но не столько даже заимствуя их, сколько используя как мысли, подталкивающие к определённым собственным выводам.

В каком отношении, по М.Н. Покровскому, Н.А. Рожков стоял к марксизму? Он привёл слова В.И. Ленина о своём коллеге, смысл которых сводился к тому, что последнему мешала стать марксистом без оговорок его непоследовательность, идейная неустойчивость. Он сбивался с марксистского пути, а потом возвращался на него. «Перед нами главным образом он выступал как автор больших, крупных исторических концепций, которые были далеко не безупречны в теоретическом отношении и в этом отношении навлекали на себя всякую критику, но которые были в высокой степени полезны тем, что они в необычайно ясной и популярной форме разносили марксизм по такой широкой арене, по которой редко кому удавалось его разносить»³³³. Раз «ухватившись» за какую-нибудь марксистскую идею, Н.А. Рожков умел нестандартно, творчески, пусть и теоретически «не идеально» её применять в многочисленных обобщающих работах, которые всегда имели в виду деятели «левого фланга» исторической науки.

Историки, изучавших торговый капитал, нужно судить не по отдельным, пусть ярким и содержательным, цитатам, а по общей исторической концепции, которой они придерживались. Отведение торговле и связанным с ней факторам существенного места в истории ещё не является признаком, позволяющим отнести того или иного историка к экономическим материалистам. Экономический материализм определяется в этой связи теоретической трактовкой соотношения производства и обмена. Иными словами, историк должен опираться на соответствующее политэкономическое объяснение их взаимодействия. В связи с этим бессмысленной является полемика между сторонниками феодализма и приверженцами торгового капитализма по поводу теоре-

тической возможности или невозможности последнего в том случае, если они стоят на марксистских позициях.

Рассматривая воззрения современного ему исследователя на пугачёвщину, М.Н. Покровский признал свои взгляды на данное явление, изложенные в «Русской истории с древнейших времён», в целом приемлемыми. Радикализм некоторых советских марксистов в данном вопросе учёный считал неуместным и нашёл, что в общих оценках этого движения наука недалеко ушла от его дореволюционных курсов, а в ряде случаев ушла туда, откуда требуется срочное возвращение к истокам. Цель пугачёвщины историк усматривал в ликвидации крепостного права, а точнее, эксплуатации крестьянина помещиком и фабрикантом³³⁴. Вероятно, для учёного это не означало желая крестьян перейти от феодализма к капитализму. Насколько можно понять в целеполагании восставших, действительно, их будущее капиталистическим не предполагалось. Однако, если теоретически прогнозировать успех восстания, он, несомненно, приближал страну к капитализму в большей мере, нежели сохранявшееся крепостничество.

Напомним, что М.Н. Покровский был склонен изображать крепостничество как феодализм эпохи торгового капитала, консервативный по сути, но прогрессивный по результату его применения.

2.3. Корректировка М.Н. Покровским концепции торгового капитализма на завершающем этапе своей научной деятельности (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)

В 1928 г. историк принял участие в двух крупных международных научных конференциях в Берлине и Осло, где выступил с обширными докладами, посвящёнными возникновению и эволюции самодержавия в России. В плане изучения его концепции торгового капитализма для нас важно то, что, выступая перед зарубежной аудиторией, он был в значительной степени свободен от воздействия ситуации, складывавшейся в отечественной науке. Тексты докладов показывают, что учёный, находясь в СССР, во

многим вынужденно перестраивал свою концепцию в соответствии с духом времени, что, однако, несводимо к политической конъюнктуре. Первые пятнадцать лет советской власти весьма энергично революционизировали действительность: переход от военного коммунизма к нэпу, а от него к сталинской модели социализма осуществлялся в кратчайшие сроки. Складывается впечатление, что М.Н. Покровский вполне искренне предпочитал свою основную редакцию «торгового капитализма», сложившуюся по крайней мере к середине 1920-х гг., признавая, однако, что на следующем этапе развития советской исторической науки может появиться новая лучшая концепция отечественной истории, контуры которой пока не очевидны. Примечательно, что доклады учёного на столь крупных научных форумах не были опубликованы в советской печати, хотя все возможности у него для этого, похоже, были. Видимо, не обошлось без опасений навлечь на себя волну критики, в том числе и по поводу торгового капитализма, а также роли государства в русской истории. Было понятно, что западная публика благосклонно воспримет рассуждения в духе торгового капитализма. У советской общественности эта тема вызывала уже некоторую настороженность. Прямых принципиальных критиков было мало, но многим казалось «что-то здесь не так».

Какую функцию торговый капитализм выполнял применительно к самодержавию? «Главный дефект всей новейшей домарксистской схемы русской истории – отсутствие всякой увязки между внутренним развитием страны и её политическими формами». Следовательно, преимущество концепции М.Н. Покровского заключалось в том, что она такую связь обеспечивала.

Учёный возражал против ссылок на «примитивную экономическую основу» самодержавия. В качестве контрдовода он привёл сведения о наличии в русской деревне XIV–XV веков крестьян-серебрянников и сделал вывод, что в стране в то время уже существовало «товарное, денежное хозяйство или крупные зачатки его». На это можно легко возразить, что натуральное хозяйство не является безобменным. Однако историк против данного тезиса не возражал. Его позиция была более глубокой. Если хозяйство натуральное, то деньги в нём не могут быть чем-то регулярным, расходуемым на предметы домашнего хозяйства. Другим фактом

в пользу не столь уж элементарного хозяйственного устройства России был перевод натуральных повинностей в денежные. Затем М.Н. Покровский привёл много сведений о развитии торговли на Руси в XV–XVI веках по запискам бывавших в ней иностранцев. Вывод учёного состоял в том, что «денежное хозяйство и выраставший на его основе купеческий капитал» были движущей силой развития Московского государства. Здесь историк подчеркнул первичность товарного производства по отношению к обмену и уместно использовал более точный в марксистской редакции по сравнению с «торговым капиталом» термин «купеческий капитал». Он прямо говорил о капитализме «в его зачаточной, первичной форме купеческого капитала»³³⁵. В XVI веке экономика этого государства была «не примитивнее», чем в любой европейской стране позднего Средневековья. Видимо, имелся в виду какой-то усреднённый вариант, ведь страны даже Западной Европы весьма отличались друг от друга по уровню развития.

Вместе с тем М.Н. Покровский признавал, что ранее, во всяком случае до XV века, «примитивная экономическая основа» на Руси существовала, видимо, определяя её как феодальную систему, не испытывавшую преобразующего воздействия со стороны рынка, товарно-денежных отношений. Как раз по причине её разложения и выросло московское самодержавие. Хронологически это укладывается в эпоху от Ивана III до Ивана IV включительно. В дальнейшем эволюция Московского государства была связана с развитием денежного хозяйства. Причём купеческий капитал не столько способствовал вовлечению феодальных хозяйств в рыночные отношения, сколько сам был продуктом товарно-денежных отношений, создававшихся этими хозяйствами.

К Ивану Грозному М.Н. Покровский применил свою знаменитую характеристику о монархе как «торговом капитале в Мономаховой шапке», причём подметил в этом статусе государя некоторую двойственность. С одной стороны, царь и его приближённые были своего рода директором и акционерами торговой компании. Ведь известно, что русский царь активно занимался торговлей, по российским меркам довольно сложно организованной. С другой стороны, это был «хитрый московский кулак», типологически сходный с предшествующими московскими князьями от

Ивана Калиты в качестве фактического родоначальника. И это очевидно. Торговые интересы никогда не были чужды феодальным владельцам Московии, просто здесь мы имеем дело с примитивным торговым капитализмом. Однако в XVI веке она была уже торговой страной.

XVII век русской истории учёный жёстко делит на два периода: первая половина века – спад, вторая половина – подъём. К началу века в России был кризис, который затем усилился и углубился под влиянием неудач во внешней политике и крестьянской революции. Попытное движение отечественной экономики выразилось, в частности, в увеличении доли натурального оброка, переходе к более примитивным формам возделывания земли и т. п.³³⁶ Но отсюда неясно: произошло отступление торгового капитализма или замедление его развития? Ведь падение «всего русского народного хозяйства» могло сопровождаться даже ростом хозяйства товарного. Впрочем, предложенная М.Н. Покровским периодизация XVII века наиболее точно соответствует сути его концепции. Царя Алексея Михайловича он охарактеризовал уже как предпринимателя. Это был шаг вперёд по сравнению с Иваном Грозным: само царское хозяйство стало товарным. Дело дошло до того, что некоторые работники получали оплату в денежной форме. Какие-то новые производства там создавались с целью получения прибыли.

«При Петре царский двор превращается в купеческую контору». Однако учёный не привёл данных об изменениях по сравнению с его торгово-капиталистическими предшественниками, кроме, может быть, количественных.

Не забыл учёный и о ленинской оценке формирования общенационального рынка в России как процесса буржуазного по своему характеру.

Историк предостерег зарубежных исследователей от понимания самодержавия как фактора, усилившего отсталость России. Наоборот, как европейский абсолютизм XIV–XVII веков, оно было фактором прогресса, поскольку обеспечивало переход от натурального хозяйства к товарному. М.Н. Покровский в очередной раз связал самодержавие с процессом первоначального накопления капитала. Мы помним, что у историка этот «универсальный» термин всегда стоял рядом с «торговым капитализмом».

Учёный задался ещё одним важным вопросом: «Что же, самодержавие было совершенно новым явлением, продуктом нового капиталистического мира... или же в основе его лежало нечто, действительно довольно первобытное, лишь приспособившееся к новым условиям»? Историк выбрал второй вариант ответа. «Последние Капетинги и Валуа во Франции, Тюдоры в Англии, Габсбурги в Испании, Нидерландах и Австрии так же, как последние потомки Калиты и первые Романовы были не созданием торгового капитализма, а его "покровителями" – точнее говоря, это были "феодалные сеньоры", вовремя ухватившиеся за хвост самой крупной прогрессивной силы, которую знало их время – купеческого капитала – и тем одержавшие решительную победу над всеми другими, отставшими от них, феодалами»³³⁷. М.Н. Покровский, конечно, прав в том, что все указанные персоны были феодалами. Однако в его схеме сначала установилась связь торгового капитала с хозяйством, властью, без чего не могла появиться феодальная государственность в форме самодержавия. Оно не было, конечно, капиталистическим учреждением, но было торгово-капиталистическим образованием феодальной эпохи. Не случайно историк подчеркнул, что абсолютизм генетически происходил из «старого» феодализма, но сам таковым не являлся. Более того, даже в режиме Алексея Романова много осталось того, что имело место на Руси, допустим, XIV–XV веков. Власть московских царей XVII века, заключал М.Н. Покровский, была столь же феодальной, что и власть первых «собирателей» Руси. В смысле её качественной однородности это, конечно, так, но не без пропущенного учёным парадокса. Всё-таки в XVII веке мы имеем дело со зрелым феодализмом, который даже в самом узком непосредственном смысле за прошедшие века усовершенствовался, то есть видоизменился. Кроме того, различия были в схеме историка на «целый» торговый капитализм.

Но, видимо, учёного интересовали не эти тонкости, а нечто другое, ради чего и затевалась вся эта сентенция. Он озаботился тем, чтобы «все противники марксистской истории» вдруг не решили, что М.Н. Покровский со своим торговым капитализмом отрицает существование феодализма в России. Такую точку зрения он объявил противоречащей историческим фактам, которые нахо-

дили все исследователи, в том числе опровергавшие наличие феодализма в нашей стране. Учёный, конечно, признавал, что феодализм «у нас.. не развился в законченную систему», таковой он считал французский феодализм. Но относительно этого классического образца все остальные варианты феодализма «страдали» всякого рода отклонениями. Русский здесь не был исключением.

Примечательно, что М.Н. Покровский поставил марксизм, шире – материалистическое понимание прошлого, в связь с более продолжительной научно-исторической традицией от западников с выходом на С.М. Соловьёва и Н.Г. Чернышевского³³⁸. Очевидно, и торговый капитализм не мог обойтись без достойных предшественников (не соавторов). Если уж С.М. Соловьёв иногда вёл к «правильному» (считающемуся верным в рамках, в соответствии с критериями допустимого в данном дискурсе) решению того или иного вопроса, то «легальные марксисты» и Н.А. Рожков были здесь ещё более «к месту».

«Историческую роль самодержавия мы поймём только тогда, когда мы возьмём его, как орудие торгового капитала». Почему же именно в России состоялось наиболее характерное и успешное соединение этих, на первый взгляд разноплановых, «величин»? М.Н. Покровский полагал, что это произошло благодаря наличию у неё следующей особенности. Страна обладала огромными запасами сырья, нужными прежде всего для Запада. При этом сама она отставала от него по уровню «культуры», видимо, материальной. На это накладывалась низкая плотность населения при огромной территории. Сочетание этих факторов создало, если можно так выразиться, русский тип торгового капитализма. Другой важнейший аспект был весьма не оригинален: колониализм. Европейского наблюдателя обманывало отличие колоний России от аналогичных владений западных держав. Между тем «Сибирь была не менее богатой колонией, чем Канада, а Туркестан более богатой, чем Алжир». От Ивана Грозного до Николая I важнейшей задачей внешней политики России было «пролагать вооружённой рукою пути торговле русской на Востоке». Следующим фактором из этого ряда стало превращение России в XIX веке в хлебную житницу Европы. Должно быть, европейское учёное сообщество удивляло не столько то, что Россия, по словам

М.Н. Покровского, была каким-то неведомым торгово-капиталистическим государством, сколько то, что она, наряду с прочими, тоже являлась таким государством.

Как считал историк, в сфере обмена торговый капитал господствовал в России на протяжении трёх столетий: XVII, XVIII и XIX. Капиталистом у нас был купец, торговец, в то время как в Западной Европе таковой, видимо, больше ассоциировался с промышленником. Таким образом, в рамках марксизма речь идёт о господстве средневековой, но для своего времени универсальной формы капитала, которая именно в России надолго пережила Средние века. Вместе с торговым капиталом господствуют «отсталые социальные и политические формы быта». Например, англичане могли увидеть похожий капитализм в своих разбросанных по всему миру колониях. Однако производство при торговом капитализме оставалось феодальным. Благодаря торговому капиталу, «феодальные формы общежития» существуют чрезвычайно длительное время. Искомая формация найдена – это феодализм «со всеми его особенностями». Так, в первой четверти XIX века власть в России принадлежала феодальным группам, феодальным было и дворянство. Первые признаки заката средневекового хозяйства появились в середине XVIII века. «Быть передовым человеком» в середине XIX века значило выступать на стороне промышленного капитала, поэтому такие люди выступали против ненужного ему крепостного права. Самодержавие нужно было «помещику феодального типа» для того, чтобы заставить крестьянина выполнять повинности в его пользу, а буржуа – для того, чтобы завоевать новые рынки и удержать в повиновении население колоний³³⁹.

Промышленный капитализм, по словам учёного, в России, напротив, появился поздно и развивался медленно. Его расцвет он отнёс «на самый конец XIX столетия, эпоху министерства Витте». Но в данном случае речь шла не о существующей формации, а о её возникновении, ведь «только за четверть столетия до революции капитал завладел у нас производством». Исходя из этого можно заключить, что капиталистическая формация, по М.Н. Покровскому, утвердилась в России в 1890-е гг., что, пожалуй, для него было наименее консервативной версией. Ясно одно: у историка не было чёткого понимания соответствующей датировки.

Правда, колебался он в пределах допустимой погрешности. К тому же затверженный более поздней советской исторической наукой срок – «порепорформенный период» – не менее уязвим для критики.

Возвышение Москвы в XIV веке М.Н. Покровский связывал «с её значением как торгового центра, узла торговых дорог тогдашней России». С этого времени «интересы торговли были движущей пружиной внешней политики московских князей». В качестве примера учёный привёл войны Москвы с Новгородом за колонии. Их упорство объясняется тем, что за княжеской спиной стояла московская буржуазия.

В XVI–XVII веках Москва была главным меховым рынком Европы. Но этот ресурс был в полной мере задействован ещё в XIV–XV веках, за его счёт можно было существовать, но не расти. В результате Москва в XVI веке стала торговым посредником между Западом и Востоком. Данное направление, видимо, оказалось более перспективным, чем меховое, ибо разрабатывалось самодержавием до Петра. Кстати, завоевание Казанского ханства учёный трактовал как уничтожение конкурента в торговле, так как оно тоже претендовало на трансконтинентальное посредничество. Впрочем, не была забыта и Сибирь как источник драгоценных металлов. Однако оснований для торжества оказалось не так много, как можно было бы ожидать. Наибольшее значение для торгового капитализма имели «океанические пути сообщения». Таким образом, первое место в мире торгового капитала заняла Англия.

«Царизм взял своё внутри страны». Он подвергал торгово-капиталистической эксплуатации население метрополии в той же мере и теми же методами, что и население колоний. Речь идёт о крепостном праве. Феодалы обязываются постоянной военной службой, а крестьяне попадают во всё большую зависимость от помещика. Всё это М.Н. Покровский считал результатом «военной диктатуры» торгового капитала. Наряду с этим, шло «закабаление городского люда торговыми капиталистами, гостями». Кстати, утверждение торгового капитализма учёный отнёс ко второй половине XVII века (от царя Алексея до начала Петровских реформ), связав его с поражениями закрепощаемых в ходе крестьянской революции начала XVII века и прочих угнетаемых в городских восстаниях, стрельецких бунтах³⁴⁰. Такая датировка нам представляется наиболее точной.

Как видим, в своих докладах историк подтвердил однозначную приверженность концепции торгового капитализма, сделал это нарочито и безапелляционно. Его построения были хорошо продуманы и выверены. Какие-то просчёты, разумеется, в координатах изучаемой концепции очень редки. Примечателен уклон в сторону феодализма, который в схеме учёного даже потеснил крепостничество и был безоговорочно распространён на весь период торгового капитализма. М.Н. Покровский в своих построениях апеллировал к источникам, не жалел времени на факты, из которых он, правда, выбирал наиболее яркие, наиболее «торгово-капиталистические». По свидетельству советских участников конференции выступления учёного были заслушаны с большим интересом со стороны почтенной аудитории. Из немецкой её части слышались отзывы о том, что, как бы ни относится к марксизму, при прежней концепции русского исторического процесса оставаться нельзя³⁴¹. Представленный в них «торговый капитализм» не встретил ни возражений со стороны «буржуазной общественности», ни нареканий российских «соучастников» по приезде.

В 1928 г. М.Н. Покровский продолжил работу по приведению своей концепции в соответствие с новыми веяниями в советской исторической науке и прежде всего формационной теорией. С нашей точки зрения, нельзя сказать, что эта концепция противоречила данной теории, напротив, построения учёного вполне в неё вписывались³⁴². Другое дело, что это нужно было показать просто и убедительно. Такого рода задача была вполне разрешима, хотя были здесь и реальные, сугубо научные проблемы. Следовало перейти к однозначной трактовке феодализма и дать его чёткую периодизацию. Складывалось впечатление, что торговый капитализм у историка – больше, чем уклад, но меньше, чем формация. Необходимо было внести ясность в этот вопрос. Не лишним было бы уточнить начало торгового и промышленного капитализма, по крайней мере, как определённых эпох в жизни страны, дать периодизацию зарождения торгового капитализма и т. д. Многие суждения о сущности, координатах, особенностях русского капитализма были в различных работах М.Н. Покровского. Их «состыковка» требовала интерпретации, приведения к «общему знаменателю». Заметим, что многое здесь определялось состоянием

исторической науки в то время. Искусственно форсировать какие-то выводы, конечно же, не стоило. Надо признать, что некоторую «торопливость» иногда демонстрировал и М.Н. Покровский.

Однако сыграли свою роль и некоторые особенности развития советской исторической науки послереволюционного периода. Так, молодые историки-марксисты проявляли обострённый интерес к ключевым проблемам истории России. Каждый из них стремился высказаться по кардинальным её вопросам, выработать, предложить и распространить среди научной (и не только) общественности собственную их трактовку. В этом были свои плюсы и минусы. С одной стороны, удавалось избегать «мелкотемья», не было излишней робости перед авторитетами. С другой стороны, не все исследователи, обращавшиеся к коренным вопросам истории, обладали для этого необходимыми способностями и прошли целенаправленную подготовку. Подобного рода работа имеет свою специфику, не все её учитывали. Многие историки пытались «сконструировать» собственные концепции, отталкиваясь непосредственно от классиков марксизма, как бы минуя М.Н. Покровского.

Он, конечно, не был «диктатором» в науке. Следование той же концепции торгового капитализма не было обязательным, её критику никто не запрещал. Учёный легко соглашался с тем, что в относительно недалеком будущем на смену его концепции придёт какая-то другая. Ведь сменяли друг друга концепции С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова. М.Н. Покровский никогда не предлагал прервать это поступательное движение. Настораживало другое. Нарождавшаяся новая марксистская концепция отечественной истории, ещё не сформировавшись, уже разворачивалась, обращалась против построений М.Н. Покровского. Вместо «благодарной» преемственности получалась «классовая борьба» внутри одного и того же пролетарско-марксистского лагеря. Причём это не было каким-то естественным следствием развития исторической науки, главная роль здесь принадлежала обстоятельствам политического свойства. В основе концепции учёного лежали крупные научные труды, включавшие три общих курса отечественной истории, множество статей с широчайшим охватом тем и периодов. Всему этому оппонировали, как правило, скоропелые схемы, подборки цитат из классиков марксизма, возни-

кавшие у историков «соображения», порой чисто «логического» происхождения. Критики концентрировались на недостатках друг друга, опровергали их, зачастую поверхностно. Ведь можно было задуматься над тем, что представляет собой торговый капитализм у М.Н. Покровского, а можно было исходить из того, что в марксизме такая формация «не предусмотрена», что торговый капитал при капитализме, по сути, входит в производственный капитал, и без особых «исканий» и «переживаний» констатировать, допустим, ревизионистский характер построений историка, позиционировать его где-нибудь между буржуазной и большевистской историографией. При этом подлинно большевистской литературой считалось, за вычетом сочинений классиков марксизма, очередное «последнее» слово этой историографии.

М.Н. Покровский на одном из семинаров в ИКП попытался прямо ответить на вопрос: являются ли торговый капитализм и крепостничество формациями? Формулирование своей позиции он начал издали. В рамках марксистской теории справедливо констатировал, что «в современности» торговый капитал является особым моментом применения капитала вообще, что нельзя его рассматривать как вид промышленного капитала. Он фактически указал на то, что «роль торгового капитала» заключается в генезисе капитализма, то есть на его доформационной стадии. Вместе с тем по замечанию историка, в её рамках торговый капитал «выглядит по-другому», нежели при капитализме формационного уровня. Здесь учёный разделил купеческий и торговый капитал, показал стадии капиталистического производства: капиталистическая работа на дому и т. п.

Далее М.Н. Покровский обратил внимание на то, что торговый капитализм не равен торговому капиталу. Сославшись на Маркса, он отметил, что с развитием торгового капитала складываются определённые общественные отношения. Торговый капитализм охватывает колониальную систему.

Результатом деятельности торгового капитала может быть не только промышленный капитализм. Так, в античную эпоху он породил рабовладельческое хозяйство. Его переход к промышленному капиталу произошёл только в новое время, которое, видимо, в связи с этим обладало какой-то спецификой, так сказать,

помимо торгового капитала. Правда, по мнению историка, торговый капитал является необходимым компонентом формирования промышленного капитализма.

И вдруг неожиданно в ходе, а не в результате этих рассуждений М.Н. Покровский назвал формацией даже не торговый капитализм, а торговый капитал, причём необязательно только предшествующий промышленному капитализму. Исходя из этого, «продолжительность» данной формации могла быть весьма велика. Удивительно, что в конце своего анализа историк счастливо «избежал» этой формулировки. Складывается впечатление, что мы имеем дело с какой-то оговоркой, тем более что речь идёт не о статье, а о стенограмме выступления, которое не публиковалось.

По поводу крепостничества учёный вслед за Ф. Энгельсом стал говорить о его возрождении («втором издании») на новой основе в XV–XVII веках в Центральной и Восточной Европе. Это время было и эпохой первоначального накопления капитала, и эпохой господства купеческого капитала. Следовательно, три упомянутые эпохи, по крайней мере хронологически, совпадали. М.Н. Покровский утверждал, что он связал их воедино применительно к истории России, оценивая это как своё «открытие». Что это означает конкретно? «Одно явление обуславливало другое, одно тянуло за собой другое», то есть они переплетались, диалектически взаимодействовали. Получившаяся таким образом «смесь», «раствор», вероятно, и были торговым капитализмом.

В ответ на прямой вопрос из аудитории учёный признал формацией и крепостничество³⁴³. Тут же он стал размышлять вслух о том, какой же в ней мог быть способ производства. Поскольку перед крепостничеством была феодальная формация, значит, необходимо было как то «развести» два способа производства. Историк опробовал следующий путь, кстати, сам по себе правильный и едва не приведший М.Н. Покровского к опровержению своего скороспелого вывода. Если при феодализме крестьянин так или иначе располагает средствами производства, то при крепостничестве, подобно ситуации с рабовладением, отделяется от них. Кроме того, сам работник превращается в одно из таких средств. Такая тенденция, конечно же, в России существовала, но не возобладала. Но ведь, согласно этой логике, крепостничество заслуживает статуса

формации только с её победой, чего, как известно, не произошло. Однако в этом пункте учёный не дошёл до конца, а повернул к вотчинной мануфактуре, которую справедливо охарактеризовал как крупное ручное производство с внеэкономическим принуждением. Причём же здесь формация? Разве крестьяне лишались земли? И тут М.Н. Покровский совершает ещё один поворот: мелкие производители сохраняются, то есть, видимо, не совсем теряют землю, но вместе работают на барщине. Вроде бы получается, что способом производства при крепостничестве было барщинное хозяйство. Иными словами, дворянское имение одновременно находилось и в феодальной, и в крепостнической формации. Однако историк не сделал такого вывода. Он сформулировал совершенно правильное, но не относящееся к делу заключение о том, что крепостное хозяйство не было промышленно-капиталистическим.

М.Н. Покровский испробовал и другую аргументацию наличия крепостнической формации. По его мнению, при феодализме существовала система натурального хозяйства, затем она распалась под влиянием обмена. Значит, при крепостничестве народное хозяйство стало товарным? Пожалуй, нет. Учёный указал на среднее землевладение, которое работает на рынок, то есть рыночным было не всё «землевладение», а поставлять на рынок товары может и натуральное хозяйство. Тем более даже провозглашение товарного хозяйства господствующим в России ничего не сообщает о формации, поскольку оно может быть с этой точки зрения всяким. М.Н. Покровский это охотно признаёт, замечая, что «помещик пользовался феодальными приёмами, чтобы закрепить крестьян». Далее историк и вовсе констатирует, что зависимость крестьянина в условиях «нового крепостного права» тоже обновляется, но остаётся феодальной.

Ничего не добившись и в этом случае, учёный переходит к различиям в «целеполагании». Между старым крепостничеством (феодализмом) и новым существует общность в отношении права и форм, но экономическое содержание и оболочка у них различны. Это небезынтересно, но слишком расплывчато. В сказанное читатель может вложить какое угодно «наполнение». М.Н. Покровский мало здесь помогает, сводя содержание и оболочку всё к тем же «чисто натуральному» и «меновому» хозяйствам³⁴⁴.

В итоге получилось, что под крепостническим способом производства учёный понимал не всё крепостничество как таковое, а лишь этап его перерождения в плантационное хозяйство. Он указал на начало постепенного разделения средств производства и рабочей силы, а не на его результат или даже процесс в целом. Всё это не является критериями новой формации.

В полной мере ясно и очевидно, что пока историк не преуспел в «сооружении» двух новых формаций. Приводимые им, с нашей точки зрения, разумные и правильные аргументы должны были самого учёного навести на мысль о том, что торговый капитализм и крепостничество как раз не являлись формациями. Отметим ещё одну странность. Дань времени состояла в том, что М.Н. Покровский фактически признавал одновременное существование двух формаций. Заметим, что формационное обоснование торгового капитализма историк довольно быстро свернул, с крепостничеством продержался дольше, должно быть, пытаясь «уцепиться» за производство. Хотя, конечно же, мы признаём, что при феодализме эволюционировали не только производительные силы, но и производственные отношения, что старый феодализм сильно отличался от нового. Однако всё это не носило качественного характера, во всяком случае, существенно уступало их отличиям от капитализма.

Видимо, М.Н. Покровский не был удовлетворён сказанным и в своих лекциях и беседах 1928 г. не раз корректировал свою позицию. Он всё более жёстко и однозначно идентифицировал свою историческую концепцию с ленинской и искал этому подтверждение. «Та схема, которую иногда называют марксистской схемой, а иногда схемой Покровского, она не марксистская схема, потому что не Маркс являлся её автором, Маркс... имел о русской истории смутное представление, эта схема принадлежит Ленину и им разработана»³⁴⁵. Тут надо напомнить, что К. Маркс, естественно, имел возможность опираться только на те достижения русской исторической мысли, которые появились до конца XIX века исключительно, а этот материал был плохо приложим к марксистскому методу. Вклад К. Маркса в изучение истории России был, скорее, «неровным», нежели слабым, но для СССР конца 1920-х гг. оценка М.Н. Покровского выглядит весьма смело. Однако вернёмся к

главному. Фраза учёного предполагает, что, по его мнению, именно В.И. Ленин был основоположником концепции торгового капитализма. Историк ограничивается цитатами общего, теоретического характера из его произведений, хотя и важными, уместными, красноречивыми. Он показал, что В.И. Ленин выделял ростовщический, торговый, промышленный, земледельческий и другой капиталы, которые едины в том смысле, что все они являются капиталом. Следовательно, общее в них должно преобладать. Торговый и промышленный капитал является необходимым, но недостаточным условием образования промышленного капитала. Для этого требуются ещё определённая историческая ступень развития общества и особые обстоятельства. Степень разложения «старого способа производства торговым капиталом» зависит от того, какой новый способ производства приходит ему на смену и насколько прочно держится прежний. При этом торговый капитал может сохранять самые отсталые формы производства. Уровень самостоятельного развития торгового и ростовщического капитала стоит в обратном отношении к развитию промышленного³⁴⁶. Правда, следует обратить внимание, что при росте промышленного капитала может становиться больше и торгового. Меняется степень самостоятельности последнего. Он всё более попадает в «подчинение» к промышленному. Во всяком случае, М.Н. Покровский успешно доказывал, что в своих работах он строго следовал ленинским установкам, особенно тем, которые имели концептуальное значение. Сама концепция торгового капитализма была конкретизацией на широком историческом пространстве политико-экономических воззрений В.И. Ленина на роль и место торгового капитала в генезисе капитализма. Сложность трактовки торгового капитализма в этой связи состояла в том, что, с одной стороны, по своим формационным показателям он ближе к феодализму, чем к капитализму, с другой – находится в рамках единого процесса капиталистической эволюции и завершается промышленным капитализмом.

Наряду с устойчивыми отчётливыми формами, М.Н. Покровский признавал наличие тенденций развития, которые могут побеждать или исчезать. Некоторые из них реализуются в зависимости от особенностей той или иной страны.

По К. Марксу, в России был как раз тот случай, когда торговый капитал не разлагал старый способ производства, который он считал «азиатским». Этой точки зрения придерживался Г.В. Плеханов. В то же время В.И. Ленин ясно писал, что, например, в XVII веке в России был один способ производства, а в XIX веке другой – капиталистический. Последнее утверждение, конечно, взято М.Н. Покровским слишком широко, да и по существу не бесспорно, однако в данном случае это не важно. Учёный определил старый способ производства как феодальный, но вот в том, что его торговый капитализм не разлагал, он с К. Марксом согласился, признав, что ранее «слегка поскользнулся» в этом вопросе. Торговый капитализм не упразднил феодализм. Их взаимосвязь историк теперь изображал следующим образом: «торговый капитал... живёт в порах феодального общества». М.Н. Покровский отметил, что, по В.И. Ленину, крепостническое хозяйство было тоже феодальным. Таким образом, он дезавуировал свой тезис о торговом капитализме и крепостничестве как формациях, даже вспомнил своё прежнее высказывание на этот счёт, отказавшись от него.

Более того, он прямо заявил, что торговый капитализм существовал в условиях господства натурального хозяйства в крепостной вотчине. Через барщину крепостники поддерживали в «натуральном» состоянии крестьянское хозяйство. «Но верно в то же самое время и то, что именно этот низкий уровень старинного вотчинного хозяйства и обеспечивал господство торгового капитала, совершенно точно так же, как в древности». Идея совместности натурального хозяйства с торговым капиталом, выраженная со всей определённой концепции торгового капитализма была очень необходима. Кстати, длительность существования торгового капитализма свидетельствовала об отсталости России. Он обеспечивал единство старого и нового феодализма, которое был не в силах разорвать даже капитализм. Однако тут не обошлось без смещения акцентов. Всё-таки торговый капитализм, скорее, поддерживал феодальный характер хозяйства. При этом уровни развития производительных сил и товарности в нём должны были повышаться. Что касается экономических перспектив помещичьего и крестьянского хозяйства, то они были интересны торговому капиталу лишь в аспекте снабжения его необхо-

димыми ресурсами. Разность рыночного потенциала могла диктовать разность отношения.

Вместе с тем М.Н. Покровский несколько поправляет не только К. Маркса, но и В.И. Ленина. Во главе процесса создания в России рынка и торгового капитала стояли не только капиталисты-купцы, но и помещики – агенты торгового капитала. Действительно, социальный сегмент формирования всероссийского товарного рынка был весьма широк и включал в разной степени и форме представителей едва ли не всех крупных социальных групп страны.

Союзников историк находил и в противоположном лагере условно буржуазных историков. Так, своё изображение Романовых первыми купцами России в Мономаховой шапке он подкрепил ссылкой на работу А.И. Заозёрского «Царь Алексей Михайлович в своём хозяйстве»³⁴⁷. Напомню, что по этому разряду проходил тогда даже С.Ф. Платонов. Его доклад «Проблема русского Севера в новейшей историографии» в рамках Исторической недели в Берлине блестяще подтвердил выводы М.Н. Покровского, в том числе о крупной роли в этом регионе туземного и иностранного капитала, что было признано на заседании Бюро президиума Коммунистической академии 22 сентября 1928 г.³⁴⁸ Получается, что два исследователя – В.И. Ленин и А.И. Заозёрский – с разных методологических позиций пришли к сходным выводам.

Очень важным представляется формулирование учёным ответа на вопрос о границах существования в России феодализма «без участия торгового капитала». Он считал, что это было время, предшествующее абсолютизму, то есть ранее XVII века. Однако, по его мнению, торговый капитализм зарождался в стране с XIV века. Ранее, в свою очередь, имел место период, когда его не было даже в зачатках, господствовало сплошное натуральное хозяйство, то есть существовал «чисто феодальный строй». Феодализм – вообще слишком протяжённое во времени и многогранное явление, заключающее в себе несколько исторических эпох, которые в исторической литературе назывались по-разному. Это давало «торговому капитализму» право на существование. Более того, обесмысливались вопросы о смене феодализма торговым капитализмом, о том, чего из них было больше, например, в XVII–XVIII веках.

Историк выступил против изображения дела таким образом, что в одну и ту же эпоху был некий набор феодальных хозяйств и где-то рядом с ним набор торгово-капиталистических хозяйств. Если их интерпретировать как натуральные и товарные, то ответ может быть только положительным. Однако М.Н. Покровский имел более глубокий взгляд. Он сослался на «проницаемость» этих форм хозяйства. Видимо, это следует понимать так: в эпоху торгового капитализма многие феодальные хозяйства были хотя и в разной степени, но торгово-капиталистическими, то есть как бы «полутоварными».

Однако в эволюции взглядов учёного, «случайно забредшего на тропу» формации торгового капитализма и без особых последствий покинувшего её, всё оказалось не так благополучно. Историк выдвинул ещё одну гипотезу: торговый и другие капиталы относятся также и к капиталистической формации, когда бы они не существовали. Он исходил из правильного тезиса о том, что «две формации цепляются одна за другую... между собой на конце могут переплетаться, и отделять их перегородками друг от друга нельзя»³⁴⁹. Понятно, что новая формация вызревает в недрах предшествующей, но пока это происходит, она ещё формацией не является. Кроме того, не всякий торговый капитал связывает, допустим, феодализм с капиталистической формацией. Правда, нельзя забывать и о том, что некое предприятие в доформационный период капитализма может быть не менее капиталистическим, чем после него.

К сожалению, в новых объяснениях М.Н. Покровского были и другие недочёты. Он по-прежнему проводил смелые аналогии между рабовладельческим плантационным и крепостным хозяйством. Следовало больше внимания обратить на различия между ними при всём их типологическом сходстве – всё-таки первое не было феодальным в отличие от второго. Крупные промышленные предприятия царя Алексея и уральские заводы XVIII века учёный ассоциировал с промышленным капитализмом, охотно признавая, что там работали крепостные и т. п. Здесь этот термин приобрёл другой оттенок: проникновение не торгового капитала, а именно торгового капитализма в целом в промышленность. Видимо, если предприятие работало на рынок в этой

сфере, историку не всегда было «удобно» называть его *торгово-капиталистическим*.

М.Н. Покровский повторил свою мысль о том, что землевладелец в то же самое время является и торговым капиталистом. Однако он подчеркнул, что «способ производства... феодального имения» характеризует его «в противоположность торговому капиталу». Это верно в том смысле, что торговый капитал является капиталом, а феодальное хозяйство – нет.

Историк вновь обратился к теме классовой борьбы в связи с торговым капиталом. Время Смуты он назвал ранней буржуазной революцией эпохи, видимо, промежуточного расцвета торгового капитализма. На этом фоне происходило закрепощение крестьян. Кстати, режим Годунова пал во многом потому, что он отказал торговому капиталу в этом вопросе, вероятно, в конце своего царствования. Разинщина была восстанием людей, эксплуатируемых торговым капиталом, однако часть крестьян восстала против помещиков и независимо от этого. Пугачёвщина была войной против феодализма и торгового капитала в силу их взаимопереплетения, при этом некоторые торговцы выступали как часть эксплуатируемой массы.

Учёный остановился на вопросе о проникновении капитализма в крестьянское хозяйство в XIX веке. Он констатировал наличие в этот период сельской буржуазии. К ней М.Н. Покровский, в частности, относил фабрикантов, вышедших из крепостной массы. Видимо, речь шла о «капиталистских» крестьянах. По его мнению, главную прогрессивную роль в данной сфере играло зарождение фермерства. Его перспективы в России до крестьянской реформы историк скорее всего считал достаточно скромными (за исключением казачества), упоминая в связи с этим ряд других европейских стран. Почему? Крепостные крестьяне эксплуатировались помещиками, государственные – казной, к тому же они были скованы общиной. Впрочем, не всё было так однозначно. Например, можно было обратить более пристальное внимание на ситуацию на российских окраинах (Новороссия и т. п.), хотя общая оценка слабости аграрно-крестьянского производственного капитализма от этого вряд ли бы изменилась.

Иностранный капитал до середины XVIII века не играл почти никакой роли в развитии русского капитализма в том смысле,

что не влиял на его содержание. Он ограничивался контролем над путями доставки русских товаров за границу, то есть внешним рынком. «Всё русское развитие этого времени держалось на национальном накоплении»³⁵⁰. Это справедливо, скорее, применительно к промышленному капитализму, так как имеется в виду вложение средств в российские предприятия.

Как видим, к концу 1928 г. М.Н. Покровский изрядно выправил те рекомендации, которые он давал по ряду теоретических вопросов в своих публичных выступлениях в течение этого года, но не свою историческую концепцию. По отношению к ней он выступил в качестве невольного историографа: её судьбу нельзя было вверять ангажированным «соратникам». В условиях обострения классовой борьбы они могли найти в ней всё что угодно. Вместе с тем юбилейный для учёного год показал, что его «преимущество» над оппонентами во всех областях пока сохраняется. Поводов для отступления не было. В то же время шероховатости в его объяснениях не были полностью изжиты. Извиняет историка то, что они не носили «еретического» характера с точки зрения теории и мало затрагивали концепцию торгового капитализма. Кроме того, М.Н. Покровский и не мог наилучшим образом интерпретировать свою концепцию в «боевых» условиях, к тому же будучи её современником. Нельзя забывать о неизбежном авторском «субъективизме», невозможности посмотреть на свою работу со стороны и т. п. В целом учёный дал достаточно много правильных расшифровок своей концепции, кстати, впоследствии воспринятых некоторыми относительно беспристрастными исследователями.

М.Н. Покровский в 1928 г. активно занимался анализом пути, который прошла марксистская историческая наука в XX веке, выявлением результатов зарождения советской исторической науки, рассмотрением современной историографической ситуации. Так или иначе вся эта работа перекликалась с эволюцией его концепции торгового капитализма.

Историк критиковал представления о тождественности естественных и общественных наук, выступил против их неоправданного сближения, признав, что это отразилось и в некоторых его «трудах, писавшихся более или менее давно». Он заявил, что между этими науками «есть и довольно кардинальное различие, ко-

торое теперь приходится подчёркивать». «Если мне возразят, что, значит, нет общественной науки, которая была бы в смысле своей точности адекватна астрономии, то отвечу, что это, несомненно, так»³⁵¹. Вряд ли данное обстоятельство повлияло на становление концепции торгового капитализма. Применительно к М.Н. Покровскому речь идёт о его науковедческих изысканиях, датируемых не позднее 1906 г. Впрочем, дело здесь не в глубине понимания марксизма, методологической «незрелости» и другом, а в ряде «упрощений», точнее тезисов, не сопровождаемых необходимыми оговорками. Например, понятно, что К. Маркс придерживался экономического подхода к истории. Однако если мы ограничимся этим заявлением, то укажем лишь определённый ориентир и не более того. Ведь важнее здесь то, *как* он понимал экономику, её структуру, процессы, основные противоречия и т. д. В раннесоветский период нужно было быстро, ясно и доходчиво донести основы марксистской теории до несведущей публики. Конечно, для посвящённых марксизм был не столь уж элементарен: они учитывали всякие тонкости, оттенки, нюансы. Впрочем, азы марксизма предназначались М.Н. Покровским для «начинающих», для тех, кто не занимается общественными науками профессионально, а не для тех, кто пишет общие курсы русской истории. Да и в случае с популяризацией историк, как правило, пусть и «чересполосно», затрагивал сложные вопросы, давал нетривиальные объяснения. Хотелось бы обратить внимание ещё на один момент. Для учёных-марксистов было характерно представление о том, что естественные науки обладают более высокой степенью научности, чем общественные. Следовательно, в процессе своего развития эти последние должны максимально сблизиться с первыми. Те наивные люди, которые воспринимали современный им марксизм как истину в последней инстанции, легко могли заключить, что данное учение ликвидировало или почти ликвидировало отрыв от той же астрономии и оказалось в авангарде всех наук. Впрочем, и среди немарксистов были исследователи, считавшие идеологию разновидностью биологии, рассуждали о какой-нибудь социальной физике и т. д.

Работами каких групп историков прежде всего мог пользоваться учёный в период формирования своей концепции торгового

го капитализма? В.И. Ленин уже тогда стал для него весьма авторитетным мыслителем, но, скорее, не конкретно в исторической науке, а в более общем плане. По словам М.Н. Покровского, до первой русской революции В.И. Ленин в этом отношении был вторым «между равными», после 1907 г. – «диктатором в области идеологии». Кристаллизация «пролетарского идеологического ядра» хронологически безукоризненно совпадает с периодом работы учёного над «Русской историей с древнейших времён». Значит, создание основ концепции торгового капитализма было средством перехода М.Н. Покровского на позиции марксистской идеологии в её полном «беспримесном» объёме. Буржуазные историки после 1905 г. вряд ли оказали сколько-нибудь заметное влияние на этот процесс. Другое дело «левый сектор» вообще (мелкобуржуазные элементы), который давал «всё-таки целый ряд живых работ». Здесь он упомянул сборник «История России в XIX веке», в котором и сам активно участвовал. Как известно, эта серия его публикаций наиболее непосредственно предшествовала написанию капитальной «Русской истории с древнейших времён» и испытала на себе «присутствие» торгового капитализма за вычетом терминологии, даже довольно яркое. Эта подготовительная литература, по оценке учёного, была и марксистской, и буржуазной менее чем на половину. Значит, её невозможно интерпретировать однозначно, или она представляла собой нечто «третье», своеобразное переходное звено. «Буржуазные демократы» и «легальные марксисты» влияли на М.Н. Покровского, вероятно, не позднее первой русской революции. Впрочем, не будем забывать, что и тогда он уже был зрелым учёным, так что их мнения, по крайней мере, к сведению принимал. Для периода после 1917 г. историк констатировал бурный подъём марксистской науки, но без конкретики, которую можно было бы «привязать» к торговому капитализму.

По утверждению М.Н. Покровского, с момента своего образования советская власть поддерживала буржуазную науку в СССР. Он признал, что в связи с этим она пережила «возрождение» (условия Первой мировой и Гражданской войн были крайне неблагоприятны для любой науки) и даже добилась «некоторых относительных... успехов». К подобному развитию событий исто-

рик отнёсся положительно. Наука крепнет в борьбе, и чем сильнее противник, тем «крепче» должна стать марксистская наука³⁵².

М.Н. Покровский предостерег историков от формализма и одновременно увлечения «фактографией». «Цифры, которые для некоторых являются большим фетишем, являются очень мягким воском в руках более или менее умелого автора, и при помощи одного и того же статистического материала можно построить две концепции, диаметрально противоположные друг другу». «Цифровые итоги можно оценить, только когда вы подойдёте к вопросу с идеологической стороны». Если в последнем случае взять «методологическую сторону», то со сказанным можно согласиться. Но возможен и другой путь, когда «сами факты наталкивают добросовестного исследователя на марксистскую точку зрения». Вероятно, он более характерен для «заражаемых» марксизмом буржуазных профессоров³⁵³. Судя по всему, М.Н. Покровский не отказывался что-нибудь почерпнуть у них для «торгового капитализма», но только при их переходе на марксистские позиции.

Историк прямо на уровне терминологии выделил поздний феодализм из «феодализма вообще». Первый появился тогда, «когда торговый капитал начал проникать во все поры феодального общества».

Отталкиваясь от идеологии, учёный применительно к 1890-м гг. находит два её «края» – пролетарский (В.И. Ленин) и феодальный (К.П. Победоносцев). Из этого вытекает наличие в России конца XIX века феодализма, хотя бы в виде пережитков. Однако сами по себе они не определяли суть исторического процесса. Между крайностями располагался «фронт промышленного капитала в борьбе с феодализмом», то есть шла, видимо, решающая битва, по итогам которой должен был произойти окончательный поворот в пользу капиталистической формации. После 1905 г. создавалась идеология русского империализма³⁵⁴. Если отвлечься от «форм общественного сознания», то периодизация капиталистического развития России у М.Н. Покровского с точки зрения его концепции представляется наиболее адекватной и выглядит весьма «современно».

Учёный с удовлетворением отметил «стихийную тягу» буржуазных историков к марксизму, упомянув в этой связи А.Е. Пре-

снякова и Б.Д. Грекова. Даже П.Н. Милюков, по его словам, «прямо становится на классовую точку зрения», правда, только в объяснении Гражданской войны в России. Напротив, Д.М. Петрушевский был для М.Н. Покровского почти своим «в дни легального» марксизма, но в своих «Очерках из экономической истории средневековой Европы» сразу и очень далеко отступил от этого учения. Видимо, эта реплика проходила по линии «антинаучного» неокантианства. В остальном под удар попал, скорее, сомкнувшийся с ним экономический материализм. М.Н. Покровский полагал, что нельзя считать капиталистическим какое-либо хозяйство на том основании, что оно участвует в обмене, товарно-денежных отношениях. Он призвал чётко различать простое товарное производство и капиталистическое хозяйство. Учёный выступил против той тенденции в исторической науке, которая вела к обнаружению в обществах различной формационной принадлежности (исключая, может быть, Западную Европу) черт «государственного социализма». Действительно, с точки зрения М.Н. Покровского, изобретение схем, где государство выступало в качестве своего рода базиса, было не нужно. Его «торговый капитализм» отводил Российскому государству вполне «выдающееся» место, в том числе в экономической жизни. Если государству нужны денежные налоги, то крестьянин или посадский должен что-то продать, чтобы их заплатить. В этом пункте самый примитивный феодализм вынужденно становится торговым. Госкапитализм же в годы нэпа был явлением вполне заурядным.

Историк сделал вывод большой методологической важности: «каждому периоду исторического развития отвечают свои законы хозяйственных явлений». В связи с этим он предостерег против модернизации истории, когда, например, обобщения, снятые с современного капиталистического хозяйства, переносятся, «как это делала вульгарная политическая экономия, на экономические отношения примитивных народов». Из этого вытекает, что, допустим, торговый капитал в Средние века, функционируя по своим законам, жил в том числе и по законам феодального общества. К этому М.Н. Покровский добавил, что, во-первых, не бывает «вечных и неизменных законов», а значит, и выражаемых ими закономерностей, а во-вторых, из каждого закона есть исключения, по-

этому нельзя рассматривать что-либо только в общем виде. Всякое явление нужно «брать во всей его конкретности, в данных условиях места и времени»³⁵⁵. Сказанное можно смело отнести к методологии «торгового капитализма», который незримо присутствовал в борьбе с научными взглядами Д.М. Петрушевского. Очевидна его противоположность вульгарной политической экономии.

Неужели в ней был один только негатив? А как же точки соприкосновения, идейные коммуникации и т. п.? По нашему мнению, главную роль в случае с М.Н. Покровским здесь сыграла неблагоприятная политическая обстановка. Вероятно, даже у «молодых» советских марксистов не было какого-то единого мнения в «проработке» Д.М. Петрушевского. В данном случае мы оставляем за скобками прочие «аргументы», которые были историкам неподвластны: будучи применёнными, они «модифицировали» позицию и научного сообщества. «Вебер уже соглашается, что обобщения в истории возможны, но что они представляют собою некоторую "утопию", некоторое воображаемое отвлечение от факта, своего рода "идеальный тип", соответствующий действительности лишь в общих чертах, но не фотографически отражающий эту действительность. Практически эта концепция может и не вызывать особых возражений: всякий диалектик... охотно признает, что "чистых" формаций нигде в действительности не встречается, что мы причисляем то или другое явление к той или другой формации, основываясь на большинстве его признаков, на его основных признаках»³⁵⁶. У А. Допша М.Н. Покровский находил «материалистическую подпочву» и с удовлетворением отмечал его очень основательную критику К. Бюхера³⁵⁷. Если отвлечься от «русских учеников» и «переговорить» с М. Вебером и А. Допшем «напрямую», то сближение позиций просто очевидно. Казалось бы, продолжи М.Н. Покровский эту сентенцию, был бы наведён прочный мост между марксистами и их зарубежными оппонентами. Впрочем, нас здесь интересует нечто, относящееся к торговому капитализму. Историк-марксист показал, что в рамках формации всегда присутствуют уклады или явления отличной от неё природы. При этом формация главенствует над всем, что она охватывает, а не только над преобладающим укладом. Одно и то же явление относится к данной формации лишь в целом, а в своих частностях

оно может корреспондировать с какими-то альтернативными формами и отношениями.

М.Н. Покровский подметил в творчестве Е.В. Тарле один аспект, который впоследствии сыграл определённую роль в ниспровержении «торгового капитализма». Речь идёт об использовании «якобы марксистских приёмов» в борьбе с марксистскими историческими концепциями. К их числу относится применение марксистских формулировок, проведение классового точки зрения. В чём же здесь отличие от «правильного» марксизма? Историческая наука является отражением классовой борьбы в данных конкретных условиях места и времени: по состоянию на 1920-е гг., это социалистическая революция с её последствиями, проявлениями и т. п.³⁵⁸ Нужно исходить не из того, что классовая борьба способствует развитию общества, а из того, что пролетариат должен победить буржуазию.

Не был ли М.Н. Покровский в области торгового капитализма последователем А.А. Богданова? Историк дал высокую оценку его «Краткому курсу экономической науки» (далее – «Курс»). Во-первых, он квалифицировал данное произведение как марксистское, написанное ещё в то время, когда этот автор последовательно придерживался исторического материализма. Во-вторых, у В.И. Ленина было такое же мнение на этот счёт. В-третьих, по признанию М.Н. Покровского, «книжка» А.А. Богданова «устарела... только через четверть столетия». Значит, где-то в промежутке, с конца 1890-х до начала 1920-х гг., она сохраняла и актуальность, и научную значимость. Все эти аргументы указывают на то, что историк мог использовать «Курс» своего товарища по партии для создания концепции торгового капитализма, тем более что для этого он содержал богатый материал, причём не вызывающий нареканий с точки зрения марксистской методологии. Насколько глубоким и всесторонним могло быть его усвоение автором «торгового капитализма»? Стоит обратить внимание на то, что М.Н. Покровский отмечает прежде всего пропагандистское, своего рода «педагогическое» значение «Курса». Не случайно он упоминает в связи с этим работу А.А. Богданова «среди тульских пролетариев», считает это произведение учебником. Очевидно, что в 1900-е гг. М.Н. Покровский уже давно не был студентом, следовательно, кни-

га А.А. Богданова при всей её важности не оказала на историка фундаментального воздействия. Примечательно, что М.Н. Покровский не выделяет в этой связи историко-экономических «штудий» А.А. Богданова периода после революции 1905–1907 гг. Во всяком случае, они имели для историка меньшее значение («Курс» был «одной из его лучших книжек вообще, а исторически, вероятно, самой значительной»). М.Н. Покровский констатировал, что были «люди, вполне понимавшие не-марксизм Богданова-философа», скорее всего, не позднее, чем он заявил о себе в качестве основоположника эмпириомонизма (1904–1906 гг.). Проблема состояла лишь в том, что они «стеснялись говорить об этом открыто», судя по аргументации М.Н. Покровского, если можно так выразиться, из «идеалистических» побуждений (революционный романтизм и т. п.)³⁵⁹.

Заметим, что «Краткий курс экономической науки» с точки зрения создания концепции торгового капитализма интересен обстоятельным рассмотрением роли и места торговли в Средние века, особенностей функционирования торгового капитала в феодальную эпоху. Много внимания А.А. Богданов уделил истории капитала до утверждения промышленного капитализма³⁶⁰. Любопытно, что в разделе «Машинный период капитализма» в центре внимания автора оказывается финансовый капитал, а вопросы торговли, напротив, почти не затрагиваются³⁶¹. Вообще, в первых изданиях своего «Курса» А.А. Богданов демонстрировал марксистское понимание капитализма, адекватно отображал соотношение между производством и торговлей. С точки зрения периодизации экономического развития всё-таки производство играло у него более важную роль.

Более однозначно М.Н. Покровский трактовал свои отношения с И.И. Скворцовым-Степановым, и как раз поэтому дело здесь обстояло сложнее. Указанного автора историк считал марксистом. Причём в этом отношении он, по М.Н. Покровскому, обладал замечательными качествами, которые делали его едва ли не образцовой фигурой. И.И. Скворцов-Степанов великолепно знал марксизм, мастерски владел соответствующим методом, творчески его применял. Если он сам приходил к выводу, что некое утверждение, оценка и другое являются марксистскими, то твёрдо

их придерживался и отстаивал, не смотря ни на что (недопустимы компромиссы с «теоретически неверным», откуда бы оно не исходило). Его невозможно было «сбить» с марксистского пути. Исходя из сказанного очевидно, что для М.Н. Покровского И.И. Скворцов-Степанов был очень авторитетным исследователем. Однако что же привлекло М.Н. Покровского в деятельности его старшего товарища? Во-первых, И.И. Скворцов-Степанов в своё время был одним из крупнейших знатоков работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Во-вторых, он хорошо усвоил их «манеру подходить к фактам», то есть обрабатывать фактический материал с последовательно марксистских позиций. В-третьих, привлекало его умение отличать нечто марксистское от всякого рода «примесей», «уточнений», чего-то подобного ему, «внешне» схожего³⁶². Речь шла также о «граматном» марксистском оформлении возникших идей³⁶³.

Вероятно, в такого рода оценках научной деятельности И.И. Скворцова-Степанова содержится изрядная доля преувеличения. Но в этом перечне привлекает то, что выделенные качества М.Н. Покровский считал важными для себя. Тем не менее очевидно, что «Курс политической экономии» И. Степанова и А. Богданова мог стать для М.Н. Покровского существенным теоретическим руководством в плане «торгового капитализма». Однако важно заметить, что историк не затронул их достижений именно в «торгово-капиталистической» части. Эти достижения были важны для него всё-таки в первую очередь в несколько других аспектах, хотя стоит отметить, что в данном случае мы апеллируем к конкретным публикациям М.Н. Покровского. Кроме того, с нашей точки зрения, его концепция торгового капитализма вполне сложилась в дореволюционный период, поэтому нужно иметь в виду ту часть «Курса политической экономии» И. Степанова и А. Богданова, которая вышла не позднее этого времени. Впрочем, в данной работе действительно имели место масштабные построения, сходные с торговым капитализмом, например была в подробностях «предъявлена» эпоха торгового капитала. Параллели, сравнения, конечно, возможны. Правда, с нашей точки зрения, заимствовались как максимум отдельные положения и термины.

В 1928 г. прошла серия юбилейных мероприятий, посвящённых 60-летию М.Н. Покровского, которые получили большой

размах. Научной деятельности историка было дано множество высоких оценок, его взгляды и труды признавались марксистскими. В пользу этого приводились соответствующие аргументы, отмечалось, что учёный сам успешно продолжает совершенствовать свою концепцию³⁶⁴. Конечно, многое здесь диктовал «повод». Юбилейные торжества вряд ли благоприятствуют даже конструктивной критике. Несомненно, сказывалось высокое положение М.Н. Покровского в науке, но примечательно и другое. С одной стороны, всё это было санкционировано руководящими партийными инстанциями, которые пока не ставили под сомнение формальный и особенно неформальный статус учёного. С другой стороны, вряд ли кто-нибудь «задавал» содержание выступлений. Например, не было такого, что Н.А. Бухарин, А.В. Луначарский, С.М. Дубровский, на самом деле являясь противниками М.Н. Покровского, просто отрабатывали заказ на его восхваление. Скорее всего, каждый говорил, что думал, поскольку иных «сигналов» не поступало. Сам учёный в рамках этого своеобразного подведения итогов счёл возможным ещё раз «окинуть взглядом» свой путь в науке. Начал он с периода, далеко отстоящего от формирования концепции торгового капитализма. Мелкобуржуазная среда, к которой принадлежал историк, вызвала у него изначальное неприятие буржуазного либерализма. Однако это обстоятельство толкнуло М.Н. Покровского в сторону идеализма. В 1880-е гг. революционное народничество переживало закат. Да и гимназист, а затем студент М.Н. Покровский пока больше занимался теориями, нежели практикой, то есть классовой борьбой. Из них он, естественно, узнавал то, что тогда можно было узнать – преподавалось, рекомендовалось и т. п. Между тем изучение фактического материала подталкивало историка к суждениям, которые расходились с имевшими наибольшее распространение выводами, «классикой» русской исторической мысли. Постепенно таким путём учёный и пришёл к историческому материализму. Впрочем, этот путь, видимо, оказался довольно продолжительным. Так, М.Н. Покровский охарактеризовал себя до 1905 г. как буржуазного демократа и экономического материалиста. Между тем, по нашей оценке, формирование «торгово-капиталистических» воззрений историка тогда уже началось. Правда, мы не склонны интерпретировать

дело таким образом, что учёный сначала стал сложившимся идеалистом, потом в его научном сознании произошла какая-то революция, которая полностью его изменила, затем М.Н. Покровский от начала до конца проходил путь усвоения какой-то новой теории. И так в течение нескольких «циклов». По нашему мнению, мы имеем дело с этапами становления учёного именно как историка-марксиста, его последовательного приближения к марксизму. В ходе этого процесса М.Н. Покровский отдавал дань и другим учениям, но не останавливался на них, не задерживался надолго, подвергал их критическому переосмыслению. Учёный вновь подтвердил, что после первой русской революции перешёл на марксистские позиции, но не в один момент, а в результате завершения соответствующего процесса. Историк однозначно отверг обвинения в том, что он является сторонником К. Бюхера или «струвизанцем»³⁶⁵. Правда, здесь мы бы добавили, что с точки зрения некоего общего взгляда на историю К. Бюхер, конечно, не был марксистом, и советская наука его к этому разряду не относила, но признавала, что этот исследователь внёс приемлемый для марксиста вклад в освещение конкретных сюжетов и вопросов экономического развития, например о состоянии производительных сил средневекового города и т. п. Со струвизмом же М.Н. Покровский боролся ещё до 1917 г.³⁶⁶

В 1928 г. М.Н. Покровский уделил большое внимание творчеству выдающегося русского революционера-демократа Н.Г. Чернышевского и тем историческим условиям, в которых оно протекало. Естественно, среди них нашлось место и проблематике торгового капитализма.

Учёный подчеркнул важность регионального аспекта происходивших в стране экономических процессов. Так, в российской провинции первой половины XIX века легко можно было встретить «во всём расцвете нравы XVIII, если не XVII столетия»³⁶⁷. Значит, то, что было характерно для более ранних этапов торгового капитализма, обнаруживало себя на поздних. В результате торговый капитализм уровня XIX века наблюдался в России этого времени далеко не повсеместно.

В России 1850-х гг. историк отметил наличие торгового и промышленного капитализма, а также крепостничества в его «гру-

бейшей форме». Почему они сосуществовали друг с другом? Для торгового и ростовщического капитала крепостное право было прямо выгодно, так как оно приводило трудящихся в такое состояние, которое максимально облегчало экспроприацию масс. Промышленный капитализм оно, напротив, «стесняло», но ему требовалось самодержавное государство для борьбы за рынки и защиты от иностранной конкуренции. В связи с этим борьба промышленного капитала с крепостничеством была робкой, непоследовательной и совершенно нереволуционной³⁶⁸. До 1861 г. только промышленный капитализм приспособлялся к самодержавию. В дальнейшем они уже взаимно, хотя и долго приспособлялись друг к другу³⁶⁹. Выросший на феодальной почве торговый капитализм как нельзя лучше соответствовал буржуазным потребностям абсолютизма. Нельзя забывать и о том, что отдельные группировки класса феодалов не раз обнаруживали определённые колебания в части своих взаимоотношений с царизмом. М.Н. Покровский показал, что по мере становления, укрепления капиталистических отношений общественные противоречия в России только усиливались и запутывались.

В России один и тот же объект одновременно эксплуатировался и помещиком, и капиталистом. Их сотрудничество в этом деле довело над противостоянием. Формальное и реальное положение крепостных позволяло фабрикантам поддерживать на своих предприятиях суровые порядки, перенося в них приёмы помещичьего хозяйства хотя бы в части произвола и угнетения. Городская мелкая буржуазия была экономически ничтожна. «Пролетариат только что начал выделяться как самостоятельный класс». Значит, торговый капитализм накануне отмены крепостного права всё же преобладал. Всё это скрадывало буржуазный характер ожидавшейся крестьянской революции³⁷⁰. Последнюю оценку трудно конкретизировать. Ведь в схеме М.Н. Покровского при её переводе на «язык» формационной теории промышленный капитализм начал развиваться от уклада к формации в пореформенный период, а торговый в целом утрачивал историческую перспективу. Впрочем, демократы 1860-х гг. делали вывод о том, что революция будет социалистической. Крестьяне в этой истории не были пассивными наблюдателями. В стране были богатые крестья-

не, которые занимались торговлей и промышленностью – сельская буржуазия, капиталисты. Как раз они, особенно накануне реформы, претерпевали всякого рода «утеснения», так как помещики пытались присвоить их «добро».

По мнению М.Н. Покровского, крепостничество накануне своей отмены держалось весьма прочно. Принятию кардинального решения весьма поспособствовала крымская катастрофа. Однако и в обществе нарастало недовольство. Против крепостного строя выступали крестьянство в целом, эксплуатировавшиеся торговым капиталом горожане, малоимущая часть бюрократии и интеллигенции. Происходили волнения рабочих, строивших железные дороги. М.Н. Покровский указал на то, что торговый капитал попал под удар антикрепостнических сил не только косвенно, через помещика, но и прямо. Ряд губерний охватило движение против откупов, виноторговли т. п. Свидетельством серьёзности создавшегося положения была отмена откупа, находившегося «на острие» торгового капитализма³⁷¹.

В мае 1928 г. М.Н. Покровский сделал важное замечание по поводу своих взглядов на крепостничество: он признал, что «повинен до известной степени» во введении, видимо, в марксистскую историографию русской истории термина «крепостное хозяйство». В данный момент М.Н. Покровский посчитал его неприемлемым, «ибо нельзя же идти от крепостного хозяйства. Нужно говорить о крепостном строе»³⁷². Смысл этого высказывания, на наш взгляд, в том, что понятие «крепостное хозяйство» использовалось и в тех случаях, когда правильнее было бы говорить о «крепостном строе». При этом достаточно очевидно, что крепостное хозяйство, крепостное право и крепостничество нетождественны, и данные термины нужно употреблять по назначению, а не как синонимы. Подобного рода логическая операция была применена М.Н. Покровским и по отношению к «торговому капитализму». Впрочем, не исключено, что учёный таким образом пытался «эмансипировать» свою концепцию от «полумарксистских» «историй народного хозяйства», «хозяйственных типов» и прочих крайне уязвимых в свете формационной теории моментов: схем Бюхера («домашнее – городское – народное хозяйство»), Шмоллера («деревенское – городское – территориальное – народное хозяйство»).

«Но с особенной остротой в послевоенной литературе вопрос о переходе от феодализма к капитализму был поставлен А. Допшем в нашумевшей на Западе книге о натуральном и денежном хозяйстве ("Natural-wirtschaft end Geldiwirtschaft"). Затратив в своих более ранних работах немало усилий на "доказательство" отсутствия какого-либо перерыва – цезуры – между античным миром и феодализмом, Допш в своей новой работе отрицает наличие цезуры между феодализмом и капитализмом и открыто провозглашает вульгарный эволюционизм единственным правильным методом исторического исследования»³⁷³.

В сочинениях Н.Г. Чернышевского историка привлекло отстаивание им общности исторического пути России и других европейских стран, понимание им развития капитализма в стране³⁷⁴. По мнению М.Н. Покровского, этот мыслитель был крестьянским революционером, но по причине социальной структуры тогдашнего общества вынужденным идти на компромиссы, в том числе с либеральной буржуазией. Так, может быть, Н.Г. Чернышевский, пусть и невольно, относился к партии производственного капитализма? Нет. С классовой точки зрения его идеология отражала переплетение интересов различных слоёв крестьянства от зажиточного до бедного, но с эволюцией в сторону второго. В то же время мы знаем, не каждый «крепкий» крестьянин был сторонником аграрного капитализма, что позднее показала Столыпинская реформа. Ещё более верно это было для середины XIX века. М.Н. Покровский считал крестьянство добуржуазным явлением, готовым развиваться в направлении как к капитализму, так и от него³⁷⁵.

Как известно, в СССР в конце 1920-х гг. происходило постепенное и всё ускорявшееся сворачивание нэпа. Начиналось строительство новой модели социализма, предполагавшей минимизацию пространства свободы и гипертрофию внеэкономических методов эксплуатации. Естественно, это привело к серьёзным переменам в сфере идеологии и затронуло историческую науку. Концепция торгового капитализма в различных её редакциях, независимо от меры «историзма» или политизированности каждого конкретного автора, в высокой степени соответствовала «духу и букве» периода нэпа, подкреплялась его экономической практикой. Новый курс на жёсткий тоталитарный вариант социализма в идеа-

ле предполагал всеобщее огосударствление. Бюрократия, по сути дела, ликвидировала все другие высшие классы общества и стала тем его слоем, интересы которого государство выражало прежде всего. Возникла потребность в обосновании фундаментальной роли государства в истории России. Диктатура пролетариата подняла его на беспрецедентную высоту и использовала в интересах трудящихся масс. Следовательно, чем более могущественным становится государство этих самых масс, тем больше выгоды они для себя получают, конечно, не в обывательско-утилитарном смысле, а в плане продвижения к коммунизму. Государство в этой связи наиболее важно, выражаясь современным языком, в контексте производства инноваций и эффективного функционирования своего механизма (с точки зрения результата, а не его цены). В идеологии становились востребованными идеи «славного прошлого» и его «героических страниц». Получалось, что государство господствующего класса не только порабощает крестьян в угоду помещикам, но бывает полезным и для общества в целом. Оно является главным средством обеспечения национальной независимости как высшей ценности.

Конечно, сами по себе эти идеи не содержат ничего «красочного» и даже не соответствующего марксизму. Известно же, что каждая эпоха расставляет свои акценты, имеет свои приоритеты, в том числе и в области исторического познания. Важно, чтобы это познание сопрягалось с фактами, не шло на поводу у идеологии (хотя его идеологическое применение вполне допустимо) и не использовалось как инструмент обоснования заранее сформулированного, определяемого пожеланиями заказчика вывода. Кроме того, тоталитарный режим предполагал весьма жёсткую унификацию научно-исторического знания, особенно в части теории, периодизации исторического процесса, трактовки основных исторических событий. В идеале тут не должно было быть каких-то разночтений, а историческое познание обязано было всё время подтверждать заданные оценки и характеристики, пусть и с некоторыми дополнениями и уточнениями. Мы вовсе не хотим сказать, что подобного рода явления не наблюдалось в отечественной исторической науке до начала 1930-х гг. Просто тогда было гораздо больше возможностей для проявления самостоя-

тельности, продвижения так или иначе собственной позиции, поиска всякого рода компромиссов и т. п. Ограничения зачастую носили избирательный характер. В конце концов, к тому, что утвердилось и закрепились в 1930-е гг., позволительно было относиться как к некоей тенденции.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и объективные факторы развития исторической науки. Та же марксистская историческая наука в СССР по-прежнему находилась в начальной фазе своего развития. С 1920-х гг. оставалось много незавершённого. Необходимо было продолжить работу по более глубокому усвоению классического марксистского наследия, завершить затянувшееся оформление понятийного аппарата марксистской науки, добиться того, чтобы марксистская историография могла опираться на пласты марксистских же конкретно-исторических исследований. Следовало энергично преодолеть её отставание от других направлений научной мысли в ряде вопросов, особенно за рамками новейшей истории. Как бы то ни было, обстановка, в которой приходилось работать М.Н. Покровскому в конце 1920-х – начале 1930-х гг., стала более сложной и менее благоприятной. С нашей точки зрения, историк не оказался в каком-то безнадежном кризисе, не переживал упадка и мог в этот период достичь большего. Ему надлежало действовать ещё более энергично, интенсивно. Но, к сожалению, его работоспособность падала, реакция стала менее оперативной.

С 1929 г. учёный, по сути, был тяжело больным человеком. Болезнь часто отрывала его от дел. Операции следовали одна за другой. В то же время обострилась борьба за лидерство в исторической науке, усилилось вмешательство партийных органов в работу историков. Историческая концепция М.Н. Покровского попала в какую-то хроническую полосу бесконечных сомнений, колебаний, уточнений, замечаний и т. п. Состояние какого-то взкого частичного «неблагополучия» не прекращалось, хотя в главном концепция по-прежнему прочно входила в арсенал отечественной исторической науки. Одновременно отнюдь не снимался вопрос о ее дальнейшем развитии, иначе она бы просто утратила свою «конкурентоспособность». Пожалуй, назрел «перевод» положений, высказанных в многочисленных статьях и выступлениях

ях М.Н. Покровского с середины 1920-х гг., в охватывающий, учитывающий их новый курс русской истории, конечно, не отрицающий, а редактирующий их, вбирающий достижения первого этапа развития советской исторической науки. Некоторые отдельные сюжеты неплохо было бы рассмотреть изначально по-марксистски, отталкиваясь непосредственно от источников. Состояние здоровья и огромная загруженность всякого рода работой, во многом административной и не только в сфере собственно исторической науки, более чем когда-либо мешали М.Н. Покровскому, причём в тот момент, когда от него требовались максимальная собранность, быстрая и точная реакция, политико-идеологическая зоркость, колоссальная творческая энергия.

Советские историки, писавшие о М.Н. Покровском с конца 1930-х гг., оценивали его труды последних лет жизни следующим образом: одни считали, что учёный в целом не отказался от своей концепции торгового капитализма, в лучшем случае «метался» и «мимикрировал» по мере того, как всё большее число советских историков-марксистов осознавало ущербность его взглядов; другие полагали, что он корректировал эту концепцию, кое-что исправил и улучшил, сблизил её с марксистским пониманием экономической истории, но этот свой путь так и не завершил; третьи отмечали, что учёный отказался от своего немарксистского торгового капитализма, но не успел внести всех необходимых изменений в свои регулярно переиздававшиеся труды. Короче говоря, конец 1920-х – начало 1930-х гг. – самый плодотворный с точки зрения марксизма период творчества М.Н. Покровского после 1917 г.

Исследователь исторических взглядов М.Н. Покровского В.В. Нардин утверждал, что на завершающем этапе своей деятельности этот учёный переживал процесс переосмысления своей концепции, так как она стала препятствовать дальнейшему развитию советской исторической науки: устарела, потеряла актуальность и т. п. Вместо «отвергнутой им торгово-капиталистической модели самодержавия, Покровский писал теперь о развитии с XVII века в России абсолютизма в обстановке складывания буржуазного строя»³⁷⁶. Процесс перехода к последовательному историческому материализму был прерван смертью историка³⁷⁷. Однако заметим,

что абсолютизм для историка не что иное, как феодальное хозяйство в единстве с купеческим капиталом, фигурально выражаясь, наиболее точная «фотография» торгового капитализма.

Историк О.Д. Соколов, внёсший большой вклад в изучение творчества М.Н. Покровского, отмечал, что к 1931 г. он близко подошёл к ленинской концепции исторического процесса, избавившись от представлений о торговом капитализме как о формации. Таким образом, он прислушался к критике, отказался от неверных положений, исправил теоретические ошибки³⁷⁸.

Крупный советский историк А.Л. Шапиро, активно занимавшийся в том числе историографией, считал, что на последнем этапе своей деятельности М.Н. Покровский свёл всё дело к неграмотным выражениям и прочим частностям, в то время как ошибочной была сама его концепция³⁷⁹.

По высказанным суждениям хотелось бы сделать несколько замечаний. Обвинения М.Н. Покровского в немарксизме «разбиваются» о следующие аргументы. Если это так, то получается, что один из крупнейших отечественных историков около тридцати лет своей жизни старательно изображал из себя марксиста, таковым не являясь. Если его интересовали слава и успех, то их можно было добиться гораздо более простым способом, без имитаций и мистификаций. Наличие таланта и бойкого пера у историка не отрицали даже самые яростные его «недоброжелатели». В.И. Ленин, по крайней мере в советский период, не отказывал М.Н. Покровскому в марксизме, хотя, как известно, не стеснялся в выборе выражений, характеризуя даже ближайших соратников. Многие другие марксисты долгое время почему-то не могли сообразить, что историк не принадлежит к их лагерю. Учёный написал очень много работ, в том числе капитальных. Материала для анализа было более чем достаточно. Отнесение его к определённой классу исследователей вряд ли было таким уж затруднительным, причём советские историки всегда очень внимательно относились к таким вещам. Трудно вообразить, как столь крупный учёный мог чего-то не понимать или не усвоить в основах марксистского учения. Ещё в дореволюционный период существовали многочисленные его популярные изложения, доступные «успевающему» студенту. М.Н. Покровский же выступает в странной роли исследова-

дователя, который всё время разбирался в марксизме, но до конца своих дней так в этом и не преуспел.

М.Н. Покровский как убеждённый большевик-историк сам создавал авторскую историческую концепцию, не особенно оглядываясь на других. Ведь он твёрдо знал, что он действительно является марксистом, членом ВКП(б), и этого достаточно. Ничего антимарксистского и антипартийного он изначально не собирался писать. Если другие коммунисты убеждали его, что он в чём-то неправ, тогда М.Н. Покровский был готов внести в свою концепцию некоторые корректировки. Представители партийно-политических инстанций, как правило, не являлись историками, хотя в сфере их компетенции учёный всегда признавал их приоритет. Ему нужна была подлинно марксистская история. Он исходил из того, что и партии естественным образом нужно то же самое. Расхождение, которое, впрочем, не приводило у М.Н. Покровского к конфликтам с коммунистической идеологией, решениями партийного большинства, начиналось в тот момент, когда партийному руководству, «вождю» потребовалась бы не наилучшая марксистская историческая концепция, а такая, которая ему нужна из политической целесообразности, соответствует его представлениям, даже если при этом она окажется менее качественной в марксистском отношении, менее марксистской в принципе. Такой поворот событий был бы для учёного неприятным сюрпризом. В 1920-е гг. партия зачастую спрашивала у историков, как следует понимать то или иное событие. В 1930-е гг. она всё чаще брала эту функцию на себя. Строительство советской историографии было отчасти изъято у историков. Между тем у партии не было своей концепции истории в широком смысле этого слова. Даже в разгар сталинизма историки зачастую не имели чётких указаний по поводу того, как рассматривать тот или иной вопрос, какие выводы формулировать, особенно за рамками истории партии, истории России, истории XX века. Да и в этих пределах была изрядная путаница, приводившая даже самых «гибких» специалистов в состояние растерянности. Другое дело, если бы партия в лице, допустим, соответствующего отдела ЦК периодически, скажем, один раз в пять лет, публиковала какую-нибудь «Историю СССР с древнейших времён до наших дней» с изложением очередной «кано-

нической» версии. В этом вопросе она отставала от М.Н. Покровского и его школы.

Если объявить одну из марксистских исторических концепций, да ещё находящуюся в стадии формирования, единственной марксистской, то тогда в построениях М.Н. Покровского действительно можно найти много «неверного», «невыдержанного» и т. п. Его концепция торгового капитализма была не только частью процесса научного поиска, но и самим этим процессом. Он не создавал каких-то законченных образцов на все времена. Эта концепция и должна была постоянно меняться, конечно, в определённых пределах, не затрагивающих её суть. Ничего «плохого» не было бы и в последнем случае, но тогда это была бы уже какая-то другая концепция. Как мы увидим в дальнейшем, учёный к этому не шёл, потому что имевшиеся у него материалы как теоретического, так и конкретно-исторического свойства в данном направлении не вели.

В 1929 г. произошли важные события, повлиявшие на судьбу концепции торгового капитализма. Ещё молодой, но уже довольно известный историк-марксист С.М. Дубровский предложил свою концепцию отечественной истории, которую опубликовал в виде самостоятельного сочинения. Надо сказать, что в подобном масштабе и объёме претензии этого круга исследователей ещё не реализовывались. Хотя было очевидно, что нечто подобное должно произойти. В стране появилось новое сугубо советское поколение историков, многие представители которого, по крайней мере, несколько лет занимались самостоятельной исследовательской работой, причём они ещё на аспирантском уровне приучились писать крупные произведения монографического характера. По мнению самого М.Н. Покровского, эти историки принадлежали к ленинскому этапу развития марксистской историографии, представлявшему более высокую её ступень по сравнению с предшествующими этапами³⁸⁰. Коротко говоря, С.М. Дубровский в рамках своей схемы заменил торговый капитализм крепостничеством. Она вызвала шквал критики и была отвергнута в резкой форме. Тому виной и заметные огрехи концепции, и амбиции оппонентов, которые, конечно же, предпочли бы видеть на её месте свои, очевидно, готовившиеся построения. Но это последнее определяло всё-

таки не столько содержание, сколько жёсткость критики. В ходе всей этой кампании стала вырисовываться и приобретать реальные очертания, контуры некая новая концепция отечественной истории, результирующая споры советских историков-марксистов младшего поколения. У неё не было какого-то одного автора, и было непонятно, какой окончательный вид она примет. Не беспочвенным было бы подозрение, что решать это теперь будут уже не историки. Сам С.М. Дубровский не только не развернул борьбу с «покровщиной», но и вообще не рассматривал построения учителя как альтернативу своей концепции. Наоборот, С.М. Дубровский находил в концепции М.Н. Покровского аргументы в свою пользу, рассматривал последнего как единомышленника, возможного союзника. Конфронтация с главой советских историков в его планы не входила.

Другое дело, что в рамках развернувшихся дискуссий оказался в центре внимания «торговый капитализм». Большинство их участников должны были определить своё отношение к этой концепции и занять более или менее определённую позицию. Они склонились к тому, что торговый капитализм не является формацией; усомнились в том, следует ли вообще выделять торговый капитализм как период в истории; признали «неудовлетворительный» характер этого понятия. При этом сторонники «торгового капитализма» не подвергались репрессиям, соответствующая концепция не была запрещена. И после обсуждений 1929 г. выходили произведения даже по форме вполне «торгово-капиталистические». Хотя было понятно, что в ближайшее время новая тенденция закрепится. Острота противоборства между историками определялась не только их собственными человеческими, может быть поколенческими, недостатками, но и тем, что в условиях текущего политического момента сохранить своё существование могла только какая-то одна концепция. Разгром оппонента во многом становился вопросом собственного выживания учёного пока в профессиональном, а не физическом плане. Обострение классовой борьбы в стране, в чём-то объективно заданное, в чём-то инициированное властями, в науке выразилось в следующем. Историк выявлял круг исследователей, построения которых в рамках какой-либо темы расходились с его собственными, суммировал их,

анализировал, подбирая аргументы для опровержения и в докладах, статьях обязательно старался всё это поэффектнее озвучить. В результате получалась своеобразная война «всех против всех» хотя бы потому, что выводы одного историка, естественно, не могли совпадать с выводами другого. В полемике нет ничего плохого весь вопрос в том, какими методами она ведётся и к чему приводит. Следует отметить и ещё одно обстоятельство. В марксистско-ленинской философии, теории общественных форм, истории зарубежных стран «схема» исторического процесса начала дебатироваться раньше. История России здесь несколько отставала. В ходе дискуссий «торговый капитализм» был подвергнут проработке. Одни исследователи склонялись к тому, что концепция М.Н. Покровского, в том числе в её экономической части, является правильной, а замечания к ней часто нарочитыми, преувеличенными и надуманными. Фактически они выступали за поправки, дальнейшее совершенствование и т. п. Другие высказывались более резко, в обвинительном ключе. По их мнению, новая концепция истории СССР должна была довольно решительно отличаться от изложенного в трудах М.Н. Покровского, особенно в отношении торгового капитализма.

Учёный выбрал, пожалуй, оптимальную тактику защиты. Естественно, всякая концепция независимо от привходящих обстоятельств должна развиваться, что-то в ней неизбежно меняется. В связи с этим историк мог заявлять, что он не стоит на месте, не поживает на лаврах, а наоборот, свою концепцию неустанно перерабатывает, в результате чего она становится всё более качественно марксистской и тому подобное, что вполне могло соответствовать действительности и легко доказываться. В то же время историк, вероятно, руководствовался принципом: «уступай в мелочах для того, чтобы сохранить главное». Здесь лучше всего было подкорректировать стиль изложения, убрать броские формулировки и т. п.

В 1929 г. у М.Н. Покровского вышло сравнительно немного работ, затрагивавших торговый капитализм. Они оставляют противоречивое впечатление. В целом нам представляется, что учёный выдержал своеобразную паузу, ожидая результатов дискуссий. Да и в остальном, за рамками изучения русской истории, этот год выдался для него очень сложным.

Так, исследуя Восточный вопрос, М.Н. Покровский сохранил не только жанр, но и терминологию «торгового капитализма», показал внешнеполитические усилия России на фоне всемирно-исторического развития торгового и промышленного капитализма. Этот вопрос был предметом забот греческого, арабского, итальянского, французского торгового капитала уже в XV веке. «Борьба с турками за Балканский полуостров, а первое время за прилегающие к нему части Восточной и Центральной Европы, является прямым продолжением коммерческих по существу войн, которые велись в этих краях» в XV–XVI веках. Образовавшийся в результате франко-турецкий союз имел прочную экономическую базу. Итальянские города переживали упадок, а французы, оставшись без крупных конкурентов, завладели средиземноморской торговлей.

Активность России на турецком направлении жёстко зависела от развития капитализма в стране, однако всё же с некоторыми поправками. Торговый капитализм в России XVII века был уже очень силён, но роль именно Турции в русской торговле весьма скромная. Главным её партнёром тогда была Персия. Ситуация изменилась с захватом Украины, ибо без Чёрного моря она оказывалась в коммерческом тупике. Дальнейшее развитие товарного хозяйства крайне затруднялось. В результате уже в конце XVII века Москва вошла в антитурецкую коалицию. «Сбой» в этом процессе произошёл при Петре, который выбрал балтийское направление, где успех казался более реальным, поэтому на юге не удалось сосредоточить достаточного количества сил и ресурсов. Впрочем, пока необходимость в экспансии в черноморский регион не была насущной³⁸¹.

М.Н. Покровский в своих работах показывал, что по мере своего роста и улучшения русский капитализм в своей внешней экспансии шёл от простого к сложному, вовлекая в свою орбиту новые территории. Полномасштабная отработка турецкого направления была востребована на втором этапе торгового капитализма, начавшемся после середины XVIII века. Речь идёт о необходимости организовать производство для массивного экспорта хлеба из наиболее благоприятных районов юга России. Это обеспечивало новый подъём крепостного хозяйства в Черноземье. Вместе с тем М.Н. Покровский констатировал крупное расширение внут-

ренного рынка России в связи с переходом населения нечернозёмных губерний к неземледельческому промыслу.

В XVIII веке заявили о себе экономические противоречия между Россией и Австрией на Балканах. Последняя стремилась контролировать торговые пути, ведущие через полуостров к морям. Тогда балканский хлеб мог пойти на северо-запад, например по Дунаю к европейским потребителям. Нельзя забывать и о самой Османской империи, которая получала определённые доходы от черноморской торговли. Понятно, что при росте последней они были бы ещё выше. Союзником России со времён промышленного переворота стала Англия, так как она теперь особенно нуждалась в русском сырье. Русских помещиков также стимулировал рост хлебных цен за рубежом, ибо промышленный переворот постепенно становился общеевропейским. Выгодный России результат был достигнут в 1774 г., благодаря чему российская пшеница сплошным потоком пошла на Запад, правда, на английских кораблях.

Кстати, общественный строй Османской империи XVIII века историк рассматривал как торгово-капиталистический и одновременно феодальный. Только эта форма капитализма была отсталой даже по меркам Восточной Европы. Да и феодализм остался на уровне XVI века. Эта империя, видимо, в отличие от России мало преуспела в торгово-капиталистической модернизации, из-за этого становилась всё более внутренне непрочной.

На рубеже XVIII–XIX веков на новую ступень вышла французская экспансия на Востоке. Видимо, старая уже себя исчерпала. Французы решили захватить там колонию, по аналогии с Британской Индией. Вероятно, французский капитализм отставал от английского примерно на полстолетия. Возобновилась конкуренция между Францией и Италией, так как итальянский торговый капитал освободился от средневековой апатии.

Торговый капитал завоёвывал сильные позиции в самих Балканских странах. Исторически он был весьма развит в Греции, в значительной степени сосредоточил в своих руках морскую торговлю от Крыма до Архипелага. Его позиции ещё более окрепли в период Наполеоновских войн в связи с континентальной блокадой. «Опека» со стороны Османской империи начала его тяготить. Теперь он мог себе позволить национально-освободительное вос-

стание. Конечно, Александр I не мог относиться к революции положительно. Однако могущество торгового капитализма было непреодолимо. Имела место тесная «смычка» греческого капитала и русской торговли на Востоке. Кроме того, длительная война в зоне черноморских проливов мешала русскому экспорту, поэтому надлежало скорейшим образом обеспечить независимость Греции.

Буржуазное развитие других Балканских стран, например Сербии, дало о себе знать только к XIX веку. Местный капитал в торговле ориентировался на Австрию, на европейского потребителя хлеба. Он более не желал делиться доходами с турками. Но поскольку сербский капитализм был слабее греческого, то и успех его был более скромным. Так, сербская буржуазия состояла в основном из кулаков, торговых крестьян, то есть подлинно крупного торгового капитала было мало.

Со времени Николая I Россия приступила к непосредственному решению следующей торгово-капиталистической задачи на Востоке – завоеванию Константинополя и проливов. Торговый капитализм в стране по-прежнему развивался динамично, но для расширения его присутствия в мировом масштабе одного торгового капитала было уже недостаточно. Без промышленного капитализма действовать было слишком рискованно, что показала Крымская война.

В середине XIX века переживавшая буржуазную революцию Австрия ещё более стремилась к экспансии на Балканы. К решению Восточного вопроса приступила германская буржуазия. Англия стала чисто промышленной страной: её интересовали не столько торговые пути, сколько рынки сбыта, ей нужен был весь турецкий рынок, она хотела сохранить преобладание своих товаров на нём и в дальнейшем. Следовательно, нужно было более плотно контролировать турецкие дела, имперские провинции и т. п. В своей области даже в третьей четверти XIX века в них преобладал французский торговый и финансовый капитал. Нетрудно заметить, что все основные конкурирующие на Востоке «капитализмы» опережали российский, и против их объединённого участия у него не было шансов. Но если бы их объединения не произошло, он мог отвоевать «место под солнцем». Например, русский промышленный капитал ещё до Крестьянской реформы был

широко представлен на рынке Персии. Постепенно можно было продвинуться и в Турцию³⁸².

В связи с этим, мы можем наблюдать в мировой истории упадок торгового капитализма, приводящий к восстановлению средневекового феодализма; консервацию на ранних этапах и замедленное развитие самого торгового капитализма; существование механизмов периодического ускорения его эволюции. Поскольку он в большой степени зависел от внешнего рынка, критически важной была его способность обеспечивать себя инструментарием, необходимым для побед над соперниками.

На рубеже 1928–1929 гг. М.Н. Покровский активно участвовал в работе I Всесоюзной конференции историков-марксистов. Внимание на торговом капитализме там не заострялось, да и сам учёный не сделал на этот счёт каких-то «революционных» заявлений. Однако совсем обойти эту тему он не мог, косвенно она, конечно, возникала.

М.Н. Покровский подчеркнул актуальность изучения истории рабочего класса в России, особенно в период до 1890-х гг. Он констатировал, что о ней почти ничего неизвестно. Между тем очевидны отличия пролетариата российских источников от западноевропейских. На Западе пролетариат формировался из городских ремесленников и вышедших из феодальной зависимости крестьян. В России это были крестьяне-отходники, в том числе крепостные, «а ремесленный слой был совсем тонкий».

Русскую мануфактуру XVIII века историк однозначно связал с крепостничеством. Хозяином её был «иногда чистой воды феодал», на которого работали его крепостные. Но, видимо, речь шла не обо всех мануфактурах, потому что учёный конкретно упомянул только крупную металлургическую промышленность «на Урале или на Выксе». Подобного рода предприятия имели место в средневековой Европе XIV–XV веков. «Развиваться наш промышленный капитал начал, когда ещё во всём цвету стояло крепостное право»³⁸³. Получается, промышленный капитализм появился в недрах феодализма, что не противоречило предыдущим работам М.Н. Покровского. Более того, феодал зачастую эволюционировал не в сторону промышленного капитализма, а в пределах торгового. Однако главное здесь состояло в том, что исто-

рик подчеркнул непродуцированно-капиталистическую природу русского рабочего.

Историографически М.Н. Покровский показал остановку развития буржуазной гуманитарной науки в СССР. Её прогрессивные образцы были отнесены учёным самое позднее к первому десятилетию XX века. В противоположность ей марксистская наука, по утверждению историка, развивалась весьма динамично, хотя и не добилась ещё «подлинной, реальной гегемонии». Из старых авторов М.Н. Покровский упомянул опять А.И. Заозёрского с его «Царём Алексеем Михайловичем в своём хозяйстве» 1917 г. выпуска, дающего исторические факты «на поддержку марксистской концепции». При этом сам автор этой книги, конечно, марксистом не стал. Более высокой оценки удостоился А.Н. Савин, который, «как всякий подлинный крупный учёный, был очень нужен и полезен» марксистам. Также были упомянуты написанные им последние крупные работы школы Виноградова, но без конкретики. Складывается впечатление, что буржуазная историография в лице своих лучших представителей для историков-марксистов могла быть ценна и своими выводами, однако не та, что оставалась в конце 1920-х гг.

Среди достижений молодых марксистов М.Н. Покровский упомянул безадресно серьёзные «труды в области западной истории» и специально «(работы тт. Ванага, Ронина, Гиндина, Грановского, А. Сидорова и др.) о характере русского империализма», доклады (в смысле реферирования наших крупных научных работ) С.М. Дубровского на конференциях в Берлине и Осло. Во всём перечисленном о торговом капитализме до начала XX века содержался минимум информации. Вероятно, М.Н. Покровский не считал, что два научных лагеря в этом деле особенно продвинулись.

Как всегда, учёный сделал множество замечаний методологического характера, имеющих прямое отношение к построению концепции торгового капитализма. Например, он заметил, что любой социальный объект включает в себя совокупность разнообразных общественных отношений. Мы должны сначала познать каждое такое отношение, как имеющее место в масштабах всего общества или какого-то его крупного подразделения, а потом определять индивидуальную «физиономию» объекта. «Индивиду-

альное не начало, как казалось и кажется буржуазным историкам, а конец, итог». Иными словами, сущность помещичьего имения не может быть вполне понята, если мы не знаем, что такое феодализм или торговый капитализм. М.Н. Покровский предупредил об опасности увлечения и гипертрофирования какого-то одного компонента марксистского учения³⁸⁴, ибо марксизм, с его точки зрения, нужно использовать только как целостную научную теорию. В то же время чтобы сделать научное исследование действительно марксистским, совершенно недостаточно просто присовокупить к нему что-нибудь о производительных силах или классовой борьбе. Необходимо всю исследовательскую работу вести на базе марксистской методологии.

Борьбу с буржуазной историографией М.Н. Покровский не считал закончившейся хотя бы потому, что за рубежом она продолжала господствовать. Также, по его мнению, следовало объединить вокруг марксистов всех недовольных капиталистическим строем, даже если они чужды марксизму. Вместе с тем он предупредил, что эти люди будут вносить в революционное движение и его идеологию «свои слабости и ошибки», мелкобуржуазные «нотки». Видимо, на международной арене марксистам с ними пришлось бы мириться, оставаясь, конечно, самими собой. Эта мысль особенно примечательна в связи с ограничением «вариативности» в советском обществоведении. «Намёк» М.Н. Покровского сводился к тому, что в СССР наука должна быть «чисто пролетарской», а в её экспортном исполнении – более «смешанной», «компромиссной».

К концу 1920-х гг. в советской исторической науке усилилась тенденция структурирования и классификации своего рода левого фланга историков с выделением тех специалистов, которые являются марксистами, и распределением остальных авторов по степени их близости к марксистскому учению. Вскоре против последних развернулась ожесточённая борьба. М.Н. Покровский предложил эту градацию ещё более усложнить, выделив из общей марксистской массы марксистов-большевиков³⁸⁵. Это позволяло оставить в науке тех советских обществоведов, историков, которые уступили авторам более «правильных» трактовок в организационно-политическом отношении.

Учёный дал высокую, хотя и общую, оценку выдающемуся немецкому исследователю XIX века Л. фон Ранке: «Всё-таки гениальный был историк, историк-писатель, хотя, конечно, и буржуа, и националист, и всё что угодно». Однако его произведения для М.Н. Покровского были современными не позднее конца этого века. Более прогрессивным являлся другой очень крупный немецко-австрийский историк А. Допш. Его взгляды имели прямой выход на проблематику торгового капитализма. Однако он изображал натуральное и товарное хозяйства как «две параллельные линии исторического процесса, которые идут на всём протяжении от времени Мафусаила до империалистической войны». Эти формы не сменяют друг друга, а сосуществуют. На определённом этапе общественного развития усиливается одна из них, на следующем – другая. Данную идею М.Н. Покровский посчитал не соответствующей основам марксистской теории, которая давно доказала, что в исторической перспективе удельный вес товарного хозяйства растёт и т. п. В рамках же товаризирующегося натурального хозяйства указанные А. Допшем «параллельные прямые» пересекались самым естественным образом. Правда, следует принимать во внимание наличие грани между различными степенями вовлечённости данного хозяйства в рынок, с одной стороны, и возникновением качественно новых форм товарного хозяйства.

Кстати, М.Н. Покровский не считал нужным ассоциировать взгляды А. Допша «с нашими юными годами». Вообще, в концепции последнего историка-марксиста привлёк её политический характер, выразившийся в обосновании победы индивидуализма над коллективизмом в мировой истории. Но ведь и марксистскую историческую науку М.Н. Покровский видел классово-пролетарской, партийной и т. д.³⁸⁶ Марксисты следующим образом выходили из этого противоречия. Известно, что «командующий» общественный класс желает сохранить своё господство, для чего пытается обосновать свои преимущества. Если данный класс утратил свою прогрессивную роль и тормозит общественное развитие, то представляющим его учёным в процессе познания приходится что-то искажать, фальсифицировать. Если же класс находится на подъёме, то он, наоборот, заинтересован в создании максимально правдивой картины событий, поскольку именно она наилучшим обра-

зом подчёркивает его превосходство. В связи с этим советский историк должен непрерывно стремиться к тому, чтобы его концепция стала ещё более пролетарской. Таким образом, интересы класса становятся критерием повышения объективности в науке.

М.Н. Покровский отметил, что «более простые» западные учёные, рассматривающие какие-то конкретные и узкие вопросы, следуя за фактами, останавливаются на экономическом материализме. В качестве примера он привёл французского профессора Депре, который указал на «чисто экономические» причины великих географических открытий: цены на пряности на Востоке и в Западной Европе, дешевизну океанских путей по сравнению с сухопутными и др. По мнению советского историка, это было правильно и ценно. Проблема авторов, подобных упомянутому профессору, состояла в том, что они такими рассуждениями и ограничивались. Как полагал М.Н. Покровский, аналогичной ошибкой является объяснение всей русской истории «исключительно влиянием торгового капитала». Он однозначно заявил, что такая точка зрения не является марксистской. Дело в том, что марксизм в отличие от экономического материализма апеллировал к сложным экономическим системам, а не отсылал к их отдельным признакам или элементам, отдельным хозяйственным явлениям.

Обратившись к своим работам, учёный утверждал, что, открыв роль торгового капитала в русской истории вслед за В.И. Лениным, он показал «не один торговый капитал», но и, например, классовую борьбу. Впрочем, М.Н. Покровский признавал наличие связи между той же классовой борьбой и торговым капиталом. Если торговый капитализм имел существенное значение, то он, естественно, на многое влиял, многое определял. Глава советских историков-марксистов даже раздражённо заметил, что ему «жестoko надоедает, когда в нос начинают совать этот торговый капитал». Вышеприведённые рассуждения, наверное, казались ему совершенно очевидными. Кое-кого из оппонентов не помешало бы снова «пропустить... через рабфаковское обществоведение». Кроме того, М.Н. Покровский считал себя исследователем, регулярно занимающимся самокритикой как «ни один гражданин Советского Союза». Его же оппоненты, по мнению учёного, больше критиковали не себя, а «своих соседей».

Левый историк М. Леритье и его группа пошли дальше Депре. На конгрессе в Осло они «выдвинули целую теорию объяснения всей истории торговыми путями». Более того, они рассматривали Центральную Европу как «перекрёсток, на котором сходятся торговые интересы различных наций». М.Н. Покровский нашёл возможным положительно отнестись к этой тенденции, основываясь на том, что экономический материализм является началом проникновения марксизма «в мелкобуржуазную среду». С одной стороны, на неё нужно влиять, с другой – подходить к ней «с боем, с дракой», убеждая, что их «философия истории... никуда не годится».

Учёный отмечал, что для успешного противостояния буржуазной науке марксистам недостаточно хорошего знания теории: «Здесь с голыми лозунгами выступать нельзя. <...> Нам необходима... серьёзно научная, техническая... академическая подготовка», которая «ведётся у нас... со страшным разнбоем»³⁸⁷. Тонкость здесь состояла в том, что «чистая» теория буржуазному оппоненту вряд ли о чём-то говорит. У него может быть другая система взглядов, которая в своих собственных рамках чётко и логично всё объясняет. Следовательно, к нему нужно подходить в конкретно-историческом ключе. Если он использует цитату из «своих», то марксист должен суметь показать, насколько удовлетворительно она вычленена из контекста, полностью ли приведена и т. п.

Видимо, М.Н. Покровский полагал, что его концепция торгового капитализма весьма далека от экономического материализма, и не видел необходимости «по капле» выдавливать его из себя. Если историк твёрдо придерживается марксистских взглядов, то его «коммуницирование» с мировой «левой» историографией даже и желательно. Если немарксистский «Атлас» (речь идёт о «Русском историческом атласе» К.В. Кудряшова (М.; Л., 1928)) даёт «чрезвычайно точное выявление торговых путей старой России»³⁸⁸, то историк-марксист должен его не игнорировать, а, например, написать предисловие. М.Н. Покровский понял, что настойчивые просьбы по поводу разъяснения сути концепции торгового капитализма некоторым заинтересованным лицам ничего не разъясняют, а вся ситуация вокруг неё не является сугубо научной, хотя пока, скорее, для критиков-«добровольцев», нежели для властей.

3 января 1929 г. на I Всесоюзной конференции историков-марксистов М.Н. Покровский представил свой доклад о ленинской трактовке русской истории в несколько изменённом виде по сравнению с текстом выступления по этой же теме в Институте красной профессуры 16 декабря 1928 г., который мы проанализировали выше. В обновлённой редакции учёный меньше внимания уделил непосредственно торговому капитализму и сосредоточился на экономическом материализме как способе объяснения истории. М.Н. Покровский специально остановился на нём применительно к своему творчеству. Он напомнил о своей брошюре 1906 г., которая так и называлась – «Экономический материализм». Учёный совершенно справедливо отметил, что под ним он из цензурных соображений имел в виду марксизм, уже тогда понимая всю разницу между ними. Пережитки экономического материализма (видимо, где-то внутри, в «конкретике», исторической концепции) были у тех авторов, кто прошёл через «легальный» марксизм. Историк отметил, что И.И. Скворцов-Степанов находил такие и у него, формулируя это как один из «непротертых углов» мировоззрения. Так что осталось неясным, что конкретно улетучилось в ходе «проветривания» и в какие сроки. Правда, М.Н. Покровский заметил, что уже очень давно занимается «профилактикой», таких углов у него становится «всё меньше и меньше». Из этой самохарактеристики историка видно, что, по крайней мере, во время работы над «Русской историей с древнейших времён» экономический материализм у него не преобладал, его доля была небольшой, скорее, остаточной. Основания для такого вывода даёт фраза М.Н. Покровского о том, что некоторые его товарищи «дней первой революции совсем не вылечились от этой болезни». Так, на позициях экономического материализма до конца своих дней стоял Н.А. Рожков. Следовательно, именно после этой революции пути М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова в отношении данного учения разошлись³⁸⁹.

Повторив тезис о ленинском характере своих взглядов на торговый капитал, М.Н. Покровский, тем не менее, заметил, что он сформулировал их во многом независимо от В.И. Ленина, так как не читал тогда, например, ленинскую работу «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», написан-

ную в 1894 г. Историк признал, что он считал и объявлял себя «первооткрывателем» торгового капитализма в России. Многие так полагали вслед за ним. Между тем, по его словам, приоритет в создании «схемы торгового капитала» принадлежал В.И. Ленину, но его указания на этот счёт по периоду до второй половины XIX века были краткими, сжатыми, отрывочными, хотя историк называл их даже «концепциями». У М.Н. Покровского данная схема, конечно же, предстала в развёрнутом виде, не опровергающем отдельных ленинских положений. Историк заметил, что войну с экономическим материализмом он развернул со времени основания Общества историков-марксистов, то есть с 1925 г. Почему? Его следы он обнаружил в построениях молодых советских историков, казалось бы, изначально получавших сугубо марксистское образование. Значит, наблюдалось своеобразное возрождение экономического материализма в новых условиях. В силу определённого сходства с марксизмом, экономический материализм мог стать в нём источником «больших ошибок». Политически историк идентифицировал последний с меньшевизмом.

М.Н. Покровский попытался раскрыть характерные черты экономического материализма и показать, в чём марксизм составляет альтернативу этому направлению в науке. По его мнению, экономический материализм не придерживается диалектического подхода к истории, не является революционной теорией. Он склоняется к чисто экономической интерпретации исторического процесса, «игнорируя всё остальное». Историк же полагал, что некое явление могло иметь неэкономическую причину или даже развиться вопреки наличным хозяйственным условиям. Ведь согласно «узкоэкономическим» законам, социализм в СССР должен был либо погибнуть, либо переродиться в капитализм, а он развивался по восходящей. Экономический материализм М.Н. Покровский считал вульгарным, его недостаток видел в формализме. Кроме того, он, по мнению учёного, предполагал веру в фатальное действие экономических законов, раз и навсегда предопределивших ход истории³⁹⁰.

Как же марксизм рассматривает экономическое развитие? М.Н. Покровский, опираясь на приводимые им многочисленные положения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, дал чёткий ответ

на этот вопрос в контексте полемики против экономического материализма. Историк предостережёт от упрощённого толкования экономики. Например, с точки зрения текущего момента некоторое действие может не иметь достаточных экономических предпосылок, но в широкой исторической перспективе вполне себя оправдывает, в том числе и экономически. По мнению М.Н. Покровского, с точки зрения марксизма социальная или политическая сила обладают также экономической силой. «Настоящий марксизм допускает очень сильное вмешательство политического момента на всех стадиях развития». Экономическая сила при этом создаёт политическую, которая приобретает относительную самостоятельность и оказывает обратное влияние на экономику. Как правило, экономическое движение в состоянии преодолеть политические и иные препятствия за исключением тех ситуаций, когда производительные силы существенным образом подрываются. Но это происходило в древних обществах. Экономическое в истории является «в последней инстанции всегда решающим». Однако чем дальше та или иная область от экономики, тем более значительную роль в ней играют случайности. Если мы объясняем «огромные периоды в истории больших стран», то можем «исходить из экономики более или менее прямо». При изучении отдельных моментов, которые именно для истории тоже важны, напротив, без факторов другого рода и порядка не обойтись.

М.Н. Покровский привёл следующую трактовку отмены крепостного права в 1861 г.: «Его падение было подготовлено развитием товарных отношений ещё в дореформенную крепостническую эпоху. Ещё в крепостную эпоху имения превращались в фабрики для производства хлеба, и это толкало помещиков по пути ликвидации крепостного права». Он сопроводил данные положения обширной цитатой из «Экономического содержания народничества...» В.И. Ленина, заключив её своим выводом о том, что падение крепостного права было результатом «развития денежного хозяйства внутри крепостной вотчины». Историк задался вопросом: не отражает ли сказанное именно экономико-материалистический подход к истории? Ведь тот же П.Б. Струве в этой связи писал не только об экономике, но и о государстве. Ответ М.Н. Покровского сводился примерно к следующему. Если бы В.И. Ле-

нин ограничился только экономическими предпосылками падения крепостничества, то такая постановка вопроса была бы оправданной. Но и у него без государства не обошлось, однако в другом смысле, нежели в схеме П.Б. Струве. В.И. Ленин, по мнению М.Н. Покровского, видел серьёзные отличия между самодержавием XVII, XVIII и XIX веков по форме и по тем общественным задачам, которые оно решало. Однако постоянным в нём было отстаивание в различных меняющихся условиях интересов одних и тех же эксплуататорских классов. Феодальной (к XX веку полуфеодальной) оставалась и сущность самодержавия. Так, для В.И. Ленина даже Столыпинская аграрная реформа не устранила основных черт феодализма, а землевладельцы феодального типа остались господствующим классом. Он не останавливался и перед характеристикой самодержавия как своего рода «азиатского» строя. Какую же «экономико-материалистическую» ошибку, по М.Н. Покровскому, обыкновенно допускают здесь некоторые марксисты (например, А.Н. Слепков)? Они пишут, что поскольку в России десять лет перед революцией существовал промышленный капитализм, то самодержавие было представителем не помещиков, а промышленной буржуазии. Иными словами, менялась не форма его, а сущность³⁹¹.

Проанализированные здесь взгляды учёного неопровержимо свидетельствуют, что по глубине понимания темы он намного опережал тех критиков, которые приписывали экономический материализм самому М.Н. Покровскому. Будь в «торговом капитализме» что-нибудь экономико-материалистическое по существу, ему пришлось бы отказаться от этой концепции как можно быстрее и со всей решительностью. Очевидно, что невозможно было возглавить борьбу с экономическим материализмом, оставаясь его приверженцем в главном пункте своего исторического «миросозерцания». Похоже, учёный пытался «выбить почву из-под ног» тех, кто был склонен объявлять экономическим материализмом всё, что угодно, проводить под этой «рубрикой» любую трактовку экономического развития, с которой был лично несогласен. М.Н. Покровский находил проявления экономического материализма не только у буржуазной профессуры, но и у марксистов своей школы, из которых как раз и вырастали ниспровергатели «тор-

гового капитализма». Получается, что борьба со схемой Ленина – Покровского, в которую последний явно включил торговый капитализм, велась в том числе «методами» экономического материализма. Однако, вероятно, у вождя советских историков не было ни сил, ни времени для того, чтобы научно вскрыть корни экономического материализма в работах своих оппонентов, тем самым развернув неблагоприятную для себя тенденцию в научном мире.

М.Н. Покровский счёл необходимым вновь разобрать вопрос о соотношении фактов и теории. Приведя в качестве примера К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, он указал на то, что они продолжали тщательно изучать факты и после того, как создали соответствующую теорию. Следовательно, овладение теорией не отменяет накопления и анализа фактического материала. Марксизм в исторической науке не сводится к простому приложению теории к фактам. Это верно хотя бы из того, что научное познание не исчерпывается только теоретическим уровнем. Историк предостерег от использования фактов только для иллюстрации того или иного положения теории. Наоборот, теория должна корректироваться под «напором» фактов. Кроме того, историческая наука не может состоять только из теории. Если исследователь достаточно качественно работает с фактами, то его немарксизм невозможно обосновать с помощью голословных заявлений. Иное отношение к данному вопросу учёный предлагал квалифицировать как антимарксистское.

Вместе с тем он отметил и другую столь же ущербную крайность: «превосходство эмпирии над теорией». Факты без теории представляют собой «лесную чащу». Теория же играет роль дороги. Преимущество современных марксистов состоит в том, что для них уже проложена «шоссейная дорога». Возможна и другая менее благоприятная ситуация, когда исследователь сам себе пробирает дорогу в этой чаще³⁹². Мы бы к этому добавили ещё одно условие: это такая дорога, которая без леса не существует.

Концепция торгового капитализма создавалась М.Н. Покровским в полном соответствии с приведённой трактовкой: на основе изучения уже известных событий русской истории под углом зрения определённой теории. Правда, учёный шёл всё-таки больше от фактов к теории.

В предисловии к изданным в 1930 г. материалам Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов М.Н. Покровский продолжал развивать эту чрезвычайно актуальную в то время тему, подойдя к ней с другой стороны. Признавая «примат философии» в разработке проблем методологии истории, он, вместе с тем, заявил, что историки должны сказать в этом вопросе своё веское слово. Более того, в его решении они незаменимы. Почему? Учёный полагал, что «человек, никогда не имевший дела с конкретным историческим материалом», будет повторять уже написанное классиками марксизма или, добавим от себя, перейдёт в сферу философии истории, а не философии для истории. Если этого не произойдёт, то он будет конструировать «исторические абстракции», никак не связанные с историей как наукой, но предназначенные для учёных-историков, что дезориентирует их, станет для них обузой.

М.Н. Покровский предупредил молодых марксистов о неизбежной для профессионального историка ситуации, когда он, являясь специалистом по какой-то одной конкретной теме, которую знает досконально, в то же время выступает в качестве учёного по истории вообще. Конечно, всю её в одинаковой мере он знать не может, но должен стремиться быть осведомлённым в изучаемой им эпохе в целом. Например, историк, занимающийся рабочим движением на Украине в 1905 г., обязан разбираться в империализме, революциях, раскладе политических сил в стране и т. п.

М.Н. Покровский в расширительном плане трактовал хронологические рамки феодализма, которые включали и период торгового капитализма. Получалось, что торговый капитализм входит в феодальную формацию. С марксистской точки зрения это был правильный выбор, тем более что историк всегда изображал торгово-капиталистическое производство как явление по своей природе феодальное, хотя и проходящее через различные стадии приспособления к рынку. Однако, по нашему мнению, вытеснение торгового капитализма феодализмом из периодизации отечественной истории обедняло её. Вместе с тем учёный выступил против механистического представления о формациях как всемирно-историческом явлении. По его словам, тот же феодализм существовал и в древнем мире, и в новейшей истории³⁹³. Значит, наряду с ним,

имели место и другие формации, например к началу 1930-х гг. социализм в СССР, капитализм в США и феодализм в колониях. Кроме того, в условиях рабовладения феодализм мог существовать как экономический уклад. Однако, видимо, историк отвергал концепцию «азиатского» способа производства, хотя полной ясности в данный вопрос не внёс. Впрочем, он фактически выступил против догматизма и схематизма в применении формационного подхода.

В 1929 г. М.Н. Покровский подготовил седьмое, а в 1931 г. десятое издание первых двух частей «Русской истории в самом сжатом очерке», в которые впервые внёс незначительные по объёму изменения, однако касавшиеся в основном торгового капитализма³⁹⁴. Мы анализировали их содержание по десятому, последнему прижизненному, изданию данного произведения в той части настоящей работы, которая охватывала труды М.Н. Покровского первых послеоктябрьских лет. Мы исходили из того, что существенных новаций в изданиях разных лет не появилось. Концепция торгового капитализма осталась неизменной в своих основах. Никакой ошибки при её рассмотрении по любому изданию «Сжатого очерка» не возникнет. Эта концепция представляла единое целое независимо от его «номера», зачем же тогда вновь возвращаться к началу 1920-х гг.? Ведь и по существу, и даже по форме «торгового капитализма» за прошедшие годы мало что поменялось. Однако характеристика этих изменений нам кажется небезынтесной. Таким образом, подчиняясь логике изложения, мы нарушили его хронологический принцип, но и то лишь отчасти. Всё-таки исследуемые модификации относятся именно к завершающему периоду научной деятельности историка. Мы не будем также специально оговаривать, когда именно в рамках этого периода они были осуществлены, хотя в большинстве своём интересующие нас правки были сделаны в десятом издании.

С одной стороны, при сокращении удельного веса «торгово-капиталистических» формулировок М.Н. Покровский руководствовался, несомненно, тактическими соображениями. Ведь убирая в одних случаях положения о «государстве торгового капитала», в других он сохранял их в прежней редакции, с прежней терминологией, хотя именно с последней точки зрения корректиров-

ку можно было провести достаточно легко и без больших затрат времени. С другой стороны, учёный устранял некоторые более или менее формальные шероховатости своей концепции. Например, государство торгового капитала изображалось как государство феодалов, крепостников-помещиков и т. п. Но ведь в схеме историка такое государство всегда было прежде всего их государством, только теперь акцент с вырвавшегося внутри крепостного имения денежного хозяйства переносился на всё это имение. Конечно, в результате формулировка становилась более точной, но только при её использовании в самом общем виде. Неудачно смотрелись в своё время «неаккуратные» высказывания М.Н. Покровского в духе куда-то идущего, что-то сделавшего торгового капитала. Иногда в таких случаях вообще правильнее было говорить не о торговом капитале, а о классах, государстве, пусть сколько угодно торгово-капиталистических. В этом отношении корректировки учёного были, пожалуй, наиболее плодотворными. Заметим, что М.Н. Покровский, убирая откуда-либо отсылку к торговому капитализму, ни разу не высказался в том смысле, что в данном конкретном случае торговый капитализм не при чём, что он не сыграл никакой роли и т. п. Понятно, что при помощи «первоначального накопления капитала» или «крепостнического государства» в принципе невозможно опровергнуть «торговый капитализм», тем более ограничиваясь сферой «фразеологии».

Рассматривая соотношение классовых сил и классовую борьбу в России XVI века, М.Н. Покровский ранее отмечал, что в ней победили «возникающий и образующийся торговый капитал» в союзе с мелким дворянством³⁹⁵. В новой редакции эта пара была обозначена как поместное дворянство и горожане, причём историк вполне осознавал всю условность использования в этом контексте термина «класс». Действительно, «торговый капитал» смотрелся здесь не слишком уместно. Казалось бы, вместо «горожан» лучше было использовать «купцов». Но сам учёный объяснял выше, что в их число входили гости, мелкое купечество и чёрный люд³⁹⁶. Что касается термина «торговые капиталисты», то М.Н. Покровский вообще использовал его довольно редко.

Первоначально историк отмечал, что «к огромному усилению эксплуатации крестьян» привело «торжество помещиков и

торгового капитала». Затем он заменил последний на «купцов», иными словами, продолжается разговор о победе двух новых классов. В данном случае учёный выразился даже точнее, упомянув конкретный «разряд» городского населения. Вряд ли городская беднота была в числе «триумфаторов».

М.Н. Покровский снял своё отдельное высказывание о том, что русские цари Борис Годунов и Василий Шуйский были воплощениями торгового капитала³⁹⁷. Однако концептуально это ничего не изменило. Ведь русские цари, начиная с Грозного, при всех переизданиях «Сжатого очерка» изображались им как субъекты торгового капитала, своей политикой способствовавшие утверждению торгового капитализма. Шуйского он по-прежнему называл «царём боярско-купеческим, и даже больше купеческим, чем боярским»³⁹⁸. Следовательно, классом, на который он опирался, не мог быть торговый капитал, который, как известно, не является социальной группой, а всё те же боярство, купечество. Нам представляется, что в данном случае корректировка была вызвана и другим обстоятельством. Историк на самом деле убрал тезис о том, что «у Годунова мы видим хорошие стороны тогдашнего капитализма», включая стремление «обуздать развивающуюся эксплуатацию массы населения», а у Шуйского – только плохие. При сохранении такой постановки вопроса следовало классифицировать «капитализм» по его положительным и отрицательным сторонам. Да и по существу в концепции М.Н. Покровского торговый капитализм накануне Смуты, наоборот, привёл к безудержной эксплуатации масс. Таким образом, учёный избавился от своего рода логического несоответствия.

М.Н. Покровский скорректировал ещё одно своё положение из истории Смуты начала XVII века: убрал отдельное упоминание о том, что дворяне могли восстать «против бояр и богатого купечества», составив социальную базу Лжедмитрия II, воевавшего с Шуйским³⁹⁹. Однако и здесь не произошло коренного переворота в концепции учёного. В рассматриваемом отрывке в целом историк выдвинул на первый план классовую борьбу между дворянами и крестьянами в лагере противников Шуйского, специально выделив классовые противоречия между ними⁴⁰⁰. Об этом свидетельствует то, что, наряду с вышеизложенным, М.Н. Покров-

ский изъял ещё два высказывания, затенявших главное в развернувшейся борьбе: 1) Шуйский просто «подкупил... мелких помещиков», поддерживавших Лжедмитрия II; 2) они поначалу и отчасти сочувствовали «стремлениям крестьян»⁴⁰¹. Теперь более чётко прозвучала мысль о том, что крестьяне пошли против всех эксплуататорских классов, независимо от принадлежности последних к тому или иному политическому лагерю⁴⁰².

В более ранних изданиях «Сжатого очерка» М.Н. Покровский отмечал, что реформированная при первых Романовых армия была более эффективным орудием внешней политики, которую проводил «торговый капитал»⁴⁰³, изъятый далее из этого контекста. Тогда выяснилось, что вся эта фраза относится к упомянутому несколько выше царю⁴⁰⁴. Получилось, что армия – орудие не самодержавия и торгового капитала, а просто самодержавия. С нашей точки зрения, это тоже уместная корректировка, ведь армия является инструментом, при помощи которого государство выполняет одну из важнейших своих функций. Развитие торгового капитализма создаёт для него материальную базу, то есть ресурсов у государства становится больше и т. п. С торговым капитализмом соотнобразуются и направленность действий вооружённых сил. Два последних вывода в данном случае «не пострадали».

В положении о том, что казацко-крестьянская революция С. Разина поколебала «торговый капитал и созданные им порядки»⁴⁰⁵, М.Н. Покровский заменил последние на «помещичье государство»⁴⁰⁶. Здесь в духе известной концепции учёного можно было использовать достаточно подходящий термин «торгово-капиталистическое государство». Первая версия историка действительно выглядела несколько расплывчато. Видимо, М.Н. Покровский снова хотел выделить основное классовое противостояние эпохи – между феодалами и крестьянами. Поскольку господствующим классом в схеме учёного были так или иначе землевладельцы, эксплуатировавшие крестьян в целом феодальными методами, то и характеристика государства как помещичьего возмущения не вызывает и против торгового капитализма не свидетельствует.

В следующем отрывке М.Н. Покровский характеризовал порядки в Речи Посполитой в первой половине XVII века, по его словам, аналогичные московским, в полном соответствии с кон-

цепцией торгового капитализма. В новом изложении он заменил «торговый капитал»⁴⁰⁷, под влиянием которого наступали барщинное, крепостническое хозяйство, на отдельно «торговлю» и «капитал». Следовательно, речь шла о землевладельцах, которые, имея соответствующие стимулы и возможности, направляли на рынок определённый продукт, например хлеб. Купцы лишь распространяли его в широких географических рамках вплоть до Португалии. Понятно, что «новые порядки», о которых историк писал в дальнейшем, были не в торговом капитале, а в производстве. В любом случае указание на торговлю прежде всего и торговый капитал в том числе является не более чем косметической правкой.

В одной реплике М.Н. Покровский предложил интересную формулировку «торгового феодализма»⁴⁰⁸, правда, применительно к тому же Польскому государству, которой прямо заменил «торговый капитализм». К сожалению, эксперимент особого распространения не получил.

Применительно к истории России XVII века учёный совершенно справедливо заключил, что старые феодальные учреждения были не нужны не «торговому капиталу», а «бюрократическому государству»⁴⁰⁹. Дело в том, что соответствующий отрывок у историка был посвящён машине, выжимавшей «из народной массы то, что та сработала». Значит, речь шла конкретно о государственном механизме. Далее М.Н. Покровский писал уже специально о государственном учреждении – Боярской думе, на смену которой пришёл Сенат⁴¹⁰. В этом случае речь шла в самом точном значении о бюрократизации государства как признаке надвигающегося абсолютизма.

Сначала учёный писал, что монархия Петра в отношении откупной системы, в «области сбора налогов... отражает свою основную сущность как владычество торгового капитала»⁴¹¹. Затем он отнёс откупа к числу главных источников «первоначального накопления в крепостной России». В схеме историка это последнее и торговый капитализм друг другу не противоречили. Данный процесс происходил в условиях и средствами торгового капитализма. Кроме того, М.Н. Покровский расширил хронологические рамки своей оценки функционирования откупной системы до всего XVIII века в России и XVI–XVIII столетий в Западной Европе.

М.Н. Покровский в новой редакции отметил, что в пореформенный период в России «сохранилась та машина, которая выжимала из крестьянина "прибавочный продукт", только в усовершенствованном виде»⁴¹², убрав отсюда упоминание о торговом капитале, благодаря которому всё это произошло⁴¹³. Из дальнейшего разъяснения становится понятно, что под «машиной» он понимал «всё дворянское государство», не исключая и самого помещика как землевладельца. Заметим, что М.Н. Покровский скорее заменил «торговый капитал» на «государство», нежели «торговый капитализм» на «феодализм». Кроме того, выше историк посвятил небольшой отрывок как раз частию торгового капитала в процессе отмены крепостного права, используя «старые» формулировки: «очень наивно думать, что торговый капитал и его союзник... сдадутся»; «торговый капитал сохранил всё же мелкого самостоятельного производителя» и т. п.

Учёный охарактеризовал устройство государства до конца XIX века в России более нейтрально: оно осталось таким, каким сложилось к началу XVIII века⁴¹⁴. Ранее историк добавлял сюда «торговый капитал», который и создал государство в это время для удовлетворения своих потребностей⁴¹⁵. С нашей точки зрения, в данном случае уместнее было использовать понятие «торговый капитализм», тем более что сам М.Н. Покровский здесь же писал о торжестве промышленного капитализма в конце XIX века. Кроме того, далее в «Сжатом очерке» он рассказывает о том, как царь из первого купца в своём государстве превратился «в первого миллиардера Вселенной», то есть не торговал пенькой и салом, а вкладывал деньги в зарубежные банки и т. п.⁴¹⁶ В этом случае вопрос о том, оставался ли царь торговым капиталистом или, может быть, уже стал промышленным, только бы запутал читателя.

Историк убрал утверждение о том, что Польское государство, как и Российская империя, было создано торговым капитализмом⁴¹⁷. Конечно, историей Польши было удобнее всего «пожертвовать» в случае уменьшения частоты упоминания «торгового капитализма», да и конкретно речь у М.Н. Покровского шла о разделах Речи Посполитой. Главное для него здесь было в том, что эта страна стала добычей торгового капитала, русского в частности⁴¹⁸.

В отношении пореформенного периода учёный считал, что Земская реформа оставила у помещика меньше власти на местах.

Сначала он связывал это с позицией торгового капитала, не забывшего, что часть дворянства в 1861 г. «перешла на сторону его конкурента – промышленного капитала»⁴¹⁹, а затем с позицией полукрепостнического государства, которое меньше доверяло помещику, чем «чисто крепостническое»⁴²⁰. Как видим, опять произошла подвижка от торгового капитала к помещику. Это вполне оправдано, так как «не забыть» могли представители торгового капитала, в большинстве своём те же помещики.

Если ранее у М.Н. Покровского в результате буржуазных реформ Александра II «торговый капитализм отступил... на всех фронтах очень недалеко и сейчас же прочно укрепился на "тыловых позициях"»⁴²¹, то в поздней редакции это сделало «крепостническое государство»⁴²². Такая поправка верна даже при сохранении в полной неприкосновенности «старого» взгляда на торговый капитализм, согласно которому торговый капитализм в России последней трети XIX века продвинулся далеко вперёд, вышел на новые рубежи, а вот государство начало эволюционировать в сторону буржуазной монархии. Значит, крепостническое в нём, по крайней мере по удельному весу, отступало.

До 1929 г. в «Сжатом очерке» М.Н. Покровский указывал на то, что в западной литературе под капитализмом понимается только промышленный капитализм. В связи с этим она не замечала, что в России середины XIX века капитализм уже был, только торговый⁴²³. В издании этого года он просто указал, что в ту эпоху в нашей стране не было такого капитализма, как в Западной Европе. В сущности, разными словами было сказано одно и то же, однако здесь есть и подтекст. Первая формулировка М.Н. Покровского косвенно подталкивала читателя (особенно склонного вычленять главные мысли в виде цитат) к выводу о том, что в России с XVII века была одна формация – капиталистическая, которая имела два этапа развития. Между тем ещё с дореволюционного периода своего творчества учёный отмечал коренные различия между торговым капитализмом и промышленным в способе производства. В целом приходится признать, что предназначенные для корректировки высказывания в «Сжатом очерке» были подобраны историком весьма удачно, а произведённые замены повышали научное качество текста. Нельзя сказать, что эта работа

делалась «механистически», «наобум», с тем, чтобы критики «отвязались» от торгового капитализма, хотя в редких случаях не без некоторой «маскировки».

В 1930 г. М.Н. Покровский, как и прежде, выступал на различных учебно-научных мероприятиях в возглавляемых им учреждениях, где продолжал давать пояснения в части торгового капитализма, затрагивая и некоторые теоретические вопросы. Учёный ещё раз обратил внимание на соотношение капитализма в целом и различных его видов. Он уточнил, что капиталистическое сельское хозяйство представляет собой капиталистическое производство и, следовательно, входит в промышленный капитализм. Это весьма уместное замечание, так как нужно было отделить аграрный капитализм эпохи торгового капитала (товарное хозяйство феодального типа) от аграрного капитализма эпохи промышленного капитала. Тем более важно, что указанные разновидности аграрного капитализма сосуществовали в отечественной экономике и после отмены крепостного права. М.Н. Покровский утверждал, что «даже самые либеральные помещики» не порвали с феодализмом полностью и не превратились в настоящих капиталистов хотя бы потому, что у них оставались феодальные привилегии. Они усваивали некоторые приёмы капиталистического хозяйства, а не сам этот тип хозяйства. В результате постепенного «перетаскивания» этих приёмов и их должной концентрации помещичье хозяйство становилось капиталистическим, может быть, даже вопреки желанию иного землевладельца.

Наряду с этим, М.Н. Покровский предостерег от смешения понятий «капитализм вообще» и «промышленный капитализм»⁴²⁴. Если говорить о капиталистическом производстве, укладе, формации, то данное замечание неверно. Однако можно исходить и из того, что каждый капитал создаёт свой вид капитализма. Только при этом нельзя забывать, что некоторые «капитализмы», например торговый, не имели своего способа производства и составляли часть, допустим, феодального производства. Как нам представляется, историк в своём творчестве в целом тяготел к последней позиции, хотя не всегда чётко её придерживался на уровне каких-то высказываний более общего характера. Так, например, он указывал на необходимость различать капитализм в сельском хозяй-

стве и капитализм в промышленности, но лишь в том отношении, что юнкеры и фабриканты имел разные интересы. М.Н. Покровский отметил, что, несмотря на все успехи промышленного капитализма, в Германии второй половины XIX века «господствовали помещики нового типа, а не промышленные капиталисты». Благодаря этому, данный капитализм развивался лишь в той мере, в какой это было необходимо юнкерству, так сказать, аграрной «фракции» того же производственного капитализма, которая всё же стояла несколько дальше от «чистых» капиталистических форм, чем промышленники. Во всяком случае, учёный склонялся к тому, что капиталистическую формацию не следует изображать как нечто однородное, ограничиваться констатацией капиталистического характера субъектов и сфер экономики.

М.Н. Покровский однозначно подчеркнул, что когда современные историки-марксисты говорят о феодализме, то они имеют в виду феодальную формацию. По его мнению, в этом случае речь идёт о приёмах феодального хозяйствования, «хозяйствования методами внеэкономического принуждения массы мелких товаропроизводителей». В этой формулировке содержится ясное указание на способ производства, верно определён характер эксплуатации непосредственных производителей. Однако последние при всём росте их числа в исторической перспективе, конечно, далеко не всегда вели товарное хозяйство. Правда, для торгового капитализма была важна именно эта группа земледельцев и ремесленников, мануфактурных рабочих.

М.Н. Покровский сделал акцент на том, что Крестьянскую реформу 1861 г. провело именно дворянство, но противопоставив его в этом деле не субъектам торгового капитала, что было бы полной бессмыслицей, а государству как «самодовлеющей» сущности. При этом он выделил из общей массы дворянство «среднее», «прогрессивное», «дворянство определённых районов», как сыгравшее главную роль в реформировании⁴²⁵. Видимо, дворянство находилось в разной степени готовности к ликвидации крепостничества. Несомненно, впереди шёл тот его «отряд», который в своём приспособлении к рынку исчерпал возможности крепостного хозяйства. Можно многое сказать о торговом капитализме, ни разу не упомянув сам термин.

М.Н. Покровский признал, что он «возник с лёгкой руки Скворцова-Степанова. И встречался в первом томе курса Политической экономии Богданова и Степанова». Однако ошибку этих авторов историк видел в том, что они строили «свою схему независимо от общественно-экономической формации». Таким образом, по М.Н. Покровскому, упоминание торгового капитализма и даже выделение торгово-капиталистической эпохи сами по себе не содержали ничего антимарксистского. Просчёт с точки зрения марксизма наблюдался тогда, когда торговый капитализм не мог быть совмещён с формационной схемой, включён в неё или приведён с ней к общему знаменателю. По словам учёного, К. Маркс и В.И. Ленин торгово-капиталистической эпохи не выделяли, а последний не использовал и соответствующего термина. Однако, с его точки зрения, это не является неопровержимым аргументом в пользу того, что они были противниками выделения торгового капитализма. Действительно, исследователь сам мог обходиться без явно выраженной концепции торгового капитализма, но давать аналогичные ей объяснения исторических событий. Так, М.Н. Покровский сослался на положительную оценку В.И. Лениным «Краткого курса экономической науки» А.А. Богданова⁴²⁶. Однако в данном случае историк не показал, в каком отношении это произведение стояло к последующим работам того же автора.

Можно согласиться с тем, что классики марксизма не выделяли какого-то особого торгового капитализма в рамках исторического процесса смены формаций в виде регулярно повторяющейся «формулы». Однако терминологией из его арсенала они, конечно же, пользовались прежде всего потому, что она, например, через торговый капитал входила органической составной частью в марксистскую политическую экономию. Вообще-то, не вызывает сомнений возможность «реконструировать» на базе работ основоположников марксистского учения некий аналог торгового капитализма, не говоря уже о произведениях исследователей, придерживавшихся марксистского метода в своей научной деятельности. Ведь тот же К. Маркс в своих работах многократно фиксировал наличие в истории некоей особой эпохи, когда происходило зарождение капитализма, созревали его условия и предпосылки. Для него и для других марксистов было очевидно, что в развитии

старого общественного строя наступал некий, условно говоря, «рыночный» этап. Не забудем, что «Русскую историю в самом сжатом очерке», где, по утверждению оппонентов М.Н. Покровского, как раз и «воцарился» торговый капитал, В.И. Ленин однозначно квалифицировал как марксистское сочинение. Конечно, к проблеме можно подойти и более формально. В.И. Ленин в работе «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» так определял взгляды К. Маркса на этот счёт: «Он берёт одну из общественно-экономических формаций – систему товарного хозяйства – и на основании гигантской массы данных... даёт подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития её... Маркс даёт возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая... антагонистические классы»⁴²⁷. Вряд ли нужно доказывать, что речь здесь идёт не только о капиталистической формации. Может быть, и М.Н. Покровский, и В.И. Ленин плохо разбирались в марксизме, поэтому они оба ошибались? Предоставим слово самому К. Марксу. Он утверждал, что в способах производства, направленных «главным образом на производство потребительной стоимости... продукт становится... товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведённые товары своим движением образуют торговлю»⁴²⁸. Значит, товарное хозяйство на определённой ступени своего развития всегда создаёт целую общественную систему, а в основе торгового капитализма не всегда лежит именно производство. В сочинениях классиков марксизма можно найти немало подобного рода «новостей», делающих ненужными какую-то особую *теорию* торгового капитализма. При М.Н. Покровском и существующая марксистская теория для создания истории торгового капитализма в России была далеко ещё не исчерпана. Учёный поступил весьма разумно, не попытавшись здесь выступить в роли изобретателя какой-нибудь «самостоятельной» теории в своей области.

Историк высказал мысль о том, что любой вид капитала создаёт соответствующий капитализм, однако не всякий из них будет формацией. Действительно, вокруг какого-либо капитала и в связи с ним может сложиться определённая общественная сис-

тема. Однако это будут системы разного уровня, качества, наполнения и т. д.

М.Н. Покровский заметил, что «основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма» является общественное разделение труда. Однако, с его точки зрения, было бы неверно каждое очередное его углубление трактовать в смысле продвижения к капитализму. Например, появление ремесла не следует связывать с разложением феодализма и зарождением капитализма. Московскую «колонизацию» учёный охарактеризовал как «захватный рынок», то есть по-прежнему видел в ней торгово-капиталистическую составляющую. Однако теперь историк предостерегал против «удревнения» торгового капитализма, признал, что раньше сам это делал, затем по этому пути пошли некоторые «молодые ученики», в частности А.И. Малышев. М.Н. Покровский указывал на то, что не следует принимать за торговый капитал наличие простого товарного производства или товарно-денежных отношений. Феодал же мог «выкорчёвывать» из крестьянина прибавочный продукт и без какой-либо связи с торговым капиталом. Иными словами, в истории феодальной России был период, когда торговля не носила капиталистического характера. По словам учёного, например, торговля хлебом приобрела его в конце XVIII века, когда образовался достаточно большой внутренний хлебный рынок и начался вывоз хлеба за границу в крупных масштабах. «Только с этого момента можно говорить о торговом капитале в сфере сельскохозяйственного производства». Но как же быть с постоянно отмечавшимся М.Н. Покровским возникновением торгового капитализма в XVII веке? Историк от этой идеи не отказался. Он призвал учитывать хозяйственные «опыты» и этой эпохи, когда новые формы развивались в старых⁴²⁹. Учёный явно попытался выявить некие стадии развития, но уже не торгового капитализма, а торгового капитала, правда, в соединении со стадиями товаризации феодального хозяйства. Здесь можно говорить лишь о набросках соответствующей схемы. С точки зрения марксизма она правильна, но отрывочна. Вначале М.Н. Покровский писал о возникновении торгового капитала, но ни теоретически, ни хронологически не разобрал вопрос о том, как и когда в России некапиталистическая торговля превратилась в капиталисти-

ческую. Затем он показал, что при соединении торгового капитала с ориентированным на него производством фактически образуется торговый капитализм, однако постарался «заменить» последний торговым капиталом, из-за чего столкнулся с неизбежными затруднениями. Так, многие русские помещики были субъектами скорее торгового капитализма, нежели торгового капитала. При учёте данного обстоятельства можно было задуматься над тем, что они являются таковыми, когда их имения становятся товарными хозяйствами. Это позволяет хронологически «сместить» торговый капитализм в сторону промышленного. Да и применительно к XVII веку, вместо пары невнятных фраз, следовало уточнить, что в старых феодальных формах вырастает именно товарное хозяйство. Такие крупные вотчины (царя Алексея Михайловича, боярина Б.И. Морозова и других представителей правящего «кружка») именно тогда перестали быть единичным явлением.

Вероятно, осознав недостаточную продуманность изложения «поворотов» истории торгового капитала, М.Н. Покровский обратился к другим терминам. По его мнению, процесс первоначального накопления капитала начался в России в XVII веке. Возможно, он планировался как главное свидетельство наличия торгового капитализма. Они по сути во многом близки, а все перипетии этого процесса детально изучены К. Марксом. Другим привлечённым понятием был «поздний феодализм», который являлся весьма своеобразной стадией развития этого строя. Судя по упреку, высказанному М.Н. Покровском в адрес И.И. Скворцова-Степанова, для историка эта стадия наступала в рамках торгового капитализма. Почему? С чем она была связана? Мы находим у М.Н. Покровского два аргумента: феодальное хозяйство стало товаропроизводящим (правда, непонятно, в основной своей массе или нет); существовал ряд переходов из феодальной формации в капиталистическую, иными словами, генезис капитализма. Оставаясь в рамках марксистской схемы, вряд ли это можно датировать раньше середины XVIII века. Следовательно, «диалектика» позднего феодализма заключена в соединении феодализма в форме торгового капитализма (просто феодализм здесь ничего не даёт) и производственного.

Видимо, для М.Н. Покровского феодальная и капиталистическая формации не были отделены друг от друга какой-то другой

формацией. Он констатировал со ссылкой на классиков марксизма «перерастание феодальной эксплуатации в капиталистическую», при этом переходные формы не содержали ничего «третьего». Учёный косвенно указывал на то, что между феодальным и капиталистическим на определённом этапе поддерживается состояние относительного равновесия: получается феодализм с большим удельным весом капитализма, от чего и сам феодализм становится другим, а именно крепостническим. Вторую половину XIX века в России историк назвал периодом образования капиталистического производства, капиталистических отношений⁴³⁰. Речь, видимо, идёт не об их господстве, а об утверждении капитализма, перераставшего из уклада в формацию.

Складывается впечатление, что для М.Н. Покровского наиболее плодотворным было соединение торгового капитализма с другими близкими ему процессами и системами. «Редуцирование» торгового капитализма до торгового капитала оказалось совсем неудачным. Вряд ли была возможна «механистическая» замена торгового капитализма, допустим, на комбинацию феодализма и капитализма, ведь торговый капитал существовал и без промышленного, и не смешиваясь с ним. В феодализме же в данном случае важны именно результаты влияния на него обмена, а не его базисные признаки. Только капиталистически организованная торговля могла сдвинуть инертную феодальную массу и подтолкнуть её к капитализму. При этом на помощь такой торговле должны были прийти какие-то силы изнутри, со стороны феодализма, которые постепенно накапливались, консолидируясь в торгово-капиталистическую систему.

В 1930 г. М.Н. Покровский вновь оценил состояние советской исторической науки. Положительно он отметил быстрый количественный рост числа историков-марксистов в СССР, особенно в Москве, образование научно-исследовательского Института истории Коммунистической академии и его «филиала» в Ленинграде. На этом позитивные впечатления у историка закончились, негативных моментов оказалось заметно больше. Марксисты так и не «завладели... республиканской периферией. <...> Пролетарская идеология, марксистская идеология до сих пор ещё не пропитала у нас ни широкие массы трудящихся, и среди них, не-

сомненно, большое количество пережитков других идеологий, — ни даже той массы людей, которые пишут исторические книги. Даже те, кто выступает с писаниями на исторические сюжеты, даже они оказываются очень слабыми, плохими марксистами». Таким образом, М.Н. Покровский, по сути дела, признал, что в Советском Союзе среди историков едва ли не большинство составляют специалисты, либо допускающие в своих исследованиях какие-то немарксистские положения, либо не владеющие этим учением на должном качественном уровне. В этом положении несомненна значительная доля самокритики, ведь советская историческая наука под руководством М.Н. Покровского развивалась уже более десяти лет. Косвенно вышеприведенное высказывание историка подтверждает, что его оппоненты могли заниматься наукой, публиковаться, иметь последователей и т. п. В стране существовала, например, мелкобуржуазная идеология, «подпитываемая» наличием крестьянской массы⁴³¹. Кроме того, марксистская наука росла всё-таки весьма динамично с учётом низкого стартового уровня. Скажем, до 1917 г. в России вообще не было какой-либо школы историков-марксистов, даже и «неакадемической». Для нас здесь примечательны два обстоятельства. Во-первых, в советской историографии существовали достаточно мощные силы, которые могли и были готовы развернуть идейную борьбу с исторической концепцией М.Н. Покровского. Во-вторых, было весьма вероятно, что такая борьба будет вестись с применением немарксистских «приёмов». Конечно, всё это давало оппонентам надежду на реванш и облегчало критику «торгового капитализма».

Не ждал учёный и поддержки из-за рубежа. По его словам, «историков-марксистов в точном смысле этого слова» там вообще нет. Имеются лишь «легальные марксисты» и исследователи, «близкие к марксистской точке зрения». В этих неблагоприятных условиях М.Н. Покровского утешало лишь то, что, по его мнению, и немарксистская историческая наука в мировом масштабе также переживала не лучшие времена. Историк склонялся к мысли, что повышение степени научности истории достигается в широкой ретроспективе при движении от позитивизма к марксизму. Всё остальное для него представляло собой отступление от принципов научности в сторону художественной литературы, публицистики, идеологии и т. д.

Правильно оценивая сложившуюся обстановку, М.Н. Покровский, видимо, был готов к более решительным мерам «для обеспечения перевеса историков-марксистов в общей массе историков-преподавателей и историков-писателей». Он предложил «пересмотреть весь наличный состав научных работников исследовательских институтов с точки зрения обеспечения подлинно марксистско-ленинского изучения стоящих в порядке дня проблем». Не исключено, что намечалось своего рода «контрнаступление» со стороны учёного и его сподвижников. Медлить с ним было уже нельзя. Однако М.Н. Покровский, разумеется, не замыслил каких-то масштабных чисток, тем более репрессий. Он даже нашёл возможным похвалить старые кадры и пообещал ещё долго работать с ними. Просто, по его мнению, эти специалисты теперь должны были стать рядовыми сотрудниками «исторического фронта» под большевистским руководством. Суровое предупреждение прозвучало и в адрес части марксистских кадров, которые противопоставляли ленинизм концепции М.Н. Покровского в основном путём подбора цитат. Он указал на то, что «повторять слова Ленина – не значит заниматься историческими исследованиями».

Учёный призвал историков-марксистов более активно заниматься проблемами истории, хронологически далёкими от современности, например в истории Запада – возникновение папской власти в связи с образованием ростовщического капитала, этот последний и купеческий капитал как её основа, продиктованные их интересами ряд крестовых походов, преследование еретиков как конкурентов папских «коллекторов», сборщиков «денария святого Петра»⁴³². Короче говоря, историкам вновь предлагалось заняться «торговым капитализмом». Именно в этом пункте марксисты были наиболее конкурентоспособны по отношению к своим оппонентам, которые и сами в большей или меньшей степени отдавали дань «торговому капитализму», а то и прямо примыкали к нему.

В 1930 г. под «маркой» Общества историков-марксистов и общей редакцией М.Н. Покровского вышел первый том «Книги для чтения по истории народов СССР». Эта работа должна была представить созданную коллективным трудом советских историков концепцию отечественной истории. Она сохраняла преемственность с научной концепцией самого М.Н. Покровского, вклю-

чала в себя достижения исторической науки советского периода. В качестве авторов данного произведения выступали в том числе представители старой историографии А.Е. Пресняков и П.И. Лященко, которые, видимо, дальше своих коллег продвинулись в овладении марксизмом. М.Н. Покровский вновь отмечал, что «последовательных марксистов, т. е. коммунистов, изучающих старую русскую историю, ещё чрезвычайно мало». На рубеже 1920–1930-х гг. к ним можно было отнести не всех участников написания этого сочинения. Недостатком «Книги для чтения» было то, что её разделы создавались разными авторами, которые придерживались различных взглядов на проблемы истории СССР. Однако для нас важно, что в ней торжествовали «буква» и «дух» «торгового капитализма», естественно в интерпретации соответствующих исследователей. Это позволило М.Н. Покровскому в предисловии применительно к русской истории московского периода твёрдо придерживаться своей знаменитой концепции, хотя учёный писал в основном об огромной роли торгового капитала в истории средневековой Руси. Историк опять предпочёл понятие «торговый капитал» понятию «торговый капитализм». Как мы уже отмечали, такая замена не могла быть удачной, особенно когда приходилось рассуждать о системообразующей функции торгового капитала.

М.Н. Покровский отметил, что «господствующее положение Москвы и московского князя явилось результатом роста торговых связей северо-восточной Руси». Против такого заявления не возразил бы, пожалуй, ни один, даже самый яростный, противник «торгового капитализма». Этот тезис можно считать общим местом в отечественной историографии. Из этого же ряда «корректное» сообщение о том, что «внешняя политика Московского государства второй половины XVI века... определялась интересами растущей торговли». Наличие связи русской внешней политики с внешней торговлей, начиная от первых Рюриковичей, не пришлось бы доказывать даже летописцам Древней Руси.

Если раньше учёный склонялся к мысли о том, что московские государи в XVI веке победили «старых» феодалов, благодаря союзу дворянства и торгового капитала, то теперь он заменил последний на «торговый люд Москвы». То, что Московский посад был

социальной базой растущего самодержавия, вряд ли у кого-либо может вызвать сомнения. Впрочем, согласно концепции историка, не все дворяне и горожане входили в систему торгового капитализма, тем более до середины XVII века. М.Н. Покровский, хотя и редко, допускал рецидивы старых трактовок исторического процесса, когда за понятием «феодализм» у него, по сути дела, скрывался ранний феодализм периода феодальной раздробленности.

В формуле «торговый капитализм – крепостничество – абсолютизм» М.Н. Покровский сделал акцент на последние две позиции. В результате схема приобрела следующую редакцию. В XVII веке абсолютизм в России установился окончательно, а в XVIII «закрепился... и достиг своего апогея». Тогда же сложились «крепостное хозяйство и крепостной строй» «в тесной связи с образованием рынка и возникновением торгового капитала»⁴³³. Последнее замечание странно, так как в XVII веке появился торговый капитализм, а торговый капитал был и раньше. Несколько смягчает этот тезис выдвигание на первый план начала формирования Всероссийского товарного рынка. В конечном счёте выстраивается такая последовательность: товарное хозяйство – рыночные отношения – торговый капитал.

В другом случае М.Н. Покровский обошёлся и без вышеупомянутой формулы. «С самого начала XVII века... массы только и делали, что пытались всеми способами сбросить висевший над ними гнёт, гнёт царя и гнёт помещика»⁴³⁴. Видимо, буржуазия в этом перечне могла занять место не выше третьего. Однако здесь учёный высказывался максимально обобщённо о всём периоде новой истории России. Естественно, упоминание о промышленном капитале в таком случае было не слишком уместно, а капитал торговый и без того был представлен его главными субъектами.

М.Н. Покровский признавал, что «бывали моменты», то есть не как правило, когда торговый капитал брал верх над помещиком, например в Петровскую эпоху. Причём речь у него шла о тактических интересах класса феодалов.

Историк показал, что роль торгового капитала в России исторически возрастала. С ним была «теснейшим образом связана» «дворянская монархия... равно как и крепостное право в его новейших формах». Нельзя сказать, что торговый капитал их соз-

дал, поэтому, вероятно, учёный и избежал такой «постановки». Но очевидно, что та форма абсолютной монархии, которая сложилась в XVIII веке, и новая форма крепостничества были продуктами торгового капитализма. С торговым капиталом было много что связано. Добавление к нему вставки «теснейшим образом», конечно, «торговый капитализм» не компенсирует.

Должно быть, почувствовав, что корректировки иногда вредят качеству (не всегда сразу удавалось найти подходящую замену), историк отбросил «эвфемизмы». «Редакция ставила своей задачей, в пределах, допускаемых размером книги, осветить только основные вопросы, знакомство с которыми дало бы достаточно полное представление об эпохе образования и расцвета торгового капитала в царской России»⁴³⁵ в координатах XVI–XVIII веков. Вряд ли нужно оговариваться, что его расцвет полностью тождествен торговому капитализму.

Надо сказать, что постфактум М.Н. Покровский достаточно скептически отнёсся к своему соучастию в подготовке «Книги для чтения...». Вероятно, это было вызвано тем, что данное сочинение на момент своего выхода не являлось «последней буквой» марксизма и с этой точки зрения было весьма уязвимо для критики, изрядная часть которой пришлась бы на долю «общего редактора». Так, по словам учёного, П.И. Лященко во вступительной статье соединил «богдановщину» с «дубровщиной», сделав от последней шаг назад. М.Н. Покровский даже потребовал её серьёзно поправить в сторону «экономически грамотного» марксизма. Статья А.Е. Преснякова оказалась совсем не марксистской, что М.Н. Покровский оговорил в предисловии. Остальное, с его точки зрения, в целом правильно, но «серо» и неполно⁴³⁶. «Плюрализм» в подборе авторов сборника и высказанных ими мнений хотя и говорит в пользу М.Н. Покровского, вряд ли был своевременен в реалиях начала 1930-х гг. Было бы близоруко этого не видеть. Никаких прямых возражений по поводу торгового капитализма в данной работе учёный не сделал. Однако не исключено, что историк предпочёл бы более «аккуратную» его трактовку в духе, например, той же «Русской истории с древнейших времён», в которой торговый капитализм присутствовал в полной мере, но не «бросался в глаза». Очевидно, что о торговом капитализме можно было на-

писать и так, чтобы это не вызвало раздражения у советского историка, допустим, 1930–1970-х гг.

В 1930 г. М.Н. Покровский написал ещё одну примечательную для нашей темы работу. Она была посвящена начальным этапам формирования русского самодержавия. Удивительно, но этот вопрос был им рассмотрен без привлечения концепции торгового капитализма. Раньше учёный подобного не допускал. В его схеме колонизационные процессы невозможно было изучать вне торгово-капиталистического контекста. Впрочем, очередная публикация историка на этот раз была посвящена сюжету, ранее им специально не рассматривавшемуся, а именно складыванию русской государственной территории за счёт присоединения земель иноплеменных народов, которые затем подвергались эксплуатации со стороны феодалов из «метрополии». Подобного рода деятельность по развитию феодализма «вширь» требовала именно того типа монархической государственности, который сложился в России в XVI–XVII веках. Иными словами, в идеологической лексике эпохи это звучало как формирование Российского государства, в том числе в виде «тюрьмы народов». Кроме того, в данном исследовании М.Н. Покровский охватил период XIII – середины XVI веков, то есть до торгового капитализма. Однако всё-таки торговля, торговый капитал имели к нему прямое отношение. Из этого арсенала историк упомянул лишь несколько моментов, так сказать, запустивших процесс. Во-первых, колонизация начиналась с захвата пленных для работоторговли. Во-вторых, Москва возникла как укреплённая фактория в чужой стране, то есть, видимо, как центр «разбойничьей» торговли. В дальнейшем учёный пишет о завершении феодализации в северо-восточной Руси ориентировочно в XIV веке, об ограблении присоединяемых земель русскими князьями, служилыми людьми, государством. Много внимания он уделяет соотношению уровней хозяйственного развития великорусского и соседних народов. Так, например, по его мнению, Золотая Орда в XIII–XIV веках в области материальной культуры стояла выше своих русских противников, правда, благодаря влиянию арабов и Китая. Несомненно, превосходство Орды над Русью достигалось прежде всего в части торгового капитализма, чего М.Н. Покровский в данном случае не упомянул. В

конце своего сочинения он указал на уплату покорёнными народами ясака и подкуп русскими властями туземной аристократии как метод её подчинения⁴³⁷, что всё же имело некоторое отношение к торговому капитализму.

Мы бы хотели отметить возможность не только отступления, но и актуализации «торгового капитализма» в ситуации рубежа 1920–1930-х гг. в свете постановки задач создания истории народов СССР, национальных окраин и т. п. Во-первых, нужно было вскрывать причинно-следственные связи в плане и завоевания той или иной территории Русским государством, и перипетий её нахождения в составе этого политического образования, например, с точки зрения целей, форм, методов, субъектов и объектов эксплуатации. Более того, следовало выявить экономическую подоплёку всего этого. Иначе историческое знание, в соответствии с господствовавшими не только в СССР представлениями на этот счёт, не имело бы научного характера. Здесь, во всяком случае применительно к доимпериалистическому периоду истории России, без чего-то похожего на торговый капитализм невозможно было обойтись. Как мы полагаем, М.Н. Покровский обратил внимание на данное обстоятельство. «Мы не замечали, что, в сущности, народы СССР имеют свою историю. Создание ее только теперь начинается. Но как начинается? Мне пришлось посмотреть книжку одного автора по истории Башкирии, – я извиняюсь перед этим автором, но тут мы имеем чистой воды компиляцию. Автор на первой странице ставит вопрос о том, что существует связь между башкирами и мадьярами или венграми. Но чем он это доказывает? Автор, зная башкирский язык, по-видимому, не знает венгерского языка, потому что никаких лингвистических параллелей не проводит, а ссылается на мнение одного венгерского монаха XIII столетия. Согласитесь сами, что это не есть научное исследование. И дальше идет в том же роде. Например, экономические мотивы, которые толкали Московское государство в Башкирию и повели к ее захвату, освещены чрезвычайно слабо. Трудно понять, зачем московским царям нужна была Башкирия, для чего им нужно было туда идти. Это ясно показывает, что у нас нет истории народов СССР, кроме истории некоторых народов»⁴³⁸. Отметим, что в данном отрывке М.Н. Покровский ничего не сказал о торговом

капитализме. Однако вывод о том, что именно «торговый капитализм» без особых затруднений устранял указанные во втором примере «недоработки», напрашивается сам собой.

М.Н. Покровский нашёл возможность подтвердить свою приверженность «торговому капитализму» историографическим способом. По поводу своего дореволюционного сочинения «Русская история с древнейших времён» он высказался как об исследовании, в котором «огромный материал, собранный по большей части буржуазными историками», был освещён «с точки зрения исторического материализма». Иными словами, историк заимствовал у своих коллег-немарксистов факты и разработки каких-то конкретных сюжетов истории. Его проблема состояла в отсутствии большого пласта марксистских исследований этих отдельных вопросов. Однако «общей концепции этого курса» М.Н. Покровский «остался верен» и на завершающем этапе своей научной деятельности. Что же тогда он делал в дальнейшем, в советский период? По словам самого историка, занимался популяризацией своей концепции, очищением её от плодов цензурных ограничений (всё назвать «настоящими именами»), созданием истории революции⁴³⁹. Значит, «торговый капитализм» подлежал сравнительно небольшим изменениям.

В 1931 г. М.Н. Покровский, несмотря на усилившуюся болезнь и всегдашнюю чрезмерную занятость, увеличил количество выступлений по вопросам, связанным с торговым капитализмом. Следовало в срочном порядке завершить приведение своей концепции в соответствие с выработанной советскими историками формационной схемой и особенно обеспечивающей её терминологией. В этой схеме в самом общем виде не было ничего «загадочного». В сущности, к ней могли быть сведены различные марксистские варианты периодизации отечественной истории, за исключением тех случаев, когда какой-нибудь этап истории неосмотрительно провозглашался формацией. Пожалуй, за единственным исключением, М.Н. Покровский не объявлял ею свой «торговый капитализм», хотя взятый совокупно со всей литературой о нём, вышедшей из-под пера советских марксистов, он «тянул» на нечто равное формации по статусу. Заслуженно «не повезло» в этой связи крепостничеству С.М. Дубровского. Куда сложнее об-

стояло дело с «азиатским» способом производства. Классическое наследие не давало ясных ответов, советское востоковедение только зарождалось, поэтому дебаты обещали быть продолжительными и жаркими. Не случайно утверждение схемы рабовладельческой формации в истории Древнего мира в целом затянулось почти на все 1930-е гг. Это лишний раз подчёркивает, что завершились они несколько искусственным образом. Проблемами более острыми и общими для всех спорящих сторон были периодизация исторического процесса внутри формаций и отображение смены формаций, тесно увязанные друг с другом. Конечно, М.Н. Покровский, как и всякий крупный советский историк, не говоря уже о других соображениях, должен был принять активное и весомое участие в решении указанных вопросов. Среди прочего необходимо было так или иначе включить в готовящееся решение торговый капитализм. Мы уже доказали, что соответствующая концепция стала у М.Н. Покровского стержнем его объяснения всей русской истории. Кроме того, учёный, видимо, не сомневался в правильности и даже безальтернативности (разумеется, в рамках марксизма и по состоянию на начало 1930-х гг.) своей концепции в целом.

Историк выразил полную уверенность в существовании феодализма в России XVI века, так как в стране были лишь остатки «свободного крестьянства». Это принципиально важно для того, чтобы квалифицировать феодализм как формацию. Ведь в ней основная часть общественного продукта создаётся трудом феодально-зависимых крестьян. Очевидно, что при движении назад, в сторону Киевской Руси если не от XVI, то от XIV века, появление феодальной формации становится всё более сомнительным.

Закрепощение учёный однозначно трактовал как усиление, ужесточение феодализма, которое, однако, происходило «в связи с появлением товарного хозяйства». Речь, таким образом, шла о процессе товаризации феодального хозяйства, то есть «чистом» торговом капитализме. Правда, здесь в области терминологии М.Н. Покровский уделил особое внимание типу общественного производства в эпоху торгового капитала.

Историк отметил, что положение о самодержавии как диктатуре крепостника-помещика не вызывает сомнений. Однако, по его мнению, на этом не следует останавливаться, ведь самодер-

жавие и в XVI, и в XX веке опиралось на феодалов, а это не отрицает того простого факта, что оно со временем менялось.

По мнению учёного, «органом политического господства торгового капитала» самодержавие назвать можно, но недостаточно. Видимо, он считал, что подобного рода утверждения теперь необходимо сопровождать ссылкой ещё и на феодализм. Но и одним феодализмом тоже нельзя ограничиваться, так как, в том числе по В.И. Ленину, империю Романовых «спаял» торговый капитал, бюрократия была буржуазным учреждением, появилась абсолютная монархия. Осталось обозначить всё это каким-то термином, более марксистски грамотным, нежели торговый капитализм. Похоже, М.Н. Покровский не нашёл что сказать и свернул в сторону. Он стал утверждать, что с точки зрения марксизма приведённое выше сочетание феодализму не соответствует, более того, оно совокупно уничтожает его. Вопрос о том, какая же формация в связи с этим наступает, историк оставил без ответа. По нашему мнению, учёный в этом случае не «споткнулся» здесь о «старый» феодализм (он уже писал, что крепостничество есть отягощённый феодальный гнёт), а не располагал понятием, аналогичным торговому капитализму. У него вырисовывались не короткие «формулы» из одного-двух слов, а пространные высказывания, например «связь крепостнического землевладения с бюрократией, а бюрократии с буржуазией».

В более конкретном плане М.Н. Покровский напомнил, что к движущим силам разинщины относится и «поволжский предпролетариат, создававшийся торговым капиталом». При слабости феодального хозяйства на южных окраинах страны наймиты действительно представляли важнейший социальный сегмент эксплуатируемых общественных низов и активно участвовали в социальных конфликтах даже во времена Пугачёва.

Учёный подтвердил свой тезис о «зависимом характере русского капитализма», заметив, что В.И. Ленин совершенно чётко высказался в поддержку этой трактовки. Какие-то споры здесь историк посчитал неуместными. Правда, М.Н. Покровский посоветовал не доводить это положение до крайности, до абсурда⁴⁴⁰, поскольку отечественный капитализм самостоятельно вырос на местной почве. Видимо, диалектика состояла в том, что капитализм как формация в принципе не мог быть привнесён в данное обще-

ство. Он должен был созреть в определённой стране, ведь капитализм вырастает из феодализма. Трудно себе представить, чтобы из французского феодализма вырос российский капитализм. Другое дело, что степень воздействия зарубежного капитализма на национальный может быть разной и к тому же изменчивой. Вместе с тем менее развитый капитализм в известной мере вторичен по отношению к более развитому. Во всяком случае, «равноправие» здесь вряд ли возможно.

М.Н. Покровский предпринял ещё одну попытку разъяснить свою позицию по поводу феодализма. Он признался в том, что употреблял это понятие «в разных смыслах», правда, не усматривая в этом большой ошибки. Историк напомнил, что К. Маркс и Ф. Энгельс видели в феодализме прежде всего систему производства. «Мы же историки разумели под этим известную политическую систему». Учёный, вероятно, имел в виду долгое время господствовавшую историографическую традицию, сложившуюся привычку понимать под феодализмом некое состояние государства. Только автора концепции торгового капитализма, с нашей точки зрения, нельзя было отнести к этой когорте исследователей. Уже в «Русской истории с древнейших времён» он указывал на экономическую основу феодального строя, а «старый» феодализм у него выделялся не по политическим признакам, а по степени натуральности хозяйства.

Историк постепенно стал отказывать крупнейшим крестьянским движениям в России XVII–XVIII веков в праве называться революциями на том основании, что в процессе революции меняются методы производства, в то время как, например, после Смуты они остались феодальными. Данное замечание несколько поверхностно. Ведь революции бывают разного масштаба, глубины, уровня. Они могут вести к переменам и в рамках существующего строя, но либо освобождаящим его от пережитков старой общественной системы, устраняющим недоработки предшествующей революции, либо подготавливающим приход нового строя. Все эти тонкости М.Н. Покровского не заинтересовали потому, что он аргументировал тезис о непосредственности революцией перехода от феодализма к торговому капитализму в XVII веке, поскольку при нём сохраняется старый способ производства, хотя вообще на

этот период приходится большие изменения в экономике. Какие? Прежде всего зачатки товарного хозяйства, видимо, как особой экономической системы в рамках господствующего феодально-крепостнического уклада; колоссальная «интенсификация методов эксплуатации», то есть её углубление ради получения феодалами более высоких доходов.

М.Н. Покровский вновь указал на то, что в XVIII веке купечество теряет то значение, которое оно имело в предыдущем столетии. Как историк писал во многих своих работах, его потеснили дворянство и бюрократия. Учёный признал, что противоречия между боярством и дворянством, на которых строили свои схемы многие историки, не были основными в своё время⁴⁴¹, то есть, видимо, межклассовыми. Однако как внутрикласовые они, конечно, имели большое значение.

Историк вышел на проблематику раннего капитализма, приводя в качестве примера Северную Италию с XIII века. Например, во Флоренции, по его словам, «сложились мануфактуры почти капиталистического характера», являвшиеся прообразом капиталистического развития, возникли «предкапиталистические отношения». Это произошло во многом потому, что для продукции этих предприятий существовал широкий европейский рынок. Однако М.Н. Покровский не пояснил, в чём же неполнота такого капитализма, хотя и утверждал, что он привёл к освобождению местных крестьян и падению политического господства дворян. Иными словами, мы имеем дело с ситуацией полуфеодальной-полукапиталистической, когда феодализм отступает, но не уходит совсем, а капитализм наступает, но не побеждает окончательно. Здесь учёный столкнулся с проблемой того, что некоторые явления могут быть промышленно-капиталистическими, но иметь в этом отношении разную степень качественной определённости. В приведённом отрывке речь шла о генезисе промышленного капитализма, что само по себе не могло заменить капитализм торговый. Однако раннему капитализму в подобного рода трактовке соответствовали определённые экономические условия, в которых он находился. Эта среда была, во всяком случае, товарно-рыночной, хотя и феодальной. Получается, что новый промышленный капитализм зарождался в определённой торгово-капиталистической «оболочке».

Трактуя буржуазную революцию как переход от феодализма к капитализму, М.Н. Покровский заметил, что «внутри феодального общества, под феодальным колпаком, складываются буржуазные производственные отношения». Следовательно, опять-таки напрашивается выделение некоего периода формирования этих отношений. Поскольку феодальное меняется именно в связи с наступлением капиталистического, несомненно, существовала обеспечивающая это система. Таким образом, невозможно «отделиться» от торгового капитализма.

Феодализм спешит на смену торговому капитализму и в том плане, что, по утверждению историка, в разинское время в России проводилась «колониальная политика феодального типа». Впрочем, с точки зрения методов она была таковой для учёного и раньше. Однако для торгового капитала всё равно находится место. Так, первоначальное накопление капитала происходило за счёт внутренней и внешней торговли. «На помощь» торговому капиталу спешил ростовщический. По мнению М.Н. Покровского, в крепостной деревне ростовщиком был помещик, а на чёрных землях – купец⁴⁴².

В статье об исторических взглядах А.С. Пушкина историк рассматривал его в феодальном «интерьере»: поэт сам был крепостником, жил в феодальную эпоху, размышлял о феодализме и т. п. Сосредоточимся на ряде новых нюансов, проявившихся в позиции учёного при анализе воззрений А.С. Пушкина. Так, М.Н. Покровский назвал Петра I не торговым капиталистом в Мономаховой шапке, а коронованным помещиком. Но было бы преждевременным заключать, что он однозначно выдвинул на первое место эту составляющую «дуалистической» монархии Романовых XVII–XVIII веков. Историк тут же упомянул о том, что деятельность первого российского императора «часто носила антидворянский характер». Более того, непонимание этого обстоятельства он связал с историками, не придерживающимися диалектического подхода к своему предмету. По словам учёного, «Пётр не только сам был революционером, но являлся причиной и источником позднейших революций». Здесь он, конечно, имел в виду, не личность, а эпоху, характеризовавшуюся масштабным государственным насилием в деле реформирования. Кстати, мы уже отмечали, что ранее, сразу же после революции 1917 г., М.Н. Покровский сравнивал действия

большевиков с «основанной» Петром национальной исторической традицией. Правда, соответствующие возможности были предоставлены этому императору как раз торговым капитализмом. Теперь же объяснение осталось незавершённым; если против дворян, то за кого?

Применительно к пугачёвщине историк отметил, что «в основе всех казачьих восстаний XVIII века лежало... классовое противоречие» между богатыми казаками-кулаками и беднотой⁴⁴³. Вероятно, учёный имел в виду *внутри*классовое противоречие, хотя, может быть, он относил первых к классу капиталистов, а вторых к классу мелких свободных производителей. Впрочем, из контекста видно, что речь идёт не о классовом разложении, поскольку на первый план выступает противопоставление «богатые – бедные».

Характеризуя пушкинскую эпоху, М.Н. Покровский выделил актуальный для неё вопрос об отмене крепостного права. В качестве причин этого на первое место он поставил надвигавшуюся крестьянскую революцию, а на второе – рост промышленности, нуждавшейся в резервной армии труда. Правда, в случае с революцией историк говорил не о реально развивавшихся событиях, а об ожиданиях и опасениях дворян, ведь то, что «верхи не могут» сделать, необязательно является для них в принципе невозможным. «Выпадение» «торгового капитализма» учёный компенсировал следующим образом: эксплуатация крестьянина помещиком должна была сохраниться, но «принять новые формы». Замена правильная, но недостаточная. М.Н. Покровский тут же дополняет её, используя ленинское понятие «стародворянский уклад», куда, вероятно, входили те феодальные хозяйства, которые не достигли по меркам первой половины XIX века «среднего» уровня товаризации. При этом наличие «новодворянского» как бы подразумевалось. В этом случае аграрный феодализм распадался на два уклада: один включал в себя хозяйства в высокой степени натуральные, другой – товарные или близкие к этому. Идея перспективная, однако термин «уклад» здесь вряд ли оптимален. Затем на сцене появилась буржуазия, политическим орудием которой против «стародворянских» феодалов была бюрократическая монархия⁴⁴⁴. «Модернизация» торгового капитализма, на наш взгляд, в данном случае прошла удачно.

В 1931 г. в Нью-Йорке вышла книга М.Н. Покровского «История России с древнейших времён до расцвета торгового капитализма», представлявшая собой первый том его «Русской истории». Всё это произведение было компиляцией из «Русской истории с древнейших времён» и «Русской истории в самом сжатом очерке», в подготовке которой сам автор принимал активное участие. Работа над первым томом завершилась к концу 1930 г. Второй том учёный предлагал озаглавить «И[стория] Р[оссии] до расцвета **промышленного** капитализма». М.Н. Покровский указал, что первому тому название было дано американской стороной, а второй он был вынужден назвать соответствующим образом, исходя из этого свершившегося факта⁴⁴⁵. Однако концепция торгового капитализма в американском издании была раскрыта в полной мере и даже в «старой» редакции. Вот что писал в нём М.Н. Покровский применительно к истории России XVII века: «Торговый капитализм пришёл в Россию с Запада; по отношению к Западной Европе Россия стала своеобразной колонией. <...> Западноевропейский торговый капитализм обеспечил расцвет торгового капитализма в России. <...> В XVII веке внутренняя и отчасти даже внешняя торговля Московской Руси ещё носила ремесленный характер, почти не изменившийся со времён Киевской Руси. <...> Первые цари дома Романовых монополизировали торговлю всеми наиболее ценными вещами. "Царь есть первый купец в своём царстве", – говорил Коллинс, который долго жил в России. <...> Торговый капитализм XVII века имел огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику московского правительства»⁴⁴⁶.

В процессе составления вышедшей в США «Русской истории» М.Н. Покровский вёл многолетнюю переписку с американским историком Дж. Д. Кларксоном (профессором Бруклинского колледжа в Нью-Йорке), который, видимо, выполнял организационную и редакторскую работу. В ней советский историк не раз высказывался по поводу изменений и уточнений, которые он хотел бы внести в книгу, отвечал на вопросы своего корреспондента, в том числе в части торгового капитализма, особенно в письмах, датированных 1930–1931 гг.

Реагируя на недостаточно чёткое понимание Дж.Д. Кларксоном в частности и, возможно, американской читающей публикой вообще некоторых реалий русской истории, М.Н. Покровский

дал вполне адекватные характеристики некоторым её крупным явлениям. Например, он верно показал различия между вотчиной и поместьем, назвал «заморскую» торговлю главной особенностью русского купца-«гостя». Он предупредил о том, что ни в коем случае нельзя путать «класс» и «сословие», обозначая их каким-то одним термином. «Ведь это же создаёт величайшую теоретическую путаницу». М.Н. Покровский подчеркнул, что барщина однозначно является феодальной формой эксплуатации независимо от того, что она собой представляет конкретно и к какому периоду относится. Превращение русского имения в «хлебную фабрику» советский автор назвал фигуральным выражением, которое, вероятно, не было предназначено для того, чтобы представить данное производство как капиталистическое. Историк-марксист предупредил, что такая «фабрика» получила более или менее широкое распространение в России не ранее конца XVIII века⁴⁴⁷. Третий том американского издания своей «Русской истории» М.Н. Покровский предложил назвать «Падение феодального строя и пролетарская революция», которая, видимо, ознаменовывала переход от феодализма к социализму⁴⁴⁸.

М.Н. Покровского смутило частое использование в его «американской книжке» понятия «торговый капитализм». Забегая вперёд заметим, что историк имел в виду отнюдь не соответствующую концепцию, а только лишь терминологию. Учёному, видимо, казалось, что именно эта последняя «дискредитирует» концепцию торгового капитализма, вызывая раздражение у советских историков-марксистов младших поколений. Не исключено, что он старался избежать ненужных напоминаний и ассоциаций. Такая стратегия не была лишена оснований. Не будучи в состоянии опровергнуть построения М.Н. Покровского, оппоненты наносили главный удар по словам, цитатам и т. п. В одном из писем Кларксону (1931 г.) советский учёный заметил, что термин «торговый капитализм» имел хождение в русской исторической литературе в то время, когда он писал «Русскую историю с древнейших времён». Теперь же данное понятие вышло из употребления. Эту метаморфозу М.Н. Покровский объяснил следующим образом. В советской науке возобладало мнение о том, что капитализмом следует называть только лишь форму производства. Иными словами,

между «капитализмом» и «промышленным капитализмом» был поставлен знак равенства. Поскольку торговый капитал ничего не производит, а форма производства в России XVII–XVIII веков была феодальной, то понятие «капитализм» к ним не приложимо. Немалую проблему «торговому капитализму» создало и то, что он не входил в понятийный инструментарий классиков марксизма. При этом М.Н. Покровский заметил, что как раз «торговый капитал» они активно использовали.

Подводя итог всем этим рассуждениям, советский историк попросил Дж.Д. Кларксона заменить в американском издании «Русской истории» понятие «торговый капитализм» термином «торговый капитал»⁴⁴⁹. Нетрудно понять, что эта осуществляемая «автоматически» операция исказила бы взгляды учёного на историю России, многое представила бы в неправильном свете. Естественно, подобного рода подход вызвал возражения у Дж.Д. Кларксона, который резонно заключил, что торговый капитализм и торговый капитал явно не одно и то же. Более того, «капитал» в науке определяется весьма точно.

Сославшись на мнение неназванных им, видимо, американских экономистов, нью-йоркский профессор заметил, что торговый капитал вовсе не чужд производству. Его аргументация сводилась к тому, что торговые издержки входят в стоимость произведённого продукта. Правда, здесь речь шла о ситуации, когда торговый капитал являлся одним из моментов применения капитала вообще. Действительно, если торговый капитал функционирует подобным образом, то при нём имеет место капитализм. Однако Дж.Д. Кларксон предложил сохранить разделение капитализма на торговый и современный индустриальный, не взирая на требования марксистской интерпретации истории и позицию отдельных специалистов⁴⁵⁰.

Узнав из ответного письма своего американского корреспондента, что термин «торговый капитализм» «получил право гражданства в буржуазной истории народного хозяйства», поэтому отказ от него может «создать недоразумение у американского читателя», М.Н. Покровский без особых колебаний согласился оставить «торговый капитализм» в неприкосновенности, правда, сопроводив его обязательными примечаниями⁴⁵¹.

В предисловии к американскому изданию «Русской истории» учёный также дал пояснения и уточнения своей схемы. По его мнению, барщинное хозяйство крепостнической эпохи, в деле выколачивания прибавочного продукта из крестьян достигшее наивысшей точки своего развития в последней трети XVIII – первой трети XIX веков, связывалось с внешним миром через купеческий капитал, который являлся «посредником между этим именем и рынком». Ведь бытие продукта как товара немислимо вне обмена. Политической оболочкой такого хозяйства был абсолютизм.

Впрочем, «негодность» барщинного хозяйства обнаружилась довольно быстро. Дело в том, что в XIX веке на мировом рынке оно столкнулось с буржуазным хозяйством ряда других стран. Очевидно, что при узости, медленном расширении внутреннего рынка мировой аграрный рынок развивался более динамично и был более ёмким. Следовательно, в каком-то смысле последний был более привлекателен для отечественного сельхозтоваропроизводителя.

В результате после 1861 г. крепостное товарное хозяйство сменяется «юнкерским имением прусского типа и эксплуатацией при помощи экономического принуждения в самых грубых его формах». Характерно, что М.Н. Покровский избегает прямо называть такое хозяйство капиталистическим, лишь замечает, что «до буржуазии европейского образца ещё далеко». Следовательно, пореформенное помещичье землевладение представляло собой звено в цепи растущего аграрного капитализма. Вместе с тем учёный соглашается с тем, что в России второй половины XIX века происходило бурное развитие капитализма.

В историографическом плане историк для американского читателя сделал два любопытных замечания. Он представил развитие марксизма в виде нескольких этапов: «легальный марксизм» 1890-х гг.; К. Каутский, Г. Кунов; В.И. Ленин⁴⁵². Исходя из этого, на каждом последующем этапе мы имеем дело с более передовым и совершенным вариантом марксистского учения. Но напрашивается и другой вывод. Все указанные авторы – марксисты, то есть едины в главном. Они усвоили и разделяют это учение, но после К. Маркса и Ф. Энгельса развитие марксизма, естественно, пошло разными путями.

М.Н. Покровский отметил, что, по крайней мере, с конца 1920-х гг. ему приходилось неоднократно «поправлять свою схе-

му». Он выразил уверенность, что будет делать это и в дальнейшем. Похоже, историк не считал, что его концепция когда-нибудь примет окончательный «вид». Он ручался, что всякое его «новое объяснение русского исторического процесса будет более материалистическим, более выдержанно марксистским, чем предшествующее»⁴⁵³. Следовательно, М.Н. Покровский-историк не отражал в своём творчестве какой-либо этап – направление в развитии марксизма, а сам последовательно проходил через каждый из них. Конечно, здесь содержалось и признание учёным готовности к непрерывному пересмотру своей концепции, в том числе по мере продвижения социалистического строительства в СССР, то есть в зависимости от политического фактора. Правда, в данном случае речь шла об отсылке к влиянию объективной реальности на сознание историка, а не к выполнению очередного руководящего указания.

В начале 1931 г. М.Н. Покровский опубликовал статью «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России». Она носила этапный характер, так как в ней суммировались те разнообразные поправки, которые М.Н. Покровский со второй половины 1920-х гг. вносил в свою концепцию, а также производился их отбор. Примечательно, что учёный не стал готовить какого-то очередного общего курса отечественной истории, а ограничился совсем небольшим произведением. Думается, что он поступил подобным образом не только из-за неудовлетворительного состояния здоровья и всякого рода административных и других хлопот. Историк собирался дописать и немного переработать «Русскую историю в самом сжатом очерке», особенно в той части, которая была посвящена XX веку. В нее могли быть внесены все изменения, которые хотел произвести М.Н. Покровский, в комплексе, а не фрагментарно, «порциями», как он это делал раньше⁴⁵⁴. Мысли, изложенные в указанной статье, были высказаны им на трёх семинарах в Институте красной профессуры 20 ноября и 24 декабря 1930 г., а также 16 февраля 1931 г. Нами были учтены и ответы историка на вопросы слушателей⁴⁵⁵. Проблематика торгового капитализма заняла в ней центральное место.

Учёный, по всей вероятности, окончательно решил «сдать в архив» термин «торговый капитализм», признав его безграмотным с точки зрения марксизма на уже неоднократно отмечавшем-

ся им основании, что в этом учении понятие «капитализм» может быть отнесено только к капиталистической системе производства. В подтверждение он привёл оценку К. Марксом места и роли торгового капитала при некапиталистических формах производства, когда в условиях преобладания купеческого капитала среди других видов производство ему не подчиняется, степень самостоятельности, обособленности купеческого капитала по мере приближения к капитализму уменьшается, а обращение может быть свойственно и преимущественно натурально-хозяйственным системам производства. Смысл этой сентенции сводится к следующему. Производство в докапиталистическую эпоху противоположно капиталистически организованному обмену, что не мешает ему «насыщать» торговый капитал необходимым «сырьём». С возникновением капиталистического производства торговый капитал количественно растёт, но всё более вовлекается в сферу влияния промышленного капитала. Последний полезен торговому капиталу с той точки зрения, что первый создаёт для второго такую денежную и товарную массу, которую торговый капитал в принципе не сможет получить при других формах производства. Строго говоря, именно в эпоху промышленного капитализма торговый капитал силён как никогда. Только он уступает своё ведущее место в сфере функционирования капиталу промышленному, причём в тот момент, когда капиталистический уклад перерастает в формацию. Впрочем, в этом пункте у М.Н. Покровского ошибок и не было, так как в его схеме между торговым и промышленным капитализмом были «предусмотрены» формационные различия, так что вся «неграмотность» исчерпывается только термином. Однако, как мы полагаем, и уязвимость термина носит по большей части, если можно так выразиться, интерпретационный характер. Вряд ли внимательный читатель нашёл бы у историка торгово-капиталистический способ производства. Однако недопонимание может возникнуть, например, в следующем пункте. Если крепостное хозяйство меняется под влиянием именно товарно-денежных отношений и других факторов, то не значит ли это, что в той части, в которой оно меняется, кстати, не составляющей его сущности, производство в нём становится торгово-капиталистическим? Проблема здесь, скорее, в том, что М.Н. Покровский не обеспечил

концепции торгового капитализма мощной теоретической подкладки. Сама по себе она, конечно, существовала, например в том же марксизме. Но её надлежало не просто «приспособить» к русской истории на практике, но и обстоятельно отобразить *соединение* теории с этой практикой.

Учёный окончательно отделил торговый капитал от политической надстройки в том смысле, что её характер определяется производственными отношениями, а не обменом. Понятно, что воздействие феодализма как формации на эту надстройку является более глубинным, чем влияние торгового капитализма, но лишь в самом общем виде. М.Н. Покровский и здесь не забыл подчеркнуть, что это последнее было огромным. Он отметил, что в «первых редакциях» своей «схемы» недостаточно учитывал относительную независимость надстройки от базиса, с нашей точки зрения, лишь в том отношении, что редко специально акцентировал на этом своё внимание. Ведь в его концепции во главе торгово-капиталистического развития России стояло государство. Да и торговый капитал, которому оно всякий раз «служило», принадлежал во многом ему же. Вся эта «операция» была осуществлена учёным для того, чтобы оформить свой отказ от представления о самодержавии как торговом капитале в «Мономаховой шапке». Теперь М.Н. Покровский отметил, что она была феодальным украшением, а не капиталистическим⁴⁵⁶. Действительно, если выделять в данном политическом режиме главное, то это, без сомнения, феодализм.

Историк стал выдвигать на первое место не торговый капитализм (правильнее, конечно, опять торговый капитал), а товарное производство. Снова помешало отсутствие у М.Н. Покровского чёткого разграничения «торгового капитализма» и «торгового капитала» в смысле, когда лучше употреблять первый термин, а когда – второй. Если иметь в виду именно торговый капитал, то это уместное и важное уточнение, к которому следовало бы добавить различные фазы перехода к товарному хозяйству. Дело ещё и в том, что торговый капитал в его схеме заслонял другие компоненты торгового капитализма, превращаясь в своего рода фигуральное выражение. М.Н. Покровский признал своё изначальное понимание первичности товарного производства и сожалел, что своевременно не внёс поправок, которые бы исправили эту сугубо понятийную ситуацию.

Применительно к истории России XVI века учёный не отказался от своей торгово-капиталистической схемы, согласившись лишь с тем, что он не уделил должного внимания ростовщическому капиталу в эту эпоху. Нетрудно заметить, что привлечение этого фактора только укрепляло «начала» торгового капитализма. Заодно историк напомнил, что торговый капитал гораздо позже завладел рынком сельскохозяйственных продуктов.

М.Н. Покровский указал на то, что его концепция даже в ранних своих вариантах не противоречила ленинской, но марксистской была не на «сто процентов». Единственное признанное им «отклонение» – сохранявшиеся до начала 1920-х гг. пережитки «экономического материализма». Он подверг критике своих оппонентов. По его словам, их борьба с «торговым капитализмом» мало что дала в научном плане. Пожалуй, их единственный сколько-нибудь крупный успех – указание на сомнительность термина «торговый капитализм». Особенно неудачными были попытки оппонентов как-то видоизменить торговый капитализм, прежде всего, когда они шли по пути «упрощенчества», например доказывая, что входящих в него компонентов в ту или иную историческую эпоху было меньше, чем выделял сам учёный, они имели меньшее значение и т. п. Хуже того, понимая ограниченность подобной «проработки» схемы М.Н. Покровского, они стремились заместить торговый капитализм чем-нибудь другим. В результате, по словам историка, они обосновывали то, что в рамках марксизма недоказуемо: абсолютизм порождён промышленным, а не торговым капитализмом; товарное хозяйство невозможно вести феодальными методами; вместо феодализма была крепостническая формация.

Историк совершенно чётко установил методологическую ошибку, лежащую в основе *такого* «недопонимания» торгового капитализма. Он считал, что для ряда исследователей всё в той или иной формации должно относиться к господствующему укладу. Между тем в ней присутствуют и не принадлежащие ему элементы. Конечно, оппоненты учёного были достаточно квалифицированы, чтобы их обнаружить, однако эти авторы слишком торопились принять их как свидетельство утверждения новой формации.

М.Н. Покровский высказал интересную мысль о том, что формационного подхода не чужды были и буржуазные историки.

Например, тот же П.Г. Виноградов прекрасно понимал, что феодализм представляет собой определённую систему хозяйства, преобладавшую в Европе на известном отрезке её истории. Значит, для того, чтобы придерживаться формационной схемы, историку вообще-то необязательно использовать само понятие «общественно-экономическая формация» и постоянно сверять свои построения с цитатами из К. Маркса и В.И. Ленина. Критики концепции М.Н. Покровского не учитывали, что пути к марксизму в дореволюционный и советский периоды развития отечественной науки были у историков разными. Однако, по мнению учёного, буржуазные историки не находили экономического объяснения того, почему формация на Западе и в России одна и та же, а политические системы различаются.

М.Н. Покровский привёл следующую логическую цепочку рассуждений, существовавших в исторической науке. Феодальный способ производства имеет в своей основе натуральное хозяйство. Феодализм и натуральное хозяйство вместе с ним в России господствовали до начала XX века, и экономика страны даже этого времени была ближе «к натуральному, средневековому, чем к современному, капиталистическому хозяйству»⁴⁵⁷. Учёный противопоставил этой точке зрения выводы классиков марксизма.

В целом опровергаемое М.Н. Покровским утверждение верно и даже не противоречит его концепции торгового капитализма. Конечно, товарное хозяйство в феодальную эпоху ведётся сначала феодальными, затем чаще капиталистическими методами производства. Количество и доля товарного хозяйства в феодальной экономике неуклонно возрастают, достигая при позднем феодализме значительных величин, а в условиях кризиса феодализма даже и существенных для всей экономической системы показателей. Другое дело, что в феодальной формации товарное производство всё-таки не охватывает основную массу феодальных хозяйств. Однако некапиталистическое товарное хозяйство существует в экономике уже на уровне особой подсистемы, степень своеобразия которой всё-таки гораздо меньше, чем у промышленно-капиталистического уклада. То, что натуральное хозяйство преобладает очень долго, вовсе не исключает высокого уровня развития, достигнутого товарным хозяйством в занимаемом им секторе экономики.

Посмотрим, что со всем этим получилось у М.Н. Покровского. Начал он с малого, просто констатировав товаризацию феодального хозяйства в крепостную эпоху скорее как некий процесс. Затем историк напомнил о появлении крепостничества в России с XVII века. Теперь надлежало определить, какое отношение к этому имело товарное хозяйство. Ссылаясь на В.И. Ленина, учёный указывает на неоднородность крепостнической системы. Большое значение в ней имели торговля и промышленность. Одновременно с возникновением данной системы в стране начался, в более поздней терминологии, генезис капитализма. Тут М.Н. Покровский, скорее всего, имел в виду «новый период» русской истории, связанный с началом складывания Всероссийского товарного рынка и другими процессами. По мере развития обращения и подключения отечественного хозяйства к мировому рынку ещё в крепостной России появился новый класс капиталистов. Видимо, имеется в виду та социальная группа, представителям которой принадлежал торговый или промышленный капитал. По мнению историка, крепостное барщинное хозяйство было не воротами, а барьером для проникновения производственного капитализма в аграрную сферу, что проявилось, однако, лишь в середине XIX века. В связи с этим именно тогда значительная часть помещиков пошла на отмену крепостного права, остальные же последовали за ними под угрозой народных выступлений.

Из сказанного М.Н. Покровским очевидно, что товарное хозяйство в условиях крепостничества находится в отведённых для него феодализмом рамках. Это подтверждается тем, что, по мнению учёного, после Крестьянской реформы не наступила капиталистическая формация, а начался очередной этап в рамках переходного периода от феодализма к капитализму. Но как раз в пореформенный период товарное хозяйство возобладало. В этом режиме работали и наёмный рабочий, и мелкий самостоятельный производитель. Пока тоже никаких возражений с нашей стороны. Понятно, что в стране давно уже имели место мелкотоварный и капиталистический уклады, которые совокупно составляли товарно-рыночную основу национальной экономики. Однако все эти аргументы в поддержку тезиса о высокой товарности народного хозяйства показались М.Н. Покровскому недостаточными. Учёный заявил, что к концу XIX века товарное хозяйство заняло в нём гос-

подствующие позиции. Правда, он не представил в данном случае каких-то собственных расчётов, сославшись на показатели, приведённые в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Особенно важно то, что товарное хозяйство возобладало и в некапиталистическом секторе. Характерно, что данный результат был отнесён историком к весьма позднему сроку. С нашей точки зрения, этот вопрос вряд ли был разрешён и в начале XX века, что стало одной из предпосылок российских революций. Впрочем, имея в виду развитие исторической науки во времена М.Н. Покровского, было бы излишне смело делать по данному поводу категоричные заключения. Вероятно, полной уверенности у него не было, потому что применительно к 1860-м гг. историк писал следующее. «Насколько сильно или слабо было... развито именно товарное производство в крестьянском хозяйстве разных местностей России той эпохи – это вопрос иной. Но несомненно, что именно в обстановку товарного производства, а не какого-либо иного, вступал "освобождаемый" крестьянин». Когда же товарное хозяйство успело охватить три четверти крестьянских хозяйств? М.Н. Покровский предложил своего рода компромисс.

«Итак, в течение очень продолжительного времени, полутора-двух столетий, на территории нашей страны существовали феодальные методы производства (натуральное по своей целевой установке хозяйство) и товарное хозяйство сначала в виде исключения, потом всё чаще и чаще». Учёный указал на противоречие между феодальными отношениями и товарным хозяйством. С одной стороны, феодальные методы производства мешали последнему развиваться, с другой – товарное хозяйство подрывало, разлагало феодализм. Значит, в XX веке хозяйство в России уже не было натуральным, однако распад всего феодального в нём продолжался до 1917 г. Складывается впечатление, что у историка положение об отсутствии натурального хозяйства было своего рода синонимом тезиса о том, что товарного хозяйства было уже много. Иногда его высказывания были отражением какой-то негласной полемики: например, скажешь что-нибудь о натуральном хозяйстве в XIX веке, сразу «запишут» не в тот лагерь.

В связи с этим М.Н. Покровский специально выделил эпоху разложения феодального хозяйства в России, но, на наш взгляд, не смог точно определить её хронологические рамки. Дело в том,

что историк слишком быстро перешёл к сюжету об абсолютизме, мимоходом заметив, что это разложение совпадает с периодом абсолютизма⁴⁵⁸. Между тем понятийно-теоретическое введение в схему учёного разложения и кризиса феодально-крепостнической системы, несомненно, обогатило бы его концепцию торгового капитализма.

Здесь же перед М.Н. Покровским стояла другая задача: обосновать наступление абсолютизма и без упоминания торгового капитализма, и в контексте феодальной формации. Крупнейшее изменение в политической системе феодализма, естественно, должно было быть вызвано столь же значительным изменением в его экономической системе. Предложенный выход вряд ли удачен. Всё-таки в России разложение феодализма началось много позже утверждения абсолютизма. Действительно, XVII век делит историю русского феодализма на две части. Однако нельзя относить к нему начало любого процесса, протекавшего в рамках позднего феодализма. В обосновании возникновения абсолютизма именно торговый капитализм был «на своём месте».

По утверждению учёного, до появления абсолютизма в стране существовал классический вариант феодализма с натуральным хозяйством и слабой централизацией власти. «Позднефеодальную» разновидность абсолютизма он трактовал как политическое учреждение с бюрократией, постоянной армией и системой денежных налогов. Согласно этой схеме, ему должен был соответствовать какой-то экономический аналог. М.Н. Покровский, казалось бы даже несколько раздражённо, заметил, что при абсолютизме феодализм сохранялся. Более того, абсолютизм для его поддержания и был предназначен. Однако только этим появление абсолютизма объяснить нельзя. И тут учёный вразрез со всем вышесказанным вдруг заявил, что В.И. Ленин «никогда не смешивал абсолютизм и феодализм». Однако В.И. Ленин говорил об абсолютизме как государстве, а о феодализме как явлении социально-экономическом. Видимо, смысл реплики М.Н. Покровского заключался в том, что абсолютизм создало что-то ещё, кроме феодализма. Настал черёд найти какой-нибудь «постклассический» феодализм. В этом пункте историк поворачивает в сторону торгового капитализма, не называя его прямо, поскольку от соответствующего тер-

мина он отказался. Учёный приводит ленинское положение о том, что известная независимость бюрократии от господствующего класса феодалов-крепостников при абсолютизме определялась её связью с верхами торгово-промышленного класса, который также являлся её социальной базой. Получается, чем больше самодержавие склоняется в сторону буржуазии, тем в большей степени оно обновляется. Бюрократия связывает самодержавие с товарным хозяйством и нарождающейся буржуазией⁴⁵⁹. Как видим, учёный уменьшил долю торгового капитала в системе абсолютизма, но торговый капитализм фактически остался в качестве его основы. Точнее, у абсолютизма оказалась как бы два фундамента (со стороны производства): феодализм, далёкий от рынка, и феодализм рыночный. Кроме того, историк убрал из своей схемы непосредственный характер взаимодействия между торговым капитализмом и абсолютизмом, учитывая то, что экономическое преобразует политическое через социальное. М.Н. Покровский указал на то, что из торгового капитализма проистекали и другие признаки абсолютизма. Дело в том, что денежные налоги и постоянная армия критически зависели от уровня развития именно товарного хозяйства. По мнению учёного, всё это началось с ленинского «нового периода» русской истории, то есть с XVII века, или, иначе говоря, с появления торгового капитализма. Историк так и написал, что с этого времени торговый капитал приобрёл политическое значение. В этом нет ничего странного, ведь хорошо известно, что царь ещё в XVI веке был крупнейшим торговцем на Руси.

Кажется, здесь М.Н. Покровский должен был остановиться, если, конечно, всерьёз собрался отказываться от «торгового капитализма». Но это не так. Избегая термина «торговый капитализм», используя вместо него термины «торговля», «рынок» и другие, учёный со ссылкой на К. Маркса показал, что рыночная экономика создала новую фазу исторического развития, которая возникла до мануфактурного капитализма и играла более важную роль, чем он. Такое положение вещей сохранялось и в XVIII веке. Политически купцы были также более влиятельны, нежели мануфактуристы.

Поскольку в России самодержавие в XIX–XX веках в целом эволюционировало в сторону буржуазной монархии, следовательно, влияние капиталистического развития, буржуазии на него так-

же росло. Почему? Историк считал, что часть капиталистов была заинтересована в сохранении старого порядка, а самодержавие обладало высокой приспособляемостью к разного рода изменениям в обществе. Высшей точкой компромисса была «столыпинщина». Её неудача показала, что экономическое развитие страны достигло такого уровня, когда «мимикрия» для самодержавия была уже невозможна⁴⁶⁰.

М.Н. Покровский вспомнил ленинский тезис об «октябристском капитале» в России начала XX века⁴⁶¹, который, пожалуй, более всего напоминал о торговом капитализме. В.И. Ленин противопоставлял ему «демократический капитал» и даже отмечал, что важнейшей стороной революционного процесса в России и азиатских странах является борьба за замену «октябристского» капитала «демократическим». На языке М.Н. Покровского речь шла о революционном переходе от торгового капитализма к промышленному как формации. «"Октябристский капитал", сложившийся в недрах феодальной формации, сложившийся с нею, пользовавшийся, где можно, её методами эксплуатации. Это, конечно, не только торговый и ростовщический капитал, но это его ближайший потомок. Недаром для Ленина октябристы – это партия "старозаветных купцов". Это не случайная обмолвка». Субъектами этого капитала являлись в том числе землевладельцы и купцы. М.Н. Покровский, в сущности, указал на наступление в России начала XX века новой стадии торгового капитализма, более серьёзно обособленной им от его предшествующих стадий. Вместе с тем учёный признавал, что в стране, наряду с этим, существовали высшие, самые современные формы капитализма. Видимо, они были настолько сильны, что привели самодержавие к гибели.

Историк не стал повторять свой старый тезис о том, что экономическая система с торговым капиталом может квалифицироваться как торговый капитализм (кроме, разумеется, капитализма промышленного, поскольку в условиях его господства торговый образоваться не может). Он ограничился утверждением о том, что «из всех форм капитала к самодержавию ближе всего был торговый капитал». Благодаря ему «феодальное государство чисто средневекового типа переросло в бюрократическую монархию». Без феодализма самодержавия бы не было в принципе, а без торгового капитала «власть феодального монарха не пошла бы дальше

Ивана III»⁴⁶². Круг почти замкнулся. Осталось вернуть понятие «торговый капитализм». Вроде бы расставаясь с «торговым капитализмом», М.Н. Покровский, по сути дела, его возродил, хотя и в несколько другой «упаковке», выделив в феодальной эпохе период, когда торговля играла крупную роль, и включив в него мануфактурный период, указав на разложение крепостнического феодализма, затронув феномен домонополистического торгово-промышленного капитала, преобладающего в странах капиталистической формации с сильными феодальными пережитками, и т. п.

Насколько же новым с точки зрения концепции М.Н. Покровского было то, что он писал о торговом капитализме на завершающем этапе своей научной деятельности? Возьмём в качестве примера Петровскую эпоху, в его концепции максимально «торгово-капиталистическую». Вот как он характеризовал этот период в «Русской истории с древнейших времён». Петровские реформы проходили в условиях союза буржуазии с верхами землевладельческого класса. «Когда новая феодальная знать использовала до конца своего буржуазного союзника, последний должен был снова вернуться в прежнее политическое ничтожество». Это ослабило позиции самой феодальной знати, которая уступила дворянству, укрепившемуся «в седле, на этот раз уже почти на два столетия. <...> Как ни влиятельна была буржуазия – больше иноземная, чем туземная, – экономически, политическая власть была не в её руках». Район Москвы был «средоточием и новой феодальной знати, и крупнейшей буржуазии». Поскольку «верховные господа» возглавили коллеги, «феодальный характер верховного управления стал чище, чем когда бы то ни было. <...> Тонкая буржуазная оболочка так же мало изменила дворянскую природу Московского государства, как немецкий кафтан природу московского человека»⁴⁶³. Конечно, учёный о торговом капитализме Петровской эпохи написал не меньше, но и сказанное весьма примечательно. Не случайно историк постоянно повторял о приверженности (в общем и главном) своим основным, в том числе дореволюционным, курсам отечественной истории. Отчасти, по крайней мере в понятийной плоскости, перерабатывая концепцию торгового капитализма, М.Н. Покровский как бы возвращался к лучшим страницам прошлого.

Как мы имели возможность убедиться, в публикациях завершающего этапа своего творчества М.Н. Покровский регулярно писал о ленинских взглядах на историю. По сути дела, он занимался их реконструкцией на базе различных произведений В.И. Ленина, в которых последний так или иначе касался исторической проблематики. Коллективная работа советских историков, в которой активно участвовал М.Н. Покровский, заключалась в том, чтобы выявить в ленинских трудах различные высказывания по истории и систематизировать их. После этого можно было сформулировать ленинскую историческую концепцию. Параллельно проводилась аналогичная работа над затрагивавшимися В.И. Лениным отдельными историческими событиями и периодами. На каком-то поверхностном уровне, в первом приближении эта работа к началу 1930-х гг. была в основном завершена. Предстояло более глубоко разобраться с уже извлечённой из ленинских текстов информацией, обращая внимание на неочевидные вещи, самые «диалектические» трактовки, а также накопить известную «сумму» интерпретаций. Разумеется, свою роль здесь играли политические и статусные моменты. Так, среди историков развернулась борьба за наиболее точное, выверенное и актуализированное понимание ленинизма. Поражение в ней могло иметь далеко идущие последствия, особенно в кругах историков-марксистов. М.Н. Покровский не мог не заметить, что в области трактовки ленинского исторического наследия он не является большим авторитетом для своих бывших учеников. Его мнение не становится руководством к действию, оказывается «среди прочих», хотя пока ещё на видном месте. Если глава советских историков-марксистов хотел сохранить ведущие позиции в системе, производящей научно-историческое знание, ему следовало в обязательном порядке добиться особого положения в сфере интерпретации ленинизма, а точнее говоря, завоевать его, тем более что появлялось всё больше историков, с этого начинавших и весьма поднаторевших в комбинировании ленинских цитат, формальном, оторванном от конкретного исторического материала, подходе к ленинскому учению. Кроме того, М.Н. Покровскому предстояло как можно скорее и полнее «перевести» свою историческую концепцию на язык произведений В.И. Ленина, то есть употреблять те же понятия и в том же контексте, что и

он. Поскольку оба они были марксистами, это не нанесло бы никакого ущерба построениям историка. Знакомство с В.И. Лениным как историком для М.Н. Покровского было полезно, так как он освоил ещё один пласт марксистской литературы по русской истории, более предметно занялся теоретико-методологическими проблемами исторической науки.

Учёный считал особенно важным обеспечение в истории связи теории с практикой. История должна объяснить, почему в современном мире (политике) происходят те или иные события, показать их истоки и развитие. По сути дела, речь идёт о генезисе того или иного исторического явления. В этом, по его мнению, состоял основной вклад историков в марксистское учение и идеологию. В то же самое время он был сделан самими классиками марксизма. М.Н. Покровский особо подчеркнул, что ленинский подход к истории означает изучение любого явления или процесса в тех конкретно-исторических рамках, в которых они протекали, учёт исторических особенностей тех или иных периодов в истории, стран, отображение исторических реалий во всей их противоречивости. Несомненно, именно в этом ключе учёный развивал концепцию торгового капитализма на советском этапе своего творчества.

Конкретизируя эти положения, историк замечал, что, например, классы «складывались десятилетиями и иногда веками, и, не разворотив их истории до дна, мы не разглядим их настоящего лица, тем более, что лицо это обыкновенно прячется». Таким образом, сущность явления можно установить, имея перед собой всю его историю, рассмотрев каждый составляющий его слой. Учёный подчеркнул, что исторический процесс идёт в каком-то определённом направлении, но «ощупью и зигзагами, спотыкаясь на каждом шагу»⁴⁶⁴. Данное направление нельзя путать с результатом. Иными словами, нечто небуржуазное может двигаться к капитализму, длительное время оставаясь таковым. Так, например, генезис капитализма начинается до появления первых капиталистических предприятий. В то же время капиталистическое в содержании какого-нибудь явления постепенно нарастает, то есть само оно становится более или менее капиталистическим.

Конечно, М.Н. Покровский не просто корректировал свою концепцию, он применял её в уже переработанном виде к изуче-

нию тех или иных крупных исторических событий, рассматривавшихся им ранее, при других редакциях его схемы. Одним из них была пугачёвщина. Нас интересует, в какой мере и насколько по-новому в её интерпретации 1931 г. участвовал торговый капитализм. Учёный констатировал, что пугачёвщина была крестьянской войной, типичной для феодального строя. Таким образом, из схемы пугачёвщины в её самом общем виде были изъяты упоминания о торговом капитализме и крестьянской революции. Более того, М.Н. Покровский признал их ошибочными, но лишь в трактовке Г.Е. Меерсона. Недостаток построений последнего, по его мнению, заключался отнюдь не в «покровщине», а в создании им собственной «утрированной» версии «торгового капитализма», в которой «феодализм за торговым капиталом совершенно исчез, и даже классовая борьба внутри феодального общества объясняется из того же торгового капитала. Выходит, что методы феодальной эксплуатации никакой роли не играли, а торговый капитал был всем». М.Н. Покровский напомнил своим оппонентам, что в советской марксистской историографии существовали различные трактовки торгового капитализма, которые нельзя принимать за какую-то единую «теорию». Как правило, авторы этих трактовок шли по линии увеличения количества и уменьшения качества «торгового капитализма» в сравнении с образцом, заданным М.Н. Покровским. Учёному зачастую доставалось за чужие «грехи».

Историк констатировал, что восстания средневековых крестьян были, безусловно, антифеодальными. Однако при определённых условиях они могли подняться до уровня буржуазной революции. В качестве примера он привёл Великую французскую революцию, в которой крестьянство выступило за ликвидацию феодальных отношений в деревне. По мнению учёного, это никак не могло произойти в России XVIII века, поскольку в стране господствовали «феодальные методы производства», «буржуазное хозяйство существовало в едва заметных зачатках». Примерно так М.Н. Покровский и ранее определял удельный вес промышленного капитализма в ней в ту эпоху. По его словам, сельское хозяйство и большая часть обрабатывающей промышленности находились в руках дворян. Крестьянское хозяйство, даже не крепостное, также было феодальным. Буржуазия им существенно уступала. Историк вновь переносит «центр тяжести» с торгового капитализ-

ма на феодализм, особенно в части социально-классовой структуры общества. Но концепция торгового капитализма позволяла раскрыть, каким было дворянское имение, хотя и феодальное, но не по-прежнему, в последней трети XVIII века. До французского революционного образца, по мнению учёного, было ещё очень далеко. «Французский» XVIII век наблюдался в России и в 1860-е гг.

М.Н. Покровский применительно к пугачёвщине легко отказался от своего «старого» термина «буржуазной революции эпохи торгового капитала», тут же, правда, заметив, что за ним скрывалось верное содержание. Этот термин использовался им как собирательное обозначение ряда процессов и явлений русской истории, а именно восстаний феодального крестьянства, связанных с усилением его эксплуатации, «благодаря возникновению рынка и образованию купеческого и ростовщического капитала»⁴⁶⁵. Следовательно, выступления крестьян были направлены против резкого усиления крепостнического гнёта, включая ужесточение крепостного права и совершенствование внеэкономического принуждения под влиянием рыночной экономики. Понятно, что всё это обслуживалось торговым капиталом. Но М.Н. Покровский поставил его на последнее место в некоем общем ряду. Почему? Согласно его работам, главными субъектами торгового капитализма в России XVIII века были помещики, а промышленного – их крепостные крестьяне. Однако применительно к феодалам на первый план выходило торгово-капиталистическое хозяйство как товарное производство. Строго говоря, помещичье имение стоило «передвинуть» от торгового капитала к торговому капитализму.

Учёный верно заметил, что мелкий товаропроизводитель в России XVIII века в масштабах всего общества не превращался в капиталиста. Однако нужно было уточнить, что, хотя мелкотоварный уклад в стране количественно давал гораздо больше товара, чем капиталистическая промышленность, частично он всё-таки перерастал в уклад капиталистический.

Заметив, что товарность народного хозяйства в это время была недостаточно высока, историк указал на то, что соответствующий тип хозяйства тогда ещё не возобладали.

И здесь вразрез с вышеизложенным и своей прежней позицией М.Н. Покровский неожиданно заявил, что буржуазная власть

в случае победы революции держалась бы на торговом капитале. Рецидив «торгового капитализма» проявился самым неуместным образом. Ведь учёный полагал, что крестьянская революция была направлена именно против торгового капитализма. Да и в стране, как мы видели выше, не наблюдалось настолько большой «массы» торгового капитализма, чтобы он оторвался от своей феодальной основы. Возможно, это соображение историка носило гипотетический характер. В дальнейшем он подтвердил, что «крупный экспортный капитал и крупный ростовщический капитал (откупщики) были несомненно вместе с дворянским правительством», а провинциальное купечество, большинство «мелких капиталистов», как он утверждал и ранее, «часто примыкали к Пугачёву».

М.Н. Покровский заметил, что хмельничина и пугачёвщина, если и были крестьянскими революциями, то такого же типа, как французские жакерии и крестьянская война в Германии, то есть в диапазоне от зрелого феодализма до раннего капитализма, в «сухом остатке» – капитализма торгового. Что же здесь может быть капиталистического? Учёный указал на дифференциацию крестьянства, в результате которой появлялась крестьянская буржуазия, которая вступала в противоречие с крепостничеством. Эта сентенция, конечно, отражала специфику раннекапиталистического уклада в России, но не проясняла его связь с пугачёвщиной.

Всё-таки, по М.Н. Покровскому, преимущественное отношение к ней имел другой фактор. И здесь он повторил свой тезис о разложении феодализма в последней трети XVIII века. Главным признаком этого процесса было то, что и торговый капитал, и капиталистическое производство находились в состоянии, способном оказывать существенное воздействие на феодализм в определенном направлении. При этом они вовсе не обязательно ставили что-нибудь на место феодализма. С этим дополнением можно согласиться, ибо разложение феодализма предполагает прежде всего изменение чего-то феодального с сохранением им своего качества. Не случайно историк нашёл возможным ещё раз подчеркнуть, что барщинное имение и крепостная индустрия, даже если они работали для рынка, не были капиталистическими.

Таким образом, пугачёвщине, за редким исключением, был обеспечен достойный не «торгово-капиталистический» вид. Глав-

ное достижение М.Н. Покровского заключалось в довольно точном определении *меры* торгового капитализма в России периода пугачёвщины. Однако складывается впечатление, что вся проделанная работа была своего рода «блужданием» *вокруг* торгового капитализма. Свидетельством тому неожиданное возвращение учёного к высказывавшейся им же идее о системообразующей функции торгового капитала. «Если капитализм существует везде, где есть капитал, тогда вполне правильно говорить и о торговом капитализме, ибо капитал там несомненно есть. Если же под капитализмом разуметь определённую общественно-экономическую формацию, с определёнными методами эксплуатации, то барщина есть барщина, на заводе она применяется или в поле»⁴⁶⁶. Торговый капитализм был «торжественно» водружён почти что на прежнее место. М.Н. Покровского не смутило даже то, что «непроизводительное» упоминание капитализма он уже успел признать немарксистским. Вероятно, учёный считал важным сохранить «торговый капитализм» по существу, но не как особую формационную теорию, хотя вряд ли таким путём его можно было вывести «за скобки» изрядно обострившейся дискуссии о формациях.

В 1931 г. М.Н. Покровский продолжил анализировать историографическую ситуацию в отечественной науке, выявлять и критиковать различные немарксистские, псевдомарксистские и другие направления в ней. Эта работа по-прежнему имела определённое отношение к «торговому капитализму».

Учёный подчеркнул, что в период нэпа в исторической науке и не только широко использовались буржуазные специалисты: «Нам приходилось строить коммунизм руками некоммунистов». По его мнению, это привело к значительным издержкам, потому как эти последние, конечно же, не были последовательными марксистами. Новые исследования этих историков могли быть шагом вперёд лишь по сравнению с их же предшествующими работами. Вероятно, позиция М.Н. Покровского сводилась к тому, что по мере заполнения научно-исторических учреждений свежими марксистскими кадрами настанет черёд критического разбора и пересмотра сделанного в 1920-е гг., сделанного во многом «не нами».

Глава советских историков-марксистов сформулировал задачи, стоявшие перед его единомышленниками в начале 1930-х гг.

Буржуазную историографию, не прикрывавшуюся марксизмом, он охарактеризовал как вредный нарост «на теле советской историографии», с которым его школа боролась, но «добраться» «до более высокой цитадели старой историографии, второго отделения Всесоюзной академии наук», ей всё же не удалось. Однако крушение данной «цитадели» произошло «в совершенно другой связи и гораздо позже», то есть по политическим, а не научно-историческим основаниям, и было осуществлено органами государственной безопасности, а не, допустим, Обществом историков-марксистов. Видимо, идейную борьбу на этом фронте М.Н. Покровский давно не считал актуальной. Более весомую роль его сторонники сыграли в упразднении «исторического института РАНИОН», который с их стороны подвергся «проработке». И здесь соперник казался учёному поверженным в конце 1920-х гг.⁴⁶⁷

Любопытно, что М.Н. Покровский всякий раз выделяет не научный или идеологический, а организационный, административный компонент противостояния. Видимо, у него была полная ясность в отношении того, что на данном этапе развития советской исторической науки соперничество между различными школами историков приобрело характер борьбы за выживание. Коренной перелом в общественной системе на рубеже 1920–1930-х гг., декларированное обострение классовой борьбы по мере строительства социализма, судьба некоторых течений в науке, групп историков неизбежно приводили к заключению о том, что проигравший мог потерять всё. Время «чисто научных» споров миновало. Понятно, что соратники М.Н. Покровского, к стати очень разного «сорта» люди⁴⁶⁸, продолжили бы борьбу. Учёный, наверное, мог бы провести последние годы жизни на лечении за границей, но, видимо, предпочёл разделить их судьбу. Да и сдаваться было не в его правилах. Другое дело, что он не определял происходящее в партийно-государственной сфере, поэтому компромиссы здесь могли оказаться чрезмерными. Впрочем, у М.Н. Покровского было ещё к кому обратиться в высоких сферах. Не спешим ли мы, изображая дело так, будто историк в начале 1930-х гг. оказался чуть ли не в кольце врагов, в невольной оппозиции? Конечно, столь «сильные» выражения чрезмерны. Однако стоит отметить, что своё место в руководстве страной потеряли Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский.

Первый в 1920-е гг. был, пожалуй, ведущим идеологом партии и в какой-то мере охватывал своим попечением исторический фронт. К М.Н. Покровскому он тогда относился в целом хорошо. Пожалуй, главной государственной должностью историка был пост заместителя народного комиссара просвещения. В течение многих лет его непосредственный начальник А.В. Луначарский явно благоволил «профессору с пикой». Судя по всему, к И.В. Сталину и его команде М.Н. Покровский лично близок не был и воспринимался ими в лучшем случае нейтрально. Учёного, скорее, терпели, пока считали полезным. Это был очень плохой «симптом» для него.

Основным противником «настоящих» большевистских историков на текущий момент М.Н. Покровский объявил различного рода «уклонистов». Их опасность, по его мнению, состояла в том, что они изначально воспринимались как марксисты, камуфлировали свои взгляды и т. п. В эти ряды неизбежно попадали и «борцы» с «торговым капитализмом». Важнейшим признаком «уклониста» было «стряпанье» из ленинских цитат такого блюда «иной раз, что от этого блюда не отказался бы ни один меньшевик», а подобный приём был весьма характерен для критиков концепции учёного. Другим его признаком было то, интересы какого класса историк отстаивает. Понятно, что настоящий марксист должен был выступать на стороне пролетариата.

Вместе с тем М.Н. Покровский взял под защиту исторический фронт в целом. По его словам, «невозможно отрицать, что если» на нём «не образовалось до сих пор ничего похожего на рубинщину, переверзевщину или ошибки школы Деборина, то этим мы обязаны тому, что на историческом фронте самокритика применялась в таких широких размерах, как ни на одном из трёх перечисленных фронтов»⁴⁶⁹. Смысл этой сентенции можно увидеть в утверждении о том, что историки сами, без помощи иных «органов», справляются с развитием своей науки, в ходе которого естественным образом отсеивается всё ненужное, ошибочное. С точки зрения М.Н. Покровского, так и должно было быть в подлинно марксистской науке. В других же областях знания соответствующие специалисты не сумели использовать преимущества марксистского учения, реально имеющиеся в его арсенале, поэтому потребовалась помощь «со стороны». Примечательно, что,

по мнению учёного, в исторической науке «уклоны» не столько были своевременно ликвидированы, сколько вообще не сформировались. Значит, эта наука может оставаться на «попечении» самих марксистских кадров историков.

М.Н. Покровский вновь назвал историю самой политической наукой, что, конечно же, было в духе времени. Но вот то, в чём, по его мнению, это выражалось, не могло не насторожить «проницательного» читателя. «История должна непосредственно и неустанно разъяснять массам происходящую классовую борьбу, вскрывать корни иногда глубоко скрытых классовых противоречий, словом, обнажать и подвергать беспощадному анализу все те политические конфликты, которые перед нами происходят, что совершенно невозможно без исторического подхода к этим конфликтам». Нетрудно представить, что бы произошло, если бы это кредо советского историка-марксиста было применено к существующему в СССР политическому режиму.

Учёный отметил, что «вопрос о формациях, то есть вопрос о феодализме, о натуральном хозяйстве, даже родовом быте», излагался «на первых станицах» учебников, то есть, вероятно, казался вполне решённым. Однако «сейчас», в начале 1930-х гг., он попал в число актуальнейших⁴⁷⁰. Таким образом, историк подчеркнул особую значимость именно той дискуссии, которая ближе всего касалась торгового капитализма.

На рубеже 1930–1931 гг. во время подготовки статьи «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России» М.Н. Покровский направил две докладные записки в ЦК ВКП(б), в которых, в частности, в самом общем виде изложил свои воззрения на русскую историю. В этот период высшее партийное руководство весьма заинтересовалось тем, что происходит в пролетарско-большевистской исторической науке, шире, в сфере гуманитарного знания. Виной тому и кампания, направленная против историков «старой формации», которой был придан масштаб «академического дела»; и борьба со всякого рода «отклонениями» от генеральной линии партии, кстати, довольно распространёнными среди коммунистов «интеллектуального профиля» с их склонностью к известному «вольномыслию», творческой свободе, пусть и в рамках марксизма; и «нездоровая» обстановка сре-

ди молодых советских историков-марксистов, как преподавателей, так и студентов, которые с «большевистской принципиальностью» наносили друг другу удар за ударом, ослабляя и дискредитируя самих себя, внедрив в свою научную жизнь формы и методы классовой и внутривнутрипартийной борьбы. Утверждавшаяся в процессе «Великого перелома» новая генерация партийных вождей проявляла всё большую склонность к непосредственному руководству самой политической из всех наук. Естественно, М.Н. Покровскому приходилось на всё это как-то реагировать.

Так, учёный смело подчеркнул, что представление о государстве как о внеклассовой или всеклассовой силе, создавшей «и торговлю, и промышленность, и науку, и самоё "общество", притом путём мудрых реформ сверху», характерно для помещичье-буржуазного понимания исторического процесса. Оно было заимствовано «левыми» и Л.Д. Троцким, но уже применительно к строительству социализма. По словам М.Н. Покровского, он придерживается другой исторической «теории», которую как раз троцкисты и другие яростно атакуют. В центре её находится «рост и развитие капитализма» в дореволюционной России, особое место в этой связи занимает торговый капитализм. Именно с «левой» оппозицией историк ассоциировал тех исследователей, которым «ненавистна» соответствующая концепция, так как она обнаруживает в России торговый капитал, рынок, товарное производство на достаточно ранних этапах её истории. Это тем более важно, что промышленный капитализм, не говоря уже о капиталистической формации, появились в стране действительно поздно. Не заостряя внимание на тонкостях «торгового капитализма» в общении со старшими по должности товарищами, М.Н. Покровский просто напомнил им, что, по К. Марксу и В.И. Ленину, торговый капитал – «неизбежный предшественник капитала промышленного». Он перечислил ошибки своих оппонентов: 1) на семинаре Карева в ИКП утверждалось, «что самое упоминание о торговом капитале как особой форме капитала есть просто марксистская безграмотность – торгового капитала отдельно от промышленного не существует»; 2) в тезисах одной дискуссии, ведшейся в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, видимо, в 1929 г., можно было прочесть, «что торговый капитал "не играл никакой роли" в русской

истории»; 3) в докладе Э.Я. Газганова в ИКП осенью 1930 г. «натуральное хозяйство протягивается как основная форма хозяйства в России до начала XX века, только в конце XIX начинается первоначальное накопление». Как утверждал глава советских историков-марксистов, всё это «левачество» выдаётся за подлинный ленинизм и «противопоставляется не ленинской и не марксистской "схеме Покровского"»⁴⁷¹. Судя по его мнению, мы едва ли не переносимся из начала в конец 1930-х гг. Впрочем, до полнейшей идеологической подготовки развенчания «покровщины» было ещё далеко. Однако разберём сказанное по существу. Участники семинара Н. Карева, возможно, имели в виду торговый капитал в эпоху промышленного капитализма, отличая его от купеческого капитала предшествующих эпох. Впрочем, традиционно в ранней советской историографии и тот, и другой обозначались общим понятием «торговый капитал». Не так уж неправ был Э.Я. Газганов. Конечно, он перегнул палку, по крайней мере, в хронологии событий. Однако преобладание товарного хозяйства над натуральным в схеме М.Н. Покровского, скорее, относилось к пореформенному периоду. Учёного, похоже, беспокоила опасность недооценки роли и места товарного хозяйства в российской экономике. Совершеннейшую нелепость, таким образом, допустили только свердловцы.

Не забыл историк и о правом уклоне в исторической науке. Его основоположником он объявил народническую историографию. В марксистскую литературу этот подход проник, если можно так выразиться, через неверное понимание крестьянской политики периода нэпа некоторыми коммунистами. Правда, М.Н. Покровский обошёл вопрос о том, кто из историков «замечен» в правом уклоне и как они относились к «торговому капитализму».

Наряду с этим, учёный выделил ошибки, допускаемые историками в индивидуальном порядке. Речь идёт об изобретённых С.А. Пионтковским и С.М. Дубровским соответственно торгово-капиталистической и крепостнической формациях⁴⁷². Не исключено, что таким образом он хотел отделить историков, честно заблуждающихся не в классовом смысле, а в процессе самостоятельной исследовательской работы, от «политиков». М.Н. Покровский совершенно справедливо поставил вопрос о том, что надо рассмотреть все торгово-капиталистические схемы, выявить различия ме-

жду ними и только после этого разбираться с тем, соответствуют ли эти концепции фактам истории, марксистскому учению и т. п.

Историк пытался доказать властям, что его «торговый капитализм» не содержит ничего крамольного и вполне приемлем. Вероятно, он рассчитывал на то, что шумиха, поднятая по поводу торгового капитализма, может быть для них непонятной. Нужно было пояснить, что такое этот торговый капитализм и почему вокруг него сломано столько копий.

В следующей докладной записке, составленной двумя месяцами позднее и датированной 5 февраля 1931 г., М.Н. Покровский продолжал развивать вышеизложенные идеи и положения. Он утверждал, что на некоторых семинарах в ИКП исторические концепции М.Н. Покровского и В.И. Ленина рассматриваются как две разные «схемы», приведя в качестве примера подобного подхода выступления И.А. Теодоровича по поводу «Народной воли».

Учёный пополнил «список» своих противников не только за счёт последнего. Проработка концепции историка «была поставлена в порядке "научной общественности" в ИКП зимой 1928–1929 гг. На первые 2 заседания автора не пустили... критики хотели столковаться между собою. Когда я пришёл на третье заседание, оказалось, что мои противники не столковались, а переругались, и мне нетрудно было их разбить». М.Н. Покровский хотел убедить власть в том, что его оппоненты не могут создать концепцию русской истории, которая была бы лучше той, что разработал он сам, как бы кто на это не надеялся. Учёный показал, что борьба историков-марксистов с ним в действительности является борьбой множества таких историков друг с другом, в то время как партии нужен единый, эффективно работающий исторический фронт. Учёный «намекнул» и на то, что указания товарища Сталина в области истории для него вполне актуальны.

Историк повторил тезис о том, что в основу своей концепции русской истории он положил развитие капитализма сначала торгового, а затем промышленного, начавшееся достаточно давно. Если иметь в виду генезис капитализма, своими условиями и предпосылками уходящий далеко в глубь феодальной формации, то с учёным можно согласиться. Как бы подчёркивая это, М.Н. Покровский заявил, что, согласно его концепции, капитализм в Рос-

сии возник в силу естественной эволюции социально-экономических реалий страны, а не влияния Запада или деятельности самодержавия. В хронологическом плане историк повторил, что торговый капитал начал у нас складываться во второй половине XVI века, и зачатки промышленного капитализма, или, иначе говоря, капиталистического производства, появились к началу XIX века. Со ссылкой на В.И. Ленина учёный отметил, что к 1905 г. Россия была страной «относительно высоко развитого капитализма».

К этой схеме мы хотим сделать следующие примечания. Применительно к XVI веку точнее было бы говорить о генезисе торгового капитализма. Поправка М.Н. Покровского – очередной пример неудачной попытки писать «торговый капитал» везде, где он раньше писал «торговый капитализм», должно быть, в надежде лишить своих оппонентов главного предмета критики. Капиталистическое производство как машинное действительно появилось в России в начале XIX века. Но историку было известно, что капиталистические отношения проникли в сферу производства ещё в XVIII веке, и он, видимо, решил «примирить» эти две датировки на их стыке. В том, что касается начала XX века, учёный опять не прояснил, «сколько» капитализма, по его мнению, было в этот период, укладом или формацией был промышленный капитализм, относительно чего он был развитым и т. п. Согласно концепции М.Н. Покровского в целом, складывается впечатление, что в начале XX века в России торгового капитализма было не меньше, чем промышленного. Одновременно отечественный капитализм вступил в фазу империализма, что историк также признавал. Видимо, он пытался соединить сохранение в стране торгового капитализма с наличием в ней капитализма монополистического, а то и государственно-монополистического. Возникал вопрос о том, возможно ли возникновение последнего на ранних стадиях капиталистической формации, «хуже того», до её наступления? Во времена М.Н. Покровского в свете формационной теории это было не вполне ясно. Её молодые «знатоки» могли «не простить» корифея советской историографии и в данном пункте.

Как же конкретно отечественный капитализм рос из «национальных корней»? Здесь учёный пишет о так называемом мужицком капитализме, когда капиталистическим производством занимались крестьяне, разбогатевшие на ростовщичестве, торговле,

мелкие предприниматели. Видимо, те из них, кто не шёл так далеко, становились кулаками. Именно данный пункт, по словам историка, возмутил «правых», которые доказывали, что перечисленные выше субъекты капиталистами не являлись. Это было им нужно, в том числе из политических соображений. Для их трактовки нэпа важно было доказать, что все уклады этого периода так или иначе совместимы с социализмом.

Конечно, М.Н. Покровский не хотел, чтобы его полемика выглядела таким образом, будто он отрицает за собой возможность совершения каких-либо ошибок. Напротив, он их признал, в том числе и в отношении торгового капитализма. Посмотрим теперь как учёный сформулировал эту «ошибочность»: у него имело место «несомненное перегибание палки в вопросе о роли торгового капитала, особенно его политической роли». Однако историк тут же оговорился, что, в сущности, это положение и правильное, и марксистско-ленинское и т. п. В каком же «пункте» «палка» была «перегнута»? Да только лишь в области терминологии, как отметил М.Н. Покровский. Так, например, его высказывание о самодержавии как торговом капитале «в мономаховой шапке» не сопровождалось подчёркиванием того, что сущность этого режима была феодальной. С нашей точки зрения, данная позиция верна. Ведь учёный во всех своих работах показывал, что производство при торговом капитализме в большинстве своём капиталистическим не являлось. Историк отметил, что самодержавие в XVII веке было диктатурой всего класса феодалов, хотя опиралось в том числе на торговый капитал, иначе говоря, на тех феодалов, которые были субъектами торгового капитализма, и даже реализовывало интересы именно этой части феодалов специально. С таким уточнением, думается, можно согласиться. Впрочем, М.Н. Покровский признал за собой ещё одну «вину», которую он охарактеризовал как «упроощенство» своей схемы⁴⁷³. Что скрывается за этим тезисом? Результаты нашей интерпретации концепции торгового капитализма учёного показывают, что она была достаточно сложной, скорее даже более сложной, чем иногда казалось самому автору. Возможно, дело здесь в каких-нибудь деталях. Однако данную «ошибку» М.Н. Покровский выделил, вероятно, потому, что на неё указал И.В. Сталин. Но в словах последнего учёный увидел

то, что и так соответствовало путям, формам и методам корректировки им своей концепции.

На завершающем этапе своей научной деятельности М.Н. Покровский писал очередную версию «Очерков истории революционного движения», в которой высказал ряд интересных положений относительно концепции торгового капитализма.

Учёный констатировал, что общественный строй в России XIX века был феодальным или, «что то же», крепостническим. Феодально-крепостническую сторону в сельской жизни представлял помещик. Будущее же олицетворял кулак. Такого рода крестьянство, по мнению историка, появилось ещё при крепостном праве. Однако М.Н. Покровский не спешил ассоциировать его с производственным капитализмом. В данном контексте он упомянул «торгового мужика», каковой наличествовал и в XVIII веке, и даже ранее. Более того, этот «мужик» участвовал в разинщине и пугачёвщине именно потому, что ещё недостаточно выделился из крестьянской массы. Общего между ним и другими крестьянами было больше, чем различий. Следовательно, имело место всё-таки социальное расслоение крестьянства, не дошедшее до уровня его классового разложения. Учёный отметил, что в среде крепостного крестьянства капиталистическое накопление было весьма затруднено, так как помещик отнимал у него слишком много.

Самодержавие-абсолютизм историк трактовал как «чисто феодальное учреждение» в условиях «некоторого развития капитализма». Хронологически это последнее он связал с XIX–XX веками, то есть, вероятно, с промышленным капитализмом. Отсюда самодержавие решало две одинаково приоритетные задачи: сохранение феодализма и развитие капитализма. Понятно, что в определённый момент это становилось невозможным. Однако оно могло ограничиться поддержанием «остатков крепостничества». С позиций формационной теории это можно понять следующим образом. После Крестьянской реформы 1861 г. рухнуло крепостничество, да и то неполностью, однако некрепостная часть феодальной системы, с одной стороны, укрепилась за счёт своего распространения на «освободившуюся» область, с другой – ослабевала под усилившимся натиском промышленного капитализма.

М.Н. Покровский в который уже раз повторил положение о том, что торговый капитал был предшественником промышлен-

ного и банковского. Однако здесь учёный выделил тот аспект проблемы, что при наличии последних торговый капитал может оставаться крупным историческим явлением. М.Н. Покровский напомнил, что для советской истории торговый капитализм совсем недавнее прошлое: «В конце XIX века капиталист ещё всем представлялся в качестве купца – хотя его главной функцией была уже не торговля, а организация производства»⁴⁷⁴. Иначе говоря, торговые капиталисты «переквалифицировались» в промышленных. Здесь содержится намёк на особый исторический этап утверждения новой формации, когда «старое» и «новое» на короткое время оказываются в состоянии неустойчивого равновесия.

М.Н. Покровский сам оценил свои поправки, сделанные в десятом издании «Русской истории в самом сжатом очерке» в 1931 г. Вместе с тем он воспользовался предисловием к этой публикации для того, чтобы ещё раз высказаться на предмет торгового капитализма. Это тем более важно, что последние работы М.Н. Покровского зачастую интерпретируются в литературе как перевод в практическую плоскость декларированного им отказа от концепции торгового капитализма. Кроме того, как мы уже отмечали, именно в 1931 г. «торговый капитализм» наиболее активно изымался из марксистских схем и объяснений исторического процесса.

Учёный сразу же констатировал, должно быть во избежание кривотолков, догадок, чтения между строк, что те изменения, которые он внёс в десятое издание «Сжатого очерка», не являются существенными. Иными словами, он полагал, что основы его концепции, в том числе и «торговый капитализм», сохраняются. Но поскольку М.Н. Покровский отказался от использования термина «торговый капитализм», правильнее будет заключить, что он остался верен своей трактовке русской истории XVII–XIX веков.

Более того, М.Н. Покровский заметил, что для пересмотра его концепции нет оснований, но не потому, что она «на все времена». Напротив, как мы помним, историк позитивно относился к успехам своих коллег. Здесь дело в другом. Учёный полагал, что для создания новой марксистской концепции истории России, которая была бы существенным шагом вперёд по сравнению с его концепцией, ещё не сложились условия, причём связанные с естественным процессом развития исторической науки. По мнению М.Н. Покровского, за 1920-е гг. в неё был введён огромный объём

материала, который ещё долго придётся обрабатывать с марксистско-ленинских позиций. Он с горечью констатировал, что этому мешает то, что наших молодых специалистов привлекают «"проработки" другого рода». Видимо, здесь учёный намекнул на то, что они диктовались мотивацией вненаучного характера. Возможно, здесь не обошлось и без обобщения им первых опытов создания историками-марксистами собственных научных концепций во второй половине 1920-х гг. М.Н. Покровский заметил, что те вопросы, которые были ими проработаны обстоятельно, лишь подтвердили правильность положений его «Сжатого курса».

Учёный категорически отклонил призывы к тому, чтобы он сам существенно переработал свою концепцию, сославшись на то, что план и схема «Сжатого очерка» были одобрены лично В.И. Лениным. Следовательно, попытки их пересмотра есть не что иное, как проявления ревизионизма. Значит, историк прямо бросил своим оппонентам обвинение политико-идеологического свойства, правда на этот раз в довольно мягкой форме. Заметим, что М.Н. Покровский особо взял под защиту стержень своей концепции, показывая, что он готов обсуждать только более частные вопросы.

Историк счёл обвинения в отношении «торгового капитализма» главными из тех, что выдвигаются против него. «Долгое время в стенах одного почтенного учреждения звучало как догмат, что торговый капитал в качестве исторической категории "выдуман Покровским", потому что названный Покровский "взял это у Богданова"». М.Н. Покровский категорически отверг данное «подозрение» и далее привёл две цитаты из «Развития капитализма в России» В.И. Ленина⁴⁷⁵, из которых действительно следует, что в схеме последнего торговый капитал занимал одно из центральных мест. Здесь М.Н. Покровский был прав в том отношении, что «торговый капитализм» можно легко «сконструировать», даже не выходя за рамки произведений классиков марксизма, в связи с тем, что им буквально пропитана ткань исторического процесса до вступления капиталистической формации в стадию зрелости. Другое дело, что какой-нибудь начинающий или предвзятый историк-марксист мог спросить: а где в сочинениях К. Маркса глава, которая бы называлась «Торговый капитализм»? Вместе с тем нельзя отрицать, что сопоставление исторических концепций В.И. Ленина и М.Н. Покровского – реальная научная задача. Ведь

последний, хотя и будучи марксистом, создавал свою оригинальную авторскую концепцию в процессе самостоятельного научного поиска. При этом очевидно, что два исследователя, оставаясь марксистами, могут иметь разные представления по целому ряду ключевых вопросов. Нельзя сказать, что этот аспект был хорошо изучен оппонентами М.Н. Покровского.

Историк заметил, что в политэкономическое освещение торгового капитала он не внёс ничего нового. Его «очень относительная» оригинальность заключалась лишь в том, что он перенёс влияние торгового капитала с экономики на политику, а конкретнее говоря, на «образование "Российской империи"». Однако позже М.Н. Покровский узнал, что К. Маркс и В.И. Ленин пришли к аналогичным выводам гораздо раньше него. Историк как бы намекал: если какого-то исследователя не устраивает торговый капитал в его изображении, то он будет вполне удовлетворён тем, что данный специалист воспримет торговый капитал непосредственно в ленинской интерпретации.

Однако М.Н. Покровский не отказался от упоминания недочётов своей схемы. Во-первых, он слишком выпячивал «злосчастный торговый капитал», то есть акцентировал на нём внимание, настаивал, убеждал, продвигал «торговый капитализм». Между тем, всё это спокойно можно было прочесть у классиков марксизма. Во-вторых, «торговый капитал» «закрывал феодальную сущность помещичьего государства». Иными словами, М.Н. Покровский показывал, что государство, которое и раньше было феодальным, тем не менее, существенно обновилось. И здесь важно было подчеркнуть, что общее для всякого феодального государства превалирует в нём над новациями, привнесёнными торговым капитализмом. В-третьих, в отношении торгового капитала были допущены «риторические преувеличения», иначе говоря, был нарушен «строгий академизм» в стиле изложения. В-четвёртых, торговый капитал был изображён в качестве «создателя государства Романовых», в то время как он был их главной опорой, той основой, на которой они строили бюрократическую монархию, при этом бюрократия имела буржуазную подоплёку. Получается так, что эту монархию создавали помещики на экономическом фундаменте торгового капитализма, и она уже не была «чисто» помещичьей. Построенная в итоге политическая система была в то же время бур-

жуазно-бюрократической. На наш взгляд, М.Н. Покровский довольно удачно суммировал те аспекты своей концепции, которые подверглись корректировке. Совершенно очевидно, что такая корректировка не может считаться принципиальной. Более того, учёный полагал, что в «новом издании» указанные огрехи уже исправлены.

Стоит заметить, что в данном тексте М.Н. Покровский явно избегал понятия «торговый капитализм», предпочитая ему термин «торговый капитал», с нашей точки зрения, опять напрасно. В ряде случаев у него шла речь явно о торговом капитализме. Вероятно, это было вызвано тем, что историк уже признал термин «торговый капитализм» «неграмотным» и не хотел возвращаться к этому сюжету. Между тем приведённые М.Н. Покровским цитаты из «Развития капитализма в России» указывают не только на торговый капитал как таковой, но и на соответствующую систему. Например, В.И. Ленин осудил положение о том, что «предшественником капиталистического производства в России... является не торговый капитал, а... "народное производство"!»⁴⁷⁶.

В 1933 г. в журнале «Историк-марксист» была опубликована серия небольших по объёму выступлений М.Н. Покровского на семинарах в ИКП, на которых обсуждались доклады учащихся, посвящённые крупным актуальным проблемам отечественной истории. Естественно, в соответствии с духом времени, в подборку были включены материалы, относящиеся к завершающему этапу деятельности М.Н. Покровского, иными словами то, что соответствовало научно-историческому, прежде всего терминологическому, дискурсу, характерному для начала 1930-х гг. Смысл всей этой работы, видимо, состоял в том, чтобы показать, как М.Н. Покровский исправлял построения своих учеников и коллег, «избавляя» их от ошибок предшествующего десятилетия. Новые «уроки» М.Н. Покровского представляют значительный интерес с точки зрения «торгового капитализма» и, как это часто бывало с его исследованиями, содержат в себе не только то, что отвечало, пусть и сугубо научным, задачам текущего момента.

М.Н. Покровский выступил против недооценки экономической роли города в XVII–XVIII веках. Более того, он предложил смело называть городами те поселения, которые в сущности были таковыми, но не имели соответствующего официального статуса. Главное для учёного заключалось здесь в том, чтобы речь шла о

поселениях, являвшихся городами «экономически», которые надлежало, видимо, отделить от прочих мест проживания по указанному признаку.

Историк решительно возразил против тезиса о повышении натуральности русского хозяйства в XVIII веке, что, с нашей точки зрения, могло быть реакцией на «гонимый» «торговый капитализм». Для М.Н. Покровского был очевиден рост как раз товарного хозяйства в рассматриваемый период. Другое дело, что излишним было бы подчеркнуть то, что барщинное хозяйство в целом оставалось натуральным. Однако, наверное, и это казалось учёному слишком банальным. В итоге он высказал мысль о том, что «барщина консервировала натуральное хозяйство в самой барщинной деревне». Данное положение, обозначенное М.Н. Покровским как парадокс, нуждается в пояснениях. Как мы полагаем, данная форма феодальной ренты мешала внедрению в крепостное имение капиталистических методов хозяйствования, переход к которым, естественно, гораздо быстрее превращал любую экономическую единицу в товарное хозяйство.

М.Н. Покровский обрушился с критикой на утверждение Г. Меерсона и его «школы» об имевшей место в России конкуренции крестьянского и купеческого торгового капитала. В контексте терминологии «торгового капитализма» в самой формулировке нет ничего странного, так как и крестьяне, и купцы могли быть его субъектами. С нашей точки зрения, упомянутые исследователи действительно преувеличивали значение данного фактора в русской истории, возводя его в ранг одной из её движущих сил. М.Н. Покровский постарался выправить этот перегиб, заявив, «что "крестьянская" торговля фактически была помещичьей торговлей: барин или прямо выгонял своего "мужика" торговать, или "слизывать" весь торговый барыш последнего путем оброка», а «конкуренция купца и крестьянина на самом деле была конкуренцией купца и помещика». Нетрудно заметить, что приведённый тезис страдает известной односторонностью, поскольку не учитывает социальное расслоение крестьян, образование группы «капиталистских» крестьян и т. п. Хотя для него имелись некоторые основания в том, что Г. Меерсон и его последователи были склонны «поляризовать» феодальное хозяйство на помещичье и крестьянское.

М.Н. Покровский фактически подметил, что при отказе от «торгового капитализма» наблюдается не сближение генезиса капитализма с современностью, а наоборот, его удревнение. «Неверно, конечно, что уже в XVIII в. "подготовлялась почва для торжества и господства капиталистического способа производства"; если бы это было так, крестьян "освободил" бы Александр I, а не Александр II. Характеризуемый т. Б. процесс на полстолетия моложе, чем кажется автору. Напротив, первые десятилетия XIX в. — расцвет барщины». Отметим, что М.Н. Покровский говорит здесь не о торговом, а о промышленном (производственном) капитализме. Впрочем, в приведённом утверждении есть некоторая странность. Ведь, согласно концепции самого М.Н. Покровского, генезис этого капитализма (а с ним и «подготовка почвы») начался именно в XVIII веке. Скорее всего, учёного смутило то, что в высказывании оппонента речь идёт не о зарождении, а сразу о «господстве» капитализма, то есть о его формационной стадии. Ценно и уместно замечание историка об одновременном движении к каким-то своим более высоким стадиям и феодализма, и промышленного капитализма. «Даже к 1861 г. барщина изжила себя не всюду и оставила по себе знаменитые "отработки". Описанная автором картина еще более "омоложена", чем то, что он говорит о развитии капиталистических методов производства выше: там было "омоложение" на 60 лет, здесь — на 70–80, если не на все 100»⁴⁷⁷. Таким образом, М.Н. Покровский избавляет от иллюзии о том, что после 1861 г. в России быстро появилась капиталистическая формация, а значит, накануне отмены крепостного права страна достаточно близко подошла к ней.

М.Н. Покровский предостерег своих коллег от изображения абсолютизма как орудия политического господства класса помещиков и только. Историк справедливо заключал, что этим ограничиваться нельзя. Здесь, видимо, также не обошлось без влияния борьбы с «торговым капитализмом»: рискованно упоминать в связи с этим каких-нибудь купцов, какую-нибудь буржуазию и т. п. М.Н. Покровский развеивал все опасения. «Совершенно правильную формулу дает т. Т. на стр. 13 своего доклада, где она говорит о "сложной" русской системе сожительства помещика, купца и фабриканта». Однако, возможно, ради вспомнившегося хорошего при-

мера учёный дезориентировал слушателей относительно хронологических рамок абсолютизма. «Как раз Ливонская война дает уже картину "сожительства", ибо эта война велась одновременно и "за собственный порт" (Нарву) и за богатые земли ливонских рыцарей: первое отвечало интересам торгового капитала, второе – феодального дворянства, и эти интересы в данный момент отнюдь не мешали друг другу. Так было и в бесчисленном количестве других случаев». М.Н. Покровский не учёл того, что данный тип «сожительства» наблюдался не только при абсолютизме. Кроме того, имел место длительный период зарождения абсолютизма и т. п. Историк совершенно справедливо указал на ошибочность формулировки о союзе торгового капитала и помещичьего самодержавия, так как «самодержавие само было своеобразной формой союза между помещиком и купцом». Данное положение соответствовало всем вариациям исторической концепции М.Н. Покровского, по крайней мере начиная с «Русской истории с древнейших времён».

Учёный посчитал необходимым подчеркнуть не только торгово-купеческую, но и феодальную сторону русского колониализма, причём каждая из них на определённом этапе истории могла приобрести главную роль, затем со временем её уступить. И опять М.Н. Покровский не обходится без нюансов. Он предостерег против упрощённого понимания сочетания интересов торговли и феодального хозяйства в завоевательной политике царизма, например, в духе того, что присоединённая территория нужна была купцам, чтобы торговать, феодалам, чтобы эксплуатировать крестьян, и т. п. Со ссылкой на В.И. Ленина М.Н. Покровский указал на то, что развитие феодализма «вширь» укрепляло существующий общественный строй в стране в целом. Историк прямо указал на факты, свидетельствующие о феодализации тех или иных территорий как до, так и после включения их в состав Российской империи.

Обратил своё внимание М.Н. Покровский и на период первоначального накопления в России. Согласившись с тем, что в стране данный процесс затянулся, историк призвал учесть его региональный аспект. Так, в Сибири и Средней Азии указанный процесс продолжался и в XX веке, в том числе в тех формах, в которых он имел место в Европейской России, допустим, XVII–XVIII веков. В то же время в Центральной России процесс первоначального на-

копления уже в начале XIX века результировался в капиталистических формах производства.

Нашёл возможным М.Н. Покровский высказаться и о времени наступления в России капиталистической формации, подходя к этому вопросу с большой осторожностью. В данном случае он предложил «регионалистский» метод. «Центр (Великороссия, Запад, Украина) к началу XX в. был безусловно капиталистической страной». Остальная Россия была страной феодальной, видимо, с разной степенью присутствия промышленного капитализма. Но какая же формация тогда имела место в стране в целом? Ответ М.Н. Покровского по сути сводился к феодализму с торговым капитализмом. Правда, последний термин он аккуратно обошёл. «Захват колоний не только помогал держаться в центре феодальными методами эксплуатации, но и консервировал во всей стране первоначальные формы капитала – купеческий и ростовщический, причем в деревне сохранению последних способствовали именно феодальные методы производства ("остатки крепостного права"). Тем не менее Ленин совершенно правильно подчеркивал, что даже в деревне в конце XIX в. эти феодальные методы не могли уже помешать развитию капиталистических методов эксплуатации». Судя по высказываниям М.Н. Покровского, эта картина мало изменилась и в начале XX века, разумеется, за «вычетом» империализма.

Ведя поиски альтернативы торговому капитализму, М.Н. Покровский упомянул эпохи до и после «появления у нас товарного хозяйства», к которому он относил хозяйство не только капиталистическое. Судя по контексту, учёный апеллировал к мелкотоварному укладу⁴⁷⁸. Правда, он не уточнил степени развития товарного хозяйства, которая бы свидетельствовала о начале соответствующей эпохи.

С нашей точки зрения, становление концепции торгового капитализма М.Н. Покровского происходило в конце 1890-х – 1900-е гг. и результировалось в его первом базовом курсе – «Русской истории с древнейших времён». Затем (до 1917 г.) на первый план вышло пополнение, насыщение его концепции, что естественным образом привело к повышению в ней удельного веса «торгового капитализма». Учёный находил в истории России всё больше свидетельств его существования. Содержание и рамки «торго-

вого капитализма» неуклонно расширялись. Эта же тенденция продолжилась во время и после социалистической революции. М.Н. Покровский на конкретном материале отечественной истории обнаружил, что концепция торгового капитализма оптимальна для выявления и объяснения особенностей революционного процесса в стране, природы и эволюции русского самодержавия. Учёный всё более сосредоточивался на торговом капитализме, устанавливая его связь с различными историческими событиями, связь этих событий друг с другом посредством торгового капитализма, «перетекание» самого торгового капитализма из одного состояния в другое через цепь сменяющих друг друга событий. Историк всякий раз убеждался в работоспособности концепции торгового капитализма, в том, что она вполне удовлетворительно, порой глубоко, иногда с неожиданной стороны раскрывает смысл происшедшего в истории. Таким образом, речь идёт не о создании и совершенствовании данной концепции, а прежде всего о её использовании в качестве инструмента. Заметим однако, что М.Н. Покровский никогда не сводил всю историю только к торговому капиталу. Он просто исходил из функциональности торгового капитала, объединяющего и обеспечивающего движение различных экономических объектов. В последнем случае первична структура, в первом – динамика. Не будем забывать и о том, что торговый капитал обслуживает именно производство.

В середине 1920-х гг. под влиянием начавшейся критики некоторых построений «торгового капитализма» учёный перешёл к осмыслению своей концепции как сложившегося целого, этапов её формирования и т. п. Когда же процесс выработки отношения к ней завершился, историк приступил к её корректировке, так как, во-первых, увидел в ней определённые недочёты, то, что можно было бы сделать лучше, во-вторых, он поправлял концепцию по мере накапливавшихся в марксистской историографии новых сведений, трактовок, оценок и другого, в-третьих, приспособлялся к переменам в обществе, которые в целом не благоприятствовали изысканиям в духе «торгового капитализма». Вместе с тем М.Н. Покровский не нашёл научных оснований для коренного пересмотра этой концепции. Основаниям вненаучного характера он не сделал принципиальных уступок.

**КРИТИКА СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ-
МАРКСИСТАМИ КОНЦЕПЦИИ ТОРГОВОГО
КАПИТАЛИЗМА М.Н. ПОКРОВСКОГО
(1920-Е – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)**

Очередной этап изучения научных взглядов М.Н. Покровского начался с 1917 г. и завершился к середине 1930-х гг. Свою роль здесь сыграли не только политические причины. Кардинально изменился его общественный статус. В 1920-е гг. формировалось новое поколение историков-марксистов. Историческая концепция учёного длительное время оказывала существенное воздействие на советских историков. На её изучении сказывались и дискуссионная атмосфера в науке, и противостояние по идеологическим вопросам. К концу 1920-х гг. критическое отношение к ней явно усиливалось. Следует отметить, что и до этого не было какого-то безудержного восхваления достижений М.Н. Покровского, и в данный период однозначно негативное отношение к его концепции ещё не возобладало. Научная аргументация пока сохраняла большое значение и могла в чём-то убеждать. В 1920-е гг. были предприняты попытки комплексного рассмотрения исторических взглядов М.Н. Покровского с учётом их методологической основы. Авторы подобного рода публикаций стремились заострять внимание на тех сюжетах в творчестве историка, которые казались спорными, нуждались в специальном обсуждении.

Часто изучение исторической концепции М.Н. Покровского осуществлялось в форме небольших полемических статей или выступлений при обсуждении докладов. За редким исключением авторам не хватало основательного аналитического подхода к проблеме. Понятно, что все точки зрения не должны сводиться только к одному руководящему положению. Это, разумеется, справедливо и по отношению к научным взглядам М.Н. Покровского.

Однако главная проблема советских историков 1920-х гг. из числа наиболее деятельных оппонентов учёного состояла в том, что марксистская историческая наука в то время не выработала марксистской же альтернативы его исторической концепции.

Крупнейший советский историк М.В. Нечкина уже в 1920-е гг. стала одним из ведущих историков-марксистов с вполне сложившейся научной специализацией и очевидными достижениями, в том числе и в историографии, хотя впоследствии она скептически относилась к своим ранним опытам в этой области⁴⁷⁹, не исключено, что по причинам политико-идеологического свойства⁴⁸⁰. Важным представляется вопрос о том, считала ли М.В. Нечкина М.Н. Покровского марксистом. Ведь ключевым для неё в работе 1922 г. «Русская история в освещении экономического материализма» было понятие «экономический материалист», к каковым она относила не только М.Н. Покровского, но и В.И. Ленина, П.Б. Струве, Н.М. Туган-Барановского, Н.А. Рожкова. Не были ли для неё термины «экономический материализм» и «марксизм» синонимами? Возможно, она выделяла второй в рамках первого? Очевидно, что М.В. Нечкина не заняла достаточно чёткой и однозначной позиции по данным вопросам, но по совокупности высказываний она отвечала на них в основном положительно. В пользу этого говорят следующие аргументы. Так, подводя итоги своего исследования, она заключала, что «экономический материализм усваивается русской исторической мыслью на почве известного спора между марксистами и народниками. Все первые работы последователей экономического материализма возникают в тесной связи с этим спором»⁴⁸¹. Вот каким образом М.В. Нечкина сравнивает двух экономических материалистов – Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского. «Мы видели, что Н.А. Рожков, давший первый в своём роде полный обзор русской истории, нигде не называет себя прямо последователем экономического материализма, часто полемизирует с этой теорией, вносит поправки. М.Н. Покровский в этом, как и во многом, является его противоположностью. В брошюрах, отдельных научных исследованиях, общих обзорах, – всюду он является горячим сторонником теории экономического материализма, признавая её необходимым условием научного труда». В подтверждение этого М.В. Нечкина обильно цитирует работу

М.Н. Покровского «Экономический материализм» 1906 г.⁴⁸² Отсюда очевидно, что, по её мнению, концепции этих экономических материалистов существенно отличались друг от друга. Она не раз отмечала последовательность М.Н. Покровского в этом отношении, глубину его проникновения в суть данного учения. Видимо, не будет ошибкой признать, что в версии М.В. Нечкиной М.Н. Покровский не был марксистом лишь в частности⁴⁸³, а Н.А. Рожков – даже и кое в чём основном. Что же помешало исследовательнице их творчества пройти этот путь до конца? Дело в том, что она излишне поверхностно и неполно трактовала экономический материализм. «Основным критерием экономического материализма является признание экономического монизма в историческом... процессе. <...> Приложением теории являются лишь те труды, в которых авторы рассматривают ряд социальных, политических и психологических явлений, усматривая их причины в экономике эпохи»⁴⁸⁴. Очевидно, что у любой научной теории должно быть больше признаков. Дело не только в сказанном М.В. Нечкиной, но и в том, как, с точки зрения того или иного учёного, функционирует экономическая сфера общества, взаимодействуют её элементы и т. п. Кроме того, экономический материализм – это не одна, а несколько теорий, пусть и имеющих немало общего.

В своём исследовании М.В. Нечкина не обнаружила у М.Н. Покровского какой-то особой концепции торгового капитализма и, соответственно, не рассмотрела её генезиса, хотя, конечно, само его наличие в схеме учёного она констатировала. Например, анализируя комплекс статей М.Н. Покровского в многотомнике «История России в XIX в.», М.В. Нечкина неоднократно обращала внимание на факторы, аспекты, элементы, интегрированные в торговый капитализм, особенно в материалах, касавшихся внешней политики эпохи. Ей, видимо, помешало понятийное оформление М.Н. Покровским своих выводов. Так, для М.В. Нечкиной всё торгово-капиталистическое и промышленно-капиталистическое скрывалось за термином «буржуазный» и его производными⁴⁸⁵.

В «Русской истории с древнейших времён» М.Н. Покровского она обнаружила, что в России господствовал по большей части феодализм. Причём до XVI века включительно это был «старый» феодализм. С этого времени начался переходный период,

свидетельством чему было появление денежного хозяйства. По его завершении утверждается новый феодализм, который достигает расцвета в XVIII веке. Правда, примерно ко второй половине того же века относится и его разложение⁴⁸⁶. Где-то в рамках этих построений М.В. Нечкиной и попался на глаза торговый капитализм, от сколько-нибудь внятной характеристики которого она воздержалась, видимо полагая, что с ним всё более-менее понятно. «На XVII век приходится развитие торгового капитализма. Тут исследование Покровского в общем идёт по стопам Туган-Барановского, исследовавшего ранее этот вопрос. Разница между тем и другим лишь та, что первый считает, что торговый капитализм в России захватывает сначала внешнюю, а не внутреннюю торговлю». Последние остатки торгового капитализма у М.Н. Покровского, по мнению М.В. Нечкиной, видимо, исчезают в елизаветинское царствование. Но ведь, по концепции первого, составные части этой системы пережили период упадка. Не случайно сама М.В. Нечкина находит у него дальнейшее развитие денежного хозяйства и то, что при Екатерине II оно становится «одним из характернейших признаков эпохи».

Почему же исследовательница не связала всё это с торговым капитализмом? Дело в том, что она развела торговый капитализм и новый феодализм в построениях М.Н. Покровского, отнеся к первому обмен, а ко второму производство. В результате мимо её внимания прошло то, что новый феодализм отличался от старого как раз «на торговый капитализм». В отношении начала и середины XIX века М.В. Нечкина явно испытывала затруднения в том, к какой исторической эпохе М.Н. Покровский отнёс данный период. Излагая периодизацию русской истории по первому общему курсу М.Н. Покровского в сжатом виде, М.В. Нечкина никак не классифицировала её четвёртый этап, в отличие от предыдущих, в формационном смысле: «с XVIII по начало XX в. – развивается и торжествует буржуазия». Фактически М.В. Нечкина констатировала, что в схеме учёного развитие товарно-помещичьего и промышленно-капиталистического хозяйств привело к отмене крепостного права, и квалифицировала их как хозяйства буржуазного типа. Развивающийся капитал «определяет все основные факты истории России за последние десятилетия»⁴⁸⁷. М.В. Нечкина про-

явила разумную осторожность в определении того момента, когда же, согласно М.Н. Покровскому, капитализм начинает господствовать во всём российском обществе. Речь у неё шла, скорее, о переходе к капиталистической формации. Но остаётся неясным, каковы его стадии и осуществлялся ли он непосредственно от феодализма. Конечно, этот вопрос нуждался в более глубоком анализе.

Как ни странно, М.В. Нечкина нашла, что в «Русской истории с древнейших времён» и в «Очерке истории русской культуры» М.Н. Покровский представил две разные периодизации, а значит, в каком-то смысле и концепции отечественной истории. На наш взгляд, исследовательница подошла к этому вопросу излишне формально и бегло. Ведь дело не столько в том, сколько этапов истории М.Н. Покровский выделял и какими терминами их называл, а в чём их суть, которая и должна была стать главным предметом сравнения⁴⁸⁸. М.В. Нечкина же назвала следующую причину указанных различий: в «Русской истории с древнейших времён» «Покровский периодизирует все стороны исторической жизни», а в «Очерке истории русской культуры» он «даёт периодизацию исключительно экономического развития России». Но если это так, то какой же из М.Н. Покровского экономический материалист? М.В. Нечкина полагала, что он просто не заметил данного обстоятельства, «увлечённый фактическим исследованием». По нашему мнению, приведённое объяснение наивно, так как подобного не приходится ожидать не то что от выдающегося историка, но и даже от сколько-нибудь солидного.

М.В. Нечкина затронула вопрос о соотношении периодизаций истории хозяйства К. Бюхера и М.Н. Покровского. Результат сравнения был следующим: последний «принимает схему Бюхера», «но со значительными оговорками»⁴⁸⁹. С нашей точки зрения, исследовательнице надлежало самостоятельно сопоставить схемы этих двух авторов с последующим выводом о степени их сходства и различия. В таком случае М.В. Нечкина имела бы возможность обратить внимание на то, что в полемике с К. Бюхером М.Н. Покровский фактически создал собственную периодизацию русской истории вполне в духе «экономического материализма». Кстати, в выводах по всей своей работе М.В. Нечкина косвенно солидаризировалась с этим замечанием, заявив, что М.Н. Покров-

ский, как и Н.А. Рожков, создали «новые периодизации, очень мало заимствовавшие от предшественников»⁴⁹⁰.

М.В. Нечкина констатировала, что в рамках своей периодизации, представленной в «Очерке истории русской культуры», М.Н. Покровский выделил с XVII века торговый, а с XIX – промышленный капитализм. Однако она решила, что оба они входят в одну стадию экономического развития, которую она определяла как «хозяйство капиталистическое». Иными словами, М.В. Нечкина не увидела между этими явлениями различий формационного масштаба. Видимо, она посчитала, что найденный М.Н. Покровским капитализм есть нечто единое, состоящее из двух фаз. Более обстоятельно вникать во все эти «тонкости» М.В. Нечкина в очередной раз не стала.

Вообще говоря, на конкретно-историческом уровне она не нашла больших различий в плане торгового капитализма между двумя основными дореволюционными курсами М.Н. Покровского. «Период феодализма неминуемо вызывает цепь идеологий, желавших подыскать феодальным вольностям или божественное или вообще "высшее" основание. <...> Капитал между тем малопомалу проникает в область торговли. Наступает расцвет торгового капитализма. На основе его из преобразования экономических отношений возникает бюрократическая олигархия». Здесь М.В. Нечкина явно подчёркивает ту мысль «Очерка истории русской культуры», что феодализм и торговый капитализм стадийно обособлены друг от друга. Значит, переход от одного этапа к другому предполагает определённую модификацию экономики. Но насколько она в концепции М.Н. Покровского была серьёзна и глубока? После расцвета торгового капитализма М.В. Нечкина пишет об идеологиях развивающегося буржуазного общества, которое в целом, видимо, остаётся феодальным. Правда, этот термин теперь к нему не применяется. «Аграрный кризис начала XIX века порождает стремление буржуазии освободиться от старых форм пользования принудительным крепостным трудом. Возникает идеология прогрессивной буржуазии – идеология декабристов». В последнем случае исследовательница имеет в виду скорее уже не торговых, а производственных капиталистов, хотя бы и потенциальных, желающих быть таковыми.

Следует также отметить, что она указала на огромную роль обмена в русской истории киевского периода, согласно концепции М.Н. Покровского, изложенной им и в «Русской истории с древнейших времён», и в «Очерке истории русской культуры»⁴⁹¹. Однако исследовательница не поставила её в связь с торговым капитализмом, например, в контексте раннего торгового капитализма, зарождения торгового капитализма и т. п.

«Русская история в самом сжатом очерке» не была «учтена» в построениях М.В. Нечкиной потому, что вышла после того, как её работа была сдана в печать⁴⁹².

То, что М.В. Нечкина уделила мало внимания торговому капитализму, определялось и вполне «извинительными» обстоятельствами. Она сосредоточилась на тех факторах, которые сделали рассматриваемых ею историков экономическими материалистами, для чего потребовался более высокий уровень обобщения. Речь шла, например, об экономике и её взаимодействии с другими сферами общественной жизни⁴⁹³. Исследовательница изображала экономику как сложное целое, состоящее из разных компонентов, одним из которых является обмен. Вместе с тем М.В. Нечкина адекватно и честно показала, что М.Н. Покровский в своих построениях огромное внимание уделял не только обмену, но и производству, например в сюжетах, касающихся закрепощения крестьян и отмены крепостного права. В отличие от позднейших исследователей творчества учёного, она ещё ничего не знала о пресловутой «гипертрофии» обмена у М.Н. Покровского, поэтому счастливо избежала соответствующих «штампов».

Значительное место в своей работе М.В. Нечкина отвела сравнению тех выводов, к которым приходили экономические материалисты, связям между ними. Излагая историю отечественного Средневековья в изображении М.Н. Покровского по «Очерку истории русской культуры», она отметила, что учёный проделал применительно к этому периоду ту же самую работу, что и В.И. Ленин в отношении XIX века. Причём они применяли одну теорию к различным группам фактов. В обоих случаях речь шла об образовании внутреннего национального рынка: у М.Н. Покровского – на более ранней стадии, у В.И. Ленина – на более поздней. Интересно признание М.В. Нечкиной в том, что и самый подход к

изучению русской истории у этих авторов был единым, причём в вопросе отнюдь не частном.

Как мы уже отмечали, М.В. Нечкина выявила преемственность между Н.М. Туган-Барановским и М.Н. Покровским в отношении торгового капитализма и бегло указала на то, в чём их точки зрения расходились⁴⁹⁴. С этим можно согласиться. Однако поскольку основательных сравнений она опять не провела, осталось непонятным, чем их концепции, взятые в целом, отличались друг от друга, хотя бы в части торгового капитализма⁴⁹⁵.

М.В. Нечкина указала на разногласия между М.Н. Покровским и Н.А. Рожковым, с одной стороны, и П.Б. Струве – с другой. По её мнению, последний пришёл к выводу, что «отмена крепостного права была вынуждена единственно развитием промышленности, а в земледелии крепостное хозяйство не сказало своего последнего слова» и «экономически не созрело ко времени отмены»⁴⁹⁶. С нашей точки зрения, М.В. Нечкина вполне адекватно выявила данное обстоятельство, показав, что в этом принципиальном вопросе схемы указанных историков очевидно противоречили друг другу. Несомненно, М.В. Нечкина начала 1920-х гг. нашла бы как минимум странным то, что М.Н. Покровский является струвистом⁴⁹⁷.

Конечно, исходя из проблематики исследования, она чаще всего сравнивала с ним Н.А. Рожкова. Это сопоставление почти всегда было не в пользу второго, в связи с чем М.Н. Покровский заслужил немало комплиментов от своей почитательницы, думается, вполне искренних. «Рожков режет, рубит. Иногда его исследования поражают какой-то кустарной грубостью... Покровский чарует анализом "молекулярного" исторического процесса, тонким чутьём исторической перспективы». Но дело, конечно же, не только в комплиментах.

Эти исследователи «хорошо знают работы друг друга и всё время один на другого ссылаются». Однако список их разногласий впечатляет. «Наиболее крупные из них: это вопрос о преобладании земледелия в Древней Руси, вопрос о роли работоторговли в Киевский период... взгляд на роль аристократического элемента в Новгороде и разное понимание причин закрепощения крестьян». Но не было ли среди них чего-то имеющего более непосредственное отношение к торговому капитализму? «Характерно, что

такой, для Рожкова непреложной, периодизации, как деление всего процесса экономического развития на натуральное и денежное хозяйство, Покровский не принимает. Он считает, что это очень старый взгляд, в этом и заключается важнейший пункт его разногласий с Бюхером». М.Н. Покровский отмечал, что эти хозяйства в то же самое время сосуществовали⁴⁹⁸. Здесь мы видим точный рассказ буквально о том, что М.Н. Покровский боролся с «торговым капитализмом», а его русским протагонистом являлся Н.А. Рожков. Более того, последний выделял и другие расхождения с концепцией М.Н. Покровского по линии торгового капитализма⁴⁹⁹. Вместе с тем М.В. Нечкина не скрывала и общности взглядов между ними: переломный характер XVI века в отечественной истории, причины падения крепостного права в России.

Какой же общий вывод делает М.В. Нечкина, сравнивая творчество этих маститых авторов? «Казалось бы... всё должно было бы совпадать: теоретические воззрения одинаковые, материал один и тот же. Между тем – какая разница в их работах. Это – противоположные типы исторических исследователей. <...> Рожков... сначала создаёт социологическую схему, а потом укладывает факты в её прокрустово ложе. Покровский сначала исследует, а затем отвлекает, обобщает», соотносит «социологические взгляды на общий ход исторического развития. Рожков сначала философ истории, а затем историк, – обычно это не очень выгодное положение. Покровский сначала – историк-исследователь, а затем философ истории, социолог. Рожков – схематизатор. На прокрустово ложе теории он режет и вытягивает живую ткань исторических событий, как ему кажется более удобным, более соответствующим интересам теории. Покровский – "жизнелюб". Все его расхождения с теорией экономического материализма как-то глубоко трогательны: он сам не замечает их, увлекаясь процессом исследовательской работы». Н.А. Рожковым и М.Н. Покровским «брошены в оборот исторической мысли две различные схемы русского исторического развития, две различные периодизации русской истории. Разница между ними идёт очень глубоко, до самых корней схемы хозяйственного развития»⁵⁰⁰. Здесь М.В. Нечкина признаёт возможность наличия качественно различных концепций, относящихся, тем не менее, к экономическому материализму. В то же время оче-

видно, что только одна из них может быть марксистской. На примере воззрений Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского она фактически показала экономический материализм как своего рода приближение русской историографии к марксизму, причём закономерное. «В процессе изучения русской истории экономический материализм является необходимым течением, вызванным предыдущим состоянием науки»⁵⁰¹.

Сказанное для нас особенно примечательно и тем, что подтверждает отстаивавшийся нами тезис о «произрастании» «торгового капитализма» М.Н. Покровского непосредственно из изучения фактов русской истории и их первичных анализа и обобщения, а не из какой-либо экономической теории. По признанию М.В. Нечкиной, учёный никогда не уделял «много внимания чисто теоретическим вопросам, иногда прямо поражает тонкостью психологического анализа отдельных конкретных случаев»⁵⁰².

Н. Рубинштейн был близок к тем оценкам, которые давала концепции М.Н. Покровского М.В. Нечкина. Самым ценным в этой концепции он считал рассмотрение учёным проблем складывания рынка, развития товарно-денежных отношений, роли торговли в условиях позднего феодализма. Для Н. Рубинштейна именно концепция торгового капитализма явилась высшим достижением М.Н. Покровского. Он признал, что торговый капитал был стержнем всей исторической концепции М.Н. Покровского, а меновое хозяйство занимало в ней всё большее место. Торговый капитал стал фактором, позволившим учёному объяснить важнейшие исторические события. Однако Н. Рубинштейн совершенно справедливо указал на то, что основой русского исторического процесса в интерпретации М.Н. Покровского являлось развитие производительных сил, то есть у него рост торговли и производства обуславливали друг друга. Более того, Н. Рубинштейн считал, что по сути дела в концепции учёного рост производительных сил собственно и означал рост торгового и промышленного капитализма. Рассматривая полемику М.Н. Покровского с Л.Д. Троцким, Н. Рубинштейн сделал интересный вывод: «торговый капитализм» М.Н. Покровского позволял показать, что, хотя в России (допустим, XVI–XVIII вв.) не было *такого* капитализма (пусть и торгового), как в Англии или Голландии, ее историческое развитие в

плане системной капиталистической эволюции на определённых его этапах было достаточно динамичным. Среди заслуг М.Н. Покровского Н. Рубинштейн отметил установление противоречивости положения эксплуататорского класса в России (азиатский феодал и европейский буржуа), подведение экономического фундамента под историю международных отношений. Н. Рубинштейн считал М.Н. Покровского ортодоксальным марксистом, не имевшим предшественников в русской историографии и использовавшим её достижения лишь в качестве исходного материала для своих построений. Н. Рубинштейн полагал, что концепция учёного находилась в непрерывном «становлении». Её недостатки исследователь творчества М.Н. Покровского не связывал с торговым капитализмом⁵⁰³.

Н. Рубинштейн рассмотрел вклад М.Н. Покровского в изучение истории российской внешней политики. По его утверждению, «к изучению внешней политики вела и сама новая схема. Тезис о развитии капитализма как об определяющем факторе исторического развития России включал историю России в общемировую историю... Но как раз внешняя политика и была орудием этой смычки русского и международного рынков». Разбирая примеры из истории внешней политики в интерпретации М.Н. Покровского, Н. Рубинштейн пришёл к выводу, что «стержнем схемы внешнеполитической истории для М.Н. Покровского является стремление торгового, а впоследствии и промышленного капитализма овладеть торговыми путями, рынками сбыта и сырья. <...> Исследования М.Н. Покровского по истории внешней политики насквозь материалистичны, но в них нельзя найти ни грама вульгарного материализма, – не даром М.Н. Покровский неоднократно напоминает слова Энгельса о том, что экономика объясняет историю лишь в к о н е ч н о м с ч ё т е. М.Н. Покровский не строит свой анализ внешней политики непосредственно на фундаменте таблиц торгового баланса и кривых роста железнодорожных путей. Целый ряд субъективных моментов расцветивает сложную мозаику внешнеполитической истории». Н. Рубинштейн подчёркивал, что у М.Н. Покровского сквозь дипломатическую «паутину» просматривался именно «экономический фон», а не какая-то определённая функция торгового капитала⁵⁰⁴.

Примечательно, что Н. Рубинштейн, с одной стороны, отметил преемственную последовательность М.Н. Покровского в процессе формирования своих взглядов на историю⁵⁰⁵, а с другой – находил, что они становились всё более марксистскими⁵⁰⁶.

Историк А.В. Шестаков уделил много внимания «отношениям» М.Н. Покровского с экономическим материализмом. Ссылаясь на высказывания самого учёного, А.В. Шестаков показал, что М.Н. Покровский чётко осознавал сущность экономического материализма и отнюдь не ассоциировал себя с этим научным направлением. Рассмотрев историческую схему М.Н. Покровского, А.В. Шестаков установил, что она существенно расходится со схемами Н.А. Рожкова и К. Бюхера. Более того, он указал на вклад М.Н. Покровского в идейную борьбу с экономическим материализмом.

По мнению этого исследователя, «теория торгового капитализма по отношению к русской истории впервые сконструирована М.Н. Покровским». Подчёркивая её существенные моменты, А.В. Шестаков сделал ряд важных наблюдений: 1) торговый капитализм следует понимать как сложную систему, тесно связанную с общественным производством («на основе торгово-капиталистической системы эксплуатации трудящихся масс»); 2) торговый капитализм есть выражение генезиса капитализма с учётом его влияния на общественно-экономическую среду («с обстоятельным разбором роли в этих явлениях разных фаз капитализма»); 3) схема учёного отражает сложность взаимодействия между торговым и промышленным капитализмом.

А.В. Шестаков связал эволюцию исторических взглядов М.Н. Покровского с освоением им марксизма. «М.Н. как историк с окраской исторического материализма наиболее чётко выявляется в статье "Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков". Она писалась как раз в тот период, когда начали появляться такого же типа работы из области русской истории Туган-Барановского – "Русская фабрика", Рожкова – "Сельское хозяйство Московской Руси XVI в." (обе вышли в 1898 г.) и Ленина "Развитие капитализма в России" (1899 г.)». В целом у А.В. Шестакова получилось, что до 1905 г. М.Н. Покровский был самым близким к марксизму экономическим материалистом. В «Русской

истории с древнейших времён» «впервые М.Н. была весьма чётко сформулирована концепция торгового капитализма в России, его роль в крепостничестве и т. д.»⁵⁰⁷.

Мы не можем отнести тезис Е.А. Луцкого о преувеличенных похвалах в адрес М.Н. Покровского со стороны Н. Рубинштейна и А. Шестакова⁵⁰⁸ к изучаемому нами «торговому капитализму». Их статьи были юбилейными по тону и настроению, но вполне научными по характеру.

Выше мы рассмотрели позитивные оценки творчества М.Н. Покровского. Следует отметить, что историки, занимавшие эту позицию, не грешили пустопорожними славословиями в адрес его исторической концепции, не ограничивались уверениями в личной преданности учителю, а, как мы видели, напротив, стремились научно обосновать свою точку зрения.

Теперь обратимся к критике М.Н. Покровского советскими марксистами, имевшей место в начале и середине 1920-х гг., разумеется, в аспекте торгового капитализма. Поскольку взгляды М.Н. Покровского и Л.Д. Троцкого, отразившиеся в полемике между ними, были подробно рассмотрены нами в предыдущей главе, здесь мы ограничимся общими замечаниями. В своём споре с М.Н. Покровским Л.Д. Троцкий косвенно затронул концепцию торгового капитализма. Как известно, Л.Д. Троцкий обосновывал общую социальную, экономическую, политическую отсталость России от передовых европейских стран, указывал на низкие (в большой исторической ретроспективе) темпы её общественного развития, слабость отечественного капитализма, начиная от его условий и предпосылок. Казалось бы, концепция М.Н. Покровского этому не противоречила. Его оппоненту оставалось только солидаризироваться с ней. Однако Л.Д. Троцкий, видимо, интерпретировал эту концепцию в том смысле, что она вела к модернизации истории России, являлась своеобразным теоретическим инструментом, позволявшим сблизить уровень и темпы хозяйственной эволюции России и стран Запада. Получалось, что М.Н. Покровский, естественно, не нашёл в России промышленного капитализма и поэтому изобрёл хотя бы торговый: не такой, как на Западе, но всё же капитализм. С нашей точки зрения, торговый капитализм нужен был М.Н. Покровскому, чтобы свести воедино

те разнообразные изменения, которые происходили *на поверхности* огромного социального материка, весьма однородного, малоподвижного, если рассуждать в категориях марксистской политической экономии. Эти изменения медленно подтачивали социальный монолит, покоившийся на мощном фундаменте натурального хозяйства, пока не раскололи его на части. Вот в чём заключался момент перерождения феодализма в торговый капитализм у М.Н. Покровского.

От внимания Л.Д. Троцкого, конечно, не укрылось то очевидное обстоятельство, что время от времени развитие России ускорялось, набирая очень высокие темпы, даже более высокие, чем в странах Запада. Да и сам капитализм давно перестал быть уделом «глубоких экономов», найдя себе место в народной жизни. Оставался неясным вопрос о том, каким образом порождала капитализм та хозяйственная основа, которая вроде бы не могла его создать. И здесь Л.Д. Троцкий избрал формулу прямой зависимости успехов экономической эволюции России, степени развития российского капитализма от масштабов её взаимодействия, усиления экономических связей с передовыми странами. И в этом пункте, на первый взгляд, нет повода для полемики с М.Н. Покровским. Ведь последний тоже утверждал, что торговый капитализм пришёл к нам с Запада. Историк указывал на известную вторичность отечественной системы торгового капитализма по отношению к его общеевропейской системе, сложившейся ещё в Средние века. Однако если суммировать то, что М.Н. Покровский писал о торговом капитализме в различных своих трудах, принять во внимание его концепцию русской истории в целом, обнаруживается выдвигание им на первый план прежде всего генезиса капитализма в России из наличного хозяйственного материала⁵⁰⁹, а не переноса капитализма в Россию из Западной Европы, пусть и через длинный ряд посредствующих звеньев. Те пояснения, которые давал Л.Д. Троцкий в ходе полемики, сближали его концепцию с «торговым капитализмом» М.Н. Покровского. В то же время в ней произошёл вообще свойственный научно-историческому знанию 1920-х гг. «перекосяк». Например, если два учёных писали об общем и особенном в истории России, то один акцентировал внимание на общности исторического пути России и Запада, а другой

подчёркивал моменты, в которых наиболее выпукло проявлялись отличия России от Запада. Однако из этого нельзя заключать, что разногласия между М.Н. Покровским и Л.Д. Троцким заключались лишь в расстановке акцентов. Всё-таки абсолютизм возник не на примитивной экономической основе феодального натурального хозяйства, а на базе раннего капитализма эпохи первоначального накопления, которая имела место в рамках феодальной формации в силу тождественности типа производственных отношений на всём её протяжении. М.Н. Покровский показал, что именно торговый капитализм создал абсолютную монархию. Точка зрения Л.Д. Троцкого склонялась к тому, что сложившийся не без участия определённых изменений в экономическом фундаменте абсолютизм стал силой, в большей степени порождавшей русский промышленный капитализм, нежели этот фундамент. Конечно, Л.Д. Троцкий проявил недюжинную проницательность, поправляя М.Н. Покровского в духе советской историографии 1930–1960-х гг. Однако наша трактовка «торгового капитализма» М.Н. Покровского в данном случае не позволяет признать правоту его оппонента⁵¹⁰.

Молодые историки-марксисты подключились к критике М.Н. Покровского в связи с выходом в свет в 1924 г. его «Очерков по истории русского революционного движения XIX–XX вв.». В виде лекций они были прочитаны зимой 1923/24 г. Так, рецензируя эту работу, А.Н. Слепков выступил против чрезмерного преувеличения роли торгового капитала, заполонившего русскую историю⁵¹¹. Вместе с тем точка зрения самого А.Н. Слепкова сводилась к тому, что с XVI века в России шла борьба за власть между находящимися на её вершине «торговым» дворянством и купечеством. В конце концов, после Петра I победило дворянство. В дальнейшем оно стало «обуржуазиваться»⁵¹².

Н. Рубинштейн выделил следующие недостатки «Очерков»: увлечение искусственными схемами, излишний «конструктивизм» и другое; многие факты не укладываются в построения М.Н. Покровского. Однако этот рецензент солидаризировался с последним в части «торгового капитализма, признав верным определение самодержавия как политически организованного торгового капитала»⁵¹³.

В середине 1920-х гг. к критике «торгового капитализма» присоединился С.Г. Томсинский. Сразу отметим, что по существу А.Н. Слепков и С.Г. Томсинский не только не опровергали концепцию торгового капитализма, но и сами её придерживались, видя, однако, в ней определённые слабости.

Суть возражений А.Н. Слепкова в адрес М.Н. Покровского состояла в том, что, вопреки утверждению последнего, самодержавие не являлось политически организованным торговым капитализмом на протяжении всей своей истории. Особое внимание А.Н. Слепков уделил периоду второй половины XIX – начала XX веков, когда имели место промышленный и финансовый капитал, капиталистическое перерождение аграрных хозяйств. Следующий аргумент этого оппонента М.Н. Покровского сводился к тому, что и сами субъекты торгового капитализма в процессе экономического развития менялись. Следовательно, концепция историка недостаточно учитывала эволюцию русского капитализма, его динамику. Подобная же логика была применена и к крестьянскому движению, которое также было неоднородным, взаимодействовало с различными классами и т. п.⁵¹⁴ Этот ряд возражений производит странное впечатление. Ведь очевидно, что у М.Н. Покровского торговый капитализм XVII века «не равен» торговому капитализму XVIII века, а в XIX веке он развивался под мощнейшим давлением промышленного капитализма, который также составлял целую эпоху русской истории. Можно предположить, что позиция А.Н. Слепкова заключалась в том, что, с его точки зрения, торговый капитализм в России закончился раньше, нежели это полагал его оппонент. Однако в таком случае А.Н. Слепкову надлежало со всей определённостью высказаться по поводу времени наступления в стране капиталистической формации, чего он не сделал. Не исключено, что социальная база самодержавия казалась А.Н. Слепкову более разнообразной и нестабильной, чем это предусматривалось в схеме М.Н. Покровского. К сожалению, формат небольшой статьи, скорее даже полемической заметки, помешал первому развернуть соответствующую аргументацию.

В том, что касается периода до середины XIX века, то А.Н. Слепков полемизировал, скорее, с выступившим в поддержку М.Н. Покровского Н. Рубинштейном. Здесь он заметил, причем

вполне резонно, что имевшие непосредственное отношение к торговому капитализму помещики и купцы принадлежали к разным общественным классам, между которыми происходила классовая борьба. Н. Рубинштейн же доказывал, что они принадлежат к одному классу торговых капиталистов, и в этом смысле общего между ними больше, нежели того, что может вызвать конфликт⁵¹⁵. От себя заметим, что, безусловно, часть помещиков и купечество относились к верхам торгово-капиталистического сообщества, что до известной степени скрадывало противоречия между ними. Особенно верно сказанное применительно к ранним этапам торгового капитализма, предшествовавшим возникновению капитализма промышленного. Но и тогда помещики и купцы имели разное отношение к торговому капитализму, занимали в нём разное место, причём эта тенденция со временем усиливалась. Н. Рубинштейн в данном споре прав лишь в том, что в рамках торгового капитализма они были частью целого, а следовательно, могут рассматриваться и в этом качестве.

Нам представляется, что А.Н. Слепков недооценил разницу между торгово-капиталистическим и производственно-капиталистическим перерождением феодального хозяйства, которое у него проходит под одной «рубрикой» капитализации помещичьего хозяйства.

Считаем ценным замечание А.Н. Слепкова об обнаруженном им у М.Н. Покровского переходе от государственного феодализма к государственному капитализму. Об этом же писал и Л.Д. Троцкий. Видимо, в полемике с ним М.Н. Покровский предпочёл не акцентировать данный момент. А.Н. Слепков даже заметил, что «наряду с многим неверным теоретически и политически т. Троцкий высказывал и многое верное». Кстати, это признавал и М.Н. Покровский в ходе своего спора с Л.Д. Троцким в 1922 г. Также заслуживает внимания ещё одна мысль А.Н. Слепкова о том, что развитие товарных отношений ведёт к подъёму не только капиталистического, кулацкого, но и мелкобуржуазного, среднего крестьянского хозяйства, которые противостоят друг другу⁵¹⁶.

В одном пункте А.Н. Слепков пошёл дальше М.Н. Покровского в деле освещения торгового капитализма. А.Н. Слепков писал, что первым частным собственником земли на Руси был фео-

дал, «раньше крестьянской массы» захваченный «товарным обращением». Следовательно, он связал само возникновение собственности на основное средство производства периода феодализма со степенью товаризации феодального хозяйства. По мнению А.Н. Слепкова, здесь М.Н. Покровский «некритично» пошёл вслед за Н.А. Рожковым и даже впал в «биологизаторство»⁵¹⁷. Так, едва ли не впервые из уст молодого историка-марксиста в адрес М.Н. Покровского прозвучал упрёк в «порочащих связях». Впрочем, лично А.Н. Слепков вряд ли имел в виду что-то серьёзное.

В 1925 г. он опубликовал в обновленном виде работу «Аграрный вопрос перед революцией 1905–1907 г.», которая была написана в 1923 г. и вышла под редакцией М.Н. Покровского. В ней А.Н. Слепков несколько раз в позитивном ключе ссылаясь на труды М.Н. Покровского⁵¹⁸, но главное – он сохранял верность «торговому капитализму»⁵¹⁹. Вместе с тем очевидна претензия автора на самостоятельность, впрочем, совершенно естественная. Избранной темой А.Н. Слепков занимался много и основательно. Было бы странно, если бы он опубликовал книгу, не будучи уверен в том, что достиг весомых результатов. Ещё отметим, что в этом своём исследовании А.Н. Слепков так определял общественный строй России начала XX века: «Отличительной особенностью России является сосуществование в ней различных социально-экономических формаций. Несмотря на развитие крупного индустриального капитализма, Россия была к началу XX века ещё полукрепостной страной. Если в промышленно-капиталистическом городе господствующими были буржуазные производственные отношения, то в сельском хозяйстве ещё гнездились докапиталистические, крепостнические отношения»⁵²⁰. Разумеется, под формациями здесь следует понимать уклады. Надо сказать, что этой позиции А.Н. Слепков держался твёрдо.

Мы видим, что историческая концепция М.Н. Покровского не была зоной, закрытой для критики. Напротив, молодые историки-марксисты с момента своего оформления в этом качестве выражали своё несогласие с некоторыми идеями неизменно уважаемого учителя, тем более что к началу 1920-х гг. М.Н. Покровский давно уже был известным историком и на дореволюционном этапе своей деятельности не раз подвергался критике⁵²¹. Другое де-

ло, что до конца 1920-х гг. эта группа его оппонентов не подвергала сомнению наличие системы торгового капитала и соответствующую ей терминологию. Могло не устраивать что-то в «торговом капитализме», но не сам торговый капитализм.

С.Г. Томсинский отмечал, что построениям М.Н. Покровского не хватает диалектики, так как согласно им вся внутренняя и внешняя политика царизма «вплоть до 1917 года определялась только интересами торгового капитала». Что же С.Г. Томсинский противопоставил выводам своего оппонента? Он утверждал, что «из-за интересов промышленной буржуазии пришлось царизму драться в семь раз дольше, чем из-за интересов хлебного экспорта». Идея С.Г. Томсинского заключалась в том, чтобы, по крайней мере, для истории России XIX века показать преобладание промышленного капитализма над торговым. Однако конкретные возражения С.Г. Томсинского по этому вопросу вряд ли были уместны, так как он пытался «согласовать» собственную позицию с концепцией М.Н. Покровского. В частности, С.Г. Томсинский призывал принять во внимание и промышленный капитал наряду с торговым, учесть разницу между ними, отметить способность самодержавия идти против интересов торгового капитала⁵²². Но ведь об этом же писал М.Н. Покровский. Кроме того, с помощью подобных аргументов вообще невозможно доказать первичность системы промышленного капитализма по отношению к системе торгового капитализма. Большой интерес представляют утверждения С.Г. Томсинского о том, что торговый капитал в схеме М.Н. Покровского являлся «самодовлеющим фактором» с XVII до XX века, о совместимости торгового и промышленного капитала в процессе общественного развития⁵²³. С.Г. Томсинский находил, что М.Н. Покровский недостаточно подчеркнул разницу между эпохой торгового и эпохой промышленного капитала, сославшись при этом на частности, а заявив, что смена буржуазией своей «системы» определялась переходом «к более высоким формам организации рынка», он, пожалуй, даже обошёл М.Н. Покровского в деле «торгового капитализма». С нашей точки зрения, у М.Н. Покровского их отделял друг от друга не менее чем способ производства. С.Г. Томсинский буквально стучался в открытую дверь, утверждая, что торговый капитал в России первой половины XIX века

действовал самостоятельно от промышленного, а во второй половине этого века мог занимать подчинённое положение по отношению к нему. В заключение С.Г. Томсинский неожиданно заметил, что «между торговым и промышленным капиталом не было глубоких противоречий или их вовсе не было»⁵²⁴.

Сразу возникает вопрос о том, стоило ли вообще выделять эпоху промышленного капитала? По поводу полемики С.Г. Томсинского и М.Н. Покровского современный исследователь В.Ю. Соколов заметил, что М.Н. Покровский представлял царизм в виде пассивного орудия, простого слепка с интересов того или иного класса⁵²⁵. В этом утверждении, на наш взгляд, не была учтена сущность его исторической концепции в целом, её внутренняя логика. Поставив в центр своей концепции отечественной истории переходный период от феодализма к капитализму, М.Н. Покровский учитывал и новое качество, ещё не до конца развившееся, находящееся в определённой точке роста, и старое, вынужденное постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям. Оба эти качества часто одновременно создавали определённую социальную среду, которая воздействовала на власть. М.Н. Покровский стремился подчеркнуть, что, несмотря на могущество и известную «самостоятельность» государства в России, оно имело классовую природу, а его деятельность несла в себе определённое классовое содержание. Это суждение достаточно важно для понимания позиции М.Н. Покровского по актуальному в 1920-е гг. вопросу об экономической природе самодержавия.

Надо сказать, что С.Г. Томсинский был одним из наиболее критикуемых в 1930-е гг. учеников М.Н. Покровского, в том числе за торгово-капиталистическое освещение крестьянского движения в России XVII–XVIII веков⁵²⁶.

В целом критика М.Н. Покровского со стороны А.Н. Слепкова и С.Г. Томсинского не поколебала основы «торгового капитализма» и не заставила М.Н. Покровского изменить свои взгляды по данному вопросу⁵²⁷.

Идея торгового капитализма критиковалась также В. Рахметовым в его докладе в ИКП в мае 1927 г. и в прениях по нему. М.Н. Покровский отреагировал на точку зрения В. Рахметова, дав подробные пояснения, которые содержали определённые уточнения его взглядов⁵²⁸.

Многочисленные публикации в связи с 60-летием со дня рождения и 35-летием научной деятельности М.Н. Покровского показали, что в целом теория торгового капитализма не встречает возражений⁵²⁹. В то же время они не стали фактором, который бы обеспечил благоприятные условия для её развития и изучения в позитивном ключе. Более того, и до, и после торжеств отмечалось преувеличение М.Н. Покровским роли торгового капитала (в мае 1927 г. – В.Н. Рахметов, в апреле 1929 г. – А.И. Ломакин). Постепенно, как бы исподволь, в кругах историков стало формироваться мнение о необходимости корректировки концепции торгового капитализма, о её несоответствии современному уровню развития исторической науки в СССР, известной уязвимости с точки зрения «чистоты» марксизма-ленинизма. На этом фоне складывалась некая довольно аморфная совокупность претензий к М.Н. Покровскому по поводу «торгового капитализма», создававшая впечатление о «преодолении», «изживании» его взглядов на экономическую историю России. Эта тенденция пока не приняла законченных форм, не привела к «опровержению» концепции торгового капитализма. Как правило, речь шла об отказе от соответствующих ей терминов и различных интерпретаций, выдававшихся за новаторство. Нужно учитывать и то, что после своего создания концепция торгового капитализма начала самостоятельную жизнь, не всегда зависящую от воли её автора. «Торговым капитализмом» и близкими к нему сюжетами в 1920-е гг. занимались многие исследователи, поэтому «торговый капитализм» при его восприятии в качестве своеобразной научной константы к концу этого периода неизбежно всё менее совпадал с «оригиналом». У него появились свои «подмастерья», эпигоны, интерпретаторы, которые изрядно запутали историографическую ситуацию. Однако попытки отойти от концепции М.Н. Покровского не привели к возникновению сопоставимой альтернативы. Складывается впечатление, что их мало беспокоила научная цена вопроса. Они решали скорее партийно-политические и идейно-организационные задачи в условиях «обострения классовой борьбы».

Интересно мнение И.В. Сталина о М.Н. Покровском. В ноябре 1930 г. М.Н. Покровский узнал о письме Е.М. Ярославского И.В. Сталину с уничижительной характеристикой его работ.

Е.М. Ярославский вспоминал, что в начале лета 1930 г. у него был разговор с И.В. Сталиным, который утверждал, что М.Н. Покровский – не марксист, у него много ошибок, которые надо критиковать⁵³⁰.

С нашей точки зрения, в данном случае Е.М. Ярославскому можно верить. 8 декабря 1938 г. он писал И.В. Сталину: «Несмотря на неоднократные Ваши указания, что работы Покровского нельзя считать марксистскими (я помню два таких Ваших заявления на Политбюро ЦК), Покровского не критиковали не только при жизни, но и долго после его смерти подходили к этому робко»⁵³¹. Правда, он не указал аргументы, которые привёл И.В. Сталин в обоснование этого тезиса, если тот, конечно, вообще посчитал нужным информировать о них своего собеседника. Позиция руководителя Советского государства выглядит, мягко говоря, странно. Ведь тогда получается, что И.В. Сталин сознательно и целенаправленно санкционировал избрание «немарксиста» в президиум ЦКК ВКП(б) в том же 1930 г.⁵³²

Общее отношение И.В. Сталина к М.Н. Покровскому характеризует следующий отрывок: «У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых "вождей" тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т. д., – таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли. Это необходимый процесс обновления руководящих кадров живой и развивающейся партии. Разница между Брандлерами – Тальгеймерами и этими последними товарищами состоит, к слову сказать, в том, что Брандлеры и Тальгеймеры имеют за собой, кроме всего прочего, старый социал-демократический груз, между тем как вышеназванные русские товарищи были свободны от такого груза. И эта разница говорит, как видите, не в пользу Брандлера -Тальгеймера, а против них»⁵³³. Примечательно, что эта позиция была выражена И.В. Сталиным 28 февраля 1925 г., когда положение М.Н. Покровского в советской системе было весьма прочным. Значит, тогда И.В. Сталин не сделал в отношении М.Н. Покровского никаких политических и ор-

ганизационных выводов. Следует отметить, что И.В. Сталин в приведённом отрывке не обвиняет М.Н. Покровского в оппортунизме, ревизионизме, антимарксизме и других прегрешениях. Более того, И.В. Сталин называет его «вождём-большевиком», хотя и бывшим, указывая лишь на понятную и естественную необходимость обновления кадров. Вместе с тем впоследствии И.В. Сталин имел возможность наблюдать, что М.Н. Покровский умело, решительно и эффективно борется за сохранение своих позиций в науке в достаточно сложных условиях. И он мог сделать вывод о том, что «красному профессору» не место в списке «бывших».

Отметим всё же одно высказывание И.В. Сталина, имеющее непосредственное отношение к «торговому капитализму» М.Н. Покровского и сделанное при жизни учёного. Слушатели ИКП Алыпов и Цветков обнаружили, что И.В. Сталин объясняет процесс образования самодержавия внеэкономическими причинами, что, безусловно, расходилось с преобладавшими в то время (1927 г.) в советской исторической науке взглядами, в том числе с концепцией М.Н. Покровского. «Свою точку зрения т. Покровский очень выпукло изложил в Сжатом курсе истории. Его читал тов. Ленин и в письме к Покровскому эту книгу назвал хорошей, и возражений против концепции Покровского не сделал. В данное время концепция Покровского по этому вопросу всеми как будто считалась ортодоксальной, и в полемике с Троцким Покровского считали правым. Да оно так и есть на самом деле; в этом вопросе и марксистская теория, и наша историческая "практика" безусловно на стороне Покровского»⁵³⁴. Таким образом, И.В. Сталин был уличён в приверженности буржуазной историографии, а то и в натуральном троцкизме. Впрочем, он легко развеял недоумение товарищей, убедительно показав, что они его неправильно поняли. И.В. Сталин отмечал, что в своём докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. он говорил «не об образовании "самодержавного строя" в России, а об образовании централизованных многонациональных государств на востоке Европы (Россия, Австрия, Венгрия). Нетрудно понять, что это две различные темы, хотя и нельзя считать их оторванными друг от друга». Речь идёт о процессе, который протекал не в XVI–XVIII, а в XIV–XVI веках, когда, и по М.Н. Покровскому,

торгового капитализма не было. Более того, И.В. Сталин указал, что он даже применительно к этому периоду не предполагал игнорировать экономику: «У меня ни в докладе, ни в тезисах ничего не сказано об образовании централизованного государства в России "не в результате экономического развития, а в интересах борьбы с монголами и другими народами Востока" (см. ваше письмо). За это противопоставление должны отвечать вы, а не я. У меня говорится лишь о том, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы ввиду необходимости обороны шел *быстрее* процесса складывания людей в нации, ввиду чего и образовались здесь многонациональные государства раньше ликвидации феодализма. Это, как видите, не то, что вы неправильно приписываете мне». Таким образом, И.В. Сталин фактически отверг возможное предположение о своих расхождениях с М.Н. Покровским.

Более того, И.В. Сталин счёл нужным процитировать соответствующие места из источников. Из них становится ясно, что понимание И.В. Сталиным феодализма и капитализма тогда было близко точке зрения М.Н. Покровского:

1. «На востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось».

2. «На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, *ускоренное* потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма»⁵³⁵.

Однако в ответе Цветкову и Альпову он высказался по обсуждаемому вопросу и следующим образом: «Что же касается вопроса о теории образования русского "самодержавного строя", то должен сказать, что теорию т. Троцкого я не разделяю в корне, а теорию т. Покровского считаю в основном правильной, хотя и не лишенной крайностей и перегибов в сторону упрощенного экономического объяснения процесса образования самодержавия»⁵³⁶. Несомненно, высказанное им замечание является второстепенным,

хотя и касающимся торгового капитализма, поскольку этот последний мог быть как раз тем самым «упрощённым экономическим объяснением». Впрочем, и это в том смысле, что объяснение в целом правильное, но недостаточное, нуждающееся в дополнении чем-то неэкономическим. «Впоследствии, при подготовке девятого тома собрания своих сочинений, где был помещен этот материал, И.В. Сталин исключил эту часть текста»⁵³⁷. Признание концепции М.Н. Покровского в основном верной в 1940-е гг. никак нельзя было пропускать. Оно бы тут же дезориентировало весь исторический фронт.

28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г. в Москве состоялась Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов. Думается, не будет преувеличением сказать, что это было их самое важное мероприятие подобного рода с начала социалистической революции и до 1930-х гг. «Труды» конференции были опубликованы в 1930 г. Они «являются стенограммами заседаний пленума и секций конференции». Прения даны в сокращённом виде⁵³⁸.

М.В. Нечкина утверждала, что на ней шла работа над уточнением, углублением, детализацией марксистско-ленинской концепции. С этим выводом не приходится спорить. Вместе с тем она заключила, что в рамках данного мероприятия начиналось осознание некоторых ошибок М.Н. Покровского⁵³⁹. Возможно, М.В. Нечкина хотела подчеркнуть, что и в 1920-е гг. ленинизм был важнее «покровщины». Мы в большей степени солидарны с мнением Р.Г. Пихоя, который считал конференцию «апофеозом» школы М.Н. Покровского⁵⁴⁰. Видимо, она ещё сохраняла верность своему основателю. При этом высказывание известного несогласия с М.Н. Покровским не всегда следует принимать за историографическую тенденцию.

Сразу же отметим, что вопрос о торговом капитализме не был в центре внимания её участников и специально не обсуждался. В то же время известно, что к 1929 г. он уже актуализировался. Вскоре состоялся его перевод в плоскость особой дискуссии. «Катализатором» здесь послужило известное представление новой марксистской исторической концепции С.М. Дубровского. Почему всё-таки указанная конференция прошла с этой точки зрения вполне благополучно? Мы бы выдвинули здесь на первый

план некоторые формальные организационные моменты, так сказать, «законы жанра». Каков был нормальный порядок действий? Сначала проходит дискуссия о торговом капитализме, затем выявляются её результаты, потом проясняется, насколько они будут общепризнанными и т. п. Такое этапное, знаковое событие, как Всесоюзная конференция историков-марксистов, в данном контексте призвана была, как максимум, завершить этот длительный и сложный процесс. На практике, как видим, он лишь разворачивался, набирал обороты. Кроме того, «конференция ставила своей задачей подведение итогов развития марксистской исторической науки в СССР», а она до конца 1920-х гг. занималась как раз созданием и совершенствованием разнообразных торгово-капиталистических построений, относившихся, скорее, к разряду её достижений. К тому же конференция призвана была объединять историков-марксистов СССР⁵⁴¹. Вряд ли достижению этой цели способствовал бы «вброс» новой темы, который бы тут же развёл историков по разным лагерям. Таких тем и без того хватало. Естественно, руководство Общества историков-марксистов было в этом не заинтересовано. Добавим к сказанному, что, собственно, критиковать «торговый капитализм» никто и не запрещал. Руководство правильно сделало, что не дало какого-то определённого сигнала, который перевёл бы уже идущий процесс в фазу открытого конфликта. Однако кое-что на этот счёт всё же было сказано.

Так, П.О. Горин, повторяя задачи, которые ставились М.Н. Покровским перед Обществом историков-марксистов при его основании, второй пункт сформулировал следующим образом: «В борьбе за изживание иллюзий экономического материализма, которые в то время были ещё довольно сильны в нашей марксистской литературе и которые, нужно сказать, ещё сильны и в настоящее время, подчас среди некоторых историков-коммунистов». Смысл этой тирады заключался в том, что борьба с экономическим материализмом в советской исторической науке ведётся давно и успешно, хотя ещё и не закончена. На первый взгляд, кажется, что «торговый капитализм», по крайней мере по мысли организаторов конференции, не имел к этому никакого отношения. Тот же П.О. Горин бодро заявлял о подготовке «Книги для чтения по истории Запада» в четырёх томах, «где первый том охватывает пе-

риод эпохи торгового капитализма, второй – эпоху промышленного капитализма», третий и четвёртый – империализм⁵⁴². Однако не всё так просто. Скорее всего, полагалось возможным наличие сугубо марксистского «торгового капитализма». Тем же историкам, которые «засорили» его экономическим материализмом, надлежало исправить ошибки, вернувшись к лучшим образцам в редакции М.Н. Покровского.

Наиболее активно в ходе конференции вопрос о торговом капитализме в интересующих нас хронологических координатах ставил Г. Меерсон. С нашей точки зрения, он совершенно напрасно изобразил помещичье хозяйство как «переходную форму от торгового капитала монополистического типа к промышленному», уподобив его самодержавию периода «перехода к буржуазной монархии». Правильнее было бы заключить, что это хозяйство само было формой торгового капитализма, но не торгового капитала. Следовало подчеркнуть, что оно было основано на феодальном способе производства. Даже в начале XX века оно сохраняло множество пережитков феодализма. Кроме того, эволюция самодержавия в сторону буржуазной монархии эпохи промышленного капитализма перешла в практическую плоскость не ранее реформ 1860-х гг.⁵⁴³

Далее Г. Меерсон отметил, что разложение феодализма в России началось позже, чем в Западной Европе, но протекало гораздо быстрее. При этом главную роль в данном процессе он отвёл торговому капиталу. Иными словами, по мнению историка, такая динамика наблюдалась тоже по его «вине». Как учёный это объясняет? Отечественный торговый капитал развивался довольно медленно, пока оставался на туземной почве, которая давала слишком мало материала для его бурного роста. Всё изменилось, когда к делу подключился западноевропейский торговый капитал, то ли как новый участник процесса, то ли как конкурент, заставивший русских торговых капиталистов ему соответствовать. Действительно, с конца XVIII века, и по М.Н. Покровскому, эволюция торгового капитала существенно ускорилась. Но М.Н. Покровский не сводил её к одному и тому же внешнему фактору. «Торговый капитал в России очень быстро подчинил себе мелкое производство и в сельском хозяйстве, и в промышленности. В сель-

ском хозяйстве он организовал крепостное хозяйство, а в промышленности – домашнюю систему капиталистической промышленности, тесно связанную с деревней»⁵⁴⁴. Примечательно то, насколько непринуждённо повторяет Г. Меерсон азы «торгового капитализма» в их достаточно «радикальном» изводе. Между тем всё это достаточно элементарно и с позиций позднесоветской науки. В первом случае речь идёт о возникновении мелкотоварного уклада, во втором – о том, что появление крепостничества невозможно без известного уровня развития обмена, именуемого началом формирования Всероссийского товарного рынка. Не менее очевидно и то, что приходящий в промышленность торговый капитал способствует её капиталистическому перерождению, как только это становится возможным по совокупности обстоятельств, при наличии достаточного количества «сырого» социального материала, просто потому, что капиталистическое производство даёт больше товара.

Другую картину торгового капитализма Г. Меерсон обнаружил в Средней Азии, где мы имеем дело с развитием «торгового капитала совершенно определённого типа... который развивался на основе консервирования старой техники и на основе кабальных сделок, на основе полуфеодальных производственных отношений». Мысль учёного состояла в том, что в данном процессе не было ничего промышленно-капиталистического. Более того, торговый капитализм в подобных случаях мог выступать и в качестве мощного фактора регресса. Например, в Индии в колониальный период возродились те общественные формы, которые были изжиты в предшествующую эпоху. Однако торговый капитал делал это небескорыстно и не в чистом виде, а приспособлявая их «к условиям торгово-капиталистической эксплуатации непосредственных производителей»⁵⁴⁵.

А.М. Панкратова в своём докладе «Проблемы изучения истории рабочего класса в России» коротко остановилась на связи торгового капитала с зарождением промышленного капитализма, сославшись при этом на М.Н. Покровского, который указал на то, что «уже в конце XVII в. торговый капитал делает попытки переходить в промышленный и что на тогдашних фабриках, в особенности на винокуренных, и тогда уже были свободные рабочие

руки»⁵⁴⁶. Это можно принять с тем уточнением, что в рассматриваемый период данные предприятия ещё не были капиталистическими, хотя в их основании участвовал купеческий капитал и на них в ограниченных масштабах применялся наёмный труд.

Л. Вакс поднял вопрос о зависимости промышленного переворота от уровня развития торговли и торгового капитала в том смысле, что, например, в Китае он был достаточно высоким, но промышленной революции не произошло⁵⁴⁷. Это верное наблюдение. Мнение о том, что для возникновения промышленного капитализма нужно, чтобы торговый капитал до этого просто дорос количественно и качественно, представляется ограниченным.

Больше внимания «торговому капитализму» уделялось в рамках дискуссии об империализме в России. И хотя сама по себе она выходит за хронологические рамки настоящего исследования, мы всё же вкратце остановимся на этом её аспекте. Н. Редин, как и Г. Меерсон, затронул вопрос о роли отечественного и иностранного капитала в истории России, но подошёл к ответу на него с другой стороны. Он заявил, что национальная «почва» порождала, скорее, торгово-капиталистические начала. Чем более передовые формы капитализма утверждались в России, тем большее значение в ходе этого процесса приобретал иностранный капитал. В 1890-е гг. он возобладал, создав в стране «свою дочернюю систему». Принципиально важным представляется замечание Н. Редина о том, что «иностраный финансовый капитал проник в Россию не как чужеродное тело». Иными словами, он находил там какие-то фрагменты экономической реальности, с которыми мог гармонично взаимодействовать. Однако на первый план учёный выдвинул не торговый, а аграрный капитализм в связи с тем, что иностранный капитал был верным союзником «прусского типа развития капитализма в российском сельском хозяйстве». Дело в том, что Н. Редина больше интересовал ответ на вопрос, почему в России рубежа XIX–XX веков положение дел в данной сфере было именно таким, как оно сложилось? Проблематика «торгового капитализма» для него была менее актуальной. Верным представляется наблюдение учёного об относящейся, по нашему мнению, к торговому капитализму особенности проникновения капиталистического производства в сельское хозяйство.

Как полагал Н. Редин, парадоксально то, что, «становясь всё более буржуазными», помещичьи хозяйства «остаются крепостническими»⁵⁴⁸. Это тот случай, когда рост капитализма на ту или иную «величину» не приводит к уменьшению феодализма на ту же самую «величину».

И. Минц в рамках той же дискуссии об империализме попытался всё-таки более точно выявить связь между торговым капитализмом и империализмом в России. Начал он с указания на существовавшие в России торгово-капиталистические монополии. Неужели историк всерьёз полагал, что из них выросли новые финансово-промышленные монополии? Ясность в этот вопрос внёс Х. Рапопорт, напомнивший, что представители русского национального монополистического капитализма Стахеев, Второв, Ярошевский вышли из купцов и помещиков (то есть, по терминологии М.Н. Покровского, были очень ярко выраженными субъектами торгового капитала), откуда перешли в промышленный, а затем в финансовый капитал. Таким образом, Х. Рапопорт совершенно своевременно ввёл в формулу И. Минца процесс генезиса капитализма. Впрочем, и сам И. Минц оперировал понятием «торговый капитализм» в следующей редакции: «самодержавие» и «монополия торгового капитала», «остатки» «старой монополистической системы», старые монополистические формы торгового капитала. По мнению этого историка, полуфеодальный, военно-феодальный империализм в России получился путём соединения собственно империализма и торгового капитализма. При этом первый использует второй. Вместе с тем у нас сложилось впечатление, что И. Минца можно понять и так, что отечественный империализм, благодаря самодержавию, появился ещё в домонополистический период. С нашей точки зрения, «оправдать» учёного здесь могли бы рассуждения о государственном капитализме в России, которых не последовало. Однако интересно соображение И. Минца о том, что российский империализм в некотором смысле пришёл на смену торговому капитализму⁵⁴⁹.

Н. Рубинштейн со ссылкой на М.Н. Покровского «достроил» схему И. Минца до многоукладности. «В результате замедленного роста нашего хозяйственного развития мы имеем в последний период наслоение хозяйственно-различных, исторически-преем-

ственных типов – элементов торгового капитализма, промышленного капитализма и финансового капитализма». Неучтённым осталось разве что натуральное хозяйство. Более того, Н. Рубинштейн выделил момент сращивания укладов, в том числе в лице «торгового и финансового капитала».

Он установил, что истоки ошибочных воззрений Н. Ванага на русский империализм коренятся в недостаточном учёте такого параметра, как торговый капитализм, что было вообще характерно для того этапа развития отечественной исторической науки, когда концепции торгового капитализма не получили ещё в ней широкого распространения. Видимо, имелся в виду период до середины 1920-х гг. По мнению Н. Рубинштейна, двойственность русского империализма виделась в сочетании не торгового и промышленного капитализма, а крепостничества и промышленного капитализма, что якобы привело к «гипертрофии» крепостничества. У нас сложилось впечатление, что учёный совершенно напрасно противопоставляет крепостничество и торговый капитализм. Пережитки феодально-крепостнической системы в русской жизни начала XX века предельно очевидны. Может быть, историк имел в виду, что крепостничество кем-то трактовалось как система натурального хозяйства? Но никаких пояснений на этот счёт он не сделал. Намёк Н. Рубинштейна, скорее, в другом: теория «сильного» крепостничества была нужна для обоснования слабости российского капитализма.

В число борцов против торгового капитализма и за крепостничество Н. Рубинштейн почему-то включил Н.И. Рожкова и П.И. Лященко, обвинив последнего в том, что он «ставит знак равенства между торговым капитализмом и крепостническим хозяйством». Этот поворот имел бы смысл лишь в том случае, если бы Н. Рубинштейн поставил перед собой задачу разобраться, насколько марксистскими являются взгляды этих учёных на торговый капитализм, чего не было сделано. Возможно, Н. Рубинштейн таким образом пытался парировать уже звучавшие обвинения в том, что «торговый капитализм» был заимствован его апологетами не у марксиста М.Н. Покровского, а из арсенала экономического материализма. Впрочем, Н. Рубинштейн коротко обозначил своё понимание крепостничества. «Крепостническое хозяйство

существует при торговом капитализме, но как форма приспособления натурально-феодалного хозяйства к торгово-капиталистическим отношениям»⁵⁵⁰. Это утверждение можно было бы принять, но с важной оговоркой: хозяйство крепостной эпохи могло очень долго приспособляться, оставаясь в целом натуральным.

С.Г. Томсинский выступил против преувеличения масштабов и значения борьбы между торговым и промышленным капиталом в России, выдвинув следующие аргументы. Русская буржуазия в целом не была революционной. И торговая, и промышленная буржуазия были свергнуты в ходе социалистической революции. С нашей точки зрения, всё-таки следует учитывать, что промышленная буржуазия выступала за капиталистический общественный строй, включая и его политическую составляющую, по крайней мере с этапа утверждения данного строя в объективной реальности. Торговую буржуазию всё-таки старый режим устраивал в полной мере. Вряд ли данное расхождение можно считать непринципиальным. В каком отношении С.Г. Томсинский прав? Например, в условиях обострения классовой борьбы пролетариата и крестьянства отечественной буржуазии падение самодержавия было бы невыгодно, поэтому она его поддерживала и т. п.

С.Г. Томсинский твёрдо возразил против тенденции «продлевать» период преобладания торгового капитализма до конца XIX века, потому что тогда получается, что империализм в России возник из него, а не из промышленного капитализма, и, вообще, на самостоятельное развитие этого последнего просто не остаётся времени. Впрочем, против существования торгового капитализма и после этого периода, похоже, учёный не возражал. Так, Русско-китайский банк «выражал интересы всех паразитических классов, его политика объединяла интересы промышленной, торговой буржуазии, крепостников и т. д.». «Формула» С.Г. Томсинского была бы точна, если бы мы квалифицировали торговый капитализм сначала как формацию, а затем как остаточный уклад. И вообще, строго говоря, например, в России рубежа XIX–XX веков торгового капитализма могло быть больше, чем ранее, и даже больше, чем промышленного капитализма, однако именно последний определял магистральную линию общественного развития на перспективу, в том числе ближайшую.

Любопытно, что на данной конференции лишь С.Г. Томсинский поставил вопрос о замене терминологии «торгового капитализма». Он признался, что «последнее время» называет торговую буржуазию «феодално-крепостнической группой». Впрочем, он придал этой корректировке статус личного выбора. Да и сама она, видимо, была весьма ограниченной. Тот же автор бестрепетно рассуждал о торгово-капиталистических отношениях⁵⁵¹. Но симптом, тем не менее, многозначительный. Видимо, он был отражением следующего тезиса: если говоришь о торговом капитализме, значит, не согласен, что господствующим классом у нас были феодалы, а следовательно, отрицаешь феодализм, то есть феодальную формацию и т. п.

В докладах и прениях в секции истории ВКП(б) В. Невский и Г. Бешкин дали противоречивую оценку известной работе М.Н. Покровского «Очерки русского революционного движения XIX–XX вв.». Первый отнёс к её положительным моментам тесную связь истории этого движения «со всей историей» России рассматриваемого периода, из чего следует, что «торговый капитализм» можно считать сильной стороной данного исследования. Критиковать его В. Невский собирался, видимо, за некоторые положения, относящиеся к собственно революционной борьбе. Г. Бешкин увидел заслугу автора обсуждаемой книги в том, что «она построена... диалектически», верна в целом и ошибочна в частностях⁵⁵².

Стати отметим, что во многих других дискуссиях, посвящённых темам, хронологически близким эпохе империализма, «торговый капитализм» отсутствовал даже как предмет попутного рассмотрения. Так, в докладе Н. Ванага «О характере финансового капитала в России» он не фигурировал. Соответствующая проблематика заявила о себе только усилиями некоторых участников прений. Впрочем, Н. Ванаг был слишком озабочен изложением своей точки зрения на соотношение национального и иностранного в русском империализме. Ему скорее всего было не до торгового капитализма.

В докладе К. Попова «Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» и в прениях по нему, разумеется, речь неоднократно заходила о промышлен-

ном капитализме, империализме, крепостнических пережитках и другом, но прямой апелляции к торговому капитализму не состоялось. Доклад А. Ломакина «Чернышевский и Ленин» был сосредоточен на сугубо идеологических вопросах. Условиям места и времени достаточного внимания не было уделено. В докладе В. Рахметова «О происхождении меньшевистской концепции русского исторического процесса» во главу угла были поставлены взгляды Г.В. Плеханова и его соратников как близкие соответствующим течениям буржуазной исторической мысли. Основными их положениями были признаны идеи о главенствующей роли государства в русской истории, о свойственной ей «азиатчине» и т. п.⁵⁵³ То есть анализируемые концепции располагались на противоположном от «торгового капитализма» фланге.

Представляет интерес одна реплика М.Н. Покровского, прозвучавшая в ходе работы конференции. Так, он твёрдо заявил, что основные причины участия в Первой мировой войне со стороны России были торгово-капиталистическими, а не финансово-империалистическими. «Причину войны за проливы надо искать в хлебной торговле. <...> Вся суть в хлебном экспорте». Учёный повторил свой тезис о том, что эта задача стояла перед Россией ещё во времена Екатерины II. Правда, тогда она должна была решаться в интересах помещика. М.Н. Покровскому тут же возразил И. Литвинов в том смысле, что и промышленники, и банковские круги тоже были заинтересованы в вывозе через проливы. Неверно всё это связывать только с помещиками и торговцами хлебом⁵⁵⁴. С нашей точки зрения, подобным образом опровергнуть это суждение М.Н. Покровского невозможно, так как замечание И. Литвинова никак не свидетельствует против первичности торгово-капиталистической системы. Оппоненту М.Н. Покровского следовало поискать те экономические причины войны, в которых бы интересы, допустим, финансового капитала выходили на первый план, то есть ответить на вопрос, зачем крупнейшим российским банкам нужна была мировая война. Можно было, конечно, занять такую позицию: если что-то требуется британскому, американскому и германскому империализму, следовательно, что-то равнозначное необходимо и империализму российскому. Но ведь следует иметь в виду, что, например, в Англии капитализм исчерпы-

вающим образом охватывал социальную реальность. В России же экономика, да и общество в целом были многоукладными, поэтому отечественный империализм вырос на базе всех укладов, хотя прежде всего капиталистического. Реплика М.Н. Покровского, конечно, «грешит» некоторой односторонностью, но она отнюдь не беспочвенна.

Более выпукло «торговый капитализм» был представлен в выступлениях, касающихся истории Востока периода колониализма. В докладах Ф. Махарадзе «Грузия в XIX веке», Я. Ратгаузера «Социальная сущность мусаватизма», Н. Галузо «Периодизация истории национально-освободительного движения в Средней Азии» вопросы развития национального торгового капитала поднимались неоднократно, но без углубления в «теорию». «Торговый капитализм» принимался как нечто само собой разумеющееся. В отношении собственно России говорилось в основном о проникновении русского капитала, буржуазии и другого в колонии, об их противоречивой роли. Мало внимания было уделено функционированию торгово-капиталистической системы на окраинах, хотя её контуры вполне просматривались⁵⁵⁵.

Например, В. Карпыч следующим образом отобразил связь русского и туземного торгового капитала. «Процесс происходил так, что рос туземный торговый капитализм и находил союзников в лице русского капитализма». Сначала местная торговая буржуазия выступала против русского владычества, но вскоре после завоевания она заключила союз с колонизаторами, царизмом. Затем, окрепнув, она выступила уже за национальное самоопределение⁵⁵⁶. Здесь как раз не просматривается «соучастие» местного и имперского торгового капитала в одном общем деле. Кроме того, колониализм был представлен только стороной внешней, колонизирующей.

Н. Галузо отнёс к торговым капиталистам в Средней Азии не только саму торговую буржуазию, но и феодальную знать, включая местных монархов, а также чиновничество. Правда, он отметил, что торговые и феодальные мотивы в их деятельности могли не совпадать. Ещё важнее другое. По словам учёного, его обвиняли в том, что он смешивает этих субъектов, видимо, в рамках «торгового капитализма». Н. Галузо возразил в духе соответствующей концепции, указав на то, что все они задействованы в торговом-

капиталистической системе, хотя и в разной степени. С этой точки зрения различия между ними не принципиальны, ведь торговый капитализм наиболее концентрированно проявлял себя в регионе в деятельности какого-нибудь очередного бухарского эмира или хивинского хана⁵⁵⁷.

Итог подвёл А. Шестаков. «Вообще изучение вопроса о развитии капитализма в Средней Азии стоит до сих пор на очень низком уровне, и пока имеется небольшое количество работ, которые более или менее приближают нас к освещению развития торгового капитализма в самой Средней Азии и тех сложных перипетий, продолжавшихся многие сотни лет, начиная с эпохи, когда через Среднюю Азию шёл Великий торговый путь из Китая в Европу, и кончая теми различными изменениями, которые происходили в различные периоды упадка и подъёма торгово-капиталистических отношений как в самой Средней Азии, так и за её пределами»⁵⁵⁸. Примечательно, что А. Шестаков определил задачу изучения торгового капитализма в этом регионе как актуальную и важнейшую. Судя по всему, он заметил, что в данном конкретном случае она принадлежит не прошлому, а будущему.

В докладах и прениях по истории Запада наблюдалась такая, впрочем естественная, тенденция: чем ближе к современности, тем меньше торгового капитализма. Так, в докладе Ц. Фридлянда «Итоги изучения Великой французской революции в СССР» и прениях по нему речь шла о мануфактурах, промышленном капитализме, развитии капитализма в сельском хозяйстве и т. п. В докладе Ф. Потёмкина «К вопросу о методологии промышленной революции» автор сосредоточился непосредственно на этом предмете, говорил о его связи с аграрным переворотом и т. д. Н. Лукин в докладе «Проблемы изучения эпохи империализма» и обсуждавшие его исследователи в качестве отправного пункта изучения заявленной темы рассматривали промышленный капитализм⁵⁵⁹.

Ближе к «торговому капитализму» стояли доклады по европейским Средневековью и ранней Новой истории. Торгово-капиталистические построения в них использовались, но внимание на этом не заострялось. Например, в докладе О. Вайнштейна «Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке и революции»⁵⁶⁰ рассматривались продвижение французского торгового

го капитала на Восток, проблемы экономического освоения им Ближнего Востока, влияние Великой французской революции на его деятельность в данном регионе, соединение торгового капитала с механизмом эксплуатации колоний. Отмечено весомое значение для Франции черноморской торговли с Россией, что, кстати, подтверждало соответствующие выводы М.Н. Покровского. Короче говоря, «торговый капитализм» присутствует, но учёные, видимо, не считали для себя необходимым заявлять о себе как о его приверженцах.

В докладах С. Кривцова «Методика и методология истории», Я. Мамета «Основные направления в вопросах преподавания истории» и прениях по ним вопросы торгового капитализма не поднимались, с нашей точки зрения, по причине того, что в них методологические сюжеты затрагивались в незначительном объёме. Акцент делался на педагогических проблемах, методике и т. п.⁵⁶¹

Как мы уже отмечали, в ходе рассматриваемой конференции «торговый капитализм» не занял сколько-нибудь значительного места. В целом обстановка на данном направлении оставалась спокойной, однако некоторые аспекты обсуждения всё-таки заслуживают отдельного упоминания. Очевидно, что «торговый капитализм» стал предметом спора между историками, например, в рамках дискуссии по империализму. В поддержку «торгового капитализма» против построений Н. Ванага высказался Н. Рубинштейн. С.Г. Томсинский заявил об известной понятийной корректировке этого сюжета. Впрочем, историки без колебаний и затруднений «эксплуатировали» соответствующий материал, не опасаясь лишней раз сказать что-нибудь «торгово-капиталистическое» (примером тому были реплики Г. Меерсона). Складывается общее впечатление, что некоторые участники конференции уже были готовы более глубоко и решительно «проблематизировать» «торговый капитализм», но не на самом этом мероприятии. Нужен был какой-то весомый фактор, который бы послужил удобным поводом для того, чтобы обсуждение «торгового капитализма» вышло в публичное пространство.

Как мы отмечали в предыдущей главе, во второй половине 1920-х гг. проблематика «торгового капитализма» оказалась в центре внимания советских историков-марксистов. Своего апогея её

обсуждение достигло в 1929–1930 гг., когда был опубликован целый ряд основополагающих работ по данной теме. Одни из них, например такие, как «Книга для чтения по истории народов СССР» и сборник «Крепостная Россия», были посвящены концептуальным вопросам истории России, в том числе и в большой степени торгово-капиталистического характера. В других рассматривались ключевые кардинальные проблемы теоретико-методологического характера, связанные с осмыслением и пониманием сущности и структуры исторического процесса, его периодизации. В данном случае речь шла о выявлении в работах классиков марксизма и последующем чётком формулировании основ формационного подхода к истории, а затем о создании на этой базе подробно прописанной формационной схемы истории как СССР, так и зарубежных стран. Главную роль здесь сыграли дискуссии в Обществе историков-марксистов, Коммунистической академии и среди историков-марксистов Ленинграда, обобщённые в сборниках «Против механистических тенденций в исторической науке», «Спорные вопросы методологии истории», а также представленные на страницах журнала «Историк-марксист». Аналогичные обсуждения проходили в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, среди аграрников-марксистов, в большевистской печати⁵⁶².

Теперь коротко остановимся на оценке дискуссий рубежа 1920–1930-х гг. в отечественной историографии применительно к теме нашего исследования. В.К. Якунин считал, что они сопровождались острой критикой М.Н. Покровского, особенно его «торгового капитализма», хотя и с «перехлёстами», но справедливой. Под её влиянием учёный преодолел большинство своих ошибок, в том числе теорию торгового капитализма⁵⁶³. Последняя мысль более чётко была выражена Е.А. Луцким. Он утверждал, что в ходе дискуссий историки-марксисты согласились с С.М. Дубровским в том, что торговый капитализм не может рассматриваться ни как формация, ни даже как особый период в истории. Вскоре к этому выводу пришёл и М.Н. Покровский. По Е.А. Луцкому и В.К. Якунину, получается, что сначала молодые историки-марксисты отказались от «торгового капитализма», а затем к ним примкнул и М.Н. Покровский. Дискуссии в этом процессе сыграли существенную роль⁵⁶⁴. Кстати, идею о том, что эволюция исторических взгля-

дов М.Н. Покровского в итоге привела его к отказу от теории торгового капитализма, высказывала академик М.В. Нечкина с соавторами в начале 1960-х гг. Они отметили, что в дискуссиях дебатировался и вопрос о феодализме. Что же получилось в итоге? По мнению этих учёных, в 1920-е гг. усвоение ленинского понимания феодализма было задержано неправильной концепцией торгового капитализма, поскольку эта последняя подменила феодализм торговым капитализмом. Значение дискуссий заключается в том, что советские историки усвоили правильную, ленинскую трактовку феодализма⁵⁶⁵. Американский историк Дж. Энтин также отмечал, что в процессе всё большего овладения ленинским наследием историки сосредоточились на понятии «феодализм», что подрывало теорию торгового капитала⁵⁶⁶. Е.Н. Городецкий уточнил положение о том, что молодые советские историки опередили М.Н. Покровского на nive марксистской науки. В 1924–1927 гг. имело место «всё более глубокое проникновение Покровского в ленинское идейное наследие. Но тут выявилось важное обстоятельство» – его ученики «овладели ленинским наследием быстрее и полнее, чем их учитель. И, естественно, что, вооружённые ленинской методологией, они стали придирчиво присматриваться к тому, что предлагал Покровский... и критиковать то, что их не удовлетворяло»⁵⁶⁷.

Некоторые исследователи усомнились в том, что М.Н. Покровский пересмотрел свои взгляды на торговый капитализм в полной мере. Так, О.Д. Соколов указывал на то, что М.Н. Покровский в дискуссиях конца 1920-х гг., по его же собственным словам, признавал лишь «перегибание палки» в вопросе о роли торгового капитала в истории⁵⁶⁸. Следовательно, можно говорить, скорее, о ревизии этих взглядов. М.В. Нечкина представляла эту же точку зрения более «замысловато»: М.Н. Покровский принимал критику со стороны участников дискуссий, со многим соглашался, многое выправлял, переходя на правильные позиции или эволюционируя к ним⁵⁶⁹. Г.Д. Алексеева заняла в данном вопросе более «радикальную» позицию. Она считала, что М.Н. Покровский на рубеже 1920–1930-х гг. подверг критике свою прежнюю «схему», «указал на необходимость её пересмотра, но уже не успел осуществить своего намерения»⁵⁷⁰.

А. Щеглов в 1930-е гг. попытался установить связь между концепциями М.Н. Покровского и С.М. Дубровского. По его словам, М.Н. Покровский видел различие между эпохами в степени развития обмена, а не производства. Рецидивом этого подхода и были выступления С.М. Дубровского 1929–1930 гг.⁵⁷¹ С нашей точки зрения, сам факт этой связи А. Щеглов уловил верно, но вот раскрыть её сколько-нибудь удовлетворительно не смог.

Положительную оценку дискуссиям дал И.И. Минц, как известно, сам активно в них участвовавший. Он заметил, что отдельные расхождения между В.И. Лениным и М.Н. Покровским в 1920-е гг. уже критиковались. Важное место в этом деле принадлежит С.М. Дубровскому. Критика носила конструктивный характер⁵⁷². На плодотворность и полезность дискуссий рубежа 1920–1930-х гг. указывала и М.В. Нечкина⁵⁷³. К этому мнению с некоторыми оговорками присоединилась и Г.Д. Алексеева. Ценным представляется её указание на то, что дискуссии «были одновременно подведением итогов предшествующего» и «началом нового периода» развития советской исторической науки, правда, «отмеченного окончательной победой марксизма-ленинизма»⁵⁷⁴.

Негативные черты и моменты дискуссий активно выделялись историками с начала 1990-х гг. Так, В.Ю. Соколов считал их производными от состояния и развития марксистской исторической науки на её начальном этапе. Он находил, что понятие кризиса исторической науки должно быть распространено и на марксистскую историографию этого времени: подмена полноценного анализа прошлого обилием схем, замешанных на чуждых науке политических и идеологических установках⁵⁷⁵. Однако следует оговориться, что современные историки, в том числе и В.Ю. Соколов, обычно занимают сложную позицию по обсуждаемому вопросу. Так, глубоко противоречивая оценка дискуссий дана в сборнике «Советская историография». Приведём один ряд суждений. «Как видим, первые дискуссии советской исторической науки представляли собой не научные, а скорее горячие революционные диспуты внутри марксистского крыла историографии. Они преследовали чисто политические и идеологические цели, которые были тесно связаны с задачами высшей и средней школы по марксистскому воспитанию», «отправляли в небытие многие клю-

чевые темы российской истории». «Политическая история приобрела совершенно гротескный характер», «зачастую искажалась сама суть исторического явления». Казалось бы, всё безнадежно и беспросветно. Но вот другое суждение. «В ходе этих дискуссий, пусть и под постоянным идеологическим прессом, апеллируя неукоснительно к авторитету основоположников марксизма-ленинизма, историки-марксисты излагали весьма пёструю гамму мнений, цитировали своих противников, включали в обсуждение вопросы, которые уже в то время вызвали недовольство Сталина и сталинской группировки. Наконец, при всей ожесточённости споров в 20-х гг. ещё не страдала личная безопасность историков. Расправившись со своими "буржуазными" и "мелкобуржуазными" противниками, они щадили друг друга»⁵⁷⁶. К этому же направлению в изучении дискуссий принадлежит Р.Г. Пихоя. Однако он попытался дать более выверенную оценку, которая «балансировала» их достижения и огрехи, дифференцировала сами дискуссии. Так, проработка Д.М. Петрушевского и его учеников проходила в разгромном стиле, недопустимом тоне и т. п. Однако она же вызвала у историков-марксистов интерес к проблемам феодализма, которые быстро оказались в центре их внимания⁵⁷⁷.

Историк-эмигрант П.Н. Милюков представил следующее любопытное суждение. Пока М.Н. Покровский разоблачал буржуазных историков, всё для него складывалось благополучно. Но когда он набросился на чуждый ему по идейному развитию лагерь марксистов, положение кардинально изменилось. В 1930–1931 гг. «студенты» перешли в наступление, уличив М.Н. Покровского в «безграмотностях», что он сам и признал⁵⁷⁸. С нашей точки зрения, оригинальная трактовка П.Н. Милюкова не лишена оснований, правда, стоит подчеркнуть, что обе спорящие стороны были представлены марксистами.

Дискуссии историков-марксистов 1920-х – начала 1930-х гг. рассматривались в советской историографии в основном в плане выявления в них положительных и отрицательных моментов, которые так или иначе уравнивались. В любом случае исследователи охотно констатировали, что результаты дискуссий – пройденный этап в науке, давно утратили актуальность т. п. В этом смысле её развитие в период сталинизма расценивалось довольно

позитивно. Современных историков больше интересует политико-идеологический компонент этих дискуссий. Учёные исходят из того, что его удельный вес был очень высок. Впрочем, утверждать, что данное мероприятие вообще не имело научного смысла, всё-таки не принято. Мы не будем останавливаться на рассмотрении хода дискуссий, их особенностей и т. п. Общая характеристика дискуссий дана историком В.Ю. Соколовым, занимавшимся ими весьма специализированно и на монографическом уровне⁵⁷⁹.

Несколько слов о школе М.Н. Покровского. В советской историографии под ней принято было понимать совокупность историков-марксистов, которые усваивали исторические знания, становились профессиональными историками в учебных заведениях высшего образования, функционировавших под его руководством, прежде всего в рамках Коммунистической академии, Института красной профессуры до начала 1930-х гг. О.Д. Соколов, например, так формулировал эту мысль: «Школой Покровского в 20-х годах стали называть группу профессиональных историков, его учеников и последователей, поставивших перед собой цель разработки с марксистско-ленинских позиций проблем отечественной и всемирной истории»⁵⁸⁰. Подобная трактовка представляется нам научно состоятельной. В то же время очевидна возможность более точного определения круга лиц, которых следовало бы отнести к этой школе. Речь идёт о пополнении критериев её выявления. В какой мере молодые марксисты в действительности разделяли основные положения исторической концепции М.Н. Покровского? Как менялось их отношение к своему учителю при его жизни? Нетрудно заметить, что ряд историков, вроде бы формально относившихся к его школе, либо принципиально и жёстко полемизировали с ним, либо вообще превратились в его противников (С. Дубровский, П. Дроздов, И. Минц, С. Пионтковский, А. Сидоров и др.). Более обстоятельно этот вопрос рассмотрен в докторской диссертации А.Н. Артизова⁵⁸¹.

А.Л. Шапиро, полемизируя с М.Е. Найдёновым по поводу значения ленинского наследия в советской историографии 1920-х гг., резонно уточнил, что школа М.Н. Покровского появилась только в середине этого десятилетия⁵⁸².

Ещё хотелось бы отметить, что не все историки признавали наличие самой школы М.Н. Покровского, поскольку его концепция «была столь уязвима и с научной, и с политической точек зрения, что не могла служить основой научной школы»⁵⁸³. Е.Н. Городецкий занял промежуточную позицию в данном вопросе: признал существование учеников М.Н. Покровского, но несколько усомнился в «реальности» его школы. Чем это вызвано? Дело в том, что ученики стремились «поспорить со своим учителем и переосмыслить его положения»⁵⁸⁴. Иными словами, им не хватало единства, однозначности, последовательности и т. п.

В апреле 1929 г. в ИКП прошли три заседания, на которых обсуждалась общая концепция М.Н. Покровского. А. Ломакин, выступавший 12 апреля, назвал её недиалектической, схоластической, преувеличивающей роль торгового капитала, а гипертрофию этого последнего – главной её «болезнью»⁵⁸⁵.

Мы сосредоточились на тех дискуссиях, материалы которых были опубликованы. Следовательно, они на тот момент в максимальной степени отражали позиции участвовавших в них историков-марксистов, в том числе и в отношении М.Н. Покровского. Рассматриваемые сборники носили установочный характер для тех учёных, которые занимались какими-то менее общими вопросами. Они подводили некие промежуточные итоги усвоения формационной теории и намечали контуры дальнейшего развития темы. Всё это свидетельствует об их особой значимости.

Важным отправным пунктом для активизации научно-исторических изысканий в данной области послужила знаменитая в своё время книга С.М. Дубровского «К вопросу о сущности "азиатского" способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». С одной стороны, она отражала и результировала определённый этап усвоения молодыми историками-марксистами формационной теории исторического процесса в его классическом исполнении, а также степень изученности, проработанности ими всемирной истории, с другой – была реализацией их претензий на самостоятельные авторские построения в фундаментальных вопросах исторической науки. Основные положения концепции С.М. Дубровского прошли определённую апробацию и вызвали широкие прения среди его коллег, что, конечно, весьма

повлияло на опубликованное исследование. Автор, несомненно, претендовал на то, чтобы сказать новое слово в марксистской историографии, заявить нечто иное, отличающееся от концепции М.Н. Покровского, являющееся по сравнению с ней следующим шагом в развитии науки. Однако, вместе с тем, С.М. Дубровский не только не собирался порывать с построениями своего учителя, но устанавливал с ними теснейшую преемственную связь вплоть до попыток устранения естественно возникавших противоречий. Он явно рассчитывал, по крайней мере, на благожелательное отношение со стороны главы исторического фронта.

Сначала приведём историческую периодизацию, предложенную С.М. Дубровским. На основе работ классиков марксизма он выделил следующие способы производства и хозяйственные уклады:

«1. **Хозяйство первобытного общества.** <...>

2. **Патриархальное**, то есть в значительной степени натуральное хозяйство, когда крестьянское хозяйство работает только на себя.

3. **Рабовладельческое хозяйство**, которое, по словам Маркса, "проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитывающей преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок".

4. **Феодальное хозяйство**, при котором... преобладает хозяйство непосредственных производителей, у которых натуральное земледелие соединено с домашней промышленностью, причём в рамках этого хозяйства создаётся и необходимый, и прибавочный продукт. Основой же эксплуатации является взимание землевладельцами ренты, главным образом ренты продуктами, частично денежной... и лишь частично отработочной. Города эпохи феодализма характеризуются ремесленным цеховым строем, основанным на мелком производстве.

5. **Крепостное хозяйство**, при котором основой производства является барщинное хозяйство, ведущееся трудом закрепощённых крестьян, хозяйство которых является лишь только придатком к помещичьему барщинному производству. Основой эксплуатации является отработочная рента и лишь частично рента продуктами и денежная.

6. Хозяйство мелких производителей, которое... основано на "свободной парцеллярной собственности крестьян с собственным хозяйством".

Эта форма как господствующая... образует, с одной стороны, экономическую основу общества в лучшие времена классической древности, а с другой стороны, мы встречаем её у современных народов как одну из форм, возникающих из разложения феодальной земельной собственности... На указанном... способе производства в основном базировался и ремесленный городской строй.

7. Капиталистическое хозяйство, которое включает все основные виды капитализма: торговый, ростовщический, промышленный, кредитно-банковский, далее последнюю стадию... империализм и, наконец, его специфическую форму, государственный капитализм в условиях империализма, а также и в условиях переходного периода, в условиях диктатуры пролетариата. Нужно, понятно, указать, что торговый и ростовщический капитал не создают своих особых способов производства, а эксплуатируют все иные... способы производства.

8. Хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму – эпохи диктатуры пролетариата.

9. Социалистическое хозяйство.

10. Хозяйство эпохи мирового коммунизма».

По мнению С.М. Дубровского, каждый из этих укладов может стать господствующим, образовав тем самым общественно-экономическую формацию. За исключением последних трёх, они отнюдь не в обязательном порядке присутствуют в истории той или иной страны, поэтому каждое общество в процессе своего развития прошло через своеобразную комбинацию, последовательность укладов и формаций⁵⁸⁶. Даже в случае согласия с приведённой схемой очевидно, что она не была доведена автором до логического конца. Если взять его работу в целом, то неизменными величинами в этом социологическом «уравнении» вполне можно считать, например, первобытность и феодализм. Да и приведённый здесь перечень укладов (способов производства) не является окончательным. В тексте упоминаются патриархально-родовой уклад, простой товарный способ производства⁵⁸⁷. Складывается впечатление, что не все упомянутые уклады в состоянии образовать ка-

кую-либо формацию. Так, по С.М. Дубровскому, пока существуют землевладельцы, имеют место рабская, феодальная, крепостная и капиталистическая формации.

Ещё сложнее приходится здесь торговому капитализму. Хотя декларативно он отнесён лишь к капиталистическому укладу, его следы обнаруживаются и в ряде предшествующих укладов. Это могло бы указывать, например, на процесс генезиса торгового капитализма, но С.М. Дубровский такого обобщения не сделал.

С одной стороны, он вроде бы признаёт торговый капитализм особым общественным укладом, пусть и как разновидность капиталистического, но с другой – специально оговаривается, что торговый капитализм не соответствует определению уклада, данному им самим. Пожалуй, единственным выходом из этой коллизии было бы признание того, что оригинальным укладом является лишь капиталистическое хозяйство в целом, в совокупности всех его видов. На примере Англии С.М. Дубровский показывает, что возможен переход от феодализма, минуя крепостничество как формацию, к капитализму, но не вообще, а сначала к торговому и лишь потом к промышленному⁵⁸⁸. Следовательно, на начальном этапе своего развития капиталистический уклад выступает в форме торгового капитализма.

Очевидно, что, по С.М. Дубровскому, торговый капитализм занимает определённое место в анализируемой схеме, являясь при этом не формацией, не укладом, а чем-то третьим, что никак не было обозначено, но к ним весьма близко по своему масштабу. Господство торгового капитала «в чистом виде» он обнаруживает в финикийских городах, русских вольных городах «эпохи русского феодализма», немецкой Ганзе, Венеции, Генуе, Флоренции и т. д. Это ещё можно принять за эпизод, нечто сугубо локальное, фрагментарное. Однако «к господству купеческого капитала Маркс относит и первый этап так называемого колониального хозяйства, колониальной системы, к которой он относит, в частности, хозяйство старой голландской Ост-индской компании». Более того, этот «чистый вид» торгового капитала изживает себя лишь «в эпоху промышленного капитала».

Подобно М.Н. Покровскому, его ученик рассматривал торговый капитализм как явление и как систему, но с определёнными

ми уточнениями. В первом случае он понимал торговый капитализм как нечто, находящееся в рамках какой-то другой системы, определяемой, например, как докапиталистическая, может быть, даже крепостническая. Во втором случае С.М. Дубровский охотно трактовал торговый капитализм как соединение торгового капитала с тем или иным способом производства, но с оговоркой, что не торговый капитал определяет сущность этой системы. Впрочем, за торговым капиталом учёный признавал и системообразующую роль, как мы это видели на примере Ганзы, европейского колониализма и многого другого. Систему торгового капитализма историк в основном квалифицировал как уклад, поясняя, что вся докапиталистическая система не может быть торгово-капиталистической, но, в свою очередь, она распадается на две части – реакционную и прогрессивную. В качестве первой выступает феодально-крепостная система, в качестве второй – торговый и затем производственный капитал «на свободной от феодально-крепостнического строя почве»⁵⁸⁹. Кстати, здесь просматривается возможность перехода уже от крепостничества к торговому капитализму.

Слабостью схемы С.М. Дубровского является отсутствие в ней жёсткой хронологической привязки укладов к определённым историческим эпохам. Некоторое исключение составляет история России. Но и здесь особенно «не повезло» капиталистическому укладу со всеми его видами, между тем как хронологические рамки феодализма и крепостничества обозначены довольно ясно⁵⁹⁰.

Ссылаясь на Маркса, С.М. Дубровский объединяет докапиталистические способы производства в докапиталистическую формацию на том основании, что у этих способов производства имеются общие признаки, среди которых «натуральное земледелие, соединённое с домашней промышленностью». На этой базе развиваются, иногда сосуществуют патриархальное, феодальное, крепостническое хозяйства и «рабская система»⁵⁹¹. Согласно концепции учёного, торговый и ростовщический капитал играет в них существенную роль, которая возрастает при переходе от одной формации к другой, включая капиталистическую, чему мы видим множество доказательств. Торговый капитал проникает в поры докапиталистического общества и хозяйства, цементирует их⁵⁹². Возможно, поэтому трудно ассоциировать торговый капитализм с ук-

ладом, ведь торговый капитал пронизывает всю экономику, а не присутствует на каком-то отдельном её участке. Он произрастает, скорее, из связей любого хозяйства с рынком, а не специально из хозяйства товарного. Подтверждением «трансформационного» характера торгового капитализма в интерпретации С.М. Дубровского служит его тезис о том, что «развитие крепостного хозяйства, по сравнению с феодализмом, означает новый этап в развитии торгового капитализма, новый шаг в развитии денежного и товарного хозяйства»⁵⁹³.

Историк не только не замалчивал и не преуменьшал роль торгового капитала в истории, но и с завидной регулярностью её подчёркивал, в том числе и как самостоятельную, порой «забывая» о феодализме и крепостничестве, например, по вопросу об особенностях исторического развития России⁵⁹⁴.

С.М. Дубровский коснулся и социального содержания торгового капитализма. Историк полагал, что в нём участвовали не только купцы, но и помещики, чиновники. Причём удельный вес последних групп в этой системе на определённом этапе её развития в России был выше, чем у торговой буржуазии. Таким образом, учёный мог доказать, что в крепостническую эпоху и в сфере торгового капитализма ведущую роль играли землевладельцы. Вместе с тем С.М. Дубровский подчеркнул, что эти классы не были отделены друг от друга непроходимым барьером, между ними имело место взаимопроникновение и т. п.⁵⁹⁵ Очевидно, что данные выводы соответствовали взглядам М.Н. Покровского на социальную структуру русского общества при торговом капитализме.

С.М. Дубровский затронул также вопрос о социальной природе русского самодержавия, указав, что его создали не купцы, а помещики-крепостники, хотя и в условиях складывания национального рынка, товарного хозяйства и другого, без чего появление абсолютизма было бы невозможно. И в этом пункте трудно обнаружить противоречие с соответствующей концепцией М.Н. Покровского. Правда, здесь не обошлось без курьёза. Признав «утверждение о диктатуре торгового капитала... неправильным», С.М. Дубровский заявил, что, будучи «первыми купцами» своей страны, феодалы и крепостники «в лице своей верхушки» «командуют государством не в качестве купцов... а... в качестве

непосредственных владельцев средств производства». Иными словами, приступая к «командованию», они абстрагируются от натурального и товарного хозяйства, подавляя в себе торговых капиталистов. Кстати, считая крепостников главными организаторами торгового капитализма и со стороны товарного хозяйства, и со стороны обмена, С.М. Дубровский честно повторяет тезис о русских царях XVI–XVII вв. как о первых купцах и ростовщиках. Это его не смущает, поскольку, как мы уже поняли, приступая к управлению государством, они были в первую очередь крепостниками.

С.М. Дубровский повторил известное марксистское положение о том, что торговый капитал является необходимой и существенной, но недостаточной предпосылкой наступления капиталистического способа производства. Когда торговый капитал соединяется с прочими предпосылками капитализма, он работает на образование новой формации, в противном случае он консервирует старую. Правда, здесь историк недооценил то обстоятельство, что по мере продвижения к капитализму торговый капитал вновь преобразуется и борется за сохранение феодализма и крепостничества⁵⁹⁶. С.М. Дубровский признавал, что один и тот же уклад может существовать в разных формациях, необязательно перерастая в очередную формацию. «Маркс, резко критикуя, например, Моммсена за то, что тот употребляет термин капитализм отнюдь не в смысле экономики современного общества, однако, допускал возможность капиталистического способа производства в античной Сицилии». Нетрудно заметить, что это касалось и торгового капитализма, ибо «можно привести целый ряд мест из работ Маркса и Энгельса о значительном развитии в древнем мире торгового и ростовщического капитала»⁵⁹⁷. С этим можно согласиться, но с одним принципиальным уточнением. Данное положение не является универсальным. Например, промышленный капитализм вырастает до уровня особого общественного уклада только в условиях перехода от феодальной формации к формации капиталистической.

С.М. Дубровский отметил, что классики марксизма нигде не писали «об эпохе торгового и ростовщического капитала», «о господстве торгового и ростовщического капитала» и другом, поскольку он наблюдался в разных докапиталистических формации-

ях. Учёный предложил в этой связи такую формулу: «Торговый капитал был в эпоху нового времени героем первоначального накопления». Понятно, что термин «эпоха нового времени» является не более марксистским, нежели «эпоха торгового капитала». А вот догадка о соотношении торгового капитализма с периодом первоначального накопления капитала оказалась провидческой.

Впрочем, С.М. Дубровский был достаточно сведущ в марксизме, чтобы понимать, как много вполне «торгово-капиталистических положений» в нём содержится. Видимо, опасаясь, очередного «обвала» цитат, историк сработал на опережение, в ходе чего даже стал «поправлять» классиков. «Как видим, Ленин подчёркивает, что **руководителями и хозяевами процесса обмена между областями с постепенно растущим товарным обращением, с концентрированием небольших местных рынков в один все-российский рынок были капиталисты-купцы, и что именно эти национальные связи были связями буржуазными.**

Однако, как неоднократно подчёркивал Ленин далее, именно **на основе этих буржуазных связей создано не государство торговой буржуазии... а диктатура крепостников**». Почему? Торговый капитал даёт «сильный толчок развитию производства». Но «захватывает только сферу обмена. Он не захватывает сферы производства». Между тем известно, что торговый капитал легко подчиняет себе мелкого товаропроизводителя, о чём при рассмотрении конкретных сюжетов не раз писал и сам С.М. Дубровский⁵⁹⁸, причём в достаточно широком смысле. «Феодальный строй... довольно сложен», в нём мы имеем в том числе «уже развившийся торговый и ростовщический капитал, который захватывает преимущественно сферу городов и лишь частично, через местный рынок, и сельское хозяйство»⁵⁹⁹.

Симптоматично, что С.М. Дубровский не забыл поинтересоваться и мнением И.В. Сталина. Он обратил внимание на «место из речи т. Сталина» на X съезде партии о разных путях образования централизованных государств в Западной и Восточной Европе, в котором говорится «только о том, что образование централизованных государств было ускорено потребностями самообороны». С.М. Дубровский подметил склонность И.В. Сталина к возвеличению исторической роли государства и «любезно» со-

единил всё это с марксизмом, так как «всякое надстроечное явление, как само государство, так, например, и его внешняя политика и, в частности, военная политика могут иметь обратное влияние на экономический базис в смысле замедления или ускорения процессов экономического развития». При этом на Западе централизованное государство создавалось на базе капиталистического способа производства, а на востоке Европы – крепостнического⁶⁰⁰. Это как раз тот случай, когда «забвение» торгового капитализма значительно «размывает» и точность вывода, и очертания эпохи, поэтому речь здесь следовало вести о взаимосвязи политической централизации с генезисом капитализма на разных его ступенях и процессами закрепощения (раскрепощения).

С.М. Дубровский дал высокую оценку вкладу М.Н. Покровского в марксистскую историографию, но, конечно, не мог оставить без внимания его концепцию торгового капитализма. Особенно вдохновляло С.М. Дубровского то, что концепция М.Н. Покровского «предусматривала» и феодализм, и крепостничество. Единственное, что должно было беспокоить С.М. Дубровского, это несомненное выделение М.Н. Покровским торгового капитализма как эпохи и системы, казалось бы, формационного уровня. Первый подошёл к этому вопросу очень осторожно. Сначала С.М. Дубровский нашёл, что М.Н. Покровский «очень хорошо выяснил роль торгового и ростовщического капитала в конкретных условиях дореволюционной России», а затем подчеркнул, что под строем торгового капитала, о котором также писал Михаил Николаевич, «надо понимать торговый капитал в порах, как Маркс выражался, крепостного хозяйства»⁶⁰¹. По нашему мнению, это не противоречит пониманию торгового капитализма М.Н. Покровским. Ещё одна проблема состояла в том, что в исторической концепции М.Н. Покровского крепостничество никак не подходило на роль формации. В связи с этим С.М. Дубровский искал аргументы, позволявшие сблизить трактовку крепостничества им и М.Н. Покровским. «Например, утверждение М.Н. Покровского о борьбе торгового и промышленного капитала в дореволюционной России мы понимаем как борьбу за капиталистический способ производства против крепостнического», то есть в данном случае было бы ошибкой думать, что борются «торговый купече-

ский капитал» и «промышленная буржуазия». С.М. Дубровский вообще трактовал такого рода конфликт как противостояние купцов и промышленников в средневековом европейском городе или «разных групп буржуазии» внутри одного класса. При переходе от крепостничества к капитализму идёт другая борьба – «крестьянства под руководством пролетариата» с крепостниками «за буржуазный способ производства ("американский путь развития")»⁶⁰². Здесь С.М. Дубровский «перескочил» через один из этапов исторического развития, когда торговый капитал, по крайней мере количественно, превосходил промышленный. К тому же несомненно, что у субъектов торгового и промышленного капитала были в том числе и разные интересы. «И когда М.Н. Покровский говорит о власти в России торгового капитала, о царском самодержавии как его форме, то это надо понимать как диктатуру крепостников»⁶⁰³ на том хотя бы основании, что они имели не меньшее отношение к торговому капитализму, чем купцы. В этом вопросе авторы были вполне солидарны. Однако понятно, что подобного рода сентенциями вытеснить торговый капитализм с его позиций было невозможно.

Кого же С.М. Дубровский подверг критике в части «торгового капитализма»? Во-первых, тех товарищей, которые очень часто в отношении докапиталистической эпохи употребляли термин «эпоха торгового капитала». Сам историк предлагал использовать названия соответствующих формаций. Во-вторых, А.А. Богданова, писавшего «об особом "торгово-капиталистическом производстве" почти в смысле особого способа производства». Мнение С.М. Дубровского, судя по всему, здесь сводилось к тому, что торгово-капиталистическое производство развивалось на базе различных способов производства и с этой точки зрения не являлось специфическим. Затем последовали троцкисты, которые «в отношении предреволюционного и современного Китая весьма часто» говорили о нём «как о стране господства торгово-ростовщического капитала»⁶⁰⁴. Здесь мы видим отголосок настойчивых попыток советских историков установить характер революционного процесса в этой стране.

Косвенно «досталось» Н.А. Рожкову за то, что он, выделяя феодализм, на первый план выдвигал степень «денежности, то-

варности хозяйства». Согласно построениям С.М. Дубровского, более высокая степень «рыночности» крепостного хозяйства по сравнению с феодальным имела существенное значение, однако, с его точки зрения, не являлась основным критерием, отличавшим их друг от друга⁶⁰⁵. Ведь крепостное хозяйство могло быть и натуральным.

Действительно, С.М. Дубровский заменил торговый капитализм крепостничеством. Однако на самом деле в рамках его концепции речь шла в большей степени о простом переименовании одной и той же общественной системы. Не случайно историк легко соглашался с тем, что при крепостничестве был и торговый капитализм. Вероятно, желая избежать чистой «богдановщины» – «выпячивания» обмена, учёный решил использовать для обозначения определённого состояния общества термин, связанный с производством, – «крепостное хозяйство». С нашей точки зрения, С.М. Дубровский ошибся в другом пункте: объявил крепостничество формацией и выдвинул отработочную ренту известного уровня зрелости в качестве её критерия. Впрочем, эта операция к М.Н. Покровскому уже точно не имела никакого отношения.

С.М. Дубровский хорошо понимал разницу между торговым капиталом и торговым капитализмом. Он охотно констатировал, что торговый капитал присутствовал в разных эпохах, формациях и другом, но не раскрыл процесса его перерастания в торговый капитализм. Очевидно лишь, что в России он возник где-то в рамках феодализма примерно в тех же хронологических координатах, что и в концепции М.Н. Покровского. Да и сущность торгового капитализма С.М. Дубровский трактовал так же, как его учитель: «Торговый капитал в России XVII–XIX вв. находился в непосредственном сочетании с крепостным, а со второй половины XIX века с полукрепостным хозяйством»⁶⁰⁶.

Складывается впечатление, что С.М. Дубровский взял за основу своих построений прежнюю марксистскую концепцию отечественной истории, которая была создана прежде всего М.Н. Покровским, развивалась, дополнялась его соратниками, последователями в 1920-е гг. И уже на неё, в том числе и на торговый капитализм, у С.М. Дубровского наслаивались собственные построения, например крепостническая формация и др. С одной стороны, он

достаточно определённо заявлял, что торговый капитализм не является укладом-способом производства, с другой – вполне допускал такое развитие событий. По его мнению, феодализм переплетался с иными укладами. «При феодальном строе большую роль играют города с их ремесленным строем, а также торговый и ростовщический капитал». В то же время торговый капитализм «при крепостничестве делает значительный шаг вперёд по сравнению с феодализмом»⁶⁰⁷. В результате статус торгового капитализма в схеме «способ производства – уклад – формация» остался непрояснённым. Проблема исследования этого учёного состояла в том, что ему не удалось гармонично сочетать данные построения с тем же торговым капитализмом и пр. Вместе с тем нельзя не признать, что те поправки и уточнения, которые С.М. Дубровский вольно или невольно вносил в концепцию торгового капитализма, те пояснения, которые он давал, соответствовали, во всяком случае по своей направленности, эволюции исторической концепции М.Н. Покровского.

Сразу после выхода книги С.М. Дубровского в 1929 г. дискуссия вокруг его концепции разгорелась с ещё большей силой. Этому способствовало то обстоятельство, что на прошедшей в том же году конференции аграрников-марксистов она подверглась осуждению, в том числе политического характера. К тому же в стране продолжалась жёсткая внутривластная идеологическая борьба о путях дальнейшего строительства социализма.

Одно из наиболее принципиальных, значимых и представительных обсуждений «схемы» С.М. Дубровского прошло в Институте красной профессуры. Его стенограмма была опубликована.

В качестве главного докладчика выступил И.И. Минц. С.М. Дубровский защищал свою точку зрения и возражал ему в содокладе, обоим было предоставлено заключительное слово. Остальные участники дискуссии выступали в прениях.

Сразу же отметим, что проблематика торгового капитализма оказалась в центре их внимания. Все выступавшие решительно и однозначно отвергли точку зрения о том, что торговый капитализм является формацией. Все признали большую роль торгового капитала в эволюции докапиталистических формаций, в процессе перехода от феодальной формации к капиталистической.

Вполне обнаружился отход исследователей от использования терминологии торгового капитализма. Прежние его определения были признаны неудовлетворительными, а нового предложено не было. В остальном имели место серьёзные разногласия.

Советские учёные не приняли формационную схему С.М. Дубровского, но не пришли к единому мнению по вопросам о признаках общественно-экономической формации, соотношении формации и уклада. В этом они не пошли дальше своего главного оппонента. М. Персов с грустью констатировал: «У нас давно, в частности М.Н. Покровским, была поставлена задача изучения Ленина как историка. Вспоминая эту задачу и то, что было здесь сказано, надо прийти к выводу, что мы в деле реализации этой задачи ушли очень недалеко. Ленина как историка мы пока ещё не знаем, об этом свидетельствуют происходящие прения»⁶⁰⁸.

С.М. Дубровский от своей концепции не отказался, настаивал на своих основных выводах и даже обещал их развить в дальнейших исследованиях⁶⁰⁹. Поначалу у него даже было несколько сторонников: Б. Граве, А. Сидоров и Тайц. Например, П. Дроздов утверждал, что А. Сидоров называл крепостничество формацией⁶¹⁰.

В ходе дискуссии её участники пришли к выводу о том, что между формациями отсутствуют какие-либо не входящие в них эпохи, периоды и другое, что в полной мере относится и к смене феодализма капитализмом. Переходные периоды, конечно, существуют, но они включены в сменяющие друг друга формации. Было признано, что эти периоды не следует характеризовать как торговый капитализм. Имело место понимание того, что «примыкающей» к новой формации части старой присуще большое своеобразие. Следовательно, завершающий этап существования той или иной формации заслуживает некоего специального анализа и обозначения. В качестве таковых предлагались, например, поздний феодализм и то же крепостничество (М. Зоркий). В этой связи представляет интерес точка зрения Ц. Фридлянда о том, что крепостничество является своего рода феодализмом периода генезиса капитализма, иначе говоря, феодализмом, подвергающимся воздействию со стороны капитализма⁶¹¹.

Кроме того, было очевидно, что важнейшим процессом на данном этапе был генезис капитализма, который до появления

соответствующей формации проходит длинный путь развития и достигает качественно определённых форм вплоть до их превращения в преобладающий социально-экономический уклад. Данную стадию эволюции общества также следовало изучать во взаимосвязи с феодальной средой и теми её фрагментами, которые готовили зарождение капитализма, а затем «подталкивали» их продвижение вперёд.

Сначала рассмотрим основные предложения, которые в связи с этим возникли. Их было два. Реже встречалась идея назвать этап генезиса капитализма «периодом первоначального накопления капитала»⁶¹². Она была встречена благожелательно, возражений не вызвала, но и особого энтузиазма по этому поводу участники дискуссии почему-то не обнаружили. Оригинальную концепцию предложил Д. Кунииский. Он полагал, что частью эпохи первоначального накопления капитала является стадия торгового капитала. Более того, он заметил, что переходный период от феодализма к капитализму есть своеобразная «сумма» первоначального накопления и торгового капитала. Нетрудно заметить, что в этом случае выходит «натуральный» торговый капитализм, в чём Д. Кунииский честно и признался, предусмотрительно вооружившись цитатами из К. Маркса. В. Касименко, оппонируя Д. Куниискому, заметил, что нельзя отождествлять первоначальное накопление и торговый капитал, так как первое включает в себя и другие элементы, без которых «вы получите... "испанский" путь развития, Голландию, но не промышленный капитализм»⁶¹³. Следует признать, что позиция Д. Кунииского в данном комментарии была изрядно искажена, но его намерения поняты правильно.

Второе предложение заключалось в том, чтобы переход от феодализма к капитализму обозначить как «мануфактурный период». Однако эта мысль встретила обоснованные возражения. У одних авторов данный период увязывался с торговым капиталом. Мануфактурный период провозглашался системой, «в которой торговый капитал выступает в своей прогрессивной роли. <...> Там, где на основе развития общественного разделения труда сложились соответствующие условия, там в системе мануфактуры... торговля революционизирует промышленность, купеческий капитал ведёт вперёд, сам в процессе этого движения перерастая в

промышленный». Другие (а иногда, что удивительно, те же самые) учёные, напротив, считали, что «мануфактурный период» составляет альтернативу торговому капитализму (М. Зоркий, В. Касименко). Наиболее ярко апология мануфактурного периода проявилась у В. Касименко. Он обосновывал всеобъемлющий характер этого периода, ссылаясь, например, на то, что мануфактура влияла на другие сферы хозяйства. Таким образом, то, что раньше относилось к торговому капиталу, присваивалось мануфактурному производству. Только понимание особенностей «мануфактурного периода позволит понять действительное место торгового капитала в истории, процесс возникновения и развития капитализма»⁶¹⁴. Отвлекаясь от этой полемики, Д. Кунисский и Ц. Фридлянд резонно замечали, что «мануфактурный период» – слишком узкое, ограниченное историческое явление для того, чтобы ассоциировать с ним весь переходный период от феодализма к капитализму.

Ц. Фридлянд считал, что торговый капитализм лучше подходит на эту роль. «Утверждение Маркса и Ленина о том, что способ производства определяет роль и удельный вес торгового капитала в историческом процессе, отнюдь не противоречит указанию на решающую роль в известных условиях торгового капитала за весь переходный период от феодализма до возникновения промышленного капитализма». Он даже выделил три фазы в рамках этого периода в прямой зависимости от торгового капитализма (торговля в соединении с производством). Д. Кунисский был ещё более категоричен. «Слова Маркса подтверждают тот факт, что мануфактура не играла никакой самостоятельной роли, и поэтому говорить о длительном и самостоятельном периоде мануфактуры нельзя». Г. Толмачёв «догадался», что выдвижение мануфактурной стадии является предлогом для выведения торгового капитала из «оборота» исторической науки. Наша точка зрения состоит в том, что мануфактурный период имел место в развитии промышленности, особенно капиталистической. Но и в этих условиях перевес был сначала на стороне простого товарного производства, а затем капиталистической фабрики. Как верно заметил И.И. Минц, мануфактурный капитализм не является стадией капиталистической формации, а сторонники его «расширенного» понимания фактически конструируют какую-то новую промежуточную формацию⁶¹⁵.

Высказывались и другие предложения. Ц. Фридлянд активно отстаивал идею, если можно так выразиться, о непосредственном перерастании феодализма в капитализм («глубочайшие противоречия» внутри «феодально-экономической формации», глубочайшая капитализация-товаризация остающегося в основе своей феодальным хозяйства). Её рациональное зерно заключалось в том, что тогда не будет нужды переходный период как-то называть и затем устраивать горячие споры о терминах, выслушивая идеологически «небезопасные» нарекания, а вот выявлять содержание этого периода «борьбы противоположностей» необходимо. И здесь без торгового капитала не обойтись, что, кстати, показала попытка его рассмотрения самим Ц. Фридляндом. Если результировать его высказывания, то их можно свести к тому, что он заменил торговый капитализм «просто» капитализмом. Ведь этот термин мог включать в себя и торговый (в фазе распада феодализма и зарождения капитализма), и промышленный капитализм. Менее конкретной представляется мысль В. Гуляева, который предложил обозначить данный период как этап общественного разделения труда и складывания международных хозяйственных связей. Думается, уже никого не удивит то, что и он не избежал торгово-капиталистического уклона. «Новое нужно видеть в общественном разделении труда, которое, начиная с XVI в., приводит в конечном счёте к разложению старого способа производства. Как быстро будет развиваться это новое явление, зависит теперь не только от торгового капитала, который в одинаковой степени может подчинить себе и старый, и новый способ производства и даже задерживать развитие последнего, а от состояния мировой торговли и промышленности»⁶¹⁶. И действительно, пока капитал не стал всеобщей формой производства, торговый капитал в целом не столько обслуживает промышленный, сколько подчиняет его нуждам торгового капитализма.

Как мы имели возможность убедиться, сторонники «торгового капитализма» не на словах, а на деле не спешили складывать оружие. Д. Кунисский настаивал, что «торговый капитал создаёт предпосылки для развития капиталистического способа производства, создаёт рабочую силу, капитал и этот процесс создания основных условий развития капиталистического способа произ-

водства есть эпоха торгового капитала». Таким образом, торговый капитализм фиксировался как период в истории. Оппоненты реагировали весьма бурно. «Ряд товарищей, отказавшись от теории "торгового капитализма", выдвигают её заместителем "эпоху торгового капитала". <...> Будет неплохо, если на нашей дискуссии мы заодно с концепцией Дубровского прикончим и эту концепцию». Любопытно, что В. Касименко обнаружил её слабое место по сравнению с тем же «торговым капитализмом». Ведь основу эпохи составлял именно торговый капитал, который не только существовал, но и достигал высокого уровня развития с «глубокой древности» до промышленной революции. Следовательно, она «носит такой всеобъемлющий характер, что перестает что-либо говорить»⁶¹⁷. Впрочем, этот недостаток преодолевался, если бы советские историки-марксисты создали «теорию» эпохи торгового капитала. Вместе с тем сохранялось понимание торгового капитализма и как системы. Например, И.И. Минц, который наиболее развернуто представил эту точку зрения, полагал, что торговый капитал, по-разному соединяясь с докапиталистическими формами производства, порождал различные хозяйственные структуры. Он соглашался с тем, что торговый капитал способен развить старые производственные отношения «в целую систему». С развитием купеческого капитала складываются особые общественные отношения. Г. Толмачёв указал на изменчивость феодализма под влиянием торгового капитала⁶¹⁸. Следовательно, в нём могут быть формы в том числе и торгового капитализма.

Большое внимание участники дискуссии уделили «истории вопроса», то есть установлению идейных корней концепции торгового капитализма, которая теперь квалифицировалась как немарксистская. В результате был выявлен достаточно полный перечень «ответственных», который эксплуатировался и на последующих этапах развития отечественной исторической науки. Первые места в этом списке были отданы А.А. Богданову (иногда упоминаемому в паре со своим соавтором И.И. Скворцовым-Степановым), Н.А. Рожкову и П.Б. Струве. Сколько-нибудь подробного рассмотрения в этом контексте удостоились первые двое, третий проходил по линии пресловутого «струвизма». Советские марксисты-«теоретики» «торгового капитализма» обвинялись в том, что

они руководствовались методологией вышеупомянутых авторов и принадлежали к представляемым ими направлениям в науке. Это происходило в основном потому, что молодые историки в начале и середине 1920-х гг. поверхностно знали марксистское учение и плохо отличали друг от друга положения тех авторов, которые занимались экономической историей, да ещё к тому же придерживались относительно левых политических взглядов. Те участники дискуссии, которые давали себе труд более или менее подробно рассмотреть взгляды А.А. Богданова и Н.А. Рожкова, были более осторожны и точны в своих выводах. Они утверждали, что А.А. Богданов и Н.А. Рожков оказали определённое влияние на советских марксистов и т. п. Но даже эти исследователи не указали, какие конкретно идеи двух указанных авторов были заимствованы апологетами «торгового капитализма» с обязательными отсылками к произведениям последних.

Реже упоминались буржуазная и меньшевистская русская, западная историографии начала XX века (совокупно), А. Допш, Г. Зивекинг, П.И. Лященко, А.И. Неусыхин как ученик Д.М. Петрушевского.

И.И. Минц находил, что в основе разбивки С.М. Дубровским русской истории на формации, лежит богдановская схема⁶¹⁹. Последний утверждал, что сам И. Минц стоит «на богдановско-рожковских позициях». Кстати, С. Дубровский был тем историком, который в рамках настоящей дискуссии сколько-нибудь подробно остановился на воззрениях А.А. Богданова по поводу торгового капитализма. Он неожиданно обнаружил в «Курсе политической экономии» А. Богданова и И. Степанова отличное от своего собственного и вполне марксистское понимание феодализма и крепостничества, сложившееся не без помощи торгового капитала. Они «рассматривали крепостничество как переходную форму от натурального хозяйства к денежному капиталистическому хозяйству. Они рассматривали крепостничество лишь как этап в развитии феодализма, лишь как утверждение феодализма, лишь как особую форму приспособления феодалов к новым экономическим отношениям, именно к развитию торговли и торгового капитала». Соавторы не считали феодализм и крепостничество разными формациями и присваивали второму свойства первого.

А.А. Богданов писал о способе производства, эпохе и строе торгового капитализма. Если у С.М. Дубровского торговый капитал и другое «скрывались» за фасадом крепостничества, то у А.А. Богданова, наоборот, всё крепостническое «скрывалось» в торговом капитализме. По утверждению С.М. Дубровского, построения А.А. Богданова дали толчок появлению ошибочных теорий ряда советских историков (например, о капиталистическом характере крестьянских выступлений в крепостную эпоху), многие его антимарксистские построения получили среди них распространение⁶²⁰, хотя в целом, как мы уже отмечали, такая историографическая «деликатность» не была поддержана участниками дискуссии.

Так, А. Ломакин полагал, что сторонники концепции торгового капитала в её создании руководствовались богдановской методологией. М. Зоркий уточнил, что А.А. Богданов и самостоятельно, и совместно с И. Степановым расположил между феодализмом и капитализмом три «промежуточные общественные формы... 1) крепостная система, 2) ремесленно-цеховой строй, 3) торговый капитализм». Торговый капитал А.А. Богданов также относил к одной из последовательно сменяющих друг друга социальных форм в истории Европы. Здесь остаётся неясным соотношение этой схемы с формационной теорией. Ведь можно предположить, что А. Богданов считал торговый капитализм некоей «формой», находящейся в рамках той или иной формации, её подсистемой, структурным подразделением. В его основе лежало господство торгового капитала над производством. Иными словами, торговый капитализм превращался в систему там, где торговый капитал занимал исключительное положение в строе экономических отношений. Однако в этом случае скрадывалось то, что в капитализм переходит именно феодализм. М. Зоркий сожалел, что советские историки либо по-прежнему находятся в плену богдановской концепции (С. Дубровский), либо медленно из него освобождаются (И. Минц). По поводу первого он резонно заметил, что, вместо одной, так сказать, классической «богдановщины», С.М. Дубровский «соорудил» другую, собственного изобретения. М. Зоркий на ряде примеров верно показал, что тот гораздо ближе к «торговому капитализму», чем ему кажется. В этом с ним солидаризировался А. Ломакин, считавший, что С.М. Дубровский прибег к

«торговому капитализму» с целью спасения своей «тонущей» крепостнической формации. И.И. Минца же М. Зоркий предупредил, что только полный отказ от «торгового капитализма» означает изживание «богдановщины» и «дубровщины». «Примирительную» позицию попытался занять А. Шестаков. Он не отрицал, что концепцию С.М. Дубровского следует критиковать, но делать это нужно с учётом того, что С.М. Дубровский является марксистом, коммунистом. Между ним и его оппонентами общего больше, чем различий. А. Шестаков считал важным подчеркнуть, что взгляды С.М. Дубровского всё-таки расходятся с воззрениями, например, А.А. Богданова⁶²¹. К сожалению, за свой конструктивный настрой А. Шестаков удостоился резкой отповеди.

Следующим основным «виновником» создания «торгового капитализма» был объявлен Н.А. Рожков. Причём он был поставлен в один ряд с А.А. Богдановым и рассматривался фактически как его единомышленник. Если основной докладчик И.И. Минца только лишь указал на зависимость концепции С.М. Дубровского от взглядов Н.А. Рожкова с его дворянской революцией⁶²², то С.М. Дубровский, как и в случае с А.А. Богдановым, взял на себя труд более обстоятельно в них разобраться. Он показал, что концепция Н.А. Рожкова не марксистская. Он является представителем экономического материализма в нашей историографии. Его историческая периодизация – причудливая бессистемная смесь эпох. Как и А.А. Богданов, он относил крепостничество к феодализму. Подобно А.А. Богданову, он не всегда называет вещи своими именами. Если первый писал о меновом обществе, то у второго муниципальный феодализм живо напоминает всё о том же торговом капитализме. С.М. Дубровский заметил, что Н.А. Рожков видел в торговом капитализме систему – «строй хозяйственных отношений» – и период, например, истории России с конца XVI по XIX век, включавший и крепостничество, и дворянскую революцию. Однако он лишь процитировал, но не прокомментировал ряд важных аспектов понимания Н.А. Рожковым торгового капитализма. Последний всё-таки считал, что торговый капитализм имеет место тогда, когда торговый капитал господствует в сфере обмена и лишь отчасти захватывает «область производства». Ещё историк ассоциировал этот строй с товарным или денежным

хозяйством. Более того, Н.А. Рожков изображал дело так, что в России сосуществовали две системы: отсталый натурально-хозяйственный феодализм и торговый капитализм. Причём применительно к России XVIII века первый должен был привести себя в соответствие со вторым. К тому же их объединял «старый порядок», который на определённом этапе своего развития приобрёл «оригинальные черты». Классовую природу самодержавной России Н.А. Рожков видел в господстве организаторов торгового капитализма, куда включал дворян, крупную торгово-ростовщическую буржуазию, добавляя к ним и буржуазию промышленную. У С.М. Дубровского к этой схеме нашлись два содержательных замечания: 1) она затеняет то обстоятельство, что самодержавие было прежде всего диктатурой крепостников; 2) дворяне рассматриваются как торговые капиталисты в сфере производства. Складывается впечатление, что Н.А. Рожков находился в каких-то более сложных отношениях с марксизмом, чем это представлялось С.М. Дубровскому. Может быть, последний посчитал неактуальным углубляться в эту тему. В ходе прений лишь С. Пионтковский заметил, что у Н. Рожкова и С. Дубровского совпадают хронологические рамки крепостничества, и С. Симонов констатировал, что их сближает идея о том, что в эпоху крепостничества дворянство закабаляло и эксплуатировало крестьян не на феодальной, а на торгово-капиталистической основе. Остальные «богдановско-рожковскую» схему не пытались конкретизировать, лишь в своём заключительном слове И.И. Минц решил усилить этот акцент, заявив, что «рожковщина» для С.М. Дубровского в процессе написания его книги стала научной методологией⁶²³.

Гораздо меньше «повезло» П.Б. Струве. В дискуссии он, как правило, лишь упоминался, иногда в «компании» с А.А. Богдановым и Н.А. Рожковым. Лишь С.М. Дубровский заметил, что П.Б. Струве, как и его «единомышленники», считал торговый капитализм строем хозяйственных отношений и денежным хозяйством, а переход от феодализма к крепостничеству подменил переходом от феодализма к торговому капитализму. В этом тезисе была проведена прямая аналогия со взглядами Н.А. Рожкова, не подтверждённая никакими высказываниями собственно П.Б. Струве. «Именно Ленин критиковал Струве за его непонимание крепост-

ного хозяйства как в основном натурального хозяйства» (С. Дубровский). Здесь верно то, что нельзя считать товарным любое хозяйство, связанное с рынком. С. Симонов обвинил С.М. Дубровского в подмене ленинизма струвизмом по конкретному поводу, так как, по В.И. Ленину, Крестьянская реформа «пришла» из разрушения натурального хозяйства, высвободившего «новые отношения», а по П.Б. Струве, она состоялась благодаря эволюции крепостного хозяйства, интенсификации барщины и крепостным мануфактурам⁶²⁴. Конечно, здесь концепция П.Б. Струве была несколько утрирована. Вместе с тем было высказано важное положение о том, что для падения крепостничества наибольшее значение имело не разложение феодализма «вообще», а складывание из его продуктов капиталистического производства.

В связи с темой дискуссии один раз был упомянут П.И. Лященко. П. Дроздов сослался на его «Историю русского народного хозяйства» 1927 г. «По Лященко, в XV–XVI веках произошло и закончилось разложение феодализма, на смену феодализма пришёл "торговый капитализм", получивший завершение в системе крепостного хозяйства». Впрочем, П. Дроздов привёл этот пример для того, чтобы ещё раз подчеркнуть широкое распространение в советской науке «теорий», подобных «дубровщине»⁶²⁵. Отсюда видно, что экономист-аграрник П.И. Лященко пополнил ряды тех исследователей, идеи которых стали теоретико-методологическим фундаментом различных версий торгового капитализма.

Участники дискуссии, конечно, не могли забыть и Д.М. Петрушевского, которого молодые советские марксисты совсем недавно «прорабатывали». Правда, особой вины в части торгового капитализма за ним отмечено не было. Больше «пострадал» его ученик А.И. Неусыхин, одно время наводивший мосты между неокантианством и марксизмом. З. Броникер утверждала, что С.М. Дубровский пошёл по стопам этого историка. «Последний представил дополнения к одной программе для дневных рабфаков, где предвосхитил Дубровского. Точка зрения Петрушевского и его ученика относительно феодализма, крепостничества и роли торгового капитала была детально раскритикована нашими товарищами, и мы не возвратимся к этой полемике». А.И. Неусыхин также выделяет большое количество способов производства. А в вопросе о

роли торгового капитала категорически заявляет, что торговый капитал есть особая форма отношений людей друг к другу⁶²⁶. Разумеется, в сочинениях школы Д.М. Петрушевского было достаточно материала по проблематике торгового капитализма. Однако в данном конкретном случае З. Броникер крайне отрывочно и неясно изложила взгляды своих оппонентов. Надо сказать, что А.И. Неусыхин в своих теоретических изысканиях отдал должное марксистской научно-исторической традиции 1920-х гг. и в то же время выдвигал собственные, не лишённые оригинальности предложения, специфика которых также требует отдельного рассмотрения.

С.М. Дубровский связал «торговый капитализм» с меньшевистской концепцией революции в деревне, правда, по частному поводу. Как известно, меньшевики отводили буржуазии ведущую роль в русской революции. А некоторые советские историки применительно к эпохе крепостничества выдвигали на первый план борьбу крестьянской буржуазии с торгующим дворянством. Виною тому ошибочная богдановско-рожковская концепция торгового капитализма⁶²⁷. С нашей точки зрения, эта параллель выглядит несколько надуманной.

Историк Запада Ц. Фридлянд решил поставить торговый капитализм в международный контекст. «Борьба вокруг вопроса о путях капиталистического развития современной Европы, так называемый вопрос о генезисе капитализма, является центральным во всей современной, не только русской, но и западноевропейской исторической литературе. Этому вопросу посвящены исследования Допша, Перена, Зомбарта, Кунова и многих других». К сожалению, Ц. Фридлянд ограничился лишь констатацией того, что их концепции были антимарксистскими. И в дальнейшем отечественные историки время от времени вспоминали об этих исследователях в связи с торговым капитализмом, но их собственные воззрения на этот счёт и их влияние на раннесоветскую историографию остались неизученными. Сколько-нибудь специального внимания в ходе дискуссии был удостоен А. Допш, который выступал с докладом на историческом конгрессе в Осло в 1928 г. и взгляды которого на капитализм критиковал М.Н. Покровский. По воспоминаниям И.И. Минца, А. Допш как раз на этом конгрессе дока-

звал, что торговый капитал существовал и достигал высокого уровня развития в различные исторические эпохи. На этом шатком основании он опровергал якобы марксистское положение о смене натурального хозяйства меновым. Таким образом, получалось, что не формации сменяли друг друга, а каждый период в истории был «комбинированным», многоукладным. С.М. Дубровский заметил, что многие историки, видимо, из числа немарксистов «различали феодализм и крепостничество». Их ошибка состояла в том, что они считали «крепостничество приспособлением к торговому капитализму». В качестве примера такого историка он предложил А. Допша. М. Зоркий обнаружил, что для обозначения торгового капитализма в науке используется целый ряд ещё менее удачных терминов, например «феодальный капитализм» немецкого историка Г. Зивекинга. «Полемизируя с Марксом», он заявлял, что «между феодализмом и капитализмом существует особая промежуточная форма, которая не есть феодализм, и не есть капитализм». Подобного рода утверждения, по мнению М. Зоркого, были следствием неверия буржуазных учёных в то, что капитализм может возникнуть из чего-то, являющегося только феодальным⁶²⁸.

Удивительно, но все вышеизложенные построения не были соотнесены с «торговым капитализмом» в изображении М.Н. Покровского. Мнение участников дискуссии, видимо, следует понимать так, что «торговый капитализм» М.Н. Покровского коренным образом отличался от немарксистских, полумарксистских концепций с таким же или похожим названием. Как минимум, «торговый капитализм» не компрометировал марксистский характер его концепции.

С политико-идеологической точки зрения «торговый капитализм» был связан некоторыми историками с троцкизмом и правым уклоном в партии. И.И. Минц даже писал о методологии правого уклона⁶²⁹. Вообще, тут было о чём поговорить. Если правые «уклонисты» выступали за углубление нэпа, то на повестке дня оказывался вопрос о существовавшем в стране фундаменте торгового капитализма и его расширении. Эта была интересная проблема, которая теоретически могла быть рассмотрена в сугубо научной плоскости. Ведь обнаружение торгового капитализма в отечественной истории вовсе не означало того, что соответст-

вующий «теоретик» являлся его сторонником, отстаивал классовые интересы «торговых капиталистов».

«Нужно сказать, что в области истории троцкизм совсем не представляет собою какой-либо цельной концепции. В частности, некоторые троцкисты, отрицая и "азиатский", и феодальный способ производства, встали на богдановско-рожковскую точку зрения "торгового капитализма", доказывая, что именно торговый и ростовщический капитал определял собою положение на Востоке» (С. Дубровский, И. Минц). Надо сказать, что молодым советским марксистам ещё с начала 1920-х гг. из работ М.Н. Покровского было известно о «буржуазных» корнях исторических воззрений Л.Д. Троцкого. Сам он не был «энтузиастом» торгового капитализма, но участники дискуссии «прозорливо» апеллировали к конкретным случаям. Конкретика здесь состояла во взглядах троцкистов на современный этап исторического развития революционного Китая как торгово-капиталистический (С. Симонов). Так, К.Б. Радек «объявляет господство торгового капитала во всём Древнем Китае и потому не видит в современном Китае остатков прежних докапиталистических отношений»⁶³⁰ (А. Ломакин). К этому надо добавить, что сам А. Ломакин был сторонником «азиатского» способа производства, который он, впрочем, трактовал как уклад.

Наряду с этим, в ходе дискуссии упоминались имена советских историков-марксистов, которые допускали «торгово-капиталистические» ошибки: Н. Лукин, С. Розенталь, Д. Кунисский, С. Пионтковский, И. Минц, А. Малышев, П. Кушнер. Правда, их построения почти не анализировались, за некоторым исключением И. Минца, выступавшего на обсуждении книги С. Дубровского с основным докладом. Его, как и некоторых других исследователей, регулярно «подозревали» в том, что они находятся в плену рожковско-бухаринской, троцкистской концепций исторического процесса (С. Дубровский). Подчёркивалось, что они (например, И. Минц, А. Малышев) по-прежнему поддерживают «торговый капитализм», отвергая его лишь на словах. И.И. Минца обвиняли в том, что он с упорством, заслуживающим лучшего применения, продолжает говорить об эпохе торгового капитализма, о «монопольном торговом капитале... до эпохи империализма» (С. Дубровский). С.М. Дубровский указал также на его непоследователь-

ность. С.М. Дубровского поддержал М. Зоркий, находивший, что И.И. Минц «недостаточно отмежёвывается от теории торгового "капитализма"», ведущей «свой род от Богданова». П. Дроздов даже подсказал И.И. Минцу, как тому избежать нападок в части торгового капитализма: необходимо не допускать выражений, которые бы позволяли его заподозрить в гипертрофии торгового капитала (например, «использование торговым капиталом феодально-крепостнических отношений», «помещик является агентом или приказчиком торгового капитала», «самодержавие является политической организацией торгового капитала»). Кстати, это понимал и сам И.И. Минц, считавший, что проблемы «торгового капитализма» во многом вызваны использованием в нём немарксистской терминологии. Интересным представляется мнение о том, что И.И. Минц правильно рассматривает вопрос о торговом капитале в теории, но при переводе её «на язык конкретной истории он допускает ряд ошибок»⁶³¹.

А. Малышев был признан «струвистом», отстаивающим всё ту же богдановско-рожковскую концепцию (С.М. Дубровский). С.М. Дубровский обратил внимание на то, в чём конкретно состоял формальный характер отказа «теоретиков» торгового капитализма от своего «учения». Если тот же А. Малышев раньше писал о смене феодализма торговым капитализмом в России XVI века, то после того, как ему «разъяснили, что торговый капитал не создаёт своего способа производства», он «реставрирует» феодализм, но в паре с тем же торговым капиталом. Наблюдение «меткое», но не учитывающее то, что такое «продление» совершенно не противоречит торговому капитализму, поскольку он базировался на феодальных методах эксплуатации. Согласно данной концепции, наличие феодализма-крепостничества, допустим, в XIX веке совершенно не означает, что тогда не было торгового капитализма. П. Дроздов отметил, что на основе объединения докапиталистических способов производства с торговым капиталом А. Малышев сконструировал особый торгово-крепостнический строй. Он солидаризировался с С.М. Дубровским⁶³², который, видимо, опасался, что этот строй будет ассоциироваться с его крепостнической формацией. С нашей точки зрения, А. Малышев пытался установить определённое равновесие между торгово-капиталистическим

и феодально-крепостническим, выработав «компромиссную» формулу, которая устроила бы все спорящие стороны.

И.И. Минц первым указал, что торговый капитализм, причём именно как формация «между феодализмом и собственно капитализмом», получил большое распространение в литературе по истории Запада, упомянув в связи с этим С. Розенталя («История Европы в эпоху торгового капитализма», 1927 г.) и его «восторженного» рецензента Д. Кунисского. Причём это положение сохраняется в учебниках Н. Лукина, Ц. Фридлянда. Есть рецидивы. Складывать оружие рано. Научная сторона вопроса состояла в том простом факте, что именно на Западе торговый капитализм был представлен крупнее и ярче, чем в России. Игнорировать его там было труднее, не было «спасительного» крепостничества и т. п. М. Зоркий подметил, что оказавшись под огнём критики, исследователи торгового капитализма (те же Д. Кунисский, С. Розенталь) избрали тактику замалчивания своих ошибок, причём, по словам С.М. Дубровского, лишь с определённого момента, накануне данной дискуссии. «В вопросе о торговом капитале все встали в гордую позу. Торговый капитал – не общественная формация – это все знали, это вещь простая. А сколько из вас в своих книжках имеют торговый капитал как формацию? Об этом ни гугу, об этом из скромности умалчивают. Это проглотили как неприятную вещь». Такая тенденция действительно имела место. Возможно, им казалось, что кампания против «торгового капитализма» носит временный характер. Возможно, они рассчитывали, что вопрос утратит свою остроту. Ведь трудно писать что-либо о торговле, если каждое слово о ней подвергается проверке на предмет соответствия его торговому капитализму. Вряд ли здесь можно говорить о методологической беспринципности. Ведь речь идёт об историках, которые самостоятельно и охотно занимались теоретическими вопросами, которым не всё равно, торговый капитализм там был или крепостничество. Они не могли позволить себе согласиться с любым вариантом (если у них, конечно, был выбор), а потом спокойно заниматься каким-нибудь конкретным сюжетом. Впрочем, в ходе дискуссии Д. Кунисский, откликаясь на критику, признал, что ранее считал торговый капитализм формацией («это было неосторожное употребление термина») ⁶³³, но

теперь свою точку зрения в этом вопросе изменил, правда в том смысле, что торгово-капиталистическая система существует во всей своей полноте, только лишь формацией не является.

Более того, Н. Ванаг нашёл возможным поддержать очень уязвимую точку зрения Г. Меерсона на пугачёвщину как результат разложения феодального способа производства торговым капиталом в условиях крепостничества⁶³⁴. Однако в целом «контратака» не состоялась.

С.М. Дубровский обвинил С. Пионтковского в том, что тот написал «книжку по Рожкову» (могли иметься в виду, например, «Очерки истории России в XIX и XX вв.», 1928 г.). С. Пионтковский хладнокровно игнорировал этот выпад, рассуждая о нарушении натуральности феодального хозяйства, что было доказано ещё буржуазной историографией, и появлении капиталистических фабрик «из крестьянских кустарных светёлок»⁶³⁵. Надо признать, что этот автор теоретически грамотно отстаивал свою версию торгового капитализма.

Оппоненты не могли пройти мимо проникнутой торгово-капиталистическим духом, некогда знаменитой, а теперь вытесняемой историческим материализмом теории и истории общественных форм. Правда, критика носила эпизодический характер. Работы П.И. Кушнера («Очерк развития общественных форм», 1929 г., 6-е издание) были объявлены немарксистскими в том числе и потому, что он изобразил торговый капитализм как формацию. Речь у П.И. Кушнера шла об эпохе торгового капитала, когда он был «гегемоном *всей экономической жизни*», о переходе от торгового капитала «*в настоящий капитализм*» в Западной Европе самостоятельно, а в Японии и Китае «под влиянием развитых стран»⁶³⁶. Правда, при таком избирательном цитировании были упущены вопросы о понимании П.И. Кушнером феодализма и способа производства эпохи торгового капитала.

По мнению Ц. Фридлянда, П. Дроздов проводил идею о том, что торговый капитал не играл никакой роли в истории. Эту точку зрения он объявил механистической и подверг её аргументированной критике. В этом вопросе с ним солидаризировался Г. Толмачёв, упомянув в этом контексте ещё и М. Зоркого. «Доводя до крайности основное положение марксизма, что никогда не суще-

ствовало торгового капитализма, наши товарищи заявляют о полной непричастности торгового капитала к производству, отрицают почти всякую роль и значение его в зарождении, становлении и победе капиталистического производства». С целью разоблачения оппонентов Г. Толмачёв привёл, как ни странно, в основном теоретически верные цитаты из их произведений. Правда, все они касались роли именно торгового капитала в генезисе капитализма. В случае же с торговым капитализмом дело обстояло не столь благополучно. Г. Толмачёв совершенно справедливо привлёк внимание к тезису П. Дроздова о том, что «торговый капитал олицетворён в купеческом классе и только в нём одном»⁶³⁷. Очевидно, что это чрезмерно узкое понимание торгового капитала, не только в социальном смысле. Поскольку сфера обмена неразрывно связана со сферой производства, то понятно, что конкретно-исторически торговый капитал не может быть эмансипирован от общественного производства, взятого в единстве всех его фаз. Надо сказать, что ещё в 1928 г. П. Дроздов стоял на позициях «торгового капитализма»⁶³⁸, настойчиво рекомендовал читателям работы М.Н. Покровского⁶³⁹.

По материалам дискуссии можно выделить две группы советских историков в зависимости от их отношения к торговому капитализму. Одни (например, И. Минц, Н. Ванаг, Д. Кунисский), по сути, хотели сохранить данную концепцию, хотя готовы были её модифицировать, уточнять и т. п. Другие (например, П. Дроздов, М. Зоркий) действительно стремились всерьёз от неё отказаться и выработать какую-то альтернативу. Они упрекали друг друга соответственно за переоценку и недооценку роли торгового капитала в истории. Сложность здесь состояла в том, что до конца 1920-х гг. отечественные историки-марксисты не только не критиковали «торговый капитализм», но и активно создавали собственные торгово-капиталистические концепции, как минимум опирались на него. В связи с этим не сложилось теоретико-методологической базы и традиции оппонирования «торговому капитализму». Несомненно, для многих пересмотр подобного рода концепций носил внешний, искусственный характер. При этом никто не отрицал того, что не всё в них совершенно, что их нужно развивать и т. п. К сожалению, в должной мере не учитывались разли-

чия во взглядах на торговый капитализм у самих сторонников этой «теории».

В отношении С.М. Дубровского его оппоненты констатировали, что он заменил торговый капитализм крепостничеством и допустил ошибки в вопросе о торговом капитале⁶⁴⁰ (И. Минц). Большинство выступавших находили, что он фактически сохранил верность концепции торгового капитализма. Его декларативный отказ и даже борьба с торгово-капиталистическими построениями сопровождалась таким количеством оговорок, поправок и другим, что по сути дела обесмысливали её. С. Дубровский в докладе, конечно, сильнее, чем в книге, нападал на торговый капитализм, но свои взгляды по вопросу о торговом капитале, изложенные в ней, не ревизовал.

Многие выступавшие в прениях так или иначе упоминали М.Н. Покровского. В целом основополагающий характер его исторической концепции сомнению не подвергался. Правда, отдельные замечания по этому вопросу показали, что не всё так однозначно и благополучно. Однако «подозреваемые» в борьбе с «покровщиной» попытались развеять подозрения.

В то же время нельзя было скрыть то обстоятельство, что М.Н. Покровский в своих произведениях стоял на точке зрения торгового капитализма. Здесь были апробированы следующие варианты. Было признано, что М.Н. Покровский внёс большой позитивный вклад в изучение феодализма, крепостничества, генезиса капитализма. Отмечалось, что этот учёный не считал торговый капитализм формацией. Констатировалось, что лидер советского исторического «фронта» успешно пересматривает свои взгляды на торговый капитализм и, в сущности, во многом от него отказался, опередив в этом отношении других приверженцев «теории торгового капитала». Участники дискуссии говорили о неправильных выводах, которые делались апологетами «торгового капитализма» из сочинений М.Н. Покровского. В крайнем случае, исследователи указывали на отдельные ошибки в концепции этого историка.

В подчёркивании достижений М.Н. Покровского первенствовал основной докладчик И.И. Минц, вообще уделивший этому вопросу значительную часть своих выступлений. Он признал ис-

торическую концепцию М.Н. Покровского, включая «торговый капитализм», марксистско-ленинской, а самого этого учёного блестящим диалектиком. И.И. Минц с похвалой отозвался о его «Русской истории в самом сжатом очерке», объявил необоснованными упреки в адрес М.Н. Покровского в отношении торгового капитала, а С.М. Дубровского назвал учеником М.Н. Покровского, сбившимся с пути.

Остановился он и на ключевых положениях исторической концепции М.Н. Покровского. И.И. Минц обратил внимание на то, что, характеризуя феодализм, М.Н. Покровский зачастую имел в виду лишь феодализм «в его древнейшей форме». Крепостничество он формацией не считал: «это – второе издание крепостного права, характерного для эпохи феодализма». Он верно отобразил процесс превращения вотчины в товарное хозяйство, значение торгового капитала в появлении крепостничества. В соответствии с его концепцией, И.И. Минц показал роль торгового капитала в переходе к капитализму в зарубежной Европе и России. Не вызвала возражений у И. Минца и трактовка М.Н. Покровским борьбы торгового и промышленного капитала, которую всё-таки следовало понимать не буквально, а как слом промышленным капиталом «сложившейся под влиянием развития торгового капитала» «старой системы». В социальном плане её выражала борьба определённых классов. По мнению И. Минца, согласно появившейся у М.Н. Покровского формационной схеме, в России XIII–XIX веков была феодальная формация. К этому следует добавить, что был и торговый капитализм, однако не являвшийся формацией. В каком-то смысле он был совокупностью отличий позднего феодализма от предшествующих его этапов. Нельзя сбрасывать со счетов и того, что между субъектами торгового капитализма не всегда складывались феодальные производственные отношения, да и сам торговый капитал не был таким производственным отношением.

И. Минц был едва ли не единственным участником дискуссии, обратившим внимание на то, что М.Н. Покровский в своей концепции не следовал за немарксистами или полумарксистами, а наоборот, активно боролся с ними, что соответствует действительности. Правда, в этой связи он упомянул лишь Н.А. Рожкова⁶⁴¹. Известно, что М.Н. Покровский в той или иной степени критико-

вал, причём конструктивно, воззрения П.Б. Струве, А.А. Богданова, И.И. Скворцова-Степанова, П.И. Лященко, высказывавших свои предложения по части торгового капитализма. Даже если И. Минц защищал М.Н. Покровского отнюдь не из каких-то высоких соображений, тем не менее, нельзя не признать, что эти его оценки были вполне корректны с научной точки зрения.

С.М. Дубровский в своём содокладе, а также в заключительном слове ещё раз попытался обосновать сходство своей схемы с концепцией М.Н. Покровского. Возражая И. Минцу, С. Дубровский доказывал, что феодализм в России, по М.Н. Покровскому, разложился в XVI веке, что в разные эпохи преобладали разные формы ренты. Он утверждал, что в 1928 г. М.Н. Покровский уже признал наличие в стране крепостного хозяйства и диктатуры крепостников, должно быть, вместо торгового капитализма и государства торгового капитала. Если принять во внимание то, что сам С. Дубровский писал о торговом капитале, вероятно, имелась в виду прежде всего терминология. В итоге он заявил, что М.Н. Покровский раскрыл отличия крепостничества от феодализма и на уровне хозяйства, и на уровне классов.

С. Дубровский согласился со своими оппонентами в том, что М.Н. Покровский был не во всём с ним солидарен, но выдвинул в их адрес встречные обвинения, на этот раз в двурушничестве. На примере М. Зоркого он показал, что некоторые историки-марксисты кулуарно ведут борьбу с «покровщиной», но не хотят признавать этого явно и открыто, а, будучи уличёнными, всячески отнекиваются и увиливают. Вместе с тем С. Дубровский намекал на то, что М.Н. Покровский уже отказался от «торгового капитализма», в то время как иные его ученики упорствуют и сопротивляются.

С. Дубровский резонно обратил внимание на то, что выделявшиеся М.Н. Покровским этапы отечественной истории не являются формациями⁶⁴². Но, к сожалению, он не задался вопросом о степени их соответствия формационной теории.

Большинство участников прений так или иначе затрагивали вопрос о значении взглядов М.Н. Покровского в деле становления и развития советской марксистской историографии. Однако быстро обнаружилась неясность того, насколько адекватно советские учёные понимают содержание его концепции, то, как она эво-

люционировала, и т. п. Очевидно, возникла потребность в создании крупной историографической работы, в которой концепция М.Н. Покровского была бы проанализирована, определено её место в исторической науке. Необходимость в таком исследовании была вполне осознана в рамках настоящей дискуссии. Не случайно С. Дубровский собирался написать книгу о взглядах М.Н. Покровского на феодализм и крепостничество⁶⁴³.

Д. Кунисский открыто поддержал концепцию торгового капитализма М.Н. Покровского, но толкуя её в свою пользу: «Диктатура крепостников не является чем-то самодовлеющим; она является своеобразной формой господства капитала уже в условиях рецидива крепостничества. Такое понимание даётся М.Н. Покровским». Он даже возложил на себя миссию борьбы за «торговый капитализм» не смотря ни на что, даже если сам М.Н. Покровский откажется его поддерживать. Впрочем, по мнению Д. Кунисского, пока этого не произошло: «Я не допускаю мысли, что Покровский отказался от той концепции русского исторического процесса, которая была созданием его жизни и в известном смысле создала его школу»⁶⁴⁴.

Д. Кунисского поддержал Н. Ванаг, который отметил огромный вклад М.Н. Покровского в формирование правильной трактовки роли торгового капитала в истории России. «Ревизия основных взглядов М.Н. Покровского по данному вопросу... является шагом назад, а не вперёд, как это представляется кое-кому из наших историков»⁶⁴⁵. Здесь обнаружила себя следующая тенденция: «торговый капитализм» в изображении именно М.Н. Покровского является оптимальным, точным, марксистским, а другие его версии либо немарксистские по природе своей, либо ошибочные в силу каких-то более «уважительных» причин. Например, какой-нибудь молодой историк не создавал сам чего-то антимарксистского, а некритически воспринял некоторые идеи того же А.А. Богданова.

Г. Толмачёв взял М.Н. Покровского под защиту от критики со стороны П. Дроздова. По его словам, последний выставил «против своих противников (а он бьёт главным образом по М.Н. Покровскому) устрашающее обвинение в механистичности, антимарксизме»⁶⁴⁶.

Вообще, учёные часто привлекали построения М.Н. Покровского для обоснования своих предложений. Например, В. Гуляев верно подметил, что в истории XIII–XVIII веков больше нового появлялось не в сфере феодализма, крепостничества и другого, а в сфере рынка и того, что с ним связано. В. Гуляев в установлении этого увидел большую заслугу М.Н. Покровского, хотя и избегал упоминания торгового капитализма. Ещё более определённо эту мысль выразил И. Минц. Разница между крепостничеством XIV и XVII веков «не в способе производства, хотя тут есть известные сдвиги, не в форме эксплуатации, – по-прежнему феодальные отношения господства – подчинения характеризуют общество, – а в эпохе, в более широком и глубококом проникновении товарно-денежных отношений и т. д.»⁶⁴⁷.

М. Персов предостерег советских учёных от недооценки крепостничества под влиянием борьбы с «дубровщиной», для чего подчеркнул заслуги М.Н. Покровского в его изучении: «Доказательство того, что крепостное право выросло у нас на основе роста крепостнического барщинного хозяйства». В этом вопросе его поддержал Я. Резвушкин, который привёл мнение М.Н. Покровского о слабости барщины до XVI века.

Я. Резвушкин совершенно оправданно выявил имевшую место среди историков тенденцию доказывать любое положение при помощи ссылок на М.Н. Покровского⁶⁴⁸. Действительно, и в пользу торгового капитализма, крепостничества, и против них у молодых марксистов всегда находился подходящий набор цитат. Одно и то же положение оборачивалось порой и за, и против крепостничества. С нашей точки зрения, дело здесь не только в элементарной недобросовестности, а в том, насколько формально подходил исследователь к своей задаче. Ведь можно было просто найти суждение М.Н. Покровского о том, что в России в XVI веке феодализм закончился, и этим ограничиться. Можно было задуматься о том, что он понимал под завершением периода феодализма, и тогда вырисовалась уже другая картина. «Торговый капитализм» объявлялся немарксистской интерпретацией генезиса капитализма потому лишь, что сам этот термин как бы предполагал искусственное возведение торгового капитала в «незаслуженную» им степень. И. Минц справедливо призывал учитывать всю

«сумму» высказываний М.Н. Покровского по какому-либо вопросу, а не ограничиваться отдельными фразами, вырванными из контекста⁶⁴⁹.

И. Фролов привёл интересные сведения о том, как начиналась вся эта история с книгой С. Дубровского. «Весною прошлого года в 10-й аудитории, в присутствии М.Н. Покровского, Дубровский впервые развил свою концепцию об этих двух формациях и обещал в скором времени выпустить книгу, посвящённую этой теме. Михаил Николаевич от своего собственного имени и от имени всех присутствующих с присущим ему остроумием сказал: Дорогой Сергей Митрофанович! Вы отправляетесь в далёкое плавание, пожелаем же вам счастливого пути и будем ждать с нетерпением положительных результатов от вашего путешествия. Мы все помахали ему платочками, и Сергей Митрофанович благополучно отчалил от берега в свой далёкий путь. Теперь, как вы видите, Дубровский вернулся из своего путешествия со своей книжонкой весь израненный в боях. Нахлестали ему здорово»⁶⁵⁰. Отсюда видно, что М.Н. Покровский скептически относился к способности С. Дубровского создать новую марксистскую историческую концепцию высокого научного уровня, которая могла бы конкурировать с концепцией самого главы советских историков. Вместе с тем зная С. Дубровского как человека упрямого, амбициозного, работоспособного, он понимал, что его ученик скорее всего свою задачу выполнит, то есть обещанную книжку выпустит. Естественно было предположить, что именно на ней на какое-то время сфокусируется весь заряд критики, накопившейся у молодых советских марксистов. Вряд ли изначально можно было предположить, что из всего этого вырастет целая «дубровщина» и борьба с ней. Скорее всего, М.Н. Покровский считал, что С. Дубровский набьёт себе шишек, приобретёт полезный опыт, а в ходе структурирования исторического процесса его ученики, «засевшие» за теорию, выдадут и какие-то позитивные результаты.

Тот же И. Минц открыл счёт и ошибкам М.Н. Покровского, правда, не столько их перечислению, сколько объяснению их обусловленности теми или иными объективными причинами. «Несомненно, что в старом курсе Покровского можно найти не совсем удачные формулировки, цепляясь за которые можно кое-что вы-

сосать из пальца, похожее на точку зрения Дубровского. Не надо забывать, что схема Покровского выростала в борьбе, с одной стороны, со старой буржуазной теорией, с другой стороны, с различными уклонами внутри марксистов-историков. Боевой характер, полемическая заострённость приводили иногда к выпячиванию той или иной стороны». Увы, эти ошибки не были конкретизированы. Почин И. Минца поддержал Д. Кунииский: «В целом ряде вопросов Покровский мог ошибаться, и он сам от отдельных ошибочных своих выводов отказался, но основные принципы его остались, своеобразная концепция русского исторического процесса осталась»⁶⁵¹. Как видим, он попытался минимизировать ошибки своего учителя. Однако следует признать, что даже те историки, которые благожелательно относились к торговому капитализму по существу, не замалчивали их.

Наиболее решительную позицию здесь занял М. Зоркий. С. Дубровский даже вспоминал, что М. Зоркий «только этой весной» заявлял, «что схему Покровского нужно сломать до конца»⁶⁵². М. Зоркий прямо указал, что в «Русской истории с древнейших времён» М.Н. Покровский преувеличил значение и объём борьбы торгового и промышленного капитала. Это было небезобидное заявление. Ведь в данном произведении «торговый капитализм» хотя и присутствовал, но гораздо меньше бросался в глаза, чем в последующих крупных работах историка, особенно написанных после 1917 г. Однако от историографического экскурса М. Зоркий уклонился. Нельзя не признать, что его собственное отношение к торговому капитализму было не сплошь негативистским, а достаточно сложным. М. Зоркий не согласился с тем, что он якобы «когда-то потребовал "слома концепции Покровского"», и привёл выдержку из записи своего выступления по докладу И. Минца в ИКП в апреле 1929 г., на проверку достаточно двусмысленную: «Я не считаю, что богдановская теория "торгового капитализма" является краеугольным камнем концепции М.Н. Покровского. <...> Но в этом вопросе нужен капитальный ремонт, а не поверхностная перелицовка под "эпоху торгового капитала", "крепостническую формацию" и т. п.». По мнению М. Зоркого, этому ремонту должна была подвергнуться и концепция М.Н. Покровского. Правда, он успокаивал товарищей тем, что «от ревизии в этом вопросе

действительные заслуги М.Н. вовсе не умалятся». Мы усматриваем в этом любопытный тактический трюк. Во-первых, очевидно, что «торговый капитализм» был сердцевинной исторической концепции М.Н. Покровского. Принципиальный и последовательный отказ от него, по сути дела, разрушал эту концепцию, поэтому М. Зоркий совершенно напрасно уверял коллег в том, что с устранением «торгового капитализма» ничего особенного с ней не произойдёт. Во-вторых, он изображал дело таким образом, что «борцы» с «торговым капитализмом» отнюдь не посягают на руководящее положение М.Н. Покровского в советской исторической науке и, вообще, противостоят не личности, а идее. Но ведь понятно, что человек, сущностное в концепции которого признано немарксистским, не может командовать «историческим фронтом». Это было бы просто нелепо. Тем не менее М. Зоркий упрямо «гнул» своё, не боясь показаться смешным. «Теорию торгового капитализма надо отправить на слом, а на работах М.Н., на которых мы все учились, мы будем учиться и впредь». Тогда бы пришлось учиться на «остатках» этих работ.

А. Ломакин заявил, что концепция «торгово-капиталистической общественно-экономической формации» была выведена «рядом товарищей» из некоторых «ошибочных или сомнительных положений М.Н. Покровского», но на основе богдановской методологии⁶⁵³. По А. Ломакину, получается, что сам М.Н. Покровский – марксист, ошибочна не его концепция торгового капитализма, а её отдельные положения. Главными «виновниками» здесь являются те его ученики, которые превратили торговый капитализм в формацию. С этим можно было бы даже и согласиться, если бы не один нюанс. При такой постановке вопроса принципиально важно установить меру, степень перестройки концепции торгового капитализма: достаточно «модернизировать» терминологию в духе формационной теории, сохранив суть, или скорректировать какие-то более содержательные элементы этой концепции, или заменить некоторые её компоненты? Без ответа на этот вопрос предложение А. Ломакина вряд ли продуктивно с научной точки зрения, а вот усилить «раздрай» среди историков вполне могло: какую версию истории, пришедшей на смену «старому» торговому капитализму, теперь считать «канонической»? С нашей точки зре-

ния, он был недалёк от истины и в другом отношении, правда, опять с одной немаловажной поправкой.

Дело в том, что каждый историк-марксист по-своему понимал взгляды М.Н. Покровского на этот счёт. Было очевидно, что М.Н. Покровский находил в русской истории множество проявлений торгового капитализма. К этому подталкивал богатый конкретный материал. Торговый капитализм предстал у него как некое сложное образование, охватывающее разнородные элементы общественного бытия. Гораздо менее очевидным было то, какова структура этой системы, как она функционирует, как соотносится с другими системами. В связи с этим правильнее в данном случае говорить не об ошибках самого М.Н. Покровского, а о тех выводах из его воззрений, которые делали его ученики, и об их дальнейших оригинальных разработках. Любопытно, что П. Дроздов, известный решительной борьбой с торговым капитализмом, в том числе в редакции М.Н. Покровского, в ходе рассматриваемой дискуссии отмолчался, стараясь о нём вообще не упоминать. Он был занят тем, что выправлял свою «теорию», «подозревавшуюся» в недопустимом игнорировании торгового капитала. От П. Дроздова теперь можно было услышать следующие «смелые» заявления. «Отделение города от деревни приводило к расширению обмена и к росту на этой почве торговли и торгового капитала». «В Западной Европе растущая торговля очень скоро превращала в товарное производство не только производство прибавочного, но также и необходимого продукта. Это подрывало самые корни феодального способа производства, подрывало натуральный тип хозяйства... Под влиянием торговли феодализм разлагался и уступал место капиталистическому способу производства». В России же торговля и торговый капитал сначала консервировали, а потом разлагали феодальный способ производства. Именно «растущая торговля» мало-помалу превращает производство всего продукта в данное хозяйство в товарное⁶⁵⁴. Эти «тезисы» П. Дроздова, видимо, вызвали немалое удивление: вместо борьбы с «торговым капитализмом» – капитуляция перед ним.

В том же 1930 г. были опубликованы материалы ещё одной дискуссии по проблеме общественных формаций, проходившей на этот раз в Ленинграде «на объединённом заседании Общества

историков-марксистов и Института истории». Она выгодно отличалась от московской хотя бы тем, что её участники больше внимания уделили изложению своих взглядов на историю, тональность их выступлений была «мягче», а содержание – конструктивнее; не во всём «сходились» совокупности выводов по двум дискуссиям. Разумеется, мы признаём, что различия состояли именно в степени. В целом им были свойственны аналогичные тематика и структура обсуждения, манера подачи материала и т. п.

Разумеется, в ходе ленинградской дискуссии были отвергнуты трактовки торгового капитализма и крепостничества как формаций. В ней более развёрнуто и чётко «прозвучала» идея выделения в истории эпохи торгового капитала. Этому способствовала и более основательная ориентация выступавших на историю не только России, но и Античности, Запада, которые знали весьма крупные и яркие проявления торгового капитализма, а также то, что изрядно аргументированную точку зрения на этот счёт представил один из двух основных докладчиков А. Кудрявцев. Он предложил оригинальную периодизацию истории зарубежной Европы. По его мнению, на VIII–XV века пришлись три фазы европейского феодализма. В XVI веке в результате хозяйственного переворота Европа вступила в капиталистическую эпоху, под которой он понимал формацию. А. Кудрявцев верно подметил, что каждая формация делится на фазы или периоды, поэтому он заключил, что капитализм начался с раннекапиталистической эпохи, или эпохи торгового капитала. Имелась в виду первая стадия капитализма-формации. Казалось бы, докладчик допустил банальный «просмотр». Если, согласно утверждавшейся в советской историографии формационной схеме, на смену феодализму приходил обязательно капитализм, который ранее представлялся в ней в виде торгового и промышленного, то возникал соблазн попросту включить обе эти эпохи в эту формацию. Между тем качественные различия между ними в сфере производства были в достаточной мере отображены в различных концепциях торгового капитализма. Хуже того, саму капиталистическую формацию приходилось начинать с того места, с которого раньше «стартовал» торговый капитализм. В связи с этим, конкретизируя собственные построения, А. Кудрявцев начинал корректировать свою периодиза-

цию, чем изрядно её запутал. Он в целом верно показал переход от торгового капитала к торговому капитализму (без использования самого термина), проникновение торгового капитала в промышленность с появлением мануфактуры и фазой позднего феодализма, означавшей его разложение. Отсюда складывается впечатление, что ещё до XVI века пресловутая эпоха торгового капитала имела длительную историю: как считал учёный, феодализм достиг своего расцвета в XI–XII веках и тогда же вступил в фазу разложения. Вместе с тем, по утверждению А. Кудрявцева, феодальное господство над мелким производством всё-таки сменилось господством торгового капитала. Затем он заявил, что хозяйственный переворот подвёл к этой эпохе, которая не являлась формацией и одновременно была её начальной фазой. Видимо, докладчик затруднялся по поводу того, частью чего был торговый капитализм: генезиса капитализма или развития капитализма как формации? Далее А. Кудрявцев констатировал: хотя капиталистическая формация появилась в XVI веке, но машинное производство и развитое капиталистическое общество возникли много позже. Из этого можно сделать вывод, что капиталистический уклад в экономике господствовал и до промышленного переворота. Учёный подчеркнул, что в основе раннего капитализма лежал не торговый капитал, а реорганизация производства, то есть не результат, а процесс становления капиталистического производства. Вероятно, он столкнулся с тем, что капиталистическую часть производственной базы эпохи торгового капитала составляла некоторая совокупность предприятий капиталистической промышленности. Всё остальное представляли иные способы производства. Впрочем, «зазор» между реалиями эпохи торгового капитала и схемой А. Кудрявцева сохранился.

Применительно к России, он выразил мысль о том, что данная эпоха была представлена в истории этой страны в меньшей степени, нежели в «прогрессивной» Европе. Крепостничество он предложил считать формой приспособления хозяйства к условиям торгового капитала. А. Кудрявцев наверняка понял, что датировать начало капитализма-формации в России XVI было бы слишком опрометчиво, поэтому решил Восточную Европу выделить особо как регион, для которого характерен феодализованный

облик торгового капитала. Углубляться в вопрос, когда же закончился русский феодализм, он не стал.

Термин «эпоха торгового капитала» А. Кудрявцев резонно находил вполне марксистским, искренне недоумевал по поводу нападок на него, хотя и не возражал против того, чтобы эпоху называть периодом. Вообще, учёный призвал сохранить данный этап в периодизации европейской истории, правда усовершенствовал его, уточнив содержание и т. п. «Эпоху торгового капитала» он считал более адекватной для обозначения соответствующего этапа истории, нежели «мануфактурный период» или «эпоху первоначального накопления»⁶⁵⁵.

Очевидным недостатком схемы А. Кудрявцева был явно недостаточный учёт различий между европейскими странами. Строго говоря, она распространялась в основном на передовые европейские страны каждой данной эпохи.

Косвенно точку зрения А. Кудрявцева поддержал Н. Розенталь. Строго говоря, у него не было другого выхода. Ведь последний был автором одной из концепций торгового капитализма, которая оказалась в фокусе критики. Н. Розенталь резонно заявил, что в Европе было две формации – феодализм и капитализм. Его же торговый капитализм был переходной эпохой от одного к другому. Однако, не задержавшись на этой мысли, Н. Розенталь решил пойти дальше. Видимо, он полагал, что от него, столь прославившегося в деле продвижения «торгового капитализма», требуется более радикальное покаяние. Он признал, что и такое понимание этого предмета его «смущает», и готов отказаться от термина «торговый капитализм» в каком бы то ни было смысле. Впрочем, перейдя специально к истории России, Н. Розенталь фактически повторил азы этой концепции: в феодальной России с XVI века происходили существенные изменения, обусловленные торговым капиталом; крепостное право означало перерождение феодальной сеньории под влиянием торгового капитала; после раннего феодализма феодалы превращаются в орудия торгового капитала; абсолютизм был результатом разложения феодальной экономики торговым капиталом; развитие торгового капитала привело к громадному росту феодальной эксплуатации крестьян. С нашей точки зрения, в этом же логическом ряду стоят два замечания Н. Розенталя, показывающих, что его понимание тор-

гового капитализма было не лишено известной глубины: в отсталых странах не феодализм приспособляется к торговому капиталу, а, скорее, наоборот; развитие торгового капитала не всегда ведёт к капиталистическому способу производства (в этом случае имеет место расширенное воспроизводство самого торгового капитализма)⁶⁵⁶.

А. Розенберг внёс определённые поправки в схему А. Кудрявцева. Он справедливо заметил: если в XVI–XVII веках появился капитализм как общественный строй, то речь должна идти именно о промышленном капитализме. Эпоха же торгового капитала предшествовала эпохе промышленного и началась с расцвета феодализма в XI–XII веках. Однако А. Розенберг тут же почувствовал хронологическую несуразность, возникающую в результате его поправки, поэтому указал на то, что с XVI века началась история капиталистического производства, которое отнюдь ещё не господствовало. Но из этой поправки выросла другая несуразность. Разве можно считать капиталистической формацию, в которой капиталистическое производство ещё не преобладает? А. Розенбергу ничего не оставалось как продлить эпоху торгового капитала, работавшего на основе феодального производства, на XVI–XVIII века. Этот учёный исправил и ещё один просчёт А. Кудрявцева. По мнению первого, господство капиталистического способа производства в Западной Европе наступило в XVII–XVIII веках с огромными колебаниями по странам⁶⁵⁷. Как видим, А. Розенберг, хотя и «эмансипировался» от Восточной Европы, не удержался от некоторой модернизации.

А. Пригожин в своих предложениях не использовал понятия «торговый капитализм» и «эпоха торгового капитала». Однако Античность и русское крепостничество в его интерпретации, несомненно, проходят по этой части. Так, экономика Античности характеризовалась торгово-капиталистическими отношениями. Вершиной развития торгового капитала в античную эпоху стала мануфактура. Хозяйство Рима III–V веков регрессировало от господства торгово-капиталистических отношений, достигших расцвета в конце Республики и начале Империи, к натуральным отношениям с остатками системы торгового капитала. А что же Россия? Под влиянием перехода от натуральных отношений к мено-

вым при феодализме появляются города, разлагается старое крепостничество раннего феодализма. С XIV века феодальная реакция восстанавливает крепостничество, но на основе уже денежных отношений. Новое крепостничество было построено на базе торгового капитала. Крепостничество эпохи разложения феодализма было изначально основано на денежных отношениях. Здесь уже приходится пожалеть об отказе от «торгового капитализма», так сказать, с противоположной стороны. Построения А. Пригожина во многом были вызваны тем, что он, оставив термин «торговый капитал» и убрав термин «торговый капитализм», создал ложное впечатление, будто первый «поглотил» последний. Стоит отметить широкое использование А. Пригожиным научных понятий «натуральные и денежные отношения», на самом деле относящихся к торговому капитализму как системе⁶⁵⁸.

Весьма определённо в пользу выделения эпохи торгового капитала высказался О. Лидак, указавший на то, что в этом вопросе есть две крайности. Одна сводится к тому, что торговый капитализм является формацией, другая вообще отрицает роль торгового капитала. Видимо, «эпоху торгового капитала» О. Лидак посчитал «здоровой серединой». Учёный не остановился на её рассмотрении сколько-нибудь подробно, ограничившись замечанием о том, что она представляла собой переходный период от феодализма к капитализму. Важно, что он показал существенную роль торгового капитала в генезисе капитализма.

В связи с вышеизложенным интересное уточнение сделал В. Виктор. Он утверждал, что переход от феодализма к капитализму происходил в рамках феодальной формации, которая, разлагаясь, приобретала иную структуру хозяйства.

«Эпоху торгового капитала» косвенно поддержал Б. Греков. По его мнению, хозяйственный кризис уничтожил зачатки капиталистических отношений XVI века. К этому же времени он отнёс начало образования Всероссийского рынка⁶⁵⁹. Похоже, Б. Греков не чувствовал себя в области формационной теории достаточно уверенно, поэтому избегал обязывающих заявлений и старался держаться в общем русле.

В поддержку «эпохи торгового капитала» выступил Г. Зайдель. Он согласился с единомышленниками в том, что данная эпо-

ха была периодом разложения феодализма и перехода к капитализму. Он решительно отмежевался от сторонников «торгового капитализма», посчитав, что каждый из них на деле «изобретает» новую формацию. При этом торговый капитал и торговый капитализм – совершенно разные вещи. Г. Зайдель признал, что торговый капитал и капитализм различаются наличием особого способа производства. Однако первый играет огромную роль и при феодализме, и при капитализме. Учёный указал на то, что было бы неверно «эмансипировать» торговый капитал от капиталистического производства, так как продукты капиталистического хозяйства тоже поступают на рынок. Торговому капиталу это безусловно выгодно, пока капитализм не стал господствующим укладом, подчинив себе торговый капитал. Г. Зайдель аргументировал большую роль торгового капитала в Античности, азиатском способе производства, разложении феодализма в разных странах. Правда, к сказанному следует добавить, что историк солидаризировался и с выделением эпохи первоначального накопления капитала⁶⁶⁰. Неясно, как в его схеме она соотносилась с эпохой торгового капитала.

Некоторые историки в ходе ленинградской дискуссии высказались в пользу эпохи первоначального накопления капитала, разумеется, в её марксистской «редакции». Наиболее определённо использовали её в качестве альтернативы торговому капитализму С. Томсинский, М. Годес. Первый «вписал» данную эпоху в собственную периодизацию истории России: феодально-крепостническая формация XVII–XVIII веков, со второй половины XVIII века – её разложение, с XIX века – промышленный капитализм. Видимо, С. Томсинский разделил «старый» и «новый» феодализм на две формации. Однако промышленный капитализм стал формацией отнюдь не в начале XIX века. Эпоха первоначального накопления капитала, по его мнению, началась в XVII веке и захватила первые две упомянутые фазы, а также, видимо, отчасти и XIX век. Дело в том, что тогда сохранялось крепостничество, а оно, с точки зрения историка, было формой процесса первоначального накопления капитала. Кроме того, его эпоха продолжалась в России несколько столетий. В основе эволюции взглядов С. Томсинского в данном направлении лежала трактовка торговли как явления, вторичного по отношению к производству: производство

изменяет торговлю, а не наоборот; землевладелец является субъектом производства, а не торговли и т. п.⁶⁶¹

М. Годес ярко живописал процесс первоначального накопления капитала в Европе и Америке и указал на то, что его теоретический анализ дал К. Маркс, поэтому «изобретение» чего-то ещё на фоне всей этой «очевидности», видимо, казалось ему странным.

Н. Розенталь считал идею замены эпохи торгового капитала на эпоху первоначального накопления капитала едва ли не последним словом марксистской науки.

С этой заменой соглашался А. Пригожин. Правда, он предостерегал против упрощённого понимания эпохи «так называемого первоначального накопления», ибо она включает в себе переход от феодализма к капитализму. Иногда участники дискуссии излагали свою позицию таким образом, что складывалось впечатление, будто речь идёт о простом переименовании: то, что раньше называлось торговым капитализмом, теперь пройдёт под рубрикой «процесс первоначального накопления капитала».

Г. Зайдель согласился с выделением и эпохи торгового капитала, и эпохи первоначального накопления капитала.

Некоторые историки признавали то, что этот процесс имел место, но не «возводили» его в эпоху. Например, С. Вознесенский, по его собственным заверениям, давно боровшийся с торговым капитализмом, считал указанный процесс, а также крепостничество продуктом торгового капитала.

Определённо против выделения эпохи первоначального накопления капитала, по крайней мере, «в пику» эпохе торгового капитала высказались А. Кудрявцев и О. Лидак⁶⁶².

В целом историки не сумели должным образом оттенить разницу между эпохой первоначального накопления капитала и эпохой торгового капитала, торговым капитализмом. Безусловно, в первой их привлекало то, что, по крайней мере, терминологически, акцент переносился на производство, а конкретнее – с условий и предпосылок генезиса капитализма на формирование производственного капитала. Это казалось более теоретически «выдержанным». Нельзя не признать, что выделение эпохи первоначального накопления капитала и в ленинградской дискуссии не вызвало серьёзных возражений. Это не удивительно, поскольку её нали-

чие, с марксистской точки зрения, сомнений не вызывает. В то же время торговый капитализм как исторический период полностью включал данную эпоху. В рамках различных торгово-капиталистических явлений происходило в том числе отделение производителя от средств производства и другое, но сами они к этому последнему не сводились. Процесс первоначального накопления капитала протекал в той части торгового капитализма как системы, которая наиболее непосредственно примыкала к возникновению производственных форм капитализма.

Как и в случае с эпохой первоначального накопления капитала, учёные в целом не возражали против выделения мануфактурного периода. Основная полемика развернулась по вопросу о его месте в истории. К числу основных энтузиастов здесь смело можно отнести П. Щёголева. Сначала, опираясь на К. Маркса, он обосновал большое значение этого периода, затем отметил, что мануфактура является продуктом капиталистического способа производства, поэтому она важнее торгового капитала. Казалось бы, П. Щёголев подводит читателя к тому, что торговый капитализм нужно заменить мануфактурным периодом. Однако в дальнейшем выяснилось, что его намерения не столь определённые. Он «скромно» заключил, что, строя периодизацию истории XVI–XVIII веков, следует поставить во главу угла именно мануфактурный период. Почему? От внимания П. Щёголева не ускользнуло то, что, по К. Марксу, мануфактура не занимала господствующего положения даже на этапе разложения феодализма. В этих условиях учёный «честно» свернул в русло «торгового капитализма». Он «поправил» А. Кудрявцева в том, что в Западной Европе в XI–XVI веках происходило разложение феодализма при росте торгового капитала как его факторе. Как раз с появлением мануфактуры этот капитал выступил в качестве организатора капиталистического производства. А. Пригожин вообще заявил, правда применительно к Античности, что мануфактура является вершиной развития, к которой может привести торговый капитал, видимо, в докапиталистических формациях. Ещё дальше по этому пути пошёл Н. Розенталь, который полагал, что мануфактура была продуктом подчинения рынка торговому капиталу. Он резонно замечал, что на мануфактурной стадии в экономике торговля господствует над

промышленностью. Преобладание торгового капитала над промышленным по XVIII век включительно в Западной Европе отмечал А. Розенберг⁶⁶³. П. Щёголев же не стал разделять торговый капитализм и мануфактурный период. Торговому капиталу им отводилась особая роль, но уже в рамках последнего.

С нашей точки зрения, оптимальную трактовку мануфактурного периода в его отношении к феодализму и капитализму дал С. Вознесенский. Его мысль сводилась к тому, что мануфактурный способ производства является капиталистическим, но в феодальной формации, не перерастая её. Следовательно, он составляет капиталистический уклад в промышленности при феодализме. Правда, вряд ли корректно выделение им нескольких капиталистических способов производства.

В последнем С. Вознесенского поправил И. Шахназаров, который заявил, что мануфактурного способа производства не было, ибо мануфактура является одной из фаз единого капиталистического способа производства. Вообще И. Шахназаров скептически отнёсся к подобного рода «изобретательству», призвав ограничиться феодализмом и капитализмом.

С ним солидаризировался В. Викторов, который находил, что различия между фазами капитализма носят количественный характер. Однако он всё-таки полагал, что в процессе генезиса капитализма мануфактура играла роль переломного момента. Таким образом, мануфактурный период занимал существенное место, но не в масштабах всего общества как системы, а во «внутренней жизни» промышленного капитализма.

Позицию В. Викторова конкретизировали: М. Годес, охарактеризовавший мануфактурный способ производства как первую стадию капитализма; А. Кудрявцев, посчитавший мануфактурный период ранней фазой капиталистического способа производства; А. Малышев, отнёсший мануфактуру ко второй стадии промышленного капитализма⁶⁶⁴.

С выделением соответствующего периода согласился и Г. Зайдель. Он выразил сходную, но неуклюже выраженную мысль о том, что капиталистическая мануфактура была вехой, гранью, началом буржуазного общества. К сожалению, учёный усомнился в наличии феодальной мануфактуры. По мнению Г. Зайделя, более

значимую роль в генезисе капитализма сыграл всё-таки промышленный переворот, который завершил разложение феодализма и окончательно установил капитализм. Это важное уточнение, так как капиталистическая формация появляется при машинном производстве.

Лишь А. Кудрявцев прямо высказал мысль о том, что мануфактурный период не может быть равноценной заменой эпохе торгового капитала. По мнению самого этого автора, мануфактурный способ производства относится именно к данной эпохе⁶⁶⁵. И это справедливо. Ведь ещё «торговый капитализм» в полной мере учитывал и наличие мануфактурного производства как такового, и складывание из мануфактур определённой экономической системы.

А. Малышев «развернул» мануфактурный период в пользу своей трактовки перехода от феодализма к капитализму. Его представление о данном периоде, таким образом, было строго функциональным. У историка получилось, что этот период даёт мощный толчок превращению феодального натурального хозяйства в товарное и способствует ликвидации феодализма в сельском хозяйстве.

В контексте обсуждения рассматриваемой темы несколько особняком стоит точка зрения Н. Розенталя. Мануфактурный период он определял «традиционно» – как ранний капитализм. Однако в его концепции этот последний пришёл на смену феодализму сначала в Италии XIV–XV веков, а затем в Европе XVI–XVII веков наступила целая эпоха раннего капитализма. Правда, скорее всего, Н. Розенталь здесь произвёл простую логическую операцию. Избавляясь от «торгового капитализма», он заменил торговый капитал как фактор обмена мануфактурой как фактором производства. В результате на месте торгового капитализма оказался ранний промышленный капитализм. Этот учёный наиболее последовательно провёл мысль о том, что мануфактурным периодом следует называть то, что раньше называли торгово-капиталистической эпохой⁶⁶⁶.

Участники ленинградской дискуссии в целом отводили мануфактурному периоду более скромное место, нежели то, что ранее принадлежало торговому капитализму, а также переходному

периоду от феодализма к капитализму. Первый признавался в основном как важнейший этап развития собственно капиталистического производства в условиях генезиса капитализма. Никто не отрицал связь мануфактуры с торговым капиталом и его превосходство над капиталом промышленным, пока сохранялась система мануфактурного капитализма. Кроме того, время существования капиталистического уклада было более продолжительным, нежели мануфактурный период. Хронологически он был отнесён к феодальной формации. Ведь даже Н. Розенталь наступление своего раннего капитализма смягчал ссылкой на завершение классического феодализма. Этап разложения феодализма также оказывался более «ёмким», чем мануфактурный период. Последний лишь стимулировал данный процесс. К сожалению, некоторым важным сюжетам темы участники дискуссии не уделили должного внимания. В связи с мануфактурным периодом следовало выделить этап появления капиталистических мануфактур и время, когда они стали основой капиталистического уклада. А ведь возникновение капиталистического уклада является главным свидетельством начала разложения феодализма. Очевидно, что мануфактура в то же время была и результатом процесса первоначального накопления капитала. В ходе обсуждения не было достаточно прояснено, что включала в себя мануфактурная система: только лишь мануфактуры или, наряду с ними, такие противоположные социальные категории, как отходничество и «заводская» барщина?

Второй докладчик, А. Малышев, предложил такую концепцию русской истории, которая не предполагала эпох торгового капитала и первоначального накопления, а также мануфактурного периода. Как мы помним, в московской дискуссии эта тема была представлена более коротко и декларативно. Дело в том, что А. Малышев выдвинул на первый план не капитализм в тех или иных вариациях, а своего рода нисходящую фазу феодализма, опираясь на то, что до возникновения капитализма-формации преобладал феодальный способ производства. Естественно, он тут же увидел, что компоненты торгового капитализма сыграли огромную роль в тех изменениях, которые происходили с феодализмом, и попытался органично «вписать» эти компоненты, например, в процесс разложения феодализма. Но этим дело не ограничилось. Ведь А. Малы-

шев отнюдь не собирался игнорировать генезис капитализма. И здесь он снова столкнулся с торговым капитализмом. В результате у него стала «вырисовываться» какая-то «теория» «торгового феодализма». Рубежными в истории России А. Малышев считал XVI–XVII века, так как до них имел место ранний феодализм с натуральным в своей основе хозяйством. Что же было после него? И тут, как ни странно, учёный избегает терминов «новый феодализм», «поздний феодализм». По его мнению, с XVI века идёт очень медленная товаризация крестьянского хозяйства и гораздо более быстрая – хозяйства феодала. Почему это важно? Втягивание хозяйств феодалов и крестьян в рыночные отношения для А. Малышева – исходный пункт разложения феодализма, происходившего в режиме крепостничества. XVI–XIX века были временем перерастания натурального помещичьего хозяйства в товарное. Правда, здесь учёный выделил такое «перерастающее» хозяйство в особый экономический тип, наряду с натуральным и товарным хозяйством.

Не обходится и без участия торгового капитала. С XVI века он овладевает феодальной системой, разлагает феодальное хозяйство, но очень долго. До XIX века этот процесс шёл медленно, ограничиваясь количественным накоплением. Логично было бы предположить, что в этом веке феодально-крепостное хозяйство всё-таки становится товарным. Однако А. Малышев остался верен своей трактовке этого хозяйства как отражения пути разложения феодализма и внедрения капитализма. Последний из торгового превращается в аграрный. Вместе с тем А. Малышев признавал, что с точки зрения производства барщинное и капиталистическое хозяйства противоположны. Остаётся констатировать одно: ещё до отмены крепостного права помещичье крепостное товарное хозяйство становилось производственно-капиталистическим. Историк заключал, что крепостные барщинные хозяйства – форма овладения феодального сельского хозяйства капитализмом.

Сохранил А. Малышев и тесную взаимосвязь между крепостничеством и торговым капитализмом. Крепостное право было инструментом, при помощи которого помещик выталкивал крестьянина на рынок. В этом же был заинтересован и класс торговой буржуазии, который всё-таки существовал в отличие от клас-

са ремесленников. Ей было выгодно, чтобы на рынок поступало как можно больше продукта.

Другим важнейшим критерием наступления нового периода развития феодализма для А. Малышева было начало генезиса капитализма. С XVII века часть ремесла превратилась в кустарное производство. А. Малышев не применил термин «мелкотоварный уклад», возможно, потому, что вообще возражал против «нагромождения» укладов. На базе ремесла и определённого уровня товарно-денежных отношений развились две стадии промышленного капитализма – простая кооперация и мануфактура, которые в корне отличались от феодализма. Им частично предшествовал, частично сопутствовал торговый капитал, также понимаемый как начальные стадии развития капитализма. Не упоминая терминов «эпоха», «торговый капитализм», А. Малышев задал хронологические рамки этих стадий – XVI–XVIII века. С начала же XIX века, наряду с уже упоминавшимся аграрным капитализмом, согласно его схеме, торговый капитал переходит в промышленный капитализм. Нетрудно заметить стремление историка синхронизировать, сблизить генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве России XIX века. Кроме того, складывается впечатление, что в ряде случаев учёный «механически» заменил «торговый капитализм» «торговым капиталом», о чём приходится сожалеть.

К сильным сторонам концепции А. Малышева следует отнести попытку выявить стадии перехода от натурального хозяйства к товарному в зависимости от степени товаризации этого хозяйства. Стоит отметить осуществленный им перенос акцентов в проблематике торгового капитализма с торгового капитала на товарное производство и рынок. Не обошёл учёный вниманием и факторы, тормозившие его рост⁶⁶⁷.

Участники ленинградской дискуссии уделили меньше внимания идейным корням «торгового капитализма», нежели их московские коллеги. Под удар попали в основном те же исследователи, правда, в более ограниченном количестве. Так, по утверждению Н. Розенталя, А. Богданов считал торговый капитализм формой. По пути последнего пошёл С. Дубровский. Ведь те признаки, которые у А. Богданова и его сторонников характеризовали торговый капитализм, были перенесены С. Дубровским на кре-

постничество. Естественно, с точки зрения Н. Розенталя, богдановское понимание торгового капитализма и его вариации следует отвергнуть. Видимо, историк намекал на то, что его «торговый капитализм» не был богдановским. Этим «грешили» какие-то другие «теоретики» из числа советских марксистов.

С. Вознесенский подобного рода суждения адресовал П.И. Лященко, ещё с дореволюционных времён развивавшего соответствующие взгляды и являвшегося основоположником советской «школы» «торгового капитализма». В качестве примера С. Вознесенский привёл известное историкам-марксистам суждение П.И. Лященко о том, что дворяне были носителями торгового капитала.

О. Лидак вообще ограничился упоминанием плехановщины и рожковщины, расценив их как немарксистские. Справедливости ради надо заметить, что в данном случае он не имел в виду только лишь торговый капитализм. Иначе действительно фигура Г.В. Плеханова выглядела бы в этом контексте достаточно курьёзно. К мнению О. Лидака присоединился Г. Зайдель, полагавший, что периодизация истории была дана Н.А. Рожковым в духе буржуазных учёных. При этом Г. Зайдель упрекнул последнего в том, что он безосновательно считал себя марксистом, чему, видимо, по неопытности поверили некоторые советские историки. С. Томсинский осудил Н.А. Рожкова, в частности, за то, что последний считал Смуту начала XVII века в России дворянской революцией. Сам С. Томсинский предпочитал версию о революции крестьянской⁶⁶⁸. Всё-таки здесь стоит отметить, что для марксистов противостояние между антагонистическими классами было более «фундаментальным», чем, например, между боярством и дворянством. С этой стороны марксистская критика построений Н.А. Рожков не лишена оснований.

М. Мартынов, критикуя С. Дубровского, «вспомнил» уже сугубо буржуазную историографию: будто бы С. Дубровский так же понимал феодализм, как Н.П. Павлов-Сильванский. Принципиальные различия между феодализмом и капитализмом видел А.Е. Пресняков. М. Мартынов не ошибся: подобного рода тенденции были в этой историографии. Они сводились к традиционному «ограничению» феодализма удельным периодом. Но применительно к

С. Дубровскому это не слишком уместно, поскольку он рассуждал в рамках формационной схемы.

Отголоском недавнего конфликта вокруг работ Д.М. Петрушевского была критика взглядов его ученика А.И. Неусыхина. Иногда припоминался и сам «возмутитель спокойствия». По мнению Г. Зайделя, А.И. Неусыхин ошибочно считает М. Вебера и Д.М. Петрушевского марксистами, которые занимались углублением, дальнейшим развитием учения К. Маркса, в то время как на самом деле они придерживались совершенно иной методологии. А. Кудрявцев высказал мысль о том, что представления советских историков о феодализме сложились под известным влиянием А. Допша и Д.М. Петрушевского, которые везде находили развитый обмен вплоть до вотчинного капитализма⁶⁶⁹.

Выступавшие в ленинградской дискуссии учёные в поиске немарксистских истоков «торгового капитализма» больше ссылались на зарубежных исследователей. Первенство среди последних было отдано К. Бюхеру и В. Зомбарту. Ещё А. Кудрявцев в своём основном докладе указал на то, что К. Бюхер преувеличил натурально-хозяйственный характер докапиталистической экономики. В рамках огромной эпохи он видел однотонное натуральное хозяйство. Данная ошибка была следствием того, что К. Бюхер не был диалектиком, видимо, поэтому ему трудно было «объединить» в рамках одной системы феодальное поместье и, например, торговый капитал. А. Кудрявцева в этом вопросе поддержал А. Малышев. Его не устроило то, что К. Бюхер понимал феодальное хозяйство не только как натуральное, но и как безобменное, как бы «натурализировал» феодализм. Советский историк поправлял своего маститого коллегу в том смысле, что, по К. Марксу, экономическая сущность хозяйства не определяется его натуральным или товарным характером. Под ней, видимо, подразумевался способ производства. А. Пригожин добавил к этому, что даже старое вотчинное хозяйство не было безобменным. При этом М. Мартынов напрасно упрекал К. Бюхера в том, что этот учёный и крепостное хозяйство считал тоже натуральным⁶⁷⁰.

На концепцию В. Зомбарта обратил внимание С. Вознесенский. Она заинтересовала советского историка потому, что, с его точки зрения, её придерживался один из отечественных провоз-

вестников «торгового капитализма» П.И. Лященко. С. Вознесенский даже прямо заявил, что именно В. Зомбарт является родоначальником школы торгового капитала, надо полагать, в мировом масштабе. В подтверждение этому С. Вознесенский указал только на одно положение, выдвинутое этим немецким экономистом: первоначальным капиталистическим накоплением занимались не купцы и ремесленники, а прежде всего дворяне. Со своей стороны мы хотели бы добавить, что как раз «торговый капитализм» М.Н. Покровского разъяснял это кажущееся противоречие, ибо на определённых этапах его развития товарные барщинное крепостное и оброчное крестьянское хозяйства составляли основу рыночного сектора национальной экономики. Правда, нужно признать, что в отличие от К. Маркса В. Зомбарт недостаточно учитывал разницу между капиталистическим перерождением аграрной экономики и возникновением капиталистических предприятий в торговле и промышленности. Полемизируя с С. Вознесенским, С. Томсинский упомянул ещё ряд положений теории В. Зомбарта. Последний считал, что торговый капитал не был заинтересован во внеэкономическом принуждении, поэтому ему не был выгоден феодализм. С. Томсинский возражал им в соответствии с концепцией торгового капитализма: напротив, благодаря помещику, купец получал больше прибыли; и помещики, и купцы богатели на феодальных производственных отношениях при помощи государства. Другой ошибкой В. Зомбарта С. Томсинский считал недооценку последним капиталистического накопления в сельском хозяйстве, которое якобы осуществлялось в основном «в подрядах, откупах, в торговле и промыслах». Здесь С. Томсинский в отличие от С. Вознесенского имел в виду именно процесс первоначального накопления капитала с его экспроприацией крестьянства и другое, а не концентрацию денег и товаров (но не средств труда) в руках сельских предпринимателей. Г. Зайдель заподозрил В. Зомбарта в переходе на позиции «экономического» идеализма. Если раньше тот ставил во главу угла общественное производство, то теперь пресловутый «хозяйственный дух». По словам Г. Зайделя, по этому же пути шёл и М. Вебер⁶⁷¹. Следовательно, их взгляды эволюционировали в сторону от марксизма. Примечательно, что Г. Зайдель обратил внимание на методологическую основу воззрений этих исследователей.

Н. Кашин упомянул неверную, с его точки зрения, идею Р. Гильфердинга о том, что поместье является продуктом капиталистического преобразования феодального хозяйства. Если говорить о торговом капитализме и не утверждать, что различия между ними носили принципиальный характер, то данное утверждение известного австрийского марксиста возражений не вызывает. В какой-то мере это понимал и Н. Кашин, указывая на ошибочность именно противопоставления упомянутых хозяйственных форм⁶⁷².

Нельзя не отметить, что в ходе ленинградской дискуссии взгляды ведущих специалистов по экономической истории не рассматривались специально, подробно и глубоко, в том числе по объективным причинам. Речь идёт о такой форме работы, как своего рода научная конференция со сравнительно небольшими по объёму выступлениями, другой главной темой, необходимостью высказаться сразу по нескольким важным вопросам. В связи с этим историографическим сюжетам были посвящены, строго говоря, отдельные реплики, зачастую включавшие в себя достаточно очевидные и поверхностные сведения. В целом полезно, что советские историки стали более чётко осознавать различия между разными концепциями, освещавшими экономическую историю, выявлять степень их соотносённости с марксизмом. Плохо то, что было крайне затруднено использование их работ в дальнейшем. Необходимо же было определить, как применять достижения исследователей «экономического» направления, не допуская при этом искажения марксистского учения. Кстати, тот же М.Н. Покровский мастерски умел это делать.

Среди историков-марксистов 1920-х гг. наиболее пристального внимания со стороны участников дискуссии удостоились взгляды А. Малышева. Было достаточно очевидно, что этот автор хотя и не написал, подобно С. Дубровскому, монографии, характеризующей исторический процесс с позиций формационной теории, по крайней мере, дальше других продвинулся в создании новой марксистской концепции отечественной истории. Похоже, А. Малышев претендовал на то, чтобы его концепция пришла на смену менее состоятельным и более уязвимым для критики с точки зрения марксистской науки построениям С. Дубровского. Естест-

венно, А. Малышев также оказался под огнём критики. С одной стороны, коллеги видели в нём опасного конкурента. С другой стороны, как известно, наиболее содержательному разбору обычно подвергается наиболее качественная концепция хотя бы потому, что она сложна, интересна, в ней много моментов спорных, но в то же время глубоких.

З. Лозинский находил, что А. Малышев преуменьшил товарность хозяйства крепостника, а ещё больше крестьянина. По мнению З. Лозинского, в период разложения феодализма первое уже было товарным и мешало товаризации второго, по крайней мере в барщинных районах. С нашей точки зрения, позиция А. Малышева в этом вопросе была более умеренной и точной. В том, что касается крестьянского хозяйства, то З. Лозинский, видимо, отреагировал на высказывание А. Малышева о крепостном праве как средстве, позволявшем помещику заставить крестьянина выйти на рынок. Как нам представляется, в этом случае между позициями этих учёных нет противоречия, так как наблюдались оба отмеченных ими явления. Более аккуратно выразился М. Мартынов, который утверждал, что А. Малышев, как и С. Вознесенский, преуменьшили развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве в крепостную эпоху⁶⁷³.

Более остро критиковал А. Малышева А. Пригожин. Последний обнаружил у него «бюхеровское» противопоставление феодализма меновым отношениям. Это несправедливо. Ведь А. Малышев не считал феодальное хозяйство безобменным. Учёный признавал лишь высокую степень натуральности этого хозяйства на его докрепостнической стадии. По мнению А. Пригожина, следующая ошибка А. Малышева состояла в том, что, согласно его схеме, разложение феодализма и эпоха первоначального накопления капитала были связаны с денежной рентой, в то время как в России была отработочная⁶⁷⁴. Это ещё более странное замечание, ведь в России и до XIX века существовало не только барщинное, но и оброчное хозяйство. К тому же понятно, что денежная рента ближе к аграрно-производственному капитализму. Конечно, сокращение крестьянских наделов в барщинном имении вело к концентрации в руках феодала такого экономического ресурса, как земля, но средства труда оставались собственностью крестьянина.

При этом земля и рабочие руки при старой системе хозяйства не превращались в капитал. Между тем крестьянин-отходник оброчного имения становился наёмным работником.

Противоречивую позицию по поводу взглядов А. Малышева занял С. Вознесенский. Он почему-то не согласился с ним в том, что в России торговый капитал сохранил феодальный способ производства. Здесь С. Вознесенский не учёл двойственную роль торгового капитала, который, с одной стороны, консервирует феодальный способ производства, а с другой – перетекает в промышленность. Кроме того, торговый капитал заставляет феодализм постоянно меняться, но во имя его самосохранения. Между тем С. Вознесенский согласился с А. Малышевым в том, что крепостничество обязано своим происхождением торговому капиталу, правда, с несколько странной поправкой, что оно было и до XVI века. Более того, С. Вознесенский пошёл дальше своего оппонента, отметив, что крепостное хозяйство превращалось в товарное с развитием торгово-капиталистических отношений, хотя А. Малышев столь категорично этот вопрос не ставил. В то же время С. Вознесенский верно заметил, что А. Малышев не учёл разную степень товаризации различных типов феодальных хозяйств.

О. Лидак обнаружил неправоту А. Малышева в том, что он находил в барщинном хозяйстве элементы капитализма, вероятно, производственного. Нельзя не признать, что О. Лидак верно подметил некоторую неясность, недосказанность в суждениях А. Малышева по данному вопросу.

Н. Кашин полагал, что А. Малышев преувеличенно сблизил феодализм, вероятно «старый», и крепостничество. Видимо, Н. Кашину казалось, что нужно более определённо подчеркнуть разницу между ними. С нашей точки зрения, А. Малышев, напротив, показал её достаточно чётко.

М. Мартынов с удовлетворением констатировал понимание А. Малышевым известного теоретического положения о том, что связь с рынком не исключает натуральности хозяйства.

Г. Зайдель упрекал А. Малышева в недооценке роли торгового капитала. Это проявлялось, например, в том, что А. Малышев не видел в крепостном праве следствие зависимости помещика от рынка. Видимо, Г. Зайделю так казалось потому, что А. Малышев,

в отличие от него самого, не выделял особую эпоху торгового капитала⁶⁷⁵. С нашей точки зрения, в остальном А. Малышев отводил компонентам торгового капитализма весьма достойное место в истории России.

Любопытно, что никто из участников ленинградской дискуссии не солидаризировался с концепцией А. Малышева в целом, хотя его построения были приняты более дружелюбно, нежели «теория» С. Дубровского. В то же время с отдельными положениями этой концепции они охотно соглашались.

Не слишком критиковали выступавшие докладчика В. Кудрявцева, хотя для этого было больше оснований. П. Щёголев находил странным, что В. Кудрявцев возрождает термин «эпоха торгового капитала», который, по мнению самого П. Щёголева, «отыграл» свою роль и должен быть совершенно устранён. Такого же мнения придерживался З. Лозинский. М. Годес указал на то, что у В. Кудрявцева данная эпоха подменила марксову эпоху первоначального накопления капитала⁶⁷⁶.

Как ни странно, участники дискуссии мало вспоминали С. Дубровского. Видимо, считалось, что над его «разоблачением» потрудились достаточно. Да и выявление его ошибок для молодых марксистов не представило больших затруднений.

В большей степени под удар попал С. Вознесенский, который «неосторожно» заявил: в то время как все советские марксисты шли за М.Н. Покровским, он всегда придерживался «правильных» марксистских взглядов, к чему с большим опозданием пришли и его коллеги. Историки единодушно осудили С. Вознесенского за его выпады против М.Н. Покровского. Тут хотелось бы обратить внимание на один любопытный момент. Историк, сам критиковавший М.Н. Покровского и не испытывавший по этому поводу особых переживаний, очень ревниво относился к борьбе с его взглядами со стороны других исследователей, что заставляло такого учёного временно вернуться на позиции своего учителя. В. Викторов резонно подметил, что С. Вознесенский попытался разделить приверженцев М.Н. Покровского и К. Маркса. Были попытки изобразить воззрения самого С. Вознесенского как немарксистские. Так, Г. Зайдель заметил, что периодизация русской истории в изображении этого учёного является не более марксистской, чем у Н.А. Рожкова⁶⁷⁷.

Впрочем, взгляды С. Вознесенского рассматривались и по существу. Так, И. Шахназаров справедливо заметил, что, вопреки утверждениям С. Вознесенского, купеческие капиталы складывались в том числе за счёт крепостничества. Дворяне же нуждались в купцах как в торговых посредниках, что, Впрочем, не отменяло противоречий между ними. Данное мнение поддержал С. Томсинский, который полагал, что, благодаря крепостнику-помещику, купец получал больше прибыли. Он считал, что противопоставлять купечество и крепостника вообще не «по-ленински». М. Мартынов упрекнул С. Вознесенского за то, что последний преуменьшил развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве в крепостническую эпоху, но это своё утверждение не конкретизировал. С нашей точки зрения, С. Вознесенский, напротив, действовал здесь довольно «аккуратно», отметив, что крепостная экономика в целом переходила к товарному хозяйству⁶⁷⁸. Может быть, возражения М. Мартынова были вызваны тем, что его оппонент не выделил сектор феодального хозяйства, уже ставшего товарным в первой половине XIX века. А. Малышев осудил С. Вознесенского, а также О. Лидака и С. Дубровского за то, что они не включают ремесло в феодальную формацию, в то время как, по мнению самого А. Малышева, оно не образует даже особого уклада. С этим можно согласиться, правда, с обязательной поправкой на то, что производственные отношения в ремесле всё-таки не являются феодальными.

До выступления С. Вознесенского участники дискуссии критиковали в основном «торгово-капиталистическую формацию» Н. Розенталя, но скорее по инерции, видимо, уже как нечто разоблачённое и преодолённое. По мнению А. Пригожина, Н. Розенталь сконструировал свою эпоху торгового капитализма из учения о переходном периоде от феодализма к капитализму К. Маркса, вероятно, имея в виду то, что его суждения по этому вопросу сложны, многочисленны, разнообразны, «разбросаны» по разным работам. Понятно, что все исследователи как-то интерпретировали марксизм. А. Пригожин фактически поставил задачу сравнения теоретико-методологических основ тех или иных исторических концепций, предложенных марксистами, с позицией основоположников исторического материализма. Столь же диплома-

точно выразился и П. Щёголев. Он поблагодарил Н. Розенталя за отказ от положения о том, что в XVI–XVIII веках имело место классовое господство торговых капиталистов. С. Вознесенский добавил к этому, что дворяне, вопреки Н. Розенталю, не были торговыми капиталистами⁶⁷⁹. По нашему мнению, в подобного рода случаях историки совершенно напрасно недоумевали по поводу вполне объяснимых противоречий. В торгово-капиталистической системе были задействованы представители разных общественных классов. Те из них, кто выступал в качестве эксплуататоров, естественно, использовали её в своих интересах. Среди них были и феодалы, и купцы, и чиновники, малая часть посадских людей и крестьян, но при этом они не утрачивали своей классово-сословной принадлежности. Тех же помещиков, хозяйство которых тесно связано с рынком, в каком-то смысле можно считать торговыми капиталистами, но не как общественный класс в марксистском его понимании. А. Розенберг почему-то не согласился с Н. Розенталем в том, что при работе на скупщика имеет место капиталистический способ производства. Между тем К. Маркс много писал о капиталистической работе на дому, о рассеянной мануфактуре. Правда, скорее всего, мысль А. Розенберга состояла в том, что на этой стадии своего развития капитализм не может господствовать. С неё нельзя начинать капиталистическую эпоху или формацию.

Ближе всего к Н. Розенталю, а с ним и к старым схемам торгового капитализма, стоял А. Розенберг. Так, П. Щёголев заметил, что недооценка мануфактуры привела А. Розенберга к переоценке торгового капитала, который не играет самостоятельной роли в организации капиталистического производства и не сохраняет, а разлагает феодализм. Мы бы здесь в большей степени согласились с А. Розенбергом. К тому же, противореча сам себе, П. Щёголев обнаружил, что торговый капитал порождает «второе издание» крепостничества. Историки, которые отстаивали более значительную роль торгового капитала и его системы в истории, были зачастую убедительнее тех, кто отводил им роль поскромнее. В. Кудрявцев нашёл, что А. Розенберг даже недооценивает роль торгового капитала, которая была не только консервирующей, но и реорганизующей, разлагающей старый способ производства⁶⁸⁰. Историки вообще много занимались этой проблемой, некоторые

из них, конечно, сужали её. Но на самом деле они, скорее, пытались установить, какую роль торговый капитал играл на том или ином этапе истории в первую очередь.

К сторонникам торгового капитализма как формации, кроме Н. Розенталя, С. Вознесенский отнёс ещё М. Вяткина и Г. Мерсона: первого – за выделение торгово-капиталистической эпохи, второго – за объявление пугачёвщины ранней буржуазной революцией, в ходе которой привилегированный монополистический капитал противостоял «мужицкому» капиталу. В последнем случае речь шла о борьбе товариствующих помещичьего и крестьянского хозяйств. Во второй половине XVIII века она была не настолько сильна, чтобы определять существенно значимые социальные процессы.

О. Лидак критиковал С. Томсинского за то, что последний заменил эпоху торгового капитала эпохой первоначального накопления капитала. К этому мнению присоединился В. Кудрявцев. Как видим, ещё находились исследователи, выступавшие против даже наиболее корректных перемен в терминологии.

Г. Зайдель совершенно напрасно упрекал А. Пригожина в выделении феодальной мануфактуры. Видимо, он полагал, что мануфактуры могут быть только капиталистическими. Нельзя не заметить того, что время от времени советские историки-марксисты допускали довольно элементарные ошибки в теоретических вопросах.

А. Малышев подверг критике мнение М. Мартынова и Г. Мерсона о том, что крепостное хозяйство возникло как товаропроизводящее и далее в этом смысле не эволюционировало. На самом деле их ошибка, по мнению А. Малышева, была принципиальной, поскольку, считая феодальное хозяйство натуральным, а крепостное товарным, они выявили качественные различия между этими хозяйственными формами.

В. Кудрявцев верно указал на то, что мануфактурный период, предложенный П. Щёголевым, уже эпохи торгового капитала и меньше подходит для обозначения данного периода⁶⁸¹.

Многие участники ленинградской дискуссии затрагивали вопрос о взглядах М.Н. Покровского на торговый капитализм. Эта тема в ней оказалась одной из основных. Примечательно, что

ни один из исследователей не высказал однозначно негативного отношения к концепции этого историка. Оба докладчика в ходе дискуссии М.Н. Покровского не критиковали. Напротив, В. Кудрявцев и А. Малышев доказывали, будто последний в действительности придерживался таких же взглядов, что и они. Более того, докладчики считали необходимым подчеркнуть, что их выводы соответствуют «учению» М.Н. Покровского. Это было вполне уместно. Не вдаваясь в подробности, «родство» между ними очевидно. В. Кудрявцев, стоявший на позициях обозначения переходного периода от феодализма к капитализму как эпохи торгового капитала, утверждал, что данную эпоху в истории России открыл именно М.Н. Покровский и даже заявил, что это его положение не может быть опровергнуто. Причём В. Кудрявцев специально предупредил, что данная идея М.Н. Покровского не была порождением экономического материализма, так как глава советских историков-марксистов всегда выступал против упрощённого экономизма⁶⁸².

Более подробно и конкретно о взглядах М.Н. Покровского высказался А. Малышев. Избегая термина «торговый капитализм», он заметил, что, по М.Н. Покровскому, в России XVI–XVIII веков происходило развитие торгового капитала, под которым следует понимать начальные стадии развития капитализма, скорее, в смысле генезиса капитализма, нежели в смысле эволюции уже существующего капиталистического строя. Сославшись на «Русскую историю с древнейших времён» М.Н. Покровского, А. Малышев указал, что тот верно показал связь крепостного хозяйства с рынком, включая её динамику и неравномерность. В связи с этим он полагал, что М. Мартынов и Г. Меерсон напрасно ссылаются на М.Н. Покровского, доказывая, что крепостное хозяйство изначально было товаропроизводящим. По А. Малышеву, точка зрения М.Н. Покровского состояла в следующем. Действительно, и в XV веке в хозяйстве помещика производились товары, однако его хозяйство становится хлебной фабрикой, то есть как бы полностью товарным, только с конца XVIII века. Почему? С этого времени под влиянием хлебного экспорта процесс эволюции натурального хозяйства в товарное ускорился. В сельского же хозяина русский помещик превратился только в начале XIX века. Иными словами,

именно тогда товарно-помещичье хозяйство стало важнейшим компонентом экономической системы. А. Малышев говорил бегло, не всегда подбирал лучшие формулировки, но суть дела изобразил правильно. С «помощью» М.Н. Покровского А. Малышев выступил против «удревнения» форм ренты, поскольку первый доказал, что продуктовая рента предшествовала барщине, видимо, в качестве основной формы. Барщина стала быстро развиваться только с XVI века. При этом распространение барщинного хозяйства было напрямую связано с развитием товарно-денежных отношений. По мнению А. Малышева, М.Н. Покровский считал крепостничество не формацией, а новым феодализмом, то есть важнейшей стадией развития феодальной формации. А. Малышев утверждал, что М.Н. Покровский видел разницу между помещиком и «буржуа», имея, вероятно, в виду, что не принимал феодала за капиталиста и наоборот. Фактически А. Малышев показал, что типичные «торгово-капиталистические» (или приписываемые «торговому капитализму») ошибки у М.Н. Покровского отсутствовали. А. Малышев не забывал напоминать о том, что некоторые выводы последнего совпадали с ленинскими⁶⁸³.

3. Лозинский отметил, что, по М.Н. Покровскому, особенности крепостного хозяйства, то есть его отличия от старого феодального, заключались в его связи с рынком. Мы бы уточнили, что они были порождены более рыночным характером этого хозяйства. Эту мысль З. Лозинского развил М. Мартынов. По его мнению, согласно концепции М.Н. Покровского, установление крепостничества произошло на некоем особом новом этапе развития товарно-денежных отношений. В дальнейшей эволюции крепостничества М. Мартынов, ссылаясь опять-таки на М.Н. Покровского, сместил акцент в сторону производства, заявив, что барщинная и оброчная системы распространялись по причине усиления связи крепостного хозяйства с рынком. М. Мартынов подчеркнул, что у М.Н. Покровского оно качественно не менялось на протяжении всей своей истории. Правда, он почему-то утверждал, что, по М.Н. Покровскому, это хозяйство изначально функционировало как товаропроизводящее. Видимо, это была какая-то оговорка. Ведь сам же М. Мартынов отмечал, что М.Н. Покровский в своём «Очерке истории русской культуры» верно показал эволюцию

крепостничества. Скорее всего, М. Мартынов имел в виду, что крепостное хозяйство представляет такой тип феодального хозяйства, которое обязательно, хотя бы отчасти, работает для рынка. В. Викторов отнёс к заслугам М.Н. Покровского установление связи возникновения барщинного хозяйства с внешним рынком. По мнению Б. Грекова, М.Н. Покровский даже произвёл настоящую революцию в этом вопросе. Теперь нужно дополнить её раскрытием роли внутреннего рынка в появлении крепостничества⁶⁸⁴. Это, несомненно, важная для проблематики торгового капитализма научная задача. Она была разрешена М.Н. Покровским на базе того материала, который был известен в его время, а тогда, конечно, не было полной картины состояния внутреннего рынка в стране в XVII–XVIII веках.

С. Вознесенский разделил развитие исторических взглядов М.Н. Покровского на два этапа. При этом на первом, дореволюционном, М.Н. Покровский написал о торговом капитале много верного и, видимо, вообще не предлагал некоей концепции торгового капитализма. С. Вознесенский признавал, что историки «торгового капитализма» шли за М.Н. Покровским. Но в каком смысле? Он не был «отцом» их школы, они заимствовали у него лишь отдельные «фразы». Получается, что эти историки не основывались на его концепции торгового капитализма в целом. Другое мнение на этот счёт высказал И. Шахназаров. Он полагал, что, напротив, ученики М.Н. Покровского вышли из его «шинели». Правда, среди таковых он назвал конкретно А. Малышева и С. Томсинского, взгляды которых, видимо, в наибольшей степени устаривали самого И. Шахназарова. Вместе с тем В. Викторов заметил, что неправильно было бы приписывать термин «торговый капитализм» только лишь эпигонам М.Н. Покровского, поскольку этот автор сам его использовал, в том числе в своих дореволюционных трудах, например в «Очерке истории русской культуры»⁶⁸⁵.

О. Лидак подчеркнул, что М.Н. Покровский является марксистом, возражая таким образом против попыток С. Вознесенского, по крайней мере, усомниться в этом. Его поддержал И. Шахназаров, который утверждал, что в вопросах торгового капитала М.Н. Покровский шёл за К. Марксом и В.И. Лениным. С. Томсинский настаивал на том, что М.Н. Покровский произвёл в исто-

рической науке настоящую революцию. Свергнута же ею была буржуазная историография. С. Томсинский уточнил, что ученики М.Н. Покровского часто спорили с ним, но при этом все они оставались марксистами. Следовательно, он показал, что в исторической науке возможны разные, но при этом марксистские взгляды на какой-нибудь предмет. С этой точкой зрения солидаризировался Г. Зайдель. Он назвал М.Н. Покровского подлинным марксистом и предупредил против подмены его концепции другой, менее марксистской. Г. Зайдель резонно указал на то, что М.Н. Покровский боролся против немарксистских, псевдомарксистских исторических концепций⁶⁸⁶. В связи с этим позволительно задать вопрос, зачем М.Н. Покровскому отстаивать те положения своей концепции, которые он критиковал у других авторов? Это было бы бессмысленно, даже если бы М.Н. Покровский руководствовался лишь «прагматическими» соображениями.

И. Шахназаров указал на то, что, в отличие от С. Дубровского, М.Н. Покровский не считал крепостничество формацией. В своих основных курсах он писал о феодализме, его эволюции, разложении и т. п. Иными словами, этот учёный относил крепостничество к феодальной формации. М. Мартынов уточнил, что новый феодализм в концепции М.Н. Покровского как раз и есть крепостничество.

С. Томсинский присоединился к нему и С. Вознесенскому в том, что М.Н. Покровский и торговый капитализм не считал формацией. По мнению первого, концепцию торгового капитализма М.Н. Покровского нужно не ликвидировать, а значительно поправить. Почему? Без «торгового капитализма» понять историю России невозможно. С. Томсинский нашёл в этой концепции много верного: она не исключает, а даже предполагает новый феодализм, купечество завоевало Сибирь, Украину и другие территории, Смута была именно крестьянской революцией⁶⁸⁷. Даже в последнем случае С. Томсинский был не так уж неправ. Если говорить о классовой подоплёке событий, то главным конфликтом эпохи было противостояние феодалов и крестьян, а не бояр и дворян, дворян и казаков.

В. Викторov выдвинул ещё один аргумент в пользу того, что торговый капитализм у М.Н. Покровского не являлся форма-

цией. По его утверждению, М.Н. Покровский, как и К. Маркс, считал, что торговый капитал не образует нового способа производства: он создаёт крупный обмен на базе мелкого производства. В. Викторов поддержал С. Томсинского в том, что не следует отказываться от торгового капитализма. Ведь торговый капитал многое меняет в самом способе производства.

Теперь перейдём к критике участниками ленинградской дискуссии взглядов М.Н. Покровского на торговый капитализм. Любопытно признание Н. Розенталя, которому было неясно, что собой представляет торговый капитализм в концепции М.Н. Покровского. Иногда можно подумать, что формацию⁶⁸⁸. Но ведь Н. Розенталь был одним из наиболее известных и последовательных сторонников «торгового капитализма». Данное обстоятельство лишней раз подтверждает то, что торгово-капиталистические изыскания иных авторов могли достаточно серьёзно отличаться от построений М.Н. Покровского.

С. Вознесенский довольно подробно изложил своё понимание ситуации вокруг торгового капитализма. По его мнению, в советский период М.Н. Покровский сделал на этот счёт парадоксальные немарксистские заявления, которые к тому же были извращены его учениками. Таким образом, С. Вознесенскому принадлежит наиболее серьёзный критический выпад в адрес М.Н. Покровского в рамках ленинградской дискуссии. С. Вознесенский осудил его тезисы о царизме как торговом капитале в шапке Мономаха (в этом его поддержал С. Томсинский) и о дворянах как агентах торгового капитала. Первое положение было пересмотрено самим М.Н. Покровским. Второе его оппонент понял так, будто господствующим классом в России был некий торговый капитал, которому служили дворяне. С нашей точки зрения, речь здесь шла обычно о том, что дворяне сами являлись торговыми капиталистами. Как господствующий класс они состоялись потому, что были феодалами, но оставались таковым по начало XX века потому, что «вросли» в торговый капитализм. По мнению С. Вознесенского, в своей «Русской истории с древнейших времён» М.Н. Покровский совершенно иначе рассматривал торговый капитал, не допуская подобных ошибок. С. Вознесенский объявил торговый капитализм в концепции М.Н. Покровского следствием её недостатков

(«парадоксов»), хотя и признал, что сам этот учёный не объявлял его формацией. С. Вознесенский оспорил положение М.Н. Покровского о том, что крепостничество было создано торговым капиталом. По мнению первого, крупные купцы создавали свои капиталы на эксплуатации свободных мелких производителей. Только в конце XVIII века к ним добавились помещики, которые, будучи господствующим классом, оттеснили купцов. Согласно концепции торгового капитализма М.Н. Покровского, торговый капитал опирался на все типы хозяйств, которые могли предложить рынку некоторое количество пользующегося спросом товара, создаваемого трудом непосредственных производителей, например крестьян в том же поместье, хотя в дальнейшем по мере формирования барщинной системы, приближения дворянского имения к товарному хозяйству удельный вес феодалов в рамках торгового капитализма действительно повышался. Да и сам С. Вознесенский охотно соглашался с тем, что крепостничество создавали феодалы под влиянием рынка⁶⁸⁹. Правда, с его точки зрения, помещики и купцы занимались разным делом, каждый сам по себе, и феодалы XVII – середины XVIII веков, видимо, к торговому капитализму отношения не имели. Связанные с рынком феодальные хозяйства почему-то приобрели его только после этого периода.

По мнению Н. Кашина, М.Н. Покровский присоединился к идее Р. Гильфердинга о том, что крепостное поместье было продуктом капиталистического преобразования сельского хозяйства. Следовательно, по М.Н. Покровскому, разница между феодальным и крепостным хозяйством была существенной. Он их якобы решительно противопоставлял. Н. Кашин «намекал» на то, что М.Н. Покровский типично феодальное хозяйство считал в каком-то смысле капиталистическим. Тут всё верно, если только понимать, что речь идёт о торговом, а не производственном капитализме.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже несомненные сторонники М.Н. Покровского, например О. Лидак, И. Шахназаров, признавали, что его построения не были безупречными, туманно намекая на некоторые перегибы, неудачные формулировки и т. п. С. Томсинский заметил, что ошибки его учителя были даже в какой-то мере полезны, так как заставляли молодых советских учёных самостоятельно и глубоко изучать марксизм⁶⁹⁰.

Значительное место в дискуссии заняла критика построений тех историков-марксистов, которые в своё время придерживались торгово-капиталистических воззрений, но, прежде всего, считали торговый капитализм формацией. В процессе обсуждения выявилась масштабная картина преодоления «торгового капитализма» в советской историографии 1928–1929 гг. Качественный перелом в намерениях произошёл, судя по всему, в 1929 г. Интересно, что «изживание» «торгового капитализма» осуществлялось в несколько странной форме, «обнаруженной» самими участниками дискуссий, а именно в процессе публичных выступлений, в докладах, на семинарах и т. п. Об этом не было написано ни одной монографии или даже специальной статьи. В то время как советские историки везде заявляли о том, что успешно «избавились» от «торгового капитализма», осознали всю его ошибочность и архаичность, из-под их пера продолжали выходить книги, в том числе учебного характера, в которых этот самый «торговый капитализм» сохранялся едва ли не в полной неприкосновенности, особенно по существу.

В 1930 г. в журнале «Историк-марксист» были опубликованы материалы дискуссии о социально-экономических формациях, состоявшейся в секции по изучению докапиталистических формаций Общества историков-марксистов 17 и 24 мая 1929 г. Докладчиками на ней выступали С. Дубровский и А. Ефимов. Большая группа учёных приняла участие в прениях по прозвучавшим докладам. Доклад С. Дубровского, по существу, являлся авторефератом его на тот момент ещё не вышедшей книги «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Выступления участников дискуссии публиковались по соответствующим стенограммам, но в «сокращённом изложении». Судя по косвенным признакам, они имели возможность ознакомиться с этими записями и внести необходимые поправки⁶⁹¹. Однако нельзя не отметить, что и год спустя проблема оставалась по-прежнему актуальной, а сделанные выводы прошли известную проверку временем.

В том, что касается альтернативы торговому капитализму, на первый план вышли экономические уклады, стадии феодализма, переходный период от феодализма к капитализму. Вовсе не

обсуждались в качестве таковых эпоха первоначального накопления капитала и мануфактурный период. Напротив, вопрос о выделении эпохи торгового капитала и тем более некоего связанного с ним периода ставился со всей определённойностью.

Огромное место в дискуссии заняла проблема соотношения крепостничества с базовыми компонентами торгового капитализма.

А. Малышев задал тон дискуссии своим утверждением о происхождении капиталистического способа производства из «элементов разложения феодализма», которые в ходе этого процесса освобождаются «для нового строя». Впрочем, неясно, что он здесь имел в виду: продукты разлагающегося феодализма, становящиеся «сырьём» для формирующегося капитализма, или какие-то «блоки», которые «складывались» в капиталистическое производство. Тут же он квалифицировал всё это как предпосылки «происхождения» капитализма. Видимо, в данном конкретном случае А. Малышев не слишком интересовался этой проблематикой. Для него важнее было констатировать невозможность какой-либо ещё формации между феодализмом и капитализмом. Однако его несомненным достижением было «введение в оборот» особого периода истории феодализма, который сопровождался генезисом капитализма.

Крепостничество А. Малышев в отличие от своего оппонента С. Дубровского отнёс к феодальной формации, квалифицировав его как превращённую форму феодальных отношений. Существенную, системообразующую роль сыграл здесь торговый капитал, поскольку, видимо, благодаря ему при крепостничестве «политическую голову русского феодализма» сменил абсолютизм. По словам А. Малышева, русское крепостничество в целом являлось «продуктом закрепления феодальных отношений под влиянием развития торгового капитала». Таким образом, мы видим попытку вписать торгово-капиталистическое в крепостническое. С нашей точки зрения, эту тенденцию можно считать достаточно перспективной.

Теперь надлежало объединить два упомянутых выше положения, что учёный и сделал. В «переходный период от феодализма к капиталистическому хозяйству... рост денежных отношений, рост торгового капитала толкал помещиков на закрепощение

крестьян и в то же время являлся опорой для абсолютной монархии». Следовательно, переход к капитализму, крепостничество и абсолютизм есть один и тот же исторический период, совпадающий с «торговым капитализмом» М.Н. Покровского. Правда, здесь можно привести некоторое возражение, заключающееся в том, что А. Малышев вроде бы говорил о формирующемся промышленном капитализме. Однако сам этот учёный развеял наши сомнения: по его мнению, в России «создание абсолютной монархии происходило на базе развития буржуазных отношений, то есть на базе торгового капитала». Кстати, это означает, что он не может быть сведён к причине, одному из условий наступления производственного капитализма. Речь идёт об общественной среде во всём её многообразии, не на которой, а из которой непосредственно «произрастал» капитализм.

При такой постановке вопроса надлежало определиться со взаимосвязью между крепостничеством, абсолютизмом и торговым капиталом. «Русский торговый капитал и русское крепостное хозяйство представляли собою в известном смысле нечто слитное и единое. <...> То и другое шло вперед, одно другое оплодотворяло». Торговый капитал слился с крепостным хозяйством, жил в его недрах и в то же время его разлагал. Вместе с тем А. Малышев видел в них разные явления, между которыми существовали определённые противоречия. «Русская абсолютная монархия является представительницей крепостного хозяйства» и торгового капитала. Причём последний «создавал эту русскую абсолютную монархию, он давал ей соки, которыми она могла жить»⁶⁹². Всё вышеперечисленное вполне можно было объединить термином «торговый капитализм». Пожалуй, это единственное, что останавливало А. Малышева в его рассуждениях. Мы видим, что чем дальше он развивал свою мысль в этом направлении, тем больше «скатывался» к безоговорочному следованию концепции торгового капитализма.

Остальные участники дискуссии, как ни странно, в этом пункте А. Малышеву не возразили. Они развивали сходные идеи, пусть более кратко и осторожно. Например, занимавшийся историей Индии А. Мухарджи констатировал, что «торговый капитал в лице Ост-индской компании играл выдающуюся роль в развитии Индии после Акбара, и поэтому никоим образом нель-

зя отделить феодальную и крепостническую основы от торгового капитала».

И. Минц, по сути дела, солидаризировался с А. Малышевым в вопросе о связи крепостничества и торгового капитала. «Но бывает, что торговый капитал овладевает прибавочным продуктом, и в этом случае он не противостоит производителю непосредственно, а пользуется какой-то промежуточной ступенью. И вот крепостничество было той ступенью, той формой, через которую торговый капитал подошел к русскому мелкому производителю и овладел его прибавочным продуктом. Когда такое овладение происходит, тогда промышленному капиталу приходится отвоевывать свое место путем насилия над торговым капиталом». Получается, что на смену торговому капиталу приходит промышленный, и поэтому капитализм одерживает победу над феодализмом. Затем И. Минц пошёл дальше А. Малышева, прямо указав именно на торговый капитализм. Класс купцов «без борьбы не сдаст позиций. Когда мы говорим о борьбе капитала с промышленным капиталом, мы не говорим о борьбе двух экономических категорий, а говорим о борьбе двух классов, каждый из которых является носителем той или иной системы».

Вместе с тем И. Минц вроде бы указал определённую альтернативу торговому капитализму. По его словам, «один и тот же феодальный базис, в зависимости от конкретной обстановки, может дать различные разновидности». Далее он привёл конкретный пример. «Дубровский повторяет общие истины, что торговый капитал не создает ни особого способа производства, ни соответствующей политической надстройки, а только разлагает старые общественные отношения. Но это неверно. Маркс никогда не говорил, что торговый капитал только разлагает старые отношения. Он всегда подчеркивал, что переход от феодализма к капитализму возможен двояким путем. Первый путь – революционный – идет через ремесленника, превращающегося мало-помалу в промышленника. Это – путь революционизирующей техники. Второй путь, когда купец овладевает промышленностью, становится товаропроизводителем (см. "Капитал", т. I–III, ч. 1, гл. 20). И вот на этом втором пути возможны случаи, когда торговый капитал не разлагает, а именно консервирует старые феодальные

отношения. Здесь мы можем сослаться на Россию»⁶⁹³. В результате получилось всё то же единство переходного периода от феодализма к капитализму, крепостничества и торгового капитала, иными словами, торговый капитализм.

И. Татаров присоединился к А. Малышеву и И. Минцу в трактовке торгово-капиталистической природы крепостничества. «Торговый капитал не создает никакой формации, крепостничество целиком воспроизводит все те черты, весь тот рисунок, который намечался у нас в феодальных отношениях. Так он его со всеми изменениями и донес до эпохи капитализма. <...> Крепостничество не представляет собой формации. Крепостничество у нас закрепляло, воспроизводило те противоречия, которые существовали при феодализме, при тех своеобразных отношениях, которые определялись конкретными условиями развития феодализма и конкретными условиями проникновения торгового капитала». Правда, он сделал некоторые дополнения к общей для них схеме. Первое, особенно ценное, сводилось к тому, что в крепостничестве отложились в различном виде и в различных комбинациях формы феодализма, свойственные всем его этапам. В частности, торговый капитал, разлагая феодализм, с которым он имел дело ещё в докрепостническую эпоху, одновременно воспроизводил «неразвитые, или точнее, недоразвитые феодальные отношения». Второе дополнение представляет собой призыв к тому, что, изучая переход к капитализму, мы должны отдавать себе отчёт, какой тип феодализма подвергается воздействию и какой тип торгового капитала его разлагает⁶⁹⁴.

А. Ефимов, хотя и удивительным образом, поддержал идею А. Малышева о феодализме периода генезиса капитализма. Он утверждал, что «в феодальном обществе соприсутствует уже будущая буржуазная формация в своей первоначальной форме простого товарного производства». Между тем эта будущая формация начинает «соприусуществовать» с появления первых капиталистических предприятий как объектов, функционирующих благодаря капиталистическим производственным отношениям. Более точно эту мысль выразил М. Зоркий, по мнению которого «капитализм можно изучить только в "возникновении, развитии и упадке", а возникновение капитализма есть разложение и упадок феодализма»⁶⁹⁵.

С. Дубровский настойчиво, но не слишком убедительно обосновывал свой тезис о кардинальных отличиях между феодализмом и крепостничеством: «Конечно крестьянин и при феодализме не был свободен, существовало внеэкономическое принуждение, но все же положение крестьянина в крепостных латифундиях XVIII в. было принципиально отличным от его положения при феодализме XV–XVI вв. Новый крепостнический способ эксплуатации зарождался уже в предшествующую формацию (закупы и пр.), чтобы достичь полного развития в XVII–XVIII вв.». Кстати, историк хронологически доводил крепостничество до конца XIX века, находя в России «необычайно сложный переплет капитализма с крепостничеством», что создавало путаницу с формационной принадлежностью данной эпохи.

Любопытно, что С. Дубровский понимал роль торгового капитала в своей крепостнической формации так же, как её понимали А. Малышев и И. Минц в своём «феодальном» крепостничестве. С. Дубровский утверждал, что, «по Марксу, купеческий капитал, не создавая своего способа производства, проникал в поры существовавшего общества. Так и было в России XVII – первой половины XIX вв.»⁶⁹⁶.

С. Дубровский рассмотрел крепостничество в сравнительном аспекте. По его мнению, во Франции «господствующим укладом был феодализм, но развитие в недрах феодализма крепостничества давало известное измененное качество всей формации, которое, правда, не дошло до той меры, какой достигло крепостничество в России. В России мы имели крушение старых феодальных качеств, во Франции – крепостничество не дало своего качества. Что касается Англии, то здесь имел место переход от феодализма к капитализму, в основном минуя крепостничество, хотя крепостнический уклад там был налицо. В России же был переход от феодализма к крепостничеству и от крепостничества к промышленному капиталу»⁶⁹⁷. Разумеется, и здесь мы видим в крепостничестве, по С. Дубровскому, альтернативу торговому капитализму, но уже в качестве формации. Интересно то, что, согласно этой его реплике, данная формация не носила всемирно-исторического характера, а была особенностью России и, может быть, сходных с нею стран.

Теперь обратимся к вопросу об альтернативах торговому капитализму, также разрабатывавшихся в ходе анализируемой дискуссии. Так, И. Минц обнаружил, что С. Дубровский заменил торговый капитализм не только крепостничеством, но и ещё одной формацией, которую последний называл строем свободных товаропроизводителей. Она «базируется на особых производственных отношениях, характеризующихся» денежной рентой. Естественно, И. Минц легко обнаружил, что денежная рента является феодальной, а не капиталистической. Однако здесь напрашивается другой вариант: а что если предложенные С. Дубровским формации заменить на стадии феодализма? И. Минц его не отвергал, но всё-таки подошёл к этому делу несколько иначе. Он говорил о метаморфозе, «не меняющей экономического базиса формации»⁶⁹⁸, то есть о превращении феодального в феодальное. Для выделения этапов, видимо, требовалось нечто более существенное, а именно появление в феодальном капиталистического. Впрочем, позднее мы ещё вернёмся к этому сюжету.

А. Удальцов не только подчеркнул, что С. Дубровский подменил торговый капитализм крепостничеством, но и усилил этот тезис тем, что вся эта операция коснулась только терминологии. А. Удальцов также дал ответ на вопрос, почему советские историки так стремятся найти какую-то ещё формацию между феодализмом и капитализмом. Его версия заключалась в следующем. Согласно западноевропейской историографической традиции, на смену феодальному Средневековью в XV–XVI веках пришёл капитализм (пусть с теми или иными оговорками). При прямой экстраполяции этой схемы на Россию остаётся неохваченным огромный исторический период: примерно три столетия. С одной стороны, историки никак не могли поверить в то, что Средние века могли настолько затянуться. С другой стороны, они долго не находили в России «западного» промышленного капитализма. В то же время у них было понимание известного своеобразия изучаемого периода с XVI до середины XIX века. А. Удальцов отметил, что для не слишком искущённого в теории историка-марксиста самый простой путь – объявить эти три века особой формацией. Однако он назвал и другие варианты – «эпоха первоначального развития капитализма, последний этап в развитии феодализма».

И если первое он отверг, то остальное, скорее, зафиксировал как предмет дальнейшего изучения. Мы считаем данное наблюдение точным, но, разумеется, не исчерпывающим.

М. Зоркий в данном контексте использовал понятие «квазиформация». Он посчитал «антидиалектической» попытку «запереть» переходный период от одной формации к другой «в какую-нибудь особую клетку», иначе говоря, представить его в качестве достаточно самостоятельной общественной системы. Диалектика этого периода, по мнению учёного, как раз и заключалась в том, что он этой последней не являлся и не мог рассматриваться подобным образом, должно быть, в силу своей неустойчивости, противоречивости и т. п.

А. Удальцов развил мысль И. Минца о рассмотрении феодализма «диалектически, в его развитии, в связи с конкретными общественными условиями», тем, что предложил делить его на стадии, подобно тому, как это сделано применительно к капиталистической формации⁶⁹⁹.

Эта идея была вообще широко поддержана в ходе рассматриваемой дискуссии. Вот как это сделал О. Трахтенберг. «Исходя из этих конкретно-эмпирических вариаций, мы должны различать понятия основных и вторичных, или вспомогательных, формаций (терминология условная, я на ней не настаиваю). Пример: социализм и коммунизм. Здесь способ производства один, но есть отличие, и оно в той же экономике, но уже выросшей на почве данного основного способа производства. Возможно, здесь лучше всего говорить о "ступенях", "этапах" так называемых основных формаций». Нетрудно догадаться, что «условная терминология» является здесь совершенно излишней. В дальнейшем автор выправил этот недочёт: «То, что я назвал "этапом", "ступенью" формации, имеет единый способ производства с различными экономическими вариантами, исходящими из данного способа производства». Однако, к сожалению, О. Трахтенберг не предложил никаких своих вариантов этих «ступеней» и критериев их выделения. О целом ряде ступеней внутри формации говорил также Я. Резвушкин, о составных частях-стадиях развития упоминал И. Минц. Последний, в отличие от своих предшественников по прениям в дискуссии, всё-таки попытался их указать, правда, применитель-

но к капиталистической формации и, с нашей точки зрения, крайне неудачно: «Госкапитализм, товарное хозяйство и частнохозяйственный капитализм – все это стадии одной и той же формации, или одного и того же уклада»⁷⁰⁰. Здесь учёный смешивает уклад и формацию, «забывает», что всякое капиталистическое хозяйство является товарным, но не всякое товарное хозяйство – капиталистическим, а частнохозяйственный капитализм у него, видимо, «захватил» всё от простой капиталистической кооперации до промышленной монополии. Заметим, что концепция торгового капитализма М.Н. Покровского вполне удовлетворительно отображала последовательность капиталистической эволюции и не позволяла таких «вольностей».

Мы уже отмечали, что историки в ходе настоящей дискуссии не предлагали заменить торговый капитализм эпохой первоначального накопления капитала или мануфактурным периодом. А вот другая альтернатива в виде эпохи торгового капитала их внимание привлекла в основном усилиями А. Ефимова. «Соотношение между логическим и историческим может быть ближе определено на следующем примере: логически капиталистическая формация развивается из феодальной. Между феодальной и капиталистической формациями не лежит какой-либо третьей формации. Между тем исторически между эпохой феодализма и эпохой развитого капитализма лежит эпоха торгового капитализма. Однако здесь нет никакого разрыва между "логическим" и "историческим". Логически также предполагается, что феодализм не мгновенно перешел в капитализм. Предполагается, что в недрах феодального общества зарождается буржуазное общество, и по мере его развития изменяется и самый характер феодального общества.

После известного критического периода перед нами уже не последняя стадия феодального, а первая фаза буржуазного общества. Эпоха торгового капитализма имеет два лица: одно, обращенное к прошлому, – и это будет последней фазой феодализма, другое, обращенное к будущему, – когда перед нами уже первая фаза капиталистической формации. Дореволюционная Франция показывает нам один из вариантов разложения феодального общества. Период революции – критический переход от последней фазы феодализма к первой фазе капитализма. После революции

во Франции еще не промышленный капитализм, там еще продолжается эпоха торгового капитализма. В этот период происходит развитие машинного производства. Только к 30-м гг. во Франции к власти окончательно приходит буржуазия и здесь оформляется капиталистическое общество»⁷⁰¹. Хотелось бы отметить, что, по А. Ефимову, промежуточная эпоха торгового капитала относится к концу феодальной формации и началу капиталистической, но к последней, видимо, только в связи с необходимостью «дождаться» завершения промышленного переворота. Учёный не провёл должного разграничения между капиталистическим укладом на завершающей стадии феодальной формации, этапе непосредственного утверждения капитализма и ранним капитализмом как первой стадией собственно капиталистической формации. Очень важно заявление А. Ефимова о том, что эпоха торгового капитала объединяет и разложение феодализма, и генезис капитализма.

Конечно, А. Ефимов осознавал, что его приверженность подобным взглядам навлечёт на него всякого рода критику, поэтому решил парировать возможные выпады. «Здесь, далее, шла речь о ходячей характеристике эпохи торгового капитала. Вопрос идет о том, нужно ли вводить специальную формацию торгово-капиталистическую или же можно сказать, что проблема торгового капитала сводится к проблеме перехода от одной формации к другой. Я показал на примере Франции, что никакой специальной формации торгового капитала вводить не требуется, что капитализм развивается из феодализма»⁷⁰². Фактически учёный отметил, что он предложил «эпоху торгового капитала» как некий термин, обозначающий переходный период от феодализма к капитализму и не более того.

Значительное место в дискуссии её участники уделили рассмотрению того, что же собой представлял торговый капитал. В частности, И. Минц неверно трактовал известное в марксистской теории различие между купеческим и торговым капиталом. Последний он квалифицировал как товарный капитал, но затем почему-то распространил его характеристику на купеческий. Учёный совершенно справедливо подчеркнул важность того момента, когда данный капитал сосредоточивается в руках класса купцов, но почему-то решил, что в силу этого он становится торго-

вым. Во всём этом присутствует презренная путаница. Однако попытка выявить модификации торгового капитала для своего времени была весьма актуальной. Эту же мысль, но также небезупречно, выразил А. Ефимов: «В этот период, когда под влиянием импульсов к расширению производства торговый капитал из производственного общественного отношения становится одним из моментов производства, – уже намечается возможность разрушения старого способа производства». На самом деле, с точки зрения марксистской теории, на первый план здесь выходит самостоятельность торговой формы капитала в докапиталистический период, поскольку она не является производной капиталистического хозяйства. Например, С. Шмонин остался на «старой» точке зрения о двух этапах истории торгового капитала, излагая вышеприведённый тезис более точно: «Торговый капитал на Западе на основе широкого развития торговли разложил феодализм, создал предпосылки для возникновения промышленного производства и попал в подчиненное положение к промышленному капиталу». М. Зоркий подошёл к этой проблеме с другой стороны, охарактеризовав торговый капитал именно как купеческий и констатируя его исчезновение с наступлением капиталистического строя⁷⁰³.

И. Татаров призвал обращать внимание и на ростовщический капитал. Ведь он «имеет большое значение для того, чтобы представить себе тот комплекс отношений, который возникает в связи с разложением феодальных отношений». С ним солидаризировался и А. Ефимов, конкретизировавший этот тезис: «При этом в каналах обращения и у ростовщиков возможно значительное накопление прибавочного продукта, который из этих каналов, с одной стороны, и из среды самого производства – с другой, в известный момент и в известных общественных условиях может быть обращен для революционирования старой производственной техники»⁷⁰⁴.

С. Дубровский поставил под сомнение существенное значение борьбы между торговым и промышленным капиталом в процессе перехода к капиталистической формации. Учёный сравнил её с групповыми столкновениями внутри класса капиталистов, которые происходят всегда и естественным образом. По мнению историка, главную роль в борьбе за производственный капи-

тализм сыграло крестьянство, выступавшее за американский путь его развития. С нашей точки зрения, С. Дубровский верно указал на общность интересов субъектов, представлявших различные виды капитала, которая могла превалировать над другими обстоятельствами жизни. Иными словами, отечественный промышленный капитал зачастую выступал в поддержку торгово-капиталистической системы и даже способствовал её укреплению. Правда, это отнюдь не лишало противостояние торгового и промышленного капитализма его качественного характера. Более глубокое суждение здесь высказал М. Зоркий. Он в очередной раз указал на противоречивость роли торгового капитала и добавил: «В "чистой" форме – он реакционен, в момент буржуазной революции он стоит по ту сторону баррикад вместе со старым режимом; торговый же капитал, который связан с ростом внутреннего рынка, с развитием мануфактурной стадии капитализма – это нечто совершенно иное»⁷⁰⁵. Фактически учёный выделил два типа торгового капитала: один в докапиталистический период «работает» со свойственными последнему способами производства, другой в этот же период взаимодействует с капиталистическими формами хозяйства. Значит, в одну и ту же эпоху могут быть разные «торговые капиталы», которые играют разные роли.

С нашей точки зрения, весьма ценным является положение А. Ефимова об обратном воздействии торгового капитала на производство, который сначала возникает в этом последнем, а затем обособляется от него. Более того, он способен уничтожить данный тип производства, но не в обязательном порядке. Как видим, здесь также речь идёт о двух видах торгового капитала, но уже в рамках другой классификации.

Некоторые свои размышления участники дискуссии посвятили роли торгового капитала в истории. И. Рейснер обратил внимание на то, что в восточных обществах с их азиатским способом производства торговый капитал сыграл ту же самую роль, что и в западных с их крепостничеством. Точнее говоря, он способствовал сохранению и возрождению старых хозяйственных форм и производственных отношений. Соединение азиатского способа производства с торговым капиталом на определённом этапе истории Востока как раз и позволяло вскрыть диалектику его разви-

тия в условиях стагнирующей общественной системы. Дело в том, что оно было скрыто пластами этой системы.

С. Дубровский выявил связь торгового капитала с колониализмом. «Господство туземных феодалов осложнилось здесь колониальным положением страны, которое означало подчинение всей Индии в целом английскому торговому капиталу в лице Ост-индской компании, но это не значит, что в Индии господствовали не феодалы, а торговый капитал»⁷⁰⁶. Надо сказать, что эта формула не слишком продумана с точки зрения терминологии: феодалы подчиняются торговому капиталу, но, несмотря на это, господствуют. При такой аргументации невозможно доказать, что в британской Индии не было торгового капитализма, хотя С. Дубровский не упустил случая отмежеваться от него.

И. Татаров обратил внимание на существенную роль торгового капитала в генезисе феодализма. «Феодализм в Киевской Руси был типом, приближающимся к типу северно-европейского феодализма. Феодалы переходили в Московскую Русь, феодализм в лице завоевателя-князя с его дружиной оседал на почве общины. Как далеко пошло освоение феодализмом новых районов, и насколько глубоко ушло дальнейшее развитие русского феодализма. Достаточно посмотреть на те отношения, которые консервировал торговый капитал, чтобы уяснить себе этот вопрос. Прежде всего посмотрите, как располагается торговый капитал. Торговый капитал располагается кольцом вокруг Московской Руси. Торговый капитал пробивает себе ряд дорог в Ростово-Суздальскую землю, в Смоленскую. Когда мы говорим о разложении феодализма, о развитии феодальных отношений, мы пропускаем ту страницу истории, которая называется Литовско-Русским государством будучи связующим звеном феодальных отношений, оно служило и каналом для торгового капитала. Торговый капитал проникал в Центральную Русь, заставлял там только что начавшийся процесс освоения феодализма, севшего на почву развивающейся и существующей общины, и задерживал все дальнейшее развитие феодализма в том его конкретном виде, какой уже успел сложиться». Как видим, учёный решительно распространяет торговый капитализм на всю историю отечественного феодализма, правда, допуская неточности, обнаруживающие недостаточное

знакомство с темой. Если и можно говорить о разложении феодализма применительно к рассматриваемому периоду, то лишь как о процессе, касающемся только раннего феодализма. Если торговый капитал консервировал феодальные отношения XII–XIV веков, то откуда взялось крепостничество, которого тогда не было? Судя по всему, И. Татаров немного запутался, но запутался именно в торговом капитализме.

А. Удальцов связал с торговлей стадию борьбы между боярством (крупное землевладение) и дворянством (мелкое землевладение). По его мнению, в большей степени субъектами торговли выступали дворяне. «При усилении или ослаблении торговых связей» менялось соотношение между противоборствующими сторонами. Причём А. Удальцову это было видно и по истории Англии и Франции.

А. Ефимов выдвинул оригинальную версию российской истории начала XX века. По его мнению, в этот период, по крайней мере к 1917 г., в многоукладной экономике относительно преобладал мелкотоварный уклад⁷⁰⁷. Вообще-то «технически» этот вопрос решается достаточно просто. Всё зависит от того, каким способом производится товарная масса в масштабах всей страны. Однако если удельный вес данного уклада выше, это не обязательно означает появления мелкотоварной формации, до её возникновения нужно пройти ещё ряд стадий.

Интересную точку зрения представил С. Шмонин. Он дал оригинальную трактовку азиатского способа производства, который, по его мнению, имел место в различных классовых докапиталистических формациях, охватывая их сохраняющуюся, самовоспроизводящуюся часть. Таким образом, этот способ производства был неким аналогом того, что впоследствии стали называть традиционным обществом. Как полагал С. Шмонин, данному способу производства принадлежало особо выдающееся место до начала генезиса капитализма. Учёный отметил, что «при докапиталистических формациях с развитой формой обмена не всегда существуют условия для перехода к промышленному капитализму». Следовательно, нужно системно и стадийно фиксировать разные эпохи развития рынка, торгового капитала и т. п. При этом одну из них мы выделяем на том основании, что она порождает произ-

водственный капитализм, а предшествующие – на основании формационного деления общества. Опираясь на вышеизложенное, С. Шмонин дал следующую схему формаций. «Маркс считает, что азиатским способом производства может быть и патриархально-родовая община, и феодализм, и крепостничество, и особая форма торгового капитализма. Каждую формацию вплоть до промышленного капитализма можно назвать азиатским способом производства. Всякая формация, которая включает в себе внутреннюю устойчивость, не дающую возможности перейти к капитализму, и называется азиатским способом производства.

Античный способ производства – тоже азиатский способ производства. Он отличается развитой формой обмена, когда существует торговый капитал, но торгового капитализма нет, и торговый капитал не может разложить рабовладельческие отношения. Поэтому Маркс и говорит, что в Греции и Риме не произошло перехода к промышленному капитализму и не могло произойти.

На примере Китая Маркс показал, что соединение мануфактуры с общиной создало такую устойчивость производства, что не давало возможности при развитой форме обмена, когда существует торговый капитал, перейти к промышленному капитализму. Это положение изменилось после 1861 г. То же и в Индии. Здесь до сих пор существует патриархально-родовая община. Маркс указывает, что в индийской общине эта внутренняя устойчивость обуславливается соединением ремесла с земледелием. При развитой форме обмена она не дала возможности Индии перейти к промышленному капитализму. И здесь положение изменилось после 1861 г. Точно так же и в отношении России Маркс и Энгельс показывают, что торговый капитал настолько развился, что препятствовал переходу к промышленному капитализму. Чем объясняет Маркс переход от феодализма к промышленному капитализму именно на Западе? Торговый капитал на Западе на основе широкого развития торговли разложил феодализм, создал предпосылки для возникновения промышленного производства и попал в подчиненное положение к промышленному капиталу. Этого не произошло в России. Там, где становится возможным разложение старого способа производства и переход к промышленному капитализму, – там нет азиатского способа производства»⁷⁰⁸.

Мы видим, что С. Шмонин прямо говорит о торговом капитализме. Если иметь в виду его концепцию в целом, нам всё же не кажется, что он включал в «каждую формацию» и торговый капитализм тоже. Вместе с тем складывается впечатление, что, по мнению учёного, торговый капитализм всё-таки сменял феодализм-крепостничество и непосредственно предшествовал капиталистической формации. Нам представляется, что многие соображения С. Шмонины заслуживают внимания, хотя мы, конечно же, отдаём себе отчёт в том, что термин «азиатский способ производства» непригоден для обозначения характеризуемой автором социальной реальности. Выделим два момента. Во-первых, учёный выявил совокупность факторов, решающим образом препятствующих переходу к производственному капитализму. Более того, он выдвинул гипотезу, что они составляют определённую общественную систему в рамках той или иной формации. Во-вторых, торговый капитализм не может появиться только в силу высокого уровня развития торгового капитала, товарного хозяйства и т. п. Для этого необходимы как минимум какие-нибудь «ростки» капиталистического производства. В-третьих, для С. Шмонины было очевидно, что, если торговый капитал и сопутствующие ему факторы успешно и сколь угодно долго развиваются вне генезиса промышленного капитализма, они всё-таки порождают нечто оригинальное.

С точки зрения нашей темы небезынтересно решение участниками дискуссии проблемы социально-экономических укладов, что также может быть отнесено к поискам альтернативы торговому капитализму.

И. Татаров совершенно напрасно возражал С. Дубровскому против наличия господствующего уклада в некоторой их совокупности. Правда, он верно указывал на то, чтобы при всём многообразии укладов мы не забывали о существовании в данный период времени определённой формации. Любопытно, что С. Дубровский в рамках настоящей дискуссии трактовал формацию, основанную на одном способе производства, как абстракцию. Между тем «конкретное общество может включать в себе разные способы производства, разные уклады, разные классовые отношения». В данном случае формация у историка весьма напоминала веберовские идеальные типы. Как видим, обе стороны спора не

владели в достаточной мере диалектикой соотношения формации и укладов.

А. Удальцов возражал против того, чтобы крепостничество считалось укладом в рамках феодализма, ссылаясь на то, что между ними нет разницы в способе производства. Известно, что, маневрируя под огнём критики, С. Дубровский всё более настаивал на существовании в разных странах мира в разные исторические эпохи крепостнического уклада⁷⁰⁹.

А. Ефимов заметил, что торговый и ростовщический капиталы не могут рассматриваться не только как формации, но и как уклады, так как они «не являются производственными моментами». Это, конечно, справедливо. Но нас больше заинтересовал бы вопрос о том, можно ли считать общественным укладом торговый капитализм? Косвенно А. Ефимов ответил и на него, как ни странно, скорее положительно: «К числу укладов в марксистской литературе принято относить не только пережитки определенной формации как таковой, но даже определенные отрезки формаций, имеющие известные (хотя и не решающие) отличия в структуре». В качестве примера он привёл государственный капитализм. «Значит, здесь термин "уклад" применен еще к более частному явлению». Получается, что внутри феодальной формации могли иметь место несколько феодальных же укладов. Таким образом, мы видим, что для А. Ефимова формация, используя его же собственные слова, оказалась действительно «пёстрым» явлением.

Наиболее точную классификацию укладов дал С. Дубровский. Он выделил уклады, являющиеся пережитками старой формации, зачатками новой формации и не образующие какой-либо формации, в последнем случае, «например, простое товарное производство, связанное с парцеллярной земельной собственностью». Учёный сделал любопытное наблюдение о том, что на определённых этапах истории такого рода уклады могут играть главную роль. Правда, не совсем понятно, как они соотносятся с конкретной формацией, имеющей место в данный момент времени. У С. Дубровского получилось, что уклад может некоторым образом господствовать, не преобладая. Имеется в виду ситуация примерно следующая: один уклад имеет меньший удельный вес в национальной экономике, чем другой, но в силу каких-то обстоятельств оказы-

вает большее влияние на общество в целом. Во всяком случае, ясно, что для выявления действительной роли того или иного уклада недостаточно учитывать только количественные показатели.

Эта классификация, как ни странно, получила поддержку. Вспомним, что в остальном С. Дубровскому отчаянно «не везло». Так, О. Трахтенберг перечислил те же самые виды укладов, как «ничего общего с доминирующим способом производства не имеющие»⁷¹⁰.

А. Ефимов поставил вопрос о борьбе между различными укладами. Сложность процесса состоит в том, что они основываются на принципиально различных способах производства. Но и здесь, как говорится, возможны варианты: 1) «капиталистический уклад ломает старые уклады путем установления новых форм эксплуатации, социалистический – путем обобществления и уничтожения эксплуатации»; 2) «они не всегда и не мгновенно ломают» (то есть ломают, а сломать не могут); 3) «рабский уклад не только не был сломлен капитализмом САСШ, но наоборот – развитие капитализма вызвало к жизни этот уклад» (парадоксальным образом вызывает к жизни новый, но некапиталистический уклад); 4) «в 1918 г. госкапитализм был укладом, который боролся на стороне социализма»⁷¹¹.

Примечательно, что участники рассматриваемой дискуссии М.Н. Покровского за «торговый капитализм» не критиковали, к его взглядам относились сугубо положительно, регулярно пытались «завербовать» его себе в союзники. Уже первые выступающие А. Малышев и И. Минц достаточно определенно сформировали эту тенденцию.

А. Малышев находил, что М.Н. Покровский совершенно правильно рассматривал переходный период от феодализма к капитализму, эпоху абсолютизма «как эпоху создания крепостного хозяйства под воздействием и при активной роли торгового капитала». А. Малышев подчеркнул, что последний огромное внимание в своей концепции уделял не только обмену, но и производству. «Крепостное хозяйство выступает у него как активная сила, руководящая историческим процессом, ибо крепостное хозяйство является лучшей и наиболее приспособленной формой, в которой может оперировать торговый капитал». Однако что же в данном

случае играло главную роль: производство или обмен? Ответ А. Малышева состоял в том, что это была определённая система, в рамках которой они существовали в неразрывном единстве. «Вот это слияние торгового капитала с крепостным хозяйством и составляло сущность переходного периода от XVII к XVIII веку, к развитому торгово-промышленному капитализму. В заключительном слове у нас в ИКП, в прениях по докладу т. Дубровского, М.Н. Покровский точно и определённо характеризовал свою точку зрения на происхождение русской монархии, что ее социальной сущностью являлись помещики и торговый капитал. Такую же двуединую формулу вы можете найти и у Ленина»⁷¹². С нашей точки зрения, мы видим попытку историка «приблизить» свою концепцию крепостничества к построениям М.Н. Покровского. Хочется отметить и термин «торгово-промышленный капитализм». Здесь мы видим отражение старых попыток разбить торговый капитализм на стадии, что соответствовало концепции М.Н. Покровского, у которого, как известно, торговый капитализм середины XVII – начала XVIII века серьёзно отличался от торгового капитализма конца XVIII – середины XIX века. Да и сам термин вовсе не бессмысленен. Он указывает на реально существовавший на ранних стадиях генезиса производственного капитализма «симбиоз» торгового и промышленного капитала в рамках торгового капитализма, когда промышленный капитализм был своеобразным ответвлением торгового, его частным случаем.

И. Минц упрекнул С. Дубровского в непонимании различий в торговом капитале, определявшихся тем, к какой формации он принадлежал: феодальной или капиталистической. По мнению первого, данное обстоятельство ведёт к неправильной трактовке соответствующей концепции М.Н. Покровского. Из этого можно заключить, что М.Н. Покровский его учитывал, но естественно в редакции И. Минца. С нашей точки зрения, это неверно. М.Н. Покровский видел разницу между купеческим и торговым капиталом в соответствии с марксистской теорией, но не разделял их на уровне терминологии.

По С. Дубровскому, «М.Н. Покровский в своих работах отметил, что в XVI–XVII веках в русской истории наступает перелом, что новая эпоха уже не является феодализмом, он назвал ее "тор-

говым капитализмом"»⁷¹³. Очевидно, что здесь понятие «эпоха» употреблено в смысле «формация». Однако, как ни странно, сказанное не стало для С. Дубровского поводом для критики. Эта сентенция, по нашему мнению, сводилась к следующему пассажиру. Если у М.Н. Покровского на смену феодализму приходит общественный строй, не являющийся промышленным капитализмом, то это признаётся допустимым, по крайней мере, он по-прежнему считается выдающимся историком-марксистом и т. п. Однако данный принцип почему-то «не работает» применительно к С. Дубровскому с его крепостничеством, хотя это последнее является несомненным шагом вперёд по сравнению с торговым капитализмом. В сугубо научном отношении ссылка С. Дубровского на данное мнение М.Н. Покровского была нужна ему для того, чтобы обосновать коренные различия между двумя эпохами в русской истории, рубежом между которыми являлся XVII век. Если, предположим, М.Н. Покровский таковые выделял, то их, конечно, можно было использовать для обоснования крепостнической формации.

Председательствовавший в ходе дискуссии П. Кушнер обратил внимание на эту реплику С. Дубровского, несмотря на то, что она была короткой и малозаметной, и счёл нужным отреагировать. Он показал С. Дубровскому, что его взгляды всё же отличаются от воззрений М.Н. Покровского. Главное расхождение состоит в том, что С. Дубровский объявил крепостничество формацией, а М.Н. Покровский считал торговый капитализм эпохой. Как и А. Малышев, П. Кушнер вслед за М.Н. Покровским понимал под торговым капитализмом форму соединения торгового капитала с крепостными отношениями. Интересной представляется точка зрения последнего о том, что в интерпретации М.Н. Покровского «эпоха торгового капитализма шире крепостничества»⁷¹⁴. Должно быть, это следует понимать так, что торговый капитализм возможен в разных формациях, на разных этапах их эволюции. П.И. Кушнер предостерёг против недооценки торгового капитализма на том основании, что он не являлся формацией. Его позиция сводилась к тому, что нечто в истории может быть не меньше формации по значимости, объёму, времени существования, но не самой формацией. С точки зрения учёного, одной из фаз феодализма были именно «крепостные отношения». Теперь задача истори-

ков состоит в том, чтобы её как-то назвать⁷¹⁵. Получается, что торговый капитализм не есть крепостничество и не может удовлетворительно рассматриваться, допустим, как поздний феодализм.

Кстати, вскоре С. Дубровский пошёл ещё дальше. Он заявил о том, что «Покровский писал об особом крепостническом обществе». Почему же не сразу о формации? Дело в том, что, по С. Дубровскому, в обществе имеет место сочетание нескольких укладов. Господствующий среди них определяет формацию.

Кроме того, он «механистически» соединил свои выводы с выводами М.Н. Покровского, стремясь показать, что первые «органически» вытекают из вторых. Сначала С. Дубровский дал свою интерпретацию того, что действительно писал М.Н. Покровский. «В России феодализм благополучно разрушился в XVI веке и... родился новый класс – класс помещиков, который вступил в борьбу со старым классом – боярством. Таким образом, мы должны заявить, что бояре и крепостники – это разные классы. Покровский говорит, что это разные классы». Разумеется, здесь С. Дубровский меньше всего думал об анализе этих положений концепции М.Н. Покровского. «Крепостники – это тот класс, который сверг власть феодалов и который в опричнине утвердил диктатуру крепостников. Во всяком случае, в России мы имели существование диктатуры крепостников на базе крепостнического способа производства, тогда как другие страны до крепостничества не дошли». Как видим, дальше идёт уже «чистая дубровщина».

Правда, справедливости ради скажем, что С. Дубровский выражал намерение изучить творчество М.Н. Покровского в этом его аспекте хотя бы потому, чтобы на основании «необычайно убедительных фактов Покровского... соорудить» крепостническую формацию. «Последний приводит факты, показывающие, что при феодализме крестьянство эксплуатировалось главным образом путем взимания оброков, и только в XVI веке складывается крепостничество на основе барщинного хозяйства, хотя элементы крепостничества были, конечно, и в киевский период, но только в XVI–XIX веках развившееся крепостничество дало новое общественное качество». Однако, с нашей точки зрения, этот интеллектуальный опыт мог бы быть весьма продуктивным даже независимо от пристрастий автора, особенно если бы он был реализован в виде монографии.

С. Дубровский отметил, по нашему мнению, совершенно справедливо, что концепция М.Н. Покровского включала в себя уклады⁷¹⁶.

Что касается истоков торгового капитализма, как тогда считалось, во всякого рода квазимарксистской, ревизионистской литературе, то в настоящей дискуссии эта тема звучала в достаточно общем виде, была представлена резкими разоблачительными оценками, к сожалению, часто малосодержательными.

Главной жертвой нападок, в соответствии с особенностями текущего момента, оказался Н.И. Бухарин, который зачастую рассматривался совокупно с А.А. Богдановым. Видимо, их преподносили как единомышленников («гораздо опаснее теперь различные вариации богдановщины, особенно ее утонченные формы – например, "социология" Бухарина»). К ним примыкали те советские учёные, которые наиболее долго и упорно отстаивали их взгляды.

Наиболее подробно на данном вопросе остановился М. Зоркий. Он утверждал, что Н.И. Бухарин придерживался формационной теории, не объявлял переходные периоды формациями. Более того, его формационная схема была вполне марксистской. Недостатком концепции Н.И. Бухарина, по мнению М. Зоркого, была «механистическая» трактовка самой формации. Первый просто заимствовал у К. Маркса некий перечень формаций, а затем показал, что он якобы является продуктом «собственной, по существу – богдановской, псевдомарксистской методологии. Таков обычный прием богдановцев».

Среди последователей Н.И. Бухарина и А.А. Богданова М. Зоркий в особенности выделил С. Дубровского. М. Зоркий фактически квалифицировал «дубровщину» как разновидность «богдановщины». По его мнению, С. Дубровский придерживался бухаринского определения формации. С нашей точки зрения, последний, конечно, воспользовался теоретическим наследием Н.И. Бухарина, но не основывался на нём, испытывая, скорее, некоторое «остаточное» влияние этого автора. Следующее утверждение М. Зоркого ещё более сомнительно: «Своим замечательнейшим перечнем "основных (?) способов производства и соответствующих (?) хозяйственных укладов"... т. Дубровский целиком обязан богдановско-бухаринской методологии». Получается, историк взял не «перечень», а «методологию», что осталось, во всяком случае,

недоказанным. Видимо, сам М. Зоркий почувствовал уязвимость своих попыток «свалить» на неё все огрехи концепции С. Дубровского. Он вдруг вспомнил, что «в "курсе" Богданова и Степанова можно найти подобный каталог хозяйственных форм, причем Богданову принадлежит приоритет и в изобретении крепостнической "формации"»⁷¹⁷. Речь идёт об их знаменитом «Курсе политической экономии», который к тому времени уже не считался марксистским, а проходил по линии экономического материализма. Там действительно было немало форм, этапов, эпох и т. п. Но ведь существо дела заключается не в их многообразии, а в совпадении периодизаций, чего как раз не наблюдалось. С таким же успехом здесь можно было припомнить Н.А. Рожкова, присутствовавшего на дискуссии П. Кушнера и многих других исследователей.

К извращению марксовой теории общественно-экономических формаций М. Зоркий отнёс также «всякие виды риккертIANства», а точнее, «выступления апологетов Макса Вебера и Петрушевского», в частности А. Неусыхина, пострадавшего, видимо, за «выдумывание» промежуточных формаций. Впрочем, М. Зоркий счёл их не слишком опасными, так как открыто выступить они не смогут, а молодые марксисты от соответствующего влияния уже избавились. С этим не согласился Я. Резвушкин. Он полагал, «что не менее важно нам бить по схемам Петрушевского, Макса Вебера, Струве и других буржуазных теоретиков, допускающих такую подмену учения о формациях учением о логических категориях. Нужно бить по этим буржуазным влияниям, не забывая и о влияниях богдановских»⁷¹⁸. Для нас важно то, что все эти «влияния» обычно обнаруживались и в части «торгового капитализма», но в данной дискуссии подобные связи не устанавливались, тем более применительно к М.Н. Покровскому.

Подробно по этой теме высказался С. Дубровский. Он нашёл, что построения Д.М. Петрушевского, А.А. Богданова и Н.И. Бухарина плохи как раз тем, что они не видели качественных отличий между феодализмом и крепостничеством. Следовательно, оппоненты С. Дубровского, которые также их не усматривают, в лучшем случае идут на поводу у лжемарксистов.

Для нас важно, что С. Дубровский рассмотрел взгляды последних на крепостничество и торговый капитализм. Как же, по мнению историка, эту проблему видел А.А. Богданов? «Крепост-

ничество для Богданова это отнюдь не особая формация, а форма приспособления феодалов к новым экономическим условиям». В этом пункте негодовать мог разве только сам С. Дубровский. Более того, по А.А. Богданову, крепостничество – «этап развития феодализма под влиянием торгового капитала». «Почти формация», – напрасно приписывает С. Дубровский А.А. Богданову. Торговый капитализм последний понимал двояко: 1) «как строй, "при котором торговый капитал господствует над производством и является его руководителем"»; 2) как особую эпоху «с особым торгово-капиталистическим способом производства». Это довольно точно, но опять-таки речи о формации нет. Впрочем, С. Дубровский продолжает: «К эпохе "торгового капитализма" Богданов относит крепостничество, когда торговый капитал, по его словам, захватывает в руки организаторскую, а с ней эксплуататорскую власть над крестьянским хозяйством, когда и сам помещик выступал в роли "торгового капиталиста, скупщика или ростовщика". С развитием "торгового капитализма", с подчинением ему крепостного крестьянства Богданов связывал и крестьянские восстания. Отсюда же утверждение Богданова о гегемонии торгового капитала (купечество) в государстве и об абсолютизме как форме этого государства.

Абсолютную монархию Богданов рассматривает как надклассовую бюрократическую монархию, которая завоевала сочувствие и доверие развивавшихся торговых и промышленных классов общества. Дальше у Богданова говорится о роли торгового капитала в подавлении крестьянских восстаний и в создании условий для первоначального накопления и т. д. Богданов дает представление о неклассовом государстве, т. е. дает ту схему, которую защищали и Плеханов, и Троцкий и проч.». С. Дубровский поправляет А.А. Богданова: «Маркс же утверждал, что существование ростовщического и купеческого капитала не только не создает своего способа производства, но наоборот, оно само создается на основе чуждой ему, независимой от него общественной формы производства»⁷¹⁹. Это удар мимо цели во всех смыслах. Да, если торговый капитал создаёт крепостничество, то он не может изначально основываться на этой форме производства. Но что если для утверждения крепостничества торговый капитал преоб-

разовывал феодальную форму производства? При этом в качестве участника рассматриваемых процессов у А.А. Богданова не выступал торговый капитал как способ производства.

Внешнее сходство торгово-капиталистических построений А.А. Богданова и М.Н. Покровского в их конкретном развёртывании довольно очевидно, хотя при углублении в детали теоретического осмысления различия проступают всё более явственно. Впрочем, М.Н. Покровского в данном контексте С. Дубровский вообще не упомянул. Получается, что каждый из упомянутых авторов имел какое-то достаточно своеобразное понимание торгового капитализма.

М. Зоркий не согласился с мнением С. Дубровского о том, что А.А. Богданов не видел коренных различий между феодализмом и крепостничеством. «В "Курсе политической экономии в вопросах и ответах" Богданов ставит вопрос: "Что такое крепостное хозяйство?" и отвечает: "По форме оно очень напоминает феодализм, но по существу это совсем другое". Эта точка зрения проходит через все работы Богданова». С нашей точки зрения, М. Зоркий просто парировал идеологическую «диверсию» со стороны оппонента. Если доказать, что А.А. Богданов понимал крепостничество как особый общественный строй, тогда С. Дубровский не смог бы обвинять в «богдановщине» тех учёных, которые считали феодализм и крепостничество одной формацией. К науке этот «обмен подходящими цитатами», с нашей точки зрения, имел мало отношения.

Сходным образом М. Зоркий действовал и применительно к Д.М. Петрушевскому. «Петрушевский как раз и говорил, что то, что марксисты считают феодализмом, – это не феодализм, а настоящий феодализм – это когда было больше свободы»⁷²⁰. Здесь мы видим просто какое-то «недоразумение». Вопрос стоит о коренных отличиях между феодализмом и крепостничеством, а М. Зоркий доказывает, что Д.М. Петрушевский и марксисты поразному определяли сущность феодализма. Это верно, но к делу не относится.

Складывается общее впечатление, что участники дискуссии попытались вывести концепцию торгового капитализма за скобки своих рассуждений о «богдановщине», «риккертIANстве» и т. п.

Получается, что соответствующая концепция не должна была с ними ассоциироваться.

Если говорить об историках-марксистах, сформировавшихся уже в послереволюционный период, то в рамках настоящей дискуссии рассматривались взгляды только тех учёных, которые в ней участвовали и высказывались в основном в её ходе, то есть они полемизировали друг с другом, реагируя на текущие выступления коллег.

Наиболее активен в этом процессе был С. Дубровский, поскольку ему приходилось отвечать на дружную и массовую критику оппонентов, которые в свой адрес получали гораздо меньше претензий. Он даже разделил «своих оппонентов на три группы: "азиатофилов", "антикрепостников" и промежуточную группу, представленную А.Д. Удальцовым». К «азиатофилам» С. Дубровский отнёс, в частности, Л. Мадыра и А. Ломакина. Возражая Л. Мадыру, считавшему, что в России азиатского способа производства не было, С. Дубровский уточнил, что, по К. Марксу, он имел место, но не как формация, а как сходные производственные порядки, которые существовали на Востоке и в России в период феодализма. А. Ломакина С. Дубровский обвинил «в ревизии Маркса и Ленина», которая заключалась в построении «надклассовой бюрократии». В последнем случае речь идёт, конечно же, об абсолютизме. В этом случае С. Дубровский обычно предлагал следующую аргументацию: если историк не признаёт крепостничество формацией, то тем самым он отрицает, что самодержавие было диктатурой крепостников. Более того, у этого исследователя вообще не оказывается класса, государственным аппаратом которого было самодержавие. Следовательно, оно не подчинялось какому-то одному классу и т. п.

Подобные претензии С. Дубровский высказал и А. Малышеву. Он признал правоту последнего в том, что капиталистическое общество может вырасти из феодального. Но, по мнению С. Дубровского, это возможно далеко не везде, а, например, в таких странах, как Англия, отчасти Франция и уж никак не Россия. «Там крепостничество действительно имелось только в форме уклада. В России же капитализм вырос не из феодального, а из крепостного общества». Надо признать, что С. Дубровский изрядно

упростила точку зрения своего оппонента. Ведь А. Малышев не отрицал своеобразия, сложности и противоречивости этапа перехода к капитализму, хотя и считал его феодальным.

С. Дубровский указал на то, что он, вопреки утверждению И. Минца, не выделял в феодализме такого уклада, как «строй свободных товаропроизводителей». Он вообще не считает этот «строй» феодальным. Правда, С. Дубровский не пояснил, к чему он его относит: к крепостничеству, капитализму или к какой-то другой формации? Без этого его уточнение теряет смысл. С. Дубровский отверг точку зрения И. Минца о том, что признание крепостничества формацией делает крестьянское движение, по крайней мере в период его утверждения, реакционным. По его словам, это неверно, поскольку крестьяне боролись не за феодализм. Объективно их борьба приближала наступление капитализма. В этом пункте С. Дубровскому как раз «не хватило» именно торгового капитализма.

В то же время он верно указал на то, что борьбу торгового капитала с промышленным следует понимать в широком смысле, не сводя его к противостоянию купца и фабриканта. Здесь опять-таки помогало представление о торговом капитализме и промышленном капитализме как общественных системах. Следовало также упомянуть, что субъекты этих капиталов отнюдь не исчерпывались купцами и фабрикантами.

С. Дубровский совершенно напрасно упрекнул И. Минца в ревизии взглядов М.Н. Покровского, который якобы считал феодалов и крепостников разными классами, по крайней мере с периода опричнины⁷²¹. Конечно, при поверхностном взгляде на его концепцию можно сделать вывод о том, что у М.Н. Покровского таковыми были дворянство и боярство. Если же С. Дубровский имел в виду становление барщинной системы хозяйства, то по этому критерию феодализм можно разделить на две стадии, хотя и во многом отличающиеся друг от друга. Дальше этого М.Н. Покровский не пошёл даже в случае с торговым капитализмом, не говоря уже о крепостничестве.

«Гов. Татаров выступил с концепцией особого типа недоразвитого феодализма в России. Он склоняется к точке зрения своеобразия русского исторического процесса. Между тем Ленин считал, что в России был такой же феодализм, как и на Западе. Ко-

нечно формы феодализма были различны в Азии, Западной Европе и России, но классовые отношения были повсюду одни и те же. Неправильно и другое утверждение оппонента, будто в России феодализм был окружен кольцом торгового капитала». Это замечание С. Дубровского совершенно напрасно, так как, по мнению И. Татарова, в России были хотя и «форма», «тип», но «феодализма» же. Кроме того, И. Татаров не настаивал на торгово-капиталистическом способе производства. Более основательным является другое замечание С. Дубровского. То, что И. Татаров писал о торговом капитале в России, было характерно для более позднего периода её истории, примерно с XVII века.

С. Дубровский обвинил М. Зоркого в том, что последний отстаивал богдановскую концепцию торгового капитала «весною 1929 г. во время дискуссии в ИКП». Разумеется, М. Зоркий со всей решительностью отмежевался от подобного рода «инсинуаций», однако указал на существование группы историков, считающих торговый капитализм формацией. Правда, конкретно он упомянул всё тех же историков Запада Н. Розенталя и Д. Куниского, которых чаще всего вспоминали в официальном порядке, когда нужно было кого-нибудь отчитать за «торговый капитализм». По словам М. Зоркого, С. Дубровский допустил ту же самую методологическую ошибку, что и они. «Речь идет и у них, и у вас о том, чтобы создать какую-то промежуточную формацию между феодализмом и капитализмом. Постановка вопроса и у них, и у вас не имеет ничего общего ни с методом Маркса и Ленина, ни с конкретными указаниями, которые сделаны ими на этот счет».

Вместе с тем С. Дубровский вполне резонно отверг критику А. Удальцовым его взглядов на социально-экономические уклады. Он охотно согласился с А. Удальцовым в том, что «в истории России между эпохами собственно феодализма и промышленного капитализма лежит длительный период (с XVI века до середины XIX века), который характеризуется развитием барщинного хозяйства»⁷²². Однако С. Дубровский игнорировал ход мыслей своего собеседника, с удовольствием заключив, что тот нашёл место для его крепостничества.

Я. Резвушкин обвинил А. Ефимова в своего рода «риккертианстве»: «У т. Ефимова исчезло все многообразие марксова уче-

ния о формациях. У него заметна тенденция превратить формацию в логическую, абстрактную категорию, и когда т. Ефимов пытается описать ее конкретно, у него все дело сводится к производительным силам и производственным отношениям и устраняется все многообразие явлений каждой формации». С нашей точки зрения, подобного рода замечания правильнее было бы отнести к С. Дубровскому. Если формация, как утверждал А. Ефимов, подчиняет себе уклады, то она достаточно конкретна. По его мнению, «каждая формация, зарождающаяся в лоне предыдущей, развивается до своей противоположности, но это не значит, что формация теряет свою качественную определенность». Правда, признаем, что А. Ефимов в ряде случаев всё же сводил формацию к способу производства.

На примере А. Ефимова Я. Резвушкин верно заметил, что историки, выделяя признаки той или иной формации, не всегда в должной мере учитывают признаки, свойственные любой формации.

Многочисленность формаций у того же С. Дубровского, по резонному наблюдению Я. Резвушкина, вызвана неумеренным «возведением» в формацию того, что вполне можно было бы считать укладом. Верно здесь то, что превращение чего-либо капиталистического в систему не следует торопиться объявлять формацией.

Я. Резвушкин возразил против предложения О. Трахтенберга рассматривать некоторые формации как переходные. По мнению первого, «лучше и правильнее брать каждую отдельную экономическую формацию в развитии»⁷²³. Мы бы добавили к сказанному, что формация ещё в период своего существования включает в себя свою противоположность. Следовательно, её развитие является и эволюционным, и революционным процессом.

Нетрудно заметить, что в ходе дискуссии историки не спорили друг с другом о своих взглядах на место торгового капитала в истории, хотя и высказывались по этому поводу в докладах и прениях по ним. Рассматривая уклады, стадии феодализма и другое, они не заостряли внимания на том, что всё это призвано заменить или вытеснить торговый капитализм. Они не обвиняли друг друга в преувеличении роли торгового капитала или попыт-

ках «скрыть» его за какой-нибудь эпохой или периодом. Основное внимание в контексте нашей темы было уделено предупреждению возможных ошибок при анализе переходного периода от феодализма к капитализму без непосредственного использования какой-либо концепции торгового капитализма. Вместе с тем ссылки на М.Н. Покровского делались исключительно в позитивном ключе. Историки склонялись к тому, чтобы по-прежнему активно использовать его достижения, однако не связывая их именно с концепцией торгового капитализма. Учёные, видимо, теперь предпочитали говорить об исторической концепции М.Н. Покровского вообще либо о его взглядах на тот или иной предмет (барщину, купцов, самодержавие и т. п.).

Историк В.В. Нардин полагал, что «исправление» концепции М.Н. Покровского в конце 1920-х – начале 1930-х гг. не отличалось высоким научным уровнем. Он отметил ограниченность и непоследовательность преодоления «торгового капитализма» в дискуссиях. Он подчеркнул, что торговый капитализм был однозначно отвергнут именно как формация, но не как, например, эпоха торгового капитала в рамках феодальной формации. Причину этого учёный видел в следующем: «сила концепции Покровского была ещё велика». С нашей точки зрения, ученики М.Н. Покровского тогда ещё не отказались от основ его концепции истории России, в том числе даже те, кто вроде бы собирался сбросить первого «красного профессора» с «парохода современности». Данное обстоятельство подметил и В.В. Нардин: «И у Дубровского, и у Малышева, при внешнем отличии от концепции Покровского, сохранялись с последней методологические связи». Это утверждение полностью распространяется и на «торговый капитализм». Оба они писали об огромной принципиальной роли торгового капитала и в крепостнической формации, и в новом феодализме.

В.В. Нардин даже счёл возможным резюмировать, что в дискуссиях рубежа 1920–1930-х гг. концепция М.Н. Покровского одержала победу. Если принять во внимание её эволюцию в рассматриваемый период, то с этим выводом придётся согласиться. Правда, В.В. Нардин объявил эту победу призрачной. Почему? «Всё заметнее назревало противоречие между концепцией Покровского и объективной тенденцией развития историографии», то

есть налицо временный успех в борьбе с неотвратимым. На первый взгляд речь идёт, например, о сталинизме. Однако дело здесь в другом. В.В. Нардин сводил всё сказанное к своей общей оценке историографической ситуации периода дискуссий о формациях: «Стоило отдельным историкам обратиться к изучению фактов, источников, к марксистско-ленинской теории, как установки Покровского начинали шататься без какой-либо видимой целенаправленной борьбы против его взглядов: концепция Покровского к началу 30-х годов изжила себя, стала вчерашним днём науки»⁷²⁴.

1930 – начало 1931 гг. характеризовался острой борьбой между историками-марксистами, в центре которой оказался М.Н. Покровский⁷²⁵. «Торговый капитализм» играл роль одного из важнейших компонентов этой борьбы. Обозначим две её крайние точки. В декабре 1929 г. заведующим кафедрой истории народов СССР Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова П. Дроздовым был прочитан доклад с критикой «теории торгового капитала». В письме П. Горину из Берлина 30 декабря М.Н. Покровский расценил это как подготовку большой атаки с правого фланга⁷²⁶. 15 и 17 января 1931 г. «увидели свет два коллективных заявления против Покровского». Его обвинили «в неумении организовать работу», «зажигании критики», наличии «богдановско-струвистских ошибок» и нежелании их исправлять⁷²⁷. В одном из заявлений выпускники ИКП, среди которых были «старые» и упорные борцы с «покровщиной» П.С. Дроздов и В.Ф. Малаховский, в частности, писали: «Марксизм-ленинизм и до настоящего времени не сделался ещё господствующей методологией в нашей исторической литературе. В области общих вопросов истории народов СССР продолжает безраздельно царить богдановско-струвистская методология... Богдановско-струвистские ошибки, которыми полна наша историческая литература, упираются в историческую концепцию М.Н. Покровского. В результате его огромного влияния на молодые кадры историков-марксистов нельзя указать ни одной книги по общим вопросам русской истории, которая ставила бы эти вопросы по-ленински, а не по богдановско-струвистски... Хотя мое мнение о том, будто бы М.Н. Покровский отказался от своих ошибок в вопросах истории и полностью перешёл на ленинские позиции, совершенно не соответствует действительности»⁷²⁸.

Однако с весны 1931 г. накал борьбы с М.Н. Покровским стал спадать⁷²⁹. Вероятно, в высших партийно-государственных инстанциях было решено сохранить за учёным его статус в советской науке, по крайней мере при его жизни. Наряду с этим, тема «торгового капитализма» всё реже поднималась и обсуждалась. На ней перестали заострять внимание. Однако для этого были не только кадровые причины. Дело в том, что в рассматриваемый период все, по крайней мере крупные, советские историки формально отказались от своих торгово-капиталистических «увлечений» и внесли в свои построения соответствующие поправки. Многие из них с разной степенью успешности заменили торговый капитализм другими схемами, например переходным периодом от феодализма к капитализму, феодально-крепостнической системой, иными словами, чем-то, на их взгляд, более приемлемым. В то же время затягивание борьбы против «торгового капитализма» могло произвести нежелательное впечатление: власть предержащие требуют от историков отказаться от торгового капитализма, а те упрямо этого не желают, и справиться с ними не удаётся; у историков никак не получается создать новую схему отечественной истории, хотя они очень стараются. В первом случае возникают вопросы об эффективности власти, во втором – о компетентности историков. Естественно, обе стороны были заинтересованы в свёртывании продолжавшейся уже три года борьбы с «торговым капитализмом».

Довольно подробная оценка научного творчества М.Н. Покровского, причём в интересующем нас контексте торгового капитализма, была дана неизвестным автором (по сведениям он принадлежал к Обществу историков-марксистов) в 1930 г. Нас она привлекла не тем, что в ней деятельность М.Н. Покровского рассматривается положительно, а тем, что её содержание сохраняет свою актуальность и по сей день.

К периоду окончательного оформления пролетарского движения в России и зарождения марксистской историографии автор анализируемой статьи отнёс произведения В.И. Ленина, Н.А. Рожкова и М.И. Туган-Барановского. Их заслуга перед отечественной историографией состоит в том, что они доказали наличие в России капитализма, выявили его предысторию, то есть генезис, установили тождество исторических судеб России и Запада. Любо-

пытно, что здесь были поставлены в один ряд и позитивно оценены деятели, которых в СССР рубежа 1920–1930-х гг. было принято разводить по разным лагерям, подчёркивать различия между ними. М.Н. Покровский подключился к этому процессу несколько позже, поскольку, когда указанные авторы уже были зрелыми исследователями, его научная деятельность только начиналась. Вклад ученого состоял в том, что он обосновал экономическую интерпретацию истории России, дал её марксистскую схему, иными словами, создал марксистскую концепцию отечественной истории. Однако здесь есть одна любопытная деталь: складывается впечатление, что М.Н. Покровский в русской историографии выполнял и ту работу, которую за рубежом обычно делали «экономические материалисты».

Автор данной статьи обнаруживает последовательное формирование концепции М.Н. Покровского, от его статьи «Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков» до такой его основополагающей работы, как «Русская история с древнейших времён». В дальнейшем она сохраняется в «Очерке истории русской культуры» и «Русской истории в самом сжатом очерке», а «дополняется и углубляется в последних работах»⁷³⁰. Нетрудно заметить, что эволюция взглядов М.Н. Покровского, согласно такому подходу, происходила в пределах определённой исследовательской парадигмы, а не путём перехода от одной методологии к другой.

Мы уже отмечали, что с конца 1920-х гг. М.Н. Покровский внёс заметные корректировки в свою концепцию. Наш автор это заметил, но подошёл к делу с другой стороны. «Но над всеми этими отдельными вопросами стоит общая концепция исторических судеб русского народного хозяйства, получившая наиболее законченную синтетическую формулировку в последних статьях М.Н., подводящих до некоторой степени принципиальные итоги его работам»⁷³¹. Позиция учёного заключается в том, что в 1920-е гг. развитие взглядов М.Н. Покровского продолжалось просто и естественно в некоем прогрессивном направлении, и ничего иного здесь искать не нужно. Однако мы бы хотели подчеркнуть здесь два интересных момента. Было отмечено, что на склоне лет М.Н. Покровский пересмотрел свои научные достижения с целью вы-

делить и обобщить лучшее, придав ему некую целостную форму. Мы с этим согласны. С нашей точки зрения, и это очень важный вывод, сказанное составляло важнейшую часть научного поиска М.Н. Покровского на завершающем этапе его деятельности. Автор статьи подметил также, что изменения, вносившиеся этим историком в свои труды, касались в основном, конечно, не просто терминов, а точнее говоря, всего понятийно-категориального аппарата его концепции.

Критик творчества учёного довольно точно изложил выработанную им периодизацию русской истории. Применительно к нашей теме мысль М.Н. Покровского была представлена максимально чётко: «кризис XVI века и переход к торговому капитализму, развитие промышленного капитализма в XIX веке». И далее автор писал об этом предмете «как ни в чём не бывало», не затрудняясь в подборе фраз. Торговый капитализм в интерпретации М.Н. Покровского «не создавался Петровскими реформами; его предпосылки были налицо уже в XVII веке, он уже созрел, и поэтому... им обусловлены были эти реформы». Пугачёвщина у него «оказывается увязанной с общим развитием торгового капитализма в России, как первое революционное движение этим развитием порождаемое».

Между тем уровень понимания автором статьи «торгового капитализма» был весьма высоким. Так, он осознавал, что речь идёт о сложной системе, состоящей не только из торгового капитала и его неизбежных спутников. «В области экономической мы получаем анализ развития капиталистических отношений в сложных переходах отдельных структурных форм торгового и промышленного капитала; только на этой основе является правильное понимание эволюции аграрного хозяйства в систему хозяйства крепостного»⁷³².

Автор понимал, что М.Н. Покровский сложным образом увязывал торговый капитализм с другими общественными явлениями и системами, сущностью которых он не являлся (понятно, что в основе феодализма лежит нечто феодальное, а не торгово-капиталистическое). Любопытно признание им того, что М.Н. Покровский создал теорию русского феодализма, сочетавшего вотчинно-сеньориальный строй и городское хозяйство, являвшегося

к тому же первоначально натурально-хозяйственной системой. Разумеется, автор рассматриваемой статьи отдал должное промышленному капитализму. Было признано, что М.Н. Покровский дал классовое обоснование русской истории. И вообще, этот учёный не останавливался только на экономике и её воздействии на другие общественные процессы и явления, он подвергал общество комплексному изучению, что, кстати, соответствовало формационной теории, ведь формация охватывает и сводит в единое целое все параметры устройства общества данной эпохи. Да и понятно, что нечто феодальное зарождается не только в экономической сфере.

Историк, изучавший концепцию М.Н. Покровского, пусть и фрагментарно, остановился на историографической традиции, частью которой она являлась. Для ранних периодов русской истории предшественниками М.Н. Покровского были Н.А. Рожков и Н.П. Павлов-Сильванский. Видимо, их разработкам первый следовал, хотя и непосредственно, но всё же избирательно, правда, неясно, в какой степени. И лишь «начиная с эпохи городского хозяйства и особенно торгового капитализма Покровский действительно прокладывал новые пути». Автор статьи однозначно фиксирует то, что М.Н. Покровский ни у кого не заимствовал концепцию торгового капитализма. Более того, его личный авторский вклад в её создание был, пожалуй, максимально новаторским. Однако неизвестно, насколько приведённый вывод был сопряжён с анализом торгово-капиталистических построений других учёных.

Как же взгляды М.Н. Покровского соотносились с воззрениями позднейших исследователей? Автор не предложил здесь какого-то общего тезиса, но направление дальнейшего научного поиска, с нашей точки зрения, указал верно. По его мнению, концепция М.Н. Покровского хороша тем, что позволяет счастливо избежать и односторонности, и крайностей. Так, ошибка занимающихся историей учёных-экономистов состоит в том, что они рассматривают «экономическую жизнь каждой эпохи как строго монолитную, осуществляющую в себе одно единое начало». Действительно, таким специалистам торговый капитализм «противопоказан» либо он должен быть ими «вульгаризирован» за рамками исторического материализма. В то же время торговый капитализм препятствует преувеличению общего уровня экономического раз-

вития России в сторону производственного капитализма, например представлениям о том, что в начале XX века вся Россия была индустриальной, и т. п. Не случайно М.Н. Покровский указывал, что «догоняющий, быстрый на определённых этапах темп развития создавал своеобразное сосуществование различных элементов, наложение различных хозяйственных типов»⁷³³. Здесь несложно увидеть переключку с более поздними этапами развития отечественной исторической науки вплоть до современности (скажем, с концепциями модернизации). Кстати, именно эту мысль пытался донести М.Н. Покровский до Л.Д. Троцкого в ходе своей полемики с ним.

Мы уже указывали на то, что в рамках «торгового капитализма» исключительно важное значение имеет проблема меры, степени торгово-капиталистического в той или иной формации, в том или ином типе хозяйства. Отрадно отметить, что на рубеже 1920–1930-х гг. она оказалась в фокусе внимания советских историков-марксистов. Так, А. Мишулин выявлял хозяйства, которые производили в качестве товара не весь продукт, а его часть. Получается, что товарного производства нет, а товар есть, при этом в торговый оборот вовлекаются излишки. Товарным хозяйством становится, когда в этот оборот включается и необходимый продукт. В этих своих рассуждениях А. Мишулин совершенно уместно сослался на мнение К. Маркса о том, что продукт может становиться товаром благодаря не только производству, но и торговле. С.М. Соловьёв находил прогресс хозяйства в нарушении его натуральности, всё большем превращении продуктов в товары⁷³⁴. Высказывалась мысль о том, что на протяжении существования какой-либо докапиталистической формации степень товарности производства была различной. В связи с этим напрашивается историографическая постановка вопроса о том, везде ли был торговый капитализм, где его раньше находили. Левен заключал, что существование обмена ведёт к превращению натурального хозяйства в товарное лишь «на известной стадии развития». То есть наличие торгового и ростовщического капитала в условиях натурального хозяйства необязательно сопровождается его переходом в новое состояние. К тому же этот переход имеет несколько стадий. Высказывалось и мнение о том, что натуральное хозяйство может обла-

дать элементами товарности. При этом торговый капитал в одно и то же время и вырастал из них, и создавал такой тип хозяйства⁷³⁵.

Отрадно, что у историков возникло понимание того, что товарное производство является господствующей формой производства только в условиях капиталистической формации⁷³⁶. Ранее это не всеми марксистами осознавалось и далеко не всегда декларировалось.

Хотелось бы отметить, что по мере нарастания борьбы с «торговым капитализмом» тональность его критики становилась всё более откровенной и жёсткой, особенно за рамками того, что публиковалось. Как утверждал А. Гуковский, старая схема (феодализм – торговый капитализм – промышленный капитализм) не имела «ничего общего с марксистской постановкой вопроса»⁷³⁷. Получается, что этот историк отказывал в марксизме всем авторам, которые создавали какие-либо концепции торгового капитализма. Не исключено, что А. Гуковский принадлежал к тем учёным, которые предпочли интерпретировать последние выступления и публикации М.Н. Покровского как свидетельство того, что он сам отверг «торговый капитализм».

Даже в 1931 г. признавалось, что ещё не все историки отказались от «торгового капитализма». Эта мысль в ещё более резкой форме высказывалась, например, в докладе Бажанова «Торговый капитал в докапиталистических формациях», с которым он выступил в Обществе историков-марксистов при Коммунистической академии 24 мая 1931 г. Правда, автор в этом случае ссылался не на М.Н. Покровского и даже не на многочисленных «апологетов» торгового капитализма 1920-х гг., а на «благополучно разгромленного» С.М. Дубровского, в концепции которого «торговый капитал встаёт в виде какого-то вечного катализатора или, вернее, исторической повивальной бабки, которая облегчает роды новых общественных формаций». По утверждению Бажанова, этого ошибочного взгляда придерживается большинство историков. Кстати, из этого видно, что они не могли заимствовать его именно у С.М. Дубровского, концепция которого появилась достаточно поздно и была отвергнута довольно быстро и решительно. Однако углубляться в историографию докладчик не стал. После этого, казалось бы, следовало ожидать строгих инвектив если

уж не в адрес конкретных историков, то хотя бы в отношении самого «торгового капитализма». Ничуть не бывало. Бажанов предупреждает своих слушателей о том, что применительно к докапиталистическим формациям необходимо постоянно учитывать роль торгового капитала, его влияние на развитие производительных сил. «Без этого нам не будет понятен целый ряд явлений, имеющих крупнейшее историческое значение». Правда, в его редакции влияние и форма торгового капитала «будут всецело зависеть от той производственной среды, с которой вступает в соприкосновение торговый капитал»⁷³⁸. Нам представляется, что в этой схеме недостаточно учтено обратное воздействие последнего на эту среду. Да и вообще, как мы заметили, у Бажанова наблюдалась определённая тенденция изображать обмен как нечто внешнее по отношению к производству, интерпретировать их как две взаимодействующие системы. Такой взгляд на проблему нарканий не вызывает. Главное, чтобы он не был односторонним.

Представляет интерес суждение Бажанова о том, что определённая хозяйственная система может быть «следствием противоречий между высокоразвитыми формами обмена и низкой техникой производства», то есть между собственно капиталом и тем, что капиталистическим не является, причём второе существенно отстаёт от первого. Безусловно, подобная ситуация должна порождать самые причудливые социальные феномены. К сожалению, автор свёл всё это к рабовладельческому способу производства.

Впрочем, перейдя к конкретике, докладчик более не затруднялся какими-либо ограничениями, в том числе и применительно к истории России. Более того, Бажанов даже повторил тезис о том, что крепостничество даёт не «возникновение торгового капитала в недрах феодализма... само по себе», а его «смычка» с иностранным торговым капиталом⁷³⁹. В этот момент должен был возмутиться даже самый благодушно настроенный борец с «теорией торгового капитала». Однако выступивший с возражениями А. Штраух говорил вовсе не об этом. Он заметил, что не иностранный, а именно отечественный торговый капитал сыграл ведущую роль в генезисе крепостничества, поскольку, во-первых, «возник на базе общественного разделения труда... успел сконцентрироваться», во-вторых, подготовил почву для своего передового «собрата».

Отметим, что учёный высказал очень важную мысль о том, что развитие торгового капитала, а в конечном счёте и всей системы торгового капитализма в целом могло намного опережать развитие других сегментов народного хозяйства, что, естественно, порождало масштабные противоречия. Как видим, А. Штраух так и не сошёл с колеи «торгового капитализма». Более того, он не отрицал того, что иностранный торговый капитал оказал огромное воздействие на судьбу российской экономики⁷⁴⁰. Любопытную идею о взаимосвязи торгового капитализма с другими секторами экономики выдвинул А. Мишулин. Он предположил, что процессы развития торгового капитала и, допустим, феодализма могут вообще быть разнонаправленными⁷⁴¹. Здесь, конечно же, не помешала бы конкретика. В общем виде это выглядело, например, так: торговый капитал сначала способствует утверждению какой-нибудь докапиталистической формации, а затем её разлагает⁷⁴². В последнем случае торговый капитал идёт вперёд, а, допустим, феодализм отступает назад.

Более предметно о роли отечественного и иностранного капитала в России высказался А. Гуковский. По его мнению, развитие внутреннего производства и обмена в национальной экономике было в целом сбалансированным. Однако приток в страну иностранного торгового капитала нарушал это относительное равновесие в пользу обмена, который таким образом получал перевес над производством⁷⁴³.

Как же торгово-капиталистическая проблематика преимущественно рассматривалась с 1931 г.? В качестве примера приведём небольшой доклад В. Тихомирова по теме «Происхождение ремесла и образование классов в Московском государстве в XVI–XVII вв.», сделанный на третьем курсе исторического отделения ИКП на семинаре М.Н. Покровского. Сразу же отметим, что сказанное в этом выступлении в целом не противоречило его концепции торгового капитализма, хотя сам этот термин не упоминался. Была отображена огромная роль торгового капитала в эволюции ремесла вплоть до его перехода в полукапиталистическое состояние. Вместе с тем положения о торговом капитале «уравновешивались» тезисами о рынке, товарных производстве и отношениях, причём степень развития последних не преувеличивалась⁷⁴⁴.

Кстати, Гуковский предлагал освещать вышеизложенное следующим образом: исходить из органической связи торговых отношений с производством и не рассматривать торговый капитал в полном отрыве от производства, как некую внешнюю силу. Следовательно, за воздействием торгового капитала на что-либо, хотя и в превращенной форме, стоит и производство⁷⁴⁵.

Более того, не упоминая прямо о торговом капитализме, В. Тихомиров счёл возможным выделить ремесленный период XV–XVII веков, но с необходимыми уточнениями. Во-первых, по мнению этого исследователя, он касался только промышленности, во-вторых, имел место при феодализме, в-третьих, состоял как бы из двух этапов: натурально-хозяйственного и работы на скупщика. Гранью между ними был скорее всего XVII век. Примечателен тезис автора о существовании в России до XV века раннего феодализма. Также он указал на активное участие феодалов, конкретнее говоря, монастырей, в товаризации ремесла⁷⁴⁶. Складывается впечатление, что вышеизложенное является примером довольно удачной модернизации пресловутой концепции торгового капитализма путём соединения одной из её качественных интерпретаций с результатами общей переоценки истории России эпохи торгового капитала на рубеже 1920–1930-х гг.

Отметим всё же некоторые недоработки докладчика. Ему не удалось в должной мере осмыслить то обстоятельство, что капиталистическое переустройство ремесла осуществлялось на стадии мелкого товарного производства. Иными словами, сначала на базе традиционного ремесленного производства формировался мелкотоварный уклад, а затем уже зарождалась капиталистическая «работа на дому» и т. п. Думается, напрасно В. Тихомиров датировал начало мануфактурного периода второй половиной XVII века⁷⁴⁷, в это время только появились первые мануфактуры, а их общее число к концу века не превышало двух-трёх десятков.

На начальном этапе развития советской исторической науки в 1917–1927 гг. отношение к концепции торгового капитализма М.Н. Покровского в марксистской историографии было в основном позитивным. Её критика носила эпизодический характер (полемика с Л.Д. Троцким, отдельные выступления А.Н. Слепкова, С.Г. Томсинского). Почему так получилось? Главное назначение

данного этапа состояло в подготовке кадров историков-марксистов, которая заключалась прежде всего в освоении марксистской методологии истории, овладении уже имеющимися построениями, идеями, выводами марксистского характера. Иными словами, прежде чем критиковать, надлежало ознакомиться с предметом. Кроме того, для гипотетической борьбы с «покровщиной» в марксистской среде должны были появиться какие-то новые направления, сопоставимые с ней по своему вкладу в науку. Историки-марксисты, закончившие обучение и уже пришедшие в неё, не только продолжали работать в соответствии с «торговым капитализмом», но и развивали его, дополняли, создавали свои концепции. В результате к концу 1920-х гг. «торговый капитализм» становился всё более разнообразным, многомерным, содержательно насыщенным.

Сколько-нибудь массовой его критика стала в 1928 г.⁷⁴⁸ Как мы уже отмечали, это было связано с освоением учёными марксистской теории формаций и с тем, что многие историки-марксисты тяготели к созданию собственных исторических концепций, которые естественным образом вступали в конкуренцию друг с другом. Решающим здесь стал 1929 г., когда большинство советских историков отказались от использования понятия «торговый капитализм» и выделения особой эпохи торгового капитала. Однако и в этом году, и в следующем выходило немало исследований в русле «торгового капитализма». Видимо, не было ясности в принципиально важном вопросе о том, от чего в действительности нужно отказываться: следует ограничиваться уже произведённой корректировкой в вышеупомянутом духе или необходимо заняться тотальным «выкорчёвыванием» всех торгово-капиталистических построений. В конце концов, историки встали на второй путь, однако все равно не достигли своеобразного компромисса.

Полностью ликвидировать торговый капитализм в марксистской историографии было невозможно хотя бы потому, что было бы глупо и антинаучно отрицать огромную роль торгового капитала в истории, пришлось бы отступить от марксизма, перечеркнуть процесс становления марксистской исторической науки в дореволюционной России и СССР. Итог был следующим: из торгового капитализма М.Н. Покровского пришлось оставить всё, что не могло быть удалено из багажа отечественной марксистской

историографии без качественного её перерождения и чрезмерного искажения самой истории России. Требовалось, по крайней мере, несколько лет, чтобы он состоялся. Между тем сложностей на этом пути было больше, чем мы указали. Дистанцироваться от «торгового капитализма», особенно поначалу, заставляли обстоятельства и характер научных дискуссий. Исследователь, который что-нибудь говорил о торговом капитализме, сразу же получал обвинение в изобретении «лишней», «антимарксистской» формации, в том, что в русле экономического материализма подменяет производство обменом. Следовательно, у историков был стимул сделать ряд «успокаивающих» заявлений, не произносить вызывающих негодование и придирки фраз и дальше спокойно заниматься своим делом. В 1931 г. «торговый капитализм» ещё не сошёл с историографической «сцены», но продолжал своё существование, скорее, по инерции. Даже выходили некоторые работы, довольно прямо солидаризировавшиеся с ним (Н. Ульянов, А. Штраух).

Характерно признание, прозвучавшее в прениях по докладам Бажанова и Мишулина, правда, об античной общественной формации, состоявшихся 2 июня 1931 г. Речь шла о том, что ещё за 2–3 месяца до этой даты, в частности, решался вопрос и о торговом капитализме в Античности. Как ни удивительно, историкам приходилось «размежёвывать» античную и капиталистическую формации⁷⁴⁹. Именно 1932 г. стал временем завершения «коренного перелома» в части «торгового капитализма», когда он, по сути дела, был выведен из употребления. Например, рассматриваемый нами ниже учебник Н.Н. Ванага этого периода имеет в качестве смыслообразующего компонента крепостничество. С нашей точки зрения, местами всё это напоминало просто «механическую» замену торгового капитализма на крепостной строй и его производные, которые также объявлялись крепостническими. Разумеется, за всем сказанным стояли фундаментальные изменения в жизни страны на рубеже 1920–1930-х гг. Не было случайным и то, что расцвет «торгового капитализма» в советской историографии пришёлся на период нэпа, а его закат был связан с утверждением новой модели социализма, главной целью которой было ускоренное создание индустриального общества и быстрое прохождение этой фазы исторического развития на внерыночной основе.

Прокомментируем вышеизложенное применительно к периоду 1930–1932 г. более подробно. В исследованиях 1930 г. торговый капитализм присутствовал ещё крупно, и нельзя сказать, чтобы только лишь инерционно. Со всей определённой о торговом капитализме говорилось в «Книге для чтения по истории народов СССР», причём в разделах, принадлежавших перу очень разных исследователей. Лидировал здесь, разумеется, П.И. Лященко. По его мнению, уже в XVI–XVII веках торговля носила «определённо выраженный капиталистический характер. <...> Интересы нового, быстро формирующегося и укрепляющего свои позиции торгово-капиталистического класса к XVIII веку достигают решающего значения». П.И. Лященко сумел «не забыть» даже о царе как «первом купце», правда уравновешенном «первым землевладельцем», что свидетельствовало об изменениях в социально-экономических отношениях феодализма, произошедших под влиянием торгового капитала. В результате самодержавие, будучи диктатурой крепостников, выражало общие интересы крупных землевладельцев и купцов-капиталистов⁷⁵⁰. Экономика России второй половины XVIII века была дальнейшим закреплением «того расцвета торгового капитализма и мануфактурного периода нашего промышленного развития, который, начавшись с петровских мануфактур, затянулся до середины XIX века, до превращения этой мануфактуры в капиталистическую фабрику, а вместе с тем и всей эпохи нашего торгового капитализма в эпоху промышленного капитализма»⁷⁵¹. Нетрудно заметить, что П.И. Лященко соединял «старое» и «новое» несколько механистическим образом. В то же время он обнаружил возможность одновременного использования понятий, допустим, «торговый капитализм» и «мануфактурный период».

К П.И. Лященко присоединялся А. Пресняков, который тоже писал о торговом капитализме, торгово-капиталистическом обмене, торговом классе применительно к истории России XVI–XVII веков⁷⁵². Им в значительной мере вторили молодые марксисты. В. Рахметов, видимо, находил невозможным понимание русской истории второй половины XVII – первой половины XVIII века вне торгово-капиталистической «картины мира». «Оформление нового государственного аппарата, связанного с победой торгового капитала, относится к концу XVII и началу XVIII века. Эта победа

торгового капитала вызвала изменения во всех сторонах исторической жизни России». «Наступление организованного западноевропейского капитала» заставило русских купцов «противопоставить ему организованную силу. Этой силой и был централизованный аппарат государственной власти сперва Московского царства, а потом Российской империи». Крупные купцы-капиталисты, обладавшие огромными земельными богатствами, были тем правящим слоем, к которому «перешла вся власть в начале XVIII века»⁷⁵³. Не мешал «торговый капитализм» излагать свои идеи и А. Мальшеву. «Период времени с XVI по первую половину XIX века в русской истории можно охарактеризовать как эпоху господства торгового капитала, опиравшегося на крепостные отношения в области производства. Крепостные отношения производства есть превращённая форма феодальных отношений производства под воздействием торгового капитала»⁷⁵⁴.

С. Томсинский также легко «укладывал» свою «пугачёвщину» в прокрустово ложе торгового капитализма, без которого она была вообще менее понятна. «Происходила медленная и упорная война двух хозяйственных систем – капитала, уже начавшего организовывать производство, и кочевых орд восточных окраин, едва затронутых налётом простого товарного хозяйства. Торговый капитал энергично завоёвывал берега морей, новые торговые пути и создавал мощный централизованный аппарат. Каждое его торжество сопровождалось постройкой новых мануфактур и заводов, т. е. экспроприацией новых десятков тысяч мужиков». М. Нечкина переводила «торговый капитализм» в плоскость конкретики: «Заправилой всей политики царствования Петра I был торговый капитал. <...> Буржуазная сущность верховников ярко сказывается на их экономической политике»⁷⁵⁵. Приведённые цитаты для указанных авторов не случайны и даже заурядны. Однако мы отнюдь не сводим взгляды данных исследователей только к приведённым положениям. Разумеется, они более сложны и разнообразны. Просто в число наших задач не входит их специальный анализ. Кстати, «Книга для чтения по истории народов СССР» несколько компрометировала отстаивавшийся М.Н. Покровским в плане корректировки им своих взглядов на торговый капитализм тезис о самодержавии как орудии класса феодалов.

Н. Янчевский на основе большого количества источников и работ предшественников попытался создать марксистскую концепцию первых веков истории казачества. Понятно, что для историка-марксиста она является производной от чего-то более общего и значительного. Речь идёт о той общественно-экономической системе, порождением которой было это сословие. В качестве таковой Н. Янчевский избрал торговый капитализм⁷⁵⁶. В освещении этого сюжета он продемонстрировал известную оригинальность. В то же время нам не представляется, что автор избрал торговый капитализм в качестве фона, на котором разворачивались интересующие его процессы, знания о котором он «механически» почерпнул из имевшей широкое хождение литературы. Всё-таки в 1930 г. ссылки на торговый капитализм были уже не обязательны, если историк на самом деле придерживался другой точки зрения. Н. Янчевский доказывал, что казачество ещё на заре своей истории было проводником политики самодержавия, а это последнее в реалиях XVI–XVII веков было неразрывно связано с тем, что М.Н. Покровский называл торговым капитализмом. «Таким образом, расширение территориальных границ Московского государства и создание на развалинах Средневековья национального государства и абсолютизма является прежде всего творчеством торгового капитала». Справедливости ради отметим, что одним из ключевых для Н. Янчевского было понятие «эпоха первоначального капиталистического накопления», однако трактовал он её совершенно «торгово-капиталистически». К концепции торгового капитализма М.Н. Покровского автор относится положительно и даже упрекает его за то, что он не был в своей «Русской истории с древнейших времён» столь же последователен в этом отношении, что и в «Русской истории в самом сжатом очерке». Надо сказать, что Н. Янчевский нередко и достаточно смело выражал несогласие с М.Н. Покровским, выдвигал свои предложения, в том числе и в части торгового капитализма⁷⁵⁷.

Сборник «Крепостная Россия» был составлен из докладов, сделанных в ленинградском отделении Коммунистической академии в 1929–1930 гг. в секции по истории аграрных отношений в России и на объединённом заседании историков народов СССР и Запада. Они носили дискуссионный характер. В то же время

сборник был рекомендован для учащихся вузов в качестве пособия⁷⁵⁸. Надо сказать, что авторы содержащихся в нём статей достаточно сложно относились к торговому капитализму. Так, А.И. Малышев пытался сохранить всё лучшее от соответствующих концепций, интегрировав его в новую модель научно-исторического знания, в основу которого было положено учение о феодальной формации. Особенно привлекает внимание следующая «синтетическая» формулировка исследователя: «Развитие же абсолютной монархии связано с разложением феодализма и нарастанием новых торгово-капиталистических отношений, она отражала собой эпоху первоначального накопления капитала». При этом А.И. Малышев «не затруднялся» и с прямыми отсылками к торговому капитализму, одобрительно отзывался о достижениях М.Н. Покровского на этом направлении, причём работу последнего нужно продолжать именно по указанному самим этим учёным пути. Вместе с тем А.И. Малышев проводил свою ключевую идею о постепенном переходе от натурального к товарному хозяйству⁷⁵⁹.

Б.Д. Греков, с одной стороны, избегал теоретизирования, ограничившись историографической справкой. Его, вообще, больше интересовал ход процесса закрепощения. С другой стороны, его «тезисы» вполне «работали» на торговый капитализм⁷⁶⁰. Он многократно цитировал М.Н. Покровского, причём не критикуя его, в отличие от В.О. Ключевского и его школы, которые были для Б.Д. Грекова основными и очевидными оппонентами. С. Томсинский жёстко и определённо интегрировал торговый капитализм в эпоху первоначального накопления капитала⁷⁶¹. Последний термин он всячески «пропагандировал» (даже крепостничество было его «своеобразной формой»)⁷⁶², избегая каких бы то ни было понятийных «отсылок» к торговому капитализму. В остальном же можно говорить о его сохраняющейся авторской трактовке. Говоря о восстании С. Разина, С. Томсинский писал, например, следующее: «Наибольший размах движение приняло в деревне, т. е. там, где подавлялся непосредственный товаропроизводитель, а не в городах... где купечество активно боролось против восставших. Производитель стремился стать купцом и капиталистом и пытался пойти "по действительно революционизирующему пути" (Маркс), но эта попытка надолго потерпела поражение».

Сходных с суждениями С. Томсинского взглядов, но уже на пугачёвщину, придерживался М. Мартынов, который дал множество ярких иллюстраций торгового капитализма в Прикамье в XVIII веке, например: «Местное туземное население в связи с выборами в Екатерининскую комиссию 1767 г. выступает и с положительной экономической программой, составленной в интересах туземного торгового капитала и развития новых капиталистических отношений в колониях»⁷⁶³. В. Кашин писал о капитализме в деревне в начале и середине XIX века, избегая упоминания о хрестоматийной дилемме «торговый капитализм – промышленный капитализм». Понятно, что без крупного участия обмена здесь также не обойтись, да В. Кашин честно и не пытался. В итоге его вывод сводился к тезису «об элементах дореформенного аграрного капитализма»⁷⁶⁴. В условиях того, что торговый капитализм довлел над отечественным сельским хозяйством, а производственного капитализма в нём было очень мало, прозвучавшее признание можно считать красноречивым. Надо сказать, что в середине 1920-х гг. В.Н. Кашин зарекомендовал себя в числе приверженцев «торгового капитализма». Согласно ему, «развитие торгового капитала перенесло и в Западной и в Восточной Европе государственные финансы, а с ними и социальные интересы государственной власти от земледелия на базис внутренней и внешней торговли... Государственная власть дворянства становится оружием и проводником интересов торгового капитала, торговый капитал должен поддерживать и обслуживать военно-бюрократический аппарат дворянского государства»⁷⁶⁵. Для авторов сборника «Крепостная Россия» весьма характерно стремление по-своему развивать проблематику торгового капитализма.

А.Н. Штраух попытался объяснить советским историкам, как нужно освещать вопросы торгового капитала в новых условиях, то есть без формального провозглашения какой-либо очередной «теории» торгового капитализма и без опасений навлечь на себя соответствующую критику. Естественно, зная конкретный материал, он видел огромную роль торгового капитала в условиях позднего феодализма, генезиса капитализма и т. п. Просто всему этому в истории России нужно было дать какое-то объяснение, которое бы сочли удовлетворительным. Мысль А.Н. Штрауха

состояла, в частности, в том, что в России торговый капитал занимал такое большое место в силу присущих именно ей особенностей, которые в общем виде заключались в слабости, незрелости предпосылок зарождения производственного капитализма в XVI–XVII веках, а само его развитие происходило по консервативному сценарию: конкретнее говоря, замедленный темп «разложения феодального способа производства», «искривлённое» развитие «элементов капиталистической системы». Соответственно, чем генезис капитализма быстрее, ярче, успешнее, тем скромнее выглядит торговый капитал. Исследователь подчёркивал, что торговый капитал не меняет способа производства. Он может господствовать, но в своём качестве. «Развитие торговых отношений превращало... продукты крестьянского труда в товар, выгодно сбывавшийся на рынке». А.Н. Штраух даже констатировал «самостоятельное и преобладающее развитие капитала» в Московской Руси «в форме купеческого капитала». Имелось в виду, вероятно, то, что капитал в стране тогда был представлен прежде всего купеческим капиталом. Помещик и купец были одинаково заинтересованы в крепостном праве. Однако его установление было вызвано воздействием на помещика «торговых отношений» и т. п. Торговый капитал выступал, скорее, в роли «пользователя» этой системы. Вместо термина «торговый капитализм», историк использовал понятие «первоначальное накопление капитала»⁷⁶⁶. Как ни странно, эта замена не помешала учёному избежать явных преувеличений уровня развития обмена и т. п. Так, А.Н. Штраух следующим образом резюмировал свои рассуждения о хозяйственном развитии домосковской Руси: «К XV веку торговые сношения уже настолько прочно связали между собой различные части территории, населённые великорусским народом, что их феодальная самостоятельность становилась величайшим препятствием для дальнейшего роста торгового капитала»⁷⁶⁷.

В деле объединения Руси торговый капитал представлял собой более прогрессивную силу, нежели феодалы. Нетрудно предположить, что в таких обстоятельствах при конкретном рассмотрении каких-то сюжетов автору не удастся миновать даже и терминологию «торгового капитализма». «Таким образом, в результате политического объединения Руси те хозяйственно-передо-

вые территории, которые ещё недавно в качестве "внешних" сил толкали вперёд торгово-капиталистическое развитие Москвы, оказались теперь включёнными в "национальный" рынок Московского государства». Далее в этой связи можно упомянуть «торгово-капиталистические центры». Зачастую историк «сбивается» на «устаревшую» манеру «словоупотребления», согласно которой «торговый капитал» что-то делает, куда-то идёт и т. п.⁷⁶⁸ Мы уже отмечали, что правильнее в данном случае было бы использовать понятие «торговый капитализм». Впрочем, А.Н. Штраух резонно замечал, что «гипертрофия» торгового капитала была количественной, так как «плуг торгового капитала взял только самую поверхность натурально-хозяйственного уклада, оставив его глубокие корни неприкосновенными». О разного рода «ограничителях» автор не забывает и в дальнейшем⁷⁶⁹. Надо сказать, что творчество М.Н. Покровского он никак не комментирует и, вообще, прямо ссылается только на произведения классиков марксизма. В целом книга А.Н. Штрауха по своему содержанию ближе всего к тому этапу, когда критика «торгового капитализма» только начиналась и не затрагивала «основ».

Позиция Н.И. Ульянова была ещё более противоречивой. Он утверждал, что общественный строй в России был феодальным, а государственная власть принадлежала дворянам. Вместе с тем XVII век был «временем развитого торгового капитала в России». Имела место эпоха торгового капитала. В деревне «господствующим способом производства» было мелкое товарное хозяйство. В последнем случае, видимо, сказалось, довольно слабое знакомство с формационной теорией. К сильным сторонам исследования этого автора среди прочего мы бы отнесли изображение верхушки дворянства в качестве главного, наряду с государством, субъекта торгового капитализма. Причём они в разной степени противостояли и «гостям», и городской торговой буржуазии. Н.И. Ульянов прямо использовал термин «торговый капитализм» и даже упрекнул Г.В. Плеханова в недостаточном проникновении в его сущность⁷⁷⁰. Надо признать, что работа Н.И. Ульянова о «разинщине» была своего рода «рецидивом» торгово-капиталистической тематики в начале 1930-х гг. и во многом перекликалась с трудами С. Томсинского, выходявшими в предшествующие годы.

В 1931–1932 гг. появились работы, посвящённые итогам дискуссии об общественно-экономических формациях. А. Пригожин в своей статье затронул те самые три основные дискуссии, которым мы уделили наибольшее внимание в настоящем исследовании. В чём же состоит схема самого этого автора? По его мнению, в Западной Европе с конца V по IX век начал складываться феодализм. Далее выясняется, что в IX–XI веках этот строй получил «дальнейшее своё развитие и оформление». Казалось бы, можно заключить, что утвердился он в виде формации в IX веке. Однако А. Пригожин тут же заявил, что период IX–XI веков был в то же самое время эпохой расцвета феодализма. Вряд ли расцвет мог произойти сразу же после становления. Концом феодализма учёный объявил XV–XVI века. В качестве критерия он назвал появление «постепенно назревших в недрах феодальной Европы элементов капитализма». Всякому, хоть в какой-то степени знакомому с формационной теорией, ясно, что этого совершенно недостаточно для наступления новой формации. Здесь уже приходится пожалеть об отказе от иных торгово-капиталистических построений. Впрочем, А. Пригожин вскоре забросил всю эту «периодизацию», от чего его статья только выиграла. Проанализировав эволюцию форм ренты, учёный выделил три стадии феодализма: ранний период феодализма или ранняя форма феодальных отношений, период развитых феодальных отношений, эпоха разложения феодализма. Правда, в дальнейшем историк отделял их друг от друга не только на основании одного этого признака. Причём А. Пригожин не задал им каких-либо хронологических рамок ни в истории Запада, ни в истории России.

Торгово-капиталистический аспект учёный впервые затронул, когда причислил к господствующему классу феодального общества торгово-ремесленную знать, а подмастерья и ученики попали у него в один класс с крестьянством. Здесь просматривается рецидив борьбы с формацией «городского строя», чему А. Пригожин уделил много внимания. «Средневековый город с ремесленным строем является составной частью феодального способа производства». И в дальнейшем автор пошёл по пути их предельной «феодализации». Хронологически он также не совсем справедливо ассоциировал городской строй с периодом разложения феода-

лизма. Это заставило его вступить в противоречие с самим собой, обнаружив в городе элементы и старой, и новой формаций. Скорее всего, в борьбе с пресловутым «городским строем» А. Пригожин «смешал» город периода расцвета феодализма и город периода его заката. Вероятно, и сам автор обнаружил данное обстоятельство, резюмировав, что «город одновременно являлся и неотъемлемой частью феодального способа производства, и элементом, разлагающим весь феодальный строй в целом»⁷⁷¹.

А. Пригожин совершенно верно заметил, что в рамках феодализма имел место переход от «преобладания *натурально-хозяйственных отношений*» к господству товарных. Более того, он уточнил, что при феодализме эти последние «не обнимают всего производства». Учёный констатировал, что в недрах феодализма складываются системы «натурального хозяйства и хозяйства товарного», между которыми разворачивается борьба. В этот ответственный момент А. Пригожин «свернул» в русло «эпохи разложения феодализма», иначе ему грозило попасть в «объятия» торгового капитализма. Заодно у вышеупомянутой эпохи появился ещё один критерий: с неё начинается период, когда «побеждают товарные отношения». Мысль, с нашей точки зрения, верная, но слишком неконкретная. А. Пригожин «счастливо» миновал и следующую развилку, ведущую к торговому капитализму. «Непосредственное разложение феодальной формации не приводит общество сразу же к капиталистической формации. Производственные отношения феодального строя, разложившиеся под влиянием торгового капитала, начинают трансформироваться в эпоху так называемого "первоначального накопления", когда создаются все необходимые предпосылки для капиталистического способа производства». Таким образом, речь идёт об одной эпохе, которая, с одной стороны, проходит под знаком разложения феодализма, а с другой – под знаком зарождения капитализма. Именно в неё и был включён торговый капитализм. По мнению учёного, «превращение феодальной формации в капиталистическую идёт по линии превращения основных элементов феодализма в свою противоположность: 1) господство натуральных отношений заменяется господством меновых товарно-капиталистических отношений, 2) наделение производителей средствами производства и прикрепле-

ние их к этим средствам производства сменяется экспроприацией и отделением истинных производителей от средств производства, и, наконец, 3) личная зависимость эксплуатируемых от эксплуататоров превращается в личную свободу истинных производителей, определяемую уже экономическим принуждением»⁷⁷².

Прокомментированные нами выше соображения А. Пригожина послужили ему своеобразной преамбулой для критики воззрений своих оппонентов из числа участников «формационных» дискуссий. Полемизируя с В.П. Викторовым, он резонно заметил, что капитализм как способ производства имеет своей первой формой простую капиталистическую кооперацию. Те же образования, которые ей предшествовали, не могут квалифицироваться как производственно-капиталистические. Так, А. Пригожин протестовал против попыток этого оппонента найти указанную кооперацию в барщинном имении. Более того, А. Пригожин вообще возражал против того, чтобы использовать термин «капитализм» применительно к последнему. Он заметил, что купеческий капитал, проникая в земледелие, приспособливает барщинные отношения к товарно-денежным, не меняя их сути. А. Пригожин упрекнул С. Вознесенского и О. Лидака в отстаивании особого «городского строя» на том основании, что, по их мнению, в средневековом городе присутствовали не только феодальные производственные отношения⁷⁷³. Можно, конечно, спорить о том, в какой мере они были капиталистическими или даже «мелкобуржуазными», но «историческая правда» здесь явно на стороне оппонентов А. Пригожина. Последний, похоже, слишком боялся найти в рамках феодальной формации что-то нефеодальное и некапиталистическое, возможно, опасаясь обвинений в «выдумывании» каких-то «непредусмотренных» формаций и укладов.

А. Пригожин верно подметил известную односторонность понимания эпохи первоначального накопления «в наших учебниках», правда, не привёл конкретных примеров. Она заключалась в том, что данный период трактовался через процесс резкого количественного роста торгового и ростовщического капитала в исключительно благоприятных для этого условиях. Учёный нашёл беспредметными споры о том, как теперь называть бывший «торговый капитализм». Он правильно заключил, что мануфактурный

период капитализма вполне укладывается в пределы эпохи первоначального накопления, которая, видимо, завершается промышленным переворотом.

«Дискуссии, прошедшие в исторической литературе по вопросу об общественно-экономических формациях, показали всю безнадёжность конструирования особой формации между феодализмом и капитализмом, в виде ли торгового капитализма, или промежуточной ступени в роде "эпохи торгового капитала"». Однако попытки такого «конструирования», по мнению А. Пригожина, не прекратились и наблюдались в ходе вышеупомянутых обсуждений. В качестве примера здесь были приведены идея А.М. Розенберга о замене торгового капитализма торговым капиталом и мысль А. Ефимова о том, что наличие промежуточной ступени между формациями соответствует историческим фактам⁷⁷⁴. В данном случае мы видим всего лишь положения, «вырванные» из контекста. Здесь был необходим более основательный анализ «судьбы» «торгового капитализма» на рубеже 1920–1930-х гг., в котором, действительно, прозвучали бы имена и А. Розенберга, и А. Ефимова, как непосредственно относящиеся к делу.

В целом самостоятельная теоретическая работа А. Пригожина не является тем исследованием, которое на базе дискуссий сделало шаг вперёд в изучении формаций. Оно находится в русле дискуссионных материалов, да и то, думается, не самых лучших. Краткими и поверхностными являются его оценки мнений коллег. Впрочем, что мы также отмечали, историк высказал ряд ценных отдельных суждений и замечаний по интересующему нас вопросу.

С куда большей основательностью к делу подошёл А.И. Гуковский. Он решительно вывел из-под удара М.Н. Покровского. Это странно, ведь М.Н. Покровский явно придерживался «торгового капитализма». А.И. Гуковский же заметил, что у него соответствующие термины только «встречаются». Иными словами, никакой особой концепции по этому поводу М.Н. Покровский не создавал. Далее исследователь «перескочил» через все этапы эволюции научно-исторических воззрений М.Н. Покровского и заявил, что лидер советских историков-марксистов не только отказался использовать понятие «торговый капитализм», но и осудил его

применение в прошлом. Здесь уже подозрение о том, что дело не только в терминах, перерастает в уверенность. Видимо, поняв это, А.И. Гуковский заявил, что у М.Н. Покровского ошибочными были не только термины, но и «формулировки»⁷⁷⁵, которые А.И. Гуковский, однако, не «расшифровал».

Он отметил, что в советской историографии критике были подвергнуты сходные концепции А. Допша, Э. Мейера, П.Б. Струве, Д.М. Петрушевского и группы его последователей, А. Малышева. Их общее заблуждение состояло в том, что они, по сути, не видели принципиальной разницы между феодализмом и капитализмом, полагая, что эти последние могут сосуществовать, сменять друг друга. Правда, А. Малышев стоит в этой «компании» несколько особняком, поскольку он лишь «переоценивает значение торгово-денежных отношений в условиях крепостничества». К сказанному нам хотелось бы добавить ту очевидную мысль, что вышеупомянутые авторы за исключением А. Малышева не придерживались марксистско-ленинской формационной теории. Следовательно, А.И. Гуковскому необходимо было начать с того, как эти учёные трактовали используемые ими термины, включая «феодализм», «капитализм» и т. д.

Если их влияние «можно считать преодолённым», то механистическая богдановско-бухаринская методология, по мнению А.И. Гуковского, до сих пор весьма распространена в марксистской науке. Из зарубежных учёных к ней примыкал К. Бюхер⁷⁷⁶. В частности, А.А. Богданов и И.И. Скворцов-Степанов поместили между феодализмом и капитализмом «две самостоятельные общественно-экономические формации»: мелкобуржуазное общество, или ремесленный строй Средних веков, эпоха торгового капитала, или торговый капитализм. А.И. Гуковский подчеркнул, что с точки зрения марксизма они совершенно ясным и элементарным образом входят в феодальную формацию. Он отметил, что А.А. Богданов и его соавтор не дали сколько-нибудь чётких характеристик «изобретённых» ими формаций. Это мнение не совсем справедливо, что видно из исследования самого А.И. Гуковского, который более подробно разобрался с анализируемой им концепцией. По А.А. Богданову и И.И. Скворцову-Степанову, торговый капитализм наступает в докапиталистическом обществе, в котором степень товарности, например, феодального хозяйства достаточно

высокая, а рыночный сектор экономики становится локомотивом экономического роста. Вряд ли такую эпоху можно найти, допустим, в Античности, так как соавторы ясно указали, что она завершается преобразованием торгового капитала в промышленный в силу его проникновения в производство. Более того, учёные не считали, что у торгового капитализма есть какой-то особый способ производства⁷⁷⁷.

Однако все эти нюансы не смягчили «боевой» настрой А.И. Гуковского. В последователи данной концепции он записал всех «теоретиков» торгового капитализма, особенно авторов соответствующей учебной литературы и представителей истории общественных форм. Причём в своём увлечении «торговым капитализмом» они пошли дальше отцов-основателей этого учения, подменяя им другие формации. К 1932 г. большинство историков-марксистов отказалось от этой схемы. «Однако отдельные авторы... отступают от старых богдановских позиций «на тормозах», а кое-кто под флагом борьбы с богдановщиной продолжает отстаивать именно богдановскую схему исторического развития». Здесь А.И. Гуковский верно подметил, что некоторые учёные пытаются сохранить от «торгового капитализма» как можно больше. Он упомянул давно «разгромленного» С. Дубровского. Правда, учёный резонно заключил, что тот под маркой крепостничества «протаскивал» всё тот же торговый капитализм. В этом же ряду стоят исследователи, которые заменили «торговый капитализм» на «эпоху торгового капитала», например хорошо нам известные участники ленинградской дискуссии А. Кудрявцев и Г. Зайдель. А.И. Гуковский утверждал, что этот капитализм и соответствующая эпоха тождественны, ссылаясь при этом почему-то на А.А. Богданова, хотя его ленинградские оппоненты имели свою точку зрения на этот счёт. В заключение первый призвал окончательно отказаться от «торгового капитализма» и не пытаться «обставить» его всякого рода оговорками и т. п. Вместе с тем А.И. Гуковский отметил в советской исторической науке тенденцию полного игнорирования роли торгового капитала в истории, к которой он, впрочем, отнёсся довольно благодушно⁷⁷⁸.

А.И. Гуковский последовательно рассмотрел ряд понятий, которые пришли на смену «торговому капитализму». Формально

он отверг выделение формации, чего-либо между формациями или внутри них, содержащего в своём названии термины «торговый капитал», «товар», «рынок» и т. п. Однако в главном он фактически признал наличие и определённой системы, и определённого периода торгового капитализма, не говоря уже о его конкретных проявлениях. В этом А.И. Гуковскому помогли ссылки на «Капитал» К. Маркса, который содержит совершенно недвусмысленные указания на этот счёт. Да и сам А.И. Гуковский, разумеется, не отставал от классиков. Вот что он писал, например, об истории Западной Европы XV–XVI веков: «Ростовщики, банкиры и купцы превращаются в богатейший класс общества. Влияние торгового капитала становится исключительно важным. Разлагая натуральные отношения, характерные для феодализма, увеличивая товарность хозяйства, создавая на смену замкнутому районному рынку феодальной эпохи национальный рынок, концентрируя денежные средства, торговый капитал создаёт предпосылки для установления капиталистических отношений». Из суждений А.И. Гуковского видно, что до указанного рубежа существовал торговый капитал, а с него появилось нечто большее, чем этот капитал. «Возродив» торговый капитализм по меньшей мере наполовину, историк установил важный ограничитель. По его мнению, переход к капиталистической формации в решающей степени зависел не от торгового капитала, а от того состояния, в котором находился старый феодальный способ производства, в связи с чем торговый капитал вёл либо к промышленному капитализму, либо к крепостничеству⁷⁷⁹.

Рассматривая мануфактурную стадию капиталистического способа производства, А.И. Гуковский вслед за К. Марксом и В.И. Лениным подчёркивает огромную роль торгового капитала в данном деле. Речь идёт о том, что через цепочку переходов торговый капитал, как бы сам того не замечая, превращается в промышленный. Вряд ли можно считать мануфактурный период у А.И. Гуковского неким аналогом торгового капитализма. Дело в том, что мануфактура была промышленным предприятием. Вместе с тем учёный находил, что в ряде случаев она занимала господствующее положение в промышленности. Правда, конкретно в связи с этим он упомянул только Флоренцию и Милан с XIII ве-

ка. В Италии мануфактура с XIV века уже «получила широкое распространение», а в Нидерландах, Англии и Франции – «максимальное развитие» в XVI–XVIII веках. А.И. Гуковский совершенно верно указал на то, что в условиях мануфактурного периода капиталистический способ производства не может стать господствующим всецело и остаётся своего рода укладом в рамках феодальной формации. Следовательно, капиталистическую формацию нельзя начинать с мануфактуры⁷⁸⁰.

А.И. Гуковский выразил сожаление о том, что антимарксистская теория «торгового капитализма» привела к непониманию и недооценке мануфактурного периода. Более того, ленинградская и московские дискуссии о формациях показали, что историки-марксисты уделяют ему недостаточно внимания. Складывается впечатление, что А.И. Гуковский сожалеет о том, что мануфактурный период не стал альтернативой торговому капитализму. Это довольно странно, так как даже точка зрения самого этого учёного показывает неадекватность такой корректировки.

Такой альтернативой, по А.И. Гуковскому, скорее, был «процесс так называемого первоначального накопления», который охватывал весь переход от феодализма к капитализму. Правда, историк трактовал его как комплексное производство условий зарождения капитализма. Видимо, речь идёт о том, что непосредственно порождает капитализм. В Западной Европе соответствующий период начался в конце XV–XVI веках. Главную роль в указанном процессе, если называть вещи своими именами, согласно А.И. Гуковскому, играл даже не торговый капитал, а собственно торговый капитализм, хотя, разумеется, этой терминологией он не пользовался. В готовом виде предстаёт перед нами даже класс торговых капиталистов. В итальянских городах позднего Средневековья «старая феодальная знать не противопоставляет себя поднимающемуся классу купеческой и ростовщической буржуазии, но сама втягивается в торговые и финансовые операции, срашиваясь с буржуазией, и образует своеобразный полуфеодальный, полубуржуазный "нобилитет" (знать), стоящий во главе городов-республик»⁷⁸¹. Кстати, заметим, что за всем этим «полуфеодальным» и другим скрывалось то, что в 1920-е гг. обозначалось как «торговый капитализм».

Как видим, А.И. Гуковский боролся с «торговым капитализмом» приблизительно в том же духе, что и М.Н. Покровский на рубеже 1920–1930-х гг., но, видимо, первый из них был совершенно искренне уверен в своей победе.

Отметим известный парадокс. В начале 1930-х гг. концепции торгового капитализма, по крайней мере в их непосредственном изложении и терминологическом оформлении, выводились из оборота исторической науки. Вместе с тем историческая концепция М.Н. Покровского сохраняла свои ведущие позиции и широко использовалась в различных научных исследованиях. Как же историки реагировали на «торговый капитализм» в его творчестве, ведь просто перестать его замечать было невозможно, во всяком случае, в сколько-нибудь серьёзных сочинениях? В этом смысле показательной является работа С.В. Вознесенского «Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800–1860 гг.» 1932 г. В ней учёный представил авторскую концепцию отечественной истории с древнейших времён по XIX век на основе анализа фактов и осмысления результатов развития советского марксистского обществознания. Построения и выводы М.Н. Покровского были использованы достаточно серьёзно и отнюдь не формально. Вместе с тем С.В. Вознесенский не потерял самостоятельности. Его собственные положения иногда расходились с покровскими. В итоге материал «отливался» в следующие формы. «Более или менее значительная товаризация сельского хозяйства и рост обрабатывающей промышленности в исходе XVIII и начале XIX веков... привели к тому, что на ряду со старым, феодальным способом производства начинал складываться и новый, капиталистический. В такой обширной и разнообразной по своим естественным и историческим условиям стране, как Россия, процесс этот шёл крайне неравномерно и создавал массу переходных хозяйственных форм, из которых каждая ожесточённо отстаивала своё право на существование». «Такая антагонистичность экономического уклада России, конечно, должна была вызвать более или менее существенные перемены в самой структуре тогдашнего общества... Развитие денежного хозяйства в стране особенно болезненно сказывалось на широких крестьянских массах, значительная часть которых начинала пролетаризироваться по мере то-

го, как расшатывались натурально-хозяйственные основы их жизни». Эта цепочка суждений имела и дальнейшее развитие⁷⁸².

Термин «торговый капитализм» учёный не использовал, хотя торговый капитал и сопутствующие ему компоненты представлены достойно, широко и полно⁷⁸³. Нельзя не отметить, что, хотя работы М.Н. Покровского цитируются довольно часто и порой основательно, во многих случаях это делается по отдельным фактам и мелочам⁷⁸⁴. За исключением одного эпизода, автор к суждениям М.Н. Покровского относится одобрительно⁷⁸⁵. Судя по упоминанию работ М.Н. Покровского в списках литературы⁷⁸⁶, содержащихся в исследовании С.В. Вознесенского, становится очевидным, что он по-прежнему позиционировал их как труды, носящие установочный характер, без которых невозможно обойтись, по крайней мере, историку-марксисту.

Общее впечатление состоит в следующем. Для С.В. Вознесенского М.Н. Покровский – выдающийся историк, внёсший огромный вклад в науку, который не потерял своей актуальности. Однако её степень снижается, а он замещается более «свежими» работами других исследователей и постепенно отодвигается в прошлое. Правда, здесь имеется в виду не столько реальность 1931–1932 гг., сколько некая историческая перспектива, «прочитаемая» лучшими из них.

Любопытно, что С.В. Вознесенский в своём исследовании широко использовал взгляды разных учёных XIX – начала XX века⁷⁸⁷ (М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве, И.М. Кулишера, П.И. Лященко), причём не только «левых», например из числа «легальных» марксистов, но даже и дворянско-буржуазных в рабочем формате, без идеологических инвектив. При желании здесь можно было бы увидеть движение в сторону от М.Н. Покровского к его предшественникам, кстати, наиболее очевидное в том случае, если бы была поставлена такая задача. Однако С.В. Вознесенский уравнивал этот сдвиг вовлечением более современной марксистской исторической литературы.

В контексте отказа от торгово-капиталистических концепций в начале 1932 г. весьма показательной была работа Н.Н. Ванага «Краткий очерк истории народов СССР», написанный им при участии Е. Драбкиной, А. Королёва, И. Кузнецова, С. Мильма-

на. Следует оговориться, что она носила учебный характер, ориентированный на учащихся «средних звеньев партпросвещения». Она является хорошим примером попытки достаточно полного изъятия «торгового капитализма» из курсов, охватывающих всю историю страны, попытки, не ограничивающейся декларациями, корректировкой терминов и прочим «приспособленчеством». Торговый капитализм в ней не упоминался и, в сущности, отвергался. На первый план вышло крепостничество как феодальная система, сменившая предшествующую систему «чистого» феодализма под влиянием определённых условий, в том числе рыночного типа. Н.Н. Ванга с соавторами всячески обходили «острые углы», защищаясь от подозрений в сохранении каких-либо следов торгово-капиталистической и крепостнической формаций⁷⁸⁸. Термин «капитализм» употреблялся в производственном значении и добавлением «промышленный» не сопровождался⁷⁸⁹. Отечественная история была максимально сведена и сжата к дихотомии «феодализм – капитализм». Единственная уступка была сделана в адрес крепостничества. Это последнее как раз и заместило торговый капитализм, но как строгая производственная форма (вплоть до тезиса «царь – первый крепостник»)⁷⁹⁰. Неоднократно подчёркивался натуральный характер различных видов феодального хозяйства⁷⁹¹. Конечно, авторы «Краткого очерка» не могли игнорировать элементы торгового капитализма. Иначе их работа просто бы не состоялась. Однако касаясь этой темы, они, например, заключали, что феодализм в производстве довлеет над капиталом в обмене и т. п.⁷⁹² Особое значение в связи с этим приобрели положения о разложении феодального способа производства и кризисе (распаде) крепостничества⁷⁹³. Теоретическая база очерка была представлена в основном работами В.И. Ленина. Вслед за ними шли работы М.Н. Покровского, но, так сказать, в общем виде.

После того как в конце 1920-х гг. актуализировалось изучение формационной теории, историки-марксисты легко обнаружили, что, во-первых, торговый капитализм в их изображении не соответствует марксистскому определению понятия «формация», а во-вторых, как правило, не упоминался самими классиками марксизма в числе формаций. Под огонь критики попали прежде всего те учёные, которые поспешили торговый капитализм и форма-

цию так или иначе «уравнять в правах», например, потому, что он занимал важнейшее место в их концептуальных построениях. Однако в дальнейшем с этим всё было достаточно просто. Соответствующие исследователи быстро и дружно отказались возводить торговый капитализм в формацию, либо извинившись за прошлые ошибки, либо заявив, что их неправильно поняли, они не так выразились и т. п. Таким образом, в этой части проблема была исчерпана. Но у неё была и другая часть. Надлежало определить, чем всё-таки являлся торговый капитализм в схемах различных историков? Можно ли идентифицировать его с формацией, по крайней мере, в некоторых из них? Вырисовывались разные варианты: система, присутствовавшая внутри нескольких формаций; аналог экономического уклада; эпоха, отражающая аспекты многоукладности всякого общества, и т. д. В любом случае решение этой задачи требовало длительного и кропотливого научного поиска в спокойной политико-идеологической обстановке, чего не наблюдалось. Вместо тщательного непредвзятого анализа работ оппонентов, историки часто шли по наиболее простому пути. Находя в этих сочинениях «слишком много» торгового капитализма, учёные заявляли как минимум о преувеличении его роли либо как максимум о том, что им была «подменена» формационная схема. Порой для обоснования всего этого хватало нескольких подходящих к случаю цитат. Сами «проштрафившиеся» столь же незатейливым образом утверждали, что они считали торговый капитализм определённым периодом в истории, частью формации и другим, и готовы, «если надо», заменить его каким-нибудь другим термином. Впрочем, имели место и опыты более или менее качественного рассмотрения историографии торгового капитализма, причём их было немало. Однако они носили характер высказывания каких-то отдельных идей, положений, представляли собой отдельные наблюдения, замечания, которые не выразились в создании крупных научных форм. Даже положительные опыты, хотя мы и отдаём им должное, можно квалифицировать лишь как некое начало исследовательского процесса, не получившего завершения.

Тем не менее мы не склонны считать написанное историками по данной теме на рубеже 1920–1930-х гг. потоком идеологиче-

ских штампов, политических оценок и другого вненаучного продукта. Думается, мы сообщили достаточно фактов, свидетельствующих о том, что усилиями целого ряда советских историков-марксистов этого периода в осмысление проблематики торгового капитализма был внесён значительный вклад, сделан крупный шаг вперёд на данном направлении. Симптоматично высказывание известного советского историка П.Г. Рындзюнского, сделанное им три с лишним десятилетия спустя в рамках дискуссии о генезисе капитализма. «Среди "запретных зон" – вопрос об отношении между двумя формами капитала: торгового и промышленного. Литература противоположного направления как будто бы раз и навсегда разрешила этот сложный вопрос и возможность его перерешения или уточнения отвергается. Но, по моему убеждению, возврат к решению этого чрезвычайно важного... вопроса необходим. <...> Исправляя концепцию Покровского мы перегнули палку в другую сторону. <...> Вся литература противоположного направления переполнена утверждениями об антинаучности термина "торговый капитализм" или "эпоха торгового капитализма". В настоящее время стало трафаретным положение, что обозначение "торговый капитализм" одиозно, запретно для нашей научной литературы». Между тем в работах В.И. Ленина «позднего времени» он употреблялся без кавычек и оговорок. П.Г. Рындзюнский признавался, что он не ратует за возрождение «торгово-капиталистической формации», но спрашивал, «как понимать "торговый капитализм" в трактовке не М.Н. Покровского, а В.И. Ленина?»⁷⁹⁴. На пятидесятом году советской власти крупный историк-медиевист С.Д. Сказкин признавал: «К. Маркс изучил процесс первоначального накопления на материалах Англии, но вопрос о том, как протекал этот процесс в других странах Европы, до сих пор остаётся нерешённым»⁷⁹⁵. Как видим, не только у нас складывается впечатление о том, что, отказавшись от концепций торгового капитализма, отечественная историография в данном вопросе не продвинулась настолько, насколько можно было бы ожидать.

Заключение

В сущности, в отечественной исторической науке, и не только в изображении М.Н. Покровского, торговый капитализм представлял собой экономическую систему, включающую в себя такие элементы, как товарные хозяйства различных типов, торговый и ростовщический капитал, товарно-денежные отношения, рынок как способ организации и регуляции экономических отношений и т. п. Все они по большей части не являются производственно-капиталистическими. Натуральное хозяйство входило в эту систему лишь в том сегменте, в котором реализовывалась его потребность в связях с внешним миром. Трудность дела состоит здесь в том, что в рамках этого хозяйства в исследовательской практике зачастую бывает невозможно выделить данный его компонент в виде некоей составной части хозяйства в целом, отграниченной от других его частей. В то же время очевидно, что натуральное хозяйство не является полноценным фрагментом торгового капитализма. Указанное положение вещей ещё более осложняется тем, что исторически переход от него к товарному хозяйству крайне растянут во времени, и уже только поэтому содержит в себе множество переходных форм, сущность которых объективно не ясна. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что «периферия» торгового капитализма много шире его «ядра», а границы торгового капитализма весьма расплывчаты. Производственный капитализм на начальном этапе своего генезиса выступает не более чем «проекцией» капитализма торгового, поскольку промышленный капитал является производным от торгового капитала и занимает по отношению к нему подчинённое положение. Промышленный капитал входит в систему торгового капитализма до тех пор, пока не обзаводится своей системой. При этом он и в рамках торгового капитализма, конечно же, не утрачивает присущих ему качеств. Например, многие феодальные хозяйства, входящие в торгово-капиталистическую систему, отнюдь не становятся от этого менее фео-

дальними. Другая ситуация складывается с появлением и особенно развитием капиталистического уклада в сфере производства. В этот период промышленный капитализм, постепенно дополняемый аграрным, подчиняет себе значительную часть торгового капитала, притом что в целом свой перевес над ними система торгового капитализма сохраняет. Именно в таком состоянии и находился промышленный капитализм, например, в России XIX века. Дальнейшая судьба торгового капитализма зависит уже от устойчивости докапиталистических форм производства, отстающих под натиском промышленного капитала. Впрочем, и здесь всё не так просто и однозначно. Даже полностью сложившийся промышленный капитализм, который в конечном счёте уничтожает своего соперника, в то же самое время, как это ни парадоксально, продолжает работать на его укрепление, повышая масштабы и удельный вес товарной массы в национальной экономике. Справедливость приведённой выше трактовки торгового капитализма подтверждается материалами не только российской истории.

С нашей точки зрения, именно такую позицию выражала концепция М.Н. Покровского. Теоретически всё это «просматривается» в работах классиков марксизма, заявило о себе в дискуссиях советских историков рубежа 1920–1930-х гг. Необходимый и достаточный конкретно-исторический материал во времена М.Н. Покровского был также вполне доступен и известен. Нужно лишь принять во внимание характерную для той эпохи научную терминологию, шире – манеру подачи тех или иных положений и выводов. Другое дело, что М.Н. Покровский шёл к своему «торговому капитализму» не от экономической теории, а от фактов истории. Он не был признанным специалистом в философии или теории истории. Вместе с тем он не относился к числу исследователей, которые на монографическом уровне углублённо изучают какой-то один крупный вопрос. М.Н. Покровский выступал в качестве своеобразного историка-концептуалиста, который отталкивается от фактов, поднимаясь с одной ступени их обобщения на другую и работая прежде всего с этими последними. Однако учёный отнюдь не приобрёл пренебрежительного отношения к фактам. Где это было совершенно необходимо и насколько позволяли условия, М.Н. Покровский всегда стремился к тому, чтобы ознако-

миться с историческими источниками непосредственно, проанализировать их самостоятельно, не доверяясь коллегам всецело. Другое дело, что в виду обстоятельств жизни учёного это не всегда было возможно в полной мере.

Выше мы привели одну из марксистских версий «торгового капитализма», правда, с претензией на известную универсальность. Но не следует забывать, что «торговый капитализм» не является «монополией» марксизма. Здесь всё зависит от того, какой экономической теории придерживается исследователь, как он представляет себе устройство, функционирование и развитие экономики. Исходя из этого, каждый учёный по-своему видит эту систему, называя её разными терминами, описывая её более или менее тщательно, подробно и т. п. Важной историографической проблемой является то, в какой степени исследователь осознаёт факт выявления им данной системы. Впрочем, историк, досконально разобравший элементы торгового капитализма, вне зависимости от своих взглядов, предпочтений и другого не может обойтись совсем без какой-то его общей характеристики.

Какое место «торговый капитализм» занял в отечественной исторической литературе 1930–1980-х гг.? Во-первых, невозможно было игнорировать те явления и процессы в истории, которые были компонентами торгового капитализма. Более того, советские историки их не только не игнорировали, но и обнаружили в этой области много нового, важного и интересного, что «сработало» бы на торговый капитализм, если бы он остался в арсенале отечественной науки. Поскольку данные исследователи были марксистами, по крайней мере по своей научной подготовке и общим взглядам на историю, они не могли не видеть, что торговый капитал, товарное производство и другое так или иначе складываются в некую экономическую систему. Правда, описывая и показывая эту систему, они не фиксировали её наличие, тем более в каких-то специальных терминах. Короче говоря, «торговый капитализм» вошёл в схемы советских историков в той степени, в которой в них освещались факторы и компоненты торгового капитализма, товарно-феодальной системы хозяйства.

В первой главе настоящего исследования мы показали, что М.Н. Покровский действительно занимал огромное место в сис-

теме социогуманитарного знания в СССР. Однако его роль нельзя квалифицировать термином «диктатура» и ему подобными. Ведь в науке существовали и иные организационные центры, и другие лидеры, высказывались различные мнения. Отношения М.Н. Покровского со всем этим «конгломератом» были достаточно сложными. Однако нельзя отрицать и того, что особое место учёного в советской исторической науке способствовало широкому, массовому тиражированию его произведений, внедрению его взглядов через сети образовательных учреждений и т. п. Следовательно, указанные обстоятельства во многом определяли большое значение его «торгового капитализма» в ранней советской историографии. Однако ситуация в отечественной науке, по крайней мере при жизни М.Н. Покровского, была такова, что закрепиться и удерживать свои позиции только за счёт статусных факторов, находящихся за пределами собственно научного знания, его концепция не могла. Для этого нужны были такие качественные параметры, которые делали её конкурентоспособной по отношению и к старой «буржуазной» науке, и к нарождающейся «младомарксистской». И такие предпосылки тоже имелись. Более того, «торговый капитализм» составлял сердцевину исторической концепции М.Н. Покровского до конца его дней, а сама она занимала ведущие позиции в марксистской науке, несмотря на давление, «проработки», сомнения и колебания властей и т. п. Если бы пресловутая «покровщина» не имела серьёзных научных аргументов в свою пользу, она была бы преодолена гораздо раньше и без всякого участия политического руководства.

Об эволюции взглядов М.Н. Покровского в советский период его научной деятельности можно сказать, что применительно к торговому капитализму она была менее значительной, чем в отношении революционного движения или истории России начала XX века. Понимание им сущности данного явления в сравнении с дореволюционным периодом его творчества не изменилось. Примечательно, что историк если и добавлял что-то в свою концепцию, то это, как правило, не противоречило его прежним высказываниям по данному вопросу. Речь шла, скорее, о многочисленных дополнениях, уточнениях, разъяснениях, нежели о перемене точки зрения. Правда, ситуация осложнялась тем, что свою

концепцию ему приходилось приводить в соответствие с промежуточными результатами развития советской исторической науки, а шире – и советского общества в целом. Больше разнообразия в рамках концепции торгового капитализма у М.Н. Покровского было в области периодизации отечественной истории, рассмотрения её отдельных сюжетов, изучения взаимодействия торгового и промышленного капитала. В первом случае учёный фактически пришёл к выводу о том, что торговый капитализм как система господствовал в русской истории с XVII по начало XX века, а с учётом его генезиса играл большую роль в ней с XV века. Вместе с тем торговый капитализм не был для историка формацией, так как в его схеме не имел какого-то своего, отличного от феодализма, способа производства и по данному критерию принципиально расходился с капитализмом промышленным. М.Н. Покровский пришёл к выводу об известной универсальности торгового капитализма. Для этого были серьёзные основания.

Торговый капитал, как известно, не может существовать в отсутствие товара, который кем-либо где-то произведён, которым кто-то оперирует и т. п. Значит, ставя тот или иной вопрос в рамках истории, а не политической экономии, мы не можем рассматривать торговый капитал совершенно изолированно, ибо его наличие неизбежно влечёт за собой цепочку разнообразных, и не только экономических, отношений. Сказанное ещё более справедливо в отношении торгового капитализма, который включает в себя систему производства товара, его обращение и потребление. В сущности, мы здесь сталкиваемся с обобщённым функционированием экономики, политики, социальной структуры за пределами её отдельно взятого общественного организма. Однако здесь нужно заметить, что не всё происходящее в российском обществе было торгово-капиталистическим. Хозяйства феодала, крестьянина, ремесленника имели к нему отношение в той мере, в какой были связаны с рынком, или рынок влиял на них. Если можно так выразиться, натуральное хозяйство могло лишь частично принадлежать торговому капитализму. М.Н. Покровский это хорошо понимал, так как писал о «приливах» и «отливах» торгового капитализма, что предполагает наличие некоей среды, с которой он сталкивался. У торгового капитализма в России все-

гда находились объекты для переработки наличного экономического материала в хозяйство, производящее прежде всего товар во всё возрастающих количествах. Крепостное право было установлено во всех вотчинах и поместьях независимо от их пригодности для торгового капитализма. Однако сама возможность утверждения крепостничества была создана торговым капитализмом. Оно призвано было со временем ориентировать все хозяйства на то, чтобы произвести побольше продукта сверх внутренних потребностей и найти, где его можно сбыть подороже.

Самодержавие в схеме М.Н. Покровского было, конечно, торгово-капиталистическим учреждением, но также и формой правления, характерной для страны в целом. В связи с этим бюрократическая монархия появилась и просуществовала до 1917 г. с относительно небольшими по европейским меркам корректировками. С одной стороны, для учёного торговый капитализм имел смысл как система, генерирующая общественное движение, всякого рода перемены. С другой стороны, если торговый капитализм сохранялся на протяжении столетий как некая качественная определённость, значит, он сам консервировал тот фундамент, на который опирался. Торговый капитализм на протяжении веков рос вширь и вглубь, становился всё более изощрённым, стремился к экономическому доминированию, но не выходя за рамки удобной для себя эпохи, приемлемых условий существования. Торговый капитал мог стать промышленным, эффективно функционировать в капиталистической формации. Торговый же капитализм при господстве зрелых капиталистических отношений прекращал своё существование, поэтому на его страже сплошь и рядом оказывались самые вульгарные «переживания» старого феодального порядка.

М.Н. Покровский с позиций «торгового капитализма» подробно рассмотрел крестьянские войны, декабристское движение, колониальную политику царизма. Речь здесь шла о различных тонкостях. Например, учёный, во всяком случае со времени создания оригинальной концепции русской истории, связывал движение декабристов с эволюцией торгового капитализма. В советский же период историк стремился показать их борьбу с ним в условиях своей зависимости от него. Ведь передовые помещики были продуктом именно торгового капитализма. Этот последний определял

для историка специфику дворянской революционности, которая не подкреплялась кризисом феодализма и состоявшимся промышленным переворотом. Но всего этого уже было достаточно, чтобы обеспечение качественных перемен в стране перестало быть делом энтузиастов и литераторов, а перешло на уровень некоей социальной группы и реализовалось в вооружённом выступлении.

М.Н. Покровский показал взаимодействие торгового и промышленного капитализма в истории России XIX века как более изменчивое и насыщенное, чем думали его современники. От этого теперь сложным образом зависели почти все сколько-нибудь крупные её события. Историк подчеркнул некоторую вторичность промышленной системы по отношению к торговому капиталу. Торговый капитализм, заботясь о своих интересах, пробивал дорогу промышленному капиталу, который отчасти «паразитировал» на результатах деятельности своего предшественника. Промышленный капитализм, будучи противоположностью торгового, не отказывался полностью от созданной последним системы как экономической, так и политической, поскольку она «связывала» избыточную массу мелких производителей в городе и деревне, подготавливала окраины к его приходу, боролась за внешние рынки и т. п.

Торговый капитализм М.Н. Покровского соединял в себе феодализм и торговый капитал. Конечно, и в этом случае производство было первичным, однако с двумя крупными оговорками. До появления капиталистической формации роль обмена, представленного торговым капиталом, относительно производства была гораздо выше, чем в условиях господства капиталистических отношений. В отдельных случаях и на определённых этапах истории товарно-денежные отношения выходили на первый план, вели производство за собой, например, как результат влияния мирового рынка на национальную экономику. Правда, и здесь нельзя забывать о том, что новое производство неизбежно складывалось из производственных же компонентов, которые в крайнем случае должны были хотя бы «импортироваться» в страну и как-то «приживаться» в ней, тем более, если она не являлась колонией.

Как, в соответствии с концепцией М.Н. Покровского, должна была выглядеть экономика в марксистских исследованиях, по-

свящённых изучению какого-либо конкретного вопроса? Если, например, историк культуры пишет о каком-нибудь художественном произведении, это необязательно означает, что, с его точки зрения, в основе исторического процесса лежит искусство. Всякий марксист легко признает, что миром непосредственно правят идеи. Только для сторонника этого учения очевидно, что они происходят в конечном счёте не из других идей, а в широком смысле из общественно-исторической практики с производными от неё материальными интересами. Однако зачастую из работ такого исследователя, даже, возможно, и марксиста самого по себе, не ясно, как он понимает сущность, движущие силы истории и другое, что он думает об истории, допустим, России XIX века в целом.

Для М.Н. Покровского же каждый конкретный исторический сюжет должен был быть рассмотрен таким образом, чтобы марксистская методология, марксистский взгляд на историю вообще отчётливо просматривался, а этот сюжет был органически вплетён в ткань какого-то более крупного полотна, показан как фрагмент чего-то более значительного. Подчеркнём, что совершенно недостаточно было рассмотреть свой вопрос, а потом написать что-нибудь о формациях. Последнее должно было непосредственно вытекать из самого этого рассмотрения без специальных указаний, примечаний и т. п. «Высшая степень» диалектики в истории для учёного заключалась в том, что происходившее в ней могло быть отображено только как изменяющееся в борьбе противоположностей. Например, господство натурального хозяйства является одним из главных экономических признаков феодализма. Значит, феодальное хозяйство в принципе создавалось как механизм, обеспечивающий функционирование хозяйства натурального типа. Однако затем внутри феодального хозяйства выросло хозяйство товарное, которое востребовало другой механизм функционирования. Парадокс состоял в том, что вместо него для производства товаров был использован старый механизм, который для этого не предназначался. В ходе этого приспособления он не перерождался в капиталистическую форму производства, а наоборот, наращивал силы для сопротивления аграрному капитализму.

Следует учесть один, без преувеличения, ключевой для понимания всего творчества М.Н. Покровского нюанс, который сни-

мает многие кажущиеся противоречия, содержащиеся в его трудах. Учёный обычно писал о каком-нибудь крупном историческом явлении или процессе в широком контексте, многосторонне, однако в виду различных обстоятельств акцентировал внимание читателей и слушателей на его определённом аспекте, который почему-либо считал важным. Затем обстоятельства менялись, и М.Н. Покровский делал акцент на каком-нибудь другом положении, фрагменте своих концепций Смуты начала XVII века, Петровских реформ, декабризма и т. п. При этом внешний наблюдатель принимал данную операцию за перемену воззрений историка в том или ином вопросе. Например, учёный понимал и раскрывал в своих работах особенности России, в том числе её отличия от западных стран. Но на определённом этапе своей деятельности он считал необходимым **подчеркнуть** общность исторического пути, пройденного Россией и Западом: и там, и там были феодальный строй, товаризация хозяйства, первоначальное накопление, производственный капитализм, классы буржуазного общества и т. п. Естественно, при желании в рамках той же самой концепции М.Н. Покровского можно было выделить то, что оттеняет специфику нашей страны. Например, и в России, и на Западе имел место переход от феодализма к капитализму, но в России этот процесс протекал во многом иначе, нежели на Западе, что также вполне очевидно из работ того же исследователя. Иногда подчёркивание советскими авторами, особенно первого послереволюционного десятилетия первичности, исключительной роли экономического базиса осуществлялось излишне прямолинейно, не сопровождалось должными оговорками. Это происходило не только потому (а в случае с М.Н. Покровским не столько потому), что они чего-то не знали, недопонимали и прочее, а ввиду острой необходимости преодолеть глубоко укоренённые в массовом сознании представления о «всемогушестве» государства как своего рода конструктора социальной реальности, с чем марксисты, конечно же, были не согласны. Когда же та или иная ключевая идея марксизма становилась общим достоянием, можно было её разнобразить, усложнить, «проблематизировать». И это тоже делалось в марксистском общественном сознании, в том числе в середине и конце 1920-х гг.

В своих историографических сочинениях и справках М.Н. Покровский подчёркивал, что он самостоятельно создал свою концепцию торгового капитализма. Единственное исключение здесь делалось для классиков марксизма. Правда, они в данном контексте выступали, скорее, авторами соответствующей теории, которая была творчески применена этим учёным к русской истории на всём её протяжении. Более того, М.Н. Покровский убедительно доказал, что с его концепцией органически сочетаются и многочисленные конкретно-исторические изыскания К. Маркса и В.И. Ленина. Вместе с тем нельзя отрицать (этого, кстати, не делал и сам М.Н. Покровский) определённого влияния, которое оказали на него произведения коллег, писавших в близком «торговому капитализму» духе. Сюда можно отнести, например, М.И. Туган-Барановского, И.И. Скворцова-Степанова, Н.А. Рожкова, впрочем, представленных своими конкретными исследованиями на историко-экономические темы, а не целостными научными концепциями. Симптоматично, что, по крайней мере, при жизни М.Н. Покровского никто из его оппонентов не смог доказать немарксистское или полумарксистское происхождение его схемы «торгового капитализма».

Каковы же результаты изучения советскими историками вопроса о торговом капитализме к 1932 г.? Выяснилось, что его, в принципе, можно связывать с работами не только историков-марксистов, но и их оппонентов. В утверждавшейся в советской исторической литературе версии марксистской формационной схемы для торгового капитализма было определено место в рамках переходного периода от феодализма к капитализму. Подчёркивая первичность способа производства и призывая уделять больше внимания его изучению, историки, вместе с тем, не отвергали ни наличия, ни существенного значения тех факторов общественного развития, которые М.Н. Покровский объединил в торговый капитализм.

В ходе обсуждения концепции торгового капитализма М.Н. Покровского было высказано немало конструктивных идей и предложений по данному вопросу. В качестве примера приведём некоторые из них: 1) в разные периоды истории торговый капитал играл прогрессивную и реакционную роль, то есть способствовал и препятствовал развитию капиталистических отношений; 2) в переходные периоды формация представляет совокуп-

ность укладов, ни один из которых не является преобладающим; 3) нужно различать процессы товаризации натурального хозяйства, то есть превращения его в товарное, и торгово-капиталистического развития уже сложившегося товарного хозяйства на основе феодальных производственных отношений; 4) торговый капитал включается в процесс разложения феодализма только с появлением мануфактурного капитализма; 5) становление национального внутреннего товарного рынка одновременно является процессом установления господства торгового капитала в докапиталистических сферах производства.

В дискуссиях советских историков в части «торгового капитализма» была отмечена необходимость изучения его проблематики на теоретико-методологическом уровне. Ведь М.Н. Покровский вывел его из материала русской истории, хотя, конечно же, и с применением марксистского инструментария. Его торговый капитализм вырос не из сухих формул политической экономии, а кристаллизовался в процессе складывания авторской концепции отечественной истории как её связующая нить. Иными словами, М.Н. Покровский создавал торговый капитализм при помощи определённой теории, а не формулировал специальную экономическую теорию, призванную объяснить исторические реалии эпохи торгового капитала. Подобного рода теоретические построения не были прояснены в рамках марксизма. Советские историки, за редким исключением, погрузились в усвоение диалектики производительных сил и производственных отношений, убедив себя в том, что торговля не может командовать производством. Впрочем, иногда конкретный исторический материал заставлял их писать нечто противоположное, что, однако, вполне соответствовало марксизму. Феномен докапиталистических классовых обществ, по К. Марксу в частности, состоял в том, что продукт становился товаром не только в производстве, но и торговле. Торговый капитал действовал таким образом, что заставлял субъекты хозяйствования, ориентированные на производство потребительной стоимости, функционировать в режиме товарного хозяйства, не меняя своей экономической сущности.

В 1920-е гг. проводился историографический анализ «торгового капитализма». Торгово-капиталистическая проблематика

освещалась не только в трудах историков-марксистов советского периода, но заняла большое место в дореволюционной отечественной исторической литературе (направление критического позитивизма, немарксистские вариации экономического материализма), экономических сочинениях, общественно-политической мысли, не говоря уже о зарубежных исследованиях, ставших классикой «жанра». Вопросы историографического характера поднимались советскими историками во всех обсуждениях торгового капитализма. Однако не было специального рассмотрения данного аспекта, монографических работ. В лучшем случае дело ограничивалось небольшими статьями. Советские учёные либо чётко и сжато формулировали своё отношение к концепции торгового капитализма и её корням, либо кратко затрагивали отдельные проявления этой концепции, особенно в плане её влияния на изучение каких-то других вопросов русской и мировой истории. Это создавало почву для утверждений, которые с научной точки зрения ничего не доказывали и не могли способствовать развитию темы: 1) заявлялось, что сторонники «торгового капитализма» преувеличивали роль обмена, например Г. Гильфердинг в одной своей цитате; 2) отмечалось, что авторы торгово-капиталистических построений не придерживаются формационной теории, а значит, претендуют на создание собственной теории исторического процесса.

Историки не всегда указывали на то, о каком именно торговом капитализме они говорят. Ведь подобного рода концепции были не только у М.Н. Покровского. Зачастую под флагом борьбы с «торговым капитализмом» оппоненты учёного выясняли отношения друг с другом. Впрочем, при анализе соответствующей концепции к 1932 г. всё более утверждалась тенденция оформления своеобразной «торгово-капиталистической школы» М.Н. Покровского в советской исторической науке. Историки условно делились на тех, кто пошёл в этом деле за М.Н. Покровским, активно участвуя в разработке проблематики торгового капитализма, и тех, кто как минимум проявлял осторожность. Поскольку концепция торгового капитализма укоренилась в советской исторической науке 1920-х гг., проникла в построения исследователей, специально не занимавшихся этой темой, то её следы можно найти у любого сколько-нибудь заметного историка-марксиста пе-

риода становления советской исторической науки. Выход был найден в том, что отказ от концепции торгового капитализма сводился к его переименованию, снижению удельного веса рассуждений об обмене, торговле в общих построениях историков, выделению различных фаз развития внутри формаций.

Не была однозначно определена «мера ответственности» М.Н. Покровского в вопросе о торговом капитализме. Ситуация складывалась таким образом, что его концепция могла быть использована для идейно-политической борьбы с учёным как анти-марксистская и оказаться в числе устаревших, хотя и марксистских в своей методологической основе, идей историка. До середины 1930-х гг. в целом это положение как бы законсервировалось, но настолько неустойчиво, что любой внешний толчок способен был привести к драматической развязке. Следует заметить, что в начале 1930-х гг. критика «торгового капитализма» ещё не подошла к тому состоянию (по крайней мере, в научном отношении), которое означало бы отказ от исторической концепции М.Н. Покровского.

Вместе с тем, если во второй половине 1920-х гг. советские историки смело и охотно создавали различные торгово-капиталистические схемы и построения, то уже в 1931 г. это тенденция прекратилась. Одни исследователи, отказавшись от терминологии, характерной для «торгового капитализма», тем не менее, стремились инкорпорировать его в формационную схему отечественной истории, например, в рамках переходного периода от феодализма к капитализму или эпохи первоначального накопления капитала (А.И. Малышев, С.Г. Томсинский). Дело в том, что в адрес авторов, работавших в духе «торгового капитализма», стали выдвигаться обвинения в немарксизме, а с ними и претензии политического характера, хотя мы, конечно, не отрицаем искреннего стремления ряда учёных пойти дальше подобных концепций, создать нечто более новаторское, прогрессивное. «Торговому капитализму» повредила и необходимость строго следовать не только духу, но и букве ленинских работ, согласно возобладавшей интерпретации которых классики марксизма никакого торгового капитализма не предусматривали. Другие советские историки-марксисты, видимо, пытались освободиться от «торгового капитализма»

более полно и последовательно уже в начале 1930-х гг., заменив его отсылками к феодализму, крепостничеству и прочему, старались писать меньше о торговле и торговом капитале, больше о производительных силах, производственных отношениях и т. д. В результате роль товарно-денежных отношений, товарного хозяйства в их построениях не столько преуменьшалась, сколько утрачивала ясность. С нашей точки зрения, к 1932 г. советским историкам-марксистам не удалось создать такую научную концепцию, которая бы превосходила «торговый капитализм» М.Н. Покровского. Учёный сам хорошо это понимал, поэтому был так последователен и настойчив в деле обновления своей концепции, которую, казалось бы, нужно немного поправить, избавиться от устаревших формулировок, учесть последние реальные достижения науки. Таким образом, М.Н. Покровский мог рассчитывать на то, что он опередит оппонентов.

С точки зрения сущности торгового капитализма наиболее лёгким был отказ от него как от определённого периода в истории. Если говорить о торговом капитализме как системе, то её вряд ли можно было «демонтировать» полностью. В лучшем случае она оставалась в «полуразобранном» виде. Вместе с тем нельзя не признать, что позднейшие представления об этой системе отличались от классических образцов. Сложнее всего было с торговым капитализмом как явлением. С отказом от него вот уже точно ничего бы не оставалось делать, как заново выдумывать всю русскую историю. Впрочем, на уровне явления «торговый капитализм» почти не возбранялся, за исключением, конечно же, особой терминологии. Да и в остальном достаточно вспомнить иные работы даже сталинского периода («"Регулярное государство" Петра Первого и его идеология» Б.И. Сыромятникова (М., 1943), «История народного хозяйства СССР» П.И. Лященко (М., 1952, т. 1, 3-е изд.), «История чёрной металлургии в СССР» С.Г. Струмилина (М., 1954)), в которых просматриваются прямые аналогии с «торговым капитализмом» вообще. Правда, здесь обнаружился другой недостаток – неоправданное «удревнение» капитализма промышленного. Ведь торговый капитализм в этом отношении перестал выполнять свою ограничительную функцию. Короче говоря, тематика «торгового капитализма» имела в советской историографии своё продолжение.

В итоге мы убедились, что концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в рамках марксистской науки вполне адекватно изображала социально-экономическое и политическое развитие России XVI–XIX веков и в этом качестве не уступала другим его трактовкам. Она явилась и фундаментальным вкладом учёного в формирование марксистской концепции отечественной истории, и важнейшим этапом данного процесса.

Библиографический список

Введение

¹ *Панкратова А.М.* Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939; *Ярославский Е.* Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. статей. Ч. 2. М.; Л., 1940; *Киселёв С.* Историческая наука и социология в концепции М. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1946; Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) // БСЭ. 2-е изд. Т. 33. Печь-Польцин. М., 1955.

² *Щеглов А.* Методологические истоки ошибок М.Н. Покровского // Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 69; *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 579.

³ *Соколов О.Д.* Борьба М.Н. Покровского против дворянско-буржуазной историографии // История СССР. 1969. № 5; *Его же.* М.Н. Покровский – выдающийся организатор научно-исследовательской работы в СССР // Вопросы истории. 1969. № 6; *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929). М., 1968; *Алексеева Г.Д., Желтова Г.И.* Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений (20–30-е годы). Ташкент, 1977; *Алаторцева А.И.* Советская историческая периодика. 1917 – середина 1930-х годов. М., 1989.

⁴ Обсуждение доклада П.Н. Федосеева, Ю.П. Францева «О разработке методологических вопросов истории» // История и социология. М., 1964. С. 39–48.

⁵ *Нечкина М.В.* О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1. С. 87–88; *Черепнин Л.В.* М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 184.

⁶ *Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992; *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1, 2. С. 77–96.

⁷ *Ярославский Е.* Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. Ч. 2. М.; Л., 1940. С. 12; *Артизов А.Н.* Кри-

тика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 109.

⁸ *Соколов О.Д.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1962. № 4. С. 74; *Нардин В.В.* Основные вопросы исторической концепции М.Н. Покровского // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1970. № 5. С. 28–29.

⁹ *Соколов О.Д.* М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; *Нардин В.В.* Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1, 2. М., 1970.

¹⁰ *Дроздов П.* Историческая школа М.Н. Покровского // Правда. 1937. 28 марта; Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. С. 3, 5.

¹¹ *Артизов А.Н.* Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х – 1930-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 86–92.

¹² См. наиболее научно-основательные работы: *Слуцкий А.Г.* Доктор исторических наук профессор Григорий Самойлович Фридлянд (1896–1937) // История и историки. Историография всеобщей истории: сб. ст. М., 1966; *Голубева Р.И.* В.Ф. Малаховский // История СССР. 1968. № 4; *Клушин В.И.* Первые учёные-марксисты Петрограда: историко-социологический очерк. Л., 1971.

¹³ Историческая наука в 20–30-е годы. «Круглый стол» Научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. М., 1990. С. 92; Советская историография. М., 1996. С. 25–26, 130, 169.

¹⁴ *Сидорова Л.А.* Анна Михайловна Панкратова // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 2. Архивно-информационный бюллетень. № 10. 1995; *Воронкова С.В.* Аркадий Лаврович Сидоров // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 4. Архивно-информационный бюллетень. № 16. 1997; *Вандалковская М.Г.* Милица Васильевна Нечкина // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.

¹⁵ *Багдасарян В.Э.* Исторические взгляды Николая Ивановича Ульянова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Артизов А.Н.* Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х – 1930-е годы): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 93–140; *Дубровин В.Ю.* Историк С.А. Пинтовский: исследование жизни и творчества: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002; *Каширин С.В.* Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928–1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Алымов С.С.* Павел Иванович Кушнер и развитие отечественной этнографии в 1920–1950-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

¹⁶ См.: Отечественные обзоры иностранной литературы, затрагивающие научную деятельность М.Н. Покровского: *Нечкина М.В.* Критика зарубежной буржуазной литературы по истории советской исторической науки // Против буржуазной фальсификации истории советского общества. М., 1960; *Соловей В.Д.* Процесс становления советской исторической науки (1917 – середина 30-х гг.) в освещении американской и английской исто-

риографии // История СССР. 1988. № 4; *Можаева Г.В.* Современная англо-американская историография о роли и месте М.Н. Покровского в советской исторической науке // Проблемы методологии исторических наук. Омск, 1992. Среди работ иностранных авторов в контексте заявленной темы см.: *Берендт Л.-Д.* «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского в зарубежных переводах // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981; *Берендт Л.-Д.* Участие советских историков в Международном комитете исторических наук (МКИН) (1928 г. – середина 1930-х годов) // История и историки. 1980. М., 1984; *Энтин Дж.* Спор о М.Н. Покровском продолжается // Вопросы истории. 1989. № 5; *Энтин Дж.* Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Там же. 1995. № 5/6; *Краус Т.* Своеобразие российского исторического процесса: о дискуссии Троцкого и Покровского // Россия. XXI. 1997. № 9–10.

Из работ отечественных немарксистских авторов выделяется статья, датируемая 1937 г.: *Милюков П.Н.* Величие и падение Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // Вопросы истории. 1993. № 4.

Важным представляется описание хода и некоторых аспектов дискуссий историков-марксистов 1920-х гг. в работах: *Соколов В.Ю.* История и политика (к вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 30-х гг.). Томск, 1990; *Его же.* История в отсутствие человека. Томск, 1994.

С нашей точки зрения, уникальной по своей научной значимости в освещении теоретико-методологических изысканий М.Н. Покровского является монография: *Говорков А.А.* М.Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976.

Определённую систему координат для определения места М.Н. Покровского в советской историографии задают работы: *Данилова Л.В.* Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Исторические записки. 1965. Т. 76; *Вайнштейн О.Л.* Становление советской исторической науки (20-е гг.) // Вопросы истории. 1966. № 7; *Волков Л.В.* Проблемы истории позднего феодализма в России в советской исторической науке (1917 – середина 30-х годов): дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; *Алексеева Г.Д.* Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке (20-е – начало 30-х годов XX в.) // История и историки. 1971. М., 1973; *Игнатенко Т.А.* Проблемы научной периодизации советской историографии в советской исторической науке // Там же. 1981. М., 1985; *Чагин Б.А., Клушин В.И.* Исторический материализм в СССР в переходный период. 1917–1936 гг.: историко-социологический очерк. М., 1986.

¹⁷ *Володьков О.П.* Проблемы торгового капитализма М.Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

¹⁸ *Покровский М.Н.:* 1) Царизм и революция. М., 1918; 2) Развитие русской революции (стенограмма лекции, машинопись). 1919 г. 3/X // Научный

архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 24. Л. 16; 3) Очерк истории русской культуры. Ч. II. 5-е изд., стер. Пг., 1923; 4) Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967; 5) Смутное время // Энциклопедический словарь Русского библиографического института А. и И. Гранат. 7-е совершенно перераб. изд. Т. 39. М., [1922]; 6) [Русская революция]. 1922 г. // Исторический архив. 1994. № 5; 7) Троцкизм и «особенности исторического развития России» // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925; 8) Царизм и корни революции 1917 г. // Ежегодник Коминтерна. Пг.; М., 1923; 9) Корни большевизма в русской почве // Вождь пролетариата – Российская Коммунистическая партия: сборник. Пг., 1923; 10) Из истории общественного движения в России начала XX века // Покровский М.Н. Декабристы. М.; Л., 1927; 11) Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М., 1924; 12) [Лекции по русской истории, прочитанные в Свердловске]. 1925/6 г. // Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 83. Л. 110; 13) К вопросу об особенностях исторического развития России // Под знаменем марксизма. 1925. № 4–6; 14) Северная война (1700–1721) // Энциклопедический словарь Русского библиографического института А. и И. Гранат. 7-е совершенно перераб. изд. Т. 41. Ч. V. М., [1925]; 15) Сперанский, Михаил Михайлович [знаменитый государственный деятель (1772–1839)] // Там же. Ч. IV. М., [1925]; 16) Новые данные о пугачёвщине: доклад, прочитанный в обществе историков-марксистов 1 июня 1925 г. // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. XII; 17) 14 декабря 1825 года // Покровский М.Н. Декабристы. М.; Л., 1927; 18) 14/26 декабря 1825 года // Там же; 19) Ленин и Маркс как историки // Покровский М.Н. Избранные произведения. М, 1967. Кн. 4; 20) Бакунин в русской революции // Михаил Бакунин. 1876–1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926; 21) Абсолютизм // БСЭ. Т. 1. М., 1926; 22) Александр I // Там же. Т. 2. М., 1926; 23) Александр II // Там же; 24) Боярство и боярская дума // Там же. Т. 7. М., 1927; 25) Буржуазия в России // БСЭ. Т. 8. М., 1927; 26) Бюрократия // Там же; 27) Тезисы к программе русской истории для комвузов // Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 133. Л. 18; 28) Н.А. Рожков. Некролог (речь на гражданской панихиде 4 февр. 1927 г.) // Историк-марксист. 1927. Т. 3; 29) Некролог. А.А. Богданов (Малиновский) // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2); 30) Некролог. Иван Иванович Скворцов-Степанов // Там же. № 30(6); 31) Возникновение русского самодержавия // Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 270. Л. 33; 32) Восточный вопрос // БСЭ. Т. 13. М., 1929; 33) Ленинизм и русская история // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. IV. М., 1967; 34) History of Russia from the earliest times to the rise of commercial capitalism. N. Y., 1931; 35) Кларксону [профессору истории Бруклинского колледжа]. 17 писем (черновики, отписки). С 21.03.27 г. до 20.12.31 г. // Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 44. Л. 35; 36) Предисловие к американскому изданию «Русской истории с древнейших времён». 1931 г. (автограф и машинописная копия) // Там же. Оп. 1. Д. 330.

Л. 11; 37) О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. III. М., 1967; 38) Ленин и история // Там же. Кн. IV. М., 1967; 39) К вопросу о пугачёвщине (письмо семинару 1-го курса ИКП, 1931) // Историк-марксист. 1932. № 1–2; 40) Выступление по докладу о преподавании истории. Май 1928 г. // Борьба классов. 1933. № 5; 41) Речь на заседании секции народов СССР // Там же; 42) Докладная записка в ЦК ВКП(б). Проект [Декабрь 1930] // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 42. Л. 6–9; 43) «Я считаю себя лично уже ушедшим»: письма. 1929–1931 гг. // Исторический архив. 1993. № 4; 44) Записка в Секретариат ЦК ВКП(б). 5 февр. 1931 г. // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 42. Л. 31–38.

¹⁹ *Покровский М.Н.*: 1) Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925; 2) Правда ли, что в России «абсолютизм существовал наперекор общественному развитию»? // Там же; 3) Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма // Там же; 4) Несколько замечаний на ст. т. Рубинштейна // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11; 5) О пользе критики, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и прочем // Там же. № 12; 6) Ответ т. Томсинскому // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XV.

²⁰ *Покровский М.Н.*: 1) [Рецензия] // Печать и революция. 1921. Кн. 2. Рец. на кн.: Платонов С.Ф. Борис Годунов. «Образы прошлого». Пг.: Огни, 1921; 2) [Рецензия] // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.; Л., 1933. Рец. на кн.: Виппер Р. Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922; 3) Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3; 4) Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967; 5) О пятом томе «Истории» Ключевского: заметка // Там же; 6) О книге академика Лаппо-Данилевского // Там же; 7) Г.В. Плеханов как историк России // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925; 8) Предисловие к книге Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси» // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988; 9) Н.Г. Чернышевский как историк // Историк-марксист. 1928. Т. 8; 10) Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов // Там же. Т. 10; 11) Пушкин – историк // Пушкин А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.; Л., 1931.

²¹ *Покровский М.Н.*: 1) Развитие русской революции (стенограмма лекции, машинопись). 1919 г. З/Х // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 24. Л. 16; 2) Учебные планы, материалы к пятилетнему плану развития ИКП, отчёты о работе семинаров М.Н. Покровского, списки работ слушателей исторического отделения ИКП, присланные Покровскому для сведения или составленные им самим (автограф, машинопись). 12.02.21 г.–19.11.28 г. // Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 219; 3) Лекции по русской истории, прочитанные в Свердловке (автограф, машинопись). 1925/6 гг. // Там же. Оп. 1. Д. 83. Л. 110;

4) Кларксону [профессору истории Бруклинского колледжа]. 17 писем (черновики, отписки). С 21.03.27 г. до 20.12.31 г. // Там же. Оп. 4. Д. 44. Л. 35; 5) Речь в Институте Советского строительства 15/XI–1927 г. (машинопись) // Там же. Оп. 1. Д. 212. Л. 6; 6) Доклад на семинаре в Институте красной профессуры по вопросам империалистической войны и Октябрьской революции. 1927 г. (машинопись) // Там же. Д. 250. Л. 37; 7) Возникновение русского самодержавия (статья, машинопись). 1928 // Там же. Д. 270. Л. 33; 8) Ленинизм и русская история (лекция, машинопись). 1928 г. // Там же. Д. 275. Л. 40; 9) Выступление в Институте истории 25/III 1930 г. (машинопись) // Там же. Д. 308. Л. 14; 10) Планы работы семинаров исторического отделения ИКП, выступления на семинарах по научным докладам, доклады слушателей и другие документы о деятельности ИКП (подлинники, машинопись, копии). 1929 – 21 февр. 1931 г. // Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 238; 11) Замечания к программам по истории (автограф и машинописная копия). 1931 г. // Там же. Оп. 1. Д. 336. Л. 9; 12) Тезисы к программе русской истории для комвузов (автограф и машинописная копия) // Там же. Д. 133. Л. 18; 13) «Очерк истории революционного движения» (автограф) (неполный текст). Б/д. // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 22. Л. 7; 14) О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России (статья, автограф). 1931 г. // Там же. Д. 20. Л. 9; 15) Неопубликованные заключительные слова на семинарах в ИКП истории // Историк-марксист. 1933. № 3. С. 73–78.

²² *Покровский М.Н.*: 1) Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на I Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2); 2) «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7; 3) Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967; 4) Развитие современной исторической науки // Там же; 5) Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16; 6) О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Там же. 1931. Т. 21; 7) Краткая биографическая справка // Там же. 1928. Т. 9; *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки. 1981. М., 1985; *Сидоров А.Л.* Институт красной профессуры // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005; *Чернобаев А.А.* Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 2. М., 1995; *Кравченко Е.А.* Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996.

²³ *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922; *Рубинштейн Н. М.Н.* Покровский – историк России // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11; *Его же.* М.Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. Т. 9; *Слепков А.Н.* «Не согласен!» (Ответ Покровскому) // Большевик. 1925. № 5–6; *Томсин-*

ский С.Г. К вопросу о социальной природе русского самодержавия // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XV; *Шестаков А.В.* М.Н. Покровский – историк-марксист // Историк-марксист. 1928. Т. 9; Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII-1928–4/I-1929. Т. 1, 2. М., 1930; *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Институте красной профессуры. М.; Л., 1930; Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях) / под ред. Г. Зайделя, А. Лозинского, А. Пригожина, С. Томсинского. Харьков, 1930; Дискуссия о социально-экономических формациях // Историк-марксист. 1930. № 16; *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 1. Пг.; М., 1919; *Его же.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 4, 5. Пг.; М., 1923; *Розенталь Н.Н.* История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927; *Кушнер П.* Очерк развития общественных форм. М., 1928. 5-е изд., испр. и доп.; 1927. 3-е стер. изд.; 1929. 6-е стер. изд.; *Дроздов П.* Очерки по истории классовой борьбы в Западной Европе и в России в XVIII–XX веках. М., 1928; *Пионтковский С.* Очерки истории России в XIX–XX вв. Харьков, 1928. *Малышев А.* О феодализме и крепостничестве // Историк-марксист. 1930. Т. 15, 16; *Газганов Э.* Против ревизии марксо-ленинского учения о феодализме и крепостничестве (о статьях А. Малышева) // Там же. 1931. Т. 22; *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930; Крепостная Россия: сб. ст. Л., 1930; Книга для чтения по истории народов СССР. Т. 1. Харьков, 1930; *Штраух А.Н.* Торговый капитал в Московском государстве. М.; Л., 1931; *Ульянов Н.И.* Разинщина. Харьков, 1931; *Пригожин А.* К. Маркс и Ф. Энгельс о феодализме как общественной формации // Проблемы марксизма. 1931. № 2; *Фролов И.* Против ревизии марксизма-ленинизма в исторической науке (к некоторым итогам дискуссии с тов. Дубровским) // Под знаменем марксизма. 1931. № 1–2; *Гуковский А.И.* Феодализм в Западной Европе. Ч. 2. Б. м., 1932; *Вознесенский С.В.* Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800–1860 гг. М., 1932; *Ванаг Н.Н.* Краткий очерк истории народов СССР. Ч. 1 (при участии Е. Драбкиной, А. Королёва, Ив. Кузнецова, С. Мильмана). Л., 1932; М.Н. Покровский – историк России (научная биография неизвестного автора). Общество историков-марксистов при Коммунистической академии. 1930 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 50. Л. 10; Доклад С.М. Дубровского «"Азиатский", феодальный и крепостнический способ производства». Прения. ОИМ при КА. 10, 17, 24 мая 1929 г. // Там же. Д. 121. Л. 58; Стенограмма доклада тов. Кушнера «Об общественно-экономических формациях» от 27/XI-30 г. ОИМ // Там же. Д. 47. Л. 54; ОИМ при КА. Доклад Бажанова «Торговый капитал в докапиталистических формациях». 24 мая 1931 г. // Там же. Д. 136. Л. 36; Прения по докладу Мишулина от 29 мая 31 г. ОИМ при КА // Там же. Д. 137. Л. 25.

Глава I

²⁴ *Городецкий Е.Н.* М.Н. Покровский и проблемы истории Октября // История и историки. 1976. М., 1979. С. 263, 265.

²⁵ *Покровский М.Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 443.

²⁶ *Покровский М.Н.* Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов: 28 декабря 1928 – 4 января 1929 г. М., 1930. Т. 1. С. 10–11.

²⁷ *Покровский М.Н.* Погодин М.П. // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.; Л., 1933. С. 44–47.

²⁸ *Чернобаев А.А.* Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 2. М., 1995. С. 58.

²⁹ *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет (доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.) // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2). С.14–15.

³⁰ *Покровский М.Н.* [Рецензия] // Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 138. Рец. на кн.: *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. Образы прошлого. Пг.: Огни, 1921.

³¹ Цит. по: *Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. С. 124–125.

³² *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 82–83.

³³ *Брачев В.С.* Сергей Фёдорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 123.

³⁴ *Городецкий Е.Н.* М.Н. Покровский и проблемы истории Октября // История и историки. 1976. М., 1979. С. 265.

³⁵ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 127.

³⁶ Цит. по: *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 79.

³⁷ Неделя советских историков в Берлине // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 30(6). С. 242–243.

³⁸ *Миц И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI Международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 89.

³⁹ *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929). М., 1968. С. 181.

⁴⁰ *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. №1. С. 93.

⁴¹ *Соколов В.Ю.* История в отсутствие человека. Томск, 1994. С. 63, 135.

⁴² *Покровский М.Н.* Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 36.

⁴³ *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2). С. 30.

- ⁴⁴ *Покровский М.Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 17.
- ⁴⁵ Неделя советских историков в Берлине // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 30(6). С. 243.
- ⁴⁶ *Бухарин Н.И.* Профессор с пикой // Правда. 1928. 25 окт.; цит. по: Шестидесятилетие М.Н. Покровского (газетный обзор) // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 262–273.
- ⁴⁷ *Покровский М.Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16. С. 17.
- ⁴⁸ *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Там же. 1931. Т. 21. С. 3.
- ⁴⁹ *Авторханов А.Г.* Технология власти // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 73.
- ⁵⁰ Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 20. Л. 75–76.
- ⁵¹ Там же. Д. 22. Л. 46.
- ⁵² Там же. Ф. 377. Оп. 2. Д. 50. Л. 4.
- ⁵³ *Берендт Л.-Д.* Участие советских историков в Международном комитете исторических наук (МКИН) (1928 г. – середина 30-х годов) // История и историки. 1980. М., 1984. С. 266.
- ⁵⁴ *Покровский М.Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 10.
- ⁵⁵ Письмо М.Н. Покровского П.О. Горину из Берлина 7-VII-1929 // Горин П.О. М.Н. Покровский – большевик-историк. Минск, 1933. С. 99–100.
- ⁵⁶ *Сидоров А.Л.* Институт красной профессуры // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 384.
- ⁵⁷ Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. С. 70–117.
- ⁵⁸ *Сарбей В.Г.* Академик Б.Д. Греков – историограф // История и историки. 1980. М., 1984. С. 172–173.
- ⁵⁹ *Покровский М.Н.* Иван Иванович Скворцов-Степанов. Некролог // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 30(6). С. 4–5.
- ⁶⁰ *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 6.
- ⁶¹ *Покровский М.Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 449.
- ⁶² *Покровский М.Н.* Ответ тов. Томсинскому // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XV. С. 265.
- ⁶³ *Покровский М.Н.* Ленин и Маркс как историки // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 23.
- ⁶⁴ *Покровский М.Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 8–9.
- ⁶⁵ *Покровский М.Н.* Н.А. Рожков // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 390–391.
- ⁶⁶ Цит. по: *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929). М., 1968. С. 180–181.

⁶⁷ *Покровский М.Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 4.

⁶⁸ *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2). С. 26.

⁶⁹ *Покровский М.Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 4–5.

⁷⁰ Лекции М.Н. Покровского по русской истории, прочитанные в Свердловке (автограф, машинопись). 1925/6 гг. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 83. Л. 84.

⁷¹ *Кравченко Е.А.* Участие русских и советских историков в первых Международных конгрессах историков (МКИН) // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 442.

⁷² *Берендт Л.-Д.* Участие советских историков в Международном комитете исторических наук (МКИН) (1928 г. – середина 30-х годов) // История и историки. 1980. М., 1984. С. 255, 260.

⁷³ *Покровский М.Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16. С. 5, 7.

⁷⁴ *Мицц И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI Международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 95.

⁷⁵ *Покровский М.Н.* Предисловие // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. XIV–XV.

⁷⁶ Неделя советских историков в Берлине // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 30(6). С. 243.

⁷⁷ *Берендт Л.-Д.* Участие советских историков в Международном комитете исторических наук (МКИН) (1928 г. – середина 30-х годов) // История и историки. 1980. М., 1984. С. 259–262.

⁷⁸ *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2). С. 29–30.

⁷⁹ *Покровский М.Н.* Предисловие // Книга для чтения по истории народов СССР. Т. 1. Харьков, 1930. С. VII.

⁸⁰ *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929). М., 1968. С. 42.

⁸¹ *Покровский М.Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 444.

⁸² *Покровский М.Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16. С. 16.

⁸³ *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки. 1981. М., 1985. С. 259, 270.

⁸⁴ *Покровский М.Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16. С. 9.

⁸⁵ Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 250. Л. 9.

- ⁸⁶ *Покровский М.Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 443–444.
- ⁸⁷ *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 84.
- ⁸⁸ *Покровский М.Н.* Краткая биографическая справка // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 80.
- ⁸⁹ *Алексеева Г.Д.* Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 54.
- ⁹⁰ *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки. 1981. М., 1985. С. 264, 267–268.
- ⁹¹ *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929). М., 1968. С. 180.
- ⁹² *Алексеева Г.Д.* Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 54.
- ⁹³ *Сидоров А.Л.* Институт красной профессуры // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 382–383.
- ⁹⁴ *Сталин И.В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 2.
- ⁹⁵ *Сидоров А.Л.* Институт красной профессуры // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 394.
- ⁹⁶ *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории исторической науки (1917–1936) // История СССР. 1960. № 3. С. 153.
- ⁹⁷ *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки. 1981. М., 1985. С. 264, 272.
- ⁹⁸ *Артизов А.Н.* Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. М., 1995. С. 186–187, 196–197.
- ⁹⁹ *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // Там же. 1981. М., 1985. С. 260.
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 2. С. 135.
- ¹⁰¹ *Энтин Дж.* Спор о М.Н. Покровском продолжается // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 155.
- ¹⁰² Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 212. Л. 3–4.
- ¹⁰³ *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций: поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 96.
- ¹⁰⁴ *Покровский М.Н.* Вместо предисловия // Селезнёв К. Троцкизм в вопросах истории русского государства. М.; Л., 1931. С. 3–24.
- ¹⁰⁵ Советская историография. М., 1996. С. 146.
- ¹⁰⁶ *Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. С. 201.
- ¹⁰⁷ *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 5.

- ¹⁰⁸ Михаил Николаевич Покровский (некролог) // Там же. 1932. 1–2. С. 6.
- ¹⁰⁹ *Нечкина М.В.* Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 243.
- ¹¹⁰ *Покровский М.Н.* По поводу некоторой путаницы // Историк-марксист. 1932. № 1–2. С. 22.
- ¹¹¹ «За решительную перестройку исторического фронта» // Там же. 1932. № 1–2. С. 8.
- ¹¹² *Покровский М.Н.* Задачи общества историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 383.
- ¹¹³ Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 230. Л. 8, 11.
- ¹¹⁴ Цит. по: *Соколов О.Д.* М.Н. Покровский – выдающийся организатор научно-исследовательской работы в СССР // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 41–42.
- ¹¹⁵ *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 3–4.
- ¹¹⁶ Докладная записка М.Н. Покровского в ЦК ВКП(б) [Декабрь. 1930] // Исторический архив. 1993. № 4. С. 200–202.
- ¹¹⁷ Записка М.Н. Покровского – в Секретариат ЦК ВКП(б). 5 февр. 1931 г. // Там же. С. 207.
- ¹¹⁸ *Соколов О.Д.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1964. № 3. С. 77.
- ¹¹⁹ Записка М.Н. Покровского – в Секретариат ЦК ВКП(б). 5 февр. 1931 г. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 206.
- ¹²⁰ *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 2. С. 127.
- ¹²¹ *Слепков А.* «Не согласны!» (Ответ Покровскому) // Большевик. 1925. № 5–6. С. 66.
- ¹²² Научный архив РАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 121. Л. 27.
- ¹²³ Там же. Л. 53.
- ¹²⁴ Там же. Л. 12, 32, 56.
- ¹²⁵ Там же. Д. 123. Л. 120.
- ¹²⁶ *Луцкий Е.А.* Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. М., 1965. С. 335.
- ¹²⁷ Записка М.Н. Покровского – в Секретариат ЦК ВКП(б). 5 февр. 1931 г. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 207.
- ¹²⁸ *Соколов О.Д.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1964. № 3. С. 77–78.
- ¹²⁹ Советская историография. М., 1996. С. 145.
- ¹³⁰ *Соловей В.Д.* Процесс становления советской исторической науки (1917 – середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии // История СССР. 1988. № 4. С. 214.
- ¹³¹ *Соколов В.Ю.* История в отсутствие человека. Томск, 1994. С. 63.
- ¹³² Цит. по: Советская историография. М., 1996. С. 146.

- ¹³³ Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 гг. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 192.
- ¹³⁴ *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки. 1981. М., 1985. С. 268.
- ¹³⁵ Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 20. Л. 80.
- ¹³⁶ *Покровский М.Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16. С. 14.
- ¹³⁷ Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 20. Л. 78.
- ¹³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.
- ¹³⁹ *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1971. С. 138.
- ¹⁴⁰ *Городецкий Е.Н.* М.Н. Покровский и проблемы истории Октября // История и историки. 1976. М., 1979. С. 274.
- ¹⁴¹ *Покровский М.Н.* Ленин и история // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 47, 53–54.
- ¹⁴² *Нечухрин А.И.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003. С. 94, 112–113, 176, 186–187.
- ¹⁴³ *Виппер Р.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 3.
- ¹⁴⁴ *Покровский М.Н.* Ленин и Маркс как историки // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 24.
- ¹⁴⁵ *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 5.
- ¹⁴⁶ См. об этом: *Бухарин Н.И.* Профессор с пикой // Правда. 1928. 25 окт.; см. также: Шестидесятилетие М.Н. Покровского (газетный обзор) // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 262–273.
- ¹⁴⁷ *Покровский М.Н.* Несколько замечаний на статью т. Рубинштейна // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 212.
- ¹⁴⁸ *Покровский М.Н.* Вместо предисловия // Покровский М.Н. Внешняя политика: сб. статей (1914–1917). М., 1918. С. 3.
- ¹⁴⁹ *Алексеева Г.Д.* Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке (20-е – начало 30-х годов XX в.) // История и историки. 1971. М., 1973. С. 13–16.
- ¹⁵⁰ *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2). С. 23–24.
- ¹⁵¹ *Покровский М.Н.* Выступление в прениях по докладу И.И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия?» // Вестник Коммунистической академии. 1925. № 11. С. 321–322.
- ¹⁵² *Покровский М.Н.* Выступление в прениях по докладу Н.Я. Марра «К вопросу об историческом процессе...» // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 2. С. 304–305.
- ¹⁵³ *Покровский М.Н.* Предисловие // Там же. Т. 1. С. XII.

Глава II

- ¹⁵⁴ Покровский М.Н. Царизм и революция. М., 1918. С. 7–8, 15–16.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 6, 8–12.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 18–20, 23.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 6, 10, 12, 20.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 20–21.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 24.
- ¹⁶⁰ Михайловский Н.М. Политические письма социалиста. Письмо первое // Народная воля: социально-революционное обозрение. 1879. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narovol.narod.ru/document/nv2.htm>.
- ¹⁶¹ Покровский М.Н. Царизм и революция. М., 1918. С. 10–13, 21.
- ¹⁶² Покровский М.Н. Семилетняя война (1756–1763) // Энциклопедический словарь т-ва бр. А. и И. Гранат. 7-е совершенно перераб. изд. М., [1918]. Т. 38. Стб. 234.
- ¹⁶³ Покровский М.Н. Царизм и революция. М., 1918. С. 8–9, 16.
- ¹⁶⁴ Покровский М.Н. Вместо предисловия // Покровский М.Н. Внешняя политика. М., 1918. С. 3.
- ¹⁶⁵ Покровский М.Н. История повторяется: параллель между эпохой Петра Великого и эпохой диктатуры пролетариата // Народное просвещение: еженедельник Наркомпроса. 1919. № 32. С. 2–3.
- ¹⁶⁶ Покровский М.Н. Царизм и революция. М., 1918. С. 16–17; *Его же*. Развитие русской революции (стенограмма лекции, машинопись). 1919 г. 3/Х // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- ¹⁶⁷ Покровский М.Н. Развитие русской революции (стенограмма лекции, машинопись). 1919 г. 3/Х // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 6–7, 12–15.
- ¹⁶⁸ Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. 5-е изд., стер. Пг., 1923. С. 3–4.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 90–92, 97–98, 119.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 127, 132–133.
- ¹⁷¹ Там же. С. 102, 106, 135, 139.
- ¹⁷² Там же. С. 110–111, 113.
- ¹⁷³ Там же. С. 114, 117–118, 123–124, 129–130.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 136–137, 148–149.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 167.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 72.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 48.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 142.
- ¹⁷⁹ Покровский М.Н. К истории СССР (предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке») // Историк-марксист. Т. 17. М., 1930. С. 17–19.
- ¹⁸⁰ Чернобаев А.А. Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 2. Архивно-информационный бюллетень № 10. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995. С. 57.
- ¹⁸¹ Луцкий Е.А. Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. М., 1965. С. 352–356.

¹⁸² *Черепнин Л.В.* М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 186–187.

¹⁸³ *Соколов О.Д.* Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // М.Н. Покровский. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 50.

¹⁸⁴ *Соколов О.Д.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. № 4. 1962. С. 71.

¹⁸⁵ *Нардин В.В.* Вопросы истории средневековой России в трудах В.О. Ключевского и М.Н. Покровского // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 131–133.

¹⁸⁶ *Нардин В.В.* Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Т. 1. С. 289, 320.

¹⁸⁷ *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003. С. 151–153, 166–167, 234–235, 237.

¹⁸⁸ *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 207, 209, 215, 281–219.

¹⁸⁹ *Нардин В.В.* Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Т. 1. С. 82–83.

¹⁹⁰ Там же. Т. 2. С. 68–70; Советская историография. М., 1996. С. 169.

¹⁹¹ *Алексеева Г.Д.* Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке // История и историки. 1971. М., 1973. С. 22–23; *Алаторцева А.И.* Советская историческая периодика середины 30-х – конца 50-х годов // Там же. 1980. М., 1984. С. 368–369.

¹⁹² *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 7, 9–13, 19.

¹⁹³ Там же. С. 16–18, 20.

¹⁹⁴ Там же. С. 26–28, 30, 33, 35, 38, 50–54, 74–75, 81, 96–98, 104–105, 110.

¹⁹⁵ Там же. С. 50–53.

¹⁹⁶ Там же. С. 54–57.

¹⁹⁷ Там же. С. 64–66, 68–70, 72–73.

¹⁹⁸ Там же. С. 74–79, 83.

¹⁹⁹ Там же. С. 85, 87–88, 94, 139.

²⁰⁰ Там же. С. 92–95.

²⁰¹ Там же. С. 96–97, 102–103, 106–108, 154.

²⁰² Там же. С. 98–99, 110, 136.

²⁰³ Там же. С. 112, 115, 128–129.

²⁰⁴ Там же. С. 111, 115–118.

²⁰⁵ Там же. С. 116, 119–121.

²⁰⁶ Там же. С. 130–131, 137.

²⁰⁷ *Покровский М.Н.* Н.А. Некрасов // Искусство и литература в марксистском освещении / сост. Б.Г. Стоппнер, П.С. Юшкевич. Ч. 2: 1. Вопросы

литературоведения. 2. Образцы марксистской критики (от Гомера до Толстого). М., 1925. С. 460–462, 466.

²⁰⁸ *Покровский М.Н.* [Рецензия] // Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 137–138. Рец. на кн.: *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. Образы прошлого. Пг.: Огни, 1921.

²⁰⁹ *Покровский М.Н.* [Рецензия] // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.; Л., 1933. С. 95. Рец. на кн.: *Виппер Р.* Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922.

²¹⁰ *Покровский М.Н.* Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 34, 36.

²¹¹ *Покровский М.Н.* Смутное время // Энциклопедический словарь Русского библиографического института А. и И. Гранат. 7-е совершенно перераб. изд. Т. 39. М., [1922]. Стб. 628.

²¹² Там же. Стб. 628–629, 634, 636, 638, 640–641.

²¹³ *Покровский М.Н.* [Русская революция]. 1922 г. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 211–213.

²¹⁴ *Милюков П.Н.* Величие и падение Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 119.

²¹⁵ *Краус Т.* Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Троцкого и Покровского // Россия XXI. 1997. № 9–10. С. 174–175.

²¹⁶ *Нечкина М.В.* «Очень много дел...»: из «деловых дневников» 1922–1923 гг. академика М.В. Нечкиной // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 100–101.

²¹⁷ *Троцкий Л.Д.* Об особенностях исторического развития России (ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. 1922. № 145. 2 июля. С. 2.

²¹⁸ *Рубинштейн Н.Л.* М.Н. Покровский – историк России // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 200–201.

²¹⁹ *Ленин В.И.* Политическая агитация и «классовая точка зрения» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 266–267; *Его же.* Письмо «Северному союзу РСДРП» // Там же. С. 363.

²²⁰ *Покровский М.Н.* Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 68–69, 91.

²²¹ *Покровский М.Н.* Правда ли, что в России «абсолютизм существовал наперекор общественному развитию»? // Там же. С. 26–27, 29.

²²² *Троцкий Л.Д.* Об особенностях исторического развития России (ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. 1922. № 144. 1 июля. С. 2.

²²³ *Покровский М.Н.* Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 32–36.

²²⁴ *Покровский М.Н.* Троцкизм и «особенности исторического развития России» // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 44, 46–48.

²²⁵ *Соколов В.Ю.* История и политика (к вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск, 1990. С. 33, 35, 38, 40–41.

²²⁶ *Троцкий Л.* Пароход – не пароход, а баржа // Правда. 1922. № 149. 7 июля. С. 2.

²²⁷ *Краус Т.* Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Троцкого и Покровского // Россия XXI. 1997. № 9–10. С. 162–168; *Дубровский А.М.* «Лично я считаю её доклад немарксистским» (доклад М.В. Нечкиной о причинах отсталости России и его обсуждение в 1941 г.) // История и историки. 2001. М., 2001. С. 40–43, 59–65, 68.

²²⁸ *Каишанов С.М.* Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки. 1974. М., 1976. С. 175.

²²⁹ *Покровский М.Н.* Правда ли, что в России «абсолютизм существовал наперекор общественному развитию»? // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 23–24.

²³⁰ *Троцкий Л.* 1905. М., 1922. С. 15–17.

²³¹ *Артизов А.Н.* Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 104.

²³² *Троцкий Л.Д.* Об особенностях исторического развития России (ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. 1922. № 145. 2 июля. С. 2.

²³³ *Покровский М.Н.* Предисловие // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 3.

²³⁴ *Покровский М.Н.* Царизм и корни революции 1917 г. // Ежегодник Коминтерна. Пг.; М., 1923. С. 233–235.

²³⁵ Там же. С. 235–237.

²³⁶ Там же. С. 230–233.

²³⁷ *Покровский М.Н.* Корни большевизма в русской почве // Вождь пролетариата – Российская коммунистическая партия: сборник. Пг., 1923. С. 82, 84.

²³⁸ *Покровский М.Н.* Революционные движения прошлого // Ежегодник Коминтерна. Пг.; М., 1923. С. 229, 231–232.

²³⁹ *Покровский М.Н.* Корни большевизма в русской почве // Вождь пролетариата – Российская коммунистическая партия: сборник. Пг., 1923. С. 82–83.

²⁴⁰ *Покровский М.Н.* Послесловие // Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 390–391.

²⁴¹ *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 281–282, 297, 299.

²⁴² Там же. С. 297–298, 300–301, 303, 307.

²⁴³ Там же. С. 313, 317, 321, 326.

²⁴⁴ Там же. С. 327–329, 331, 333, 342.

²⁴⁵ Там же. С. 339, 341–344.

²⁴⁶ Там же. С. 346–348, 350–351, 353–356, 360.

²⁴⁷ *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 361–366.

²⁴⁸ Там же. С. 278, 299, 317.

²⁴⁹ *Покровский М.Н.* О пятом томе «Истории» Ключевского: заметка // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 273, 275.

²⁵⁰ *Покровский М.Н.* Г.В. Плеханов как историк России // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 10–11, 15, 18–19.

²⁵¹ *Покровский М.Н.* О книге академика Лаппо-Данилевского // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 371–372.

²⁵² *Покровский М.Н.* О книге академика Лаппо-Данилевского // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 375–376.

²⁵³ *Покровский М.Н.* Из истории общественного движения в России начала XX века // Покровский М.Н. Декабристы. М.; Л., 1927. С. 5–11.

²⁵⁴ Там же. С. 12–13, 15–17, 20–23.

²⁵⁵ Там же. С. 18–19.

²⁵⁶ *Покровский М.Н.* Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М., 1924. С. 9, 11, 13–15.

²⁵⁷ Там же. С. 15–16.

²⁵⁸ Там же. С. 2–23.

²⁵⁹ Там же. С. 31, 34–37.

²⁶⁰ Там же. С. 45–49.

²⁶¹ Там же. С. 7–8, 13, 18.

²⁶² *Покровский М.Н.* Несколько замечаний на ст. т. Рубинштейна // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 210–212.

²⁶³ *Покровский М.Н.* Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М., 1924. С. 3, 6, 14.

²⁶⁴ *Покровский М.Н.* О пользе критики, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и прочем // Под знаменем марксизма. 1924. № 12. С. 251–252.

²⁶⁵ *Покровский М.Н.* Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 30.

²⁶⁶ *Покровский М.Н.* Предисловие к книге Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 575, 577.

²⁶⁷ *Покровский М.Н.* Предисловие // Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. С. 3–4.

²⁶⁸ *Володьков О.П.* Н.А. Рожков и Г.В. Плеханов о торговом капитализме в исторической концепции М.Н. Покровского // Современное общество: матер. науч. конф., посвященной 25-летию Ом. гос. ун-та. (Омск, 29–30 октября 1999 г. / Омск: ОмГУ, 1999. Вып. 1; *Его же.* Проблемы торгового капитализма в работах М.Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С. 21–22, 72, 92, 102–103, 112–115.

²⁶⁹ *Полонский В.* Русская история: популярные очерки. Ч. 1. М., 1920; *Володьков О.П.* Об отношении к концепции торгового капитализма М.Н. Покровского в советской марксистской историографии (до начала 1930-х гг.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.А. Сорокин. Вып. 3. Омск, 2006. С. 194–196; *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука. 1917–1923. М., 1968. С. 147.

²⁷⁰ Лекции М.Н. Покровского по русской истории, прочитанные в Свердловке (автограф, машинопись). 1925/6 гг. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 83. Л. 60–64, 66.

²⁷¹ Лекции М.Н. Покровского по русской истории, прочитанные в Свердловке (автограф, машинопись). 1925/6 гг. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 83. Л. 64–68, 75, 81.

²⁷² Там же. Л. 70–71, 73–78.

²⁷³ Там же. Л. 83, 86, 94.

²⁷⁴ *Покровский М.Н.* К вопросу об особенностях исторического развития России // Под знаменем марксизма. 1925. № 4. С. 127, 129, 135.

²⁷⁵ Там же. С. 127, 135–137, 139, 141.

²⁷⁶ Там же. № 5–6. С. 90, 96–97, 106.

²⁷⁷ Там же. С. 90, 97–98, 106, 108–109.

²⁷⁸ Там же. С. 106–108.

²⁷⁹ *Покровский М.Н.* Средняя Азия // Энциклопедический словарь Русского библиографического института А. и И. Гранат. 7-е совершенно перераб. изд. Т. 41. Ч. IV. М., [1925]. Стб. 270–275.

²⁸⁰ *Покровский М.Н.* Стрельцы // Там же. Ч. V. Стб. 16–19.

²⁸¹ *Покровский М.Н.* Северная война (1700–1721) // Там же. Стб. 661–663, 668.

²⁸² *Покровский М.Н.* Сперанский, Михаил Михайлович [знаменитый государственный деятель (1772–1839)] // Там же. Ч. IV. Стб. 114.

²⁸³ *Покровский М.Н.* Строганов, Павел Александрович, граф [1774–1817] // Там же. Ч. V. Стб. 31–33.

²⁸⁴ *Покровский М.Н.* Сперанский, Михаил Михайлович [знаменитый государственный деятель (1772–1839)] // Там же. Ч. IV. Стб. 115, 117.

²⁸⁵ *Покровский М.Н.* Предисловие // Пугачёвщина: в 3 т. / подготовлен к печати С.А. Голубцовым; под ред. С.Г. Томсинского, Г.Е. Меерсона. Т. 1. Из архива Пугачёва: манифесты, указы и переписка. М.; Л., 1926. С. 4.

²⁸⁶ *Покровский М.Н.* Новые данные о пугачёвщине: доклад, прочитанный в обществе историков-марксистов 1 июня 1925 г. // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. XII. С. 228–229, 234–235.

²⁸⁷ *Покровский М.Н.* Предисловие // Пугачёвщина: в 3 т. / подготовлен к печати С.А. Голубцовым; под ред. С.Г. Томсинского, Г.Е. Меерсона. Т. 1. Из архива Пугачёва: манифесты, указы и переписка. М.; Л., 1926. С. 4, 6–9, 11.

²⁸⁸ *Покровский М.Н.* Новые данные о пугачёвщине: доклад, прочитанный в обществе историков-марксистов 1 июня 1925 г. // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. XII. С. 220–222, 224, 228–229, 232, 234–235.

- ²⁸⁹ Покровский М.Н. 14 декабря 1825 года // Покровский М.Н. Декабристы. М.: Л., 1927. С. 62–65.
- ²⁹⁰ Покровский М.Н. Из статьи «Два вооружённых восстания» (1825–1905) // Там же. С. 76–79.
- ²⁹¹ Покровский М.Н. Предисловие к брошюре Г.В. Плеханова «14 декабря 1825 года» // Там же. С. 52–53, 56–57.
- ²⁹² Покровский М.Н. Предисловие к брошюре А.И. Герцена о декабристах // Там же. С. 60–61.
- ²⁹³ Покровский М.Н. 14 декабря 1825 года // Там же. С. 68.
- ²⁹⁴ Покровский М.Н. Предисловие к XIII тому «Красного архива» // Там же. С. 84–85.
- ²⁹⁵ Покровский М.Н. 14/26 декабря 1825 года // Там же. С. 69–71.
- ²⁹⁶ Покровский М.Н. 14 декабря 1825 года // Там же. С. 64–67.
- ²⁹⁷ Покровский М.Н. 14/26 декабря 1825 года // Там же. С. 75.
- ²⁹⁸ Покровский М.Н. Из статьи «Два вооружённых восстания» (1825–1905) // Там же. С. 80–81.
- ²⁹⁹ Покровский М.Н. Предисловие к XIII тому «Красного архива» // Там же. С. 84–85.
- ³⁰⁰ Покровский М.Н. Бакунин в русской революции // Михаил Бакунин. 1876–1926: неизданные материалы и статьи. М., 1926. С. 183–185.
- ³⁰¹ Покровский М.Н. [Выступление в прениях по докладу И.И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия?» на заседании Коммунистической академии 14 февраля 1925 г.] // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 11. С. 321–322.
- ³⁰² Покровский М.Н. Ленин и Маркс как историки // Покровский М.Н. Избранные произведения. М, 1967. Кн. 4. С. 23–24, 27.
- ³⁰³ Покровский М.Н. Ответ т. Томсинскому // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XV. С. 289, 298–299.
- ³⁰⁴ Там же. 284, 287, 292, 295, 298–299.
- ³⁰⁵ Покровский М.Н. [Выступление на заседании общества историков-марксистов 9 апреля 1926 г. в прениях по докладу Н.А. Рожкова «К методологии истории промышленных предприятий»] // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 219–220.
- ³⁰⁶ Покровский М.Н. Ответ т. Томсинскому // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XV. С. 286, 288–289, 294.
- ³⁰⁷ Покровский М.Н. Абсолютизм // БСЭ. Т. 1. М., 1926. Стб. 87.
- ³⁰⁸ Там же. Стб. 87–88.
- ³⁰⁹ Там же. Стб. 89.
- ³¹⁰ Покровский М.Н. Александр I // БСЭ. Т. 2. М., 1926. Стб. 154–155.
- ³¹¹ Покровский М.Н. Александр II // Там же. Стб. 158–159.
- ³¹² Покровский М.Н. Боярство и боярская дума // Там же. Т. 7. М., 1927. Стб. 271–273.
- ³¹³ Там же. Стб. 272, 274–275.
- ³¹⁴ Там же. Стб. 271, 275.

- ³¹⁵ *Покровский М.Н.* Буржуазия в России // БСЭ. Т. 8. М., 1927. Стб. 181–183.
- ³¹⁶ Там же. Стб. 183–184.
- ³¹⁷ Там же. Стб. 184–187, 193.
- ³¹⁸ *Покровский М.Н.* Бюрократия // Там же. Стб. 468–469.
- ³¹⁹ Там же. Стб. 474–477.
- ³²⁰ Там же. Стб. 477–478.
- ³²¹ *Покровский М.Н.* Учебные планы, материалы к пятилетнему плану развития ИКП, отчёты о работе семинаров М.Н. Покровского, списки работ слушателей исторического отделения ИКП, присланные Покровскому для сведения или составленные им самим (автограф, машинопись). 12.02.21 г. – 19.11.28 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 20. Л. 69, 71–72.
- ³²² Там же. Л. 70–77, 81.
- ³²³ Там же. Л. 75–78, 80–81.
- ³²⁴ *Покровский М.Н.* Тезисы к программе русской истории для комвузов (автограф и машинописная копия) // Там же. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.
- ³²⁵ *Покровский М.Н.* Речь в Институте советского строительства 15/XI – 1927 г. (машинопись) // Там же. Д. 212. Л. 3–4.
- ³²⁶ *Покровский М.Н.* Тезисы к программе русской истории для комвузов (автограф и машинописная копия) // Там же. Д. 133. Л. 1–2.
- ³²⁷ *Покровский М.Н.* Доклад на семинаре в Институте Красной профессуры по вопросам империалистической войны и Октябрьской революции. 1927 г. (машинопись) // Там же. Д. 250. Л. 9.
- ³²⁸ *Покровский М.Н.* Тезисы к программе русской истории для комвузов (автограф и машинописная копия) // Там же. Д. 133. Л. 2.
- ³²⁹ *Покровский М.Н.* Доклад на семинаре в Институте красной профессуры по вопросам империалистической войны и Октябрьской революции. 1927 г. (машинопись) // Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 250. Л. 7.
- ³³⁰ *Покровский М.Н.* Историзм и современность в программах школ II ступени. М., 1927. С. 14–19.
- ³³¹ *Покровский М.Н.* Предисловие // Русская историческая литература в классовом освещении: сб. статей / с предисл. и под ред. М.Н. Покровского. Т. 1. М., 1927. С. 9–10, 13–15.
- ³³² *Покровский М.Н.* А.П. Щапов: к 50-летию со дня кончины // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 5–8, 13.
- ³³³ *Покровский М.Н.* Н.А. Рожков. Некролог (речь на гражданской панихиде 4 февр. 1927 г.) // Там же. С. 255–258.
- ³³⁴ *Покровский М.Н.* Неправда об историках-марксистах // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 220 (О кн.: *Чужак Н.* Правда о Пугачёве: опыт литературно-исторического анализа. М., 1926).
- ³³⁵ *Покровский М.Н.* Возникновение русского самодержавия (статья, машинопись). 1928 // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 270. Л. 6, 15–20, 29–30.
- ³³⁶ Там же. Л. 22, 26–27.

- ³³⁷ *Покровский М.Н.* Возникновение русского самодержавия (статья, машинопись). 1928 // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 270. Л. 27–31.
- ³³⁸ Там же. Л. 30–33.
- ³³⁹ [Черновой вариант доклада М.Н. Покровского на конгрессе в Осло] // ОРФ. Ф. 5. Оп. 7. Д. 276. Л. 24) Л. 2, 5, 7, 11–14 (материал предоставлен проф. А.А. Говорковым).
- ³⁴⁰ Там же. Л. 13, 16–23.
- ³⁴¹ *Пашуканис Е.Б.* Неделя советских историков в Берлине. [Доклад на заседании Бюро президиума Коммунистической академии 22.09.28 г.] // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн 30(6). С. 240–241.
- ³⁴² *Володьков О.П.* Проблемы торгового капитализма в работах М.Н. Покровского конца 1890-х–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С. 188–192.
- ³⁴³ *Покровский М.Н.* Учебные планы, материалы к пятилетнему плану развития ИКП, отчёты о работе семинаров М.Н. Покровского, списки работ слушателей исторического отделения ИКП, присланные Покровскому для сведения или составленные им самим (автограф, машинопись). 12.02.21 г. – 19.11.28 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 20. Л. 118–122.
- ³⁴⁴ Там же. Л. 124–128.
- ³⁴⁵ *Покровский М.Н.* Ленинизм и русская история. (Лекция. Машинопись). 1928 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.
- ³⁴⁶ Там же. Л. 10–11.
- ³⁴⁷ Там же. Л. 11–15, 21.
- ³⁴⁸ *Пашуканис Е.Б.* Неделя советских историков в Берлине. [Доклад на заседании Бюро президиума Коммунистической Академии 22.09.28 г.] // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн 30(6). С. 242–243.
- ³⁴⁹ *Покровский М.Н.* Ленинизм и русская история (лекция, машинопись). 1928 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 275. Л. 16–17, 20–22.
- ³⁵⁰ Там же. Л. 23–27, 30–31, 34.
- ³⁵¹ *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на I Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2). С. 4, 6.
- ³⁵² Там же. С. 6, 8–12, 14–15.
- ³⁵³ Там же. С. 23, 26.
- ³⁵⁴ Там же. С. 4–10.
- ³⁵⁵ *Покровский М.Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 4–9.
- ³⁵⁶ Там же. С. 9.
- ³⁵⁷ На боевом посту марксизма: стенограмма торжественного заседания, посвящённого 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М.Н. Покровского. М., 1929. С. 34, 37.
- ³⁵⁸ *Покровский М.Н.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 10–11, 17.

- ³⁵⁹ *Покровский М.Н.* Некролог. А.А. Богданов (Малиновский) // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 26(2). С. V–VII.
- ³⁶⁰ *Богданов А.А.* Краткий курс экономической науки. М., 1897. С. 73–76, 98–103.
- ³⁶¹ Там же. С. 159–235.
- ³⁶² *Покровский М.Н.* Некролог. Иван Иванович Скворцов-Степанов // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 30(6). С. 4–5.
- ³⁶³ На боевом посту марксизма: стенограмма торжественного заседания, посвящённого 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М.Н. Покровского. М., 1929. С. 54.
- ³⁶⁴ Там же. С. 14–16, 30, 61–62.
- ³⁶⁵ Там же. С. 34, 36–37.
- ³⁶⁶ *Покровский М.Н.* [Рецензия] // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 296–299. Рец. на кн.: Струве, Пётр. Крепостное хозяйство: исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913.
- ³⁶⁷ *Покровский М.Н.* Н.Г. Чернышевский // На литературном посту. 1928. № 13–14. С. 35–36.
- ³⁶⁸ *Покровский М.Н.* Н.Г. Чернышевский (тезисы, согласованные с АППО ЦК и МК ВКП(б)) // На литературном посту. 1928. № 22. С. 2.
- ³⁶⁹ *Покровский М.Н.* Н.Г. Чернышевский // Там же. № 13–14. С. 37.
- ³⁷⁰ *Покровский М.Н.* Н.Г. Чернышевский (тезисы, согласованные с АППО ЦК и МК ВКП(б)) // Там же. № 22. С. 2.
- ³⁷¹ *Покровский М.Н.* Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 5–11.
- ³⁷² *Покровский М.Н.* Выступление по докладу о преподавании истории. Май 1928 г. // Борьба классов. 1933. № 5. С. 72.
- ³⁷³ *С.К.* [Рецензия] // Историк-марксист. 1933. № 4. С. 143–144. Рец. на: Н. Spangenberg, Territorialwirtschaft und Stadtwirtschaft. Ein Beitrag zur Kritik der Wirtschaftsstufentheorie. Munchen, Berlin, 1932. S. 148.
- ³⁷⁴ *Покровский М.Н.* Н.Г. Чернышевский как историк // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 3–26.
- ³⁷⁵ *Покровский М.Н.* [Выступление в прениях и заключительное слово по юбилейным докладом в Обществе историков-марксистов «К столетию со дня рождения Н. Чернышевского»] // Там же. С. 132, 152.
- ³⁷⁶ *Нардин В.В.* Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Т. 2. С. 82, 199.
- ³⁷⁷ *Нардин В.В.* Основные вопросы исторической концепции М.Н. Покровского // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1970. № 5. С. 29.
- ³⁷⁸ *Соколов О.Д.* Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // М.Н. Покровский. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 66–67.
- ³⁷⁹ *Шапиро А.Л.* Русская историография в эпоху империализма. Л., 1962. С. 199–200.
- ³⁸⁰ *Покровский М.Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 440, 443.

- ³⁸¹ *Покровский М.Н.* Восточный вопрос // БСЭ. Т. 13. М., 1929. Стб. 311–312, 317–319.
- ³⁸² Там же. Стб. 320–322, 324–327, 331–332.
- ³⁸³ *Покровский М.Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // *Покровский М.Н. Избранные произведения.* Кн. 4. М., 1967. С. 448.
- ³⁸⁴ Там же. С. 441–443, 449.
- ³⁸⁵ *Покровский М.Н.* Развитие современной исторической науки // *Покровский М.Н. Избранные произведения.* Кн. 4. М., 1967. С. 428–430.
- ³⁸⁶ Там же. С. 430, 433–435.
- ³⁸⁷ Там же. С. 434, 436–439.
- ³⁸⁸ Там же. С. 436.
- ³⁸⁹ *Покровский М.Н.* Ленинизм и русская история // *Покровский М.Н. Избранные произведения.* Кн. 4. М., 1967. С. 29–30.
- ³⁹⁰ Там же. С. 29–33, 35–37, 45.
- ³⁹¹ Там же. С. 31, 33–35, 37–39, 42.
- ³⁹² *Покровский М.Н.* Выступление [в прениях по докладу Н.Я. Марра «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории»] // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. М., 1930. С. 304–305.
- ³⁹³ *Покровский М.Н.* Предисловие // Там же. Т. 1. С. VIII, XI–XII.
- ³⁹⁴ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // *Покровский М.Н. Избранные произведения.* Кн. 3. М., 1967. С. 611–612, 615.
- ³⁹⁵ Там же. С. 618.
- ³⁹⁶ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // *Покровский М.Н. Избранные произведения.* Кн. 3. М., 1967. С. 54.
- ³⁹⁷ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 619.
- ³⁹⁸ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 66.
- ³⁹⁹ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 619.
- ⁴⁰⁰ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 66–67.
- ⁴⁰¹ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 619.
- ⁴⁰² *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 67.
- ⁴⁰³ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 619.
- ⁴⁰⁴ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 77.
- ⁴⁰⁵ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 620.
- ⁴⁰⁶ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 79.
- ⁴⁰⁷ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 620.
- ⁴⁰⁸ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 80, 90.
- ⁴⁰⁹ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 620.

- ⁴¹⁰ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 93.
- ⁴¹¹ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 620.
- ⁴¹² *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 94, 108.
- ⁴¹³ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 620.
- ⁴¹⁴ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 107–108, 111.
- ⁴¹⁵ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 620.
- ⁴¹⁶ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 111.
- ⁴¹⁷ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 620.
- ⁴¹⁸ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 115–116.
- ⁴¹⁹ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 621.
- ⁴²⁰ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 135.
- ⁴²¹ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 621.
- ⁴²² *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // Там же. С. 135.
- ⁴²³ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Там же. С. 623.
- ⁴²⁴ *Покровский М.Н.* Выступление в Институте истории 25/III 1930 г. (машинопись) // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 308. Л. 6, 9.
- ⁴²⁵ Там же. Л. 4, 6, 9, 13.
- ⁴²⁶ *Покровский М.Н.* Планы работы семинаров исторического отделения ИКП, выступления на семинарах по научным докладам, доклады слушателей и другие документы о деятельности ИКП (подлинники, машинопись, копии). 1929 – 21 февраля 1931 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–2.
- ⁴²⁷ *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138.
- ⁴²⁸ *Маркс К.* Капитал. Том третий. Книга III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 360.
- ⁴²⁹ *Покровский М.Н.* Планы работы семинаров исторического отделения ИКП, выступления на семинарах по научным докладам, доклады слушателей и другие документы о деятельности ИКП (подлинники, машинопись, копии). 1929 – 21 февраля 1931 г. // Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–2, 7.
- ⁴³⁰ Там же. Л. 3–6.
- ⁴³¹ *Покровский М.Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Т. 16. С. 3–4, 9–10, 13.
- ⁴³² Там же. С. 5, 7, 11, 14, 16–17.
- ⁴³³ *Покровский М.Н.* Предисловие // Книга для чтения по истории народов СССР. Т. 1. Харьков, 1930. С. V, VII.

- ⁴³⁴ *Покровский М.Н.* К истории СССР (предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке») // Историк-марксист. Т. 17. М., 1930. С. 19.
- ⁴³⁵ *Покровский М.Н.* Предисловие // Книга для чтения по истории народов СССР. Т. 1. Харьков, 1930. С. VI–VII.
- ⁴³⁶ *Покровский М.Н.* [Письмо П.О. Горину от 14/IV–30 г.] // Горин П.О. М.Н. Покровский – большевик-историк. Минск, 1933. С. 105.
- ⁴³⁷ *Покровский М.Н.* Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 19–20, 24–27.
- ⁴³⁸ *Покровский М.Н.* Речь на заседании секции народов СССР // Борьба классов. 1933. № 5. С. 74.
- ⁴³⁹ *Покровский М.Н.* К истории СССР (предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке») // Историк-марксист. Т. 17. М., 1930. С. 17, 19.
- ⁴⁴⁰ *Покровский М.Н.* Замечания к программе по истории (автограф и машинописная копия). 1931 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–3.
- ⁴⁴¹ *Покровский М.Н.* Планы работы семинаров исторического отделения ИКП, выступления на семинарах по научным докладам, доклады слушателей и другие документы о деятельности ИКП (подлинники, машинопись, копии). 1929 – 21 февраля 1931 г. // Научный архив РАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 22. Л. 46, 48–49.
- ⁴⁴² Там же. Л. 50–51, 54, 56, 58.
- ⁴⁴³ *Покровский М.Н.* Пушкин – историк // Пушкин А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.; Л., 1931. С. 9–10, 14.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 13, 15.
- ⁴⁴⁵ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 613.
- ⁴⁴⁶ *Pokrovsky N.M.* History of Russia from the earliest times to the rise of commercial capitalism. N. Y., 1931. P. 257–258, 263–264, 273.
- ⁴⁴⁷ *Покровский М.Н.* Кларксону [профессору истории Бруклинского колледжа]. 17 писем (черновики, оттиски). С 21.03.27 г. до 20.12.31 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 44. Л. 8, 19, 34.
- ⁴⁴⁸ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 613.
- ⁴⁴⁹ *Покровский М.Н.* Кларксону [профессору истории Бруклинского колледжа]. 17 писем (черновики, оттиски). С 21.03.27 г. до 20.12.31 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 44. Л. 24.
- ⁴⁵⁰ *Кларксон /Clarkson/* [профессор истории Нью-Йоркского, Бруклинского (с 1931 г.) колледжей]. 10 писем из [Бруклина и] Нью-Йорка Покровскому М.Н. На англ. и рус. языках. 20.04.27 г. – 28.11.31 г. // Там же. Д. 235. Л. 15.
- ⁴⁵¹ *Покровский М.Н.* Кларксону [профессору истории Бруклинского колледжа]. 17 писем (черновики, оттиски). С 21.03.27 г. до 20.12.31 г. // Там же. Д. 44. Л. 27.

⁴⁵² *Покровский М.Н.* Предисловие к американскому изданию «Русской истории с древнейших времён». 1931 г. (автограф и машинописная копия) // АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 330. Л. 5–8.

⁴⁵³ Там же. Л. 11.

⁴⁵⁴ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 613, 615.

⁴⁵⁵ *Покровский М.Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России (автограф). 1931 г. // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 20. Л. 5–9.

⁴⁵⁶ *Покровский М.Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. III. М., 1967. С. 561–563.

⁴⁵⁷ Там же. С. 562–563, 565.

⁴⁵⁸ Там же. С. 567–570.

⁴⁵⁹ Там же. С. 571–573.

⁴⁶⁰ Там же. С. 573–577.

⁴⁶¹ *Ленин В.И.* Самодержавие и пролетариат // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 130; *Его же.* Политические партии в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 280–281; *Его же.* Письмо А.М. Горькому от 3 января 1911 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 12–13.

⁴⁶² *Покровский М.Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. III. М., 1967. С. 578–579.

⁴⁶³ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времён // Там же. Кн. 1. М., 1966. С. 568, 576, 586–587, 614.

⁴⁶⁴ *Покровский М.Н.* Ленин и история // Там же. Кн. IV. М., 1967. С. 47, 50, 53–55.

⁴⁶⁵ *Покровский М.Н.* К вопросу о пугачёвщине (письмо семинару 1-го курса ИКП, 1931) // Историк-марксист. 1932. № 1–2. С. 75–77.

⁴⁶⁶ Там же. С. 76–78.

⁴⁶⁷ *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 3.

⁴⁶⁸ *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середине 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 38–47.

⁴⁶⁹ *Покровский М.Н.* О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 3–6.

⁴⁷⁰ Там же. С. 5, 7.

⁴⁷¹ *Покровский М.Н.* Докладная записка в ЦК ВКП(б). Проект. [Декабрь 1930] // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 42. Л. 6–9; «Я считаю себя лично уже ушедшим»: письма М.Н. Покровского. 1929–1931 гг. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 199–200.

⁴⁷² *Покровский М.Н.* Докладная записка в ЦК ВКП(б). Проект. [Декабрь 1930] // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 42. Л. 6–9; «Я считаю себя лично уже ушедшим»: письма М.Н. Покровского. 1929–1931 гг. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 202.

⁴⁷³ *Покровский М.Н.* Записка в Секретариат ЦК ВКП(б). 5 февр. 1931 г. // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1 Д. 42. Л. 31–38; «Я считаю себя лично уже ушедшим»: письма М.Н. Покровского. 1929–1931 гг. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 206–207.

⁴⁷⁴ *Покровский М.Н.* Очерк истории революционного движения (автограф) (неполный текст). Б/д // РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 5, 7.

⁴⁷⁵ *Соколов О.Д., Савич Н.Г.* Примечания // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 616–617.

⁴⁷⁶ Там же. С. 617.

⁴⁷⁷ *Покровский М.Н.* Неопубликованные заключительные слова на семинарах в ИКП истории // Историк-марксист. 1933. № 3. С. 76–77.

⁴⁷⁸ Там же. С. 73–75.

Глава III

⁴⁷⁹ *Нечкина М.В.* К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2. С. 68.

⁴⁸⁰ Обсуждение доклада Нечкиной М.В. на тему «Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского». 29/XI–1937 // Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–14, 23.

⁴⁸¹ *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 201.

⁴⁸² Там же. С. 96–97.

⁴⁸³ Там же. С. 106, 204.

⁴⁸⁴ Там же. С. 201.

⁴⁸⁵ Там же. С. 131, 134–141.

⁴⁸⁶ Там же. С. 98, 100, 102, 110.

⁴⁸⁷ Там же. С. 100–103.

⁴⁸⁸ *Володьков О.П.* М.Н. Покровский о торговом капитализме в своих работах конца 1920-х – начала 1930-х гг. // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999. С. 112–116.

⁴⁸⁹ *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 113–115.

⁴⁹⁰ Там же. С. 183.

⁴⁹¹ Там же. С. 110, 113, 115–116, 118.

⁴⁹² Там же. С. 21.

⁴⁹³ Там же. С. 104–105, 202–203.

⁴⁹⁴ Там же. С. 110–116.

⁴⁹⁵ *Володьков О.П.* Проблемы торгового капитализма в работах М.Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С. 186–191.

⁴⁹⁶ *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 117.

⁴⁹⁷ *Володьков О.П.* Проблемы торгового капитализма в работах М.Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С. 249–257.

- ⁴⁹⁸ *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 113, 121–123.
- ⁴⁹⁹ *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг.; М., 1919. Т. 1. С. 80; Пг.; М., 1923. Т. 4. С. 51; Т. 5. С. 48.
- ⁵⁰⁰ *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922. С. 121–123, 135–136.
- ⁵⁰¹ Там же. С. 201.
- ⁵⁰² Там же. С. 104–105.
- ⁵⁰³ *Рубинштейн Н. М.Н.* Покровский – историк России // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 96, 122.
- ⁵⁰⁴ *Рубинштейн Н. М.Н.* Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 59–64, 66–67, 74.
- ⁵⁰⁵ *Соколов О.Д.* Оценка М.Н. Покровского как историка в советской историографии // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 421.
- ⁵⁰⁶ *Соколов О.Д.* М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 10–11.
- ⁵⁰⁷ *Шестаков А.В.* М.Н. Покровский – историк-марксист // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 4–6, 9, 11–14.
- ⁵⁰⁸ *Луцкий Е.А.* Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. М., 1965. С. 335.
- ⁵⁰⁹ *Краус Т.* Своеобразие российского исторического процесса: о дискуссии Троцкого и Покровского // Россия XXI. 1997. № 9–10. С. 168.
- ⁵¹⁰ *Соколов В.Ю.* История и политика (к вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск, 1990. С. 35–36, 43–44.
- ⁵¹¹ *Артизов А.Н.* Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 103.
- ⁵¹² *Нардин В.В.* Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Т. 2. С. 8–9.
- ⁵¹³ *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука. 1917–1923. М., 1968. С. 147.
- ⁵¹⁴ *Слепков А.Н.* «Не согласен!» (Ответ т. Покровскому) // Большевик. 1925. № 5–6. С. 65–67, 71.
- ⁵¹⁵ Там же. С. 65–66.
- ⁵¹⁶ Там же. С. 67–68, 71.
- ⁵¹⁷ Там же. С. 70.
- ⁵¹⁸ *Слепков А.* Аграрный вопрос перед революцией 1905–1907 г. Харьков, 1925. С. 23–24, 36, 68, 93.
- ⁵¹⁹ Там же. С. 17–18, 35, 79.
- ⁵²⁰ Там же. С. 22, 60, 85, 95.
- ⁵²¹ *Володьков О.П.* Н.А. Рожков и Г.В. Плеханов о торговом капитализме в исторической концепции М.Н. Покровского // Современное обще-

ство: матер. науч. конф., посвящ. 25-летию Ом. гос. ун-та (Омск, 29–30 октября 1999 года). Омск: ОмГУ, 1999. Вып. 1.

⁵²² *Томсинский С.Г.* К вопросу о социальной природе русского самодержавия // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XV. С. 255, 265–267.

⁵²³ Там же. С. 256, 258, 263.

⁵²⁴ Там же. С. 256–257, 263–264, 283.

⁵²⁵ *Соколов В.Ю.* История в отсутствие человека. Томск, 1994. С. 125–126.

⁵²⁶ *Пичета В.И.* Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XIX века // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1940. С. 99.

⁵²⁷ *Соколов В.Ю.* История в отсутствие человека. Томск, 1994. С. 125–126.

⁵²⁸ *Луцкий Е.А.* Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. М., 1965. С. 362–364.

⁵²⁹ На боевом посту марксизма: стенограмма торжественного заседания, посвящённого 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М.Н. Покровского. М., 1929.

⁵³⁰ *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 2. С. 131.

⁵³¹ Цит. по: *Шрамко С.* Красный Торквемада: набросок на фоне времени // Сибирские огни. 2010. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/7/sh13.html>.

⁵³² *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 2. С. 129.

⁵³³ *Сталин И.В.* Письмо т. Ме-рту // Сталин И.В. Сочинения: в 16 т. Т. 7. М., 1952. С. 43.

⁵³⁴ *Соколов О.Д.* В.И. Ленин и формирование большевистских взглядов М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 40.

⁵³⁵ *Сталин И.В.* Письмо тт. Цветкову и Алыпову // Сталин И.В. Сочинения: в 16 т. Т. 9. М., 1948. С. 176–177.

⁵³⁶ Цит. по: *Соколов О.Д.* В.И. Ленин и формирование большевистских взглядов М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 40.

⁵³⁷ Там же. С. 40.

⁵³⁸ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII-1928–4/I-1929. Т. 1. М., 1930. С. V.

⁵³⁹ *Нечкина М.В.* Критика зарубежной буржуазной литературы по истории советской исторической науки // Против буржуазной фальсификации истории советского общества. М., 1960. С. 36.

⁵⁴⁰ *Пихоя Р.Г.* Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 37.

⁵⁴¹ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII-1928–4/I-1929. Т. 1. М., 1930. С. V.

- ⁵⁴² Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII-1928–4/I-1929. Т. 1. М., 1930. С. 19–22.
- ⁵⁴³ Там же. С. 368.
- ⁵⁴⁴ Там же. С. 415.
- ⁵⁴⁵ Там же. С. 544–545.
- ⁵⁴⁶ Там же. С. 390, 396.
- ⁵⁴⁷ Там же. Т. 2. М., 1930. С. 68–69.
- ⁵⁴⁸ Там же. Т. 1. М., 1930. С. 348–349.
- ⁵⁴⁹ Там же. С. 355–357.
- ⁵⁵⁰ Там же. С. 365–366.
- ⁵⁵¹ Там же. С. 380–383.
- ⁵⁵² Там же. Т. 1. М., 1930. С. 89, 97.
- ⁵⁵³ Там же. С. 114, 166, 248, 318.
- ⁵⁵⁴ Там же. С. 374–377.
- ⁵⁵⁵ Там же. С. 484–554.
- ⁵⁵⁶ Там же. С. 533–534.
- ⁵⁵⁷ Там же. С. 553–554.
- ⁵⁵⁸ Там же. С. 551.
- ⁵⁵⁹ Там же. Т. 2. М., 1930. С. 7, 53, 83.
- ⁵⁶⁰ Там же. С. 113.
- ⁵⁶¹ Там же. С. 453–511.
- ⁵⁶² Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Институте красной профессуры. М.; Л., 1930. С. 90, 104.
- ⁵⁶³ *Якунин В.К.* Борьба М.Н. Покровского против дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1971. С. 3–7.
- ⁵⁶⁴ *Луцкий Е.А.* Советская историография в борьбе за утверждение марксистско-ленинской методологии // Историография истории СССР: эпоха социализма. М., 1982. С. 85.
- ⁵⁶⁵ *Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л.* Некоторые вопросы истории советской исторической науки // Коммунист. 1961. № 9. С. 63.
- ⁵⁶⁶ *Энтин Дж.* Спор о М.Н. Покровском продолжается. С. 154–159 // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 158.
- ⁵⁶⁷ *Городецкий Е.Н.* М.Н. Покровский и проблемы истории Октября // История и историки. 1976. М., 1979. С. 274–275.
- ⁵⁶⁸ *Соколов О.Д.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1962. № 4. С. 74.
- ⁵⁶⁹ Обсуждение доклада П.Н. Федосеева, Ю.П. Францева «О разработке методологических вопросов истории» // История и социология. М., 1964. С. 228–229.
- ⁵⁷⁰ *Алексеева Г.Д.* Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке (20-е – начало 30-х годов XX века) // История и историки. 1971. М., 1973. С. 9.
- ⁵⁷¹ *Щелов А.* Методологические истоки ошибок М.Н. Покровского // Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 64–65.

- ⁵⁷² Обсуждение статьи С.М. Дубровского «Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки» // Вопросы истории. 1962. № 3. С. 33.
- ⁵⁷³ Обсуждение доклада П.Н. Федосеева, Ю.П. Францева «О разработке методологических вопросов истории» // История и социология. М., 1964. С. 228.
- ⁵⁷⁴ *Алексеева Г.Д.* Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке (20-е – начало 30-х годов XX века) // История и историки. 1971. М., 1973. С. 17.
- ⁵⁷⁵ *Соколов В.Ю.* История в отсутствие человека. Томск, 1994. С. 71–72.
- ⁵⁷⁶ Советская историография. М., 1996. С. 130, 145.
- ⁵⁷⁷ *Пихоя Р.Г.* Востребованная временем история: отечественная историческая наука в 20–30-е годы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 37, 45.
- ⁵⁷⁸ *Милюков П.Н.* Величие и падение Покровского // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 120.
- ⁵⁷⁹ *Соколов В.Ю.* История и политика (к вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск, 1990. С. 5–9, 13–17.
- ⁵⁸⁰ *Соколов О.Д.* М.Н. Покровский – выдающийся организатор научно-исследовательской работы в СССР // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 41.
- ⁵⁸¹ *Артизов А.Н.* Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х – 1930-е годы): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 86–92.
- ⁵⁸² *Шапиро А.Л.* Несколько замечаний о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. № 3. С. 85.
- ⁵⁸³ Советская историография. М., 1996. С. 169.
- ⁵⁸⁴ *Городецкий Е.Н.* М.Н. Покровский и проблемы истории Октября // История и историки. 1976. М., 1979. С. 269.
- ⁵⁸⁵ *Луцкий Е.А.* Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. М., 1965. С. 362.
- ⁵⁸⁶ *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. С. 17–19.
- ⁵⁸⁷ Там же. С. 47, 94.
- ⁵⁸⁸ Там же. С. 19, 95.
- ⁵⁸⁹ Там же. С. 6, 11, 123–124.
- ⁵⁹⁰ Там же. С. 5–6, 86–87, 97.
- ⁵⁹¹ Там же. С. 44.
- ⁵⁹² Там же. С. 113–117, 153.
- ⁵⁹³ Там же. С. 86, 94.
- ⁵⁹⁴ Там же. С. 163–164.
- ⁵⁹⁵ Там же. С. 109–110, 150.
- ⁵⁹⁶ Там же. С. 110, 113–114, 116, 118–119, 124.

⁵⁹⁷ *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. С. 159–160.

⁵⁹⁸ Там же. С. 108–109, 113, 123.

⁵⁹⁹ Там же. С. 68.

⁶⁰⁰ Там же. С. 131–132.

⁶⁰¹ Там же. С. 6, 70, 75, 114.

⁶⁰² Там же. С. 120–121.

⁶⁰³ Там же. С. 114.

⁶⁰⁴ Там же. С. 105.

⁶⁰⁵ Там же. С. 58, 92.

⁶⁰⁶ Там же. С. 114.

⁶⁰⁷ Там же. С. 67, 94.

⁶⁰⁸ Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Институте красной профессуры. М.; Л., 1930. С. 129.

⁶⁰⁹ Там же. С. 111.

⁶¹⁰ Там же. С. 90, 147, 181.

⁶¹¹ Там же. С. 84, 167.

⁶¹² Там же. С. 208.

⁶¹³ Там же. С. 157, 193.

⁶¹⁴ Там же. С. 89–90, 191–193.

⁶¹⁵ Там же. С. 158, 166, 199, 237.

⁶¹⁶ Там же. С. 78–79, 164, 167.

⁶¹⁷ Там же. С. 157, 191.

⁶¹⁸ Там же. С. 201, 236–238.

⁶¹⁹ Там же. С. 16–17.

⁶²⁰ Там же. С. 39, 55, 57–58, 64.

⁶²¹ Там же. С. 57, 80, 83, 90, 112, 119.

⁶²² Там же. С. 30–31.

⁶²³ Там же. С. 60–63, 128, 210, 239.

⁶²⁴ Там же. С. 54, 62, 128.

⁶²⁵ Там же. С. 181.

⁶²⁶ Там же. С. 194–195.

⁶²⁷ Там же. С. 70.

⁶²⁸ Там же. С. 8, 80, 159, 220.

⁶²⁹ Там же. С. 16–17.

⁶³⁰ Там же. С. 39, 121, 126, 234.

⁶³¹ Там же. С. 7–8, 39, 53–54, 59, 72, 83, 186.

⁶³² Там же. С. 53–54, 71, 181.

⁶³³ Там же. С. 32, 83, 156, 189, 223.

⁶³⁴ Там же. С. 180–181.

⁶³⁵ Там же. С. 210–211.

⁶³⁶ Там же. С. 196–197.

⁶³⁷ Там же. С. 165, 199–200.

- ⁶³⁸ Дроздов П. Очерки по истории классовой борьбы в Западной Европе и в России в XVIII–XX веках. М., 1928. С. 22–23, 43, 82.
- ⁶³⁹ Там же. С. 153, 173.
- ⁶⁴⁰ Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Институте красной профессуры. М.; Л., 1930. С. 32–33.
- ⁶⁴¹ Там же. С. 24–25, 34–36, 238–239.
- ⁶⁴² Там же. С. 58, 60–61, 67, 222–223.
- ⁶⁴³ Там же. С. 111.
- ⁶⁴⁴ Там же. С. 155–156.
- ⁶⁴⁵ Там же. С. 181.
- ⁶⁴⁶ Там же. С. 200.
- ⁶⁴⁷ Там же. С. 25, 77.
- ⁶⁴⁸ Там же. С. 131, 136–137.
- ⁶⁴⁹ Там же. С. 24, 238.
- ⁶⁵⁰ Там же. С. 111.
- ⁶⁵¹ Там же. С. 24, 156.
- ⁶⁵² Там же. С. 61.
- ⁶⁵³ Там же. С. 89–90, 119.
- ⁶⁵⁴ Там же. С. 185.
- ⁶⁵⁵ Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях) / под ред. Г. Зайделя, А. Лозинского, А. Пригожина и С. Томсинского. Харьков, 1930. С. 7, 13–14, 16–18, 20, 23, 25–28, 233, 235.
- ⁶⁵⁶ Там же. С. 75, 89–92.
- ⁶⁵⁷ Там же. С. 84–85, 88.
- ⁶⁵⁸ Там же. С. 105, 112, 114–117.
- ⁶⁵⁹ Там же. С. 142, 170, 179, 181.
- ⁶⁶⁰ Там же. С. 203–204, 207.
- ⁶⁶¹ Там же. С. 158, 160, 162, 164.
- ⁶⁶² Там же. С. 75, 117, 139, 142, 207, 216, 235.
- ⁶⁶³ Там же. С. 77, 80, 84, 91–94, 96, 105.
- ⁶⁶⁴ Там же. С. 25, 45, 128, 151, 170, 216, 236.
- ⁶⁶⁵ Там же. С. 26, 207–208, 235.
- ⁶⁶⁶ Там же. С. 45, 76–77, 79–80.
- ⁶⁶⁷ Там же. С. 32, 34–35, 37–39, 45, 47, 57, 59–60, 62–63, 65, 221–222, 224, 229.
- ⁶⁶⁸ Там же. С. 75–76, 135, 144, 159, 196–198.
- ⁶⁶⁹ Там же. С. 183, 197, 233.
- ⁶⁷⁰ Там же. С. 13, 43–44, 122, 186, 221, 233.
- ⁶⁷¹ Там же. С. 135, 155–157, 161, 197.
- ⁶⁷² Там же. С. 171.
- ⁶⁷³ Там же. С. 60, 69–71, 73, 186.
- ⁶⁷⁴ Там же. С. 122–123.
- ⁶⁷⁵ Там же. С. 124, 138–139, 143, 171, 184, 203, 205–206.
- ⁶⁷⁶ Там же. С. 69, 96, 216.

⁶⁷⁷ Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях) / под ред. Г. Зайделя, А. Лозинского, А. Пригожина и С. Томсинского. Харьков, 1930. С. 132, 143, 153, 155, 167, 198.

⁶⁷⁸ Там же. С. 124, 152, 157, 160, 186.

⁶⁷⁹ Там же. С. 90, 100, 133.

⁶⁸⁰ Там же. С. 85, 96–98, 235.

⁶⁸¹ Там же. С. 133–134, 142, 207, 235.

⁶⁸² Там же. С. 12, 28.

⁶⁸³ Там же. С. 34–35, 39, 65, 225–227, 229.

⁶⁸⁴ Там же. С. 72, 169, 180, 186–187,

⁶⁸⁵ Там же. С. 129, 134, 154, 170.

⁶⁸⁶ Там же. С. 144, 153, 155, 196, 198–199.

⁶⁸⁷ Там же. С. 146, 153, 157, 159, 163–164, 184.

⁶⁸⁸ Там же. С. 67, 176.

⁶⁸⁹ Там же. С. 129, 131–133, 157.

⁶⁹⁰ Там же. С. 144, 154–155, 171.

⁶⁹¹ Дискуссия о социально-экономических формациях // Историк-марксист. № 16. 1930. С. 104.

⁶⁹² Там же. С. 104, 106–107.

⁶⁹³ Там же. С. 111, 113.

⁶⁹⁴ Там же. С. 115–117.

⁶⁹⁵ Там же. С. 130, 158.

⁶⁹⁶ Там же. С. 125–126.

⁶⁹⁷ Там же. С. 139.

⁶⁹⁸ Там же. С. 112.

⁶⁹⁹ Там же. С. 118, 120, 142.

⁷⁰⁰ Там же. С. 141–142, 149, 151.

⁷⁰¹ Там же. С. 131.

⁷⁰² Там же. С. 161.

⁷⁰³ Там же. С. 113, 136, 155, 158.

⁷⁰⁴ Там же. С. 116, 136.

⁷⁰⁵ Там же. С. 126, 158.

⁷⁰⁶ Там же. С. 114–115, 124, 130.

⁷⁰⁷ Там же. С. 116, 119, 161.

⁷⁰⁸ Там же. С. 154–155.

⁷⁰⁹ Там же. С. 115, 119, 124, 139.

⁷¹⁰ Там же. С. 130, 137, 142.

⁷¹¹ Там же. С. 160–161.

⁷¹² Там же. С. 106–107.

⁷¹³ Там же. С. 113, 125.

⁷¹⁴ Там же. С. 127.

⁷¹⁵ Доклад С.М. Дубровского «"Азиатский", феодальный и крепостнический способ производства»: прения. ОИМ при КА. 10, 17, 24 мая 1929 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 121. Л. 57.

- ⁷¹⁶ Дискуссия о социально-экономических формациях // Историк-марксист. № 16. 1930. С. 138–139, 155.
- ⁷¹⁷ Там же. С. 145–146, 159.
- ⁷¹⁸ Там же. С. 144–145, 149.
- ⁷¹⁹ Там же. С. 155–156.
- ⁷²⁰ Там же. С. 157–158.
- ⁷²¹ Там же. С. 123, 125–126, 155.
- ⁷²² Там же. С. 124, 126, 156, 158.
- ⁷²³ Там же. С. 128–129, 147–149.
- ⁷²⁴ *Нардин В.В.* Историческая концепция М.Н. Покровского: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Т. 2. С. 57, 61, 66, 71.
- ⁷²⁵ *Пихоя Р.Г.* Востребованная временем история: отечественная историческая наука в 20–30-е годы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 141–143.
- ⁷²⁶ *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 94.
- ⁷²⁷ Там же. № 2. С. 133.
- ⁷²⁸ Цит. по: *Артизов А.Н.* Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 104–105.
- ⁷²⁹ Там же. С. 105.
- ⁷³⁰ М.Н. Покровский – историк России (научная биография неизвестного автора). Общество историков-марксистов при Комакадемии. 1930 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 50. Л. 2–4.
- ⁷³¹ Там же. Л. 7.
- ⁷³² Там же. Л. 4–6.
- ⁷³³ Там же. Л. 4–5, 7.
- ⁷³⁴ ОИМ при КА. Прения по докладом т.т. Мишулина и Бажанова «Проблема античной общественной формации у Маркса и Энгельса». 2 июня 1931 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 138. Л. 62, 66, 77.
- ⁷³⁵ Там же. С. 1, 4, 34, 57.
- ⁷³⁶ Прения по докладу Мишулина от 29 мая 31 г. ОИМ при КА // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 137. Л. 3.
- ⁷³⁷ Там же. Л. 15.
- ⁷³⁸ ОИМ при КА. Доклад Бажанова «Торговый капитал в докапиталистических формациях». 24 мая 1931 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 136. Л. 2, 4.
- ⁷³⁹ Там же. Л. 11, 14–16, 21–22, 26.
- ⁷⁴⁰ Там же. Л. 31–32.
- ⁷⁴¹ Прения по докладу Мишулина от 29 мая 31 г. ОИМ при КА // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 137. Л. 8.
- ⁷⁴² ОИМ при КА. Прения по докладом т.т. Мишулина и Бажанова «Проблема античной общественной формации у Маркса и Энгельса». 2 июня 1931 г. // Там же. Д. 138. Л. 73.
- ⁷⁴³ Прения по докладу Мишулина от 29 мая 31 г. ОИМ при КА // Там же. Д. 137. Л. 12.

- ⁷⁴⁴ *Покровский М.Н.* Планы работы семинаров исторического отделения ИКП, выступления на семинарах по научным докладам, доклады слушателей и другие документы о деятельности ИКП (подлинники, машинопись, копии). 1929 – 21 февр. 1931 г. // АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 22. Л. 74–76, 78, 87, 94.
- ⁷⁴⁵ Прения по докладу Мишулина от 29 мая 31 г. ОИМ при КА // Там же. Ф. 377. Оп. 2. Д. 137. Л. 17–18.
- ⁷⁴⁶ *Покровский М.Н.* Планы работы семинаров исторического отделения ИКП, выступления на семинарах по научным докладам, доклады слушателей и другие документы о деятельности ИКП (подлинники, машинопись, копии). 1929 – 21 февр. 1931 г. // Там же. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 22. Л. 74–75, 78, 91–92, 103, 109.
- ⁷⁴⁷ Там же. Л. 74.
- ⁷⁴⁸ *Гуковский А.И.* Феодализм в Западной Европе. Ч. 2. Б. м., 1932. С. 6.
- ⁷⁴⁹ ОИМ при КА. Прения по докладом т.т. Мишулина и Бажанова «Проблема античной общественной формации у Маркса и Энгельса». 2 июня 1931 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 138. Л. 1.
- ⁷⁵⁰ Книга для чтения по истории народов СССР. Т. 1. Харьков, 1930. С. 24–25.
- ⁷⁵¹ Там же. С. 138.
- ⁷⁵² Там же. С. 50–51.
- ⁷⁵³ Там же. С. 104–105, 110, 114.
- ⁷⁵⁴ Там же. С. 172.
- ⁷⁵⁵ Там же. С. 221, 225.
- ⁷⁵⁶ *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930. С. 27–28, 31–35.
- ⁷⁵⁷ Там же. С. 4, 6–8, 22, 29–30, 36, 48, 82.
- ⁷⁵⁸ Крепостная Россия: сб. ст. Л., 1930. С. 3.
- ⁷⁵⁹ Там же. С. 8, 11, 13–14, 30–31, 33, 42.
- ⁷⁶⁰ Там же. С. 47–49, 59–60.
- ⁷⁶¹ Там же. С. 99–101, 107–109, 111, 113 и мн. др.
- ⁷⁶² Там же. С. 97–99.
- ⁷⁶³ Там же. С. 134–136, 178.
- ⁷⁶⁴ Там же. С. 240.
- ⁷⁶⁵ *Кашин В.Н.* Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1925. С. 7.
- ⁷⁶⁶ *Штраух А.Н.* Торговый капитал в Московском государстве. М.: Л., 1931. С. 6–9, 12.
- ⁷⁶⁷ Там же. С. 18, 32, 38.
- ⁷⁶⁸ Там же. С. 22, 30, 79, 82–83.
- ⁷⁶⁹ Там же. С. 24, 41, 44–46.
- ⁷⁷⁰ *Ульянов Н.И.* Разинщина. Харьков, 1931. С. 3, 7, 67.
- ⁷⁷¹ *Пригожин А. К.* Маркс и Ф. Энгельс о феодализме как общественной формации // Проблемы марксизма. 1931. № 2. С. 122, 126–127, 130–134.

- ⁷⁷² *Пригожин А. К.* Маркс и Ф. Энгельс о феодализме как общественной формации // Проблемы марксизма. 1931. № 2. С. 130–131, 136, 138.
- ⁷⁷³ Там же. С. 126, 131–132.
- ⁷⁷⁴ Там же. С. 136–138.
- ⁷⁷⁵ *Гуковский А.И.* Феодализм в Западной Европе. Ч. 2. Б. м., 1932. С. 17.
- ⁷⁷⁶ Там же. С. 8–10, 28.
- ⁷⁷⁷ Там же. С. 10–12.
- ⁷⁷⁸ Там же. С. 13–14, 17, 28.
- ⁷⁷⁹ Там же. С. 29, 37–40.
- ⁷⁸⁰ Там же. С. 50–51, 53, 58–59, 61.
- ⁷⁸¹ Там же. С. 60, 63, 65–68, 70–73, 85.
- ⁷⁸² *Вознесенский С.В.* Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800–1860 гг. М., 1932. С. 77, 255–256.
- ⁷⁸³ Там же. С. 5–7, 17, 21, 27, 34, 44–45, 256–260.
- ⁷⁸⁴ Там же. С. 78, 81, 89, 97, 164, 195.
- ⁷⁸⁵ Там же. С. 125, 264, 266.
- ⁷⁸⁶ Там же. С. 37, 76, 101, 150, 198, 222, 255.
- ⁷⁸⁷ Там же. С. 55–56.
- ⁷⁸⁸ *Ванаг Н.Н.* Краткий очерк истории народов СССР. Ч. 1. (при участии Е. Драпкиной, А. Королёва, Ив. Кузнецова, и С. Мильмана). Л., 1932. С. 3, 6–10.
- ⁷⁸⁹ Там же. С. 83, 98, 128, 139.
- ⁷⁹⁰ Там же. С. 10, 12.
- ⁷⁹¹ Там же. С. 20, 23, 66, 102.
- ⁷⁹² Там же. С. 23–25, 29–30, 73.
- ⁷⁹³ Там же. С. 74, 82, 110.
- ⁷⁹⁴ Теоретические и историографические предпосылки генезиса капитализма: материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11–13 мая 1966 г. М., 1969. С. 236–237.
- ⁷⁹⁵ Там же. С. 187.

Научное издание

Володьков Олег Павлович

**КОНЦЕПЦИЯ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА
М.Н. ПОКРОВСКОГО
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(1918–1932 гг.)**

Монография

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*

Редактор *О.А. Сафонова*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 01.12.2011. Формат бумаги 60х84 1/16.

Печ. л. 35,5. Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 32,5.

Тираж 500 экз. (1-й завод – 200 экз.). Заказ 31.

Издательство Омского государственного университета

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а